IPAK YO'LI MADANIY MEROS OBYEKTLARI: TADQIQ ETISH, SAQLASH, OMMALASHTIRISH

OBJECTS OF TANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF THE SILK ROAD: RESEARCH, PRESERVATION, POPULARIZATION

ОБЪЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI EKOLOGIYA, ATROF-MUHITNI
MUHOFAZA QILISH VA IQLIM O‘ZGARISHI VAZIRLIGI

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI TURIZM QO‘MITASI

“IPAK YO‘LI” TURIZM VA MADANIY MEROS
XALQARO UNIVERSITETI HUZURIDAGI

“IPAK YO‘LI” XALQARO TADQIQOT INSTITUTI

“IPAK YO‘LINING MODDIY MADANIY MEROSINI O‘RGANISH VA SAQLASHNING DOLZARB MASALALARI” I XALQARO ILMIY-AMALIY SIMPOZIUM MATERIALLARI

SAMARQAND – 2025

UDK: 930.85(4/5)(082)
BBK: 63.3я43

"Ipak yo'lining moddiy madaniy merosini o'rganish va saqlashning dolzarb masalalari" I Xalqaro ilmiy-amaliy simpozium materiallari. Samarqand, 2025. – 432 b.

Bosh muharrir: arxitektura fanlari doktori, prof. M.A.Yusupova
Mas'ul kotib: tarix fanlari nomzodi A.D.Iskanderova
Taqrizchilar: akademik, prof. N.Ahmedova, prof. G.Stein, prof. E.Paskaleva

I Xalqaro ilmiy-amaliy simpozium materiallari to'plami Ipak yo'li mamlakatlarining moddiy madaniy merosini o'rganish, saqlash va ommalashtirishga bag'ishlangan.

Simpoziumning asosiy yo'nalishlari Ipak yo'li moddiy madaniy merosi obyektlarini tadqiq etish, saqlash va ommalashtirish hamda arxeologik va me'moriy obyektlarni restavratsiya qilish, muzeylashtirishning dolzarb masalalari, amaliy-bezak san'ati va tasviriy san'at, Ipak yo'li mamlakatlarining turizm industriyasida innovatsion texnologiyalarni rivojlantirish kabi masalalarni qamrab oladi. To'plamdan simpozium maqsad va vazifalariga mos keluvchi, dolzarb ilmiy-tadqiqotlar sifatida tan olingan O'zbekiston va 18 ta xorijiy davlat mualliflarining 63 ta maqolasi joy olgan.

SILK ROAD International Research Institute

SILK ROAD International University of Tourism and Cultural Heritage

ISBN 978-9910-8855-9-4

© "Ipak yo'li" turizm va madaniy meros xalqaro universiteti

© "Ipak yo'li" xalqaro tadqiqot instituti

Proceedings of the I International Scientific and Practical Symposium "Current Issues of Study and Preservation of the Tangible Cultural Heritage of the Silk Road". Samarkand, 2025. – 432 p.

Chief Editor: Doctor of Architecture, Prof. Mavlyuda Yusupova
Executive Secretary: Cand. Sci. (Hist.) Aysulu Iskanderova
Reviewers: Academician, Prof. Nigora Akhmedova, Prof. Gil Stein, Prof. Elena Paskaleva

The collection of materials from the I International Scientific and Practical Symposium is dedicated to the study, preservation, and popularization of the material cultural heritage of the Silk Road countries. The main directions of the symposium cover the research, preservation, and popularization of material cultural heritage objects of the Silk Road, current issues of restoration and museumification of archaeological and architectural objects, decorative and applied arts, as well as the development of innovative technologies in the tourism industry of the Silk Road countries.

The collection includes 63 articles by authors from Uzbekistan and 18 foreign countries, corresponding to the goals and objectives of the symposium and possessing relevance and depth of scientific research.

Материалы I Международного научно-практического симпозиума "Актуальные вопросы изучения и сохранения материального культурного наследия Шелкового пути". Самарканд, 2025.– 432 с.

Главный редактор: доктор архитектуры, проф. М. А. Юсупова
Ответственный секретарь: канд. ист. наук. А. Д. Искандерова
Рецензенты: академик, проф. Н. Ахмедова, проф. Г. Штейн, проф. Е. Паскалева

Сборник материалов I Международного научно-практического симпозиума посвящен изучению, сохранению и популяризации материального культурного наследия стран Шелкового пути. Основные направления симпозиума охватывают исследование, сохранение и популяризацию объектов материального культурного наследия Шелкового пути, актуальные вопросы реставрации и музеефикации археологических и архитектурных объектов, декоративно-прикладное и изобразительное искусство, а также развитие инновационных технологий в туристической индустрии стран Шелкового пути.

В сборнике представлены 63 статьи авторов из Узбекистана и 18 зарубежных стран, соответствующие целям и задачам симпозиума и имеющие актуальность и глубину научных исследований.

UNIVERSITET REKTORINING SO‘ZI

“Ipak yo‘li” turizm va madaniy meros xalqaro tadqiqot universiteti qoshidagi “Ipak yo‘li” xalqaro tadqiqot instituti O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2021-yil 30-oktabrdagi PQ-5270-sonli “Turizm, madaniy meros va muzeyshunoslik sohasida malakali kadrlar tayyorlash tizimini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Qaroriga muvofiq tashkil etilgan.

Institut 2024-yil mart oyida Buyuk Ipak yo‘li mamlakatlarining sivilizatsiyalar tarixi va moddiy madaniy merosini o‘rganish, saqlash hamda targ‘ib qilish bo‘yicha O‘zbekistonning yetakchi ilmiy-tadqiqot markazlaridan biri sifatida o‘z faoliyatini boshladi.

Tarixiy shaharlar arxitekturasi sohasidagi nazariy va amaliy ishlanmalar, me’moriy yodgorliklarni tiklash, ularni konservatsiya qilish va muzeylashtirish, an’anaviy tajribalarni o‘rganish hamda dolzarb muammolarni tadqiq etish institutning asosiy ilmiy yo‘nalishlari hisoblanadi. Bu yerda tarixiy yodgorliklarni o‘rganish, grafik rekonstruksiya qilish va madaniy meros obyektlariga oid ma’lumotlarni raqamlashtirish bo‘yicha zamonaviy innovatsion usullar qo‘llaniladi.

Institutning tajribali va yosh olimlari O‘zbekiston hamda Buyuk Ipak yo‘li mamlakatlarining qadimiy va o‘rta asr sivilizatsiyalarini aks ettiruvchi tarixiy shaharlardagi an’anaviy madaniy qadriyatlarni saqlash va targ‘ib qilish bo‘yicha o‘z oldidagi vazifalarni chuqur anglaydilar.

Hurmatli “Buyuk Ipak yo‘li moddiy madaniy merosini o‘rganish va saqlashning dolzarb masalalari” mavzusidagi I Xalqaro ilmiy-amaliy simpozium ishtirokchilari, qadimiy va hamisha navqiron Samarqand shahriga xush kelibsiz! Sizning ishtirokingiz, ilmiy maqolalaringiz va ma’ruzalaringiz mamlakatlarimiz ilmiy jamiyatlari o‘rtasida do‘stona aloqalar va samarali hamkorlikni mustahkamlashda muhim o‘rin tutadi. Shubhasiz, sizning ilmiy tadqiqotlaringiz O‘zbekiston va Buyuk Ipak yo‘lining boshqa mamlakatlari madaniy merosini o‘rganish, saqlash va targ‘ib qilishga katta hissa qo‘shadi.

Aziz Abdukaxarovich Abduxakimov
“Ipak yo‘li” turizm va madaniy meros Xalqaro universiteti rektori,
O‘zbekiston Respublikasi ekologiya va ob-havo o‘zgarishi vaziri

INSTITUT DIREKTORINING SO‘ZI

“Ipak yo‘li” xalqaro tadqiqot instituti 2024-yil mart oyida o‘z faoliyatini boshladi.

Institutining asosiy maqsadlari moddiy madaniy meros sohasida fundamental va amaliy tadqiqotlar o‘tkazish, O‘zbekiston me’moriy yodgorliklarining yangilangan va to‘ldirilgan ko‘p jildlik to‘plamini tayyorlash va nashr etish, O‘zbekiston madaniy meros obyektlariga oid materiallarning elektron bazasini yaratish, unga so‘nggi ma’lumotlarni qo‘shish, shuningdek, Ipak yo‘li moddiy madaniy merosini tadqiq qilish bo‘yicha innovatsion texnologiyalardan foydalangan holda amalga oshirilayotgan va rejalashtirilgan loyihalarni bajarishdan iborat.

Birinchi keng ko‘lamli loyihamiz — YUNESKOning O‘zbekistondagi vakolatxonasi bilan hamkorlikda 2024-yilning 1—11-oktabr kunlari Samarqand shahrida o‘tkazilgan xalqaro ilmiy-amaliy tadbirlar dekadasi muvaffaqiyatli amalga oshirildi. Dekada doirasida 2—3-oktabr kunlari “Ipak yo‘li moddiy madaniy merosini o‘rganish va saqlashning dolzarb masalalari” mavzusidagi I Xalqaro ilmiy-amaliy simpoziumi tashkil etildi.

Mazkur nashr simpozium ma’ruzalari to‘plami bo‘lib, tadbir mavzusining quyidagi asosiy yo‘nalishlariga bag‘ishlangan ilmiy maqolalarni o‘z ichiga oladi: moddiy madaniy meros obyektlarini o‘rganish; arxeologik va me’moriy obyektlarni restavratsiya qilish va muzeylashtirishning dolzarb masalalari; dekorativ-amaliy va tasviriy san’atni o‘rganish hamda Ipak yo‘li mamlakatlarida turizm industriyasida innovatsion texnologiyalarni rivojlantirish.

Tahrir hay’ati to‘plamni nashrga tayyorlab, simpozium ishi boshida namunaviy nusxasini taqdim etishdi. Ushbu nashr signal nusxasining tahrirlangan va to‘ldirilgan varianti hisoblanadi. O‘z nomimdan va maqola mualliflari nomidan to‘plamning mas’ul kotibi A.D.Iskanderova va adabiy tahrirchilarga to‘plamni chop etish uchun professional darajada yondashganlari uchun minnatdorchilik bildiraman. Umid qilamanki, nashr etilgan materiallar Buyuk Ipak yo‘lining madaniy merosini o‘rganish va saqlash ishiga munosib hissa qo‘shadi.

Mavlyuda Aminjanovna Yusupova
“Ipak yo‘li” xalqaro tadqiqot instituti direktori,
professor, arxitektura fanlari doktori

RECTOR'S ADDRESS

The Silk Road International Research Institute, part of the «Silk Road» International University of Tourism and Cultural Heritage, was founded following Presidential Decree No. DP-5270 of Uzbekistan on 30 October 2021. This decree was issued to improve the system for training skilled professionals in tourism, cultural heritage, and museology.

In March 2024, the Institute officially began operations, quickly establishing itself as one of Uzbekistan's premier research centers. Its mission is to study, preserve, and promote the tangible cultural heritage of Silk Road countries, along with exploring the rich history of civilizations.

The Institute's research focuses on key areas such as the architecture of historic cities, restoration and conservation of architectural monuments, and their museification. It also addresses traditional practices and modern challenges, leveraging innovative methods such as graphical reconstructions and data digitisation to study historical monuments and cultural heritage sites.

The Institute serves as a hub for both seasoned and aspiring scholars, committed to safeguarding and showcasing the cultural values of historical cities that embody the legacy of ancient and medieval civilizations across Uzbekistan and other Silk Road countries.

Dear participants of the First International Scientific and Practical Symposium, «Current Issues of Study and Preservation of the Tangible Cultural Heritage of the Silk Road,» I warmly welcome you to Samarkand—the ancient city of eternal youth! Your contributions, research papers, and presentations are instrumental in strengthening international collaborations and fostering friendships among our academic communities.

Your work holds immense significance in advancing the study, preservation, and promotion of the cultural heritage of Uzbekistan and the Silk Road nations. Thank you for your dedication and commitment.

Aziz Abdukakharovich Abdukhakimov
Rector of the Silk Road International University of Tourism and Cultural Heritage, Minister of Ecology and Climate Change of the Republic of Uzbekistan

DIRECTOR'S ADDRESS

The Silk Road International Research Institute began its work in March 2024.

The main aims of the Institute are to carry out fundamental and applied research into tangible cultural heritage, prepare and publish an updated multi-volume *Collection of Architectural Monuments of Uzbekistan,* develop an electronic database of Uzbekistan's cultural heritage sites with the latest discoveries, and undertake various ongoing and planned projects related to the Silk Road's tangible cultural heritage, using innovative technologies.

Our first major event, the Decade of International Scientific and Practical Activities, took place successfully from 1 to 11 October 2024 in Samarkand, in collaboration with the UNESCO Office in Uzbekistan. A key highlight was the First International Scientific and Practical Symposium, titled "Current Issues of Study and Preservation of the Tangible Cultural Heritage of the Silk Road," held on 2–3 October.

This publication, the official proceedings of the symposium, includes scholarly articles on topics such as the study of tangible cultural heritage objects, modern challenges in the restoration and museification of archaeological and architectural sites, the exploration of decorative, applied, and visual arts, and the development of innovative technologies in the Silk Road's tourism sector.

A preliminary version of this collection was presented at the symposium by the editorial board. This final edition has been carefully edited and enriched. On behalf of myself and the contributing authors, I would like to extend my heartfelt thanks to the responsible secretary, A. D. Iskanderova, and the literary editors for their exceptional work in preparing this publication.

It is my hope that this collection will contribute significantly to the study and preservation of the cultural heritage of the Silk Road.

Mavlyuda Aminjanovna Yusupova
Director of the Silk Road International Research Institute, Professor, Doctor of Architecture

ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА

Международный научно-исследовательский институт "Шелковый путь" был основан при Международном университете туризма и культурного наследия "Шелковый путь" в соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 30 октября 2021 года № УП-5270 "О мерах по дальнейшему совершенствованию системы непрерывной подготовки квалифицированных кадров в сфере туризма, культурного наследия и музеологии".

Институт начал свою деятельность в марте 2024 года как один из ведущих научно-исследовательских центров Узбекистана по изучению, сохранению и популяризации истории цивилизаций и материального культурного наследия стран Шелкового пути.

Теоретические и прикладные разработки в области архитектуры исторических городов, восстановление архитектурных памятников, их консервация и музеефикация, изучение традиционного опыта и актуальных проблем являются основными направлениями исследований Института. Здесь применяются современные инновационные методы изучения исторических памятников, графической реконструкции и цифровизации данных по объектам культурного наследия.

Опытные и молодые ученые Института хорошо осознают свои задачи по сохранению и популяризации традиционных культурных ценностей исторических городов, которые представляют древние и средневековые цивилизации Узбекистана и стран Шелкового пути.

Дорогие участники I Международного научно-практического симпозиума "Актуальные вопросы изучения и сохранения материального культурного наследия Шелкового пути", добро пожаловать в древний и вечно молодой город Самарканд! Ваше участие, научные статьи и доклады играют важную роль в укреплении дружеских связей и эффективного сотрудничества между научными сообществами наших стран.

Несомненно, ваши научные исследования внесут значительный вклад в изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия Узбекистана и других стран Шелкового пути.

Азиз Абдукахарович Абдухакимов
Ректор Международного университета туризма и культурного наследия "Шелковый путь",
Министр экологии и изменения климата Республики Узбекистан

ПРИВЕТСТВИЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА

Международный исследовательский институт "Шелковый путь" начал свою деятельность в марте 2024 г.

Ключевыми целями Международного исследовательского института "Шелковый путь" являются фундаментальные и прикладные исследования в области материального культурного наследия, подготовка и издание многотомного обновленного и дополненного "Свода памятников архитектуры Узбекистана", составление электронной базы объектов культурного наследия Узбекистана, дополненной данными по малоизученным темам и новейшими сведениями, текущие и запланированные проекты по исследованию материального культурного наследия Шелкового пути, в том числе с применением инновационных технологий.

Реализован наш первый широкомасштабный проект — Декада международных научно-практических мероприятий, проведенных 1–11 октября 2024 года в городе Самарканде совместно с Представительством ЮНЕСКО в Узбекистане. В рамках Декады 2–3 октября организован I Международный научно-практический симпозиум "Актуальные вопросы изучения и сохранения материального культурного наследия Шелкового пути".

Настоящее издание представляет собой Сборник докладов симпозиума и включает научные статьи, посвященные изучению, сохранению и популяризации материального культурного наследия Шелкового пути. Основные направления работы симпозиума: исследование объектов материального культурного наследия; актуальные вопросы реставрации и музеефикации археологических и архитектурных объектов; изучение декоративно-прикладного и изобразительного искусства, а также развитие инновационных технологий в туристической индустрии стран, находящихся на Шелковом пути.

Редакционная коллегия стремилась подготовить сборник к изданию и представить сигнальный экземпляр к началу работы симпозиума. От себя лично и от имени авторов статей благодарю ответственного секретаря сборника А. Д. Искандерову, а также литературных редакторов за их профессионализм в подготовке сборника к печати. Надеюсь, изданные материалы внесут определенный вклад в дело изучения и сохранения культурного наследия Шелкового пути.

Мавлюда Аминжановна Юсупова
Директор Международного исследовательского института "Шелковый путь",
профессор, доктор архитектуры

ГУЛЬНАРА АБДРАСИЛОВА,
МЕХРИБАНУ ГЛАУДИНОВА
Казахская головная архитектурно-строительная академия
Алматы, Казахстан

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЮРКОВ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Ключевые слова: монументальная архитектура, тюркская культура, градостроительство раннего средневековья, курук, барк, Великий шелковый путь, архитектурное наследие.
Аннотация: В статье предпринимается попытка выявления особенностей архитектурно-градостроительного наследия тюркских народов периода раннего средневековья в контексте культурных взаимодействий, обусловленных функционированием Великого шелкового пути. Авторы предполагают влияние образа сакральной для тюрков локации Отюкен на формирование основных композиционно-планировочных решений монументальных объектов тюрков рассматриваемого периода.

Kalit so'zlar: monumental arxitektura, turk madaniyati, ilk o'rta asr shaharsozligi, quruq, bark, Buyuk Ipak Yo'li, arxitektura merosi.
Annotatsiya: Maqolada ilk o'rta asr davri turkiy xalqlar arxitektura va shaharsozlik merosining o'ziga xos xususiyatlarini Buyuk Ipak Yo'li faoliyati bilan bog'liq bo'lgan madaniy aloqalar doirasida aniqlashga harakat qilingan. Mualliflar turklar uchun muqaddas joy bo'lgan Otyuken obrazi ushbu davr monumental obidalari asosiy kompozitsion-rejalariga ta'sir ko'rsatganini taklif qiladilar.

Keywords: monumental architecture, Turkic culture, early medieval urban planning, quruk, bark, Great Silk Road, architectural heritage.
Abstract: The article attempts to identify the features of the architectural and urban planning heritage of Turkic peoples during the early medieval period in the context of cultural interactions driven by the functioning of the Great Silk Road. The authors suggest that the image of the sacred location of Otuken for the Turks influenced the formation of the main compositional and planning solutions for the monumental structures of the period under consideration.

Введение. Функционирование Великого шелкового пути предопределило активный культурный взаимообмен между разными странами и народами. Для территории Центральной Азии одним из важных и определяющих этапов развития был период раннего средневековья, время создания первых государственных объединений тюркоязычных народов. Древние тюрки сыграли исключительную роль в этнокультурной истории евразийских степей, поскольку им удалось объединить под своей властью практически все кочевые племена степного пояса Евразии, что повлекло за собой процесс тюркизации населения завоеванных территорий и соответственно вызвало широкое распространение тюркской культуры. В изучении культуры древних тюрков существует множество проблем, однако приоритетной задачей возрождения идеи единства является выявление содержания собственно термина «тюркская культура», что невозможно сделать без реконструкции генезиса тюркской государственности, идеологии и религии, а для решения этой задачи необходимо привлечение данных многих смежных дисциплин.

Изучение истории древнетюркских государственных объединений ведется давно и плодотворно, но несмотря на это некоторые аспекты идеологии и культуры являются неясными и спорными до сих пор. Исторические источники интерпретируются в самых разнообразных вариантах, вследствие чего выражаются полярные мнения, начиная от сомнений в существовании собственно тюркской культуры и заканчивая утверждениями ее доминирующего характера на Евразийском континенте. Мы придерживаемся точки зрения о характере тюркской культуры как целостном явлении, основными составляющими которого являются ценностные ориентиры номадической куль-

туры и достижения оседлой цивилизации в их неразрывном взаимодействии и взаимовлиянии.

Результаты данного взаимодействия нашли отражение в разнообразии композиционно-планировочного, объемно-пространственного и архитектурно-художественного решения монументальных сооружений раннесредневекового тюркского мира. Несмотря на многообразие архитектурных форм, в основе их, как нам представляется, лежит некая общая модель сакрального для тюрков пространства. Выявление особенностей воплощения данного первообраза в городах и храмах различных конфессий указывает на отражение в них модели тюркского мира и дает возможность определения специфики архитектуры тюркских народов.

Картина мира тюрков. Государственные объединения, созданные тюрками в период раннего средневековья, отличает характерная для кочевых народов военная мобильность, которая предполагает строгую общественную иерархию. Последняя была вызвана, собственно, образом жизни номадов, в которой существовала устойчивая зависимость общественного воспроизводства средств к существованию от изменчивости объективно данных результатов воспроизводства природных источников. Это требовало планомерной, целесообразной регламентации и бережного подхода в использовании пастбищных угодий, установке строго определенных маршрутов перекочевки, существовавших столетиями (Грач, 1984: 113–125).

Четкая иерархическая структурированность общества поддерживалась идеологией и религией. Таким образом, система религиозно-мифологических представлений, оформившихся в тенгрианство, была свидетельством наличия общественного строя тюркоязычных народов, основанного на иерархии племен. Наиболее характерной чертой тенгрианства (которая, в то же время, была причиной глубокого взаимовлияния с другими религиями) было преобладание концепции космического и универсального мышления, подразумевающего весь окружающий мир вместилищем храма.

В автохтонной религии тюрков находят отражение идеи, характерные как для кочевого мира, так и для оседлой цивилизации. И если тенгрианство можно охарактеризовать как религиозную систему, имеющую тенденцию к монотеизму, а, следовательно, предполагающую следствием сильную централизованную власть и отсюда создание государственности, — т. е. обладающую сильным идеологическим компонентом, то шаманизм имеет основой архаичный культ предков. Впрочем, тенгрианство органично включало в себя самые ранние формы религии. Этот так сказать переходный характер и нашел, на наш взгляд, отражение в структуре древнетюркских поминальников, в архитектуре которых сочетаются функции погребения и храма.

Основные положения тенгрианства свидетельствуют, как отмечалось выше, о наличии общественного строя тюркоязычных народов, основанного на иерархии племен. «Одно племя было старшим, и от его вождя велась наследная линия правителей всех остальных племен. Таким образом, в тюркской форме тенгрианства любой тюркский вождь, правящий территорией, на которой находится гора Отукан, почитался как верховный вождь (тюрк. qaghan, каган) всех тюркских племен и воплощение удачи сообщества. Если удача сообщества шла на убыль, каган нес за это ответственность и даже мог быть принесен в жертву. Тогда следующим каганом становился его сын» (Берзин).

Необходимо отметить, что культура древних тюрков, в том числе особенности погребальной и поминальной обрядности, и, соответственно, идеи ее объемно-пространственного решения, испытала значительное влияние культуры хунну. В период средневековья, когда, в свою очередь, древнетюркская культура становится основой культурогенеза народов пояса Великой степи, ее определяющие характеристики свидетельствуют о тесном взаимодействии с культурами ираноязычных кочевников Приалашанья, Восточного Туркестана и Горного Алтая (Худяков).

По письму Ышбара-кагана к суйскому императору реконструируются космологические представления тюрков: так, Земля представлялась почти квадратным пространством, в котором центр мироздания — это резиденция каганов, Отюкенская чернь. По краям пространства находились враждебные тюркам народы. При этом И. В. Зайцев замечает: «Название “сердца” древнетюркской державы связывается с монгольским otugen-etugen — “Мать Земля” (от utugti — матка, лоно) и

встречается не только в рунических памятниках, но и у Махмуда Кашгари и Рашид ад-Дина. В китайских источниках Отюкен упоминается вместе с другим священным местом тюрок — рекой T'a-jen (или T'a-min). По мнению П. А. Будберга, если допустить, что тюркское название реки — Tapin или Tabin, т. е. (река) поклонения / почитания, то строящаяся на этой же базе этимология Otuken — от корня otu- в уйгурском — otun — otuk — испрашивать, просить и желание, просьба. Таким образом, название реконструируется … как "гора моления, молитвы"» (Зайцев).

Представления о квадратном пространстве появились под воздействием сложения общественной системы кочевой культуры древних тюрков, которая характеризуется устойчиво-динамической системой взаимоотношений на всех уровнях социального организма: «на уровне экологии человека, на уровне всей этноэкологической культуры, а также всей системы взаимоотношений «человек — общество (культура) — Природа (Космос)» (Абаев, 2005: 138). Соответственно, принцип равновесия переносится в социальную сферу, когда сосуществуют жесткая вертикаль власти, федеративные методы самоуправления. Такой принцип самоорганизации предполагает огромную роль религии, пронизывающей все уровни общественного организма. Эту роль выполняло тенгрианство, которое в своей религиозно-философской, эзотерической и идеологической части может быть определено как монотеистическое.

Анализ историко-культурной ситуации показывает многокомпонентность взаимодействий как в этнокультурном плане, так и в аспекте общих идей различных религиозных систем, воспринятых тюрками, преобразованных и приспособленных ими согласно своим мировоззренческим позициям. При этом определяющим становится предположение о близости идей различных религиозных систем: так, некоторые позиции тенгрианства и буддизма представляются разными стадиальными пластами различных вариаций одной и той же центрально-евразийской религии, имеющей общие этногенетические корни. Этим объясняется устойчивость архитектурных традиций и преемственность культового зодчества, которая, как и основные культурные архетипы, определилась, по всей видимости, еще в каменном веке.

Развитие религиозных систем зороастризма, буддизма и христианства приводит к созданию характерной концепции религиозного познания как Пути. Данная концепция находит отражение в культовой архитектуре, как нам представляется, уже в древнейший период и найдет свое продолжение в храмовом зодчестве тюркоязычных народов периода первых государственных объединений. Таким образом, эта линия развития религиозно-идеологических принципов приводит к созданию особой пространственной организации, получившей свое оформление в продольно-осевой планировочной композиции вначале в погребениях, а затем и в храмах, наиболее показательными примерами которых являются комплексы переходного от погребений к храмам типа — поминальных мемориалах древних тюрков. В аспекте формообразования появление продольно-осевой композиции объясняется пристройкой входной части к центричному объему.

Градостроительство тюрков.

Немного-численные сведения о городах тюрков содержатся в китайских источниках, например, упоминается город Хэйшачэн, построенный каганом Гудулу (Данилов, 2005: 332). Для определения городов, функционировавших в период тюркских каганатов, необходимо восстановить маршрут торгового транзитного пути, значение которого для развития градостроительства в Центральной Азии трудно переоценить. Благодаря функционированию этой международной торговой трассы сложилась уникальная городская цивилизация, которая, основываясь на достижениях собственно тюркской культуры, неизбежно претерпевала влияние традиций других народов и стран. По территории Казахстана (Семиречья и Южного Казахстана) проходили две ветви Великого шелкового пути. Северная ветвь приводила в долину р. Или (из внутреннего Китая через пустыню Такла-Макан, города Кумул, Турфан, Бешбалык). Средняя ветвь шла из Кочо, Карашахара и Аксу через перевал Бедель к южным берегам Иссык-Куля. В VI–VII вв. отрезок пути, ведущего из Китая на запад через Семиречье и Южный Казахстан, находящийся под контролем тюркских каганов, становится наиболее оживленным. С этого времени до XIV в. основная масса посольских и торговых

Рис. 1

Рис. 2

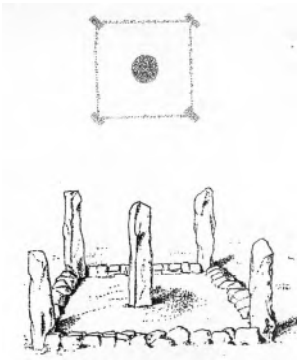


Рис. 3

караванов проходила именно здесь. В VI–VIII вв. путь шел из Сирии в Иран, Среднюю Азию, Южный Казахстан, Таласскую долину, Иссык-кульскую котловину и Восточный Туркестан. В XIII–XIV вв. отмечается трасса из Византии в Дербент, Прикаспийские степи, Мангыстау, Приаралье и Южный Казахстан.

Укрепленные крепости времени первых каганатов обнаружены на территории Монголии и Тувы. Столичные ставки, сосредоточенные в долине р. Орхон, являлись крупными культурными и торговыми центрами, о чем свидетельствует их плотная внутренняя застройка, типологическое разнообразие зданий и насыщенный подъемный материал. Карабалгасун (Хар Балгас, Арахангайский аймак, сомон Хотонт), или Орду-Балык, столица Уйгурского каганата, находилась в священном для всех тюрков месте — между Отюкенской чернью и рекой Орхон. Это была крепость размерами 600 х 600 м с мощной глинобитной стеной толщиной до 10 м, с установленными на равном расстоянии четырнадцатью угловыми и простеночными башнями, сохранившимися на высоту 12 м. С трех сторон крепости имеется ров, а с одной (западной) — бастион (внутрь продолжен фортом); ворота устроены в восточной стене. Вдоль рва с южной стороны установлен ряд глинобитных башен, еще одна, смотровая, высотой 14 м, — внутри крепости. В центре крепости расположен квадратный вал с двумя воротами, внутри которого размещались упомянутая сторожевая башня и постройки (вероятно, дворцовые здания и казармы). Внутри крепостных стен, в юго-восточном углу, обнаружена мощная цитадель квадратной планировки, встроенная в стену и окруженная обводным рвом. Северо-западную и западную часть крепости занимали торговые и ремесленные кварталы. Вне стен крепости находились огороженные валом сады (к востоку) и также огороженный храмовый комплекс (к югу), где была обнаружена карабалгасунская стела на постаменте-черепахе (Худяков; Данилов, 2005: 97–98).

Кроме укреплений Монголии и Тувы, тюркоязычные народы проживали в городах оазисов Восточного Туркестана, из которых многие уже существовали, по всей видимости, с рубежа нашей эры. Это такие города, как Кочо, Карашар, Кашгар, Хотан, Кучар и др. Каждый из них был центром одноименного оазиса, в который входили небольшие укрепленные и неукрепленные поселения и деревни. Через Бешбалик — Или-Суяб — Талас в VI–IX вв. проходила северная ветвь Великого шелкового пути.

Начало строительства замков и крепостных сооружений на месте ставок тюркских кочевых владетелей в долине р. Или относится к VIII в. В X–XIII вв. наблюдается бурный рост городских поселений, возникших на долговременных стоянках зимних и осенне-весенних пастбищ. Расцвет городской культуры обусловлен массовым оседанием кочевников в связи с прохождением одного из ответвлений Великого шелкового пути через Илийскую долину в Дашт-и-Кипчак. Крупнейшие города региона Тальхир, Каялык, Ики-Огуз и Илибалык возникли, по все видимости, именно из поселений оседающих кочевников, о чем свидетельствует характер плотной застройки как центральной укрепленной части, так и пригородов.

В древнейших обнаруженных на сегодня поселениях, укреплениях и городах тюрков наблюдается стремление к замкнутой гео-

метрической композиции с обозначением центра каким-либо объектом или свободным пространством. Таким образом, наблюдается общая для города и храма концепция развития огороженного пространства с закреплением центра и углов. Примечательно, что в хунском и древнетюркском градостроительстве наличествует вариант крепости со свободным внутренним пространством (предположительно, для размещения мобильного жилища), в чем нашел отражение приоритет создания формирующей предметное наполнение пространственной среды.

Города и крепости с квадратной конфигурацией плана и башнями по углам, широко распространенные на территории Центральной Азии, фиксируют представления древних тюрков о квадратном пространстве мира; прямоугольные городища являются дальнейшим развитием данной концепции, в планировочной композиции которых нашли применение синтез принципов оседло-земледельческой (замкнутая, законченная структура) и номадической (незамкнутая, развивающаяся структура) культур в контексте воплощения тенгрианских представлений о мироздании и отражения принципов номадической культуры, выражающихся в формообразующей роли пространства.

В период раннего средневековья в древнетюркской среде складывается феномен города-храма, что вообще характерно для мифопоэтической традиции, в которой город рассматривается как ритуальный центр, как храм. Это столица того или иного племенного объединения или государства, которая играла роль сердца тюркского эля, т. е. несла кроме прочих функцию священного объекта, в котором воплотился образ сакрального пространства — Отюкенская чернь, место происхождения тюркского этноса. Городами-храмами были Афросиаб, Суяб, Карабалгасун, Кочо и Баласагун (Боталов, 2009: 22).

Монументальная архитектура тюрков раннего средневековья. В генезисе тюркских поминальных храмов значительную роль сыграла архитектура хуннских погребений. Их отличительной особенностью было предполагаемое отсутствие внешних наземных признаков. Собственно, хуннские курганы археологически установлены вполне определенно на территории Монголии (Ноин-Ула), Забайкалья (Ильмовая падь) и Тувы (Бай-Даг II). Это четырёхугольные каменные курганы со стенками, к которым примыкают трапециевидные пристройки, являвшиеся обрамлением и перекрытием дромосов. Под главными сооружениями глубокие, до 5,5 м, могильные ямы, на дне которых гробы внутри срубов (стенки гробов обкладывались фигурной золотой и серебряной фольгой). Сооружения эти не имеют пока аналогий среди памятников среднего Енисея, Казахстана и Средней Азии (Чугунов, Херексуры, 2002: 244–265). Известно, что китайские мастера принимали непосредственное участие в сооружении погребальных камер, изготовлении и украшении специфичных гробов для хуннской элиты, в том числе шаньюев (Дашковский, 2008: 21–22). Известны факты изготовления гробов по китайскому образцу и для умерших хунну более низкого статуса. Отмеченные особенности погребального обряда хунну подтверждаются результатами последних исследований элитного кургана на некрополе Ноин-Ула. Приведенные данные, вероятно, свидетельствует не только о знакомстве китайцев с погребальной практикой хунну, но и о стремлении кочевников, особенно элиты, подражать китайской аристократии как в реальном, так и в загробном мире.

К святилищам и храмам, возведенным согласно принципам тенгрианства, можно отнести жертвенные места, места поклонения Небу и светилам, которые располагались вблизи поселений и городов. Однако недаром принято думать, что развитые религии так или иначе возведены на краеугольном камне культа предков. Поминальные храмы, по существу являющиеся культово-мемориальными сооружениями, мы рассматриваем как явление синкретическое, в котором нашли отражение как идеи собственно тенгрианства, так и некоторые принципы культов, одновременных тюркской религиозно-мифологической системе. Наиболее ранние погребения, идентифицирующиеся с тюрками, по всей видимости, связаны со временем формирования их культуры и могут датироваться V–VI вв. К этому периоду относят «берельский тип могил», обнаруженный в Алтае и представляющий собой небольшие каменные насыпи (Борисенко, 2000: 7–26). Тюрки-тюгю сначала подвергали умерших кремации и, зарыв его пепел в могилу, ставили каменные столбы. Тюрки-теле хоро-

нили своих соплеменников в грунтовых могилах вместе с конем под курганной насыпью, примером чему служит могильник Кудырге (VI–VII вв.). Курганы теле при довольно значительном диаметре (до 10 м) невысоки (до 1 м), покрывались сверху каменной обкладкой. Западные тюрки кроме грунтовых применяют и подбойные могилы.

Тюрки, проживавшие в южных регионах Казахстана, в возведении могильников применяют наиболее распространенный здесь строительный материал — битую глину. Из нее сооружали прямоугольные, а также круглые и овальные площадки, которые обносились глинобитными оградками. Некоторые погребения представляют собой наземные постройки, состоящие из камеры, перекрытой куполом и входного коридора (Борижарский могильник на р. Арысь, VII–VIII вв.). Представляется, что это прямые предшественники мавзолеев с камерой и зиаратханой. Одни из наиболее характерных тюркских памятников — это каменные курганы с оградками или имитация курганов в виде каменных выкладок диаметром 4–6,5 м. Еще один распространенный тип погребального сооружения тюрков, приписываемый племени тюгю, — это квадратные (реже прямоугольные) оградки из каменных плит, врытых на ребро (размеры в плане 0,8–5 х 0,8–5 м). Оградки ориентированы сторонами или углами по сторонам света и расположены рядами по линии север — юг или северо-восток — юго-запад. Возле оградок устанавливали антропоморфные скульптуры или столбики.

Как правило, изваяния устанавливались возле ритуального сооружения у восточной стороны оградки лицом на восток. За ней в восточном направлении тянется ряд каменных столбиков — балбалов. Назначение оградок — определенно ритуального характера, что подтверждает наличие плоских каменных выкладок, под которыми находят небольшое углубление, оставленное основанием деревянного столба, ямой с камнями, углем, золой, т. е. остатками жертвенного алтаря. При этом погребения тюрков, в последующем переросшие в поминально-мемориальные комплексы — храмы предков, обнаруженные в Монголии, показывают неразрывную связь захоронения и жертвенника.

Ставка каганов, согласно китайским источникам, располагалась у гор Дугинь (т. е. Отюкен). Причем святость этого места, по-видимому, не позволяла осквернять его военными действиями, т. е. кровопролитием: во всяком случае, при нападении князя Ши Ваньсуя на Дату (около 600 г.) тюрки уклонились от сражения. Почитание древними тюрками востока зафиксировано многими источниками. Слово «восток» неоднократно встречается в рунических памятниках и в буквальном переводе значит «перед, передняя сторона», ilgaru — вперед, на восток. Вход в ставку кагана находился с восточной стороны, «из благоговения к стране солнечного восхождения» (Кузьмин, 1993: 230), сидел каган, всегда обратясь к востоку. Восточная ориентация покойного господствует в погребальных памятниках (захоронениях с конем) с кудыргинского (VI–VII вв.) вплоть до кара-чогинского этапа культуры алтае-телеских тюрок. На восток были ориентированы жилища древних и многих современных тюркских народов.

Таким образом, *пространственная модель древних тюрков — это четырехугольник с выделенными сакральными центром и восточной стороной.* Нетрудно заметить, что подобная структура полностью соответствует принципу конструкции поминальной оградки. Такая оградка также представляла собой ограниченную с четырех сторон каменными плитами замкнутую площадку. Именно с восточной стороны оградок располагались каменные изваяния и цепочки балбалов. В центре многих из них удается проследить остатки дерева или его корневища. Причем, видимо, очень важно было сохранить дерево зеленым для проведения обряда, для чего ямка под ствол засыпалась речным песком. Как отмечал В. Д. Кубарев, дерево в центре оградки символизировало космическое — мировое древо (Кубарев, 1978: 86–98).

В районах Центральной и Северо-Западной Монголии, в районах Центральной, Западной и Южной Тувы был обнаружен вариант древнетюркского погребения, демонстрирующего обряд трупосожжения, который фиксируется здесь до первой половины VII в. Это были оградки со стелами и каменными кольцевыми выкладками, в которых помещались остатки кремированного тела. Необходимо отметить преемственность с архитектурой хунно-сар-

матского, сако-скифского культурного ареала и с сооружениями эпохи бронзы (Грач, 1983: 244–265). В Центральной Монголии в IX в. также фиксируются ритуальные сооружения без погребения, например, в Джаргланты, где они представляют собой каменные насыпи, окруженные кольцевыми и радиальными каменными выкладками (Байтенов).

В VIII–X вв. поминальная обрядность древних тюрок во многом утратила свой военно-дружинный облик и приобрела характер культа родовых предков. Некоторые элементы, характерные для культуры древних тюрок, такие как обряд погребения с конём, предметы вооружения, воинского и конского снаряжения, украшения и пиршественная посуда сохранились в памятниках кочевников Западной Сибири до начала II тыс. н. э. В Первом Тюркском каганате для прокламативных целей стала применяться согдийская письменность. Древнетюркские петроглифы и тамги восходят к центральноазиатской культурной традиции бронзового и раннего железного века. Стилистические и сюжетные изменения в изобразительном искусстве древнетюркского времени характерны для всего Центральноазиатского историко-культурного региона (Байтенов).

В археологическом отношении древнетюркское время материально характеризуется памятниками, документирующими возникновение и бытование на очень широких территориях и у разных этнических групп тюркоязычных племен общих форм оружия, конского убора, украшений, сосудов и т. д. Древнетюркская культурная общность и в то же время этнолокальность определённых областей характеризуются погребальным обрядом. Одной из наиболее ярких форм погребений древнетюркского времени явились курганные захоронения с конём, получившие затем распространение на далеких западных территориях Великого пояса степей (Грач, 1983: 244–265).

Центральноазиатские курганные погребения древнетюркского времени распадаются на следующие основные хронологические группы: VII–VIII вв. (погребения с сопроводительными захоронениями коней, ориентация по длинной оси — с востока на запад); VIII–IX вв. (погребения с сопроводительными захоронениями коней, ориентация по длинной оси — с севера на юг); IX–X вв. (погребения без коней, но с деталями конского убора, ориентация по длинной оси — главным образом с севера на юг).

Центральная Азия явилась родиной ритуала, связанного с установкой древнетюркских каменных изваяний: статуи, изображающие воинов, являются одной из характернейших частей центральноазиатского археологического колорита. Древнетюркские изваяния, найденные в Монголии, Туве и на Алтае, чётко подразделяются на две хронологические группы — VII–VIII и VIII–IX вв. н. э. Первая группа представлена изваяниями, установленными при поминальных оградках с рядами камней-балбалов, вторая группа — изваяния без оградок и, как правило, без оружия. Из Центральной Азии обычай установки статуарных поминальных изображений распространился на территорию Средней Азии и далее на запад, где в более поздние времена получили распространение знаменитые половецкие каменные изваяния. В итоге новейших исследований установлен один из крайних западных районов распространения центральноазиатских поминальных комплексов древнетюркского типа: комплексы эти были недавно открыты на Украине, в Провальской степи на территории Донбасса.

На востоке древнетюркские изваяния фиксируются на северо-западе Китая и на Алтае. И хотя на Синьцзяне известно не менее 200 изваяний, в публикациях представлено всего около 10 скульптур (Комиссаров, 2008: 38). Их классификацию предложил Ю. С. Худяков, который выделил четыре типа. По характерным признакам изваяния I и II типов, на которых различимы детали одежды, пояса, украшения, оружие и сосуды, отнесены к культуре древних тюрок. Изваяния без сосудов выделены в III тип. Они имеют существенные отличия от древнетюркских. Изваяния IV типа с изображением только головы или лица подразделяются на несколько вариантов. Отдельные камни Восточного Туркестана не только по общим характеристикам, но и по конкретным деталям совпадают со стелами других регионов, что позволяет предполагать прямые контакты. Заслуживает внимания группа изваяний в Южном Притяньшанье, которая отстоит от зоны основного (алтайского) распространения оленных камней в Синьцзяне более чем на 1000 км. В ней можно видеть маркёр движе-

ния скифской культуры на юг либо в верховья Инда, где выявлен новый центр искусства «звериного стиля», либо в Тибет с его развитой мегалитической традицией. Изучение оленных камней Синьцзяна позволит определить пути их распространения как в широтном, так и вертикальном направлениях (Комиссаров, 2008: 40).

Святилища тюрков на территории Казахстана представляют собой огромные по площади ансамбли, целые заповедники, расположенные в Шуском районе Жамбылской области. В их состав входят многочисленные ритуальные и погребальные сооружения, родовые знаки (тамги), наскальные рисунки, расположенные в степной зоне северо-западных склонов хребта Киндык тас, на территории долины Жайсан. Здесь выявлено 30 культовых и мемориальных комплексов, несколько мест скопления петроглифов на общей площади более 77 тысяч гектаров.

Памятники сакральной зоны святилища Жайсан представлены ритуальными конструкциями в форме подпрямоугольных оград, одиночных, парных и состоящих из нескольких оград, составленных в цепочку, ориентированную с севера на юг. С восточной стороны или в центре оград установлены каменные скульптуры обожествленных предков. В составе комплексов ритуальные ограды занимают пространство в восточной части, а к западу от них расположены погребальные сооружения в виде курганных каменных насыпей. Особенности иконографии каменных скульптур, предметы и украшения, сосуды позволили установить культурную и хронологическую принадлежность памятников. Выявлено, что памятники, сконцентрированные в сакральной зоне святилища Жайсан, являлись заповедной территорией восточных тюркских племен, которые переселились на земли в долине реки Шу в середине VIII в. Места захоронений совместно с ритуальными сооружениями с каменными скульптурами служили в качестве объектов поклонения духам обожествленных предков и проведения ритуалов жертвоприношений им и верховным божествам тюркского пантеона. Места средоточия наскальных рисунков служили для проведения обрядов и ритуалов, связанных с календарным циклом и общественно значимыми мероприятиями. Культовые конструкции святилища Жайсан представляют собой одиночные, двух-, трех- и четырехсекционные ограды, сооруженные из каменных блоков и плит.

На альпийских жайляу верховий реки Мерке находится тюркское святилище, включающее 70 тюркских каменных скульптур, в том числе мужские и женские изваяния. Они установлены по одному мужскому и женскому, по два (мужское и женское), по три и в редком случае по четыре изваяния на одном кургане. Дополнительным свидетельством, характеризующим культовый характер святилища, являются многочисленные памятники наскального искусства и тамги. Общее количество конструкций только с каменными изваяниями, выявленных на сегодня, составляет 36 памятников, а количество каменных скульптур, установленных на курганах, в ограде, — 60. Мемориальные памятники святилища представлены древнетюркскими оградами со стелами, установленными за пределами оград с северо-западной стороны, оградой с каменным изваянием, многочисленными курганами с изваяниями. Типологическая характеристика курганов с каменными изваяниями, установленными в центре кургана, также разнообразна. Очевидно, в конструкциях с парными разнополыми скульптурами преобладающим было положение изваяний лицом друг к другу, при котором мужское изваяние было обращено лицом на северо-восток, а женское — лицом на юго-запад.

Ритуальный комплекс Аралтобе 4, хронологически относящийся к этой же эпохе, представлял собой цепочку из пяти примыкающих друг к другу подпрямоугольных в плане оград, сооруженных из вертикально поставленных плит. С северо-востока к оградам пристроена каменная насыпь, под которой выявлена яма с ритуальным захоронением животного. Каждую из шести оград с северо-восточной, внешней стороны венчает каменная антропоморфная стела. Все стелы лицевыми сторонами обращены на северо-запад. Урочища с ранними кыргызскими могильниками IX–X вв. в Саянском каньоне Енисея также представляются священными местами, святилищами кочевников, где совершались обряды проводов умершего, а затем многоразовые поминальные посещения, свидетельствующие о развитых представлениях о душе, об ином мире и о культе предков (Кубарев, 1985: 235)

Можно сказать, что оградки в средневековой традиции тюркских народов Саяно-Алтая — модель мироздания, реальный образ представления человека об окружающем пространстве. С наибольшей полнотой наследие древнетюркской культуры воплотилось в культуре кыпчаков. В составе данной культуры, в трансформированном виде, сохранились и обряд погребения с конём, и жертвенно-поминальные комплексы с изваяниями, и все главные элементы предметного комплекса. Основные компоненты древнетюркской культуры сохранились и в культуре тюркоязычного кочевого населения государства карлуков в Притяньшанье (Евтюхов, 1957: 16).

Заключение и предложения.

Поминально-культовые комплексы, обнаруженные в Монголии, Горном Алтае и Восточном Казахстане — это храмы с четкой планировкой и иконографией, в которых наиболее полно выражены мировоззрение и космология древних тюрков. Впрочем, состав и сочетание основных элементов предметно-пространственной среды достаточно разнообразны. Так, отличительной чертой комплексов эпохи Первого тюркского каганата (Бугутский, Идэрский, Гиндин-булак I и Севжуул в Монголии, а также Текелю и Ян-Гобо в Горном Алтае) является наличие рвов, валов и плиточных оград с насыпями в центре. В состав комплекса входили также открытые многоколонные храмы со стоявшими внутри стелами на черепахах, но отсутствовали изваяния. От середины храмов или оград на восток тянулся ряд балбалов длиной до 1 км. Позднее ограды будут заменены каменными ящиками, а храмы-павильоны — кирпичными глухими постройками.

Наиболее развитым составом объектов отличаются пять комплексов Второго тюркского каганата — Мухарский, Онгинский, Их-Хушот, Хушо-Цайдам I и Хушо-Цайдам II. Это ориентированные по оси восток — запад прямоугольные в плане комплексы, в западной части которых находятся орнаментированные ящики или кубические блоки с отверстиями, кирпичные храмы со статуями внутри, на востоке от которых располагаются стелы с руническими надписями, статуи баранов и львов и ряд балбалов длиной 1–3 км.

Главным отличием поминальных комплексов, возведенных уйгурскими каганами (Хушон-тал, Могойн-Шине-усу — Селенгинский), является их ориентировка по оси север — юг. Площадки комплексов имеют рвы и валы. Предполагаем, что тип мемориала с символическим захоронением и поминальным храмом будет воспроизведен в мусульманское время в мемориально-культовых комплексах Караханидов, куда входили мавзолеи и поминальные мечети, возведение которых продолжалось в Центральной Азии вплоть до начала XX в.

Таким образом, сложение собственно тюркского архитектурного наследия времени создания первых государственных объединений прослеживается от жертвенников и поминальников, основа которых была заложена еще в каменном веке. Тогда же оформились два направления развития композиции: замкнутой центрической и открытой продольно-осевой, составленной наращиванием и свободным сочетанием элементов. В период бронзы эти линии развития представлены курганами с выемками (сосудами) на вершине, жертвенными оградами и каменными поминальными мегалитами (с цепочками столбов и оградок) соответственно. В сакское время в святилищах совмещаются символы погребения и священного пространства, что нашло отражение в монументальном ансамблевом характере курганов, в комплекс которых входят курганы-жертвенники, не имеющие погребений, и вереницы каменных столбов и оградок разнообразной композиции. В период развития хуннской культуры преобладающим, на наш взгляд, становится выделение священного места по сравнению с погребением. Переходный характер хуннских святилищ отражен в монолитных архитектурных формах четырехугольного каменного кургана со стенами, т. е. здесь мы обнаруживаем качество, присущее архитектурным сооружениям: внутренняя структура сооружения тектонична его внешней форме. В дальнейшем этот принцип соответствия продолжается в древнетюркских куруках, отличающихся открытостью композиции. Продольно-осевая планировка с выделением композиционного и символического центра, главенство пространственной организации, характерной для номадической модели, нашли в последующем применение в монастырях буддийской, христианской и мусульманской общины. При этом главное святилище в санга-

рамах и медресе выделяется куполообразным объектом (монолитным — ступа или каркасным — чартак). Тем не менее в их композиции формообразующую роль играет пространство открытого двора, вокруг которого группируются все элементы комплекса.

Комплексное изучение тюркского архитектурно-градостроительного наследия Центральной Азии и близлежащих территорий дает возможность выявить его генезис, что позволяет, в свою очередь, определить общие и локальные объемно-пространственные приемы и композиционные идеи, отражающие представления древних тюрков об окружающем мире.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Абаев Н. В. Религия и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов Алтай-Байкальского региона. Кызыл: Изд-во ТывГУ. 2005. 138 с.

Байтенов Э. М. Древнетюркский поминальный храм в Восточном Казахстане // http://ru.nomad-kazakhstan.kz/1796.html<

Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки», 2013, т. 13, №2. С. 12–17.

Берзин А. Взаимодействие буддийской и мусульманской цивилизации // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.berzinarchives.com/web/x/nav/group.html_1232962266.html

Борисенко А. Ю., Скобелев С. Г., Худяков Ю. С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрок в Центральной Азии // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: 2000. С. 7–26.

Боталов С. Г. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 13–19.

Грач А. Д. Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Ленинград, 1984. С. 113–125.

Грач А. Д. Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 244–265.

Данилов С. В. Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии: Дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 332 с.

Дашковский П. К. Религиозный аспект политической культуры и служители культа у кочевников Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанский период // Известия АлтГУ. 2008. №4-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-aspekt-politicheskoy-kultury-i-sluzhiteli-kulta-u-kochevnikov-tsentralnoy-azii-v-hunnusko-syanbiysko-zhuzhanskiy-period (дата обращения: 17.09.2024).

Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская археология, 1957, № 2. С. 205–227.

Зайцев И. В. Древнетюркские поминальные оградки и представления древних тюрок о пространстве // http://turkolog.narod.ru/info/I373.htm

Комиссаров С. А., Прокофьева И. В. Каменные изваяния Синьцзяна (перспективы изучения) // Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция. М., 2008. С. 38–42.

Кононенко Е. Искусство в поисках стратегии национального самоопределения (на примере турецкой архитектуры). CAJAS Volume 7. Issue 2. 2022, DOI 10.47940/cajas.v7i2.576

Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 136–148.

Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьёр-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.

Кузьмин Н. Ю. Гробницы хуннских шаньюев, курганы высшей знати Алтая и большие склепы Минусинской котловины: традиции и инновации // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. Часть II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 114–119.

Мелехова К. А. Картина мира в центральноазиатской юртообразной архитектуре // Вестник КемГУКИ № 41, 2017. С. 159–166.

Тулуш Д. К. Городская культура кочевников степной зоны Евразии в эпоху ранних тюрок: к постановке проблемы исследования // Археология евразийских степей № 2, 2021. С. 338–345.

Халитов Н. Х., Аитов Р. Р, Надырова Х. Г. Концепция поддержки и развития национального своеобразия в архитектуре Татарстана. Краткое содержание документа // Известия КГАСУ, 2012, № 2 (20).

Худяков Ю. С. Иранско-тюркский культурный симбиоз // http://siteistok.host.net.kg

Худяков Ю. С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // https://uighur.narod.ru/tarikh.html

Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сборник научных работ под ред. Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина. Барнаул, 2002.

ЕВГЕНИЙ АБДУЛЛАЕВ
Ташкентская Православная семинария
Ташкент, Узбекистан

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, СОХРАНЕНИЕ

Ключевые слова: христианство, Средняя Азия, колониальный период, эклектика, неоготический стиль, неорусский стиль, неовизантийский стиль.
Аннотация: Статья посвящена христианскому культовому строительству в Средней Азии в конце XIX — начале XX века как особой и пока недостаточно изученной странице истории среднеазиатской архитектуры. Предлагается его периодизация, рассматриваются основные архитектурные стили (неорусский, неовизантийский, неоготический) и наиболее известные их образцы, сооруженные в регионе в описываемый период. В заключение поднимаются проблемы сохранения имеющихся памятников и даются соответствующие рекомендации.

Kalit so'zlar: xristianlik, O'rta Osiyo, mustamlaka davri, eklektika, neogotik uslub, neorus uslub, neovizantiya uslubi.
Annotatsiya: Maqola XIX asr oxiri — XX asr boshlarida O'rta Osiyoda xristian ibodat binolarini qurishga bag'ishlangan bo'lib, bu mavzu O'rta Osiyo arxitekturasining o'ziga xos va hanuz kam o'rganilgan sohasi hisoblanadi. Ushbu davr qurilishlarining davriylashtirilishi taklif qilinadi, asosiy arxitektura uslublari (neorus, neovizantiya, neogotik) va ularning mintaqada qurilgan mashhur namunalarini ko'rib chiqiladi. Xulosa o'rnida mavjud yodgorliklarni saqlash masalalari ko'tariladi va tegishli tavsiyalar beriladi.

Keywords: Christianity, Central Asia, colonial period, eclecticism, Neo-Gothic style, Neo-Russian style, Neo-Byzantine style.
Abstract: The article focuses on Christian ecclesiastical construction in Central Asia during the late 19th and early 20th centuries as a unique and still insufficiently studied chapter in the history of Central Asian architecture. A periodization of this construction is proposed, and the main architectural styles (Neo-Russian, Neo-Byzantine, and Neo-Gothic) along with their most notable examples built in the region during the described period are discussed. In conclusion, issues related to the preservation of existing monuments are raised, and corresponding recommendations are provided.

Введение. Христианское культовое строительство конца XIX — начала XX века остается, к сожалению, одной из наименее изученных областей истории архитектуры Средней Азии.

Причины подобного невнимания исследователей очевидны.

На протяжении всего советского периода архитектуру колониального периода, как отмечал Владимир Нильсен, «оценивали отрицательно» (Нильсен, 1988: 5). Что говорить о церковном строительстве, которое рассматривалось через призму атеистической идеологии, а церковные сооружения в 1930-е годы были уничтожены или частично переделаны под другие нужды? Лишь в классической монографии Нильсена «У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX веков)», вышедшей на закате советского периода, кратко упомянуты и описаны некоторые церкви (к тому времени большей частью уже утраченные).

После 1991 года ситуация несколько изменилась. С темы был снят негласный запрет; стали выходить исследования по истории христианства в Средней Азии, в которых рассматривалась и история христианских культовых сооружений[1].

Однако эти работы создавались либо историками, связанными с церковными структурами, либо при непосредственной поддержке последних. За пределами конфессионально ориентированных исследований ситуация

[1] См.: (К истории христианства…1998), (Озмитель, 2010), (Абдуллаев, 2011–2012) и др.

изменилась незначительно. Архитектурные сооружения конца «туркестанского» периода продолжали рассматриваться в 1990–2000-е годы как нечто, не представляющее архитектурной и исторической ценности, а зачастую как нежелательное наследие «колониального прошлого». Многие из них были снесены либо до неузнаваемости перестроены; это относилось и к некоторым бывшим церковным сооружениям.

В последние годы отношение к архитектурным памятникам туркестанского периода стало заметно меняться. Они все больше воспринимаются как важная часть архитектурного наследия среднеазиатских государств. В рамках этого небольшого выступления будут затронуты общие вопросы периодизации церковного строительства в Туркестанском крае, классификации его памятников по стилям, а также сохранения его наследия.

Основная часть. *Периодизация церковного строительства.* В христианском церковном зодчестве XIX — начала XX века можно выявить два основных этапа: 1850–1870-е годы и с 1880-х по 1917-й год.

Первый этап характеризуется сооружением временных полковых церквей в захваченных кокандских и бухарских крепостях[2]. Это были, как правило, глинобитные сооружения или строения из сырцового кирпича, не представлявшие архитектурной ценности; почти все они разрушились сами либо были разрушены и перестроены.

Имелись два церковных строения, об утрате которых (еще в конце XIX века) можно пожалеть, поскольку они представляли случай интересного, хотя и вынужденного синтеза христианской архитектуры и местной среднеазиатской.

Первый случай — Свято-Никольская церковь в Ура-Тюбе (ныне Истаравшан, Таджикистан), которая в 1867–1889 годах, до разрушения землетрясением, находилась в перестроенных воротах бухарской цитадели с куполом и двумя башнями (Высоцкий, 1870: 126–127).

Второй случай — первое здание Свято-Георгиевского храма в самаркандской цитадели (1869–1882), для постройки которого была перестроена небольшая мечеть (к сожалению, не удалось выяснить, какая именно); она составила притвор нового храма (Высоцкий, 1870: 128–129). Насколько известно, это был единственный случай в Средней Азии использования переделки мечети под православный храм.

С начала 1880-х церковное строительство в регионе приобретает новые черты.

Вместо временных церквей возводятся новые, из жженого кирпича или дерева, соответствующие климатическим и сейсмическим условиям региона. Кроме военных церквей строятся городские храмы (в крупных населенных пунктах); а с притоком переселенцев из западной части России — сельские. С увеличением числа представителей других христианских конфессий церковное строительство становится более разнообразным: возводятся костелы, кирхи и т. д.

Именно во второй период церковного строительства определяются основные стилистические направления, которые принято объединять общим термином «эклектика».

Этот термин, некогда воспринимавшийся негативно, уже в 1970-е в отношении русского (и шире — европейского) градостроительства был переосмыслен как отражавший закономерный и обладающий собственной ценностью период развития архитектуры.

«Эклектизм как метод не был чем-то новым, присущим исключительно зодчеству XIX в. Эклектические тенденции обнаруживались в определенные моменты развития архитектуры еще в глубокой древности. … Можно говорить о ретроспективных тенденциях, о стремлении сохранить, задержать или вернуться к зодчеству определенного периода как целостности функционально-конструктивной и эстетической одновременно», — отмечала Евгения Кириченко в своем известном труде «Русская архитектура 1830–1910 годов» (Кириченко, 1978: 24).

Внутри этой тенденции к «возвращению» возникают несколько стилей, имеющих общее начало «нео-»: неоклассицизм, неоготика, неорусский стиль и неовизантийский. За исключением неоклассицизма,

[2] См.: (Галак, 2022–2023).

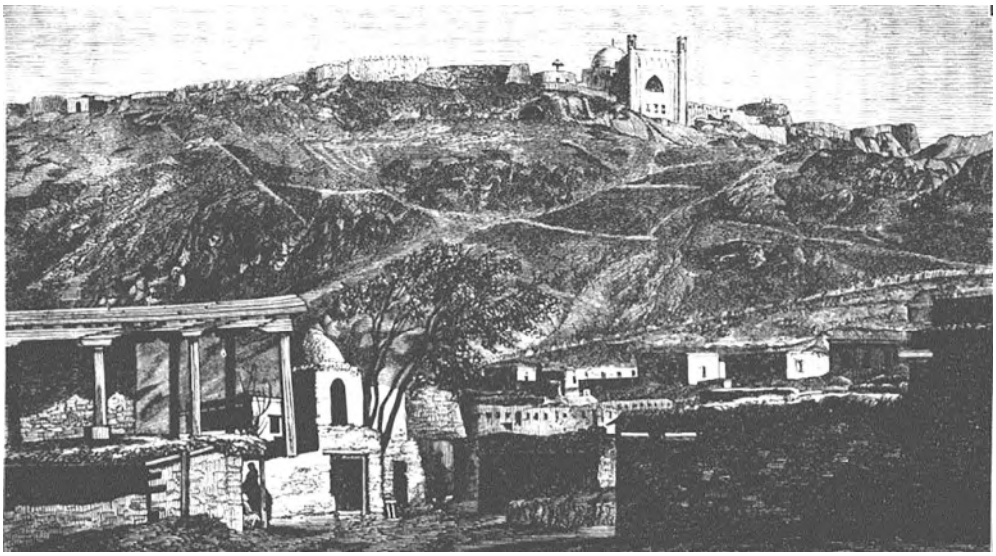


Рис. 1. Вид на Свято-Никольскую церковь в цитадели в Ура-Тюбе (из открытых источников в сети Интернет)

более характерного для гражданского строительства, все остальные стили были представлены в культовой архитектуре Туркестана. Неорусский и неовизантийский стили были характерны для православных церквей, неоготический — для католических и лютеранских. Несмотря на стилистическое различие, все они, за исключением деревянных церквей, представляли собой сооружения с неоштукатуренными стенами, выложенными из «туркестанского» бурого жженого кирпича с использованием декоративной кладки. Особняком стоят культовые сооружения армяно-григорианской церкви, о которых будет сказано ниже.

Кратко рассмотрим памятники каждого из названных стилей.

Памятники неорусского стиля.

Большинство православных церквей в регионе были выстроены в неорусском стиле, отличительная черта которого — использование элементов древнерусского зодчества IX–XVII веков и русского народного искусства. В этом не было сознательной идеологической цели, связанной с «русификацией» региона: неорусский стиль был господствующим в церковном строительстве в рассматриваемый период на всей территории Российской империи.

Особый интерес среди сооружений неорусского стиля в Средней Азии представляют памятники деревянного зодчества. С 1885 по 1889 год в северо-восточной части региона произошло несколько сильных землетрясений. Епископ Неофит (Неводчиков), управлявший в то время епархией, запретил строить саманные храмы и приказал возводить их из жженого кирпича или только из дерева; последнее было осуществимо только в предгорных районах, поскольку остальная часть региона была бедна лесом. Немногочисленные деревянные храмы в русском стиле сохранились в Кыргызстане (в Беловодском, Теплоключенке, Кара-Коле) и в Казахстане.

Наиболее известен Вознесенский собор в Верном (Алма-Ата). Построенное в 1904–1907 годах по проекту архитектора Андрея Зенкова, это второе по высоте деревянное здание в мире отличается богатым декором и сейсмостойкостью. На примере этого сооружения отчетливо заметен и эклектизм неорусского стиля. Узнаваемые элементы средневекового русского зодчества, позолоченные луковки и кокошники соединены в его облике с элементами архитектуры Ренессанса и классицизма: полусферическими куполами, пилястрами и т. д.

В остальной части региона преобладали сооружения из «туркестанского» кирпича. Наиболее крупными православными храмами, выстроенными из него, были Сергиевская церковь в Ташкенте (1893–1897) и Воскресенский собор в Ашхабаде (1908); к сожалению, оба были уничтожены. Из сохранившихся в регионе церквей в неорусском стиле стоит упомянуть Александро-Невскую церковь (Ташкент), Покровскую в Самарканде, церковь Святого Михаила Архангела в Бухаре и т. д.

В неорусском стиле строились небольшие сельские («переселенческие») церкви, возводившиеся, как правило, по типовому проекту[3]. Некоторые из них сохранились в перестроенном виде: в селах Каскасу, Коксайек (обе — Туркестанская область, Казахстан); в Русском Чиназе (Чиназ) и селе Троицком (Чирчик; обе — Ташкентская область, Узбекистан).

Другой случай типового строительства в неорусском стиле — так называемые типовые полковые церкви. В 1900 году императором Николаем II был утвержден доклад «по улучшению быта низших чинов», в котором, в частности, отмечалась «необходимость изыскать средства для постройки церквей при всех частях, … для чего необходимо разработать тип военной церкви»[4]. В декабре 1901 года проект, разработанный военным инженером Федором Вержбицким, был одобрен. Это была однонефная, несколько удлиненная базилика с шатровой колокольней над западным входом, притвором и основным храмом со световым барабаном (восьмериком) над восточной частью. Основное помещение здания было перекрыто большепролетными металлическими фермами из уголков на болтовых соединениях, к которым был подвешен потолок в форме коробового свода из дерева[5].

Как и в случае с деревянными церквями, в проекте Вержбицкого элементы древнерусского стиля (кокошники, луковки, шатровое навершие колокольни) сочетались с грушевидным куполом, характерным для

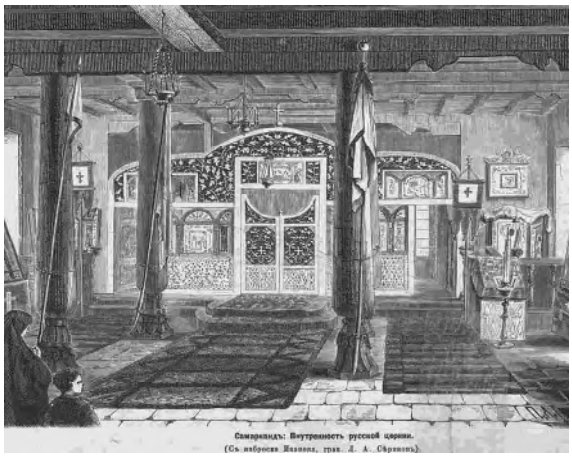


Рис. 2. Внутренний вид Свято-Георгиевского храма в Самаркандской цитадели (из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 3. Вознесенский собор в Верном (из открытых источников в сети Интернет)

архитектуры южнорусского барокко, и прочими элементами других стилей, особенно во внутренней планировке.

Образцы этих «полковых» храмов сохранились в Самарканде (Свято-Алексеевский храм), Термезе (Александро-Невский храм), Оше (церковь Архистратига Михаила); полностью перестроен и не действует Свято-Никольский храм в Зайсане (Казахстан); утрачены Свято-Никольский храм в Чарджоу (Туркменистан) и Свято-Никольский храм в Фергане (Узбекистан).

Памятники неовизантийского стиля

Неовизантийский стиль, возникший в середине XIX века, сосуществовал и конкурировал с неорусским стилем (некоторые церковные постройки сочетали элементы обоих стилей). В отличие от неорусского

[3] См.: (Елагин, 1998: 78–80).
[4] Цит. по: (Клавинг, 2000: 13).
[5] См.: (Макаров, 2020: 15–16).

Рис. 4. Типовой проект полковой церкви (из открытых источников в сети Интернет)

стиля, он был менее «национальным»: неовизантийские церкви строились также во Франции, Великобритании и других европейских странах. «Обретя самостоятельность в рамках поисков "национального стиля", он тем не менее оказывался в тени "русского", не имея столь мощной государственной поддержки, не привлекая столь пристального и продолжительного внимания общественности и критики и не являясь объектом столь острой полемики по вопросам социально-политическим и художественным, как "русский стиль"» (Кишкинова, 2007: 11).

Рис. 5. Католический костел в Асхабаде (из открытых источников в сети Интернет)

Тем не менее, самые крупные церкви в Туркестане были построены в неовизантийском стиле. Это, прежде всего, Спасо-Преображенская церковь, возведенная в 1888 году на центральной площади Ташкента, недалеко от резиденции Туркестанского генерал-губернатора. Она была спроектирована известным петербургским архитектором Александром Розановым и ташкентскими архитекторами Погосским и Гейнцельманом и могла вместить до 1500 верующих.

Неовизантийский стиль более, чем неорусский, подходил для утверждения идеи мощи Российской империи, как это было отмечено Джеффом Сахадео в исследовании русского колониального общества в Ташкенте. Упомянув, что здания, спроектированные Вильгельмом Гейнцельманом в административном центре Туркестанского края, вызывают в памяти «имперские здания Греции и Рима», Сахадео писал: «Самый большой проект Гейнцельмана продемонстрировал близость <его архитектуры> к другой империи. Спасо-Преображенский собор, возведенный в середине 1880-х годов, следовал византийскому стилю. Этот стиль вызывал в памяти специфически русское имперское прошлое, напоминая миф о России как "Третьем Риме"» (Sahadeo, 2007: 39).

Другой несохранившийся образец неовизантийского стиля — церковь Святого Александра Невского в Скобелеве (Фергана), которая также была одной из крупнейших в регионе. Построенная в 1899 году на главной площади города, она вмещала до 700 молящихся. Церковь была спроектирована Игнатием Саковичем по нереализованному проекту храма Спаса на Крови в Санкт-Петербурге, разработанному Иеронимом Китнером и Андреем Гуном. К сожалению, оба храма были разрушены.

Единственный сохранившийся образец неовизантийского стиля в регионе — Храм Казанской иконы Божией Матери в Перовске (Кызылорда, Казахстан), построенный в 1896 году.

Памятники неоготического стиля и армяно-григорианские церкви

Памятники этого стиля в регионе крайне малочисленны, что объяснимо наличием значительно меньшего, по сравнению с православным населением, числа представителей католических и протестантских общин.

Первые католики и протестанты, как известно, стали прибывать в Туркестан практически с момента его завоевания. Первоначально они использовали для богослужений частные дома, затем, по мере увеличения количества верующих, с 1890-х годов начали строить молельные дома и церкви.

В 1896 году в Ташкенте построена лютеранская церковь; в 1905 году — католический храм в Асхабаде (Туркменистан). Последний, к сожалению, был снесен в советское время.

Приток в Туркестан австрийских, польских и венгерских военнопленных в 1915–1917 годах привел к увеличению местной католической диаспоры. В 1916 году был построен костел Иоанна Крестителя в Самарканде; в 1912 году начато строительство костела Святейшего Сердца Иисуса в Ташкенте (завершено лишь в 1990-е).

Строились в регионе и армяно-григорианские культовые сооружения. Армяне переселились в Туркестан из Закавказья и первоначально селились на восточном побережье Каспийского моря. В 1880 годах в Форт-Александровском (Форт-Шевченко, Казахстан) на берегу Каспийского моря появилась небольшая армянская часовня, выстроенная в неоклассическом стиле, а в 1903 году в другом каспийском порту, Красноводске (Туркменбаши, Туркменистан), была построена армянская церковь (не действует). В том же году в Самарканде была построена церковь Пресвятой Богородицы. Обе церкви были выдержаны в традиционном для армянского храмового зодчества стиле, с зонтичными куполами.

Таким образом, в конце XIX — начале XX века на территории Средней Азии были построены храмы всех основных исторических конфессий. И хотя большая часть их была утрачена в советский период, сохранившиеся памятники достаточно многочисленны.

К сожалению, после 1991 года были снесены многие бывшие церковные сооружения. Не избежали этой печальной участи здания церкви Сергия Радонежского в Чимкенте, Свято-Никольской церкви в Фергане, Александро-Невской церкви при ташкентской учительской семинарии (обезглавленное в советское время, но хорошо сохранившееся) и Иосифо-Георгиевской церкви (значительно перестроенное, но представляющее интерес с точки зрения имеющихся в нем захоронений) в Ташкенте.

Некоторые церковные сооружения находятся в заброшенном состоянии, как, например, Покровская церковь в Дербисеке (Туркестанская область, Казахстан) и Вокзальная церковь в Самарканде.

Даже когда государство передает здание (перестроенное или полуразрушенное) соответствующим конфессиям, опасения за судьбу исторического объекта не исчезают. Несмотря на то, что соответствующая проектная документация на церкви, как правило, хранится в архивах, общины крайне редко имеют достаточно собственных средств, чтобы восстановить объект в первоначальном виде, а министерства культуры, как правило, на это средств не выделяют. В результате ремонты и реконструкции сильно искажают облик сооружения. Например, некоторые церковные здания, первоначально представлявшие собой характерные образцы «туркестанского кирпичного стиля», были впоследствии оштукатурены, что исказило их облик и повредило их стилистическому своеобразию (Александро-Невская церковь в Ташкенте, Свято-Георгиевская церковь в Чирчике и др.).

Все это с особой остротой ставит вопрос об изучении сохранившихся культовых сооружений и их сохранении с помощью создания рабочей группы при одном из ведомств, связанных с охраной памятников

архитектуры (например, в случае Узбекистана — при Министерстве культуры или Агентстве по охране культурного наследия Узбекистана), с участием представителей научных и общественных организаций, а также соответствующих христианских конфессий. Целями работы этой группы должны стать описание и каталогизация имеющихся культовых сооружений, оценка потребностей в их сохранении и реставрации. Кроме того, было бы целесообразно провести отдельную конференцию, посвященную истории христианского строительства в регионе, которая могла бы послужить привлечению общественного внимания к вопросам сохранения памятников христианского зодчества (не только указанного периода, но древнего и средневекового).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Абдуллаев Е. История Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // Восток Свыше. 2011. Вып. 23–24. С. 22–62; 2012. Вып. 25. С. 24–63.

Высоцкий К., свящ. Письма из Самарканда. Православные храмы в Сырдарьинской области. (Окончание) // Православное обозрение. Известия и заметки. 1870. № 5.

Галак А. Православные храмы Сырдарьинской линии: от Раима до Катта-Кургана // Восток Свыше. 2022. № 4 (LXI). С. 6–17; Восток Свыше. 2023. № 1–2 (LXII). С. 52–57.

Елагин Ю. А. Православное церковное зодчество юга Казахстана (XIX — начала XX века) // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.) / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Узбекистон, 1998. С. 65–86.

К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.) / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Узбекистон, 1998.

Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910 годов. М.: Искусство, 1978.

Кишкинова Е. М. «Византийское возрождение» в архитектуре России. Середина XIX — начало XX века. СПб.: Искусство, 2007.

Макаров А. И. Типовой воинский храм русской императорской армии в период правления императора Николая II // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 3. С. 13–26.

Нильсен В. А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX века). Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1988.

Озмитель Е. Е. Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.). Бишкек: Изд-во Киргизско-Российского славянского ун-та, 2010.

Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2007.

РАХИМЖОН АВАЗОВ
Фонд сохранения культурного, исторического и нематериального наследия при академии наук «Буюк Турон» Самарканд, Узбекистан

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЦИТАДЕЛИ АМИРА ТЕМУРА

Ключевые слова: наследие, ценности, единообразие, прошлое, настоящее, туризм.
Аннотация: В статье рассматриваются проблемы развития центров исторических городов, археологического наследия цитадели Амира Темура, которые находятся под угрозой повреждения, исчезновения из-за воздействия урбанизации, порожденной индустриальной эрой, исследуется роль и значимость культурного наследия в развитии туристической индустрии.

Kalit so'zlar: meros, qadriyatlar, birxillik, o'tmish, hozirgi zamon, turizm.
Annotatsiya: Maqolada sanoat davri keltirib chiqargan urbanizatsiya ta'siridan zarar ko'rgan va yo'qolib ketish xavfi ostida qolgan tarixiy shaharlar markazlarining rivojlanish muammolari va Amir Temur qal'asining arxeologik merosini saqlash muammolari ko'rib chiqiladi. Shuningdek, turizm sanoatining rivojlanishida madaniy merosning roli va ahamiyati o'rganiladi.

Keywords: heritage, values, uniformity, past, present, tourism.
Abstract: The article discusses the challenges of developing historic city centers and the archaeological heritage of Amir Temur's citadel, which are under threat of damage and disappearance due to the impacts of urbanization driven by the industrial era. It explores the role and significance of cultural heritage in the development of the tourism industry.

Только тот, кто чтит свою богатую культуру и традиции, знает, как идти к будущему.

Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь ООН

На протяжении всего существования цитадели Амира Темура[1] (построена предположительно в конце XIV века) не было инициировано проведение каких-либо работ, в том числе со стороны Министерства культуры, руководства города и общественности, по благоустройству и сохранению этого крупного, уникального средневекового исторического объекта, что привело к его запустению. При разработке нового генерального плана города в 1980 году также не учитывалась его историко-культурная ценность. При строительстве нового административного центра на территории цитадели исчезли многие фрагменты архитектурных сооружений и археологической среды, при этом здесь никогда не проводились фундаментальные научные исследования. Пришло время по-новому подойти к видению сохранения культурного наследия, в том числе по отношению к цитадели Амира Темура как крупному историко-культурному и градостроительному узлу города.

На территории средневековой части Самарканда до XX века с западной стороны находилась цитадель Амира Темура с площадью застройки в 34 га. По сути, это городская резиденция Амира Темура, которая ранее окружалась глинобитной стеной, имела двое ворот в восточной и южных стенах. Внутри цитадели, среди рядовых построек, выделялись по величине и монументальности дворцовые и культовые здания: прежде всего, четырехэтажный дворец «Кук-сарай» Амира Темура, который своей высотой не нарушал силуэта памятников Самарканда, где доминирующим зданием города оставалась мечеть Биби-ханым.

Цитадель являлась правительственным центром города и представляла собой городок с ремесленными кварталами. Здесь же

[1] В отличие от принятого в западной и российской науке написания имени Тамерлан, Тимур и названия основанной им династии Тимуриды (что и встречается в статьях данного сборника на русском и английском языках), в науке Узбекистана, с обретением независимости, принято исконно правильное написание имени и династии: Амир Темур и Темуриды.

Фотографии Н. В. Богаевского заимствованы из «Туркестанского альбома» (1871–1872)

Бухарские ворота. Самарканд. 1871–1872 гг.

располагался сарбазский двор (воинские казармы), вблизи которого находились тюрьма, монетный двор, бани-хамамы, оружейная палата, медресе и лавки купцов. Цитадель была окружена самостоятельным кольцом стен, которые в наружной западной части были двойными, от города ее отделял глубокий овраг, в котором протекал ручей Новадон (Чашма), выполнявший оборонительную функцию. Он также использовался для отвода и регулирования грунтовых вод, создавал микроклимат, а также имел эстетическую ценность (Лавров, 195: 98–101).

В черте цитадели находился мавзолей святого Нуриддина Басира, построенный Амиром Темуром. По своей архитектурно-художественной композиции он не уступал мавзолею Гур-Эмир, имел монументально-купольную, портальную композицию. В конце XIX века цитадель была разрушена чиновниками царской армии.

Археологические раскопки 1982–1984 годов. В связи с начатыми работами по благоустройству города Самарканда весной 1982 года на территории бывшей цитадели Амира Темура Институтом археологии АН Узбекистана были проведены 37 археологических раскопок. В результате были найдены остатки двойной оборонительной стены русской крепости (южная рондель), баня эмира бухарского, построенная в XVIII веке, северо-западнее от нее — часть стены и вымостки двора тронного зала (подтвердившие, что дворец эмира с тронным залом был построен не ранее XVIII века). Под ним прослеживается четырехметровая стратиграфия жилых кварталов с узкими улочками, хауз XVI века, водосток того же времени, хауз и баня XIV века, квартал керамистов конца XVIII — середины XIX века (Лебедева, 2001: 202–217).

В северо-западной части цитадели обнаружен подвал «тагхона». Он напоминает афрасиабские подземные помещения купольной формы, только в кирпичном варианте. Круглый в плане, вырубленный в материке и обложенный жженым кирпичом, он имеет диаметр 5,57 м. Толщина кирпичной кладки у основания 1,04 м, к вершине купол постепенно уменьшается до ширины одного кирпича — 24 см. Основная масса кладки выполнена жженым кирпичом. Такие куполообразные, выкопанные под землей подвалы очень практичны. В них держатся постоянная температура и определенная влажность, позволяющие долго сохранять овощи и фрукты почти без усушки, а также молочные продукты и даже свежее мясо.

Три полевых сезона велись раскопки на оборонительной стене. Остатки ее прослеживаются и в северо-восточной части цитадели под современными жилыми кварталами. Здесь же, под этими кварталами, должны быть остатки средневекового водопровода, дворца Бустон-Сарай и современной части русской крепости.

Анализ археологических материалов в процессе раскопок и данных источников дает возможность восстановить во времени и пространстве существование цитадели средневекового и позднесредневекового Самарканда. Цитадель Амира Темура возводилась по всем правилам военно-инженерного искусства. Она построена на самом высоком месте города, обнесена двойной оборонительной стеной, на исходящих углах цитадели были сооружены круглые баш-

ни. Кроме того, археологические раскопки показали, что мы имеем дело с капитальной застройкой, представляющей большую материально-историческую и культурную ценность, причем сохранившиеся фрагменты застройки великолепно отражают социальную структуру цитадели.

В 1984 году из-за финансовых проблем археологические раскопки были приостановлены.

В соответствии с генеральным планом 1980 года, на территории малоизученной территории цитадели построили новый административный центр, который занял около 65% общей площади территории. В результате строительства многие фрагменты цитадели просто исчезли, нарушились сложившаяся панорама и силуэт города, изменились характерные соотношения высот сооружений и площадей вразрез всем существующим законам о градостроительстве. Бесконтрольное застраивание цитадели продолжается и сегодня.

В статье 30 Закона РУз «Об охране и использовании объектов культурного наследия» от 30.08.2001 г. № 269-II говорится: «историко-культурным заповедником является территория или часть территории достопримечательности с расположенными в его пределах памятниками и ансамблями, на которой устанавливается особый режим, обеспечивающий сохранность объектов материального культурного наследия в единстве с окружающей их исторической средой, территориальную целостность историко-культурного заповедника, а также регулирование строительной и хозяйственной деятельности в границах данной территории (Закон РУз, 30.08.2001: № 269-II).

Но, несмотря на существующий закон о градостроительстве, сегодня на территории цитадели и прилегающей местности построены гостиница «Афросиаб», рестораны «Зилол бахт», «Кук сарай», автомойки, магазины, зона отдыха и др.

В статье 31 того же Закона говорится, что граница историко-культурного заповедника и музея-заповедника определяется Министерством культуры РУз на основании историко-культурного плана и (или) иных материалов, обосновывающих предлагаемую границу историко-культурного заповедника и музея-заповедника. Порядок создания и режим содержания особо охраняемых историко-культурных территорий устанавливаются Кабинетом Министров в соответствии с Законом РУз от 30.08.2001 г. № 269-II. Несмотря на давность Закона, работы по установлению границ историко-культурного заповедника, каким является цитадель Амира Темура, порядок создания и режим содержания охраняемых здесь территорий до сих пор не установлены, не проделаны кадастровые работы.

В соответствии с решением Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в области охраны объектов материального культурного наследия» от 19 декабря 2018 года № PQ-4068, Кабинет Министров постановил утвердить национальный перечень недвижимого имущества, объектов материального культурного наследия, согласно приложению 1, и в случае обоснованной необходимости внести изменения и дополнения в национальный перечень недвижимого имущества, объектов материального культурного наследия. Однако цитадель Амира Темура до сих пор не утверждена в Национальном перечне недвижимого имущества объектов материального и культурного наследия!

Решением Кабинета Министров Республики Узбекистан «О дополнительных мерах, связанных с внедрением новых видов туризма и эффективным использованием туристского потенциала нашей страны», с 1 января 2025 года должны быть введены такие новые виды туризма, как промышленный, геологический, военный, научный и государственно-административный туризм. (Промышленный, военный, научный — новые виды туризма появятся в Узбекистане // Газета Uz. 3.10.2024). Научный туризм предполагает знакомство с научно-техническими достижениями путем посещения научно-исследовательских институтов и лабораторий, обсерваторий и планетариев, Академии наук и организаций ее системы. Это постановление правительства даст также широкие возможности изучения объектов историко-культурного наследия не только нашей страны, но и стран Великого шелкового пути. Один из таких объектов — цитадель Амира Темура.

Подлежат тщательному сохранению. Исследуя основные постройки, возведенные

как при Амире Темуре, так и при его ближайших преемниках, можно заметить общие планировочно-композиционные идеи, положенные в основу застройки города. Отдельные монументальные здания здесь объединены в группы. Архитектурно-художественные образы сооружений схожи и формируют единый ансамбль, представляют единую систему улиц и площадей, застроенных в едином архитектурном стиле. К сожалению, многие постройки на сегодня просто исчезли, как и найденные в 1984 году археологические фрагменты на месте нынешнего гаража областного хокимията. Тем не менее, проводя археологические раскопки, изучая остатки монументальных сооружений, сохранившихся со времен Темуридов, обращаясь к письменным источникам, реконструируя сохранившиеся фрагменты исторической застройки, постепенно можно воссоздать архитектурно-композиционный и художественный облик Самарканда того времени.

Проблемы сохранения исторических фрагментов городской среды, прежде всего, связаны с их использованием в новых жизненных условиях. То, что остается за пределами жизни, подвергается постепенному распаду. Сегодня это происходит с бывшей цитаделью Амира Темура. А ведь найденные в результате археологических раскопок фундаменты зданий цитадели могут активно включаться в среду современного центра при условии грамотного подхода. Более того, в соответствии с новыми структурами, они могут обрести важность не только как «знаковая» местность, но и как эстетическая ценность. Археологический заповедник цитадели Амира Темура может способствовать оживлению городского центра, т. е. непосредственно активно включиться в историко-градостроительную среду, став крупным туристическим узлом города. Ценность самого места, на котором в прошлом существовало сооружение, важна для истории города, народа и формирования городского ансамбля. Здесь может возникнуть множество идей по возрождению историко-культурной среды.

Однако при вовлечении исторической застройки в современную жизнь необходимо обязательно соблюдать соответствие функциональных требований с ее структурой: между новой функцией и смысловыми значениями, сохраняемыми формами среды, не должны возникать диссонансы, нарушающие восприятие эстетических ценностей. Возрождение рядовой ткани исторической застройки города должно сохранить ее характер, воспоминания, легенды, которыми обрастает обжитое место. Даже если здесь нет привычного стереотипа — туристической достопримечательности, оставшиеся скромные фрагменты могут создать ощущение подлинной истории. Эти руины составляют закономерную часть историко-культурного наследия.

В связи с этим следует вывод: цитадель Амира Темура — крупный историко-культурный и градостроительный узел города. Историко-градостроительная ценность его планировочной структуры дает целостную картину 3000-летнего формирования одного из древнейших городов мира. Поэтому все элементы первоначальной планировочной структуры цитадели, как и античного, и средневекового городов в целом, подлежат тщательному сохранению в качестве культурно-исторической ценности первостепенного значения.

Мировой опыт возрождения. Интересен в этом смысле пример возрождения среды старого Тбилиси (конец 1970-х — начало 1980-х годов). Научная реставрация фрагментов старой крепостной стены и части построек напоминает театрализованные здания-макеты, которые не воспроизводят документально былые формы, но следуют образу старого Тбилиси (точнее его современному видению, прошедшему через романтическую призму грузинской поэзии, живописи и театра). Вместе с материальными структурами образ функционально наполнили учреждения культуры, мастерские возрождаемых народных промыслов, сувенирные лавки, рестораны национальной кухни, имеющие индивидуальный облик. Целостная и образно насыщенная среда была высоко оценена общественностью (Иконников, 1985: 64–66).

Или античная Сердика — руины комплекса общественных зданий в Софии, примыкавших к главной улице города, корпусу гостиницы «Балкан». Посреди обширного двора возвышается сохранившийся объем купольной ротонды конца IV века, когда-то служившей мавзолеем, а в середине века превращен-

Фотографии из Отчета Института археологии Академии наук Узбекистана

ной в церковь св. Георгия. Вокруг — плиты мощения древней улицы, руины сооружений. Четко выделенный пространственно, этот археологический ансамбль открывается с одной из самых оживленных площадей современного города, т. е. непосредственно вошел в его жизнь. Контакт старого и нового не только породил эстетические эффекты, ценность которых неоспорима, но и помог активизировать систему культурных центров Софии.

Таких примеров и методов можно привести сколько угодно. В них четко реализован принцип сохранения старого при реконструкции центров исторических городов: не консервация как самоцель, не музейное хранение культурного достояния, а его активное включение в современную жизнедеятельность и культуру. Этот принцип определяется самой природой города, порожденного жизнью общества и его развитием. Осуществление этого принципа и делает возможным накопление тех культурных богатств, которыми обладают исторические города страны. Новое не должно разрушать старое, как это произошло с новым административным центром и цитаделью Амира Темура, а взаимодействовать с ним, делая это старое и вечно живым, и вечно новым. Необходимо решать современные задачи, опираясь на сложившуюся основу, максимально сохраняя и возрождая ее.

Археологическое выявление и использование планировочной структуры крупного историко-градостроительного узла даст возможность восстановить композиционный, художественно-эстетический потенциал среды, достичь социальные, идеологические, экономические и культурные цели, а также принять те или иные градостроительные решения (Авазов, 19. 04. 2021).

Цитадель должна стать археологическим парком. Во время рабочей поездки в Самаркандскую область Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев сообщил о превращении Самарканда в город-миллионник, где к городу планируется присоединить 18 тысяч гектаров площади за счет Самаркандского, Пастдаргомского, Тайлякского и Акдарьинского районов. Кроме того, административный центр Самаркандской области планируется перевести в Гулобод. Такое решение дает возможность приступить к разработке концепции создания археологического парка на территории цитадели Амира Темура.

Созданию историко-культурного археологического парка способствуют следующие критерии:

– *исторически сформировавшийся историко-культурный ландшафт;*

– *степень изученности объекта;*

– *наличие комплекса археологических памятников и фрагментов среды, где ощущаются дух и магия города;*

– *территориальная близость к основным памятникам исторического города.*

Создание историко-культурного археологического парка позволит выявить подлинный характер застройки цитадели Амира Темура, что важно для истории города и развития туризма. Нельзя забывать, что наследие ассоциируется не только с объектами и артефактами, связанными с прошлым. Это понятие расширяется до всей сферы национального культурного наследия, в том числе

нематериального. Восстановление цитадели Амира Темура как идеологической основы государства позволит решить ряд социально-экономических, культурных и градостроительных вопросов, представив его как новый туристический объект.

Для реализации этой цели необходимо:

– провести археологические работы до полного завершения;

– разработать научную методику сохранения археологических памятников, провести кадастровые работы, на базе которых дать проектное предложение по развитию и благоустройству цитадели;

– восстановить мавзолей шейха Нуриддина Басира, что позволит перенести его прах на исконное место и даст возможности местному населению и зарубежным туристам посещать его как объект паломнического туризма.

Найти источники финансирования для проведения данной работы, которыми могут быть:

– хокимият города, Министерство туризма, Министерство культурного наследия, бизнес- структуры, различные международные и отечественные фонды.

Над концепцией создания археологического парка должна работать международная многопрофильная группа специалистов по сохранению наследия, археологи, градостроители, архитекторы, эксперты по туризму. Важно также, чтобы Консультативный совет ИКОМОС после изучения материала дал оценку подлинности объекта для включения цитадели Амира Темура в список Всемирного наследия.

Объекты Всемирного наследия должны иметь охранные границы и буферные зоны. Последние решения Комитета Всемирного наследия по новым разработкам внутри и вокруг городов, внесенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, как раз говорят об этом. В частности, этого вопроса касаются требования параграфа 104 Руководства об установлении адекватных буферных зон, которые являются дополнительным уровнем защиты. Они должны предотвращать угрозы сохранения подлинности и целостности. Такими угрозами могут быть: строительство (новые высотные конструкции) рядом с историческими центрами, транспортные коммуникации, социально-экономические перемены, визуальное и эстетическое воздействие, топография. Зоны визуального и эстетического воздействия требуют особого внимания, поскольку они содержат точки, с которых открывается панорама города, где ощущается дух и магия города. Буферные зоны выявляют опасности и создают механизмы их снижения. К сожалению, в 2001 году, когда Самарканд вошел в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, данные зоны были определены формально, что сегодня очевидно, а потому срочно требуется доработка специалистами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Авазов Р. Ш. Цитадель Амира Темура нужно возродить // Самаркандский вестник. 19.04.2021.

Закон Республики Узбекистан. Об охране и использовании объектов культурного наследия от 30.08.2001 г. № 269–II.

Иконников А. В. Реконструкция центров крупных городов. Москва: Знание, 1985. 64–66.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. Москва, 1950. С. 98–101.

Лебедева Т. И. Позднесредневековый Арк Самарканда // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 202–217.

Мнение эксперта: https://sv.zarnews.uz/post/citadel-amira-temura-nujno-vozrodit

Промышленный, военный, научный — новые виды туризма появятся в Узбекистане // Газета Uz. 3.10.2024.

НАФИСА ГИЛЬМАНОВА
Ташкентский архитектурно-строительный университет
Ташкент, Узбекистан

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КРЕПОСТЬ (КАЛЪА) КИТАБА

Ключевые слова: Южный Согд, Кеш, Китаб, Шахрисабз, Дичже, цитадель, крепость, Бековская Кала.
Аннотация: В статье освещаются этапы строительства памятника археологии XVIII века — крепости (калы) Китабского Бека, под которую, по мнению исследователей, была приспособлена мощная раннесредневековая крепость-резиденция правителя Дичже, построенная в конце VI в. к западу от прежней античной цитадели. Руины раннесредневековой крепости были обнаружены при археологических исследованиях под крепостью Китабского Бека, которая, по опросам старожилов, имела шестигранную форму и достигала площади 2,5 га.

Kalit so'zlar: Janubiy So'g'd, Kesh, Kitob, Shahrisabz, Dichje, qal'a, Bekov qal'asi.
Annotatsiya: Maqolada XVIII asr arxeologiya yodgorligi — Kitob Beki qal'asini qurish bosqichlari yoritilgan. Tadqiqotchilar fikricha, bu mustahkam ilk o'rta asr qal'asi Dichje hukmdorining qarorgohi bo'lib, u VI asr oxirida qadimgi qal'adan g'arbida qurilgan. Qadimgi qal'a qoldiqlari Kitob Beki qal'asi ostida arxeologik tadqiqotlari davomida aniqlangan. Mahalliy aholi so'rovlariga ko'ra, qal'a olti burchakli shaklga ega bo'lgan va 2,5 gektar maydonni egallagan.

Keywords: Southern Sogd, Kesh, Kitab, Shakhrisabz, Ditchje, citadel, fortress, Bekov Fortress.
Abstract: The article highlights the construction stages of an 18th-century archaeological monument — the fortress (qala) of the Kitab Bek. According to researchers, this fortress was adapted from a powerful early medieval fortress-residence of the ruler of Ditchje, built in the late 6th century to the west of the ancient citadel. The ruins of the early medieval fortress were discovered during archaeological research beneath the Kitab Bek Fortress, which, according to accounts of local elders, had a hexagonal shape and covered an area of 2.5 hectares.

В 1962 г. Г. А. Пугаченкова, описывая результаты научного исследования, проведенного на памятниках Китабского городища, считала, что Китабская Кала, построенная Беком Китаба в 40-е гг. XVIII столетия, представляла собой прямоугольное пространство, обнесенное высокими пахсовыми стенами, которые были фланкированы округлыми башнями диаметром до 6 м. Вся пахса была изготовлена из выбранной на древнем городище неочищенной глины, сплошь насыщенной культурными остатками: огромным количеством бытовой керамики, костей животных, зольных вкраплений и т. д. Керамический материал в пределах античной эпохи и раннего средневековья до VIII в. в свое время исследовал при раскопках в г. Китабе археолог С. К. Кабанов.

На период исследования Бековской Калы в начале XX в. крепостные стены продолжали разрушаться, так как местное население выбирало глину для выделки кирпича. Кладки крепостных стен идут от кладок VI–VII вв., прямо от уровня дневной поверхности (от слоя земли, который когда-то освещался солнцем, т. е. поверхность, на которой протекала жизнь в изучаемую эпоху).

Судить о ее первоначальной площади было невозможно, так как остатки всхолмленной местности были видны и на противоположной (северной) стороне главной улицы под современными постройками, но было неясно, входили ли они в систему единого тепе или нет.

Ясно было одно, что Бековская Кала XVIII–XIX вв. была основана именно на гребнях старого городища, а для ее укрепления использовали глину, взятую на самом городище.

Помимо Бековской Калы и остатков античных бугров, неподалеку (за бывшим колхозным базаром) поднималось на высоту до 10 м Каландар-тепе. По словам жителей, оно занимало втрое большую площадь, но было изрыто и разобрано на изготовление кирпича. Это тепе, судя по керамическому материалу античного и раннефеодального времени, функционировало до IX в. В XIX в. наверху

его были могилы. Там же была найдена глазурованная керамика XII в.

Одной из задач Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ), созданной М. Е. Массоном в 1963 г. при Ташкентском Государственном университете (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека) с целью историко-археолого-топографического исследования Кашкадарьинской области, было изучение Бековской Калы XVIII–XIX вв. и выяснение, нет ли в ее основании следов крепостных стен IX–X вв.

Современный поселок Китаб располагался на правом берегу реки Аксу-Дарья. Город в XIX в. был вытянут с востока на запад. Крепостные стены окружали пространство неправильных очертаний размером 2,2 х 0,8 км. От этих стен к тому времени сохранились лишь жалкие остатки, поскольку на их месте почти всюду стояли жилые дома.

Наибольшая высота остатков стен с оплывами не превышала 4 м. Стены были сложены из пахсовых блоков высотой 57 и 65 см. Лишь на небольшом участке южной стены между калиткой «Дарча» и воротами «Ходжа Рушнои» сохранился участок стены длиной 11,7 м из сырцовых кирпичей размером 42 х 12 см, 42 х 16–16,5 см; 42 х 41 х 14–15–17 см. К нему примыкают два разновременных пояса пахсовых блоков, стоящих друг над другом и разделенных между собой полосой запустения. Не исключена возможность, что здесь сохранился еще участок стены города античного времени. Для окончательного ответа нужны были зачистки и шурфы, что входило в задачи последующих исследований экспедиций.

Опрос старожилов по остаткам крепостной стены выявил местонахождение шести ее былых ворот и калитки «Дарча». Их наименования: восточные — «Юкори дарваза» (или «Кунчикар»), северные — «Самарканд дарваза», «Намазга дарваза» (или «Чарымгар»), северо-западные — «Гаухана дарваза» (или «Джангиль»), западные — «Ходжа-Рушнои-дарваза» (или Гышт куприк), южные — «Шербетхона-дарваза».

КАТЭ также были проведены работы по исследованию и восстановлению примерной схемы внутренней планировки Бековской Калы в конце XIX — начале XX в. на основе устных показаний населения. У входных ворот были караульные помещения, каждые ворота охранялись сарбазами. На всей территории Китаба имелось 64 гузара. За пределами крепостных стен имелось еще несколько. В каждом гузаре была своя мечеть, чаще всего того же наименования. Джума мечеть находилась к северу от Каландар-тепе на площади Регистан. При ней было медресе с 13 худжрами. Единственный вход в Калу — крепость Бека XVIII в. был с площади Регистан. В плане Кала представляла собой прямоугольник с выпуклыми боковыми гранями размерами 120 х 163 м. Поскольку стены с наружной стороны были несколько выбраны наступающим современным городом, определить точное количество башен не удалось. По опросным данным их было от 6 до 8 и якобы они фиксировали углы и боковые грани (рис. 1).

Кала была сложена из пахсовых блоков высотой 53,65 х 75 см. В кладке башен использованы деревянные бревна. Внутренняя площадь Калы к тому времени была уже ровная, так как весь микрорельеф был снят бульдозером. Лишь вдоль северного фаса шли всхолмления на высоту до 3–4 м. Опрос старожилов показал, что внутри Калы, на значительной площади вдоль западного фаса тогда был разбит сад.

Остальная территория Калы Бека была занята следующими строениями: тюрьмой, конюшней, кухней, помещением для русских гостей, помещением для приема Бухарских эмиров, канцелярией, бухгалтерией, амбаром, дворцом Бека, гаремом, в центре стояла мечеть. Вода подавалась с северной стороны по специальному желобу и сбрасывалась с южной. Внутри был хауз и свой родник. На схеме определено расположение объектов внутри Калы, по исследованиям КАТЭ удалось отметить главные улицы в крепости, а также зиндан у парадного въезда в Калу (рис. 2).

Дальнейшее изучение оснований Калы показало наличие в кладке пахсовых блоков высотой 95 см и крупных прямоугольных

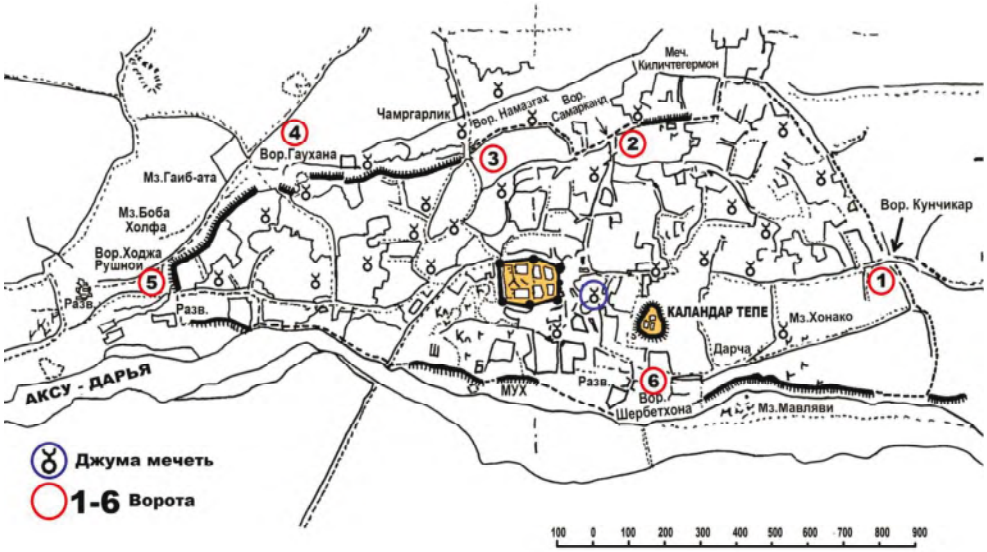


Рис. 1. План г. Китаба с остатками оборонительной стены Бековской Калы, Джума мечети и Каландар тепе. Уточнено и исполнено Гильмановой Н. В. по КАТЭ

сырцовых кирпичей с примесью самана размером 58–59 х 29–33 х 8,5–9–10 см.

Осмотр Калы на уровне современной поверхности позволил выявить подобный прямоугольный сырец со всех ее сторон, что дало основание экспедиции КАТЭ предположить раннесредневековую основу стен Бековской Калы XVIII–XIX вв. Шурф, заложенный на месте въезда в Калу Бековского времени, подтвердил это.

В полуметре от современной поверхности началась кладка стены раннесредневековой крепости Кеша из сырца размером 49–63 х 29–33 х 8–10 см. Каждый кирпич имел на одной плоскости клеймо, сделанное пальцами по сырой глине. Было выявлено шесть типов клейм. Высота кладки была прослежена выше чем на 5 м.

Таким образом, высота стен крепости Кеша VI–VIII вв. была еще значительной в XVIII в., когда Бек надстроил стены своей крепости. Последняя повторяет планировку ранней крепости, лишь стены ее несколько отступали внутрь. На фото хорошо прослеживается разновременная кирпичная и пахсовая кладка Бековской Калы, различающаяся даже по цвету (рис. 3).

В 1965 г. археологическая группа КАТЭ в составе: начальника площадки Э. Ртвеладзе, участников экспедиции Х. Султанова, А. Захидова, К. Фасиддинова и др. провела работы по исследованию остатков стены г. Китаба.

Перед группой были поставлены задачи по выявлению ширины стены Китаба у основания, состава стены, раннесредневековых пристроек.

Группой было выявлено, что объект, на котором производились раскопки, представлял собой сохранившийся отрезок городской стены Китаба длиной 12 м, находящийся на южной окраине бывшего двора Заготскот, который в свою очередь располагался в 150 м на юг от Бековской Калы.

Для выявления нижних слоев стены археологической группой вплотную к этой стене был заложен шурф. В этом пахсовом слое был зачищен проход с прямыми стенами и сводчатым потолком, идущий, видимо, к башне под углом 45 градусов по отношению к стене. Примерная высота прохода составляла 1 м 70 см, ширина 1 м 20 см. Он находился на высоте 70 см от основания стены. От внутреннего края вглубь стены удалось проследить длину прохода, уходящего на 5 м.

В процессе раскопок, проведенных на стене города Китаба, группе удалось выяснить, что в основании стены лежит мощный пахсовый слой, сохранившийся на высоту 3 м

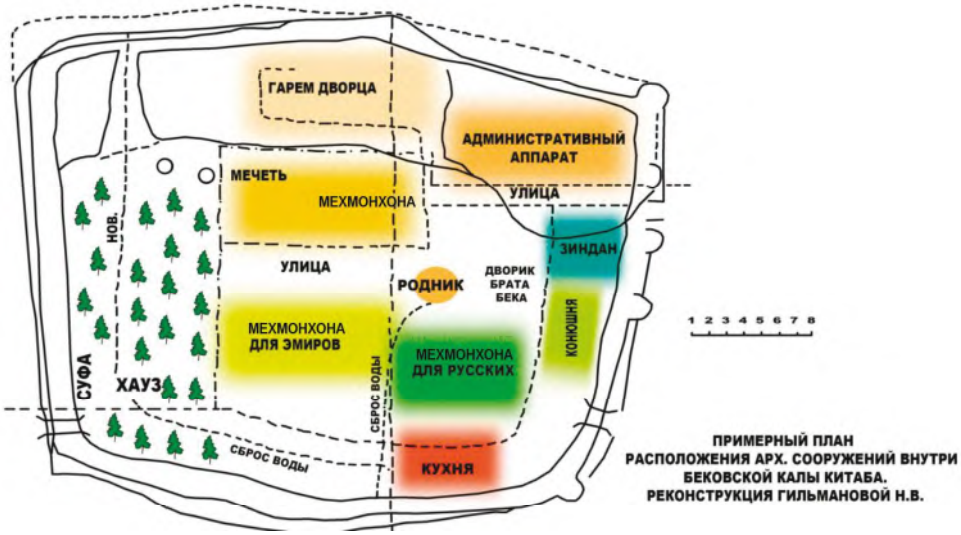


Рис. 2. План Бековской Калы с внутренними строениями (исполнено Гильмановой Н. В.)

30 см. Ширина стены у основания составляла примерно 8–9 м.

Хронологически очень четко определились три строительных периода в возведении городской стены Китаба:

1. Античный период представлен слоем пахсы и кирпичей размером 42 х 42 х 12 см;

2. Раннесредневековый период представлен рядами сырцового кирпича размером 47 х 22 х 15–17 см.

Между ними можно установить еще один период, который представлен пахсовой стеной шириной 4,5 м, возведенной непосредственно на античном кирпиче размером 42 х 42 х 12 см. Эта стена, видимо, относится ко времени кризиса рабовладельческой системы, так как по отношению к ширине предыдущей античной стены она сокращена почти вдвое.

3. Бековский период, XVIII–XIX вв., представлен пахсовыми блоками размером до 50 см, такими же смежными блоками, как на Кале Китаба и в Шахрисабзе.

Более точно датировать слои стен было невозможно из-за почти полного отсутствия керамического материала. За все время раскопок было найдено всего пять фрагментов керамики.

В 1967 г. в работах КАТЭ по изучению восточной части Кашкадарьинской области было уточнено, где проходила и что представляла собой городская стена Бековского времени, от которого лишь кое-где уцелели немногие остатки.

Исследование остатков почти исчезнувшей городской стены Бековского времени выявило, что сложена она была из пахсы и имела шесть рядов кладки. По показанию стариков, в ней было до восьми рядов, она достигала в высоту 7 м, но наличия сверху зубцов-кунгра они не помнят. Стена сужалась кверху и имела в основании от 5,5 м до 6 м ширины, по верху ее могла ездить арба и стоять пушки.

Судя по археологическим материалам, Бековская Кала, считавшаяся поздним памятником, появилась еще в конце VI — начала VII в.

Под пахсовыми стенами Бековского времени также шли древние кладки из крупных продолговатых сырцовых кирпичей размерами от 49 х 29 х 8,5 см до 63 х 33 х 10 см.

Таким образом, на тот период исследования позднейшая Бековская Кала занимала площадь около 900 кв. м, унаследовав свой первоначальный план в виде неправильного шестиугольника.

К Кале Бека относятся надстроенные позднее круглые угловые башни с промежуточными бурджами, которые еще видны на фото, сделанном в 1930–1940-х гг. (рис. 4).

Не менее выразительной была и Каландар-тепе, возвышающаяся над местностью на

Рис. 3. Разновременная кирпичная и пахсовая кладка Бековской Калы (крепости). Фото Гарифулина И. Р. 2024 г.

высоту 14–15 м. Усиленно разбираемые населением ради получения земли остатки исчезающего на глазах тепе имели в 1960-х годах протяженность с севера на юг около 90 м, при ширине с востока на запад от 32 м до 11 м, тогда как верхняя ее площадь, вытянутая по оси север — юг, еще в 1923 г. превышала 1200 кв. м. Содержимое ее 3,5-метрового культурного слоя датировалось тогда снизу вверх от VI в. до VII в. Есть основание считать, что крепость, на руинах которой 1200 лет спустя возникла Бековская Кала, и появление у Каландар-тепе на развалинах ее древнего Арка новых сооружений феодального периода связаны с эпохой когда Кеш (он же Ши, Ци-ши в Китайских хрониках) стал на некоторое время главным городом всего Согда, о чем имеется указание у Якуби («Китаб ал-булдан» — «Книга о странах», 1892).

Китайские источники возвышение Кеша связывают с деятельностью могущественного правителя по имени Дичже (кон. VI — нач. VII в.). Считалась, что именно он отстроил этот город, бывший его резиденцией и имевший до 1 км в окружности, а владения при нем простирались не на одну тысячу километров и включали до 500 населенных пунктов. В 605 г. Дичже наладил дипломатические отношения с самой крупной тогда на Дальнем Востоке Китайской империей.

Установлен факт, что на территории г. Китаба последний средневековый слой оставлен явно процветавшим городом VIII — нач. IX в., сверху его перекрывают культурные слои с XVIII в. По архитектурным наблюдениям, раннесредневековый Кеш возник на месте развалин более древнего города.

По мнению исследователей КАТЭ, это был именно тот город, который упоминается в истории Старшего дома Хань (220 г. до н. э. — 20 г. н. э.). Его название дошло до нас в передаче китайскими иероглифами, в русской научной литературе звучит как Су-хе, Су-се, Су-сай. Город этот во II в. до н. э. был покорен Государством Кангюй (III в. до н. э.). Этот античный город (IV–III вв. до н. э. — IV в. н. э.), обнесенный стеной, занимал в период своего расцвета площадь примерно в 40 га, т. е. шахристан средневекового Кеша был меньше Китаба XIX в.

Античная городская стена Кеша долгое время находилась в упадке и была сильно разрушена. Только в раннем средневековье ее оплывший гребень был несколько подровнен и на нем возвели новую городскую стену, нарастив сырцовыми продолговатыми кирпичами размерами 41 x 21 x 13 x 14 см – 47 x 22 x 15 см. Еще тысячу лет спустя поверх уцелевших остатков появилась пахсовая кладка стен г. Китаба XVIII в. Археологические исследования на северной стене Китаба показали остатки только пахсовых Бековских стен XVIII в.

Были сделаны следующие выводы: территория Бековской Калы находится на месте укрепленной крепости (замка) VII в., содержит также культурные слои античного времени, сырцовые кирпичи размерами от 38 x 38 x 13 см до 40 x 40 x 14 см. Организующим центром античного города служил Арк, находящийся на месте крупного искусственного бугра Каландар-тепе, недалеко от южной городской стены, т. к. появление врагов ожидалось именно с юга, т. е. со стороны Бактрии. Установлено, что Арк имел прямоугольный план, занимал площадь не более 1 га и по размерам был близок к кухандизу древнего Самарканда на

Рис. 4. Развалины входного портала Бековской Калы в г. Китабе. Архивное фото 1930–1940-х гг.

городище Афросиаб. Основание его было на сбитой из пахсы платформе.

В нач. IV в. н. э. наступил кризис рабовладельческой формации и упадок античного города и его Арка. Археологические исследования на возвышенной части застроенного городища выявили, что под слоем Бековского Китаба XVIII–XIX вв. залегает также мощный культурный слой раннесредневекового Кеша VI–VIII вв., ниже поры рабовладельческого общества, но не старше греко-бактрийского времени.

Археологические исследования, проведенные внутри Бековской Калы, наглядно продемонстрировали, что она была отстроена после длительного запустения в VII–VIII вв., так как свыше 4,5 м от ее поверхности уже начинался слой античного времени.

Совершенно определенно можно сказать, что расцвет античного города, упоминаемого под именем Су-хе, приходится на кушано-кангюйскую пору.

Когда долина Кашкадарьи в V в. была покорена эфталитами, город пережил период

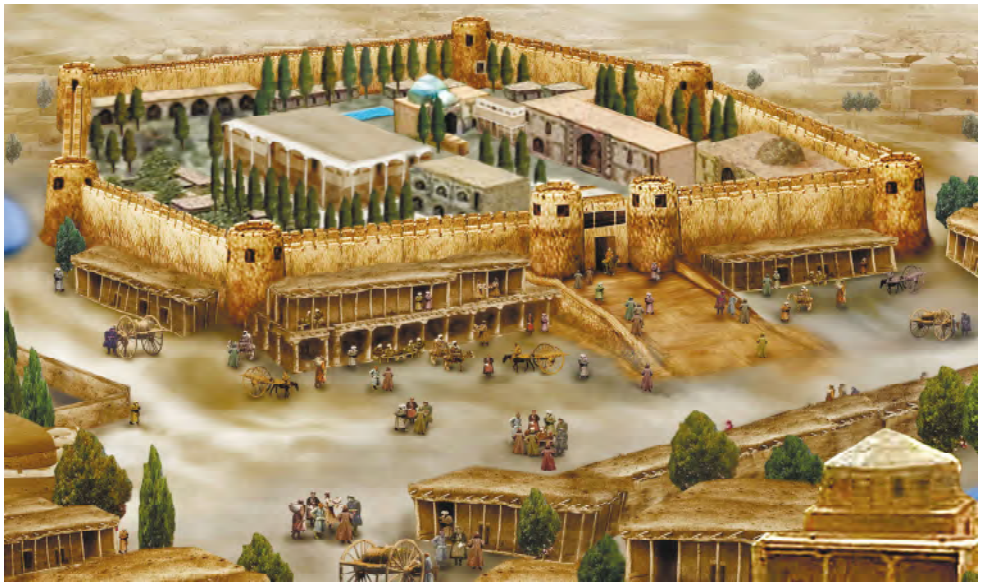


Рис. 5. Графическая реконструкция Бековской Калы и площади Регистан в XVIII в.
Автор Гильманова Н. В.

полного упадка. После возобновления жизни ему дали новое название — Кеш.

Интенсивный подъем города протекал в VI в. После восстания Муканны город Кеш был обречен почти на 1000-летнее запустение.

XI–XII вв. были временем интенсивного развития городов и крупных селений. При Амире Темуре и Мирзо Улугбеке большое внимание уделялось новому городу-спутнику Китаба — Шахрисабзу.

В 1574 г. Каршинская область вошла в Бухарское ханство.

Сопоставив научные данные, результаты археологических исследований, архивные фотоматериалы, а также последние исследования Китаба, проведенные нами в июле 2024 г., где еще сохранились небольшие остатки крепостного сооружения — Калы Бека, была сделана попытка ее графической реконструкции с приведенными выше внутренними строениями, площадью Регистан, заполненной людьми и вмещающей лавки торговцев, караван-сараи, Джума мечеть и медресе, которые, окружая Бековскую Калу г. Китаба, создавали единый ансамбль города XVIII столетия (рис. 5).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана / Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд. Восточной литературы, 1963.

Крашенинникова Н. И. Маршрутное обследование Китабского района // АО 1976. М., 1977.

Крашенинникова Н. И. Работы в Китабском и Шахрисабзском районах // АО 1981.

Кун А. Л. Очерки Шахрисабзского бегства. Записки Императорского русского географического общества по определению этнографии. Спб. 1880. Т. 6. С. 217.

Лунина С. Б., Усманова З. И., Султанов Х. Т., Дресвянская Г. Я. Шахрисабз. Часть I–II. Ташкент: Университет, 1993.

Маев Н. Л. Две недели в Шахрисабзе // Материалы по статистике Туркестанского края. Спб., вып.5, 1879.

Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1971.

Массон М. Е. Столичные города низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент: Фан, 1973.

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 61. Гуманитарные науки. Книга 6. Ташкент, 1953. С. 17-97.

Шахрисабз – 2700: Наследие тысячелетий. Ташкент: Шарк, 2002.

MICHAEL P. DOWNS
Michigan State University, Michigan, USA

SCIENCE, ART, & FAITH: EXPLORING THE MULTIFAITH HERITAGE OF ISLAMIC ARCHITECTURE (A PROJECT FUNDED BY THE TEMPLETON RELIGION TRUST)

Key words: Interfaith, Multifaith, Architecture, Heritage, Islam, Pluralism, History.
Abstract: Researchers at Michigan State University are examining the multifaith history of Islamic architecture through "Science, Art, and Faith: Architectural Heritage and Islam." Funded by two Templeton Religion Trust (TRT) grants, the project explores interactions between Muslim and non-Muslim groups. The first grant established a methodology for exploring Islamic architecture, while the second expands and refines this work. This paper offers an overview of the project.

Kalit so'zlar: dinlararo, ko'p konfessiyali, arxitektura, meros, islom, plyuralizm, tarix.
Annotatsiya: Michigan shtati universiteti tadqiqotchilari «Ilm-fan, san'at va e'tiqod: arxitektura merosi va islom» loyihasi orqali islomiy arxitekturaning ko'p konfessiyali tarixini o'rganmoqda. Ushbu loyiha Templeton Religion Trust (TRT) tomonidan moliyalashtirilgan ikki grant asosida amalga oshirilib, musulmon va musulmon bo'lmagan guruhlar o'rtasidagi o'zaro ta'sirlarni o'rganadi. Birinchi grant islomiy arxitekturani o'rganish metodologiyasini yaratishga yordam berdi, ikkinchisi esa bu ishni kengaytirish va takomillashtirishga qaratilgan. Ushbu maqolada loyihaning umumiy ko'rinishi taqdim etilgan.

Ключевые слова: межконфессиональность, многоконфессиональность, архитектура, наследие, ислам, плюрализм, история.
Аннотация: Исследователи Мичиганского государственного университета изучают многоконфессиональную историю исламской архитектуры через проект «Наука, искусство и вера: архитектурное наследие и ислам». Проект финансируется двумя грантами Templeton Religion Trust (TRT) и исследует взаимодействия между мусульманскими и немусульманскими группами. Первый грант позволил разработать методологию для изучения исламской архитектуры, а второй расширяет и уточняет эту работу. В данной статье представлен обзор проекта.

Introduction. Islamic architecture represents a successful fusion of science and art. It also represents the achievements of the diverse populations who lived among these objects. The architects who built Islamic religious structures applied their knowledge of science and art (in Arabic, *'ilm*), which as Muslims they viewed as consistent with their Islamic faith. Our project looks at how the ideas of "creation," "tradition," and "innovation" derived from this knowledge played a role in the decisions that they made. While Muslims may view their choices as based on Islamic ideas of creation, tradition and innovation stemming from the concept of 'ilm, our goal is to show that many of the resulting structures were a product of efforts of different faith communities. We believe that by exploring the history of these sites with members of the various faith communities who have lived around them, we will help foster a greater awareness of a shared past despite their differing presentations of it. We hope in this way to popularize the goals of covenantal pluralism by helping foster mutual respect through an enhanced understanding of architectural structures that they in some way share, even if that shared past is painful.

We define "creation" as the architect's show of reverence to God as the Creator through the construction of religious structures, regardless of whether the architects were themselves Muslims. "Tradition" may take many forms. Islamic architectural design often used to build materials or building practices that were pre-Islamic, and structures were frequently built on the sites of religious structures of other faiths, sometimes forcibly. In the examples of the religious architecture that we have chosen to study "creation" and "tradition" have led to "innovations" and architectural masterpieces that are a testimony to the continued interaction of faith communities from the time of construction to the present day. We also recognize that there can be shared aesthetic preferences, but that these shared preferences do not necessarily mean shared religious principles. This project has been funded by two grants in

succession from the Templeton Religion Trust, as a part of their Art Seeking Understanding program, and their Covenantal Pluralism Initiative. This program is inspired by and resulting from the work of Dr. Chris Seiple, Chris Stewart, and Dennis Hoover, and their pivotal work *Toward A Global Covenant of Peaceable Neighborhood* (Hoover et. al., 2020).

This project focuses on the religio-scientific themes of creation, tradition, and innovation, as manifested in (particularly premodern) Islamic architecture, and does so by putting these questions into a multi-faith context. Islamic architecture was not produced in a vacuum, nor were Muslim ideas of religion, science, and the relationship between the two. Muslims learned from others, and vice versa. Muslims employed others as architects and administrators, sometimes harmoniously but also other times in an atmosphere of exclusivist beliefs, policies, and tensions. The present project aims to understand why moments of constructive pluralistic exchange occurred among certain entities and in certain contexts but not others.

Background. Historically, Muslims have employed members of other faiths as architects, workers or both; sometimes this was harmonious, other times it was done in an atmosphere of exclusivist beliefs, policies, and tensions other parts of the world, and innovations from the Islamic architecture were frequently incorporated by other faith communities and in other places (Barkan and Barkey, 2014:4). Our goal is to go beyond these inter faith connections and to try to understand the varying kinds of interactions between people of different faith communities, especially at the local level. We are interested in trying to tease out how these structures fit into the everyday life of these multi-faith communities, wherever possible. We want to try to understand whether they had respect for each other despite or because of their "differentness," and if not, what was the nature of these relationships. Finally do today's common understandings of these relationships do justice to their complexity?

Each of the countries our team has chosen for study has a rich architectural heritage and an active scholarly community. Islam came to Egypt in the seventh century, and while it did not play the same central role in early Islam that Iraq did, it has been a center of Islamic learning for over a millennium and a source of artistic innovation. Today, it continues to be a focal point for theologians and scholars of Islam. The territory of present-day Uzbekistan served as an Islamic religious center from the eighth century on, including in eastern Iran and western Afghanistan, as well as throughout what became first Russian then Soviet Central Asia. This leading role continued up to the early 16th century when Babur moved his capital eastward and founded the Mughal Empire. Since independence in late 1991, Uzbekistan's government has been determined to preserve the country's Islamic heritage and has also sought to play an active role in an international Islamic community of Muslim majority states, and we hope that making Uzbekistan a major partner in the project will help strengthen Uzbekistan's commitment to advancing religious freedom. Islam has had a growing presence in Indonesia since the 13th century, and its Islamic architecture reflects the influence of earlier and other religious traditions, most especially Hindu and Buddhist architecture. Iraqi architecture from the period of the Abbasid Caliphate has influenced architecture for centuries to come. Morocco is one of the sources that brought Islamic architecture to Andalusia and to Sicily, and Turkey's Ottoman architect Mimar Sinan's some three hundred mosques and buildings remain an enduring testament to his greatness. These are also countries that have complex religious histories, where religious space has been contested, and where excluded groups have sometimes been harshly treated. Our project tries to capture some of this.

We also recognize that Islamic religious architecture does not exist in a historic vacuum, neither at the time of its creation, nor throughout its existence as part of the built environment, or at the time of its destruction. Knowledge ("ilm" in Arabic) was able to incorporate ideas that originated outside of the Muslim community, representing a successful fusion of religion and art in a multi-faith setting. For that reason, architects from other religious traditions could work as architects in the "creation" of these structures that showed reverence to God as the Creator. "Tradition" in Islamic architectural design as well as the building materials used were frequently pre-Islamic and were often built on the site of earlier religious structures of other faiths. "Innovation" in Islamic religious architecture took many forms. For example, structures built in the Abbasid period (750 CE to 1258 CE), made use of Islamic thinkers' innovations in math and science, and these were replicated by architects elsewhere, including in churches in many parts of Europe.

The scholars associated with the project bring a multi-disciplinary approach to the study of these built structures and the societies that they were built in, at the time of their construction through to the

Figure 1. Minaret in the Amedi city, Kurdistan region of Iraq

present day. This allows us to present our material using a multi-faith approach that seeks to identify the nature, content, and context of engagement between communities. We believe that this project and this approach provides a very different and valuable point of departure for introducing various kinds of communities to the "enabling conditions" of covenantal pluralism, i.e., religious freedom, religious literacy and character development. It explicitly allows for the introduction of the socio-political aspirations of representatives of each religious community that identifies with each architectural object. It asks them to consider the viewpoints of all the other faith communities associated with the object or its site.

This project is housed at Michigan State University, with the University of Kansas serving as a partner in outreach to Christian communities in the Great Plains. Both universities are public institutions with widely representative student bodies, located in mid-America in locations with very diverse Muslim and Christian populations respectively. This partnership also provides additional support for in-person and virtual activities in the former USSR and creating access to students and staff at Hesston College and Bethel College, both of which are Quaker universities in mid-Kansas, where many students and faculty share a common heritage in the migration of anabaptist groups through Central Asia.

Ongoing Work. During the first grant, we came to recognize that the study of the construction and maintenance of many famous examples of Islamic religious architecture can serve to facilitate an appreciation for the complexity of historic relationships between members of different faith communities, and what constitutes respect versus a begrudging co-existence in conditions of communal and political inequality. During this initial grant period, we created a project website (left) which is the organizing principle of our work, and the place where our project deliverables all come together in an insightful and practical manner. It is already populated with some materials from our teams of scholars writing about several of the core areas of the project, including Egypt, Indonesia, Iraq, and Turkey.

Our project is the first of its kind to explore the multi-faith dimensions of Islamic architecture at the intersection of art and science, through the themes of creation, tradition & innovation. We have created multi-disciplinary working groups of scholar-practitioners in several countries and their environs including Egypt, Indonesia, Iraq, Morocco, Spain, Turkey and Uzbekistan. In each of these countries, we have identified a prominent scholar of either architecture, art/art history, or in some cases a scholar working at the intersection of sociology, theology, and architecture. This "Regional Advisor" works with the project team to assemble a group of scholars in art history, architecture, theology, anthropology, and the digital humanities, whom we invite to participate in virtual or hybrid conferences and workshops, and to prepare pieces related to their own ongoing research.

Our intent is not to break new ground in the study of the physical structure of these architectural objects. The noted architectural historians who are team members provide our readers, students, and outreach audiences with a background on the architectural uniqueness of the objects

chosen, which we supplement with bibliographic materials including these authors' own works and suggestions. Instead, our goal is to anchor these discussions in the broader societal context and present these discussions on our website in a popularized scholarly fashion, so that it is accessible to students and non-specialists. We are interested in how these objects reflect the multi-faith and multi-cultural history of the areas that they were built in, what role members of other faith communities played in their construction, and how these objects and the neighboring space that they occupied have since been used by members of society more broadly. Finally, our scholarly teams are exploring how the continued existence or fates of these fits into a broader societal context for the various faith communities that identify with them.

For this reason, guided by our scholars, we have tried to choose architectural objects and sites that encompass a variety of legacies, some with contentious histories, others that represent generally temperate or cooperative multi-faith societal relationships. In the spirit of seeking to encourage dialogue between scholars, students, and a public, we have sought to avoid some of the best-publicized and much fought over structures, such as the "Dome of the Rock" in Jerusalem. Instead, we have sought to focus more attention on mosques, churches and former churches in Eastern and Southern Turkey. Our intent is to move away from a "headline news" approach and instead try to and redirect the discussion to how the societies around these religious architectural objects are viewing these developments.

This approach allows us to sponsor a rich discussion of religious architecture in Iraq, where restoration and preservation work in a number of cities is being done in a multi-faith setting. We have already posted material by Lanah Haddad about Amedi, which is one such setting. The city of Amedi is another example of historically shared space in the Kurdistan Region of Iraq that we detail on the project website. Amedi is a small city close to the Turkish border where there is a mosque, a Jewish tomb, and a Church, all of which are relatively close to each other, and not in separate quarters, creating a sense of inter-faith communal interactions that are worthy of note. We are eager to continue working with Dr. Lanah Haddad and her circle of scholars who are doing conservation and restoration work.

The project's scholars are participating in virtual and in-person events, producing research which is a key output of the project. This research helps

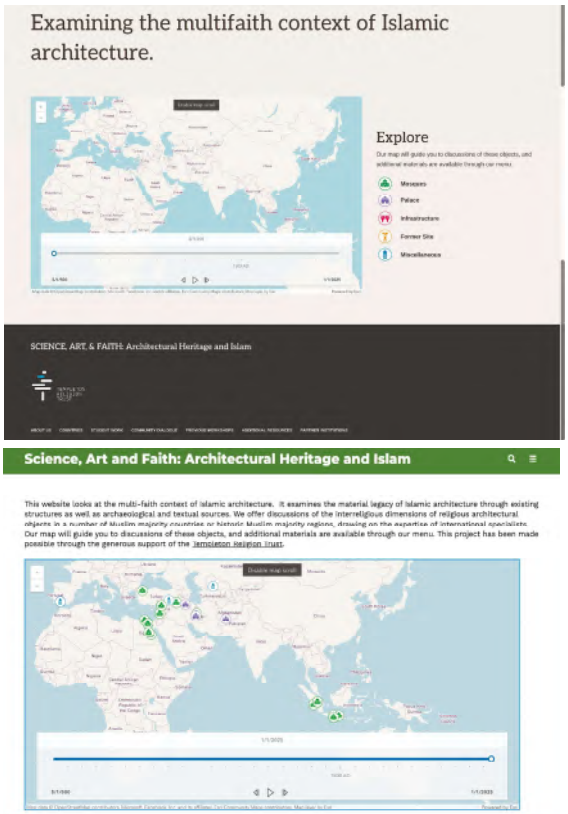


Figure 2. Website. Examining the multi-faith context in Islamic architecture

shape another output, the classes we are organizing around the themes of the project, including joint courses between MSU and UIN Jambi, the State Islamic University of Indonesia in Jambi. This partnership began in September 2022 with the creation of a joint course through the Collaborative Online International Learn (COIL) Network, based out of the SUNY system in New York.

We are also very excited about our work with our team in Uzbekistan that was created with the help of Drs. Bakhtiyar Babadjanov, and Mavlyuda Yusupova. Together, we have jointly developed a series of questions that their team of experts are examining, and they are preparing articles with original slides and diagrams of select structures for the website. This list of examples include sites of repurposed Zoroastrian temples, and a discussion of how Zoroastrians related to the effectively forced introduction of Islam following the Arab conquest; the fate of early Christian architecture in Samarkand during this same period; the remains from religious burial sites that date from the time of the Samanid Dynasty, the repurposing of Jewish

synagogues in Bukhara, and the use of Muslim architects in the construction of Russian churches in the city of Ferghana after the conquest of the Kokand Khanate in 19th Century. The sites that the Uzbek team are choosing will introduce previously unexplored aspects of the region's multi-faith history.

The website, now in its second iteration (right), is designed to reach a broad global audience, predominantly students, teachers and an informed public who seek information from scholars of religion, art, architecture, science and history, as well as from traditional Muslim scholars. It will be an important feature in our public engagement output. We have a multi-pronged approach to public outreach. This includes working with religious student organizations on both the MSU and KU campuses (see lists in the supporting documents). We use members of these student groups to connect with their religious communities where we are organizing public events on themes of contemporary interest, such as rebuilding the Muslim and Christian architecture destroyed during recent wars in Iraq and in Syria. As local Muslim and Christian organizations in Michigan and Kansas respectively become more familiar with the themes of our project through the events that we are organizing in their communities, we will hold virtual events that bring these communities together.

Significance. The core thesis of the project is that Islamic religious architecture has always existed in a broader social context, and as such it offers an understudied approach to understanding historic relations between religious groups. This makes it a useful starting point for discussions of covenantal pluralism. It encourages a discussion that strives for some degree of common understanding of shared religious spaces, including religious convening places and the multi-faith public space that surrounds them. This project takes a sociology of religion approach to the study of architecture, and Islamic religious architecture rather than the more traditional architectural and art historical disciplinary approach. Our approach is more global than regional, bringing together scholars and students from various countries and continental sub-regions who generally don't reflect on the history of their religious architecture in concert or on the ways in which this architecture was the product of a broader societal influence than simply those who commissioned it and gathered in it for prayer.

We have already attracted a group of art historians and architectural scholars who are engaging in these questions in a collaborative and interactive fashion. They are bringing their expertise from different disciplinary, cultural, and religious perspectives. This approach is particularly important in today's global environment. Different faith communities have different perspectives on how to respond to contemporary events as they relate to religious architecture. Experts in some countries, like Uzbekistan, are making substantial effort (albeit sometimes controversially) to preserve and restore deteriorating religious structures with multi-faith traditions associated with them (Haydaralieva, 2024) and (Yusupova, 2024: 295). In other places, like Iraq and Syria, recent wars have destroyed revered religious structures of many faiths raising questions of whether the faith communities should work together in their rebuilding (Thames, 2021), and (Bourhrous et. al., 2022: 28). In countries like Turkey, government policy has forced iconic multi-faith structures to become functioning mosques. In our discussion of these challenges, we will explore and bring attention to the need to engage in meaningful dialogue across faith

Figure 4. Project meeting with our team in Uzbekistan

communities in an effort to foster respect for their differing approaches.

Conclusion. Sir John Templeton wrote about the need for humility towards God. We see religious architecture as a tribute to God that expresses awe and that is evidence of this humility. In their most majestic, religious edifices offer the greatest architectural representations. They signify the smallness of humans in the face of the all-encompassing greatness of God. In almost all the religious structures that we are studying, this greatness builds on the talents of people of multiple faiths, not simply those of the religious tradition that these structures were built to serve. We believe that bringing people of different faiths together to discuss these themes will serve as an impetus to fuse faith with humility, and thus help change the conversation about religion in a positive way, globally and in the above local contexts. We find inspiration from Sir John Templeton's writings in the following quote, which spoke to us as we developed the goals of the project:

Wherever we are and whatever we are doing, it is possible to learn something that can enrich our lives and the lives of others. It may be necessary to release outmoded ways of thinking and acting in order to try something new but, when we do, life becomes more exciting and fulfilling than we dreamed possible. We can all learn from the experiences in life, and we can also learn from not learning when life gives us another opportunity. If we use this opportunity to expand our understanding, it will not be seen as a defeat, only another chance to learn and grow! (Templeton, 1997: 56).

Dialogue between people of different faith communities is central to our project, and to our outcomes. The website, our work with students inside and outside the classroom, and planned forms of public outreach, all depend on our ability to stimulate dialogue on difficult questions. Dialogue on shared religious architectural heritage brings together people of differing faith communities who often understand what they think to be dissimilar pasts. In reality, they are a shared history even if these groups understand the past in distinct and even contradictory ways. Part of our research as a team is to facilitate this dialogue in a way that helps provide an opportunity for those involved in the project to learn and to grow. Hopefully in this fashion those who participate in the project, as scholars, students, or members of a general public, will come away with an intuitive understanding of the ideas of covenantal pluralism, even if they can't name it or formally describe it.

Our research focuses on the need to look at the history of religious architectural structures more generally in an inclusive fashion, recognizing that in many instances they are the accomplishments of a diverse group of people and are sustained by them. bring broader public attention to the need for a multifaceted approach to Islamic complexity of some places. By doing so, we hope to encourage students and an informed public to explore their own religious history in a new and more pluralistic fashion, as well as to potentially influence the training of the next generation of scholars to incorporate these ideas as well.

REFERENCES:

Barkan, Elazar, and Karen Barkey, editors. Choreographies of Shared Sacred Sites: Religion, Politics, and Conflict Resolution. Columbia University Press, 2014, 440.

Bourhrous, Amal, et al. Post-Conflict Reconstruction in the Nineveh Plains of Iraq: Agriculture, Cultural Practices and Social Cohesion. Stockholm International Peace Research Institute, Nov. 2022. DOI.org (Crossref), https://doi.org/10.55163/RAEP9560.

Haydaraliyeva, Dilafza. Manufacturing National Identities in the Post-Soviet Republic of Uzbekistan: A Study of Controversial Conservation Practices in Samarkand and Shakhrisabz. Slavic & East European Information Resources, vol. 24, no. 4, Oct. 2023, pp. 258–94. Taylor and Francis+NEJM, https://doi.org/10.1080/15228886.2024.2313278.

Missing Piece of the Puzzle: Preserving Religious Diversity by Protecting the Past. United States Institute of Peace, https://www.usip.org/publications/2021/02/missing-piece-puzzle-preserving-religious-diversity-protecting-past.

Stewart, W. Christopher, et al. Toward a Global Covenant of Peaceable Neighborhood: Introducing the Philosophy of Covenantal Pluralism. The Review of Faith & International Affairs, vol. 18, no. 4, Oct. 2020, pp. 1–17. Taylor and Francis+NEJM, https://doi.org/10.1080/15570274.2020.1835029.

Templeton, John. Golden Nuggets from Sir John Templeton. Templeton Foundation Press, 1997.

Yusupova, Mavlyuda. Mavlyuda Abbasova-Yusupova. The Bukharan School of Architecture in the 15th–17th Centuries (Distinctive Features and Paths of Development). Samarkand, English, 2022.

ОЛЕГ ДВУРЕЧЕНСКИЙ,
НИГОРА ДВУРЕЧЕНСКАЯ
Институт археологии РАН
Москва, Россия

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ХАНЬ С КРЕПОСТИ УЗУНДАРА

Ключевые слова: Греко-Бактрия, арбалетный болт, бронзовые арбалеты, юэджи, Китай.
Аннотация: Крепость Узундара за последние годы дала серию находок, которая никак не связана с материальной культурой самой Бактрии. В статье вводятся в научный оборот предметы вооружения, относящиеся к воинской материальной культуре Китайской империи, эпохи ранняя Хань. К ним относятся три арбалетных болта от бронзовых арбалетов и одна ламеллярная пластина от доспеха, изготовленных во внутреннем Китае. Прямые аналогии находятся в материалах гробницы императора Цинь Шихуанди, а также китайских крепостей, расположенных на границах с кочевым миром. Сам факт обнаружения данных предметов у одной из башен крепости Узундара свидетельствует о ее штурме кочевым народом, граничившим с Китаем. Таковым народом по письменным источникам являются племена юэджей, пришедшие с востока и северо-востока на территорию Греко-Бактрии.

Kalit so'zlar: Grek-Baqtriya, arbalet o'qi, bronza arbaletlar, yuejilar, Xitoy.
Annotatsiya: So'nggi yillarda Uzundara qal'asi Baqtriya madaniyati bilan bog'liq bo'lmagan bir qator topilmalar topildi. Maqolada ilk Xan' davridagi Xitoy imperiyasi harbiy madaniyati bilan bog'liq qurollar ilmiy muomalaga kiritiladi. Ular orasida ichki Xitoyda ishlab chiqarilgan bronza arbaletlarga tegishli uchta arbalet o'qi va zirh kostyumidan bir qatlamli plastinkasi bor. To'g'ridan-to'g'ri o'xshashliklar Tsin' Shixuandi maqbarasi materiallarida, shuningdek, ko'chmanchilar dunyosi chegaralaridagi Xitoy qal'alarida uchraydi. Uzundara qal'asining bir minorasi yonida ushbu buyumlarning topilishi uni Xitoy bilan chegaradosh ko'chmanchi xalqlar tomonidan hujumga uchraganidan dalolat beradi. Yozma manbalarga ko'ra, bu xalqlar sharq va shimoliy-sharqdan Grek-Baqtriya hududiga kelgan yueji qabilalaridir.

Keywords: Greco-Bactria, crossbow bolt, bronze crossbows, Yuezhi, China.
Abstract: In recent years, the Uzundara fortress has yielded a series of finds that are not connected to the material culture of Bactria itself. The article introduces into scientific circulation weapons related to the military material culture of the early Han period of the Chinese Empire. These include three crossbow bolts from bronze crossbows and one lamellar plate from armor, manufactured in Inner China. Direct analogies are found in the materials of the tomb of Emperor Tsin' Shi Huangdi and in Chinese fortresses located on the borders with the nomadic world. The discovery of these items near one of the towers of the Uzundara fortress indicates its siege by a nomadic people bordering China. According to written sources, this nomadic group corresponds to the Yuezhi tribes, who came from the east and northeast to the territory of Greco-Bactr.

Стационарные археологические исследования на крепости Узундара, расположенной на территории древней Бактрии, ведутся уже более десяти лет. Этот памятник дал широкие по разнообразию и уникальные материалы для истории изучения эпохи эллинизма на восточной окраине Ойкумены III–II вв. до н. э. (Dvurechenskaya, 2023: 79–86). Особую ценность представляет богатейший комплекс предметов вооружения воинов гарнизона и нападавших на них противников.

В данной заметке будет рассмотрен только один сюжет из истории военного гарнизона крепости Узундара. В течение ряда полевых сезонов здесь была обнаружена серия нетривиальных находок, которые напрямую связаны с китайским вооружением эпохи Хань. К ним относятся три арбалетных болта, а также одна ламеллярная пластина. Все находки концентрировались в районе северо-восточной башни крепости (рис. 1, 2). Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Первая находка представляла собой бронзовый наконечник арбалетного болта с шестигранным основанием и втулкой, в которой фиксируются следы железного крепления (рис. 3, 3). На всех его гранях имеются характерные символы в виде зауженной пирамидки. Наконечник имел высоту 24–26 мм, ширина граней 12–12,5 мм. Сечение шестигранного основания 7–8 мм, диаметр втулки 5 мм. Символы в виде зауженной пирамидки

имеют размеры 5 х 1 мм. Наконечник был обнаружен в 20 м к северо-западу от северо-восточной башни крепости.

Второй наконечник арбалетного болта был обнаружен непосредственно у северо-восточной башни и имел аналогичные масса-размерные показатели (рис. 3, 2). Высота наконечника 24–26 мм, ширина граней 12–12,5 мм. Сечение шестигранного основания 7–8 мм, диаметр втулки 5 мм. Символы в виде зауженной пирамидки также имеют размеры 5 х 1 мм. У данного экземпляра имеется обломанный железный черешок, сохранившийся на длину 37 мм.

В 2021 году в развалах стен северо-восточной башни был обнаружен третий наконечник арбалетного болта (рис. 3, 1). Вес данного экземпляра более 20 гр. с такими же, как и у предыдущих экземпляров масса-размерными характеристиками. Он имел идентичную маркировку на всех трех гранях бронзовой боевой части. При этом он сохранил в полную длину железный черешок, круглый в сечении, диаметром 5 мм и длиной 227 мм. Он имел веретенообразную структуру, то есть сужался к концу до 3 мм.

Все данные находки имеют характерный загиб в боевой части от столкновения с «каменной» архитектурой крепости Узундара.

Полная аналогия вышеописанным арбалетным болтам находится в материалах древнекитайских памятников, относящихся к эпохе царств Цинь и ранней Хань. В частности, объемная серия таких арбалетных болтов была обнаружена в гробнице Цинь Шихуанди (Комиссаров, Хачатурян, 2010: 208). Кроме того, для всего периода ранней Западной Хань практически во всех крепостных сооружениях, где археологически зафиксированы арсеналы, обнаружены полностью идентичные наконечники арбалетов (Kovalev and others, 2011: 475–508, fig. 17). Данный тип вооружения был типичным для имперского Китая и характеризовал развитые пехотные подразделения, которые должны были бороться с северными кочевниками, угрожавшими внутреннему Китаю. Бронзовые арбалеты этого периода являются

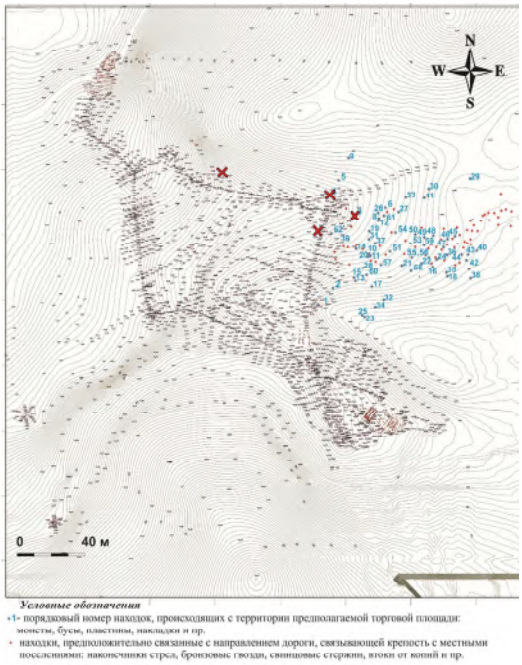


Рис. 1. Топографический план крепости Узундара с местом расположения находок арбалетных болтов и ламеллярной пластины

самыми ранними в истории военного дела Евразии эпохи древности и средневековья.

Распространение арбалетных болтов к западу от территории Китая не раз рассматривалось в отечественной литературе. В частности, в работе А. В. Симоненко была дана сводка по железным стержням, которые он вслед за М. В. Гореликом интерпретировал как основания для наконечников арбалетных болтов китайского типа (Симоненко, 1989: 139). Однако автором не были описаны и графически отражены характерные для эпохи Цинь или Хань биметаллические остатки арбалетных болтов, что вызывает определенные сомнения в их трактовке. Очень важным моментом является то, что на крепости Узундара были найдены абсолютные аналогии с характерной маркировкой на боевой части бронзовых наконечников, которые недвусмысленно говорят об археологических параллелях.

Отдельный важный вопрос о характере военной организации сарматского общества с ограниченной серией бронзовых арбалетов китайского производства. Сам факт

Рис. 2. Северо-восточный угол крепости Узундара. Вид с юго-запада

появления в сарматоидной культуре развитых пеших подразделений арбалетчиков вызывает серьезные вопросы, ибо это должно было бы отразиться в письменных источниках Римской империи. В последние годы А. В. Симоненко перестал уверенно интерпретировать железные стержни как относящиеся к арбалетным болтам.

Таким образом, на сегодня только крепость Узундара дала абсолютные и прямые аналогии китайским предметам вооружения эпохи ранней Хань. Все три наконечника найдены в районе северо-восточной угловой башни крепости. Мы связываем их с нашествием юэджей, непосредственно контактировавших с китайской империей. В любом случае образцы китайской паноплии никак не могут быть связаны с сарматской или сакской культурами. Перед нами очевидное доказательство участия воинов, которые знали, как употреблять в пешем строе данный тип вооружения.

В этой связи можно поставить вопрос о народах, которые пришли с Востока, уничтожили Греко-Бактрию и разрушили Великую Бактрийскую стену. Порой незначительное количество находок играет большую роль в прояснении старых споров, чем тонны керамики, отражающие медленную эволюцию. С нашей точки зрения, эти арбалетные болты являются беспрецедентным фактом, отражающим основную историческую концепцию, что Греко-Бактрия и вся ее фортификационная система, просуществовавшая 150 лет, были уничтожены юэджами и вовлеченными в их поток иными кочевыми народами Средней Азии.

Еще одной находкой, которая может быть связана с так называемым вооружением эпохи Хань, является панцирная пластина, также обнаруженная в пределах северо-восточной башни крепости Узундара (рис. 3, 4). Она представляла собой подовальную пластину от ламеллярного доспеха, размером 58 х 35 мм, толщиной 0,5–0,7 мм, диаметр отверстия 2–5 мм. Она находит аналогии в комплексе вооружения эпохи Хань, а также в вооружении народов Сяньби, отраженном в серии работ китайских археологов.

Еще одной находкой, свидетельствующей о связи Бактрии с Китаем эпохи Хань, является монета, обнаруженная в завале стен с восточной стороны цитадели крепости Кампыртепа. По определению сотрудника Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Марии Пастернак, это монета у-чжу. Китай. Династия Восточная Хань (25–220). Выпускалась в период 40-75 годов при императорах Гуан У (25–57) и Мин (58–75): с 16-го года Цзянь У (建武 25–56 гг.) до 18-го года Юн Пин (永平 58–75 гг.) (рис. 4).

Проблема покорения Греко-Бактрии волновала исследователей не одно столетие (Обельченко, 1992: 219–229). Исследование

Тулхарского, Аруктауского, Коккумского и Бабашовского могильников на территории Северной Бактрии, отраженное в работах А. М. Мандельштама, демонстрирует разновременную материальную культуру от II века до н. э. до I–II веков н.э. (Мандельштам, 1966, с. 158; он же, 1975: 130–131). В них представлена типичная восточноиранская сарматоидная культура, отраженная в предметах оружия, керамике и в ином погребальном инвентаре. Много перекличек она находит с курганами Бухарского Согда.

Однако само появление могильников на территории централизованного государства демонстрирует отсутствие этого самого государства. В то же время основная версия по письменным источникам, что на территории Согда и Бактрии возникли так называемые пять царств Юэджей, ставит вопрос, почему огромная сарматоидная материальная культура так ярко отразилась на территории Северной Бактрии. Описание китайского дипломата Чжан Цзяня, задокументированное историографом китайской династии ранняя Хань Сыма Цанеям в конце II века до н. э. демонстрирует, что именно юэджи, а не скифы и сарматы покорили Бактрию, безусловно захватив с собой потоки кочевых народов Зауралья и Приаралья. Само перемещение юэджей было связано с великим поражением от народов хунну (Сюнну).

Какие же пути проникновения были доступны большим юэджам на территорию Бактрии? Есть ли археологические следы их проникновения на эту территорию? У нас есть два информационных источника. Первый — это письменные источники, где описывается три основных направления: первый путь долина рек Чу Или, второй — долина Ферганы и третий — горные переходы через Гиссар на территории современного Таджикистана (рис. 5). Наиболее подробно и исчерпывающе вопрос формирования путей сообщения между Китаем и Средней Азии с эпохи бронзы был рассмотрен Е. В. Кузьминой (Кузьмина, 2010: 45–94).

Вторым источником являются археологические данные. В отличие от ранее упомянутых могильников сарматоидной культуры на

Рис. 3. Находки предметов вооружения китайского образца эпохи Хань с крепости Узундара

северо-востоке Таджикистана мы имеем могильник, который близок к культуре юэджей, под названием Ксиров, где представлена иная материальная культура и характерный погребальный обряд (Денисов, 2021: 170–179).

Любое нашествие в археологии отражается неярко, в отличие от периода освоения территории. Присутствие на территории крепостей Узундара и Кампыртепа, в отличие от всей долинной Северной Бактрии, характерных предметов вооружения эпохи раннего Хань может послужить раскрытию вопроса, кто же был взламывающей силой Греко-Бактрии. Нужно упомянуть, что уже в середине I века до н. э. китайский посол на территории Балха застал правнука великого правителя больших юэджей.

Таким образом, пять знаковых находок, не характерных для сако-массагетского и сарматоидного круга материальной культуры, при этом найденных in situ, как свидетельство штурма восточной части крепости Узундара, свидетельствуют о присутствии контингента войск, который непосредственно граничил с Великой Китайской империей. Более того,

Рис. 4. Китайская монета у-чжу. Династия Восточная Хань (25-220) с крепости Кампыртепа

Рис. 5. Карта Великого шелкового пути на среднеазиатском отрезке с основными и второстепенными направлениями

использование китайских арбалетов подразумевает применение пеших подразделений в составе штурмующей стороны, так как арбалет является ярким признаком не всаднической воинской традиции.

На сегодня практически закончены раскопки северо-восточного угла крепости Узундара. За последние годы именно на развалинах северо-восточной угловой башни мы впервые обнаружили присутствие тяжелой пехоты со стороны греко-бактрийских войск (Двуреченская, 2024: в печати). На фоне выявленного места сражения у подножия северо-восточной башни, где обнаружено более 200 наконечников стрел греческого типа, а также наконечники копий и дротиков, мы можем представить весь трагизм происходившего здесь последнего сражения. Именно на этот северо-восточный угол крепости пришелся основной удар штурмующих.

Сегодня северо-восточная башня с примыкающими к ней отрезками тройных крепостных стен с севера и востока является единственным и уникальным свидетелем не только эпохи становления и расцвета империи Селевкидов и Греко-Бактрийского царства, но и момента его гибели. Сохранность этого узла фортификации на крепости Узундара поражает — до 5 метров в высоту сохранилась каменная кладка в башне, площадь которой превышает 70 квадратных метров. Башня также сохранила сквозные бойницы, в том числе веерные, внутри крепостных стен стрелковые галереи — это готовый музей-заповедник под открытым небом. Сейчас он чрезвычайно нуждается в консервации и сохранении, требуя привлечения сил как государственных органов охраны памятников культуры Республики Узбекистан, так и сил других авторитетных международных организаций сохранения культурного наследия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Двуреченская Н. Д. Последние открытия на пограничной крепости (фрурионе) Селевкидов на севере Бактрии // Институт археологии РАН: новые экспедиции и проекты. М., 2024. В печати.

Денисов Е. П. Лепная посуда северо-бактрийского могильника Ксиров // Российская археология. № 3. М., 2021. С. 170-179.

Комиссаров С. А., Хачатурян О. А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди. Новосибирск, 2010. С. 280.

Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 2010.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Т. V. Ленинград, 1966.

Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Т. VII. Ленинград, 1975.

Обельченко О. В. Культура античного Согда по археологическим данным VII в. до н.э. — VII в. н. э. М., 1992.

Симоненко А. В. Импортное оружие у сарматов // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989.

Nigora Dvurechenskaya. Die hellenistische Festung Uzundara //Archäologische Schätze aus Usbekistan von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan. 2023. Berlin, 2023. P. 79–86.

Kovalev A., Erdenebaatar D., Matrenin S., Grebennikov I. The Shouxiangcheng fortress of the Western Han period – Excavation at Bayan Bulag, Nomgon sum, Omnogov' aimag, Mongolia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by Brosseder U., Miller B. K. Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5. Bonn. P. 475–508.

JENS WERNER JORDAN
Heritage Conservation Department in Middle Saxony
Dresden, Germany

SAMARKAND AT THE BEGINNING OF 21ST CENTURY

Keywords: Urban planning, touristic development, cultural heritage, historic residential houses of Samarkand, mahallas, documentation of heritage.
Abstract: Over the last twenty years, the old historic centre of Samarkand has undergone a profound transformation, which has fundamentally altered it in several overlapping phases. In addition to an analysis of these processes at the urban planning level, three examples are used to show the extent to which the city's architectural heritage has also changed. Samarkand's residential architecture is closely linked to its specific use at different times of the year - during the hot summer months, a significant proportion of the population left the city and spent time in the rural suburbs. Sources are used to trace the structure of these summer residences, which no longer exist. Two examples of a particular spatial design of the courtyard house with a gallery attached to the façade, which have been lost during the period under consideration, will illustrate the need for documentation of the cultural heritage.

Kalit so'zlar: Shaharsozlik, turizm rivoji, madaniy meros, Samarqandning tarixiy turar-joy uylari, mahallalar, merosni hujjatlashtirish.
Annotatsiya: So'nggi yigirma yil ichida Samarqandning eski tarixiy markazi bir necha bosqichli o'zgarishlarni boshdan kechirdi, uni bir-biriga zid bo'lgan bir necha bosqichlarda tubdan o'zgartirdi. Ushbu jarayonlarni shaharsozlik darajasida tahlil qilishdan tashqari, shaharning arxitektura merosi qanchalik o'zgarganligini ko'rsatish uchun uchta misol keltirilgan. Samarqandning turar-joy arxitekturasi yilning turli davrlarga xos foydalanish bilan chambarchas bog'liq — jazirama yoz oylarida aholi ko'pchilik shahardan chiqib, qishloq atrofida yashagan. Ushbu yo'qolgan yozgi qarorgohlarning tuzilishini manbalar asosida kuzatish mumkin. Fasadiga galereya biriktirilgan hovli uylarining maxsus makoniy dizaynidan ikki yo'qolgan misol madaniy merosni hujjatlashtirish zaruratini ochib beradi.

Ключевые слова: Градостроительство, туристическое развитие, культурное наследие, исторические жилые дома Самарканда, махалли, документация наследия.
Аннотация: За последние двадцать лет старый исторический центр Самарканда претерпел значительные изменения, проходившие в несколько перекрывающихся этапов. Помимо анализа этих процессов на уровне градостроительства, три примера демонстрируют, насколько изменилось архитектурное наследие города. Жилая архитектура Самарканда тесно связана с ее особенностями использования в разное время года — в жаркие летние месяцы значительная часть населения покидала город и проводила время в сельских пригородах. Источники позволяют проследить структуру этих летних резиденций, которые больше не существуют. Два примера особого пространственного дизайна дворового дома с галереей, примыкающей к фасаду, которые были утрачены в рассматриваемый период, подчеркивают необходимость документирования культурного наследия.

At the time of its inscription on the World Heritage List, Samarkand presented itself as a unique and impressive testimony to the history of urban development in Central Asia. The legibility of the individual epochs was remarkable: Beginning with the archaeological site of the ancient city of Afrasiab on the heights not far from the Zarafshan River, the city extensions gradually extend to the west: first the city that emerged from the suburbs after the destruction of the ancient city's water supply, which was initially laid out with an orthogonal street grid typical of the region and then reshaped by the Timurids with a star-shaped radial system. This 'Timurid city' is followed by the colonial city modelled on the European city after the Russian conquest: Wide avenues are lined with predominantly single-storey houses made of burnt bricks. Outside this 'third city', which is also recognizable as the next stage of development in a western direction but was not yet recognized by UNESCO at the end of the

1990s, is the socialist city of modernity. The apartment blocks built from the early 1960s onwards with sparsely laid out floor plans ('Khrushchovkas') were soon followed by mass housing in prefabricated slab construction. These four periods, each with their own specific characteristics brought about by social upheavals and technical developments, thus also represent a new era.

Five years after being recognized as a World Heritage Site, these layers of time in the city were easy to recognize, read and document. Ever since the colonial period in the second half of the 19th century, there has been no strict separation between place and time; each new phase complemented or overlapped older layers of time. In 2006, these representations of change and continuity appeared as a pluralistic Gesamtkunstwerk of human creativity: the traditional city neighborhoods contained numerous elegantly furnished townhouses that testified to the artistic skills of the craftsmen and the financial wealth of their inhabitants. The city neighborhoods surrounded the large medieval buildings, most of which have been restored and reconstructed since the 1970s. Alongside these reminders of the Timurid empire, another empire that had already disappeared appeared in the form of buildings from the second half of the 20th century - Soviet modernism in the form of museums, cinemas, shopping centers and administrative buildings. In addition to the older, single-storey brick buildings, the colonial city was characterized by public buildings such as the university buildings, between which outstanding examples of Soviet modernism appeared.

Phases of urban modelling between 2006 and 2024. In the almost 20 years that have now passed since the documentation in 2006, the monument landscape has changed fundamentally. The change during this period can be divided into different phases, more object-related than time-related: The first phase can be described as deindustrialization: various large companies that had been established in the centre or on the outskirts of the city since the Tsarist era were closed. Some of these buildings were cleared and demolished, as in the case of the spirits distillery (2007) or the bread combine, regardless of their heritage value. Other buildings, such as the Aziza textile factory in the north of the old town or the cotton mill on the eastern edge of the city, have been waiting to be repurposed. These industrial buildings have been replaced by public parks, which never existed historically in the area of the old town.

This also describes the second phase, referred to in the ICOMOS mission reports as 'heavy-landscaping': The expansion of public green spaces. Since the 1970s, there have been discussions among monument conservators about whether the parks surrounding Registan Square do justice to its character as a central, urban location. Obviously, however, even in 2006, those voices that favored a historically non-existent but aesthetically romanticizing redesign retained the upper hand.

Closely linked to the creation of new green spaces is the third phase, which centers on the creation of a tourist 'corridor' from 2009: with the construction of parks, screens and new, single-storey shops along the central streets, a clear separation was made between the areas allocated to tourism and the traditional residential areas. This separation can be clearly seen in the redesign of Tashkent Street between Bibi-Khanim and Registan: endless, uniform souvenir shops are now lined up here, blocking former pathways between the main bazaar and the residential neighborhoods. In this way, the architectural evidence of the mahallas, which is so important for understanding and

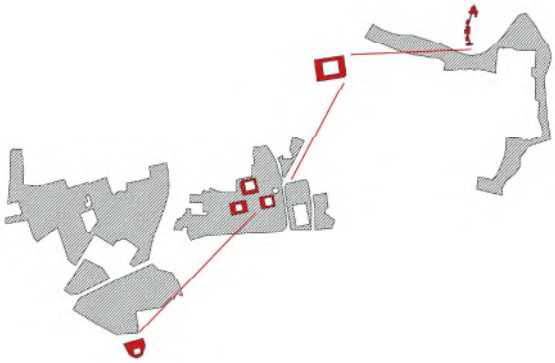


Figure 1. Connection of the medieval monumental buildings through a 'tourist corridor' and newly created open spaces, 2007

experiencing the cultural heritage, has been separated from the large monumental buildings.

In addition to the redesign of Tashkent Street, this separation was particularly visible around the Gur-Emir mausoleum, where a screen wall with more than four meters height was erected in 2009 on the narrow strip of old mulberry trees between the mausoleum and the surrounding urban structure. As a result, several small shops were cut off from their visitors and thus from an economic basis. This development also began in 2005, when the construction of a screen wall was started to the north of the Tilla Kari Medrese on the Registan. At this point, the detrimental consequences of this development become particularly clear: on the tourist 'show side' of the Registan, the screen wall is clad with an ornament, the other side just with painted. The ornamental design is taken from the façade of the Tilla-Kari; now it is not clear whether the wall is connected to the Middle Ages or our time (although it should be noted that the materiality of the façade of the Tilla-Kari also dates back to the 1970s).

The fourth phase of urban redevelopment began at the turn of the millennium and reached its climax in 2010 with the demolition of the history museum designed by M. Bulatov on the Registan: it is the phase of 'purification', the removal of Soviet modernist buildings that are considered inappropriate for the appearance of the old town. As a replacement, parks were also created here.

In 2013, a final, state-controlled phase of urban redevelopment began: On the residents' side of the above-mentioned privacy wall north of the Registan, in contrast to the other side, only painted with color, the demolition of residential buildings began in order to create a new road connection to the bus car park at the site of the former shopping hall north of the Registan. This new street now breaks the star-shaped street grid laid out by Amir Timur, at the ends of which the large sacred buildings were constructed under the Timurids. Another measure of the fifth phase is the widening of Pendjikent Street, which was carried out between 2010 and 2013. The road, which is lined with old trees and runs from the Registan in a south-easterly direction, was expanded into a four-lane dual carriageway. Adjacent buildings were demolished, for-mer mahalla centers were opened up to the new road space and inappropriately high whip masts were erected as street lighting for the old town. The course of the road was straightened and levelled, so that the slight changes in the topography resulting from the continuous growth are barely perceptible today. This demolition has also had a detrimental effect on the former centers of the mahallas, often equipped with a mosque, a water basin and a communal teahouse. As a result of these measures, they lose their original intimacy as a place of peace and gathering in the centers of the old urban residential districts. Also worth mentioning is the continued piping of smaller irrigation channels associated with this phase, which used to run through and characterize the old town. Their disappearance from the cityscape also represents a significant loss of identity.

Since 2017 and the political changes in the post-Karimov era, no fundamental new phases

in state-led urban redevelopment have been observed. Instead, the consequences of a lack of regulation, for example in the form of design statutes, are now becoming apparent in order to limit the changes to residential buildings within the historic centre and preserve their character. The change from a state-controlled economy as in Soviet times to an employment structure dominated by the private sector is also noticeable in the occupations of the residents of the Old Town. In 2006, the majority of residents worked in the public sector: Police officers, doctors, nurses, judges, etc. Almost twenty years later, numerous residential buildings are being converted into small guesthouses in order to be able to participate in the increasingly individually organized tourism. Figure 2 shows the situation in 2006 with only a few hotels within the old town, whereas currently almost every house in some neighborhoods also houses a B&B. The disadvantages of these conversions are the changes they bring in the form of inappropriate storeys, often a third storey is added, materiality and superstructures such as roof terraces.

Figure 2. Construction of a screen wall at the Gur-Emir mausoleum, photo: J. Jordan 2009

Figure 3. Demolition of a newly erected building to widen Pendjikent Street, photo: J. Jordan 2009

Losses and changes to the architectural heritage of the historic city centre. Against the backdrop of these processes, it seems necessary to take a closer look at the cultural heritage of the old town and the changes that have occurred at object level: Which monuments in the area of the old town were lost during this time, what changes could be observed in the buildings within the mahallas?

We owe our fundamental knowledge of the material cultural heritage of Samarkand's old town to the work of ethnographer Antonia Pisarchik, published in 1975 under the title Folk Architecture of Samarkand, carried out between 1938 and 1940 (Писарчик, 1975). The archives of the state museums and monument administration contains numerous photographs taken by Pisarchik in 1939; some of the houses documented at that time have been preserved to this day and are listed as monuments. The book The Samarkand School of Architecture - 19th to Early 20th Century by P. Zakhidov, published 10 years earlier, also provides a good overview of the architecture of that time (Захидов, 1965). From the 1980s onwards, the incentivization and management of cultural monuments was taken over by specialized state institutions. However, if one compares the inventory lists from the 1980s with the current stock of monuments, it must be recognized that the list has been considerably reduced. In addition to the architectural studies mentioned above, in M. Abramov published in 1989 Gusars of Samarkand, in which he traces the

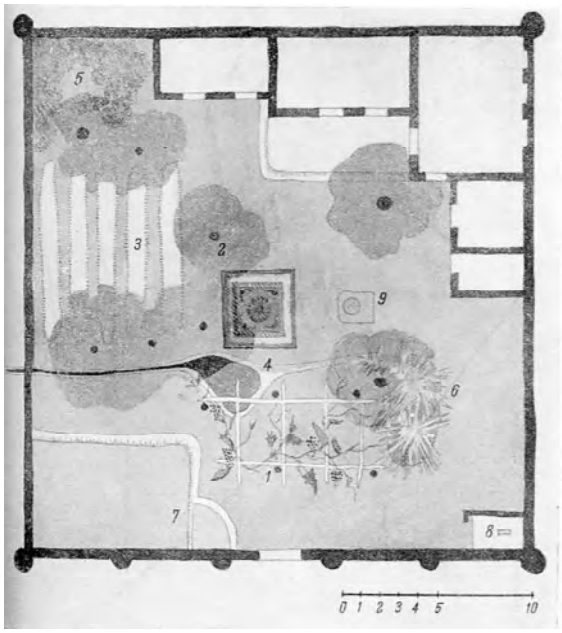


Figure 4. Ground plan of a rural courtyard in Samarkand (Залесская, 1949)

Figure 5. Photo of a courtyard (near Urgut village) by A. Pisarchik, 1939, Samarkand State Archive

history of the individual neighborhoods from an ethnographic perspective (Абрамов, 1989). These different sources provide a clearer, but still not sufficient picture of the city's development.

A typology that is no longer found today is the rural courtyard kurgan, which was used as a retreat from the overheated old town, especially in the hot summer months. The decoration of the mud walls, reminiscent of bread stamps, was described and photographically documented by Pisarchik, but plans of the inner structure are missing. Fortunately, this was examined and drawn in a different context: The publication The Greening of Central Asian Cities by L. C. Zalesskaya depicts a whole series of floor plans of these walled courtyards in the vicinity of the cities of Samarkand and Tashkent (Залесская, 1949).

Losses have also been recorded within the former city walls: One of the most frequently photographed residential buildings in the old town, located directly next to the Kosh Khauz Mosque and its reconstructed water basin, had to make way for a new hotel building in 2008. The unusual internal structure is the result of a previous building, whose room cells suggest that it was used as a madrasa associated with the nearby mosque. Around 1900, a builder named Usmon Boybatch created an extremely elegant city palace on this site as a mixture of European and traditional Central Asian architectural forms.

This gallery extended as far as the street, from which it was separated by a clay-plastered wall. The photographs from the 1930s show further window openings on this wall. Supported on the outside, the façade cantilevers at this point and merges into a wood-panelled balcony at the corner of the building. The entrance portal faces Kosh Khausz Street, from where you enter the entrance hall, which in turn leads to the courtyard. The rooms on the upper floor had

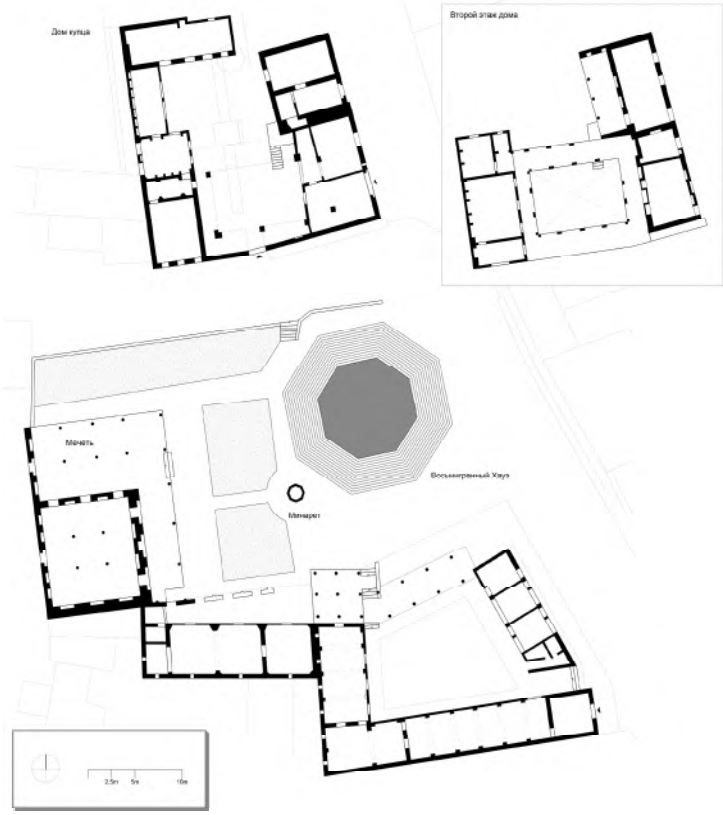


Figure 6. Floor plan of the Kosh Khauz mosque and neighboring residential building with plan of second floor (Ага Хан, 2000)

richly decorated and painted wooden ceilings, some of which were made of semi-circular wooden 'vassa', others of the coffered type that were fashionable at the turn of the century.

Further evidence of the mixture of European and Central Asian motifs often used at the end of the 19th century can still be found today, particularly along Susangaron Street in the south of the old town. A typologically close relative of the Usmon Boybatch house was located in Mahalla Khalif Lalibek in the south of the old town. Here, too, the house occupied a corner position opposite the water basin in the immediate vicinity of the neighborhood mosque. The carved shutters on the upper floor above the passageway to a neighboring property were remarkable here (due to the frequently shifting property boundaries, the original configuration cannot be clearly traced; the complex probably originally had two courtyards).

This half-timbered section of the house with clay-plastered walls was adjoined by a brick-built section with a cornice featuring small brackets in the style of a dentil course. Only the outer wooden framing remains of the entrance gate, above which there is a window with cross-shaped mullions on the outer panels. Between the entrance area and the half-timbering, there was again extensive wood paneling with four small arched openings. Here also a carved wooden frieze on the eaves could be found.

On the inside of the house, the spatial configuration was similar to that of the Usmon Boybatch house described above: at the corner of the building, one entered the passageway

Figure 7. Usmon Boybatch house, photo: J. Jordan 2006

Figure 8. View into the gallery of the upper floor, former windows on the left side closed, photo: S. Wallasch 2007

Figure 9. Richly painted ceiling of the guest room, photo: S. Wallasch 2007

Figure 10. Cassette ceiling with elaborate carvings and paintings, photo: S. Wallasch 2007

Figure 11. Richly decorated entrance portal, photo: J. Jordan 2006

Figure 12. Excavation pit at the site of the former building, photo: J. Jordan 2008

leading to the inner courtyard. The courtyard stretched between two opposing parts of the building and reached right up to the façade. On the upper floor, a gallery ran in front of the two parts of the building and along the street-side fasade, where it had wooden paneling with several windows. Designed in this way, the configuration enlarged the impression of space in a confined area. The gallery in this house had a much simpler design: A wooden lattice served as fall protection and the wooden supports had a molding. The wooden boards of the paneling were held on the back by frames not unlike those of the geometric Art Nouveau style. Along

Figure 13. Residential building at the Khalif Lalibek water basin, photo: J. Jordan 2006

Figure 14. Cantilevered wood paneling on the gallery, photo: J. Jordan 2010

Figure 15. Gallery with wood panelling facing the square, photo: J. Jordan 2010

Figure 16. Building with demolished upper floor, photo: J. Jordan 2017

the eaves there was carving all round, as on the outside.

By 2014, only the loss of this part of the monument could be ascertained. According to the resident, she was unable to finance the restoration of the building and had no use for the wooden parts of the building. It is not possible to determine whether the wooden elements were disposed of or sold. The high-quality bricks from the colonial period, on the other hand, were cleaned and stacked for sale by the water basin.

The two losses presented here emphasize the need to re-document the heritage of the old town according to today's standards. Although there are other courtyards with galleries on the upper floor, balconies built around the turn of the century as a special spatial solution with wooden paneling have disappeared from the cityscape, with the exception of one further example.

REFERENCES:

Абрамов М. М. Гузары Самарканда. Ташкент: Узбекистан, 1989.

Фонд культуры Ага Хана. План для центральной части Самарканда. Самарканд, 2000.

Залесская Л. С. Озеленение городов Средней Азии. Москва: Издательство Академии архитектуры СССР, 1949.

Захидов П. Самаркандская школа зодчих. Ташкент: Наука, 1965.

Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе: Дониш, 1975.

ДОРЖСУРЭНГИЙН УРАНЧИМЭГ
Академия изобразительного искусства,
Монгольский Национальный университет искусств и культуры,
Улан-Батор, Монголия

МОНАСТЫРЬ АМАРБАЯСГАЛАНТ (МОНГОЛИЯ). АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ XVIII ВЕКА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРАКТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭПОХИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Ключевые слова: архитектура, Монголия, Дзанабадзар, монастырь Амарбаясгалант, конструкции, стиль, цама.
Аннотация: В статье рассматривается архитектурный комплекс уникального памятника буддийской архитектуры на территории Монголии — монастыря Амарбаясгалант. Его строительство было инициировано по распоряжению маньчжурского правителя китайской империи Цинь Айсиньгьоро Иньчжэня специально для Дзанабадзара, первого монгольского Богдо-гэгэна (1650–1723). Анализируются планировочные решения монастырского комплекса, стилистические и конструктивные особенности его построек. Показано, как из уникального сплава заимствованных китайских, тибетских и локальных архитектурных элементов сформировался уникальный монгольский стиль зодчества.

Kalit so'zlar: arxitektura, Mongoliya, Zanabadzar, Amarbayasgalant monastiri, konstruksiyalar, uslub, tsam.
Annotatsiya: Maqolada Mongoliya hududidagi buddaviy arxitektura yodgorligining noyob majmuasi — Amarbayasgalant monastiri ko'rib chiqiladi. Uning qurilishi Tsing imperiyasining Manjur hukmdori Aisin Gioro Yinchjen tomonidan birinchi monqol Bogdo Gegeni (1650–1723) Zanabazar uchun maxsus topshirig'iga binoan boshlangan. Monastir majmuasining rejalashtirish yechimlari, uslubiy va konstruktsion xususiyatlari tahlil qilinadi. Xitoy, Tibet va mahalliy arxitektura elementlarining noyob uyg'unligidan monqol o'ziga xos uslubini qanday shakllantirgani ko'rsatiladi.

Keywords: architecture, Mongolia, Zanabadzar, Amarbayasgalant monastery, constructions, style, tsam.
Abstract: The article discusses the architectural complex of the unique Buddhist monument in Mongolia — the Amarbayasgalant Monastery. Its construction was initiated by order of the Manchu ruler of the Qing Chinese Empire, Aisin Gioro Yinzheng, specifically for Zanabazar, the first Mongolian Bogd Gegeen (1650–1723). The study analyzes the planning solutions of the monastery complex, as well as the stylistic and structural features of its buildings. It demonstrates how a unique Mongolian architectural style emerged from the fusion of borrowed Chinese, Tibetan, and local architectural elements.

Понятие «Шелковый путь» («Великий шелковый путь») отличается сложностью и многомерностью, поскольку обладает целым рядом аспектов, обращенных к разным областям социально-политической, экономической и культурной деятельности. В первую очередь оно подразумевает феномен активного межцивилизационного взаимодействия в разных сферах жизненной активности, в которое на протяжении длительного времени были включены многие народы Центральной Азии. Важнейшим участником этого процесса в XIII и XIV веках была Монгольская империя. Тогда Каракорум, город в бассейне Орхона в центральной Монголии, некогда основанный как военная ставка Чингисхана, служил в качестве одного из ведущих центров международной торговли (Ткачев, 1986: 219–231; о роли Каракорума как духовного центра см.: Warikoo, 2018:109–125). Включенность в общемировой торговый обмен превратила его в важнейший город на Великом шелковом пути, что, в свою очередь, исключительно благотворно отразилось на развитии самого города и — в более широком смысле — всей монгольской цивилизации (Pax Mongolica), приобщив ее к культурным и технологическим достижениям, которыми уже обладали к данному времени другие страны. Экономическая и культурная жизнь города развивалась в ту пору на необычайно высоком уровне, о чем свидетельствуют данные

археологических раскопок, показавшие, в частности, сколь разветвленной была сеть торгово-экономических связей, соединявших Каракорум Великих ханов Монгольской империи с другими важными центрами международной торговли.

Однако у интересующего нас понятия есть и другие смыслы, не ограниченные системой географических или временных координат. Они подразумевают более сложную систему связей, формирующих духовное единство великих цивилизаций Центральной Азии, одной из которых была Монгольская цивилизация. Такая трактовка понятия «Великий шелковый путь», которая подразумевает его как пространство взаимодействия в духовной сфере, позволяет нам ставить и разрешать вопрос о сложном переплетении традиций различных национальных культур, сформировавшемся на протяжении длительного периода времени в эпоху средних веков. Не претендуя на охват всей темы, требующей совсем иных объемов печатной публикации, мы бы хотели заострить внимание лишь на одном эпизоде сложного процесса межкультурного взаимодействия, разворачивавшегося в регионе, который составлял некогда часть Великого шелкового пути. Этот эпизод связан с историей возведения монастыря Амарбаясгалант.

Его звучное наименование в переводе на русский язык означает «Монастырь безмятежной радости». Во многих отношениях этот монастырь — уникальный храмовый комплекс и одновременно важный центр духовной культуры в нашей стране, однако до сих пор он по разным причинам остается практически неизвестным специалистам — историкам искусства и культуры Центральной Азии. Главная из них — его расположение в труднодоступном месте, находящемся вдали от основных транспортных артерий современной Монголии, приблизительно в 350 км от ее столицы, Улан-Батора. Монастырь находится на берегу реки Сэлэнгэ на территории одноименного аймака (области), в сомоне Баруунбурэн. Расположение на высокогорном плато вблизи горы Бурэн-Хан, откуда открывается великолепный вид на пересекаемую рекой равнину, превращает его в один из наиболее живописных архитектурных комплексов не только в нашей стране, но и во всем регионе Центральной Азии.

На протяжении последних лет я принимала активное участие в работе по сохранению и утверждению значения данного монастыря в качестве национального достояния нашей страны, привлекая внимание администрации и меценатов. Представляется необходимым обобщить ряд итогов этой работы, ознакомив научную общественность с некоторыми ее результатами. Приношу свою искреннюю благодарность за первоклассные фотоснимки, выполненные во время экспедиции в монастырь Амарбаясгалант, известному русскому фотохудожнику, мастеру фотосъемки архитектурных объектов Андрею Клюеву.

Уникальность данного монастырского комплекса состоит в том, что он представляет собой один из очень немногих памятников традиционной буддийской архитектуры, сохранившихся на территории современной Монголии. Как известно, переход к социалистическому образу жизни в правление Х. Чойбалсана сопровождался проведением массовых репрессий против духовенства и разрушением буддийских монастырей, которыми прежде изобиловала Монголия. Своего пика процесс искоренения национальной исторической и культурной памяти достиг во второй половине 1930-х годов, но его отголоски были хорошо ощутимы и впоследствии. По этой причине к началу 1990-х годов в стране насчитывалось совсем немного буддийских монастырей, большинство из которых были превращены в музеи.

К счастью, монастырь Амарбаясгалант избежал общей печальной участи, не подвергшись полному разрушению. Пострадали хозяйственные постройки и ряд храмов, тогда как основные здания остались целыми. Причиной тому, вероятнее всего, была его удаленность от основных магистралей страны, отчего он счастливо оказался вне поля зрения коммунистических властей. Однако на протяжении длительного времени монастырь все же находился в руинированном виде. По той же причине, возможно, он не привлек к себе внимание исследователей монгольской архитектуры, среди которых в XX веке доминировали советские специалисты, для которых куда больший интерес представляли современные памятники Улан-Батора. Это верно в отношении работ Н. М. Щепетильникова, написавшего первую монографию об архитектуре нашей страны (Щепетильников, 1960: 1–245), а

также И. И. Ломакиной (Ломакина, 1978: 1–200). Однако и впоследствии, после Демократической революции 1990 года и обретения независимости, об этом памятнике практически никто из исследователей не писал. Он удостоился лишь беглого упоминания в монографии известного специалиста по буддийской архитектуре Нэнси Шатцман Штайнхардт с характерным наименованием «Границы китайской архитектуры» (Steinhardt, 2022: 306–308). Вот почему сейчас важно вернуть его в научный контекст, чтобы со временем он стал предметом более основательного научного исследования, проведенного группой специалистов — историков архитектуры и изобразительного искусства, религиоведов, историков и культурологов.

Уникальный характер монастыря Амарбаясгалант отчетливо оформился уже в самую раннюю пору его существования. Он был основан и затем возведен по распоряжению маньчжурского правителя китайской империи Цинь Айсиньгьоро Иньчжэня (известен как Юнчжэн) специально для Дзанабадзара, первого Богдогэгэна (1650–1723), под властью которого находились тогда обширные территории Центральной Монголии. Едва ли имеет смысл говорить сейчас о том, каким громадным был вклад Дзанабадзара, великого просветителя и государственного деятеля, в развитие монгольской государственности, а также изобразительного искусства, театра и письменности (последняя публикация о нем — Uranchimeg, 2021: 13–42). Правда, строительство монастыря началось уже в 1727 году, так что имело бы смысл уточнить, что он был возведен в память Дзанабадзара. Там он и был похоронен, хотя в настоящее время его могила считается затерянной.

Один из трех самых крупных монастырских комплексов нашей страны, Амарбаясгалант впечатляет грандиозностью своих построек и внушительностью замысла. Его периметр представляет собой прямоугольник размером 175×207 м. В годы расцвета на его территории находилось около полусотни крупных и небольших храмов (сейчас их насчитывается 28), а число монахов достигало 2,5 тысяч человек (в некоторых источниках это число составляет 10 тысяч). В его возведении, растянувшемся на 120 лет, принимали участие как монгольские, так и китайские мастера, что в итоге отразилось в своеобразной архитектурной концепции комплекса и облике его зданий, позволяя говорить о синтезе разных культурных традиций, национальной и привнесенной в Монголию извне, с Востока. Более того, в среде отечественных ученых принято даже говорить о «монгольско-китайском архитектурном стиле», и данное обозначение представляется особенно уместным как раз в случае с монастырем Амарбаясгалант.

Общий план монастыря обнаруживает аналогии с планировочными решениями, типичными для нашей страны. Квадратный в плане главный двор как бы заключен в оболочку из меньших по размеру дворов, окружающих его. Подобное разделение общей территории храмового комплекса объясняется тем, что с помощью такой планировки оказывалось возможным не только разделить культовую и жилую зоны в монастыре (это типично и для китайских сооружений), но и создать дополнительное жилое пространство для не относившихся к духовному сословию ремесленников, обитавших при монастыре. Их присутствие было необходимым, поскольку монастырь Амарбаясгалант был крупным хозяйственным комплексом и играл роль важного экономического центра. С другой стороны, на вышеописанную базовую схему накладывались черты, заимствованные из китайской художественной традиции. Ими в первую очередь характеризуется типология храмовых зданий и их стилистическое решение, в особенности же — декоративное оформление, поражающее невиданной пышностью.

Роскошь оформления завораживает уже при подходе к монастырю, который встречает посетителей крупным массивом надвратного храма, силуэт которого имеет пирамидальный характер, в целом типичный для культовых построек на территории Монголии. Однако богатство декоративного оформления выглядит на общем фоне совершенно нетипичным: достаточно сравнить фасад с внешним обликом монастыря Чойджин-ламы в Улан-Баторе, имеющим куда более строгий облик. По нашему мнению, подчеркнуто нарядный характер архитектурного решения фасада объясняется задачей монастырского комплекса, который призван был в первую очередь стать мемориалом в память Дзанабадзара, прославить его

исключительно яркую личность в выразительных художественных формах, став своего рода архитектурным панегириком.

Далее идет небольшой двор, где по сторонам от входа находилось два храма. Минуя их, посетитель подходит к еще одному ограждению, за которым находится здание главного храма, помещенное строго по центральной оси всего ансамбля. Это крупное двухъярусное сооружение площадью 32 × 32 метра, вне всяких сомнений, представляет наибольший интерес из всех построек на территории монастыря. Его уникальность состоит не только в крупных размерах, но и в стилистическом решении, соединившем черты китайского зодчества (его иногда называют «маньчжурским стилем») с элементами тибетской архитектурной традиции, распространившейся на монгольской территории в эпоху правления Дзанабадзара, а самое главное — с особыми конструктивными решениями, характерными только для Монголии. Сплав этих традиций представляет собой совершенно уникальное явление, которое можно обозначить *как национальный монгольский стиль культового зодчества*.

Типология храмового здания имеет легко опознаваемые китайские черты. Это сооружение расположено на высокой платформе и окружено двухъярусной колоннадой. Позади нее располагается квадратная в плане постройка. У храма имеются отличительные черты, позволяющие говорить о влиянии разных архитектурных концепций. С одной стороны, в оформлении здания, как и всего монастыря, использовано немало декоративных элементов, типичных для китайского зодчества (к примеру, глазурованные керамические плиты, характерные для архитектуры времени маньчжурской династии Цин). Символика украшений также узнаваемо китайская: изображения драконов (означающих личность и власть императора), тигров (божественная сила) и фениксов (изобилие и благополучие) обладают в китайской традиции хорошо известной семантикой. С другой стороны, конструктивные особенности здания резко отличают их от китайских храмовых построек. Скаты высокой крыши не встречаются вверху, как в китайских сооружениях, поскольку она завершается квадратным четырехскатным проемом. Его скаты «смотрят» вниз, в интерьер здания, куда с них стекает дождевая вода. Ее струи, в свою очередь, направляются к четырем колоннам, стоящим по углам здания и выполняющим роль своеобразных водосточных труб. Стекая по ним (вернее, сквозь них, как по трубам), вода затем попадает в отверстия в фундаменте здания, чтобы уйти в землю.

Мы не случайно так подробно остановились на этом любопытном моменте. Согласно достоверному преданию, такое архитектурное решение, восходящее к эпохе самого Дзанабадзара, можно было встретить всего лишь в трех постройках, одной из которых и является монастырь Амарбаясгалант, где оно сохраняется до сих пор. Введение столь сложной конструкции, по-видимому, объясняется особыми климатическими условиями нашей страны с ее частыми и обильными дождями. Крыши такой формы способствуют тому, что вода легче стекает вниз по четырем трубам, расположенным на углах здания, не застаиваясь наверху. Поэтому здесь с полным основанием можно видеть проявление национального монгольского гения, с успехом разрешившего труднейшую задачу. Еще более удивительным выглядит тот факт, что данная конструкция функционирует до сих пор, спустя 300 лет после своего создания, невзирая на разрушения, выпавшие на долю монастырского комплекса.

Есть у главного храма монастыря Амарбаясгалант еще одна интересная особенность, связанная с организацией освещения. Интерьеры буддийских храмов Китая и Внутренней Монголии традиционно выглядят затененными, отчего с известным преувеличением можно сказать, что они лишены внутреннего пространства в качестве полноценного выразительного фактора общего архитектурного образа. В храме монастыря Амарбаясгалант все обстоит иначе. Внутреннее пространство его хорошо освещено за счет рядов окон, размещенных в верхней части, имеющей форму невысокой башни, над центральным пространством, где имеется нарядный балдахин. Такое остроумное решение позволило облегчить архитектурную конструкцию, что, в свою очередь, дало возможность увеличить высоту здания.

С другой стороны, декоративное оформление главного монастырского храма обладает признаками отчетливой близости к китайским образцам, которые в ту эпоху получили развитие при пекинском дворе. Основной мотив живописной декорации

потолка составляют изображения драконов на зеленом фоне, где в обрамление искусно вплетены цветочные мотивы. Высокий уровень художественного качества декоративной росписи наводит на мысль о том, что участие в ее выполнении могли принимать китайские мастера, прибывшие в монастырь Амарбаясгалант специально по случаю осуществления работ по оформлению зданий. На такую мысль наводит хорошо известный факт об основании монастырского комплекса непосредственно по распоряжению императора, заинтересованность которого в скорейшем завершении начатого проекта могла стимулировать отправку квалифицированных мастеров из Пекина.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, что происходило с монастырем Амарбаясгалант после Демократической революции 1990 года, когда наша страна вновь обрела независимость. Это дало основание для возвращения к духовным истокам и возрождения храмов, находившихся в упадке и забвении на протяжении семи десятков лет. Вскоре после начала преобразований монастырь вновь стал действующим. Теперь там обитают молодые ламы, которые сохраняют драгоценный свет буддийского вероисповедания в этих далеких местах.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов были начаты реставрационные и исследовательские работы по сохранению уцелевших памятников. В этих работах неоднократно участвовали зарубежные ученые, в частности, исследователи из Польши (1988) и Японии (2009). Однако тогда же остро встал вопрос о финансировании для продолжения научно-исследовательской и реставрационной работы в условиях нехватки средств из-за дефицита бюджета и ограниченности государственных возможностей по стимулированию культурной деятельности. Монастырю Амарбаясгалант пришлось перейти на самоокупаемость, самостоятельно изыскивая средства для существования.

Выход был найден в привлечении большого числа интересующихся историей и духовной культурой Монголии путем устройства на его территории зрелищных представлений по случаю религиозного праздника Цама. Эти костюмированные постановки, известные как «цамы», соединяют обрядово-ритуальную часть со зрелищной. Они представляют собой мистерии с развитым драматургическим началом, где действие сопровождается выразительными плясками актеров-участников, облаченных в нарядные костюмы и огромные маски, закрывающие лица. Использование таких масок значительно усиливает визуальное впечатление, создавая драматический эффект от представления, в котором перед зрительским взором предстают буддийские божества и ангелы.

С 2002 года на территории монастыря Амарбаясгалант регулярно устраиваются театрализованные представления. Они выполняют обрядовую функцию изгнания злых духов, привлекая не только верующих, но и зрителей, которым посещение этого удивительного архитектурного комплекса помогает приобщиться к истории и духовной культуре родной страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ломакина И. И. Улан-Батор. Ленинград: Искусство, 1978. 200 с.

Ткачёв В. Н. Каракорум в XIII веке // Mongolica: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцева, 1884–1931. Ленинград: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 219–231.

Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии. Москва: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. 245 с.

Steinhardt N. S. Borders of Chinese Architecture. Harvard: University Press, 2022. 320 p.

Uranchimeg T. Zanabazar: A Khalkha Ruler // A Monastery on the Move. Art and Politics in Later Buddhist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii's Press. 2021. P. 13–42.

Warikoo K. Karakoram Himalayas and Central Asia. The Buddhist Connection // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 109–125.

АБДУМАННОП ЗИЯЕВ
Институт искусствознания АН РУз
Ташкент, Узбекистан

СТАНОВЛЕНИЕ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

Ключевые слова: археология, городище, градостроительство, урбанизация, укрепления, структура, комплексы, фортификация, жилые массивы, цитадель, шахристан, поселения, микрооазис, система расселения.
Аннотация: Сегодня, помимо практических разработок, приобрело актуальность изучение истоков и традиций градостроительства Ташкента и ряда исторических городов Ташкентской области. Интерес к этой проблеме связан не только с задачами познавательного характера. В данной статье приведены наиболее приемлемые для нынешнего времени планировочные решения археологических объектов прошлых периодов с целью сохранения их в современной градостроительной практике.

Kalit so'zlar: arxeologiya, shaharcha, shaharsozlik, urbanizatsiya, mustahkamliklar, tuzilma, majmualar, fortifikatsiya, turar joy massivlari, qal'a, shahriston, aholi punktlari, mikrooazis, joylashuv tizimi.
Annotatsiya: Bugungi kunda amaliy ishlanmalar bilan bir qatorda Toshkent va Toshkent viloyatining bir qator tarixiy shaharlarda shaharsozlikning kelib chiqishi va an'analarini o'rganish dolzarb ahamiyat kasb etdi. Ushbu muammo faqat bilim olish maqsadida qiziqish uyg'otib qolmasdan, balki zamonaviy shaharsozlik amaliyotida o'tmishdagi arxeologik ob'ektlarning rejalashtirish yechimlarini saqlab qolishga qaratilgan.

Keywords: archaeology, settlement, urban planning, urbanization, fortifications, structure, complexes, fortification, residential areas, citadel, shahristan, settlements, micro-oasis, settlement system.
Abstract: Today, alongside practical developments, the study of the origins and traditions of urban planning in Tashkent and several historical cities in the Tashkent region has gained relevance. Interest in this issue is driven not only by cognitive goals. This article presents the most suitable planning solutions for archaeological sites from past periods, aiming to preserve them within modern urban planning practices.

На обширной территории нынешнего Ташкентского оазиса обнаружено множество городищ, представляющих собой различные по размерам и фортификационным качествам типы населенных пунктов — от замков до укрепленных поселений. Тем не менее, можно предположить, что центр ранней урбанизации региона приходился на юго-западную часть его территории, где сходились пути из Согда. Здесь возможен один из начальных этапов урбанизации региона, а населенные пункты Каунчи-тепа, Шаш-тепа и Канка относятся к первым городским поселениям Ташкентского микрооазиса.

Каунчи-тепа — одно из первых городских поселений. В древний период происходит качественное и количественное разрастание комплекса. Общая площадь застройки территории могла равняться нескольким гектарам. Граница освоения холмистых площадей под поселение доходила в западном направлении до позднесредневекового кишлака Каунчи, а на северо-восточном направлении комплекс планировочно не развивался. Планы жилых массивов повторяли рельеф освоенных возвышенностей и не имели четко выраженной структуры (Буряков, 1982: 29). Для архитектуры Каунчинского комплекса в период становления урбанизации характерна развитая оборонительная система при аморфности плана крепостных сооружений. Были выделены места для проживания вождей и знати, где возводились дворцовые сооружения, которые укреплялись особенно надежно (археологического вскрытия таких монументальных и храмовых построек пока не было, но исследователи предполагают их существование). Возможно, Каунчинский комплекс с его мощными фортификационными и дворцовыми сооружениями служил в середине I тыс. до н. э. резиденцией правителей сако-массагетских племен. В частности, здесь мог располагаться столичный город знаменитой царицы Томарис,

армия которой в 529 г. до н. э. победила Ахеменидского царя Кира.

Городище Шаш-тепа. Ранний урбанистический процесс Шаш-тепа может быть связан с добровольным или насильственным объединением определенного количества населения его микрооазиса. Возможно, существовали и другие пути сложения этого городского поселения. По ряду причин некоторые оседлые жители переносили место проживания к скоплению домовладений, которые вырастали около храмового комплекса с мощной резиденцией главы родового общества. Планировочная структура Шаш-тепа в период становления урбанизации представляла собой тип небольшого городка — административного центра определенного территориального владения. Резиденция правителя и храм составляли существенную часть структуры поселения и вместе со строениями для вооруженной охраны и вельмож, возможно, были окружены фортификационными сооружениями.

Поселившихся за пределами цитадели, возможно, охраняла вторая линия обороны. Так возникли два массива Шаш-тепа, разделенные между собой каналом Джун. Первый (южный), круглый в плане, представлял собой заселенный участок, где размещались постройки местного правителя, храм, жилые строения приближенных и вельмож. Второй массив (северный), овальный в плане, функционировал как внешний город и предназначался для ремесленников, торговцев и крупных землевладельцев.

Определить документально размеры всей территории раннего города Шаш-тепа пока нет возможности. Вероятно, в древности участки вблизи второго массива были застроены и обнесены еще одной общей оборонительной стеной (следы от которой археологически еще не определены). Сведения о других древних селениях микрооазиса Шаш пока носят отрывочный характер. Археологически подтверждено существование населенного пункта на территории местности Ногай Курган. Расположенное здесь городище Кугаит-тепа, включая местность Яккасарай, вероятно, являлось крайним восточным поселением микрооазиса. На западной окраине микрооазиса выделялось городище Гишт Куприк (ныне жилой массив Эркин). Возможно, находящаяся на реке Джун древняя переправа стала основой возникновения этого поселения. Очень незначительными в древний период были селения Кара-тепа, Куль-тепа, Сулейман-тепа и Ханабад-тепа. Возникшие на внутриоазисной дороге, они формировали систему расселения южных ирригационных земель микрооазиса Шаш. Ханабад-тепа к концу древнего периода существовало в виде небольшого поселения, возможно, укрепленного и обеспечивавшего переправу через реку Чирчик (Древности Ташкента, 1976: 29).

Особенности системы расселения уделов (княжеств). Процесс расселения населения по территории региона в раннесредневековый период связан с политикой новой администрации Ташкентского оазиса, называемого до VIII в. н. э. Чачем. Во II–III веках н. э. ослабление государства Кангюй, занимавшего большую часть территории Центральной Азии, способствовало выделению из его состава ряда новых государств, и, в частности, Чача, который в III веке н. э. упомянут в победной надписи персидского царя Шапура I на Каабе Зороастра как государство Чачистан. В III–IV веках Чач начинает развиваться как самостоятельное государство, что привело к феномену стремительного роста числа городов и поселений. Тогда же была установлена иерархия, т. е. система расположения городов региона в порядке их подчинения.

В начале VI века Чач вошел в состав государственного объединения — Тюркский каганат. Возможно, в эти годы произошло разделение Ташкентского оазиса на два владения: Чач — северное, а Илак — южное. Владение Илак функционировало в Центральной Азии как крупный район добычи металлов, особенно золота и серебра (Буряков, 1999: 264–273).

Главными городами раннесредневекового Чача-Илака служили городища Канка и Имлак в низовьях реки Ахангаран. На правобережье реки Чирчик выделялось городское поселение Мингурик. Функции провинциальных центров Чача-Илака выполнял в нижнем течении Чирчика комплекс городищ: Чиназ-тепа (г. Чиназ), Буюк-тепа (г. Алмазар), Каршаул-тепа (южные окрестности местности Эски Ташкент); в среднем течении Чирчика, в районе междуречья Салар и Джун — городища Каунчи-тепа (г. Янгиюль) и Юган-тепа (п. Ниязбаш).

Центрами небольших земельных уделов были крепости Улькантой-тепа (Той-тепа) и Ханабад-тепа (местность Ханабад на южной

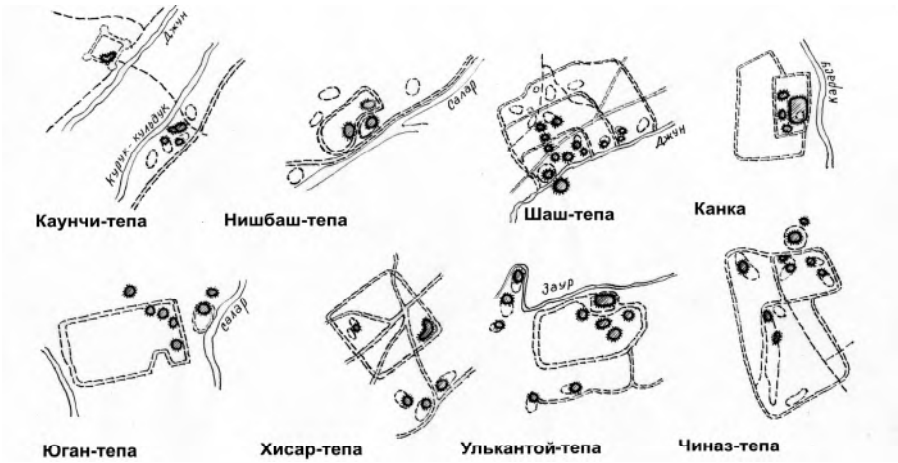


Рис. 1. Ранний этап становления поселений региона. Вариант реконструкции

окраине Ташкента), поселения Кугаит-тепа (местность Ногай курган, г. Ташкент), Аката-тепа (г. Ташкент), Актепа Юнусабад (г. Ташкент), Тугай-тепа (восточная окраина г. Ташкента), Кошкурган и Паргос-тепа (окрестности г. Чирчика), Дальверзин-тепа (п. Джумабазар); ремесленным городком являлся Кульата (верховья реки Ахангаран), а также ряд менее значительных населенных пунктов.

Исследование исторической топографии Ташкентского оазиса в совокупности с результатами археологических раскопок свидетельствует о факте существовании в Чаче-Илаке в предисламский период двух-трех десятков городов. Определенная часть из них выполняла функции центров территориальных округов, подчиненных столичному городу. Об административной расчлененности Чача-Илака по типу древних микрооазисных государств свидетельствуют находившиеся в те годы в обиходе монеты некоторых уделов (Ртвеладзе, 1982: 31–39). Например, найденные монеты государства Чач и его отдельных уделов с портретами правителей этих земель подтверждают гипотезу существования системы иерархии в устройстве раннесредневекового государства Чачистан (Чач). Эти монеты — пока единственные источники изображения высоких должностных лиц Чача, а надписи на оборотной стороне монет иногда означают имена или места их выпуска.

Рис. 2. Поселения оазиса в ходе урбанизации региона. Вариант реконстукции

В денежном обращении Чача ходили монеты с портретами правителей, а также с изображением зверей (в основном тигра или лошади), на оборотной стороне которых выбивалась вилообразная тамга и надпись шрифтом, похожим на согдийский.

Из научных источников известно, что наиболее ранней формой территориальной организации раннеклассовых обществ являлись города-государства. Их окружало определенное количество небольших сельскохозяйственных селений. При этом расстояние между городом-центром и границей округа не превышало отрезка пути, который может пройти пеший житель туда и обратно в течение светового дня.

Подтверждением этому служат исследования, которые показали, что Центральная Азия, в частности Ташкентский регион, состояли из отдельных локальных ирригационных районов (Буряков, 1982: 57–65). Центром каждого их них было городское поселение, выделяющееся особыми размерами и фортификацией. Например, городища Канка, Каунчи-тепа, Мингурик, Чиназ-тепа и Улкантой-тепа определялись как административные центры данной территории, называемые уделом или микрооазисом.

Вероятно, раннесредневековые города Ташкентского оазиса, как и в древности, оставались полифункциональными, с административными, религиозными, торгово-ремесленными и оборонными функциями.

Типичный город первой половины I тыс. н. э. состоял из двух частей: цитадели, наиболее старой части города, окруженной мощной стеной, на возвышенной части городской территории

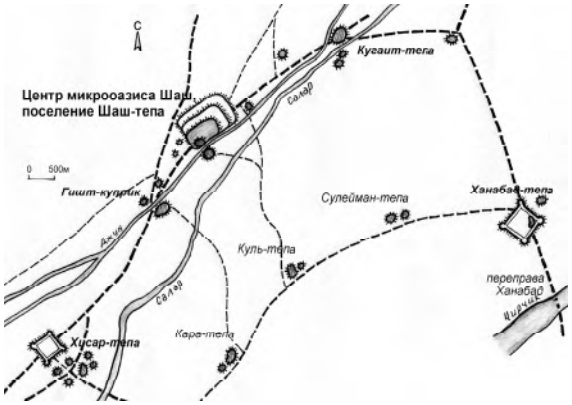


Рис. 4. Система расселения микрооазиса Шаш. Вариант реконструкции

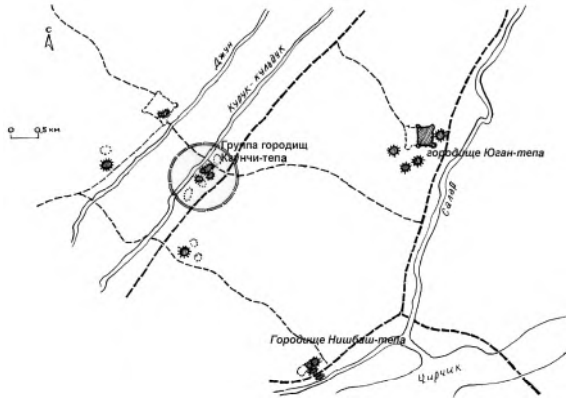


Рис. 3. Система расселения Каунчинского микрооазиса в период становления

(иногда на насыпной платформе), на которой находились дворец или резиденция правителя, постройки придворных и храм; и второй части — кварталов жилого, ремесленного и торгового назначения. Эти массивы возникали вокруг цитадели, чаще всего с трех ее сторон.

Внутреннее устройство города дифференцировалось в разных вариациях, а уличная сеть складывалась из первичной (древнейшей) трассировки территории. Окружающая такие города оборонительная стена, как правило, существовала почти везде, но иногда отсутствовала. За городскими стенами формировались пригород, сады, поля и пастбища с домами сельчан. Каждый город региона имел иногда развитые, реже малозаселенные окраины.

Пока трудно дать определение понятия городского и сельского поселения посредством набора критериев и признаков. Для отличия города от сельского поселения археологической наукой выработана классификация, исходящая из характерных признаков. Города — это размеры, система укреплений, пропорциональное отношение площади цитадели к территории жилых массивов, а также уровень развития производства. При этом критерий экономического уровня и развития ремесел считался одним из определяющих для города. Однако в этой классификации не учитывалась иерархия системы расселения района, где располагался город или замок, а также выполняемая им функциональная роль, что является немаловажным фактором. На обширной территории Ташкентского оазиса в доисламский период существовало множество поселений, различавшихся по функциям

и размерам: от города-столицы до центров торговли, ремесла и резиденции крупного землевладельца. Рассмотрение системы расселения наиболее значимых микрооазисных образований послужит более объективной их классификации.

Формирование поселения Шаш-тепа и его предместий. Изучение всех имеющихся археологических и картографических материалов показало, что комплекс Шаш-тепа в раннесредневековый период сформировался как центр целого планировочного района. В этот территориальный район входила группа менее значительных городищ типа Эшан-тепа, Мазар-тепа, Казах-мазар-тепа, Хирман-тепа и другие.

Период укрупнения поселения Шаш-тепа происходил двумя путями: за счет естественного разрастания и переселения сюда жителей разных племен / оседания кочевников.

Некоторые группы переселенцев специально выбирали места для оседания в городе Шаш-тепа с крупным культовым комплексом (храм солнца). В результате здесь сформировалось особое религиозное сословие, жившее в подчинении зороастрийского храма.

Правители и жрецы Шаш-тепа для возвеличивания своей идеологии внедряли в зодчество и местную ремесленную культуру лучшие достижения тех времен. Не случайно в храмовой постройке Шаш-тепа есть высокохудожественные мотивы культовых строений Центральной Азии, а планировочный принцип, основанный на сочетании формы креста, вписанного в круг, характерен для крупных сооружений, возникших в разное время вдоль реки Сырдарьи.

Тогда же, вероятно, могли возникнуть оборонительные сооружения в виде крепостных стен вокруг города и его цитадели (археологически это пока не подтверждено).

Развитие ремесла и торговли начало придавать Шаш-тепа черты не только культового центра, но и небольшого многофункционального города. В цитадели городского поселения размещался главный культовый центр — храм солнцепоклонников. В ремесленных кварталах Шаш-тепа возникли собственное художественное ремесло и материальная культура, более изысканная, чем культура других региональных центров.

Планировочная структура Шаш-тепа. Что же собой представлял раннесредневековый город Шаш-тепа? Можно предположить, что первоначально к северу от древнего городища, по сторонам проходящего рядом караванного пути, постепенно возникали городские массивы, связанные с торгово-ремесленной деятельностью. Здесь формировались торговые и производственные пункты, привлекавшие не только окрестное население, но и купцов из других государств.

Старая укрепленная часть Шаш-тепа с переуплотнением и усложнением внутреннего административного, культового и жилого комплексов постепенно выходит на вновь образуемую городскую территорию. На первых порах нельзя говорить о системности в планировке этой застройки, т. к. пространство на северной стороне от дороги заселялось от случая к случаю. Со временем все заселенные участки к северу от древнего городища объединяются, сохраняя при этом следы прежней конфигурации. Окруженные несложными оборонительными стенами они оформляются в городские кварталы под территориальным названием шахристан.

Письменные источники содержат описание некоторых городов Центральной Азии этого периода. В частности, историк Наршахи подробно характеризует структуру города Бухары того времени. Из его описаний следует, что шахристан Бухары состоял из отдельных массивов усадеб, окруженных общей оборонительной стеной.

Сейчас сложно определить конфигурацию шахристана Шаш-тепа. Значительный урон сохранности бывших кварталов шахристана нанесла прокладка здесь в конце XIX века железнодорожного полотна. Это инженерное сооружение, проложенное через центр территории древнего города, привело к сносу старых массивов, расположенных даже на значительном расстоянии от полотна. Составить частичное представление о структуре доисламского шахристана Шаш-тепа позволяют материалы съемки района городища в годы прокладки железной дороги. Картографический материал, в котором отмечены все особенности территории, свидетельствует, что наиболее плотно была застроена местность к северо-востоку от древней цитадели.

По отмеченным на карте массивам можно условно локализовать территорию шахристана Шаш-тепа раннего средневековья. Она представлялась в виде прямоугольника со сторонами: юго-восточная 400 м и юго-западная около 200 м. При этих размерах площадь города Шаш-тепа составляет 8 га, что соответствует меркам небольших городов Ташкентского оазиса данного периода.

Шахристан Шаш-тепа формировался постепенно, и его южная часть могла быть более древней. К VII веку территория шахристана увеличилась за счет присоединения северо-восточных предместий. Направление главной улицы, прорезающей шахристан с запада на восток, может соответствовать ныне существующей улице Чаштепа.

Невозможно четко локализовать другие улицы на основе только картографических материалов, так как требуется еще подтверждение данными археологических изысканий. Раскопки могут выявить не только трассировку улиц, но и следы крепостных ворот и других материальных наслоений.

Составной частью доисламского Шаш-тепа являлись предместья и пригороды. Здесь размещались строения сельчан, а также поля, пастбища и сады, обеспечивавшие жителей города продуктами питания и сырьем для работы (хлопок, шерсть и т. п.).

Пока не определено, насколько далеко от шахристана простирались эти окраины и защищались ли они какими-либо стенами или укрепленными постами. Большая часть городищ предместья Шаш-тепа, зафиксированных на съемке местности конца XIX века, ныне поглощена современной застройкой. Значительное по размерам предместье Шаш-тепа существовало в районе городища Кугаит-тепа и селения Гишт Куприк (ныне жилой массив Эркин). В топонимике последнего сохранилось название группы древних поселений Беш курган, т. е. пять городищ. На роль пригородных жилых массивов аграрного назначения могут претендовать несколько городищ типа поселений Мазар-тепа, Эшан-тепа и другие.

Фазыл-тепа являлось хорошо укрепленным населенным пунктом, сложившимся к северо-западу от города Шаш-тепа. Это поселение интенсивно застраивалось в V–VIII веках и играло роль фортификационного поста, защищавшего урбанизированные зоны столицы Чача. Раскопки, произведенные на Фазыл-тепа, зафиксировали в районе этого древнего поселения мощное здание, вероятно, крепостного характера, возведенное на пахсовой платформе.

Заключение. Досконально проследить процесс урбанизации Ташкентского региона — задача нереальная, так как нет письменных источников, а масштаб проведенных раскопок недостаточно велик. Определяющим моментом в разработке ранних этапов становления урбанистических процессов Ташкентского оазиса явилось исследование сохранившихся на сегодня древних и раннесредневековых поселений на территории региона.

Это позволило выделить конкретные планировочные признаки, характеризующие территориальные и функциональные изменения поселений оазиса на определенных этапах развития, выявить объемные и планировочные закономерности их формирования, с раскрытием генетических корней.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Буряков Ю. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент: Фан, 1975. 204 с.

Буряков Ю. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т.: Фан, 1982. 211 с.

Буряков Ю. Ф. Добыча золота и серебра в Средней Азии в средневековье // ИМКУ, вып 30. Самарканд, 1999. С. 264–273.

Древний Ташкент. Институт археологии. Т.: Фан, 1973. 144 с.

Древности Ташкента. Т.: Фан, 1976. 131 с.

Зияев А. А. Древний, средневековый Ташкент //АСУ. № 4. Т., 2009. – С. 19–21.

Зияев А. Расселение на территории Ташкента в доисламский период // Проблемы древней и средневековой истории Чача. Выпуск 2. История. Археология. Нумизматика. Изд-во LAP LAMBERT, Saarbrucken /Deutschland/, 2014. С. 27–35.

У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент: Фан, 1982. 199 с.

Ртвеладзе Э. В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ. № 8. Ташкент, 1982. С. 31–39.

Филанович М. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан, 1983. 99 с.

АЙСУЛУ ИСКАНДЕРОВА
Институт археологии АН РУз им. Я. Гулямова
Самарканд, Узбекистан

КЕРАМИКА ХОРЕЗМА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: Хорезм, средневековье, Золотая орда, керамика, глазурь, технология, чернолощение.
Аннотация: Распространение высококачественной поливной и неполивной керамики свидетельствует о развитии керамического ремесла в Хорезме средневекового периода. Керамические изделия служили предметами быта в жизни населения Южного Приаралья. В настоящей статье приводится технология производства глазурованной и чернолощёной керамики. Важным фактором, который необходимо учитывать при изучении причин технологических изменений в керамике, являются связи Хорезма с городами Средней Азии, Ближнего Востока, Китая и Нижнего Поволжья. Некоторые виды качественной керамики вывозились из населенных пунктов указанного региона на соседние территории. Это привело, с одной стороны, к широкому использованию в повседневном обиходе сосудов с поливой, с другой, повлияло на развитие местного керамического ремесла.

Kalit so'zlar: Xorazm, O'rta asrlar, Oltin O'rda, keramika, sirlash, texnologiya, qorayish.
Annotatsiya: Yuqori sifatli sirlangan va sirsiz keramikalarning tarqalishi o'rta asrlardagi Xorazmda keramika hunarmandchiligini rivojlanganidan dalolat beradi. Janubiy Orolbo'yi aholisining hayotida keramik buyumlar kundalik maishiy ehtiyojlar uchun xizmat qilgan. Ushbu maqolada sirlangan va qoraytirilgan keramikani ishlab chiqarish texnologiyasi keltirilgan. Kulolchilikdagi texnologik o'zgarishlarning sabablarini o'rganishda e'tiborga olinishi lozim bo'lgan muhim omil Xorazmning O'rta Osiyo, Yaqin Sharq, Xitoy va Quyi Volgabo'yi shaharlari bilan bog'liqligidir. Ushbu mintaqa aholi punktlaridan sifatli keramikaning ayrim turlari qo'shni hududlarga eksport qilingan, bu bir tomondan sirlangan idishlarning kundalik hayotda keng qo'llanilishiga, boshqa tomondan esa mahalliy keramika hunarmandchiligini rivojlanishiga ta'sir ko'rsatgan.

Keywords: Khorezm, Middle Ages, Golden Horde, ceramics, glaze, technology, black polishing.
Abstract: The spread of high-quality glazed and unglazed ceramics indicates the development of ceramic craftsmanship in medieval Khorezm. Ceramic products were everyday household items for the population of the Southern Aral Sea region. This article presents the production technology of glazed and black-polished ceramics. An important factor to consider when studying the reasons for technological changes in ceramics is Khorezm's connections with cities in Central Asia, the Middle East, China, and the Lower Volga region. Some types of high-quality ceramics were exported from settlements in this region to neighboring territories. This led, on the one hand, to the widespread use of glazed vessels in daily life and, on the other hand, influenced the development of local ceramic craftsmanship.

Археологические материалы и данные письменных источников свидетельствуют о том, что Хорезм ко второй половине XIII в. оправился от последствий монгольского завоевания. Уже в середине XIII в. экономическая жизнь Хорезма, вошедшего в состав нового монгольского государства — Золотой Орды, начинает налаживаться. Однако возрождение было характерно не для всего региона. Археологические исследования правобережья Амударьи показали затухание городской жизни. Почти безжизненным остался Каваткалинский оазис (Толстов, 1948), один из густонаселенных районов хорезмшахской эпохи (Вактурская, Вишневская, 1959: 161). Подъем переживает в основном его левобережная часть, вошедшая в состав улуса Джучи и оказавшаяся на пересечении путей мировой торговли. Здесь проходила новая северная ветка Великого шелкового пути между Западом и Востоком и перекрестная ей трасса между странами Севера (Восточная Европа, Золотая Орда) и Юга (Мавераннахр, Иран, Индия).

В левобережной части Амударьи наблюдается возрождение городов и неукрепленных поселений (Неразик, 1976: 123; Кдырниязов, 1989: 4). Происходит также восстановление некоторых правобережных городов близ реки Амударьи. В золотоордынский период очаги оседло-земледельческой культуры возникают и на юге Хорезма. Культурные слои,

содержащие керамический материал интересующего нас времени, имеются в Хиве, Военгане, Кяте и Джанпык-кале. Особенно хорошо они сохранились в городах северо-западного Хорезма: Гургандже (Куня-Ургенч), Шемаха-кале, Шехрлике, Пулжае, Бограхане, Адаке, Дэвкескене, Ай-Ате и Миздахкане, а также в сельских поселениях Левобережного Хорезма.

Керамика памятников средневекового Хорезма имеет различные формы и типы, а ее изобразительные мотивы сходны с орнаментами керамики средневековых городов Мавераннахра, Ирана и Дехистана.

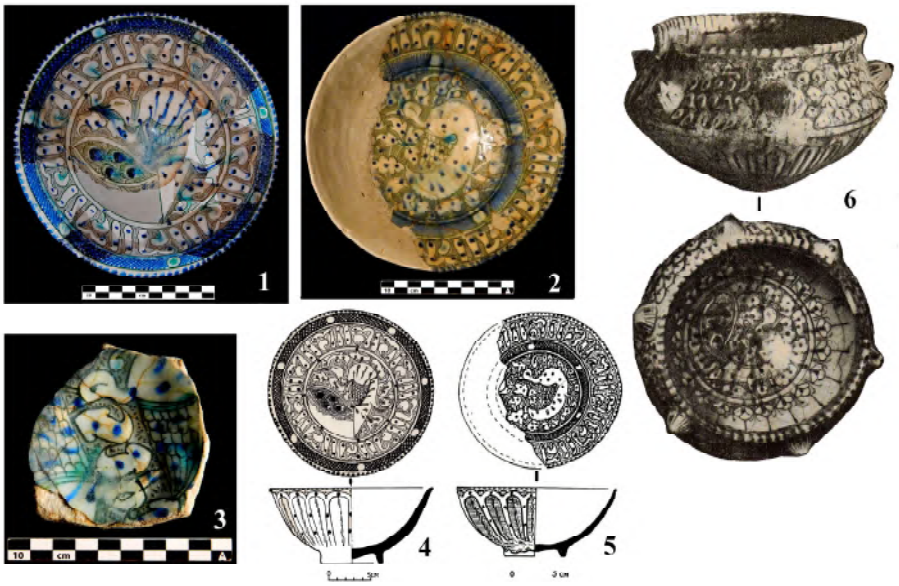
Особенно интенсивное развитие городская культура получила в XIV в. (Вактурская, 1952: 173; ее же, 1958: 467; ее же, 1963: 45–53; Ягодин, 1963: 73–92; Кдырниязов М.-Ш., 1989: 24–61; Торебеков, 2003: 184). Восстановительные работы начались также в сельских округах западного Хорезма (Неразик, 1976: 123–157), налаживаются и товарно-денежные отношения (Федоров-Давыдов, 1965: 179–219). Это привело к новому развитию торговли с другими регионами и ремесленной промышленности в Хорезме во второй половине XIII — XIV в.

Вопрос изучения золотоордынской поливной керамики Хорезма поднимался разными исследователями. Один из первых исследователей керамики этого периода А. Ю. Якубовский выделил пять типов керамики, одинаково характерных для продукции Поволжья и Хорезма XIII–XIV вв. (Якубовский, 1931: 28). Два из них относятся к красноглиняной и три — к кашинной керамике. Это было первое, предварительное исследование. Впоследствии оно дополнено новыми данными, полученными при исследованиях в Хорезме и Поволжье. Анализ поливной керамики Хорезма сделала Н. Н. Вактурская. В ее классификационной схеме поливная керамика XIII–XIV вв. получила отражение в соответствующем разделе (Вактурская, 1959: 300, 316–326.). Основная классификационная идея схемы — выделение групп по составу теста: красноглиняная, кашинная, селадон и фарфор. Золотоордынский период характеризуется ученым как время усовершенствования технических достижений в области керамического производства предыдущего хорезмшахского этапа (Вактурская, 1959: 341).

Анализ керамического производства XIII–XIV вв. содержится в работе М.-Ш. Кдырниязова. В ней дана типологическая классификация поливной керамики городов Хорезма XIII–XIV вв. (Кдырниязов, 1989: 62–82).

Большинство археологических находок на территории Хорезма указывает на то, что применение поливы занимало ведущее место в изделиях из кашинного теста. Однако встречаются и красноглиняные сосуды, реже — светлоглиняные, где черепок в изломе плотный, желтоватого оттенка. Сырьем для формовки сосудов служила тщательно подготовленная масса особых глин. Состав кашина компоновался из порошкообразного кварца, большой доли глины и извести или из молотых кварцевых материалов (песок, кварцит). Кашин XIII–XIV вв. светлый, зернистый, с большим процентным содержанием кремнезема. Изделия сложных форм изготовлялись по частям в составных калыпах, потом склеивались с помощью жидкой кашинной массы. После сушки посуда покрывалась фриттой и обжигалась. Затем красками наносился орнамент. Кашинная посуда оформлялась над- и подглазурной росписью. По свойствам глазури эти изделия подразделяются на два подотдела: с прозрачной и непрозрачной (глухой, опаковой или оловянной) глазурями. В свою очередь прозрачные глазури делятся на три группы: бесцветные, бирюзовые и темно-синие (кобальтовые или ультрамариновые). Прозрачные бесцветные глазури на кашине встречаются мутно-белого и зеленого оттенков. Таким образом, технологические признаки кашинной керамики связаны с хорошо налаженным керамическим производством. В Хорезме этого периода существовали свои школы поливной архитектурно-строительной и бытовой керамики.

В XIII–XIV вв. значительная часть изделий покрывалась качественной щелочной глазурью, которая известна с VIII в. Тогда из-за отсутствия основы и сложности



Глазурованная керамика золотоордынского периода

приготовления качественной глазури ее применяли реже, чем более простую свинцовую поливу. Со временем высокий уровень техники плавления глазурей, дешевизна сырья, создание высококремнистой основы черепка (кашина) и специальной фритты позволили производить качественный обжиг при оптимальной температуре (850–1000°) и получить прозрачные щелочные глазури. Все это говорит о том, что щелочные глазури требовали сложной технологии и специальной подготовки. Необходимо было накопить определенный опыт и знания, чтобы освоить их (Сайко, 1963: 17–18). В Нишапуре (Иран) щелочные глазури вновь появились в XI в., в Средней Азии — в XI–XII вв., в Южной Туркмении (Маргиана) — в XII–XIII вв.

Основную группу поливной посуды, наряду с кашинной керамикой, составляет красноглиняная, имеющая в изломе окраску от красноватой до кремовой. Она вырабатывалась из глины хорошего качества, довольно тонкой и тщательно промешанной. Вековые традиции производства красноглиняной поливной керамики позволили отдельным типам посуды распространиться во многих культурных средневековых областях. Отдельные типы, характерные для Хорезма, находят аналогии в Мавераннахре, Южной Туркмении или в городах Казахстана, в редких случаях на северо-восточной окраине русских земель — в Волжской Булгарии.

Важным фактором, который необходимо учитывать при изучении причин технологических изменений глазурованной керамики, являются связи Хорезма с городами Средней Азии, Ближнего Востока, Китая и Нижнего Поволжья. Здесь ремесла (особенно керамическое) и торговля во второй половине XIII — XIV в. достигли высокого развития. Особое значение в развитии керамического ремесла имели взаимоотношения Хорезма с соседними странами.

Поливная керамика очень разнообразна по форме и размеру, по назначению, орнаментации и качеству поливы. В основном, это бытовые предметы: чаши, чашечки, блюда, блюдца, горшковидные сосуды, кувшины, «альбарелло», светильники, сосуды-туваки.

Наиболее многочисленными являются чаши разной величины, покрытые бирюзовой, бесцветной, кобальтовой и белой поливами. Наряду с чашами встречаются чаши-пиалы.

В XIII–XIV вв. отмечаются некоторые изменения сечения профиля венчика и формы поддона — она уже не полудисковидная (хорезмшахская), а сплошь кольцевидная.

Глазурь становится более блестящей и чистой.

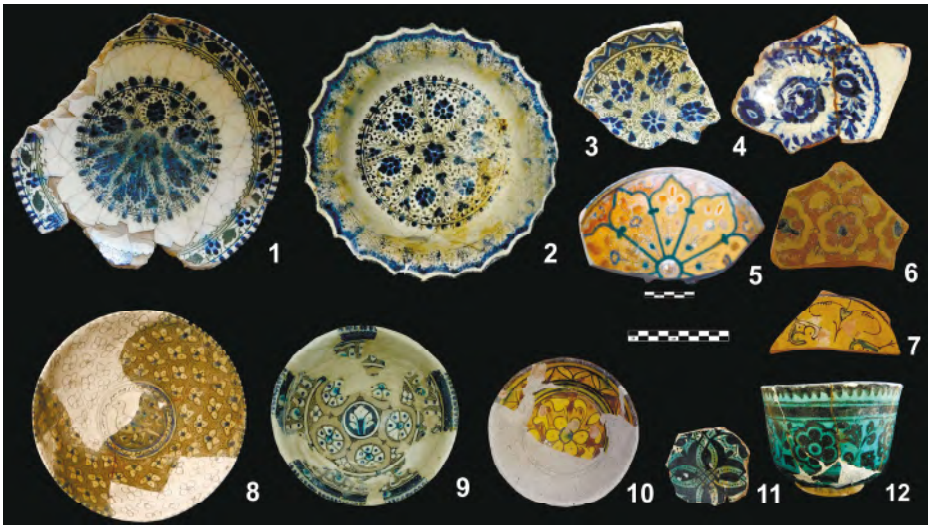
Во время раскопок на городищах Джанпык-кала, Миздахкан, Шемаха-кала, Куня-Ургенч, Замахшар и Шехрлик выявлены прекрасные образцы керамических изделий, характеризующие гончарное производство и художественные достижения гончаров Хорезма второй половины XIII — XIV в.

Орнаменты кашинной керамики этого периода с подглазурной росписью можно разделить на четыре вида: растительный, геометрический, эпиграфический и зооморфный. Орнаментация на внутренней стороне сосудов разнообразна, часто в центре дна помещается растительный мотив, в других случаях такой узор сочетается с геометрическим. Есть абстрактные фигуры («павлиньи глазки», «парящие облака», «мазки»). Принцип орнаментации — деление внутренней поверхности на несколько поясов, каждый из которых имеет свой рисунок. Геометрические орнаменты в поливной керамике этого периода представлены следующими фигурами: треугольники, шестиугольники, восьмиугольники, овалы, арочки, точки, волнистые линии, полосы зигзагов, ряды запятых и другие.

Эпиграфический орнамент на поливной посуде встречается в сочетании с другими декоративными мотивами. Среди материалов керамического комплекса Хорезма XIII–XIV вв. встречаются сосуды закрытых форм, украшенные с наружной стороны эпиграфическим узором. Значительное место в орнаментальных сюжетах на поливной керамике Хорезма занимают зооморфные мотивы. Это птицы: утки, павлины, семейство воробьиных, фазаны; а также рыбы, зайцы, быки и газели. Они расположены парами и поодиночке в круглых медальонах или среди растительной орнаментации. В коллекции керамики XIII–XIV вв. преобладают открытые сосуды: чаши, реже встречается горшковидная посуда с изображением птиц.

Таким образом, поливная керамика включает изделия различного назначения: столовую и кухонную посуду, сосуды со штампованным орнаментом, частично покрытые глазурью.

В XIII–XIV вв. большим спросом пользовались сероглиняные чернолощеные изделия. В ходе раскопок городищ Миздахкан, Джампык-кала и Пулжай (Республика Каракалпакстан) получен новый материал, составляющий комплекс сероглиняной чернолощеной керамики, принадлежащей к категории высококачественных сосудов. К неполивным сосудам этой категории принадлежат кувшины, блюда-треноги, столовые горшки, чаши, миски, тагора, подсвечники, пиалы, фляги, керамика специального назначения,

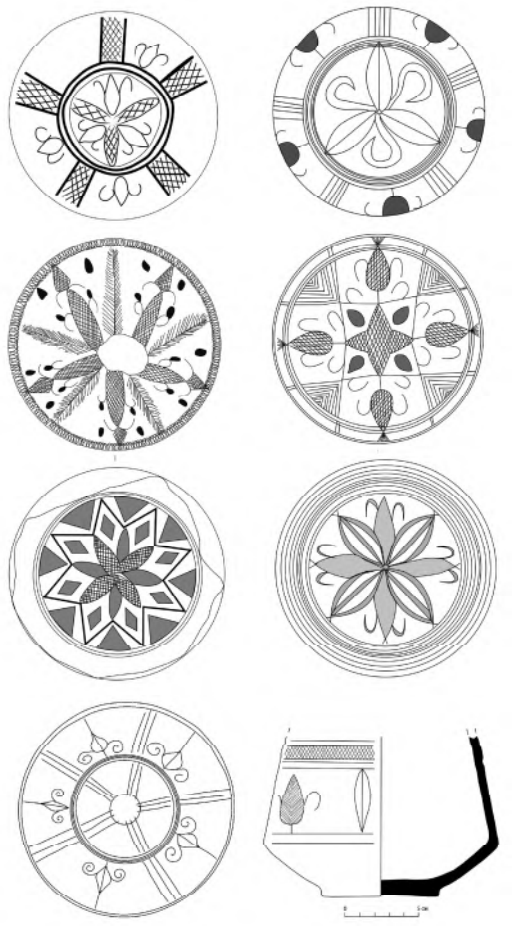


Глазурованная керамика золотоордынского периода

редкие формы сосудов и т. д. Они классифицируются по видам, каждый из которых разделен на группы и типы. Орнаменты по мотивам и сюжетам разделены на виды. Однако чернолощеная сероглиняная керамика в работах, посвященных средневековой керамике Хорезма, не являлась объектом отдельного исследования (Вактурская, 1959: 301–315). Выявленные изделия керамических комплексов Миздахкана, Джампык-калы и Пулжая по формам, технологическим, морфологическим и декоративным признакам идентичны.

Вместе с тем детальный анализ некоторых видов кувшинов и мисок позволяет выделить ранние (хорезмшахские) или поздние (золотоордынские) типы сосудов указанного периода. Почти все сероглиняные сосуды сформованы из хорошо промешанной, тонко выделанной глины и принадлежат к категории высококачественной продукции. Черепок после обжига получал серо-голубоватую окраску, в отдельных случаях (Шемахакала, Миздахкан), в зависимости от обжига, — красноватый оттенок, характерный для красного ангоба и лощения. По нашим наблюдениям, в производстве керамики Южного Приаралья в хорезмшахский период чернолощению в основном подвергались сосуды закрытого типа — такие, как кувшины с округлыми в сечении, высоко поднятыми над венчиками, ручками. Наружная поверхность таких сосудов покрыта темно-серым ангобом и тщательно, до блеска, залощена. Черепок очень тонкий, плотный, серо-голубоватый в изломе, тесто без примесей. Исследователи относят сосуды с такой технологией изготовления к подражанию определенному типу металлических изделий (Вишневская, 2001: 75).

По нашей статистике, в золотоордынский период чернолощению подвергались в большинстве случаев сосуды открытого типа — миски, чаши, горшки, крышки, кувшины, афтоба и др. По этой технологии сосуды изготовлялись из тонкоотмученной глины, после обжига сосуды выглядели изящно и при стуке издавали металлический звон. Такая качественная технология существовала еще в хорезмшахский период, но большинство сосудов открытого типа подвергались частичному



Чернолощеная керамика

лощению. Внутренняя поверхность сосудов открытого типа золотоордынского периода в основном оформлена растительным орнаментом в виде плодов осоки (Кдырниязов, 2015: 188; Сайпов, 2016: 316).

К высококачественной чернолощеной сероглиняной продукции относятся почти все виды столовой керамики. Эти изделия использовались и в будни, и в торжественных случаях, и формовались изящно и изысканно (Искандерова, Сайпов, 2022: 126–136).

Подводя итоги предварительного изучения чернолощеных изделий Хорезма XIII–XIV вв., отметим предположения, что они появились в результате подражания декору изделий торевтики. Посуда с блестящей поверхностью и

лощеным орнаментом, несомненно, подражает металлическим образцам. Из-за скудности сырьевой базы, меди и серебра, хорезмийские ремесленники, возможно, часто прибегали к лощению массовой тонкостенной, изящно сформованной черноангобированной керамики. Оформление керамической посуды в форме металлической (украшение фестонами, штамповка в специальных калыпах) часто применялось и в соседних регионах. В Хорезме красноангобированные лощеные сосуды известны в золотоордынских памятниках Устюрта (караван-сараи, Шемаха-кала) и Миздахкане. В период развития городской культуры в Хорезме в XII–XIV вв. массовый спрос на дешевые, но добротные керамические изделия привел к распространению чернолощеной керамики. Лучшие ее образцы находили сбыт в золотоордынских городах, таких как Сарайчик, Сарай, Маджар, Азов и городах Южного Туркменистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т. IV. Москва, 1959. С. 261–342.

Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР // ТХАЭЭ. Т. I. Москва: Наука, 1952. С. 173–192.

Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма // МХЭ. № 7. Москва: Наука, 1963. С. 41–53.

Вактурская Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // ТХАЭЭ. Т. II. Москва: Наука, 1958. С. 467–494.

Вактурская Н. Н., Вишневская О. А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII — начала XIII в.) //МХЭ. № 1. Москва: Наука, 1959. С. 150–167.

Вишневская Н. Ю. Керамический комплекс IX в. из субструкционной клети цитадели Джигербента // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. Москва, 14-16 декабря 2001 г. С. 36–45.

Искандерова А., Саипов С. О некоторых видах чернолощеной керамики из средневековых городищ Южного Приаралья // Поволжская археология. № 4 (42). Казань: ФЭН, 2022. С. 126–136.

Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 176 с.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма в XIII–XIV вв. Самарканд: Zarafshon, 2015.

Сайпов С. Т. Чернолощёные чаши средневекового Хорезма // Материалы V Международной научной конференции «Кдырбаевские чтения – 2016», 6–7 октября 2016 г. Актобе, 2016. С. 315–319.

Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Москва, 1976. 256 с.

Сайко Э. В. Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе, 1963. 138 с.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Москва, 1948. 346 с.

Торебеков М. Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. VI. Нукус, 2003. С. 67–79.

Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. Т. V. Москва, 1965. С. 197–121.

Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части дельты Амударьи // МХЭ. № 7. Москва: Наука, 1963. С. 73–97.

Якубовский А. Ю. Хорезм в керамике Сарая // ИГАИМК. Т. VIII. № 2-3. Ленинград, 1931. С. 28–48.

НАРГИЗА ҚАЛАНДАРОВА
ЎзРФА Санъатшунослик институти,
Тошкент, Ўзбекистон

МЕЪМОРИЙ ЁДГОРЛИКЛАРНИ ТАЪМИРЛАШ УСУЛЛАРИ БУХОРО ШАҲРИ УСТАЗОДАЛАРИ МИСОЛИДА

Kalit so'zlar: arxitektura yodgorligi, restavratsiya, meros, an'anaviy usullar, xalq ustalari, mozaika, mayolika.
Annotatsiya: Maqolada Buxoro xalq ustalari tomonidan amalga oshirilgan arxitektura yodgorliklarini ta'mirlash hamda restavratsiya ishlarida «usta-shogird» an'anasidan foydalanish jarayoni yoritilgan. XX–XXI asr boshlariga oid noyob arxiv, qo'lyozma va dala adqiqotlari ma'lumotlarni umumlashtirish asosida, restavratsiya tarixi va qo'llanilgan usullar o'rganilib, tahlil qilingan. Tadqiqotlar natijasida, XX asrning ikkinchi yarmida malakali mutaxassislar tomonidan yuqori darajada bajarilgan restavratsiya ishlari eng muvaffaqiyatli bo'lganligi aniqlangan. Tadqiqot va xalq ustalari bilan olib borilgan ishlarda aniqlangan an'anaviy usullar zamonaviy amaliy restavratsiyada qo'llash uchun taklif etilgan.

Keywords: architectural monument, restoration, heritage, traditional methods, folk craftsmen, mosaic, majolica.
Abstract: The article highlights the restoration of architectural monuments carried out by Bukhara's folk craftsmen and the use of the «master-apprentice» tradition in restoration works. The history and methods of restoration have been studied and analyzed based on the generalization of unique archival, manuscript, and field data from the 20th and early 21st centuries. It was observed that the most sophisticated and expertly executed restoration projects were carried out by highly trained specialists during the latter half of the 20th century.The traditional techniques discovered through research and collaboration with folk artisans have been recommended for application in contemporary restoration practices.

Ключевые слова: памятник архитектуры, реставрация, наследие, традиционные методы, народные мастера, мозаика, майолика.
Аннотация: В статье освещается реставрация архитектурных памятников, выполненная народными мастерами Бухары, а также использование традиции «мастер — ученик» в реставрационных работах. На основе обобщения уникальных архивных, рукописных и натурных данных XX — начала XXI в. изучена и проанализирована история и применявшиеся методы реставрации. Выяснилось, что наиболее высокопрофессиональными оказались искусно выполненные квалифицированными специалистами реставрационные работы второй половины XX в. Выявленные в ходе исследований и работ с народными мастерами традиционные методы предложены для использования в современной практической реставрации.

Ўзбек халқи қадимий, тарихий маданий ёдгорликлари, такрорланмас меъморий асарлари билан бутун жахонга маълум ва машхурдир. Юртимизнинг Самарқанд, Бухоро, Хива, Тошкент, Шаҳисабз ва бошқа шаҳарларнинг тарихий обидалари, халқимиз маданий тарихи теран томирларга эга эканлигига жонли гувоҳидир. Шулардан Бухоро Марказий Осиёнинг энг қадимий шаҳарларидан бири бўлиб, бутун тарих давомида, кўпгина даврларда Марказий Осиё ҳудудида ташкил топган йирик давлат бирлашмаларининг пойтахти бўлган. Шу сабабли Бухорода ҳар бир даврга тегишли тарихий ёдгорликлари мавжуд ва бу қадимий обидалари ҳали-ҳамон бетакрор жозибаси билан жаҳон аҳлини ҳайратга солиб келмоқда.

Бухорода барпо этилган меъморий обидалар турли асрларга тегишли бўлиб ҳар бири ўз даврда талофатлар кўрган ва тарихий ёдгорликларни кўплари сақлаб қолинмаган. Шундай бўлса-да асрлар давомида сақланиб келган бу санъат асарлари бугунги кунда аждодларимизнинг такрорланмас мустаҳкам меъморчилик санъатини ўрганишда, уларни татбиқ этишда таъмирчи халқ усталарининг ўрни беқиёсдир. Бухоро шаҳрида X асрдан бошлаб XVIII асргача кўпгина обидалар барпо этилган бўлиб, халқ усталари бу ёдгорликларни сақлаб қолишга, таъмирлашга бурчли эдилар.

Маълумки, юртимизда бизгача сақланиб қолган меъморий ёдгорликларнинг барчаси вақтлар ўтиши билан табиий иқлим ва ташқи таъсирлар туфайли эскириб, уларда нураш ва

деформацияланиш жараёни кечади. Бундай салбий жараёнлардан ёдгорликларни асраб қолишдек маъсулиятли ишлар, албатта, мутаҳассислар ва халқ усталари томонидан олиб борилиши талаб этилади. Айнан шунга мисол қилиб Бухоро меъморчилик мактабининг анъаналарини ва услубларини ўзлаштирган, тарихий ёдгорликларни таъмирлаш жараёнида ушбу тажрибаларни амалиётда қўллаган бир неча авлод халқ усталар мисолида кўриб чиқамиз.

1920 йилларда таъмирлаш ишларини бажаришга маблағ танқислиги учун ёдгорликларнинг зарурий таъмир ишларини олиб бориш билан чекланилди, бу билан уларни кейинги бузилишлардан сақлаб қолинди.

1925 йилда қадимий ёдгорликларни мухофаза қилиш Бухоро комитети "Бухкомстарис" ташкил топади. Уни Бухоро моддий-маданий ёдгорликларни тадқиқ этишга сезиларли ҳисса қўшган археолог Василий Афанасиевич Шишкин бошқарган ва бир қанча таъмирлаш ишларини халқ усталари бўлмиш уста Иброҳим Ҳафизов, Раҳим Ҳаятов, Ширин Мурадовлар билан бирга ҳамкорликда фаолият олиб бордилар. Бухкомстарис билан биринчи йилларда Бухоро тарихий топографияси бўйича араб тилли маълумотларни танқидий кўриб чиққан илк муаллифлардан бири И. И. Умняков (1890–1961 йй.), архитекторлар М. М. Логинов, Н. М. Бачинский ва Бухоро ёдгорликларини илк тадқиқотчиларидан бири – маҳаллий тарихчи М.Ю. Саиджоновлар ҳамкорлик қилишган.

Меъморий ёдгорликларни бизгача яхши сақланиб келишида ва сифатли таъмирлаш ишларига катта ҳисса қўшган авлодий халқ устаси Усто Ширин Муродовни тилга олмасликни иложи йўқ. Усто Ширин Муродовнинг ижодий фаолиятига тегишли бўлган асосий йўналиш бу меъморий ёдгорликларни таъмирлаш эди.

Ширин Мурадов (уста Ширин) (1879–1957) – бухоролик меъмор, моҳир ганч ўймакор уста-сулолалар авлодидан бўлган. Ўзбекистон меъморий обидаларини таъмирлаш, консервация ва реконструкция қилишда астойдил жон куйдирган ва умри давомида етакчи малакали мутаҳассис бўлган. Усто Ширин Муродов нафақат Бухорода, балки юртимизнинг бошқа турли жойларда жойларида ҳам ўз касбини улуғлаб, хизмат қилган.

Кўҳна Бухоронинг меъморий ёдгорликларини таъмирлаш, сақлаб қолиш ишлари 1937–1939 йилларда Б. Н. Засыпкин Уста Ширин Муродов билан бирга мазкур меъморчилик дурдонасини реставрациясини бошқаради. Уста Ширин Муродов Б. Н. Засыпкин бошчилигида Исмоил Самоний мақбараси ҳамда Моғокки-Аттор масжидида сифатли таъмирлаш амалиёти ишларини олиб борди. Мазкур ёдгорликларни интерьери деворлари анча қаттиқ сувоқ қатламидан тозаланади, деворнинг пастки қисми туз қайнатилган сув билан ювиб чиқилади. Девор безагини тўлдириш учун фақат мақбара ёнини қазиш пайтида етарлича топилган сомонийлар даврига оид қадимги ғиштларни ишлатишга қарор қилди. Ёдгорликнинг ганч қоришмаси 1000 йил давомида қорайиб кетганлиги туфайли оқ ранг ва янги қоришма сифати бинони ташқи қиёфасини ва эстетикасини бузиб қўйиши мумкин эди (Юсупова, 2004: 33–35). Шунинг учун эски қоришма бўлаклари ва эски қоришманинг қириндилари дастлабки қайта ишлов бериш (қиздириш ва майдалаш) йўли билан қайта реставрация қилинди. Бу амалиётда бинонинг декорацияси билан архитектоникаси, шунингдек, галереянинг тож қисми тўлиқ тикланди. Бу амалиёт XIX асрнинг биринчи ярмига тегишли таъмирлаш технологияларидан бири ҳисобланади. Чунки тарихий ёдгорликлар бомбардимон натижасида анча катта зарар кўрган эди. Нотинчликлар натижасида нафақат тарихий ёдгорликлар, балки устахоналар ҳам талофатлар натижасида йўқотилган.

Бу амалиёт ўз даврида юксак баҳоланган ва ҳозирги кунгача таъмирлашни ўрганиш ва меъморий обидага эҳтиёткорона муносабатда бўлишнинг муносиб намунаси сифатида эътироф этилади. Ўша йиллари бу маданий қатлам ва ремонт сувоқ қатламини дастлабки тозалаш ва таъмирлашда қадимги ғиштларни йўниб қайтадан ишлатиш услубини Б. Н. Засыпкин ва уста Ширин Мурадов Магоки-Аттори масжиди, хусусан унинг XII аср билан белгиланган жанубий пештоқи реставрациясида қўллайди (Крюков, 1990: 34–36).

1937 йилда Узкомстарис ташаббуси билан Самарқандда қадимий ҳунармандчилик техникаси – тош ўймакорлиги, ганч ёғоч ўймакорлиги, керамика ишлаб чиқаришни ўргатадиган устахона очилди».Мактабдаги дарсларни усто Ширин Муродов олиб борди, у Б. Н. Засыпкин билан биргаликда 238 варақ расмли дарслик тайёрлади.

Бухоро шаҳридаги Гавкушон минорасининг бир гурух археолог ва реставраторлар томонидан тадқиқ этилиши. 1973 йил. Бухоро бош архиви

Мир Араб мадрасасининг пештоқини кошинларини таъмирлаш жараёни

Ушбу мактаб битирувчилари таниқли уста реставраторларга айланишди, улар ўз навбатида бир қатор олимларини ўқитдилар. Буларнинг барчаси меъморий ёдгорликларни илмий асосда тадқиқ этиш ва тиклашни анча ривожлантирди ва Ўрта Осиё реставраторлар мактабини яратишга ёрдам берди (Крюков, 1990: 34–36).

Таъкидлаш зарурки, Ўзбекистон меъморий ёдгорликларини таъмирлаш илмий услубининг назарий пойдевори таниқли олим, архитектура мутаҳассиси Б. Н. Засыпкин томонидан халқ усталари билан ҳамкорлиги натижасида ўрнатилган. Унинг кўп йиллик кузатишлари ва амалий тажрибаси қатор илмий нашрларда ўз ифодасини топган.

Уста Ширин Муродовнинг давомчи шогирдлари обидаларга қайта ҳаёт бахш этган халқ меъморлари – Аминжон Саломов, Очил Бобомуродов, Рабби Қурбонов ва уларнинг издошлари Музаффар Мирзоев, Ибод Маҳмудов, Жалол Жўраев, Сайфулла Норов, Ғайбулла Муҳаммедовларнинг меъморий меросимизни сақлашда ҳиссалари катта. Уста Ширин Муродовнинг иқтидорли шогирди, тажрибали меъмор уста Очил Бобомуродов 1922 йил Бухоро шаҳрида таваллуд топган. 1946 йил уста илк таъмирлаш ишларини катта устози Бухоро ёдгорликларини илмий таъмирлаш устахонасининг таъмирчи устаси Мажид Солиховдан ўрганиб, кейинчалик моҳир усталар уста Аминжон Саломов ва уста Ширин Муродовлардан таъмирлаш сирларини ўрганди. Очил Бобомуродов 1946 йилдан бошлаб Бухоро СНРПМ (Специальная научно-реставрационная производсетвеннная

мастерская)да ишлаб таниқли илғор меҳнат бригадасига раҳбарлик қилган (Архив, 1963: 87).

Усто Очил Бобомуродов 1949 йилдан еттинчи разяд олиб мустақил уста сифатида иш бошлаган. Кейинчалик Боймуродов Ахмад, Хайитов Азим, Махмудов Ибод, Мухаммедов Ғайбулло, Норов Сайфулло, Аббосов Иброхим, Обидинов Исоқ, Обидинов Акбар, Ражабов Козим, Фотохов Зариф каби қирқдан ортиқ ўз шогирдларига таъмирлаш сирларини тўла ўргатган. Бундан ташқари ўғиллари Бобомуродов Баходир, Бобомуродов Ботир, Бобомуродов Бахтиёрлар ҳам моҳир таъмирловчи усталар бўлиб етишган (Архив, 1963–87).

Очил Бобомуродов устозидан ўрганган машаққатли ҳунарни, умри давомида устози бошлаган анъаналарни садоқат билан ривожлантириб, ўз шогирдларига ўргатишдан чарчамади.

Уста Очил Бобомуродов устозлари Рабижон Қурбонов, Хусенжон Остонов, Аминжон Салимовлар билан биргаликда Мирзо Улуғбек мадрасасининг (XV аср) шимол томонидаги айвонида шарафакори (шарафа – биноларда девор билан шифт оралиғидаги муқарнас асосида тузилган ҳошия безак) (Зохидов,1996: 61) ишларини биргаликда бажаришган. Уста шарафакори – нақкошлик, кошин-буриш, тахмин тахтасига теришдек вазифаларни юксак дид ва маҳорат билан бажариш сир асрорларини устозларидан ўрганган. "Кўп йиллик амалиёт тажрибасида устозлари Ширин Муродовнинг сўзлари нақадар ҳаётий эканлигига астойдил ишонч ҳосил қилдим" – дейди усто Очил Бобомуродов (Бобомуродов, 1990).

Шуни айтиш жоизки, ўз даврида усто Очил Бобомуродов ҳақида газеталарда жуда кўплаб мақолалар чоп этилган бўлиб, жумладан "Правда востока" газетасида чоп этилган "Минора табиби" деган мақола диққатни тортади. Чунки Очил Бобомуродов кўплаб миноораларни ўз холига келтиришдек мураккаб вазифани бир неча маротаба бажаришга муяссар бўлган. Бунга мисол қилиб Говкушон архитектура ансамблига кирувчи Хожа-Калон масжиди ёнида улкан минорани таъкидлаш мумкин.

1973 йил Минора бир томонга яъни масжид томонга 58 сантиметр оғган бўлиб, минорани асл ҳолига келтириб тўғрилаш иши Тошкент илмий-реставрация устахонасига топшириган эди. Лойиҳага рахбарлик қилиш учун Тошкент политехника институти қурилиш факультетининг ўқитувчиси, инженер Ефим Новик таклиф этилди. Ефим Новик пойдеворни текшириб, натижаларини ўрганиб чиққач, минорани тўғрилаб қўйишнинг ниҳоятда оддий, шунинг билан бирга жуда оргинал лойиҳасини ишлаб чиқади: "Аввало миноранинг кўпроқ оғиб кетмаслиги учун у уч томонга йўғон симлар билан тортиб қўйилди. Шундан сўнг миноранинг остига ер билан баробар қилиб бетон ётқизишга киришилди. Бунинг учун пойдеворнинг ости кичик-кичик бўлакчаларга ажратиб бирин-кетин тупроғи уйиб олинди, уларнинг ўрни мустаҳкам бетон билан тўлдирилди. Бетон қуйиш ишлари тугаллангандан кейин, бетон пойдевор билан минора оралиғидаги жойга қум тўлдирилган қоплар жойланиб, қийшайган ҳолда тортиб кўйилган симларни оҳиста бўшатишта киришилди.

Миноранинг вазни оғирлиги туфайли қум тўлдирилган қоплар ёрилиб минора бетон устига оҳиста ўрнатилди. Шундай қилиб, масжид томонга 58 сантиметр оғган минора асл ҳолига - уч ой деганда ўз ўрнига мустаҳкамланди. Шундан кўп вақт минора пойдеворидаги тупроқни чиқариб ташлашга сарф бўлди", дейди мутахасисслар (Хўжаев, 1973: 4). Минорани ўз ҳолига келтириш ва унинг пойдеворини мустаҳкамлаш ишини ўз маъсулиятига олган Бухоро ишлаб чиқариш-реставрация устахонасининг бригадаси коллективи алоҳида жонбозлик кўрсатди. Бу бригадага моҳир реставратор, Ўзбекистон халқ устаси Очил Бобомуродов раҳбарлик қилди ва бу масъулиятли иш унинг раҳбарлигида амалга оширилган эди (Хўжаев, 1973 : 4).

Калон минораси (1127). 1922–1923 йилларда Минора унинг фонарини таъмирлаш (Бухорони ўққа тутишда, Совет ҳокимияти ўрнатилиши даврида шикастланган) ишни уста Абдуқодир Боқиев олиб борди. 1957 йилда архитектор К.С.Крюков пойдеворни мустаҳкамлаш ва тиклашда, шунингдек, минора атрофидаги хавфсизлик зонасини яхшилаш бўйича лойиҳалаш ва реставрация ишларини барчасини Очил Бобомуродов амалга оширди. Шу билан бирга 1975 йилда минорада архитекторлар А. К. Боҳодухов, В. А. Шварц ва бошқалар реставрация лойиҳасини амалга оширди, унга кўра Очил Бобомурадов зилзила натижасида вайрон бўлган гумбазли фонарни қайта тиклаш ишларини амалга оширган.

Бугунги кунда Усто Очил Бобомуродовнинг фарзандлари Ботир ва Бахтиёр Бобомуродовлар ота касбини давом эттиришмоқда. Меъморий

ёдгорликларни таъмирлаш билан биргаликда янги масжидларни барпо этишда халқ усталарининг анъанавий услубларини қўллашмоқда. Устоз-шогирд аъаналарини давом эттирган ҳолда ўз шогирдларига таъмирлаш сирларини амалиётда ўргатиб бормоқда. Албатта бу анъана бугунги кунда жуда ҳам муҳим саналади.

Усто Ширин Муродовнинг шогирдларидан яна бири Усто Раббижон Қурбонов (1914–1983 йиллар) устозодалар оиласида туғилган. Ёшликдан ота касбини ўрганиб, етук уста-таъмирчи бўлиб фаолият кўрсатди. Уста Бухоро махсус илмий-таъмирлаш устахонасида 35 йил катта уста лавозимида фаолият юритган. Уста Раббижон Қурбонов Бухоронинг меъморий ёдгорликларидан Тоқи Заргарон гумбазларини, Арк қўрғонининг бош пештоқини, Абдуллохон, Модарихон, Гавкушон, Абдуллазизхон мадрасаларини, Намозгоҳ, Болоҳовуз, Баланд масжидларини, Файзиобод хонақосини, Чор Бакр меъморчилик мажмуасининг бир қисмини, Ситораи Моҳи Хосса саройининг дарвоза пештоқини, Мавлоно Шариф, Пири Дасттир, Ванғози тош масжидларини таъмирлашда бош уста сифатида фаолият кўрсатди. Хоразм Хивадаги Паҳлавон Махмуд мақбараси, Самарқанддаги Бибихоним масжидида таъмирлаш ишларини олиб борган.

Усто Раббижон Қурбонов 36 шогирдни тарбиялаб уста даражасига етказган. Шогирдлардан Азим Мавлоно, Ҳаким Мухторов, Раҳмон Қувватов, Музаффар Мирзаев, Ҳикмат Исматов ва бошқалар тарихий ёдгорликларни таъмирлашда фаолият юритган.

XIX асрнинг иккинчи ярмида Ўзбекистонда халқ усталарининг фаол иштироки билан маҳаллий таъмирлаш мактаби ташкил этилди ва шаклланди. Ёдгорликларни таъмирлаш, консервациялаш, муҳандислик жиҳатидан мустаҳкамлаш бўйича маълум анъаналар, қоидалар ва усуллар юзага келди. Шу билан биргаликда вайрон бўлган тарихий ёдгорликларни таъмирлаш ишлари жадаллашиб, меъморий ёдгорликларининг ғиштлари, кошинлари ишлаб чиқариш устахоналари қайта ишга тушди. 1980-йилларда маҳаллий ҳунарманд-усталар кулолчилик устахоналарида қадимгилардан деярли фарқ қилмайдиган безакли плиткаларни ишлаб чиқаришни йўлга қўйишди.

Бугунги кунда меъморий ёдгорликларни таъмирлашда аҳволини ўнглаш учун аввало меъморий обидаларни реставрация қилиш касбини қайта тиклаш зарур. Нега десангиз, бизда XX асрнинг 30–90-йилларида тўпланган бой тажрибага таяниб ёдгорликларни таъмирлаш, тиклаш борасида ҳали ҳам етарли тажриба мавжуд. 1979 йилдан 1990 йилгача Тошкентда Марказий Осиёда ягона Ўзбекистон архитектура ёдгорликларини реставрация ва консервация қилиш лойиҳа-тадқиқот институти фаолият кўрсатган эди. Унда ёдгорликларни таъмирлаш ва консервациялаш лойиҳаси юзасидан уч юздан зиёд юқори малакали мутахассис ишлар, кимёвий лабораторияда эса қадимги қурилиш ва безак материалларининг таркиби ўрганиларди (Юсупова, 2018: 7).

Мақоланинг хулоса қисмида Мамлакатимизнинг халқаро тарихий-маданий мақомини англаган ҳолда меъморий ёдгорликларни муҳофазалаш ва реставрация қилиш ишларига алоҳида эътибор қаратилмоқда. Ўзбекистон меъморий обидаларини умрбоқийлигини сақлашга хизмат кўрсатган халқ усталарининг маъсулиятли хизматлари натижасида таъмирлаш усуллари юқори савиядаги

27-28-29 расмлар. бурчак устунининг таъмирлаш ишлари Струшенко сурати. (Маданий мерос агентлиги архиви. Қайд рақами 12822)

1940 йил таъмирлаш ишлари. Струшенко сурати. (Маданий мерос агентлиги архиви.

1937 йил Исмойил Сомоний мақбарасини ташқи қоплама таъмирлаш жараёни. Ремпель сурати (Маданий мерос агентлиги архиви. Қайд рақами 12926)

такомиллашгани ва бу даражадаги маҳоратнинг бугунги кунда деярли сақланмаганини кўришимиз мумкин. Меъморий ёдгорликларни таъмирлашда сифатли хом ашёлар, муқобил ғиштлар, меъморий безаклар, умрбоқий бўёқ ва кошинлар тайёрлаш масаласи бугунги кунда ҳам жуда долзарб ҳисобланади. Шу билан биргаликда, йўқолиб бораётган устоз-шогирд анъаналарини қайта тиклаш муҳимлигини тарихимизни намоён қилиб турган меъморий меросимиз мисолида кўришимиз мумкин.

Шундай экан, таъмирлаш ишларига бефарқ бўлмасдан, устоз-шогирд анъаналари, сулолавий устозодалар ва моҳир реставратор-усталар қўллаган техникаларни ўрганган ҳолда, уларнинг таъмирлаш услубларини, шу билан биргаликда таъмирлаш мактабини қайта тиклаш вақти келди. Бугунги кунда юртбошимиз томонидан меъморий меросга бўлган эътиборининг янада ошгани ва берилаётган кенг кўламдаги имкониятлардан фойдаланиб олдинги таъмирлаш мактабини қайта тиклаш муҳим ахамият касб этади. Яна бир бор таъкидлаш зарурки ёдгорликларни реставрацияси жуда мураккаб ва нозик жараён бўлиб, халқаро қабул қилинган илмий услублар асосида кўп йиллар давомида эгалланган профессионал билим, амалий тажриба, ҳар бир иншоотга нисбатан индивидуал чуқур ёндашиб амалга оширилиш лозим.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

Государственный Архив Бухарской области. Личный фонд Бобомуродова. документы служебной деятельности за 1963-1987 годы.

Государственный архив Бухарской Области. Фонд №1294.

Зохидов П. Ш. Меъмор олами. Тошкент 1996 й.

Крюков К. С. Организационные формы охраны и реставрации памятников архитектуры Узбекистана (1920-1990) // АСУ. Ташкент, 1990. № 8. С. 34–36.

Уста Очил Бобомуродов кундалиги. Устоз Мирзо Ширин Муродов айтганлари, 1954 сентябрь. 1990 й. 23-ноябрь.

Хўжаев Э. АПН мухбири "Минора тикланди" // Совет Ўзбекистони 1973 йил.№ 117.

Юсупова М. А. Актуальные проблемы реставрации памятников архитектуры Узбекистана // Международная научно-практическая конференция "Проблемы реставрации и использования памятников архитектуры Узбекистана". Самарканд, 2004. 33–35 б.

Юсупова М. А. Умрбокий меросимизга зиён етмасин // Ҳуррият Т., 2018, 18-июль 7-б.

САЛИЯ МАМАДЖАНОВА,
РУСТАМ МУКИМОВ
Таджикский технический университет
имени академика М. С. Осими
Душанбе, Таджикистан

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ САРАЗМА — ПРОТОГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: раннегородское поселение, Саразм, «Золотое сечение», дворец, арийские племена, эпоха бронзы.
Аннотация: в статье анализируется раннегородское поселение Саразм в западной части Пенджикентского района Согдийской области Республики Таджикистан. Дается обоснование, что Саразм является одним из первых протогородских поселений в предгорной части Центральной Азии. Приводится геометрический анализ плана дворцово-храмового здания Саразма и предлагается его реконструкция.

Kalit so'zlar: Ilk shahar manzilgohi, Sarazm, «Oltin kesim», saroy, aryan qabilalari, bronza davri.
Annotatsiya: Maqolada Tojikiston Respublikasi Sug'd viloyati Panjikent tumanining g'arbiy qismida joylashgan Sarazm ilk shahar manzilgohi tahlil qilinadi. Sarazm Markaziy Osiyoning tog'oldi hududlaridagi birinchi protoshahar posyolkalaridan biri ekanligi asoslab berilgan. Sarazm saroy-ibodatxonasi binosining rejasi geometrik tahlil qilinib, uning rekonstruktsiyasi taklif etilgan.

Keywords: early urban settlement, Sarazm, «Golden Ratio,» palace, Aryan tribes, Bronze Age.
Abstract: The article analyzes the early urban settlement of Sarazm, located in the western part of the Panjakent district in the Sogdian region of the Republic of Tajikistan. It is argued that Sarazm is one of the earliest proto-urban settlements in the foothill area of Central Asia. A geometric analysis of the layout of the palace-temple buildings of Sarazm is provided, along with a proposed reconstruction.

Введение. Как известно, в сентябре 2020 года мировая общественность отметила 5500-летие раннегородского поселения Саразм в западной части Пенджикентского района Согдийской области Республики Таджикистан. Это поселение отожествляется с зарождением одной из древнейших цивилизаций на территории Таджикистана, создателями которой являются арийские племена.

Исторически и географически Центральная Азия всегда была узлом, в котором во все эпохи скрещивались крупнейшие на Азиатском материке художественные культуры и архитектурные идеи. Истоки этой традиции, видимо, надо искать в недрах раннеземледельческих очагов цивилизации, т.е. в эпохе неолита (новокаменного века) Ближнего и Среднего Востока. Этот регион входил в Юго-Западноазиатский очаг цивилизации (речные долины Палестины, Ливана, Сирии, Южной Турции, Северной Месопотамии, области Ирана и юга Средней Азии). Академик Н. Н. Негматов считал, что «…в IV–III тысячелетиях до нашей эры (т. е. 6–5 тысяч лет до современности) происходило полное сложение земледелия и ирригации, образа оседлой жизни и труда, формирование оазисов, поселений и ранних городов, их жилищ, общественно-духовных и административных центров» (Негматов, 2013: 25–27; Мукимов, Мамаджанова, 2024: 22–25). Поэтому мы считаем, что Центральная Азия, в том числе Средняя Азия, входила в число очагов древних культур, связанных с длительной оседлостью различных племен, что позволило древним коренным жителям выработать не только систему предварительного «проектирования», но также, очевидно, и систему геометрической гармонизации плана сооружения и всего его облика.

Основная часть. Середину III тыс. до н.э. принято считать началом эпохи бронзы, которая не сразу распространилась в древневосточных цивилизациях. Когда в Эгейском мире, Египте, Двуречье, Сирии, Китае и Индии уже наступил расцвет рабовладельческого общества, в большинстве азиатских стран еще сохранялся первобытнообщинный строй. В Средней Азии открытие оседло-земледельческих культур эпохи бронзы позволило академику Н. Н. Негматову выделить

в ней особый общинно-сословный строй, названный им «Зороастрийско-Авестийской общесреднеазиатской макроцивилизацией со своим четко выраженным урбанизационным процессом» (Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2020: 34–37).

В Средней Азии (как срединной части Центральной Азии) эпоха бронзы – это период интенсивного развития производительных сил и производственных отношений. Этот регион уже в этот период (IV тыс. до н. э.) являлся ареной взаимных культурных влияний и ассимиляции культурных традиций между двумя культурно-хозяйственными зонами: степной (Южное Приаралье, т. е. Древний Хорезм, Ферганская долина и горные районы Средней Азии) и оседло-земледельческой (Южный Туркменистан, Южный Узбекистан и Северный Афганистан) (Мелларт Джеймс, 1982: 12).

В долине реки Зеравшан происходило смешение названных двух культурно-хозяйственных зон. Первый и основной исследователь древнеземледельческого поселения Саразм А. И. Исаков выдвинул убедительную гипотезу о едином культурно-генетическом процессе на юге Таджикистана на основе связей с южно-туркменистанским центром. Более того, исследователь предположил, что «…часть племен Южного Туркменистана мигрировала в северо-восточный район Средней Азии, а именно в Саразм, создав здесь новую цивилизацию на основе тесного взаимодействия» (Исаков, 1991: 107). Тогда же, видимо, родилась преемственная связь архитектурно-строительных традиций, передававшаяся из поколения в поколение, дойдя до нашего времени в виде усовершенствованных отголосков строительных приемов у потомственных мастеров архитектурно-строительного и художественного искусства (рис. 1).

Туркменистанский археолог М. С. Масимов уже на основе изучения более поздних памятников Келлелинского оазиса на юге Туркменистана, в частности, Келлели–6, выдвинул предположение, что это поселение возникло в самом начале освоения дельты Мургаба древнеземледельческими племенами из предкопетдагской равнины юга Туркменистана (Масимов, 1986: 171–181). Архитектор Мухаммед Мамедов, изучив в архитектурно-планировочном плане поселение Келлели–6, сделал свое предположение о преемственности планировочных традиций предшествующих периодов (Мамедов, 2003: 16). А. И. Исаков же на основе открытия Саразма сделал вывод о преемственности архитектурно-строительных традиций уже на самых ранних этапах зарождения цивилизации на территории предгорной зоны Средней Азии, и эта традиция прослеживается на всем протяжении эпох позднего энеолита и ранней бронзы. Это значит, что Саразм имеет явные признаки протогородской цивилизации, что свидетельствует о формировании самого раннего города на территории Средней Азии уже в 3155–2900 гг. до н.э., т.е. в конце IV — начале III тыс. до н. э. (Раззоков, 2016). До этого времени считалось, что место и время зарождения протогородской цивилизации – это юг Туркменистана, «…где отдельные строения Алтын-депе уже отличаются монументальностью» (Массон, 1981).

Действительно, древние строители Саразма в указанное время уже имели опыт строительства сооружений, отличающихся продуманностью планировочной схемы, четким построением геометрических форм, стремлением строго придерживаться симметрии в очертании плана. Всеми этими особенностями, например, обладало монументальное (дворцово-храмовое) здание, выстроенное в 3100/2900–2700/2300 гг. до н.э. на возвышенности в центральной части Саразма (2-ой горизонт раскопа III) (Раззоков, 2016: 183, рис. 8; Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2022: 225–227; рис. 265–267).

Это древнеземледельческое поселение, начальный этап формирования которого датируется эпохой позднего энеолита, получило развитие в эпоху ранней и зрелой бронзы. К этому периоду в Саразме (его площадь достигала 100 га) уже сложились хозяйственные, художественные и идеологические традиции. Постройки представляли собой отдельные массивы многокомнатных домов, а также культовые и общественные здания. Между ними находились незастроенные участки площадью от 0,5 до 1–2 га, и они, по мнению А. Исакова, отводились под посевы, пастбища и сады. Всего же застроенная часть поселения занимала до 5 га, где предположительно проживало до 5–8 тысяч человек (Исаков, 1991:124). Уже в 3000–2000 гг. до н. э. (эпоха ранней бронзы) на Саразме появляются элементы социальной дифференциации, получает развитие культовая идеология, проявившаяся в наличии святилищ с алтарями, связанными с поклонением небесным светилам Солнцу и Луне. Более того, А. Исаков делает предположение о том, что «…в культовых воззрениях саразмийских общин зарождаются зороастрийские религиозные концепции, истоки которых связаны с эпохой ранней и развитой

бронзы среднеазиатского региона» (Исаков, 1991:126).

В конце III тыс. до н. э. Саразм становится центром производства медных и бронзовых изделий, а саразмийцы становятся экспортерами металлических предметов. В конечном итоге развитие металлургии привело к обособлению ремесел: строительного, керамического, ювелирного, камнеобрабатывающего, ткацкого, кожевенного, прядильного и др.

Высокое совершенство расписной керамики характеризует также высокий уровень художественной культуры. Анализ орнаментации полихромной керамики позволил обнаружить связь мотивов рисунка с их оберегательными функциями, а также с символизацией окружающей среды: волн, рек, озер, жилищ и др. Более богатую цветовую гамму представляют сюжеты настенных росписей. Уровень развития художественного искусства ярко проявляется в терракотовых статуэтках (Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2020: 12–13, рис. 26).

В целом в результате исследования Саразма выявлено, что становление его культуры на разных этапах развития (начиная с IV тыс. до н. э.) происходило при участии культур юго-западных областей Средней Азии (в частности, Геоксюрского оазиса), что отразилось и на взаимовлияниях архитектурных традиций Мургабского оазиса и Верхнего Зеравшана.

В III тыс. до н. э. отмечается расширение культурных связей Саразма, простирающееся уже до культур Месопотамии, Хорасана, Белуджистана, Индии и др. (Исаков, 1992: 21–24). В Саразме появляется ряд зданий, носящих общественный характер (храм-дворец с зернохранилищем, имеющий четкую плановую структуру, возведенную из формованного сырцового кирпича) (Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2020: 48, рис. 41). Происходит процесс специализации ремесла, что позволило развиться новой отрасли хозяйства — обмену и торговле. Это, в свою очередь, способствовало углублению связей и контактов, выходящих за рамки культурных взаимодействий.

Культовая идеология Саразма эпохи энеолита и ранней бронзы также представлена помещениями с дисковидными алтарями. Одно из помещений служило святилищем, на полу которого обнаружены следы круглого алтаря на близкой к округлой платформе.

Монументальное с симметричной плановой композицией здание (раскоп III, горизонт 2) построено из прямоугольного сырцового кирпича (57–58 х 27–28 х 12–13 см). Само здание строго геометрической формы плана возведено на платформе 15х15 м, высотой 0,75 м. Все это позволяет обнаружить сходство монументального здания с зиккуратом Алтын-депе в Южном Туркменистане, памятниками Южного Афганистана, Ирана, Белуджистана. Как считает первый исследователь памятника Абдуллоджон Исаков, это «…сооружение дворцово-культового назначения с четко очерченным прямоугольным планом отличалось от рядовых домов монументальностью и представительностью, подчеркнутых высоким прямоугольным стилобатом с пандусным подъемом» (Исаков, 1992: 21–24).

По назначению монументальное здание носило дворцовый и культовый характер. Дворец состоял из входного коридора, приемной, двух или трех залов и ряда вспомогательных помещений. Площадь этого здания, выложенного из прямоугольного формованного кирпича, превышает 250 квадратных метров. В северной стене здания прорезано пять окошечек для освещения и вентиляции помещений. Эти свето-вентиляционные продухи роднят дворец с памятниками эпохи бронзы Южного Туркменистана (Алтын-депе), Южного Афганистана (Мундигак) и др. Наличие у здания одновременно двух функций (дворцовая и культовая) – новое явление в монументальной архитектуре эпохи бронзы. Помимо названного объекта на Саразме были раскопаны три культовых центра.

Согласно материалам раскопок этого раннего города, привлекает внимание здание в обводе коридоров (раскоп XI, горизонт 2). Здесь центральное место в здании размером 10,5 х 9,5 м занимает относительно большое подпрямоугольное в плане помещение-зал размером 4,4–5 х 5,9–6,1 м с круглым в плане очагом-алтарем в середине. Вокруг этого зала устроены 5 узких коридорообразных помещений, стены которых снаружи имеют прямоугольные пилястры (30 х 25 см). Ритмично чередующиеся вертикальные тяги-пилястры (интервал между ними равен 1,5 м) придавали культовому центру (как предполагают исследователи, здесь поклонялись огню) монументальность и строгость облика. Другое назначение пилястр – конструктивное, т.е. они исполняли роль контрфорсов (Раззоков, 2016: 133 р. 63). Подобные пилястры-контрфорсы имели и два других культовых центра Саразма.

Говоря о «здании в обводе коридоров» на территории Саразма, следует указать на то, что в последующую эпоху бронзы и

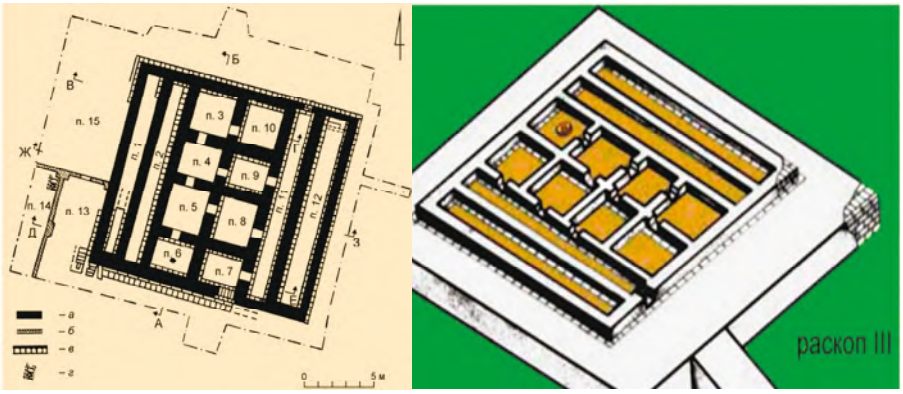


Рис. 1. Саразм. Дворцово-культовое сооружение. 2800–2700 гг. до н.э. (чертеж плана по А. Исакову; аксонометрический рисунок по Ф. Раззокову)

раннего железного века, как свидетельствует Мухаммед Мамедов, сформировалась особая бактрийско-маргианская школа древнего зодчества, которая зародилась и получила творческое переосмысление во II тыс. до н.э., проявившаяся в последующих исторических периодах, в частности, в среднеазиатских постройках античного и средневекового времени (Мамедов, 2003: 78). Мухаммед Мамедов подразумевал архитектурно-планировочное решение зданий «в виде квадратного дворового пространства, обведенного по периметру узкими прямоугольными коридорообразными помещениями». При этом исследователь называет истоками этой планировочной схемы южно-туркменистанский памятник Намазга-депе, на окраине которого выявлены два дома с четкой планировкой комнат вокруг замкнутого квадратного двора, относящиеся к культуре Намазга IV–V; III–II тыс. до н. э. (Мамедов, 2003: 79). Подобная планировочная композиция с некоторыми отличиями параллельно развивалась на территории Месопотамии (ВИА, 1970: 203).

На основе вышеприведенных данных теперь можно утверждать о новом периоде формирования названной планировочной схемы, а именно: истоками планировочной схемы «в виде квадратного дворового пространства, обведенного по периметру узкими прямоугольными коридорообразными помещениями», были «дома в обводе коридорами» в древнеземледельческом протогороде Саразм, относящиеся к периоду Саразм II: 3300/3200–3100/2900 гг. до н.э. (рис. 2, правый). Именно из этой планировочной

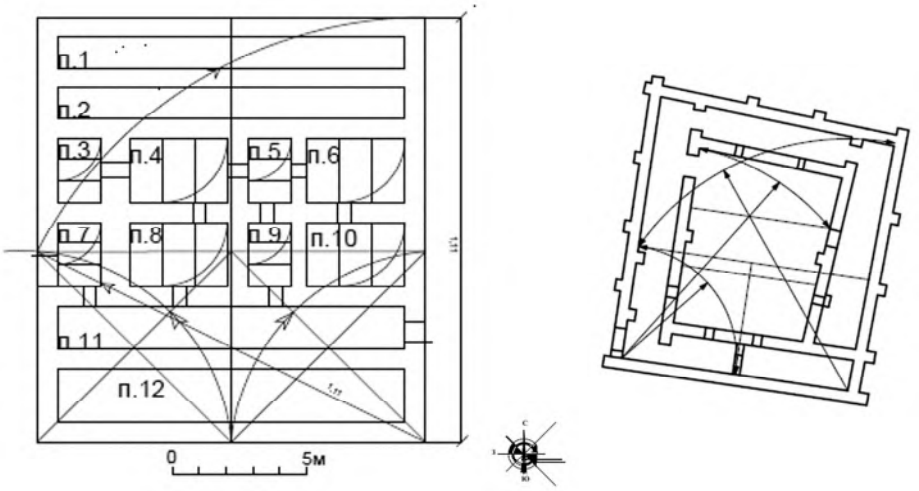


Рис. 2. Саразм. Геометрический анализ дворцово-культового сооружения и «Дома в обводе коридоров» Саразма. 2800–2700 гг. до н.э. (план дворца по А. Исакову, план «Дома в обводе коридоров» по Ф. Раззокову и Т. Ходжагелдиеву)

композиции впоследствии развилась планировочная схема в виде двора в обводе коридоров или помещений, о которой пишет М. Мамедов, указывая на более поздние (II тыс. до н. э.) памятники Маргианы (например, Келлели–4, в Бактрии — это Сапаллитепа, постройки Дашлинского оазиса и др.) (Мамедов, 2003: 80 р. 48, 49, 50).

Возвращаясь к основному объекту нашего анализа, нужно отметить, что самое любопытное, если не уникальное, в планировке дворцово-храмового сооружения — это ее соразмерность, что наталкивает на мысль о пропорциональном геометрическом построении плана древним зодчим.

Так, если проанализировать чертеж плана монументального здания (Исаков, 1991: 195) с применением геометрической системы пропорций, то можно с некоторой долей осторожности (объект ведь археологической сохранности) прийти к выводу, что древний зодчий был знаком с приемом геометрического построения «золотого сечения» на основе системы диагоналей. Это значит, что план построен простейшим способом: при помощи веревки отношением диагонали двух квадратов к стороне, т.е. стороны «неточного» квадрата относятся как $\sqrt{5}/2$ =1,118 (в двоичной системе исчисления). Если мы возьмем за исходный размер здания ширину короткой и глубину по длинной стороне внешнего абриса плана в метрах, то получим эту же величину – 16,2:14,5 =1,11. Это же отношение может быть получено при помощи диагонали полуквадрата, так как половина квадрата составляет прямоугольник двух малых квадрата (рис. 3).

Данный метод построения плана является наиболее простой системой пропорций, совпадающей с «функцией» золотого сечения, и он часто применялся зодчими ещё в архитектуре древнего Египта (Владимиров, 1970: 24). В архитектуре Средней Азии зодчие также использовали величину $\sqrt{5}$, т.е. диагонали двух квадратов или диагонали полуквадрата $\sqrt{5}/2$. Это положение достаточно хорошо обосновано М.С. Булатовым с привлечением средневековых источников (Булатов, 1978: 43–44).

Мы считаем, что Саразм является первым в своем роде памятником эпохи бронзы, где замечен метод геометрического построения монументального здания при помощи колышков и бечевки на выровненной площадке под строительство здания *(за основу анализа был использован рисунок 43 из сводного плана А. Исакова, приведенный в монографии Фархода Раззокова «Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. (СПб: ООО «Горизонт», 2016. С. 183 (объект III, горизонт 2). Пропорциональный анализ плана дворцового здания произвела профессор С. М. Мамаджанова)*.

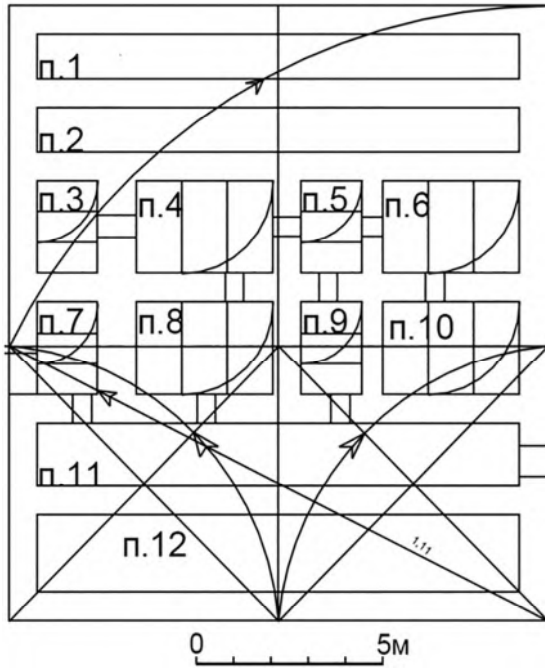


Рис. 3. Пенджикентский район. Раннегородское поселение Саразм (раскоп III, горизонт 2). Геометрическая гармонизация общего плана и отдельных помещений. Построение проф. С. М. Мамаджановой

Этот метод наглядно показывает, что зодчие протогорода Саразм так же, как и зодчие древнего Египта эпохи ранней бронзы, знали о «золотом сечении» и владели элементарной геометрией, умело применяя свои знания, для построения плана здания на папирусе или на стенах храмов сначала в виде проекта-макета, а затем и в натуре на участке строительства. В проекте-макете зодчие также применяли метод геометрического построения, чтобы здание выглядело не только монументально (например, боковые стены сооружения делали чуть наклонными), но также и гармонично для зрительного восприятия фасада. Это можно подтвердить геометрическим анализом фасада храма Гатор в Дендере (Древний Египет, I в. до н.э. — I в. н.э.) или храма Гора в Эдфу эллинистического периода Древнего Египта, произведенный доктором исторических

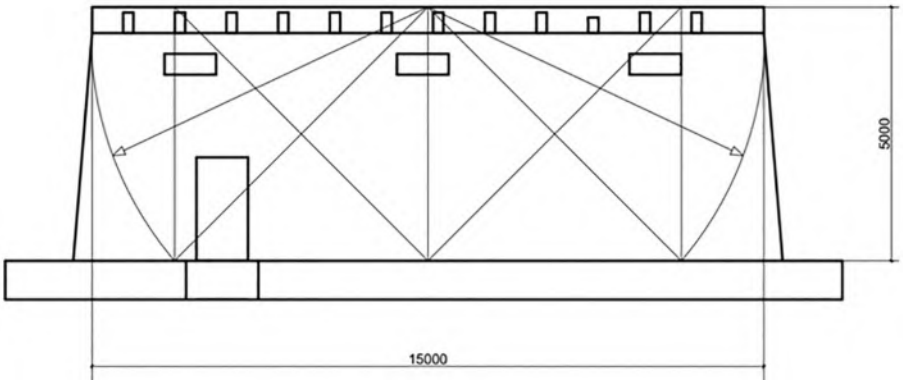


Рис. 4. Геометрическое построение фасада дворцово-храмового сооружения Саразма с применением правил «золотого сечения»

наук, профессором В. Н. Владимировым (Владимиров, 1944; Владимиров, 1970).

Применив подобный геометрический метод при построении фасада здания, мы можем с определенной долей вероятности представить графическую реконструкцию фасада дворцово-храмового здания (раскоп III) и дома в обводе коридоров Саразма и других домов аристократического круга населения (раскопы XI, XII, горизонт 2 и 3) (рис. 4). Более того, геометрической гармонизации поддаются даже дома из рядовых жилищ населения, например, двух- и трехкомнатные помещения жилых комплексов из горизонтов 2 и 4 раскопа IV комплекса I–VI (Раззоков, 2016: 190, р. 16).

Следует заметить, что геометрические фигуры чертили не только на папирусе, а затем переносили на выровненную строительную площадку, но также на каменных стенах храмов. Это значит, что метод архитектурного «проектирования» в Центральной Азии зародился в эпоху бронзы именно в верховьях Зеравшана в результате культурных взаимосвязей и взаимовлияний далеко за пределами центральноазиатского региона, а затем был заимствован зодчими Маргианы на юге Туркменистана. При этом древний метод пропорционального построения зданий сохранился за счет преемственности традиций в эпоху бронзы, раннего железа, античности и средневековья, о чем свидетельствуют аналитические данные ученых Средней Азии (например, М.С. Булатова, М. Мамедова, С.М. Мамаджановой и др.), в том числе и наши (Булатов, 1978: 43–44; Мамаджанова, Мукимов, 1983: 174–186, рис. 3).

Более того, композиционный анализ отдельных помещений и самих объектов Саразма (помещения 7, 8 раскопа IV горизонта 2 комплекса IV и I; горизонт 4 раскопа IV; горизонт 3 раскопа V; горизонт III.2 раскопа VII; горизонт 2 раскопа XI; горизонт 2 и 3 раскопа XII), произведенный проф. С. М. Мамаджановой и проф. С. Р. Мукимовой, показывает частое применение геометрического построения планов помещений и отдельных зданий не только методом отношения диагонали двух квадратов к стороне (стороны «неточного» квадрата относятся как $\sqrt{5}:2=1{,}118$), но также и других методов, например, метода, основанного на делении в среднем и крайнем отношении (Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2020: 161–171, рис. 110–137). Суть метода заключается в построении прямоугольника со сторонами, относящимися друг к другу как 1: $\sqrt{5}$ – I или 1:1,226. Помимо этого, иногда зодчие древности, а впоследствии и раннего средневековья за основу построения принимали простые числовые отношения (например, 1:1,5 или – 2:7), которые были связаны с гармоническими пропорциями. По мнению М. С. Булатова, наличие такой модульной координации является выражением местной античности (Булатов, 1978: 241; Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2022: 48–49).

Заключение и предложения. Все вышеприведенные примеры построения свидетельствуют о том, что при гармонизации планов сооружений зодчие отдавали предпочтение тем методам, которые отличались практичностью, простотой разбивки здания на участке без применения сложных геодезических инструментов. Из набора инструментов, необходимых для разбивки плана на участке строительства, мы можем привести только косвенные данные, в частности, инструменты египетских строителей, найденных в районе расположения египетских пирамид периода III–II тыс. до н. э., т. е. 4–5-тысячелетней давности.

Таким образом, наш экскурс в историю формирования древнеземледельческого протогорода Саразм в Пенджикентском районе показывает не только его уникальность и совершенство в пределах Центральной Азии, но также всего Древнего Востока. Предварительный анализ планового построения дворцового сооружения и объектов жилищного и общественно-ритуального назначения (возможно, аристократического сословия протогорода) наглядно демонстрирует предварительное «проектирование» объекта. Это, в свою очередь, свидетельствует о грамотности местных зодчих и их умении простейшими подручными материалами (бечевка и колышки) легко построить на участке строительства гармоничный план сооружений с применением «золотого сечения».

В заключение настоящей статьи нам хотелось бы привести цитату из докторской диссертации Л. Б. Кирчо, защищенной в 2009 году:

«…Изучение крупных поселений позволило установить, что в III тыс. до н.э. центральноазиатский регион представлял собой «пространство межкультурных взаимодействий», где в результате культурных влияний и экономической экспансии цивилизаций Месопотамии, Элама и долины Инда складываются пути обмена и торговли и формируются новые цивилизации древневосточной периферии. Начало этих процессов уходит в IV тыс. до н. э. » (Кирчо, 2009).

Хотя речь здесь идет об Алтын-депе, мы с полным правом можем утверждать, что генезис культурного комплекса и формирование производственной базы протогорода Саразм, как и Алтын-депе, демонстрирует непрерывное развитие основных компонентов культуры на протяжении IV–III тыс. до н. э.

Дальнейшее изучение памятника позволит еще не раз получить свидетельства о высоком уровне зодческого искусства в эпоху бронзы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М.: Наука, 1978. 380 с., ил.

Владимиров В. Н. Египет. Архитектура. Скульптура. Живопись. (Пропорции в египетской архитектуре.) М.: Академия архитектуры СССР, 1944. 20 с., 22 л. ил. (часть 6).

Владимиров В. Н. Пропорции в египетской архитектуре // ВИА, В 12–ти томах. Т. 1. М.: Стройиздат, 1970. 512 с., ил.

Всеобщая история архитектуры, в 12–ти томах (ВИА, в 12–ти томах), т. 1. М.: Стройиздат, 1970. 511 с., ил.

Исаков А. Саразм – заря цивилизации // Мероси ниёгон, 1992. Душанбе, № 1. С. 21–24.

Исаков А. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе: Дониш, 1991. 244 с., табл.

Кирчо Л. Б. Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии: процессы культурной и технико-технологической трансформации: дисс… доктор истор. наук. СПб, 2009. С. 2 (специальность 07.00.06) (474 с.).

Мукимов Р., Мамаджанова С. Архитектура Таджикистана: вчера, сегодня, завтра. Душанбе: Комархстрой при ПРТ, 2024. 444 с., ил.

Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М., Мукимова С. Р. Зодческое искусство ариев: истоки формирования. Душанбе: ЭР-Граф, 2020. 200 с., ил.

Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М., Мукимова С. Р. Памятники культурного наследия верховьев Зеравшана. Душанбе: ТТУ им. акад. М.С. Осими, НАНТ, 2022.337 с., 48-49.

Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М., Мукимова С. Р. Памятники культурного наследия Северного Таджикистана. Душанбе: ТТУ им. М.С. Осими, НАНТ, 2022. 524 с., ил.

Мамаджанова С. М., Мукимов Р. С. Ал–Хорезми и некоторые вопросы геометрической гармонизации в зодчестве Средней Азии VII–XI вв. // Отв. ред. Н. Н. Негматов. Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе: Дониш, 1983. С. 174–186.

Мамедов М. Древняя Бактрия и Маргиана. Ашхабад: Культурный центр Посольства ИРИ в Туркменистане, 2003. 143 с., ил.

Масимов И. С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Материалы II советско-американского симпозиума / Отв. редак. В. М. Массон. Ташкент: Фан, 1986. 225 с., ил.

Массон В. М. Алтын-Депе. Л.: Наука, 1981. 176 с., ил.

Мелларт Джеймс. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока /Перев. с англ. на основе: James Mellaart. Earliest Civilisations of the Near East London. Thames and Hudson. 1965. М.: Наука, 1982. 149 с., ил.

Негматов Н. Н. Истоки этногенеза и культурогенеза ариев Арианы. История, архитектура и искусство Уструшаны / Составитель профессор Р. Мукимов. Душанбе: АН РТ, 2013. 588 с., ил.

Раззоков Ф. А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э. СПб: НКТ, 2016. 248 с., ил.

СИРОЖИДДИН МИРЗААХМЕДОВ,
ДЖАМАЛИДДИН МИРЗААХМЕДОВ
Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова
Самарканд, Узбекистан

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ПЕРИОДИЗАЦИИ РАННЕГО РАБАТА — КАРАВАНСАРАЯ ПАЙКЕНДА

Ключевые слова: Бухара, Пайкенд, Мавераннахр, рабат — караван-сарай, архитектура, памятник.
Аннотация: Изучение ранней монументальной исламской архитектуры Средней Азии представляет значительные сложности ввиду практического отсутствия и плохой сохранности редких образцов таких памятников. В связи с этим огромное значение приобретает их выявление при археологических раскопках, позволяющее получить уникальные материалы для рассмотрения истоков формирования отдельных направлений исламского зодчества. В данном аспекте приобретает исключительное значение вскрытие на городище Пайкенд рабата — караван-сарая начала IX в., полностью выполненного в сырце и представляющего тип дворово-гребенчатой планировки, получившей в последующем массовое распространение в средневековом монументальном и жилом зодчестве Мавераннахра.

Kalit so'zlar: Buxoro, Paykend, Movarounnahr, rabot — karvon saroy, arxitektura, yodgorlik.
Annotatsiya: O'rta Osiyoning ilk islomiy monumental arxitekturasini o'rganish qiyin bo'lib, bunday yodgorliklarning nodir namunalarining amalda yo'qligi va yomon saqlanishi bilan bog'liq. Shu munosabat bilan, arxeologik qazishmalar paytida ularni aniqlash katta ahamiyatga ega, bu islomiy me'morchilikning ayrim yo'nalishlari shakllanishining kelib chiqishini o'rganish uchun noyob materiallarni olish imkonini beradi. Shu nuqtai nazardan, IX asr boshlariga oid Poykend — rabot shaharchasidagi karvon saroyning topilishi alohida ahamiyat kasb etadi, hamda butunlay loydan qurilgan inshoat Movarounnahrda o'rta asr monumental hamda turar-joy me'morchiligida keng tarqalgan va hovli rejalashtirish tipini aks ettirgan.

Keywords: Bukhara, Paykend, Mawarannahr, rabat — caravansarai, architecture, monument.
Abstract: The study of early monumental Islamic architecture in Central Asia presents significant challenges due to the practical absence and poor preservation of rare examples of such monuments. As a result, their discovery during archaeological excavations becomes extremely important, as it provides unique materials for examining the origins of various directions in Islamic architecture. In this context, the uncovering of the rabat — a caravanserai from the early 9th century — at the site of Paikend is of exceptional significance. The structure, entirely built of mudbrick, represents a type of courtyard-and-ridge layout, which later became widely prevalent in medieval monumental and residential architecture in Maverrannahr.

Одним из крупных направлений исследований Бухарской археологической экспедиции являлось изучение в юго-западной степной зоне области второго крупного городского и столичного центра оазиса городища Пайкенд. Город, являвшийся одним из ключевых пунктов на отрезке Великого шелкового пути, был хорошо известен по данным письменных источников и начиная с 1980-х гг. на регулярной и долгосрочной основе исследуется сотрудниками Института археологии АН, ныне Самаркандского института археологии, и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).

Результаты совместных исследований инфраструктуры города — фортификации, городских кварталов, уличной сети на цитадели, шахристанах I–II и рабате показали, что город можно отнести к эталонным памятникам археологии в низовьях Зарафшана и в целом по Узбекистану.

Не менее важную роль в исследовании городища носит изучение пригородов, слабо или практически не изученных ввиду сильных разрушений, наблюдаемых и в других крупных городских центрах Узбекистана. В отличие от последних, городище Пайкенд, далеко выдвинутое в степь и полузасыпанное песками, несмотря

на выборку кирпичей окрестным населением и частично в последующие столетия занятое мазарами, в значительной степени сохранило городскую инфраструктуру и историческую топографию пригородов-рабатов, получив освещение в ранней научной литературе.

В этом плане огромную роль играют работы исследователей 1930-х гг. по Зеравшанской экспедиции, организованной член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовским. Сотрудником экспедиции В. А. Шишкиным была впервые проделана качественная и важная глазомерная съёмка городища и его окрестностей (Рис. 1). В результате этих работ вдоль дорожных трасс, отходящих от города к востоку — в сторону Бухары и от южных ворот шахристана II на юго-запад — в направлении Хорасана, отмечена череда десятков чётко спланированных прямоугольных сооружений (Якубовский, 1940: 61–62), которые, по данным историка Бухары Мухаммада ан-Наршахи, определяются как рабаты: «До 854/5 г. у ворот Пайкенда по числу селений Бухары было более тысячи рабатов. В зимнее время здесь собирались отряды газиев для противодействия набегам тюрков» (Наршахий, 1966: 24). Известные арабские географы ал-Истахри (около 951 г.), ибн-Хаукаль (около 976 г.), а также ал-Мукаддаси (около 985 г.) отмечали: «Число рабатов в округе Пайкенда наибольшее в Мавераннахре и достигает около тысячи, обитаемых и разрушенных» (Зимин, 1913: 64–65), а по несколько более позднему источнику ас-Самани (около середины XII в.), нашедшего здесь только развалины, в которых обитало несколько туркменских семей, число пайкендских рабатов некогда доходило до трёх тысяч (Бартольд, 1963: 171; Зимин, 1913: 73).

С привлечением нами методов современной фотофиксации летательными аппаратами, глазомерные съёмки, проведённые В. А. Шишкиным на заре археологических исследований округи Пайкенда, полностью подтверждаются, уточняются и дополняются новыми силуэтами придорожных сооружений — рибатов-рабатов, но, конечно же, не в столь преувеличенных масштабах, представлявшихся путешественниками.

Сведения ан-Наршахи, писавшего, что у ворот Пайкенда до 854 г. по числу селений Бухары

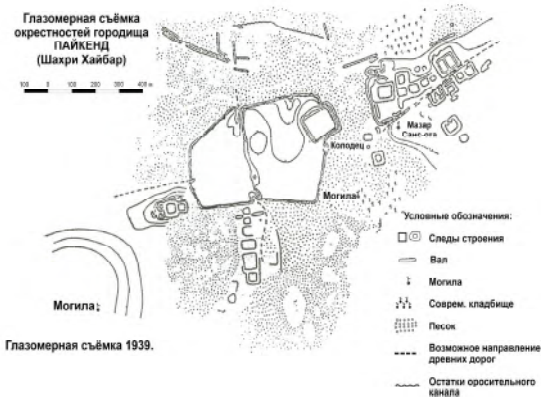


Рис. 1. Глазомерная съёмка В. А. Шишкина городища Пайкенд и его окрестностей (по: Якубовский, 1940)

было более 1000 рабатов, арабских географов, проходящих по караванной трассе мимо Пайкенда во второй половине X — середине XII в., а также глазомерные съёмки и фотофиксации с летательных аппаратов совершенно определённо идентифицируют одни и те же сооружения: рабаты / караван-сараи. Также очень важно свидетельство арабских географов, что рабаты уже находились в полузаброшенном состоянии, а к XII в. у ас-Самани отмечено лишь нескольких туркменских семей, обживавших развалины некогда богатого города. Исходя из этого, описание первых географов через десятилетия, а по ас-Самани, через полтора столетия количество рабатов как «более тысячи» или «более трёх тысяч», упомянутое в народной этимологии, приобрело легендарный, преувеличенный, фантастический характер.

Как отмечалось у ан-Наршахи, к середине IX в. противостояние между кочевой степью и оазисами значительно ослабло. Этому, безусловно, способствовало завершение к 30-м гг. IX в. строительства Великой оазисной стены Бухары Кампир девор, значительно обезопасившей долину от внезапных нашествий, а также начало исламизации населения кочевой степи, устранившей идеологическую конфронтацию между исламизированным оазисом и неисламизированной степью. Произошло это и в результате постепенного преобразования к середине IX в. регионов Мавераннахра удельных саманидских правителей в единое династийное государственное управление, само наносившее превентивные удары по кочевой степи

(Мирзаахмедов Д., Мирзаахмедов С. 2020: 254). Таким образом, исходя из хронологии первых сообщений источников о значительном сокращении конфронтации к середине IX в., из описаний второй половины X в. рабатов Пайкенда арабскими географами как полуразрушенных, так и близкого по времени последнего этапа обживания рабата 1 середины — третьей четверти X в. (Мухамеджанов и др., 1988: 114–147), можно совершенно определённо утверждать: рабаты Пайкенда более ста лет могли из военных объектов быть приспособленными или перестроенными под функции караван-сараев. Не исключено также, что зародившаяся на рубеже раннего и развитого средневековья изначально идентичная или близкая по характеру дворово-гребенчатая система планировки, как это наблюдается в последующей традиционной мусульманской архитектуре, могла совмещать функции как военных рибатов-рабатов в осенне-зимний период, так и торговых функций в период интенсивной торгово-экономической деятельности в летний период.

Для конкретизации вопроса добавим, что в результате наших последующих археологических исследований остатки подобных рабатов были выявлены и за пределами западных городских стен II шахристана. Это полностью подтверждают данные источников о большом количестве постоялых дворов в пригородах Пайкенда, не характерном ни для какого другого города Средней Азии (Мухамеджанов и др., 1988: 113).

Археологические исследования на рабате 1 продолжались с 1983 по 1989 г., но первая предварительная публикация по результатам работ была осуществлена по плану издательства в 1988 году. Несмотря на незавершенность работ, исследователю удалось на основе материалов выявленной планировки максимально осветить уникальную для исследуемого периода, наиболее раннюю основу дворово-гребенчатой монументальной архитектуры, не имеющей аналогов в зодчестве Средней и Центральной Азии.

Актуальность результатов проделанных работ была недопонята, вызвала недоверие и неприятие у узкого круга специалистов по истории архитектуры, так как ломала устоявшиеся догмы и стереотипы в публикациях предшествовавших исследователей. Недостаточно оценены они и сейчас ввиду предварительной публикации по памятнику, основанной на ещё не завершённых работах, отсутствия показателей керамических комплексов и их аналитического обзора для хронологии объекта.

Однако на основе результатов наших новых исследований сооружений Пайкендской экспедиции подобного типа в восточном и южном пригородах городища в последующие годы мы воспринимаем рабат 1 как целостный, совершенно новый, коридорно-гребенчатый гостиничный тип архитектуры. Для него характерна уникальная, новаторская, стандартная система трёхкомнатных и однокомнатных секций со специально выделенным кухонным отсеком, мечетью, двумя воротами, помещением для общих собраний, первым монументальным сырцовым порталом и отсеком хозяина рабата, в целом представляющая единый, автономно-замкнутый на случай военной угрозы организм. Безусловно, он представлял основу предшествующих и последующих военных рабатов-рибатов, караван-сараев, постоялых дворов и медресе.

В связи с уникальностью представляемого объекта и предварительным характером его публикации мы предполагаем его новое рассмотрение на основе предшествующих публикаций и архивных материалов. Необходимо выявить не отмеченные, не включённые в предварительную публикацию материалы керамических комплексов, представить более точную хронологию первоначального этапа строительства, обживания и запустения памятника, который может нести не только конкретный для данного объекта, но и более широкий для всей массы окружающих придорожных рибатов-рабатов круг обобщающих исторических и историко-архитектурных информационных сведений.

Особое значение рабата 1, несмотря на его частичное разрушение поздними могильными ямами приграничной зоны мазара «Саис ота», заключается в его относительно хорошей сохранности, отсутствии значительных перестроек, то есть практической однослойностью,

возможностью реальных, совершенно обоснованных реконструкций. Это, в свою очередь, делает его эталонным, уникальным памятником для данного типа истоков раннеисламской архитектуры. В значительной степени помогает нам при восстановлении и реконструкции истоков дворово-гребенчатой архитектуры сохранившийся значительно хуже и имевший два этапа перестроек следующий, соседний исследуемый объект рабат 4. Новые, ещё не доследованные материалы могут быть представлены и в Южном пригороде, на базарной площади, у Южных ворот шахристана II, остатками другого, значительно хуже сохранившегося рабата, соответствующего по конструктивным особенностям и времени строительства исследуемому объекту рабату 1.

Переходя к общим принципам строительства рабата 1 и аналогичных сооружений округи Пайкенда, необходимо отметить их возведение, как и строительство всего городища, на естественно возвышавшемся неровном известняково-песчаном каменистом плато. Результаты исследований показали, что рабат 1 был построен на одной из таких аккуратно спланированных возвышающихся площадок с дополнительным укреплением пониженных склонов по углам. Учитывая эти недостатки, при раскопках сохранилось основание лишь восточной башни, остальные три, ввиду просадки по основанию углов склонов, со временем разрушились.

Топографически важной особенностью памятника является также расположение его фасада и больших портальных ворот с выходом на линию центральной Хорасанской дорожной трассы, проходившей вдоль рабатов у южных ворот шахристана II, у южных ворот цитадели и далее, по направлению к Бухаре. Исходя из расположения ворот рабата 1 и позднее вскрытого рабата 4, можно предположить, что и другие рабаты воротами выходили на трассу главного пути и, безусловно, играли роль торговых объектов рабатов — караван-сараев. Добавим к этому, что термин «караван-сарай» в IX–X вв. ещё не входил в словарный обиход населения, а подобные типы сооружений рабаты-рибаты несли более широкую функциональную нагрузку. Они строились на стратегически

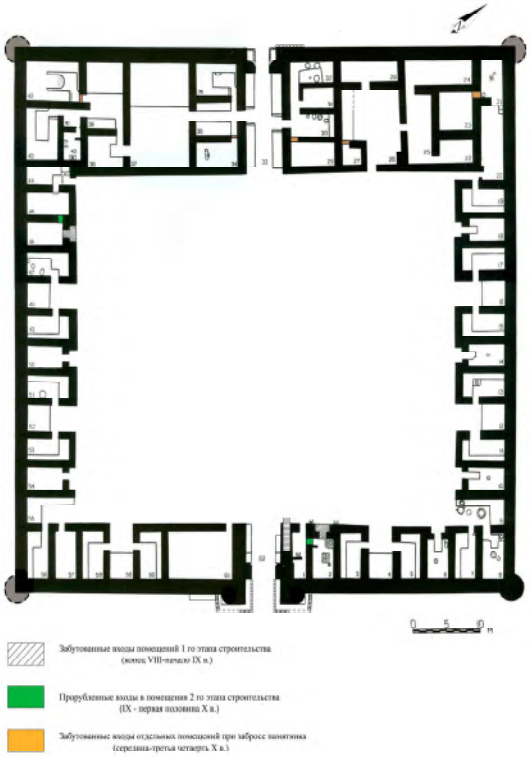


Рис. 2. План Рабата 1. Реконструкция

важных, узловых участках дорожных трасс, по которым передвигались военные отряды, для обеспечения их снабжения, а также для противодействия набегам на границах с кочевой степью. Как в хронологическом, так и в функциональном плане близкую или идентичную роль нашим памятникам играли рабаты-крепости по линии Оазисной стены Бухары Кампир девор. По данным источников, они располагались на определённом расстоянии у входов / ворот в оазисы в период конфронтаций с кочевой степью. Рабаты несли сторожевые функции, а в мирный период, за пределами ворот, в определённые месяцы года здесь собирались большие оптовые базары по обмену и продаже товаров взаимосвязанных, взаимозависимых кочевого и земледельческих хозяйств.

Этот естественно слагавшийся на протяжении тысячелетий традиционный товарооборот между оазисами и степью был особенно востребован и масштабен в осенний период. Кочевники пригоняли на эти базары множество голов приплода дешевого скота, который не мог быть сохранён ввиду ограниченности кормов

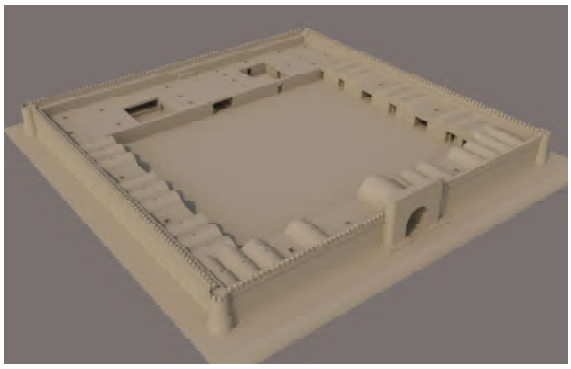


Рис. 3. Предполагаемая реконструкция. Рабат 1. Аксонометрия

в зимний период, а также продавали кожи, шерсть и кошмы. Земледельцы-ремесленники поставляли все виды одежды, обуви, металлических, керамических, кожаных изделий, зерно, сухофрукты, овощи и массу другой продукции.

Таким образом, на основании представленных материалов совершенно определённо отсутствие для данного периода понятия «караван-сарай» как более позднего, сугубо гражданского постоялого двора, без военных функций. В эту эпоху характерно наличие только термина «рабат-рибат», который, безусловно, в источниках подразумевал, прежде всего, понятие постоялого двора с военными функциями, и уже во вторую очередь или в мирных условиях игравшего роль торговой фактории. Этот более подробный разбор, конкретизация данного типа архитектуры в исследуемый период очень важны в том аспекте, что некоторые, даже очень маститые историки архитектуры, учитывая на плане рабата 1 наличие двух ворот, безоговорочно отнесли его к караван-сараям (Хмельницкий,1992: 180–182), хотя для современников, как арабских географов, так и отечественных историков, такая постановка вопроса вовсе не существовала. В целом можно подчеркнуть ставший обычным в последующие столетия двойственный характер отдельных типов традиционной, и в том числе дворово-гребенчатой архитектуры: рабатов — караван-сараев, медресе, завия и т. д.

Переходя к разбору собственно конструктивных особенностей рабата 1, ещё раз повторимся, что он строился как единый организм, замкнутый самодостаточный комплекс. Прежде всего строились обводные стены (ширина по основанию 1,75–1,90 м), к которым пристраивались внутренние помещения в гребенчатой планировке с выходами на широкий двор, который в последующей исламской архитектуре примет традиционный, классический характер как в монументальном зодчестве, так и гражданской дворово-бытовой архитектуре, вплоть до настоящего времени. Эти закономерности, по нашему мнению, прежде всего основывались на природно-климатических условиях региона с преобладанием, по большей части года, сухого жаркого климата и насущной необходимостью в этих условиях свободного притока свежего ветра с большого открытого двора во все помещения, с естественной вентиляцией и созданием благоприятных условий для проживания.

Эти новые закономерности в архитектуре с появлением пригородов-рабатов и перенесением туда не только ремесленных производств, но и переселением значительного числа обеспеченных горожан из скученных, тесных шахристанов в дворовые участки с проточной водой и тенью фруктовых деревьев, забросов центральных частей Мадины и их занятие ремесленными производствами, кладбищами стали характерными признаками в динамике урабанизационных процессов городов к середине X в.

Переходя к конструктивным особенностям памятника, отметим, что он имел квадратную форму размерами 75 х 75 м и, как было отмечено выше, двое симметрично расположенных друг напротив друга ворот. Памятник полностью выложен прямоугольными сырцовыми кирпичами в комбинированной технике ложком и тычком, с большими промежутками между кирпичами, на очень толстом растворе (до 15 см). Эта техника характерна для раннесредневековой сырцовой архитектуры Бухарского оазиса и широко использовалась там (Шишкин, 1963: 19). Всего, включая для удобства описания и отсеки ворот, выявлено 62 помещения, выстроенных с некоторым заглублением в грунт материково-известнякового песчанистого основания плато (Мухамеджанов и др., 1988: 118).

Ввиду того, что рабат 1 имел практически однослойную структуру, будучи первоначально военным или полувоенным, а затем торговым постоялым двором, он регулярно чистился, относительно хорошо раскопан и реконструирован, несмотря на сильные разрушения верхних горизонтов юго-западной части памятника могильными ямами позднего мазара. В первоначальном исследовании памятник достаточно подробно описан и систематизирован. Поэтому остановимся лишь на его узловых конструктивных особенностях, результатах проведённых в последующие годы дополнительных зачисток с выявлением незначительных перестроек; на описаниях керамических комплексов, характеризующих период его функционирования, а также на основе выявленной планировки предложим его предполагаемую архитектурную реконструкцию (рис. 2, 3).

В конструктивном плане необходимо подчеркнуть хорошо сохранившуюся стандартную систему строго чередующихся однокомнатных и трёхкомнатных секций, которая и представляет основной тип жилой, функциональной застройки (пом. 2–19, 44–60, 34–36 и т.д.). Если тип планировки однокомнатных секций стал в последующем тысячелетии традиционным стандартным образцом помещений гостиничного характера: караван-сараев, медресе, завия, то трёхкомнатные секции, видимо, были удобны в данный период для проживания близких групп единомышленников, друзей сообщества селян-газиев.

В интерьере помещений в большинстве жилых секций отмечены лишь небольшие горелые ямки на полах и суфах, посредством которых могло проводиться их обогревание в осенне-зимний период вахтового дежурства борцов за веру газиев. Основное же регулярное питание, как обычно бывает на военных или гостиничных объектах, безусловно, носило централизованный характер и осуществлялось из помещений специально предусмотренного кухонного отсека (пом. 29–32). Предположительно, помещения 20–28 ввиду наличия на отдельных полах помёта животных и скоплений битой неглазурованной керамики могли предназначаться для содержания средств передвижения — лошадей, а также мелкого скота как источника автономного питания на случай военной осады. При этом пом. 27 могло служить привратницкой для пом. 22, 24–27, и здесь мог жить скотник, присматривавший за животными. В этих помещениях также могли храниться запасы фуража для лошадей и скота. А длинные помещения 20, 24, 28 могли использоваться как стойла конюшни для размещения вьючных животных (верблюдов, лошадей, ослов), являясь обязательной принадлежностью многих караван-сараев и рабатов этого периода (Пугаченкова 1958: 227, 235). Их сформировавшаяся планировка через три столетия наблюдается в караван-сараях Устюрта XIV в. Битая керамика на полах в последний период обживания памятника, без сомнения, предполагает вывоз караванами для продажи неглазурованной продукции хорошего качества, изготовлявшейся рядом, у затухающего протока Зарафшана, в большом керамическом квартале.

Особое место среди помещений жилого комплекса представляли и стандартно выполненные угловые отсеки, исключительно чётко спланированные под угловой вариант трёхкомнатных секций (пом. 7–9 и 55–57). Здесь мы

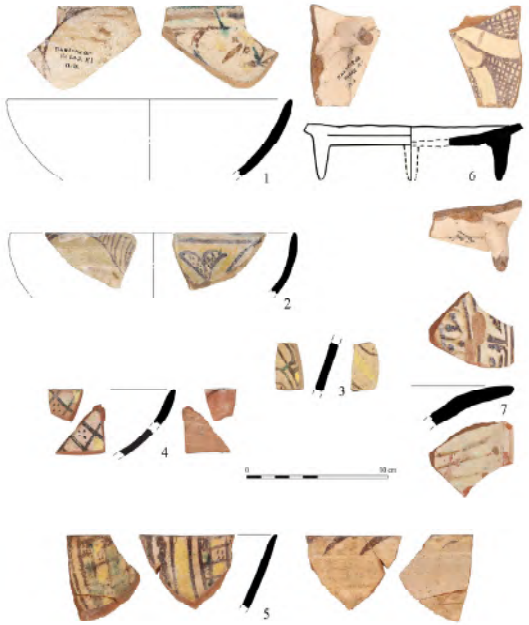


Рис. 4. Рабат 1. Фрагменты желтофонной ишкорной поливной керамики раннего типа

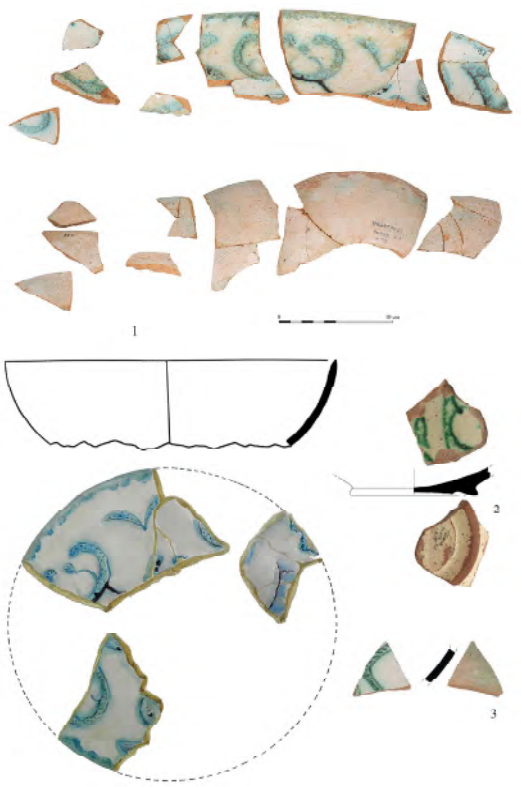


Рис. 5. Рабат 1. Ранняя ишкорная поливная столовая посуда с голубовато-зелёным стилизованным растительным орнаментом поверх непрозрачной белой поливы

также наблюдаем две стандартные однокомнатные и одну широкую, с выходом во двор, айванную секцию с аккуратно выложенными суфами в интерьере.

Значительная северо-западная часть фаса в предшествующем исследовании отнесена к комплексу парадной части рабата с обслуживающим её кухонным (пом. 29–32) и санитарно-гигиеническим (пом. 40) узлами. Ганчевая штукатурка некогда сплошь покрывала помещения 35–43. Не исключено, что данный комплекс принадлежал хозяину всего рабата, который в случае необходимости мог пользоваться отдельным входом малых ворот (Мухамеджанов и др., 1988: 136). Мы практически полностью принимаем точку зрения предшествующего исследования помещений особого назначения, возможно, характерных для планировки ранних рабатов-рибатов данной эпохи: помещения для общих собраний (пом. 37), тахоратхона с банными и санитарно-гигиеническими узлами (пом. 40) и язычески-культовое помещение 42 с подковообразным выступом для возжигания огня.

Как отмечалось ранее, характерное подковообразное возвышение в углу северо-западного отсека хозяина рабата находит прямые аналогии в доисламской культовой архитектуре дворцов, парадных помещений замков и обычных усадеб Бухарского Согда, в той или иной степени связываясь с возжиганием огня (Мухамеджанов и др., 1988: 140–141).

Также отмечалась, что пока нет полной уверенности в языческо-культовом назначении этого помещения, но как письменные источники (Наршахий, 1966: 26), так и материалы археологии указывают на многочисленные факты обрядов, связанных с культом огня, даже в X в. (Мухамеджанов и др., 1988: 141; Вишневская, Рапопорт 1979: 105–110).

С. Г. Хмельницкий первый отметил наличие в одном памятнике мечети и «языческой капеллы», связывая это с мутационным периодом раннеисламской культуры Средней Азии (Хмельницкий, 1992: 182). Мы также во многом склонны к точке зрения С. Г. Хмельницкого о «мутационном», переходном характере архитектуры помещений, хотя к середине X в., к периоду последнего обживания памятника, оно вряд ли могло носить классический языческий характер, как в раннесредневековом дворце Бухархудатов на Варахше (Шишкин, 1963: 58).

Мы полагаем, что здесь, в помещении хозяина рабата, происходившего из слабо исламизированной сельской округи Бухары, преемственно сохранилась традиционная раннесредневековая, показательная языческая зороастрийская атрибутика, безусловно, имевшая отношение к изначальной застройке объекта. Но уже к середине X в. он в основном мог служить для обогрева парадного помещения. На раннем же этапе функционирования рибата-рабата (IX в.), где в зимний период собиралось вольное сообщество борцов за веру или, вернее, охраны от набегов из кочевой степи, на этом классическом подковообразном постаменте, по материалам сохранившихся в живописи аналогий, устанавливались большие или малые переносные курильницы (Шишкин,

1963, табл. XIV). При вскрытии же помещения 42 на завершающей, округлой части постамента было отмечено место большого кострища с признаками длительного возжигания огня, скорее, служившего для отопления помещения. Таким образом, можно говорить о редком случае присутствия на одном объекте официального помещения мечети и глубоко скрытом в северо-западном углу от посторонних глаз, в отсеке хозяина рабата, парадно оформленного помещения с алтарём огня, скорее всего, параллельно служившего для обогрева комнаты. Ситуация симбиотического, переходного характера идеологии эпохи хорошо отражена в источниках, когда в конце IX — нач. X в. в Бухаре существовал известный базар Мах по продаже идолов два раза в году (Наршахий, 1966: 26).

Особое место в архитектуре описываемой нами северо-западной части объекта, которое мы также относим к условно изолированному отсеку хозяина рабата, занимает и самое крупное помещение № 37. Это был большой зал, или, как его часто называют в литературе, «зал для собраний» (размеры 14,40 х 9,05 м), имевший широкую суфу-эстраду (ширина 5,67, высота 0,75 м). Пол и поверхность суфы некогда были выстланы жжёными кирпичами в фигурном, диагональном направлении. На отдельных кирпичах суфы и пола сохранились остатки ганчевой обмазки, которая некогда покрывала и стены зала (Мухамеджанов и др., 1988: 144).

Во-первых, ещё раз отметим, что помещение зала, как и весь северо-западный отсек, имело парадное назначение. Во-вторых, забегая вперёд, подчеркнём, что как обкладка жжёными кирпичами пола и суфы, так и ганчевая обмазка стен помещений № 42 и 37, хотя и была выполнена на втором, последнем этапе обживания, полностью исполнена по верху первоначальной архитектуры памятника, сохранившей следы отдельных раннесредневековых доисламских традиций в строительной культуре Бухарского Согда.

В данном случае мы поддерживаем точку зрения предшествующих исследователей: помещение по всем показателям могло служить местом для общих собраний, советов, решений сообщества защитников рабата. В свою очередь, здесь же могли проводиться и торжественные мероприятия, угощения типа доисламских праздников Нового года — Навруз. Истоки происхождения этих больших помещений, безусловно, уходят в раннесредневековую традиционную культуру сельских поселений Согда с большими домами огня или этнографическими мужскими домами, сохранившимися в горных районах Таджикистана, где в зимний период собиралось всё мужское сообщество селян.

В заключение необходимо отметить, что нами также проделана работа по предварительной реконструкции рабата 1 на основе практически полностью выявленного плана памятника. Эти работы удалось провести, несмотря на сильные разрушения, по верхним горизонтам, поздним могильным ямам мусульманского мазара Саисота (Саид-ота), границы которого захватывали его юго-западную часть.

На базе чётко сохранившегося основания башни юго-восточного угла памятника восстановлены три другие. Перекрытия, согласно материалам обрушившихся кровель для больших

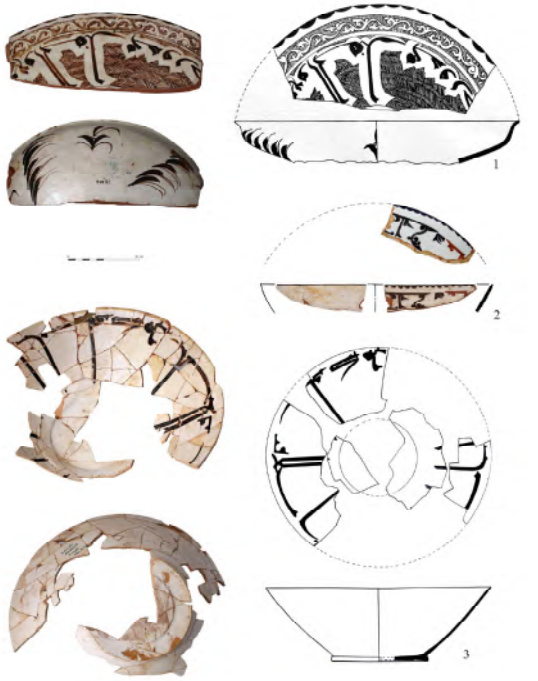


Рис. 6. Рабат 1. Столовая парадная посуда с эпиграфическими мотивами середины X в.

залов, включая айванные помещения трёхкомнатных секций, были плоскими. Более узкие однокомнатные и боковые отсеки трёхкомнатных секций имели сводчатые перекрытия с фиксацией в отдельных случаях специально вставленных керамических вентиляционных люков. Роль последних была важна в зимний период, когда имелась необходимость в вентиляции при отоплении помещений и, возможно, приготовлении или разогреве пищи.

Для отдельных крупных помещений (№ 37, 26) следов плоских перекрытий, которые должны были поддерживаться основаниями колонн, не отмечено, и в плане реконструкции они оставлены открытыми. Хотя мы полагаем, что для первоначального этапа обживания они были также перекрыты лёгкими деревянными конструкциями.

Наиболее важным элементом фортификации памятника является внешней вал стен, который, безусловно, по всему верхнему периметру был оформлен стрелковым коридором из выступавших зубчатых парапетов. Башни также могли играть важную опорную роль, а одна из них, как мы наблюдаем это на памятнике Рабати Малик, могла значительно выступать над остальными и использовалась как дозорная и сигнальная.

Хронология возведения памятника определяется на основе полученных ранних образцов поливной керамики, датируемых по аналогиям из соседних регионов началом — первой половиной IX в. (рис. 3, 4). Завершение обживания рабата 1 чётко датируется на основании комплекса поливной столовой посуды серединой — третьей четвертью X в. (рис. 6).

Ещё раз подтверждаем данные источников, что рабат 1 мог быть построен представителями одного из близлежащих, слабо исламизированных, но сохранивших яркие черты зороастрийских традиций селений Бухары. Вместе с тем хозяином рабата мог быть один из старейшин, представителей селения и его хозяина — Кедхуды. Роль газиев обычно выполнялась молодыми сельчанами, главной задачей которых являлось противодействие набегам кочевников, а не религиозные убеждения. В последующие десятилетия в городах такую роль могли играть, по данным источников аййары, молодая городская вольница.

В заключение подчеркнём, что рабат 1 построен выдающимся для своей эпохи безвестным архитектором, сумевшим воплотить и объединить в своём творении наиболее яркие достижения предшествующей доисламской архитектуры и на многие столетия опередившим современников; заложившим основы, создавшим новые каноны исламского зодчества следующего тысячелетия, гениальным представителем блестящей эпохи «Исламского Ренессанса» Бухары, Мавераннахра и Узбекистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бартольд В. В. Собр. соч. Том I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Москва, 1963.

Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом Хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979.

Зимин Л. Развалины старого Пайкенда // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии. Год семнадцатый. Ташкент, 1913.

Мирзаахмедов Д. К, Мирзаахмедов С. Д. Узбекистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. V. Ислам. Самарканд, 2020.

Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семёнов Г. Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.

Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.

Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. Т. VI. Ашхабад, 1958.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин-Рига, 1992.

Шишкин В. А. Варахша. Москва, 1963.

Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчёт о работах Заравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // ТОВЭ. Т. II. Ленинград, 1940.

SHOIRA NURMUKHAMEDOVA
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering
Tashkent, Uzbekistan

DEVELOPMENT PATHS OF MILITARY ARCHITECTURE IN UZBEKISTAN – FROM ANTIQUITY TO THE MIDDLE AGES

Keywords: fortification, fortress, towers, strengthening, pilasters, style, ramp, stylobate.
Abstract: Military architecture serves as an economic, political, and aesthetic reflection of a state's development, with the fortress wall often marking the inception of a city's identity. In Central Asia, military architecture has consistently been highly advanced. Its design evolved over time, shaped by changing real-world conditions such as economic demands and political shifts. The absence of a single, standardized template allowed for continuous adaptation and innovation. This study offers an architectural and compositional analysis of Central Asian military structures from antiquity through the late medieval period, highlighting the key factors that influenced their development and transformation.

Kalit so'zlar: fortifikatsiya, qal'a, minoralar, mustahkamlash, pilastrlar, uslub, rampa, stylobate.
Annotatsiya: Harbiy arxitektura davlatning iqtisodiy, siyosiy va estetik rivojlanishining aksini ifodalaydi, qal'a devorlari esa ko'pincha shahar identifikatsiyasining bosqichini belgilaydi. Markaziy Osiyoda harbiy arxitektura doimiy ravishda izchillk bilan yuqori darajada rivojlangan. Uning dizayni vaqt o'tishi bilan iqtisodiy talablar va siyosiy o'zgarishlar kabi real sharoitlar ta'sirida rivojlangan. Yagona standart namunalar yo'qligi har doim moslashuv va yangiliklarni davom ettirish imkoniyatini yaratdi. Ushbu tadqiqot qadimdan o'rta asr oxirigacha bo'lgan davrda Markaziy Osiyo harbiy inshootlarining arxitekturaviy va kompozitsion tahlilini taqdim etadi hamda ularning rivojlanishi va o'zgarishiga ta'sir qilgan asosiy omillarni yoritadi.

Ключевые слова: фортификация, крепость, башни, укрепление, пилястры, стиль, рампа, стилобат.
Аннотация: Военная архитектура является экономическим, политическим и эстетическим отражением развития государства, а крепостная стена часто знаменует собой начало идентичности города. В Центральной Азии военная архитектура всегда была на высоком уровне. Её дизайн развивался со временем под влиянием экономических потребностей и политических изменений. Отсутствие единого стандарта позволило сохранять гибкость и новаторство. В данном исследовании представлен архитектурный и композиционный анализ центральноазиатских военных сооружений от древности до конца средневековья, освещены ключевые факторы, влиявшие на их развитие и трансформацию.

Introduction. City fortress walls were traditionally constructed to safeguard strategically important sites, with their imposing design meant to symbolize the city's grandeur and authority (Mankovskaya, 1982: 30). Some cities, however, lacked such walls, relying instead on natural defenses like river channels or rocky landscapes, as seen in Takhti Sangin. The necessity for fortifications emerged as cities expanded. These walls often conformed to the terrain to enhance military security, frequently built on elevated areas, at river junctions, or amidst swamps and lakes, as with Pil-kala. Afrosiab, for instance, was perched on high hills, complicating water access but strengthening its defense.

The evolution of fortress architecture was shaped by available materials, construction techniques, warfare strategies, and weaponry—such as Alexander the Great's use of battering rams and stone-throwing machines to breach fortifications. Additionally, the rise of fortifications was closely tied to the expansion of the slave system, the creation of large state entities, and significant military campaigns (Abdullaev, 2006: 130). Key defensive features included citadels, city walls, towers, gates, and moats.

1. Development stages:

Fortification architecture has deep roots dating back to antiquity. Constructing these formidable structures, renowned in ancient

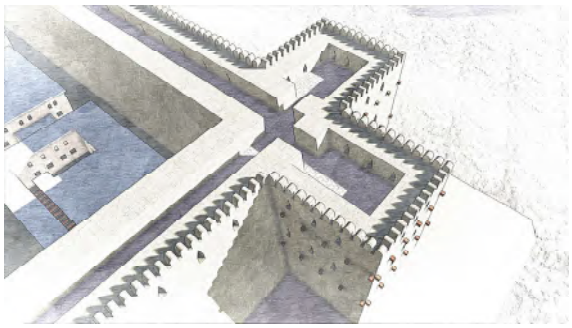


Fig. 1. Graphic reconstruction of the corner towers of the Kurgashinkala settlement in ancient Khorezm (author Sh.Z. Nurmukhamedova)

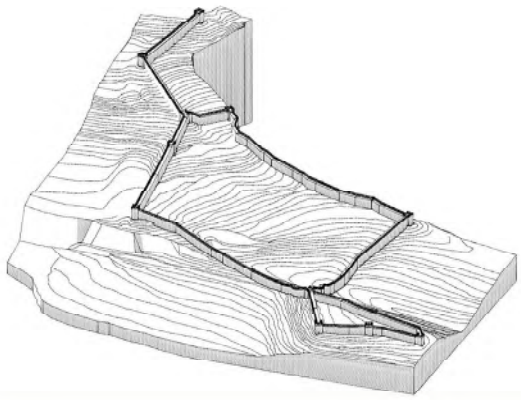


Fig. 2. 3-D model of the Uzundara fortress (the fortress model was built by K.E. Sivkov)

times for their immense scale and monumental character (for instance, the walls of Shakhrinau measured 1.3–1.4 km, Kay Kobadshah 1.4 km, and Samarkand 11 km), required substantial material and human resources, as well as an efficiently organized labor system, typically facilitated by a robust state apparatus. Professional architects, experts in polyorcetics (the art of besieging cities), fortification, and construction, alongside townspeople (e.g., Key-Kobadshah) and enslaved individuals (Kuzmina, Pevzner, 1956: 82), were all involved in these public endeavors. The defensive strength of ancient fortresses was contingent upon their strategic importance (whether as city or border fortifications) and their specific functions (Nurmukhamedova, 2018: 62).

Loess clay and its derivatives, including adobe brick and pakhsa, were the predominant materials used across Central Asia for constructing these structures, as they were particularly well-suited for the types of fortifications in question (Vitruvius, Apollodorus). The employment of less labor-intensive masonry methods (such as laying adobe walls atop pakhsa masonry) enhanced the walls' resilience to attacks. Architecturally, fortresses were composed of key elements including the citadel, walls with loopholes, towers, pilasters, and city gates. The rhythmic segmentation of walls into pilasters and towers contributed to the fortresses' architectural expressiveness, creating a dynamic interplay of light and shadow. However, there was no standardized design for these structures, as evidenced by the diverse military architecture found across the historical and cultural regions of Uzbekistan – Bactria, Khorezm, Sogd, Fergana, etc.

In Khorezm's fortification architecture, several distinctive techniques were developed, tracing their origins back to Achaemenid times. These included pre-gate labyrinths (e.g., Kalalygyr), outrigger towers in various shapes (such as oval towers at Kyuzeligyr), and turretless fortresses (like Akchagelin, Great Aibugir-kala, and Kaladzhik on the left bank of the Amu Darya; Dzhanbas-kala and Burly-kala on the right bank), which were adapted to the terrain and involved the entire male population of the city in defense.

The fortifications of the Kushan period exhibit architectural traditions from earlier eras, including gate labyrinths (Tok-kala), intra-wall corridors (used from the mid-1st millennium BC), and «swallow-tail» corner towers, which emerged during the Kangyu period (e.g., Kurgashinkala, Ayazkala, Bazarkala) and were also known in Mesopotamian and Egyptian military architecture. Researchers attribute these techniques in Khorezm's fortification architecture to the influence of various architectural schools, each addressing their unique challenges. Ancient traditions persisted into the medieval period up to the 9th century (e.g., intra-tower chambers and oval towers), and in the 12th–13th centuries, anti-assault

walls remained in use (as seen in Kavatkala and Greater Guldursun) (Fig.1).

Influence from the Hellenized world also shaped military architecture in Central Asia (Pugachenkova, 1966: 42). A discernible system emerged, blending Greek and local polyorcetics techniques with new principles that influenced military architectural development. Military engineers often employed rectangular towers, which were susceptible to siege technology and were characteristic not only of Bactria (e.g., Kuhne-kala, Kum-kala, Shakhrinau, Begram) but also of Khorezm (e.g., Ayazkala, Bazarkala, Kurgashinkala) and Northern Parthia (e.g., Old Nisa). Fortresses built in the Greek fortification traditions, such as Ai-Khanum and Kampyrtepa, reflect this influence.

Kampyrtepa, the first outpost constructed during Alexander the Great's campaign in Central Asia, was designed according to Greek fortification principles and later underwent significant enhancements. Examples from the Greco-Bactrian period indicate neglect of the landscape by builders, unique stratigraphic locations of fortresses (e.g., Uzundara), the presence of monolithic walls (in contrast to battering technology), towers (e.g., Ai-Khanum, Kampyrtepa), pilasters (e.g., Dilbergin, Kukhnekala), and proteichisms (e.g., Key-Kobadshah, Karabagtepa) (Pugachenkova, 1976: 45). Notably, «swallow-tail» towers were constructed at the corners of fortress walls, mirroring those in Khorezm (e.g., Kuhnekala), reflecting the era's robust defense systems (Fig. 2).

Central Asian military architecture, originating at the end of the 2nd millennium BC and flourishing in the 6th–4th centuries BC, underwent an extensive evolutionary development (Litvinsky, Pyankov, 1966: 143). State authorities commissioned fortifications, evident from the similar architectural and planning principles observed in Bactria (e.g., Key-Kobadshah, Dalverzintepa), Parthia, and Khorezm (e.g., Toprakkala, Gyaurkala). Their monumental scale and volumes, akin to the pyramids of Egypt or the ziggurats of Babylon, underscored the grandeur of the slave system (Nurmukhamedova, 2018: 79).

Early medieval fortifications can be categorized into border (e.g., the extensive walls surrounding the Bukhara and Samarkand oases), urban, and private (castle houses), all sharing a common architectural design (e.g., the city walls and citadels of Paikend, Afrasiab). Unlike their ancient predecessors, early medieval fortifications featured less formidable walls. Predominantly constructed from mud masonry (pakhsa), ancient fortification forms such as loopholes and towers became obsolete: pakhsa walls lacked loopholes, and towers were constructed only at wall corners or mid-span locations. The military architecture of the 3rd–5th centuries featured square towers with narrow loopholes (e.g., Paikend citadel), arranged in a checkerboard pattern (e.g., Talibarzu, Penjikent) (Fig. 3).

Defensive design principles heavily influenced the layout of military buildings and structures. For instance, 5th-century fortifications incorporated numerous narrow loopholes (Semenov, 1996: 87) to facilitate archery against adversaries. These loopholes, either functional or decorative, were a hallmark of Central Asian fortifications. Additionally, defense nodes were created with corner towers. Strategic and secure locations were selected for early medieval cities, often leveraging natural defenses on two or three sides, minimizing the need for extensive walls. Cities like Ustrushany were strategically sited on steep plateaus or river bends, with the more vulnerable sections fortified with walls and defensive points.

The fortifications of the Fergana region, specifically the residence of its rulers in Kasan, displayed originality and strategic thought. The city's location provided significant strategic advantages, being flanked by the steep banks of the Kasansay River. Researchers noted features of medieval fortification, such as wall and corner towers (e.g., Kafir-Kala citadel) and outrigger towers (e.g., seven on Kalai Kahkakha II), which enhanced flanking fire capabilities. Penjikent, a well-documented Sogdian city, featured a comprehensive defensive system with moats on the vulnerable southern side and three lines of defense: external, middle, and internal. By the

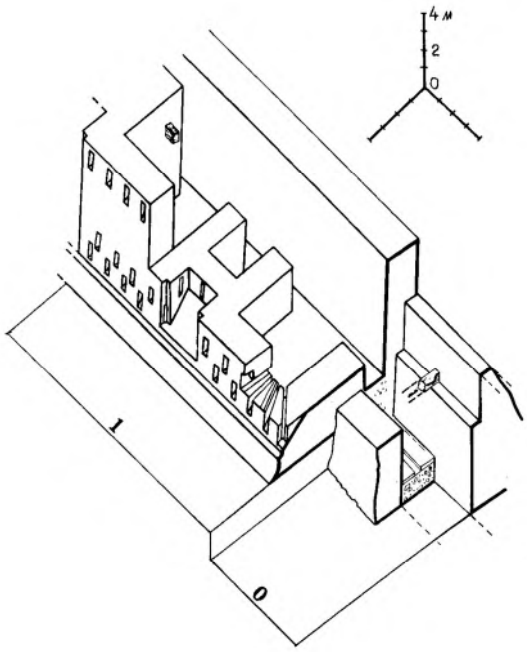


Fig. 3. Penjikent. Axonometry of the outer line of the citadel fortification of the 5th century (from the book by G.L. Semenov «Sogdian fortification of the 5th-8th centuries». St. Petersburg, 1996)

7th–8th centuries, Penjikent's city walls stood as a solid 6–7 m high monolith, adorned with platforms for archers and jagged parapets.

During this period, military architecture also saw the emergence of private fortifications in the form of keshki – residential, fortified tower-like structures akin to donjons – situated at city wall corners. These developments reflected evolving social relations. Keshki, elevated within the city, served as both the landowner's residence and a fortification (e.g., Dzhumalyaktepa, Kalaibolo). (Fig. 4). Due to conflicts between feudal lords, these structures were isolated, characterized by high stylobates (e.g., Kalai-Bolo's castle platform reached 8–9 m) and thick, robust walls (e.g., Shortepa's walls exceeded 6 m in thickness). These fortresses featured both real and false loopholes, with watchtowers of rectangular (e.g., Zangtepa, Kasan) and semicircular shapes (e.g., Afrasiab, Varakhsha), predominantly located at corners and entrance gates (Isakov, 1977).

In the early medieval era, there were no drastic innovations in military architecture. Existing walls were reinforced with additional «shirts» (e.g., Akhsikent), leading to significantly thickened walls (e.g., Penjikent's base thickness reached 10–16 m). Although no new fortification techniques emerged, ancient military architectural traditions persisted into the Middle Ages (Nurmukhamedova, Dedekhanov, 2023: 138). Loopholes, once crucial elements, became decorative features designed to intimidate opponents (Semenov, 1996: 93). The construction of fortifications was not solely a state strategy but also reflected private interests and active political processes in Central Asia. For instance, fortified castles emerged, and certain cities became refuges during times of crisis (e.g., Afrasiab).

The further advancement of military architecture during the 11th and 12th centuries is exemplified by Akhsikent. While the fortifications of the citadel had lost their military function by the 9th century, the 11th century marked a period of expansion. In the inner Shakhristan, adobe walls without loopholes were constructed, and by the mid-12th century, a new fortification was introduced: a barracks comprising thirteen basement chambers with an underground passage, a combat platform, and a parapet, forming an integrated defensive complex (Anarbaev, 2013: 342). To reinforce the city's defense, ancient builders added an additional exterior wall known as a proteichism.

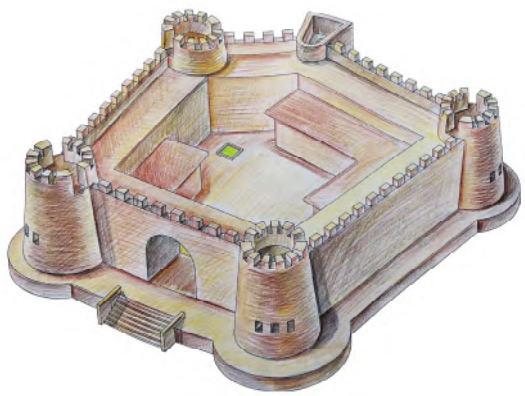


Fig. 4. Graphic reconstruction of the castle at Gayrattepa (6th century)

In the late 12th and early 13th centuries, walls made of guvalak were restored on Akhsikent's Shakhristan, and adobe walls were similarly reconstructed on Rabad, providing protection to the most vulnerable areas. During the 10th and early 11th centuries, the fortifications of Tashkent saw significant development, with the construction of impregnable stone fortresses – known as chakars – on the city's periphery to repel enemy attacks. This led to the city's renaming from Binkat to Tashkent, or «Stone City».

The illustrious military leader Amir Temur not only equipped his armies with an array of offensive weapons, including firearms, but he also placed considerable emphasis on fortifying cities as part of his power struggles. Under his rule, Tashkent was transformed into an unassailable fortress with the construction of external defensive walls between 1366 and 1404, from which troops were dispatched on military campaigns to the northern and eastern regions. According to A. A. Ziyaev, Tashkent's defensive walls, reinforced with towers at vulnerable points, stood 8–10 meters high and featured gates leading to the main highways (Ziyaev, 2012: 39). In contrast to Genghis Khan, who advised his descendants against constructing fortresses or using them as residences (Masson, Pugachenkova, p. 31), Amir Temur fortified Karshi (1365–1366) early in his reign, followed by Samarkand, and finally Shakhrisabz (1378), the summer residence of the Barlas.

The fortifications of this period were characterized by the considerable thickness of the walls, topped with crenelated parapets, robust corner bastions, and imposing gates, all demonstrating advanced architectural skill. These constructions were significant undertakings, with Amir Temur, known as the «holder of a lucky star», personally selecting favorable years for building crucial structures. In comparison to monumental buildings, fortress walls were constructed relatively quickly: the walls of Shakhrisabz were completed in just a few months in 1378, while Karshi's fortifications were erected during the winter of 1364–1365. The military architecture of this era can be

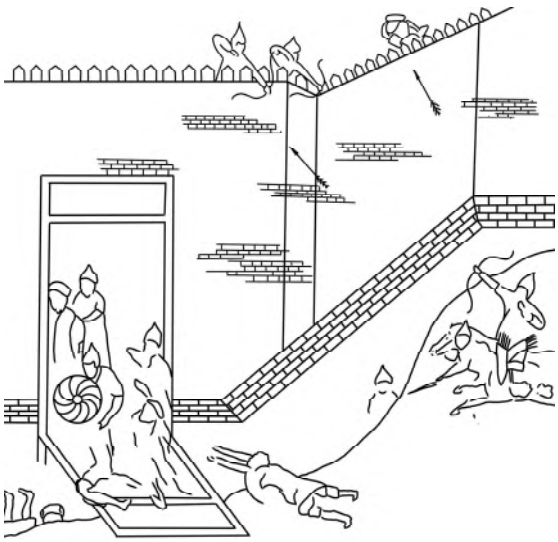


Fig. 5. The city wall of Samarkand (miniature of the early 15th century, Egyptian Library)

observed in the capital, Samarkand, as well as in Shakhrisabz, Merv, and Herat, which became the capital of the Timurid territories under Shahrukh from 1397 onwards.

At Amir Temur's command, the iron-clad city gates of Herat, inscribed with ornamental motifs, were brought to Shakhrisabz as spoils of war, which he «ordered to be installed in the gate openings» (Masson, Pugachenkova, 153: 32), and possibly in the gates of Samarkand. The rectangular adobe walls of the khisar (the city's core), segmented by two main streets, were encircled by a deep moat, over which drawbridges were constructed at the four main gates. Even the surviving sections of these walls are awe-inspiring: the base is 5 meters thick, and the walls rise to a height of 11 meters, with towers spaced at 50-meter intervals.

By the 13th century, Samarkand lacked defensive walls, having been destroyed by the Mongols in 1220, and the city was vulnerable to frequent raids. In the late 14th century, Amir Temur, having made Samarkand his capital, ordered the emir of Ak-Bug to encircle the city with walls along the old fortification lines of the former rabad. By the end of the first decade, starting in 1370, Samarkand was fortified and augmented with new constructions (Fig. 5).

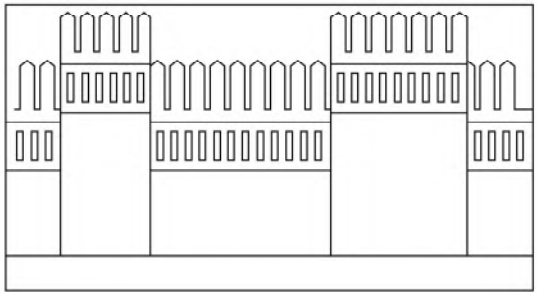


Fig. 6. A Section of the Samarkand Wall (15th-Century Manuscript, British Museum)

Following centuries-old traditions, cities were surrounded by wide and deep moats, with drawbridges spanning from the gates. These structures, made from adobe and pakhsa and sometimes faced with baked brick, had impressively thick walls. As Babur noted, the walls of Samarkand were so substantial that one could ride a horse along the top: «I ordered the inner wall of the fortress to be measured in steps along the top; it turned out to be 10,600 steps». The most imposing sections were on the eastern and northern sides, where the walls followed the contours of the older 11th- and 12th-century fortifications and were rebuilt (or restored) after the Mongol invasion.

According to a 15th-century Samarkand miniature depicting the defense of the fortress wall by Khalil-Sultan, the high walls, lined with narrow loopholes, had crenelated parapets, rectangular towers, and straight gates. One distinctive feature was the presence of cranked projections, such as the Shutur-gardan («camel's neck»), which could appear at corners, in front of gates, or along facades. The strategic significance of these features is evidenced in a miniature depicting the Mongol siege of Samarkand, held at the British Museum (Pugachenkova, 1960: 127). The projections facilitated lateral fire from protected positions (Fig. 6).

The gates of Samarkand, numbering six, served as the main arteries of traffic. These gates were flanked by semicircular towers and featured bends resembling a «camel's neck» (Shutur-gerdan) in their layout (Masson, 1956: 63). The «Fatkh-name» miniatures offer a glimpse into the appearance of Samarkand's Timurid-era gates: the main Akhanin Gate's peshtak (portal), flanked by powerful burjs (towers), had a metal door and a drawbridge. The tympanums of the pointed arch and the high parapet were adorned with blue tiles, and inscriptions above the arch invoked divine favor: «Oh you, the opener of the gates!» (Pugachenkova, 1950: 128). Above the gate was a structure known as a darvazakhona, likely used by musicians during festive occasions.

In Central Asia, the primary building materials for fortress walls from the 16th to the 19th centuries remained mud brick and pakhsa. However, with the evolution of military technology, including the introduction of gunpowder artillery, fortress walls had to withstand bombardment from siege engines and cannon fire. The walls were often topped with crenelated parapets and flanked by semi-oval towers. The fortress gates were designed to align with the city's internal layout (Pugachenkova, 1950: 129). For instance, the gates of Shaybanid Bukhara, reconstructed by Abdullakhan in the 1570s, featured rounded burjs with crenelated parapets. The city was encircled by a 12-kilometer wall with 116 half-towers and 12 pairs of towers flanking the gates, all made of baked brick (Abbasova-Yusupova, 2022: 19).

By the late 18th century, after a prolonged period of decline, the city of Khiva underwent restoration. Its dilapidated walls were reinforced, and public and religious buildings were erected or repaired. The low but thick adobe and clay walls of Ichan-Kala, rising up to 10 meters, were punctuated by strong towers and loopholes, with four gates marking the cardinal points. Every 30 meters, the walls were flanked by massive round towers equipped with crenelated parapets and loopholes for defense (Mankovskaya, 1982: 30). In 1842, Dishan-Kala was finally enclosed by a defensive wall 6 kilometers long, featuring towers and ten gates that enclosed the khan's palaces at Nurulla-bai and Rafanek.

As part of the Kokand Khanate, Tashkent was naturally fortified by the Kalkauz and Ankhor canals, and its strong walls, reinforced

with towers and surrounded by moats, extended 14 kilometers in a broken line. The city had 12 gates with towers at strategic points, including the Chagatai Gate, which featured numerous projections and towers and served as an observation post in a critical area. The city's defensive architecture accounted for the natural topography, incorporating ravines, hills, and artificial canals (Miroshnichenko, 1990: 28). However, the walls of the Tashkent Urda were notably more formidable, with three gates flanked by towers rising to a height of 14 meters and a base width of 6 meters (Ziyaev, 2009: 8).

During the colonization of Central Asia, military architecture continued to develop, although, as one contemporary noted, «Turkestan's fortified points, in the European sense, do not stand up to any criticism and do not at all deserve the name of fortresses» (Kostenko, 1975: 75). The Russian military applied a radial-concentric layout to city planning, evident in Tashkent, Namangan, Samarkand, and New Margilan. The citadel, a key military structure, housed the garrison (as in Samarkand), with streets radiating outward (as in Namangan.

During the period of Central Asian colonization, significant advancements in fortification architecture were observed. However, a contemporary of the initial colonization period remarked that "Turkestan fortified points, in the European sense, do not stand up to any criticism and do not at all deserve the name of fortresses" (Kostenko, 1975: 75). The military fortification of Central Asian cities began with the application of a radial-concentric plan, a scheme familiar in Russian urban planning and evident in cities such as Tashkent, Namangan, Samarkand, and New Margilan. A key feature was the city citadel, which housed the garrison in Samarkand and served as a focal point from which multiple streets radiated, with Namangan and Andijan featuring six streets diverging from the central citadel.

The construction of these fortifications was managed by the Main Engineering Directorate under the War Ministry in St. Petersburg, established in 1862, just prior to the onset of Central Asian colonization. According to R. G. Muradov, Russian military engineers were adept at constructing fortresses in any location, including Central Asia. For instance, the urban development of Tashkent in 1865 involved the demolition of existing defensive structures, such as the old Kokand citadel, and the erection of a new fortress on the elevated bank of the Ankhor moat. Materials from the old city walls, specifically pakhsa, were repurposed for the new fortifications. It is important to note, however, that by the time Tashkent fell to Tsarist Russia, much of the fortification work remained incomplete, and loopholes were yet to be incorporated into the upper walls. The Tashkent fortress, hexagonal in shape, featured three gates, with the primary entrance positioned to the east. In Samarkand, remnants of the old citadel walls were preserved on the northern, eastern, and southern sides as of 1875. By 1880, a new fortress with reinforced walls and rounded bastions was constructed, with bastions oriented to defend against approaches from the north and southeast.

Conclusion: The design and construction of fortifications in Central Asia were primarily influenced by topographical conditions, as "the choice of the most advantageous positions for them, their size, and character depended on the terrain" (Khozhaniyazov, 1990: 88). The development and continual enhancement of these fortifications were shaped by economic conditions, urban planning practices, architectural advancements, military strategies, and ongoing interactions with neighboring regions, which introduced new elements into the traditional military architecture. Throughout their evolution, these fortifications were strategically located and effectively designed, demonstrating advanced architectural compositions and fortification techniques tailored to military needs. This reflects a high level of construction expertise and a profound mastery of fortification arts among Central Asian architects.

REFERENCES

Abbasova-Yusupova, M. Bukhara School of Architecture of the 15th–17th Centuries: Features and dynamics of development. Samarkand, 2022.

Abdullaev, B. M. On the history of the ancient fortification of Fergana. IMKU, (35), 130–137. Tashkent, 2006.

Anarbaev, A. A. Akhsikent: The capital of ancient Fergana. Tafakkur Publishing House. Tashkent, 2013.

Isakov, A. I. Citadel of Ancient Penjikent. Donish Publishing House. Dushanbe, 1977.

Kostenko, L. Turkestan troops and the conditions of their everyday, marching, and combat life. Military Collection, (4). 1975.

Kuzmina, E. E., & Pevzner, S. B. Defensive structures of the Kay-Kobad Shah settlement. KSIIMK, (64), 77–84. Moscow, 1956.

Litvinsky, B. A., & Pyankov, I. V. Military affairs among the peoples of Central Asia in the 6th–4th centuries BC. VDI, (3), 1966, *36–53.*

Mankovskaya, L. Khiva: Album. Publishing House of Literature and Art. Tashkent, 1982.

Masson, M. E., & Pugachenkova, G. A. Shakhrisyabz under Timur and Ulugbek. Proceedings of SASU, New Series, 49, Humanitarian Science, Book 6, 17–99. Tashkent, 1953.

Masson, M. E. Architectural and planning appearance of Samarkand during Navoi's time: Brief historical and topographical sketch. *SAGU*, (LXXXXI), 57–84. Tashkent, 1956.

Miroshnichenko, Yu. G. Ancient city wall and its location in the modern topography of Tashkent. Architecture and Construction of Uzbekistan, (6), 1990, 25–28.

Negmatov, N. N., & Mamadzhanova, S. M. Bundzhikat: The medieval capital of Ustrushany. Urban Planning and Architecture: Middle Eastern Culture, 91–99. Tashkent, 1989.

Nilsen, V. A. At the origins of modern urban planning in Uzbekistan (XIX - Early XX centuries). Publishing House of Literature and Art Named After G. Gulyam. Tashkent, 1988.

Nurmukhamedova, Sh. Z. Patterns and stylistic features of the architecture of Uzbekistan in the ancient period. Fan va Tekhnologiya. Tashkent, 2018.

Nurmukhamedova, Sh. Z., & Dedekhanov, B. Architecture of ancient and early medieval Fergana. Yoshlar Matbuoti. Tashkent, 2023.

Pugachenkova, G. A. Miniatures 'Fatkh-name': Chronicles of the victories of Sheibani Khan from the collection of the Institute for the Study of Oriental Manuscripts of the Academy of Sciences of the UzSSR. Proceedings of the Central Asian State University, (11), Book 3, 121–137. Tashkent, 1950.

Pugachenkova, G. A. Oriental miniature as a source on the history of architecture of the 15th–16th centuries. In Architectural Heritage of Uzbekistan (pp. 111–161). Publishing House of the Academy of Sciences of the UzSSR. Tashkent, 1960.

Pugachenkova, G. A. About the armored weapons of the Parthian and Bactrian armies. VDI, (2), 1966, 27–43.

Pugachenkova, G. A. To the knowledge of ancient and early medieval architecture of northern Afghanistan. In Ancient Bactria: Materials of the Soviet-Afghan Expedition 1969–1973 (pp. 125–163). Moscow, 1976.

Semenov, G. L. Sogdian fortification of the V–VIII centuries. St. Petersburg, 1996.

Khozhaniyazov, G. Small Kyrkkyz-Kala: A settlement of early antique Khorezm. Archeology of the Near-Aral Sea Region, (IV), 1990, 82–91.

Chabrov, G. N. Russian architects of pre-revolutionary Turkestan (1865–1916). In Architectural Heritage of Uzbekistan (pp. 221–249). Publishing House of the Academy of Sciences of the UzSSR. Tashkent, 1960.

СОҲИБА СУЛАЙМАНОВА
Қарши давлат университети,
Карши, Ўзбекистон

ИЛК ЎРТА АСРЛАРДА СУҒД ВОҲАСИДА ИЖТИМОИЙ – ИҚТИСОДИЙ ҲАЁТ

Kalit so'zlar: shahar, rustoq, qishloq, manba, dehqonchilik, xunarmandchilik, savdo–sotiq, bozor.
Annotatsiya: Ushbu maqolada G'arbiy Turk hoqonligi tarkibidagi So'g'dning ijtimoiy-iqtisodiy hayoti yoritilgan. Ilk o'rta asrlarda So'g'd vohasi o'troq dehqonchilik turmush tarziga ega bo'lib, aholi savdogarlar, hunarmandlar, dehqonlar, harbiylar, diniy vakillardan iborat bo'lib, uning tarkibini poytaxt shahar, rustoq va qishloqlarda yashovchi aholi tashkil etardi. So'g'd iqtisodiy hayotida dehqonchilik, hunarmandchilik, chorvachilik va savdo-sotiq katta ahamiyatga ega bo'lib, shaharlardagi bozorlarning o'rni alohida nufuzga ega edi.

Keywords: city, rustak, village, source, agriculture, craft, trade, market.
Abstract: The article highlights the socio-economic life of Sogd within the Western Turkic Khaganate. In the early Middle Ages, the Sogdian valley was characterized by a sedentary agricultural lifestyle, and its population consisted of merchants, craftsmen, farmers, military personnel, and religious representatives. The population resided in the capital city, rustak, and villages. Agriculture, craftsmanship, animal husbandry, and trade played significant roles in Sogd's economic life, with markets in cities holding particular importance.

Ключевые слова: город, рустак, кишлак, источник, земледелие, ремесло, торговля, рынок.
Аннотация: В статье освещается социально-экономическая жизнь Согда в составе Западно-Тюркского каганата. В раннем Средневековье Согдийская долина характеризовалась оседлым земледельческим образом жизни, а её население состояло из торговцев, ремесленников, земледельцев, военных и религиозных представителей. Население проживало в столичном городе, рустаке и кишлаках. В экономической жизни Согда земледелие, ремесло, скотоводство и торговля играли важную роль, причём рынки в городах имели особое значение.

Кириш. Ғарбий Турк хоқонлиги даврида Сўғд воҳасининг ижтимоий-иқтисодий ҳаётида илк ўрта асрларга хос анъаналар устуворлик қилган бўлиб, бу ҳолат турли тиллардаги ёзма манба ва археологик материалларда ўз ифодасини топган. Қадимги даврларда, яъни милоддан олдинги сўнгги мингйиллик ва милодий биринчи мингйилликнинг ўрталаригача воҳада сиёсий жиҳатдан нисбатан марказлашганроқ тизим мавжуд бўлган бўлса(Зиё, 2001: 26–42; Бобоеров, 2012:15–16; Отахўжаев, 2010: 7–8), бу даврга келиб жамиятда йирик мулк эгаларининг ўз ҳудудида нисбатан мустақил сиёсат юритиши натижасида муайян бир шаҳар–пойтахт, бир қатор рустоқ (туман) ва қишлоқларни қамраб олувчи алоҳида-алоҳида сиёсий-маъмурий бирликлар вужудга келгани кўзга ташланади (Смирнова, 1970: 22–23; Отахўжаев, 2010: 64–65; Ғойибов, 2020: 27–30). Илк ўрта асрларга келиб воҳада ўнлаб майда ҳукмдорликларнинг ташкил топиши ҳам ана шу йирик ер эгаликларининг муайян бир ҳукмдорлик ёки ҳокимлик атрофида уюшиб, ҳамжиҳатликда сиёсий, ижтимоий ва иқтисодий соҳаларда устуворлик қилишлари натижасида эди. Бу ҳолат бир томондан ўрта асрларда Европада ҳукмронлик қилган тузум – феодализмга ўхшаб кетарди. Бу тузумда ҳар бир феодал ўзи мансуб бўлган жамиятда ҳукмрон табақа вакилига айланиб, мамлакат бошқарувида фаол иштирок этар ва давлат бошқарувчиси – ҳукмдор улар билан муайян даражада ҳисоблашган ҳолда ҳокимият юритар эди.

Асосий қисм. Илк ўрта асрлардан олдинги Сўғд жамиятига назар ташлайдиган бўлсак, қадимда нисбатан марказлашган шаклдаги воҳанинг шарқий ва марказий қисмларида Самарқанд, ғарбий қисмларида эса Бухоро воҳасидаги ҳукмдорликлардан бири, воҳанинг жанубий қисмларида эса Кеш ва Нахшаб ҳукмдорликлари нисбатан юқори мавқега эга ҳукмдорликлар – мулклорликлар эди (Адылов, 1998: 18; Сулейманов, 2000: 22). Илк ўрта асрларда эса Самарқанднинг яқин атрофида

Маймурғ-Панч, Кабудон, Иштихон, Кушония (Каттақўрғон) каби ҳар бир туман миқёсидаги майда ҳукмдорликларнинг ташкил топиши эса жамиятда бу даврга хос тузумнинг мавжудлиги билан характерланади. VIII асрнинг илк чорагига тегишли Муғ тоғи суғдий ҳужжатларидан маълум бўлишича, бу пайтда Суғд воҳасида ҳукмдор хонадонлар ва йирик мулк эгалари – ”z’t (азат) деб аталиб, луғавий жиҳатдан бу сўз “аслзода, ўз наслини билувчи”, “озод”, “машҳур” маъноларини билдирарди (Смирнова, 1970: 69). Улар жамият бошқаруви, ижтимоий-сиёсий ва диний-мафкуравий ишларда етакчилик қилиб, иқтисодий жиҳатдан бой-бадавлат, йирик ер ва мулк эгалари эдилар.

Хоқонлик давридаги Сўғднинг ижтимоий-иқтисодий ҳолатини тасаввур қилиш учун асосан сўғдий ҳужжатлар ва қисман хитой йилномалари ҳамда араб ва форс манбаларига мурожаат қилиш керак бўлади. Жумладан, хитой роҳиби Сюан Цзан (629–645) *“Суе (Суяб) шаҳридан Киешуанна (Кеш) ўлкасигача чўзилган минтақага Сули (Суғд) деб аталади. (Минтақа) аҳолиси ҳам шу номга эга; ёзуви ва тили ҳам шу ном билан юритилади”* деб ёзиб, муаллимлар бу ёзувни авлоддан-авлодга ўргатиб келишлари ва бу анъана узлуксиз давом этаётганига урғу беради. Роҳибнинг эслатишича, маҳаллий аҳоли пахта ва жун матодан кийим кийишлари билан бирга теридан қилинган кийим-кечаклар ҳам учраб, либослар анча тор бўлиб, илдам ҳаракат қилишга қулай эди (Ekrem, 2003: 113–114). Ушбу маълумотдан Сўғд аҳолиси иқтисодий ҳаётида пахта етиштириш муҳим ўрин тутиши баробарида жунли матолар ва чармдан кийим тайёрлаш ҳам кенг ёйилгани аён бўлади.

Сўғд воҳасининг асосий қисми суғорма деҳқончиликдан иборат бўлиши билан бирга воҳанинг муайян бир қисми тоғ, тоғолди ва даштликлардан иборатлиги бу ерда чорвачиликнинг ҳам кенг ёйилишига шароит яратар эди. Суғд аҳолиснинг роҳиб диққатини тортган яна бир хусусияти шуки, аҳоли орасида тор ва ихчам кийим кийиш одати кенг тарқалиб, шу тариқа одамлар чаққон ҳаракат қилишни назарда тутардилар. Албатта, бу аҳолининг турмуш тарзи ва хўжалик типи билан боғлиқ эди. Шу билан бирга, Сюан Цзан сўғдлик аҳолининг характерига баҳо бераркан, одамлар жисмоний томондан бақувват, жуссадор эканига эътибор қаратиб, уларнинг ҳулқ-атворида ўзига хослик, эҳтиёткорлик ва ҳамма нарсадан ўз манфаатини устун қўйиш, фойдага интилиш каби хусусиятлар устуворлик қилишини айтиб ўтади. Унинг урғу бериб ёзишича, ҳар нарсадан фойда топишга интилиш шу даражага етганки, ҳатто ота ва ўғли орасида бу масалада тортишувлар бўлиб туради. Мол-мулки кўп одамлар жамиятда қадрланса-да, бой инсонларнинг маиший ҳаётида бошқаларникидан фарқлилик кўзга ташланмаслигига эътибор қаратган Сюан Цзан, аҳолининг бой қатлами ҳам жамиятнинг бошқа вакиллари сингари оддий таомларни тановвул қилишлари ва кийим-кечаклари оҳори кетган, эскирган аҳволда эканини таъкидаб ўтади. *“Аҳолининг ярми деҳҳончилик билан шуғулланади, ярми эса (тижорат орқасидан) фойда кўриш учун елиб-югуради”* (Ekrem, 2003: 113–114) деб ёзган роҳиб, Самарқанд ҳукмдорлигини таърифлар экан *“Кўп сонли аҳолига эга. Турли ўлкалардаги қийматли буюмлар бу ўлкада йиғилади. Тупроғи ниҳоятда унумдор ва турли-туман маҳсулотлар етиштирилади. Зич дарахтлар, ям-яшил яйловлар, гул ва меваларга бой бир мамлакат. Зотдор отлари кўп. Ҳунармандчилиги бошқа ўлкаларникидан устун. Иқлими илиқ ва хушҳаво. Халқининг ҳулқ-атвори қаттиқ. Бу ўлка бутун Ху (ўтроқлар, асосан, суғдий) ҳукмдорликларининг маркази бўлиб, узоқ ва яқиндаги ўлкаларда яшовчи халқлар уларнинг яшаш тарзи ва феъл-атворидан намуна оладилар”* деб таъкидлайди (Ekrem, 2003: 126–127).

Ушбу маълумотлардан кўринадики, Самарқанд Сўғд воҳасининг сиёсий маркази бўлиши билан бирга ижтимоий ва иқтисодий-маданий жиҳатдан ҳам нафақат ушбу воҳа, балки бу ерга узоқ-яқиндан қўшни ўлкалар ҳаётида ҳам катта таъсирга эга бўлган. Шунингдек, роҳиб самарқандликлар иқтисодида ўтроқ турмуш тарзи ва хўжалик ҳаёти устувор деб таъкидлаб ўтиши баробарида зотдор отлар етиштириш йўлга қўйилганини тилга олади. Бу эса Самарқанд иқтисодий ҳаётида деҳқончилик билан бирга чорвачилик ҳам муҳим ўрин тутганидан дарак беради. Роҳиб қайдлари орасида *“Турли ўлкалардаги қийматли буюмлар бу ўлкада йиғилади... Ҳунармандчилиги бошқа ўлкаларникидан устун ... бутун Ху ҳукмдорликларининг*

маркази бўлиб, узоқ ва яқиндаги ўлкаларда яшовчи халқлар уларнинг яшаш тарзи ва феъл-атворидан намуна оладилар" тарзидаги маълумотлар учраши эса Самарқанд ўша даврда тижорат маркази бўлгани, атроф ўлкаларнинг қимматбаҳо моллари бу ерда йиғилганини кўрсатади. Роҳиб эсдаликларида бундай маълумотнинг ўрин олиши бежиз бўлмаган. Бу ерда "турли ўлкаларнинг қимматбаҳо буюмлари" деб эслатилар экан Самарқанднинг ўша даврларда ҳам нафақат қўшни ўлкалардан, балки Эрон, Ҳиндистон, Бадахшон ва ҳоказо ўлкаларнинг ўз даврида машҳур маҳаллий маҳсулотлари: гилам, қимматбаҳо минераллар (лаъл, ёқут, маржон, марварид ва б) кўзда тутилган кўринади.

Сўғд воҳасидаги бошқа ҳукмдорликларга тўхталган Сюан Цзан улардаги ижтимоий-иқтисодий ҳаётга самарқандчалик тўхталмасдан, қисқача маълумот бергани, иқлими, жамият ҳаёти ва урф-одатлари масаласида кўпинча Самарқандникига ўхшашлигини айтиб ўтгани диққатни тортади. Масалан, Кабудон тўғрисида ёзар экан "Тупроғининг унумдорлиги ва урф-одатлари Самарқанд мамлакати билан бир хил" деса, Маймурғ, Кушония ва Кеш борасида тўхталар экан худди шундай таъриф бергани кўзга ташланади (Ekrem, 2003: 130–131,136). Бундан кўринадики, Самарқанд ҳукмдорлиги Сўғд воҳасининг ҳам сиёсий, ҳам ижтимоий-иқтисодий ҳаётида катта ўрин эгаллаган.

Ушбу маълумотлар Сюан Цзан айнан 630-йиллар атрофида Суғд воҳасидан ўтган паллаларда Самарқанднинг мавқеи қай даражада бўлгани тўғрисидан аниқ-тиниқ маълумотлар бериб турибди. Самарқанднинг бу мавқега эришишида ёки устунлик даражасини сақлаб қолиши негизида ушбу ҳукмдорлик бошқарувчиларининг хоқонлик билан яқин алоқада бўлишлари омили ҳам ётганлиги аниқ. Юқорида айрим ўринларда келтириб ўтилганидек, "Тан-шу" йилномасида 590620-йилларда Самарқандни бошқарган 2 нафар маҳаллий ҳукмдорнинг Ғарбий турк хоқонларига куёв бўлиб, "туркларга бўйсунгани" ва атрофдаги қолган ҳукмдорликлар устидан устунликка эга бўлгани алоҳида таъкидланиши (Бичурин, 1950: 311; Chavannes, 2007:185, 305) ҳам бу фикрни тасдиқлайди.

Сўғдликлар жамиятида юқори табақа вакилларига мансуб "чокар"лар гуруҳи алоҳида ўрин тутган. Бутун Ху (ўтроқ халқлар, асосан, суғдийлар) ўлкалари орасида Самарқанд марказий мавқеда эканига урғу берган хитойлик роҳиб, унинг ҳарбий кучи, айниқса, мудофааси юқори даражада эканига эътибор қаратиб, бу ерда "чекие" (чокар) деб аталадиган махсус ҳарбий гуруҳи борлигини ёзади (Ekrem, 2003: 127–128): *"(Самарқанд) ҳукмдори бепарво ва жасур характерга эга, қўшни мамлакатлар доимо унинг буйруқларига итоат қилишади. Қўшини ва отлари ниҳоятда қувватли бўлиб, "че-кие" (чокар) деб аталувчи аскарлардан ташкил топган. Чокар гуруҳининг аскарларининг характери жасур ва довюракдир, ўлимдан қўрқишмайди, жангда бирорта душман уларга қарши тура олмайди".* Чокарлар ҳукмдорни қўриқловчи, умуман олганда, мамлакат хавфсизлигини таъминловчи махсус ҳарбий бўлинма (гвардия) бўлиб, улар воҳанинг бой-бадавлат хонадонларидан танлаб олинган ёш ўсмирлардан ташкил этилган эди (Beckwith, 1984: 29–45).

Улар асосан отлиқ қўшин сифатида қимматбаҳо қурол-яроғлар билан таъминланиб, мудофаа ва жанглар ташкил этилишида катта рол ўйнар, хизмати эвазига жамиятда юксак қадрланар эди. Агар хоқонлик даврида Амударё – Сирдарё оралиғидаги кўплаб воҳа ҳукмдорликлари сингари Суғддаги катта-кичик ҳукмдорликларда ҳам қўшин асосан бир неча минг аксардан иборатлиги (Бичурин, 1950: 274–276), улар орасида фақат Самарқанд нисбатан кўп сонли (эҳтимол, ўн минг атрофида) қўшинга эга бўлгани эътиборга олинса чокарлар гуруҳи минтақа ҳаётида қанчалик муҳим ўрин тутганини тасаввур қилиш қийин бўлмайди. Бу каби вассал ҳукмдорликлардан фарқли ўлароқ хоқонлик қўшинидаги аскарларнинг сони 100 минг ёки ундан ҳам кўп бўлиши ўша давр жамият ҳаётидаги шарт-шароитлар билан боғлиқ бўлиб, муайян бир йирик салтанат бўлган Ғарбий Турк хоқонлиги жамиятида кўчманчи чорвадор ҳаёт устуворлик қиларди (Бичурин, 1950: 283). Яъни аҳлисининг катта қисми деҳқон ва ҳунарманд бўлган ўтроқ воҳа ҳукмдорликларидан фарқли ҳолда хоқонликнинг марказий ҳудудларидаги аҳолининг деярли барча эркаклари ҳарбий ҳисобланарди. Суғд жамиятида эса

фақат аҳолининг кичик бир қисми ҳарбийлик билан шуғулланиб, чокарлар гуруҳи ташкил этилиши ҳам жамият характери билан боғлиқ эди. Табарийнинг "Тарих ар-русул ва-л-мулук" асарида Самарқанд ҳукмдори Ғурак (738) араблар билан учрашганда, ўзини хоқоннинг қулларидан ва чокар (хос аскар)ларидан бири сифатида билиши таъкидлаши (История ат-Табари, 1987: 225) ҳам буни тасдиқлаб турибди.

Хоқонликнинг ижтимоий-иқтисодий ҳаётида Сўғд ва сўғдийларнинг ўрни катта бўлгани ўз даври ёзма манбаларидан маълум бўлганидек, бир қатор тадқиқотчиларнинг изланишларида ҳам бу масалага эътибор қаратилган. Франциялик сўғдшунос ва тарихчи олим Э. де ла Вессиер томонидан амалга оширилаётган тадқиқотларда ҳам хоқонлик тарихининг бир қатор мавҳум жиҳатларини ёритишга ҳаракат қилгани диққатни жалб қилади. Тадқиқотчи сўғдий ҳужжатларда ҳоқонликка алоқадор маълумотлар, юнон (Византия) манбаларида келтирилган турк ҳукмдорларининг шахсияти, суғдий савдогарларнинг хоқонликдаги фаолияти каби масалаларга эътибор қаратган (Grenet, 2002:155–196.). Бу давр Суғд тарихини ёритувчи манбалардан бир қисми юнон (Византия) ва арман манбалари бўлиб, улардаги маълумотлардан суғдийлар жамиятида ўтроқ деҳқончилик ва халқаро тижорат катта рол ўйнагани пайқалади. Ушбу маълумотлар византиялик элчиларнинг хоқонликнинг бошқарув маркази – Еттисувга келиб, турклар ва суғдийлар ҳаёти билан танишиб, улар тўғрисида византияликларга сўзлаб берган элчилар берган маълумотларни ўз ичига олади. Жумладан, юнон манбаларида хоқонлик томонидан 560 йилларда Сосонийлар Эронига юборилган элчиларга суғдий савдогар Маниах бошчилик қилгани, 570йилларда эса ҳарбий иттифоқ тузиш мақсадида хоқонлик томонидан Византияга жўнатилган элчиларга ҳам айнан унинг бошчилик қилиши борасида маълумотлар учрайди (Taşağıl, 2001:187).

Демак, ўша даврда кўплаб давлатлар учун муҳим даромад манбаи бўлган ипак савдоси ҳам Суғд, ҳам Турк хоқонлиги иқтисодий ҳаётида ҳам етакчи ўрин тутган. Айниқса, бу ҳоқонликнинг ташкил топиши илк йилларидаёқ, шунингдек, ўз ҳудудини қўшни мамлакатларни босиб олиш ҳисобига кенгайтира бошлаган дастлабки пайтлардаёқ ипак савдосига аҳамият қаратиб, Сосонийлар Эрони ва Византияга ипак сотиш мақсадида суғдий ва туркий тужжорларни юборганидан намоён бўлади (Пигулевская, 1951: 203–204, Kafesoğlu, 1988: 95, Мокрынин, 1985: 175-176). Аслида бирор элчилик ҳайъати сифатида юборилган ушбу хоқонлик вакилларининг доимо ёнида ипак олиб юриши ва ташриф буюрган ушбу мамлакатлар ҳукмдорларига сотиб олишни таклиф қилишларининг ўзиёқ хоқонлик ташқи савдосида ипак маҳсулотларининг юқори мавқега эга бўлганини кўрсатиб турибди. Шу билан бир қаторда бу ерда суғдий савдогарларнинг фақатгина савдо-сотиқ ишлари билан шуғулланиб қолмасдан, балки дипломатик алоқаларда ҳам воситачилик ролини бажаргани кўзга ташланади.

Сўғд жамияти, айниқса, ушбу жамиятнинг фаол тоифаси бўлган суғдий савдогарлар нафақат ўз даври ёзма ёдгорликларида, балки археологик материалларда ҳам ўз аксини топган. Улардан бири деворий расмлар бўлиб, Афросиёб, Панжикент сарой деворий суратлари қаторига Шимолий Хитойдан топилган ва тадқиқотчилар томонидан Анцзя, Михо ёдгорликлари деб юритилаётган бир неча қабр бўртма тасвирларини киритиш мумкин. Ушбу бўртма тасвирларда ҳам қадимги турк ва суғдий давлатчилик анъаналарига хос сюжетлар ўрин олган (Juliano, 2006: 303, 305). Жумладан, чодирда ўтирган ҳолда суғдий савдогарларни қабул қилаётган амалдор (ҳоқон?), ов қилаётган турк суворийлари, зиёфатда биргаликда ўтирган суғдий ва туркий амалдорлар тасвирланган бўлиб, улар асосида ҳоқонликнинг бошқарув анъаналари, маиший ҳаёт ҳақида реал тасаввурлар ҳосил қилиш мумкин.

Сўғд воҳасининг ижтимоий-иқтисодий ҳаётини ўрганишда юқорида айтиб ўтилганидек, Муғ тоғи сўғдий ҳужжатларининг ўрни бошқача. Чунки айнан Сўғд жамияти вакиллари томонидан бевосита ёзилиб, Панч саройи архивида сақланган ушбу ҳужжатлар асосида мамлакат аҳолисининг ижтимоий таркиби, маиший турмуш тарзи ва кундалик ҳаёти борасида тўғридан-тўғри тасаввурларга эга бўлиш мумкин. Ҳужжатлардан маълум бўлишича, ҳукмдор – "Сўғд подшоси" жамиятнинг энг олий вакили, *фармондор* – ҳукуматдаги юқори

мартабали амалдор сифатида ҳукмдорнинг хўжалик ишларида ёрдамчиси, *ахурпат* – "отхона бошлиғи", *авазипат* – "суғориш ишлари бошлиғи", *дапирпат* – "бош котиб, девонхона бошлиғи", *гупат* – "молия нозири", *божиром* – "божхона бошлиғи", *пардезпан* – "сарой боғлари нозири", *арспан* – "қишлоқ ишлари нозири", *катиябшауз* – "қишлоқ оқсоқоли", *муғпат* – "диний ишлар нозири", *вагнпат* – "ибодатхона нозири" ва ҳоказо каби турли лавозим эгалари Сўғд жамиятининг етакчи кучлари ҳисобланган (Согдийские, 1962: 71–72, 78–83, 162, 171, 176–182, 208; Исҳоқов, 1992: 15–32, 54; Ғойибов, 2020: 60–61). Бундан ташқари, Сўғд воҳасининг ижтимоий-иқтисодий ҳаётида хоқонлик томонидан тайинланган *элтабар, тудун, тархон* каби амалдорларнинг ҳам ўзига хос ўрни бўлган. Муғ ҳужжатларида Панч хазинасидан *"қимматбаҳо май берилиши керак бўлган Элтабар"* тўғрисида бир неча бор эслатиб ўтилади (Исҳоқов, Бобоёров, Кубатин, 2014: 89, 99). "Элтабар" унвонли амалдорлар хоқонлик марказий бошқарувида хоқон оиласидан кейинги мавқеда турувчи амалдорларга қўлланилиб, Тун ябғу-хоқон (619–630) бошқаруви даврида барча вассал бошқарувчиларга ушбу унвон тақдим қилиниб, маҳаллий ҳукмдорларни назоратда тутиш ва солиқ йиғимини ташкил қилиш учун "тудун" (ноиб)лар юборилгани маълум. Орадан қарийб 100 йил ўтганда ҳам Суғд бошқарувида "элтабар" унвонли амалдорларнинг учраши жойларда хоқонлик бошқарувининг анча вақтгача ўз ўрнини сақлаб қолганидан дарак беради.

Хоқонлик бошқарувида "элтабар" ва "тудун" (босқоқ / шихна) унвонли амалдорлардан қуйи турувчи "тархон"ларнинг Суғд ва унга қўшни ҳудудлар бошқарувида қатнашганликлари ҳам диққатга сазовордир. Хоқонликнинг марказий бошқарувида кўпроқ сиёсий ва маъмурий ишлардан ташқари ҳарбий ва дипломатик ишларда масъул бўлган ушбу унвон эгалари Панч бошқарувида ҳам ўз ўрнига эга бўлгани Муғ ҳужжатларида акс этган. Сўғд бошқарувидаги тархон унвони эса Панч билан алоқадор равишда, Самарқанд билан эса эҳтимолий бир тарзда учрайди. Суғдий ҳужжатларнинг бири А-13 да Панч амалдорларидан бирининг унвони сифатида *trx'n* (тархон) унвони қайд этилиб, ҳужжатнинг бошланмасида *"Панжикент солиқ йиғувчиси ва халқидан Тархонга"* жумлалари ўрин олиши ва унда кўприк ва йиллик божи борасида сўз бориши тархонлик лавозимининг Суғд жамияти юқори мансабдорлари учун қўлланилгани ва унинг зиммасига иқтисодий масалалар билан боғлиқ вазифалар ҳам юклатиланидан дарак беради (Бичурин, 1950: 325–326; Исҳоқов, 1992: 27–28; Исҳоқов, Бобоёров, Кубатин, 2014: 99–100). Л. Н. Гумилевга кўра, Фирдавсийнинг «Шоҳнома» асарида Бижан тархон шаклида учрайдиган шахс Суғддаги туркий ҳукмдорлардан бири бўлган (Гумилев, 1967: 240). Юнон тарихчиси Менандр (VI аср) Истами хоқоннинг Византияга юборган элчилардан бирининг исми Тағма Тархон (эҳтимол, Маниахнинг ўғли) эканлигини ёзади. *У тархон* унвонли Суғд амалдорларидан бири бўлгани эҳтимоли мавжуд.

Шу билан бирга, Муғ ҳужжатларидан бирида "кул-эркин", "инанчу" каби хоқонликка хос унвонлар учраб, ҳужжат мазмунидан улар хоқонликнинг бу ердаги тушумларни тафтиш қилиш учун юборилган махсус вакиллар бўлгани англашилади (Исҳоқов, Бобоёров, Кубатин, 2014:92). Жумладан, Б-18 рақамли ҳужжатда хазинадан дон-дун ва қалқон олиш билан боғлиқ вазифа тўғрисидан сўз борар экан, Панч фармондори Ўт (ёки Ават) томонидан бунга масъул қилинган Кул-эркин тўғрисидан маълумот учрайди (Babayarov, 2011). Хоқонликнинг марказий бошқарувида *бег* «бек, амалдорлар» ҳамда қанот бошқарувларида жой олувчи *кул-чўр "бош чўр", кул-эркин "бош эркин"* унвонлари бўлиб, ушбу унвон эгалари саройда юқори мавқега эга эдилар (Donuk, 1988: 2–60). Шунингдек, Ғарбий Турк хоқонлигининг бошқарув тизимига хос ўнлик тизимда иккала иттифоқчи қанот – Дулу ва Нушиби деб аталувчи қанотлар таркибидаги 10 нафар уруғнинг бошқарувчилари орасида "кулэркин" унвонли бошқарувчилар бор эди(Бичурин, 1950: 289).

Хулоса. Ғарбий Турк хоқонлиги даврида Сўғд воҳасидаги ижтимоий-иқтисодий ҳаёт билан қисқача танишиб чиқиш натижасида қуйидагича тўхтамларга келиш мумкин:

– ўзининг географик жойлашуви ва иқлим шароити туфайли Сўғд хоқонлик учун муҳим аҳамиятга эга ҳудуд эди. Шу боис, хоқонлик бу

ернинг бошқарув ишларига алоҳида эътибор қаратиб, воҳани қўлга киритган илк йиллардаёқ маҳаллий ҳукмдорлар билан яқин муносабатларни йўлга қўяди. Бу масалада айниқса Самарқанд ҳукмдорлиги алоҳида ўрин эгаллаб, хоқонлар бу ернинг бошқарувчилари орқали бутун Сўғд устидан ўз назоратини ўрнатишга ҳаракат қилади;

– қадимдан ўтроқ деҳқончилик турмуш тарзига эга Сўғд жамияти асосан юқори тоифа вакиллари, ҳарбийлар, савдогарлар, ҳунармандлар, деҳқонлар, диний вакиллардан иборат бўлиб, унинг таркибини пойтахт шаҳар, рустоқ ва қишлоқларда яшовчи аҳоли ташкил этарди;

– Сўғд иқтисодиётида Самарқанднинг ўрни бўлакча бўлиб, бу шаҳар нафақат бутун воҳа аҳолиси учун, балки минтақадаги кўплаб ҳукмдорликларнинг ижтимоий-иқтисодий ҳаётида ўз таъсир доирасига эга эди. Самарқанддаги бозорларга атроф ўлкаларнинг қимматбаҳо буюмлар сотиш мақсадида олиб келиниши билан бирга ушбу шаҳар аҳолисига хос анъаналар, урф-одатлар, маданий ҳаёт билан боғлиқ анъаналар атроф ўлкаларга ўз таъсирини ўтказар эди.

ФОЙДАЛАНГАН АДАБИЁТЛАР:

Адылов Ш. Т. Административно-территориальные устройства Западного Согда в раннем средневековье // ОНУ. 1998. № 6. С. 18.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. Том I. С. 283.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. Том II. С. 274–276.

Бобоеров Г. Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тузуми. Тарих фанлари док. дисс. автореферати. Тошкент, 2012. Б. 15–16.

Ғойибов Б. Сўғд тарихидан лавҳалар. Самарқанд, 2020. Б. 60–61.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М: Наука, 1967. С. 240.

Зиё А. Ўзбек давлатчилиги тарихи (Энг қадимги даврдан Россия босқинига қадар). Тошкент: Шарқ, 2001. Б. 26-42.

История ат-Табари. Избранные отрывки (Перевод с арабского В. И. Беляева. Дополнения к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова). Ташкент., 1987. С. 225.

Исҳоқов М. Унутилган подшоликдан хатлар. Тошкент, 1992. Б. 27–28.

Исҳоқов М., Бобоёров Ғ., Кубатин А. Сўғд тилидаги манбалар / Ўзбекистон тарихи. Хрестоматия, 2/1. Т.: Фан, 2014. Б. 92.

Мокрынин В. П. К вопросу о тюрко-согдийской интеграции в VI–VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе: Илим,1985. С. 175–176.

Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. Тошкент, ART-FLEX, 2010. Б. 7-8.

Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию (Из истории торговли Византия с Востоком в IV-VI вв.). Москва-Ленинград, 1951. С. 203–204.

Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 69.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. С. 71–72, 78–83, 162, 171, 176–182, 208.

Сулейманов Р. Древний Нахшаб. Т.: Фан, 2000. С. 22.

Babayarov G. Two additional Turkic titles in Sogdian documents of Mugh Mountain // http: //www. groups. yahoo.com/group/Sogdian-L (October 2011).

Beckwith C. I. Aspects of the Early History of the Central Asian Guard corpus of Islam // AEMAe. Wiesbaden, 1984. T. IV. P. 29–45.

Chavannes E. Çin yıllıklarına göre Batı Türkleri. Çeviri M. Koç. İstanbul: Selenge, 2007. S. 185, 305.

Donuk A. Eski Türk devletlerinde idari-askeri unvan ve terimler. İstanbul, 1988. S. 2–60.

Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara, 2003. S. 113–114

Gömeç S. Kök Türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar // Türk kültürü. Ankara, 2000. № 443. S. 129–142.

Grenet F., de la Vaissiere E. The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology, 8. Kamakura 2002. P. 155–196.

Haussig H. W. İpek Yolu ve Orta Asya Kültür Tarihi. Çev. M. Kayayerli. İstanbul, 2001. S. 187.

Juliano L. A. Chinese Pictoral Space at the Cultural Crossroads // Ērān und Unērān. Studies Presented to B. I. Maršak on the Occasion of His 70th Birthday. Venezia, 2006. P. 303, 305.

Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. İstanbul, 1988. S. 95.

Taşağıl A. Gök-Türkler. Ankara, 1995. S. 64.

DILRABO TOSHEVA
Harvard University, Boston, USA / Uzbekistan

SYNCRETIC ARCHITECTURAL FORMS AND RELIGIOUS ICONOGRAPHY IN EARLY MEDIEVAL CENTRAL ASIAN SACRED SPACES: A STUDY OF THE KHUTTALON VOTIVE

Keywords: Khuttalon votive, Samanid mausoleum, syncretic architecture, Central Asia, Zoroastrianism, Buddhism, Silk Road, cultural interaction.
Abstract: This study explores the Khuttalon votive (Khatlon, Tajikistan), a unique architectural artifact from pre-Islamic Central Asia. The votive exemplifies a unique fusion of Zoroastrian, Buddhist, and local architectural motifs, reflecting cultural interactions along the Silk Road. Comparisons with the Samanid mausoleum in Bukhara (10th century) reveal a complex interplay of artistic and religious influences on the formation of regional Islamic architecture that extend beyond traditional Persian and Sogdian categorizations, suggesting a broader regional syncretism.

Kalit so'zlar: Xuttalon nazri, Somoniylar maqbarasi, sinkretik memorchilik, Markaziy Osiyo, Zardushtiylik, Buddizm, Ipak yo'li, madaniy o'zaro ta'sir.
Annotatsiya: Ushbu tadqiqot Islomdan oldingi Markaziy Osiyodan kelib chiqqan noyob arxitektura yodgorligi Xuttalon nazrini (Xatlon, Tojikiston) o'rganadi. Zardushtiylik va Buddizm mahalliy memoriy naqshlarning noyob uyg'unligini ko'rsatib, Ipak yo'lidagi o'zaro madaniy aloqalarni aks ettiradi. Buxorodagi Somoniylar maqbarasi (X asr) bilan taqqoslash orqali mintaqaviy Islom arxitekturasi shakllanishida badiiy va diniy ta'sirlarning o'zaro murakkab bog'liqligi ko'rsatilgan. Ushbu ta'sirlar an'anaviy fors va su'g'diy tasniflardan tashqariga chiqib, kengroq mintaqaviy sinkretizmni ko'rsatadi.

Ключевые слова: Хутталонский вотив, мавзолей Саманидов, синкретическая архитектура, Центральная Азия, зороастризм, буддизм, Шёлковый путь, культурное взаимодействие.
Аннотация: В данном исследовании изучается Хутталонский вотив (Хатлон, Таджикистан) – редкий архитектурный артефакт доисламской Центральной Азии. Вотив демонстрирует уникальное сочетание зороастрийских, буддийских и местных архитектурных мотивов, отражая культурное взаимодействие на Шёлковом пути. Сравнение с мавзолеем Саманидов в Бухаре (X век) показывает сложное переплетение художественных и религиозных влияний в формировании региональной исламской архитектуры, выходящее за рамки традиционных персидских и согдийских категорий, предполагая более широкий региональный синкретизм.

Introduction. The ideological underpinnings of twentieth-century scholarship, particularly within the Soviet Union, posited Sogdiana as the cradle of the region's urban and architectural evolution. This in turn, forced scholars to look for the precedents of early Islamic architecture within Sogdiana. A case to this point, the Samanid mausoleum (Fig. 1) and the prototype theories proposed for this building illustrates best how architectural historians had to manipulate data to fit the grand narrative of the history of the Soviet people. A generation of scholars, mostly from the 1950s, argued that the tomb has origins in the pre-Islamic local building traditions of Sogdian people, partly in a response to the Western narratives that casted the region as a northeastern extension of the Iranian Empire influenced from its imperial artistic tradition (Tosheva, forthcoming). Scholars such as Galina Pugachenkova, Lazar Rempel, Sergei Khmelnitskii were involved in finding material evidence that shows the Sogdian roots of the mausoleum; they used archaeological data such as Sogdian ossuaries, naus (a structure to house ossuaries), Penzhikent wall paintings, engraved painting of the building in Anikovskaia dish to show how the medieval tomb in Bukhara is a testament to local Sogdian masters' creativity and loyalty to local architectural practices. This Soviet-Marxist emphasis on the local masters was a significant shift away from the Western narratives that focused mostly on the role of

Fig. 1. The Samanid mausoleum. Bukhara, Uzbekistan. Dated to early tenth century

dynastic and elite patronage, imperial influences in architectural studies, yet it has its flows.

Recent archaeological endeavors across Central Asia have substantially refined our understanding of the area's past urban and architectural traditions. Investigations into the urbanism of pre-Islamic southwestern Central Asia, with a focus on Sogdiana, challenge the conventional depiction of iconic cities as densely populated trade hubs within extensively cultivated oasis environments. For instance, Fiona Kidd and Soren Stark's (2019) research underscores the absence of genuine urban centers in Bukharan Sogdiana until the 4th or 5th century CE. This proposed date challenges the foundation of cities such as Bukhara or Samarkand some 2500 year ago. Further, contemporary studies examining the history of water management in the vicinity of Samarkand critique the prevailing narrative of a monolithic, agrarian state overseeing a «hydraulic» society (pp.163–184). These studies suggest that settlement locations were chosen for their proximity to natural waterways, and that the irrigation infrastructure was developed and maintained by local communities under the leadership of a nomadic elite, rather than by a centralized, sedentary government (Kidd &Stark, 2019). Recent research into urbanization in the Čhu Valley (Kyrgyzstan) offers a nuanced view of the so-called 'Sogdian colonization' of the area, a theory proposed by V.V. Bartol'd and A.N. Bernštam. The work by Valery Kolchenko and Philipp Rott (2019) argues that cultural developments in the Chu/Jettisu region were far more complex than the mere settlement of Sogdian people, indicating a multifaceted process of cultural interaction and integration, and suggesting later urbanization of Chu Valley than hitherto believed (pp. 365–386). In light of these new studies, the new evidence from Tajikistan National Museum, Khuttalon votive can shed light to the architectural history of the region, and expands the geography of artistic influences that goes beyond Sogdiana.

Khuttalon votive: the most enduring legacy of domes-on-squares. Khuttalon votive was not found in the territory of historical Sogdiana. Yet it would be the same type of artifact Soviet scholars hoped to find, if not in historical Sogdiana, then at least within the boundaries of Soviet Central Asia[1]. Despite the 'local development' narrative was politicized in the USSR and in many other European and Asian countries, we cannot dismiss the importance of local practices in our attempt to decolonize the field. Hence, this study begins with the examination of this important local Central Asian, but not necessarily Sogdian artifact. The artefact, stored in the National Museum of Tajikistan, drew my attention during my visit in 2019 (Figure 2). It is titled a *'chartaq* model' and dated third-fourth centuries CE (Iakubov, 2010: 3–11). A small description notes the name of Zoli Zar, which indicates the name of locality where the artifact was unearthed. I am naming this artefact the 'Khuttalon votive', because Zoli Zar village is in Khatlon province of modern-day Tajikistan, identifiable as Khuttalon in late antique and medieval sources. The cultural context of the discovery remains open to the debate: the votive could equally signify Buddhist cultural influences, both in form and concept[2]. Future research is poised to clarify its

[1] For example, Pugachenkova was keen to find the traces of local development in the case of Bactria (Afghanistan) as well. She contended – now superseded and proven false- that Ai Khanum funerary structures in this area were not invented by the alien Greeks but were 'a local development of yet undiscovered funerary architecture'.

[2] Buddhist stupas served as the physical hubs of Buddhist communities, encircled by smaller votive stupas offered by devotees in reverence, (Ball, 2008, p. 107). The Khatlon province, the discovery site of the Zoli Zar votive, historically functioned as a Buddhist cultic center. Here, the Turkic elite undertook the restoration of numerous Buddhist temples dating back to the Kushan era and erected new ones during the

exact chronological and cultural origins. For the moment, I categorize it as a syncretic fire temple monument.

The cultural significance of this artifact increases if we can appreciate its apparent synthesis of architectural motifs that traverse geographic and temporal boundaries, reflecting the exchange of artistic and religious ideas along ancient trade routes like the Silk Road. Its style provides valuable insight into the syncretic visual culture of the region where such artifacts were produced and revered. Made of stone, the relic is notable for its sculptural representation of a religious architectural form, perhaps Zoroastrian fire-temple[3]. In its form, it is a square topped with a massive dome, elevated on a stone platform. The top of the artifact is crowned with an elongated dome, suggesting the influence of or similarity to Buddhist stupa architecture, which often symbolizes the enlightened mind of the Buddha (Snodgrass, 1985). The dome is supported by what appears to be a two-tiered base with niched squinch on each side, reminiscent of the 'domes-on-squares' style prevalent in both Buddhist, Zoroastrian fire-temple and later Islamic architectures. The square base has an opening carved on each of the four sides. The arcaded gallery of the votive is topped with a rectangular frame before it blends into a dome. The craftsmanship of the artifact is robust, and the architectural representation is proportionate, with attention to main architectural elements such as dome, cornice-like structures that separate the square base and the dome, and arcaded gallery.

In Iran, fire temples were one of the major types of monumental architecture. They were individual, but in many cases, Dietrikh Huff (1975) argued that they are the sole surviving structure of bigger complexes (p. 245). The vast majority of extant fire temples take the form of the *chartaq*, a domed building, where the dome rests on four corner piers, and has an opening on all four sides (Fig. 3). Most of the extant fire temples of Iran resemble a canopy structure with large openings, and others have a taller cubical

Fig. 2. Khuttalon votive: Model of a chartaq building Zoli Zar, Khatlon, Tajikistan, 3rd-4th centuries CE. (courtesy of National Museum of Tajikistan)

base, disproportionate to the small dome on top, and are stone and mortar structures (Fig. 4). The majority of such chartaqs are found in Fars, with nineteen recorded examples. Fars was the stronghold of Sassanian power and their imperial Zoroastrianism, but Khurasan and Siistan experienced enormous amount of destruction due to the Mongol invasion. There are ten more in the western Iranian provinces bordering Iraq, six in Kerman and six more elsewhere in the rest of modern Iran (Michailidis, 2007: 147).

The Xiuding Monastery pagoda in Anayang county, Henan, demonstrates that the chartaq or dome-on-square architectural form was not unique to Zoroastrian fire temples, but

Fig. 3. Neyasar chartaq, Kashan, Iran. Early Sassanian era.

sixth and seventh centuries.

[3] Given its architectural form, it could also represent a microcosm of the universe or a spiritual journey, common themes in many religious traditions of Central and South Asia.

Fig. 4. Iranian chartaqs (after Shahin Mahyar, et.al., "Case study of Chartaqs," 136)

also appeared in the seventh-century China, reflecting a broader cultural exchange across Asia. The pagoda had glazed exterior that covered the whole body of the building, and it had *domed roofing* until the 1930. The exterior decoration is the most intriguing feature of the Xiudingsi pagoda, but it may not offer an accurate date of the monument, as in the twentieth century, they have been pillaged and then restored (Fig. 5). The relief sculpture, both on-site and in museums, includes figures and creatures that suggest comparison with sixth- and seventh-century imagery from Sogdiana and other regions of western Asia (Steinhardt, 2014: 211).

The bas-relief images of pagodas in South Xiangtangshan further showcases the shared iconography of the dome-on-square form among diverse religions of Eurasia (Figs. 6 and 7). Dated to Northern Qi and Sui times, more than two hundred caves were opened on facing sides of the adjacent Baoshan range. One hundred twenty pagodas in carved relief have been identified and studied at this location, and most of them have similar square base, with domes and finials. For instance, the bas-relief inside the cave numbered 2 shows a stupa within a niche in the south wall (Fig.6). The stupa is crowned with what appears to be a massive dome feature, a symbol commonly associated with the sacred in Buddhist iconography. The niche is intricately framed, with decorative carvings that may include floral motifs, and represents one of the four façade niches of the real stupa. Other two pagodas carved in a rock-cut relief at Baoshan range features niche with Buddhist iconography (Fig. 7). Both relief pagodas display decorative motifs and architectural elements such as molded frames and what appears to be a representation of a temple façade- the square base crowned with a dome, in which the dome is separated with staired frames. This form of rock-cut architecture is commonly associated with Buddhist religious practices and the temple they represent – the dome on the square is found in various parts of Asia, including India, Central Asia, and Southeast Asia[4].

In Soviet part of Central Asia, no extant fire temples exist. However, textual sources and archaeology inform their historical presence, although archaeological references are often obscure[5]. Central Asian examples of fire temples

[4] Although Buddhist temples varied in form, elevation and size based on location and time, these rock-cut reliefs show that the dome-on-square form was one of the widespread representations of such temples.

[5] Archaeological excavations at Rabinzhan and Samarqand

were syncretic, sometimes decorated with gold sculptures of animals and humans. The lack of physical and written evidence resulted in controversial views among Soviet scholars. Aleksandr Belenitskii (1954), based on the information of the Arab travelers, proposed that the 'idol temples' existed separately from the fire temples in Central Asia (p. 52–62). Anatolii Iakubovskii (1954), following Barthold, pointed out the syncretic nature of Central Asian religions compared to canonical Zoroastrianism in Sassanid Iran, which, he attributed this syncretism to the initial absence of a centralized state (p. 21–22). While there is no final consensus among scholars, it is safe to assume that with waves of Persian migrants, more orthodox Zoroastrian fire temples penetrated to places with pagan cults, and blended with local beliefs. This is implied in Narshakhi's *The History of Bukhara*. Abu Nasr al-Qubavi, a Persian translator of Narshakhi's book, reports that there was a biannual fair of idols in the bazar of Makh, where every day more than 50.000 *dirhams* were exchanged for the idols. He continues that afterwards this place became a fire temple. On the day of the fair, when the people had gathered, all went into the fire temple and worshipped fire. The fire temple existed to the time of Islam when the Muslims seized power and built a mosque on that place. During Qubavi's time, it was one of the esteemed mosques of Bukhara (Narshakhi, 1954: 20). Another author, Al-Biruni, also reports that Qutaiba ibn Muslim, after conquering the fortress of Baikand near Bukhara, found two pearls in a fire temple. The temple servants explained to him that two birds alighted on the roof of the fire temple, dropped on it and left two pearls (Narshakhi, 1954: 133). Similar information can be found in the conquest literature of the Arabs, and archaeological evidence, although scant, confirms the fusion of the two, or at times several local and foreign religious beliefs with its associated architecture (Buriakov & Rostovtsev, 1984:158).

Not just Khuttalon votive's unruly iconography, but its location too, speaks to the locally diverse culture of the region.

indicate that fire temples here could have been converted into mosques. See Buriakov, I. F., & Rostovtsev, O. M. (1984). For more discussion of transformations of chahar taqs into mosques see Michailidis (Michailidis, 2007: 217).

Figure 5. Xiudingsi Pagoda, Anyang County, Henan. 6th century with later addition. Photo by William Steinhardt

Khuttalon, a part of Bactria-Tokharistan, was a capital of Turkic rulers and a hub of Buddhist construction during the sixth century. It had a long historical trajectory stressed in literature with the conquest of Alexander, Bactrians, Kushans, Sassanians, Tokhars- Hephthalites, local rulers nominally submissive to Arabs, Tahirids and finally the Samanids. As such, the province absorbed multiple influences of art and architecture already by the third-fourth centuries, the approximate date of the Khuttalon votive. After being part of Hellenistic world, nomadic Kushans from eastern Central Asia, probably from the Chinese borderlands, added a new element to the already eclectic nature of broader Tokharistan architecture, reasserting international connections particularly between the Indian subcontinent and Central Asia (Ball, 2008:106). During this period, Buddhism became the dominant religion in this key region, resulting in numerous stupa structures as the main architectural manifestation of Buddhism. Under the Hephthalites, who ruled the area from the fifth century, the earlier architectural

Figure 6. Pagoda, south wall, cave 2, South Xiangtangshan, Northern Qi. Wenwu, no.5 (1992), 17. (N. Steinhardt, Chinese Architecture in an Age of Turmoil, 220)

Figure 7. Pagodas carved in relief at Baoshan, 6th century. (N. Steinhardt, Chinese Architecture in an Age of Turmoil, 221)

forms continued uninterrupted, probably evincing more Sassanian influence (Ball, 2008: 109). Thus, the possibility of Khuttalon votive representing one political and cultural sphere is highly unlikely.

The possibility of spread this form to Sogdiana later in the 5–6 or 7–8 centuries, is less convincing. Because to propose such a theory, we must consider the material resources – particularly the spread of baked brick. The votives of ancient world did not display all the features of the original constructions but they epitomized the most important elements. In our case, these are a massive dome, square base, four entrance, and the upper-level openings, or a blind gallery. To support a massive dome, one needs a strong base built of solid material, such as baked brick or stone. (As it will be discussed materials section,) in the early medieval Sogdiana, baked brick was not absent, but rather a rare material. No archaeological record provides us evidence of massive use of this material until the era of the Samanids, and stone-made buildings do not exist in this region. From the sources, we learn that at the beginning of the 9th century, Zoroastrians of Samarkand addressed their co-religionists in Iran to ask how to build Orthodox Zoroastrian temples (De la Vaissière, 2024: 917). It is likely that Zoroastrians of Sogdian Samarkand were building all sorts of fire temples except the more orthodox dome-on-square type[6]. The lack of construction knowledge in this case is connected to the scarcity of fired brick or stone during this period: the orthodox Zoroastrianism or Buddhism with its stupa/pagodas were ready to intervention in Sogdiana, but material constrains limited the spread of these religions with their associated architecture into the core region of Sogdiana.

The dome-on-square form had a shared iconography among both Buddhist and Zoroastrian traditions, though it varied significantly in elevation, construction techniques, decoration, and materials. The Khuttalon votive represents a broader range of elite Zoroastrian fire temples that perhaps dotted the landscape in Bactria (modern-day Afghanistan, Tajikistan, and southern Uzbekistan). Some elements serve not just as an architectural feature but also holds significant iconographic meaning. For example, its arcaded gallery above the square base is closely connected to Manichean cosmology. The gallery, I suggest, following Vera Voronina, is a visual language that extended beyond the boundaries of Zoroastrian religious architecture. According to Vera Voronina (1985), the significance of this architectural motif had been largely forgotten by the tenth century in Bukhara, which may

[6] Tashkent region provides the closest example of fire temple in the form of square building with flat roof and massive corner columns. See Yurii Buriakov, Margarita Filanovich (Buriakov & Filanovich, 1999: 78–92), and Khmelnitskii,(Khmelnitskii, 2000: 257–258).

explain its incorporation into the Islamic Samanid mausoleum (p. 258). Its presence in an Islamic structure indicates the persistence of architectural practices from antiquity and reflects how Islam adopted forms and elements from the architectural cultures of preceding religions. Whether due to a lack of skills, cultural memory loss, or respect for Zoroastrian, Manichean, or Buddhist iconography by the patrons, the substantial presence of non-Islamic elements in both form and symbolism may have led post-Samanid patrons to consciously abandon this architectural style.

Conclusion. The Khuttalon votive and the Samanid mausoleum exemplify a rich, syncretic architectural culture that cannot be confined to simple categorizations like 'Persian' or 'Sogdian.' Instead, these structures demonstrate a confluence of Greek, Hellenistic, Kushan, Sassanian, and potentially nomadic Turkic-Buddhist and Manichean traditions. Future archaeological discoveries are likely to shed further light on the region's artistic practices, expanding our understanding of cultural interactions that extended beyond the geographic boundaries of Sogdiana.

REFERENCES:

Azad, A. 2013. *Sacred Landscape in Medieval Afghanistan: Revisiting the Fadā 'il-i Balkh*. Oxford University Press.

Ball, W. 2008. *The monuments of Afghanistan: History, archaeology, and architecture*. I.B. Tauris.

Belenitskii, A. M. 1954. Voprosy ideologii I kultov Sogda po materialam pendzhikentskikh khramov. In *Zhivopis drevnego Piandzhikenta* pp. 52–62.

Buriakov, I. F., & Rostovtsev, O. M. 1984. Arkheologicheskie Issledovaniia Rabindzhana. *Istoriia Material'noi Kultury Uzbekistana*, 19, 153–169.

Buriakov, Y., & Filanovich, M. 1999. Chach i Ilak. In *Arkheologiia: Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e* (pp. 78-92). Moscow.

Canepa, M. P. 2018. *The Iranian expanse: transforming royal identity through architecture, landscape, and the built environment, 550 BCE-642 CE* (1st ed.). University of California Press.

De La Vaissière, É. 2024. *Asie centrale: 300-850 : des routes et des royaumes*. Les Belles Lettres, (eBook version).

Huff, D. 1975. 'Sassanian' Chahar-Taqs in Fars. In F. Bagherzadeh (Ed.), *Proceedings of the Third Annual Symposium on Archaeological Research in Iran* (pp. 245-246). Iranian Centre for Archaeological Research.

Iakubov, Y. 2010. A Model of Chartak from Parhar (Question of Its Origin). *Bulletin of IICAS*, 12, 3–11.

Kidd, F., & Stark, S. 2019. *Urbanism in Antique Sogdiana?: A View from the Bukhara Oasis. In C. Baumer & M. Novák (Eds.), Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology Held at the University of Bern, 4–6 February 2016* (1st ed., pp. 163–184). Harrassowitz Verlag.

Khmelnitskii, S. 2000. *Mezhdu Kushanami i Arabami: Arkhitektura Srednei Azii V-VIII vv*. Berlin; Riga: Gamajun.

Kolchenko, V. A., & Rott, P. 2019. The Ancient Site of NoVopokrovskoe 2: Excavation 1: Preliminary Results. In C. Baumer & M. Novák (Eds.), *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology Held at the University of Bern, 4–6 February 2016* (1st ed., pp. 365–386). Harrassowitz Verlag.

Michailidis, M. 2007. *Landmarks of the Persian Renaissance: Monumental funerary architecture in Iran and Central Asia in the tenth and eleventh centuries* (Doctoral dissertation). Massachusetts Institute of Technology.

Narshakhi, A. B. M. 1954. *The History of Bukhara* (R. N. Frye, Trans.). Cambridge, MA: Mediaeval Academy of America.

Snodgrass, A. 1985. *The symbolism of the stupa* (Rev. ed.). Cornell University Press.

Steinhardt, N. S. 2014. *Chinese Architecture in an Age of Turmoil, 200-600*. University of Hawai'i Press.

Tosheva, D. (forthcoming). Architectural history and the search for the Sogdian origins in the Soviet period. In H. Chuchvaha & A. Muzelev (Eds.), *Towards decolonizing Eastern European and Eurasian art and material culture: From the 1800s to the present*. Brill.

Voronina, V. 1985. Doislamskaya simvolika v arkhitekture Sredney Azii i zarubezhnogo Vostoka. *Arkhitekturnoie Nasledstvo*, 33, 252–258.

АХТАМ УРАЛОВ,
АКБАРАЛИ УРАЛОВ
Самарқанд давлат архитектура – қурилиш университети
Самарқанд, Ўзбекистон

БУЮК ИПАК ЙЎЛИ МЕЪМОРИЙ ЁДГОРЛИКЛАРИДА КУРСИ, ОСТОНА, БИНО ТАРЗИ ВА БАДИИЙ ТУГАЛЛИК ШАКЛЛЛАРИНИНГ АРХИТЕКТУРАСИ

Kalit so'zlar: Buyuk Ipak yo'li, arxitektura yodgorliklari, binolarning tsokoli, kirish qismi, badiiy tugallik, me'moriy kompozitsiya.
Annotatsiya: Maqolada ta'kidlanganidek, Buyuk Ipak yo'li arxitektura yodgorliklaridagi tsokol, kirish qismi, binolar uslubi va badiiy tugallik shakllari an'anaviy me'moriy kompozitsiyaning muhim elementlari hisoblanadi. Ushbu elementlarni o'rganish arxitektura ta'lim tizimiga tatbiq etilishi va loyihalash amaliyotida qo'llanishi zarur. Tadqiqot natijalari arxiv, adabiy va naturada yig'ilgan materiallarni umumlashtirish va tizimlashtirish asosida ishlab chiqilgan.

Keywords: Silk Road, architectural monuments, building plinth, entrance part, artistic completion, architectural composition.
Abstract: The article substantiates that the plinth, entrance, building style, and forms of artistic completion in the architectural monuments of the Silk Road are significant elements of traditional architectural composition. The study highlights the importance of incorporating these elements into the architectural education system and utilizing them in design practice. The research results are based on the generalization and systematization of archival, literary, and in situ materials.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, архитектурные памятники, цоколь зданий, входная часть, художественная завершённость, архитектурная композиция.
Аннотация: В статье обосновано, что цоколь, вход, стиль зданий и формы художественной завершённости в архитектурных памятниках Великого шелкового пути являются важными элементами традиционной архитектурной композиции, исследование которых должно быть внедрено в систему архитектурного образования и использовано в проектной практике. Результаты исследования основаны на обобщении и систематизации архивных, литературных и натурных материалов.

Асосий қисм. Кириш. Архитектура назарияси ва амалиёти фани нисбатан яхши ўрганилган бўлишига қарамасдан, бугунги кунгача тадқиқ этилмай келинаётган соҳалар ҳам кўп. Архитектуранинг ана шундай очилмаган қирраларидан бири бу меъморчиликдаги курси, остона, бино тарзи ва бадиий тугаллик композицияларидир. Мазкур муаммо нафақат Ўзбекистон олимлари, балки хорижий муаллифларнинг ишларида ҳам яхлит бир алоҳида илмий тадқиқат тарзида қараб чиқилмаган. Шундай қилиб, мазкур муаммо шу пайтгача алоҳида тадқиқот, илмий мавзу тарзида ўрганилмаган ва муаммонинг ечимига йўналтирилган илмий-амалий таклифлар ишлаб чиқилмаган. Натижада меъморий лойиҳалар ва қурилиш амалиётида иморатларнинг курси, остона ва бадиий тугаллик композициялари баъзи биноларда эстетик паст савияларда ишланмоқда. Бундай ҳолатни бартараф этишнинг тезкор йўлларидан бири мазкур соҳани тадқиқ этиш ва унинг натижаларини амалиётга жорий этишдир.

Тадқиқот услуби. Тадқиқот объектлари билан натурада танишиш, уларнинг ҳозирги ҳолати мониторингини ўтказиш, таснифлаш ва тизимлаш, мавзуга доир адабиётларни ўрганиб чиқиш, фотофиксация, йиғилган материалларни таҳлил қилиш ва илмий умумлаштириш, ҳулосалар чиқариш, тавсиялар бериш.

Тадқиқот натижалари. Маълумки, архитектуранинг энг қадимги шаклланиш даврларидан бошлабоқ қуриладиган иморатлар, бино ва иншоотларнинг курсиси, кириш қисми, тарзи ва тугалланиш қисмларига катта эътибор билан қаралган ва улар меъморий композициянинг муҳим таркибий элементлари ҳисобланиб келинган.

Курси (цоколь) - бу иморат курсиси (массаси)ни пойдевор ва ер билан боғловчи, пойдевор устига қурилувчи, иморат меъморий ечимига визуал эстетик баҳо беришда қатнашувчи ва иморат композициясидаги меъморий мутаносибликларни таъминловчи энг муҳим таркибий қисмларидан биридир. Агар иморат курсисиз қурилса, у кўримсиз, пойдевор ва ер билан боғланмаган ҳолда кўринади, курси устига қурилган бино салобатли ва гўзал, мустаҳкам кўринишга эга бўлади. Шу боисдан қадимги дунё ва ўрта асрлар меъморчилигида иморат курсиси баланд, саройлар қурилишида эса салобатли платформа кўринишида қилиб қурилган.

Х аср файласуф олими Фаробий ўзининг "Фозил шаҳар аҳолисининг қарашлари ҳақида" ги рисоласида" шаҳарни ҳам, уйни ҳам инсон қоматига таққослаш зарур" деб ёзади (Фаробий, 1993: 43). Бу билан олим фозил шаҳарнинг соф инсон қоматига ҳамоҳанг ва мос тарзда қурилишини орзу қилади. Унинг фикрича, "гўзаллик ва фойдалиликни бир-биридан ажратиб бўлмайди, уларнинг қўшилиши эса уйғунликкга олиб келади" (Форобий, 1993: 43).

XV асрда ижод этган Вожид Алининг "Матла ул-улум ва мажмаъ ул-фунун" (Фанларнинг келиб чиқиши ва техника билимларининг тўплами) асарида "Меъморлар санъати" номли боб бўлиб, унинг 13-моддасида "бино курсиси баланд бўлиши керак. Шунда бино ҳашаматли ва салобатли кўринишга эга бўлади", деб кўрсатма берилган (Ахадова, 1993: 65).

Остона, яъни иморатнинг кириш қисми иморат бош тарзининг ташқи кўркини белгилаб берувчи муҳим қисмидир. Шарқ халқларида "Остона дунёни икки муҳит (ичкари ва ташқари)га бўлиб, улар орасидаги чегара вазифасини бажарган" деган тушунча ҳам мавжуд. "Уй ичига эзгулик ва ёвузлик ҳам остонадан киради", деб тушунилган. "Остонанинг кўриниши қанча чиройли бўлса, уйга шунча файз киради, остона қанча кўримсиз бўлса, у уйга ўшанча ёвузлик чорлайди", деб ўйлашган (Нозилов, 2011: 78). Демак меъморий обидалардаги мислсиз улуғворлик, гўзаллик, архитектектуравий жозибадорлик ва уйғунлик, авваламбор, уларнинг пештоқ қисми, яъни остонасида мужассамлашган бўлиши керак.

Марказий Осиё ва Шарқий Туркистон анъанавий меъморчилигида устунли-тўсинли қурилмалар архитектурасини ўрганиш ҳам бадиий тугаллик қонуниятининг турли-туман қирраларини очиб берадики, уларда биз устунлар боши(каллаги)нинг муқарнас кўринишидаги кўплаб намуналарини учратамиз.

Маълумки, ҳар бир шаклнинг гўзаллиги унинг ташқи кўринишига боғлик. Бадиий тугаллик қонунияти табиатга, яъни қушлар дунёси, ҳайвонот дунёси, ўсимликлар оламига тегишли. Бадиий тугаллик буларнинг ҳаммасига бирдай алоқадордир.

Айвон ва пешайвонларнинг ташқи тугал қисмлари ва "кайвонлар", жамоат биноларидаги пештоқ ва равоқлар, бинолар пештоқи тарзидаги қанослар Марказий Осиё меъморларининг бадиий тугаллик композицияси соҳасидаги ижодий изланишларининг яққол натижаси деб баҳоланиши мумкин. Бадиий тугаллик композицияси нафақат бинонинг тугал қисмлари(устун бошалари, айвон ва пешайвонларнинг кайвонлари, қанослар, гулдасталар, миноралар, равоқларнинг тугалланиш қисмлари)га, балки гумбаз, тоқ ва шарафа (карниз)ларга ҳам бирдай тегишлидир. Пештоқларни китобалар ёки қаторак равоқчалар билан тугатиш ҳам бадиий тугаллик қонуниятининг амалдаги кўринишларидан биридир.

Марказий Осиё меъморчилиги тараққиётининг муҳим қирраларидан бири иморатсозликда тарихий қадриятларимизни эътиборга олиш, жамоат биноларининг бадиий тугаллик композицияларини ишлашда миллий гумбазлар шаклларидан фойдаланишдир. Шу муносабат билан меъморлар кенг тарқалган ва катта ҳажмларга эга бўлган

1-расм

2-расм

жамоат биноларини, хусусан масжидлар, мадрасалар, мақбаралар, хонақоҳларни лойиҳалаш ва қуриш, уларнинг бадиий тугаллик шаклларини ишлашда гумбазлардан фойдаланишнинг қуйидаги усулларини қўллаганлар:

– гумбазларни гардиш (устувон) асосида юқорига кўтариш, яъни улар шаклига улуғворлик ва маҳобат бериш;

– устивонлар сиртини гириҳ ва ислимий нақшлар билан бадиий безаш;

– гумбазларни қўш сиртли (ички ва ташқи гумбазли) қилиб ишлаш;

– ички гумбаз юзини нақшу-нигорлаш (гумбаз юзига нақш солиш, кундаллаш, муқарнаслаш, кошинлаш-мозаика) ;

– масжидлар гумбазига "жамол", минорасига "камол", ички эфиграфик безакларга "си-фат" рамзий маъноларини бериш;

– шаҳар структурасида гумбазларга меъморий доминант, яъни ориентир рўлини бериш.

Таъкидлаш зарурки, меъморчиликда курси, остона, бино тарзи ва бадиий тугаллик композицияларининг илғор анъаналарини излаб топиш, уларнинг архитектурадаги ўрни ва моҳиятини тўғри тушуниш, уларни бадиий шакллантириш ва архитектурани яратишда биноларнинг ушбу қисмларига меъморий композициянинг энг муҳим бадиий таркибий воситалари тарзида қараш ва эътироф этиш тушунчалари бирдан юзага келмаган. Бу масалалар асрлар давомида аста-секинлик билан тўғри тушунилиб, эътироф этилиб, уларнинг илғор, ижобий ва муваққат анъаналари шакллантириб келинган ва ривожлантирилган (Нозилов, 2011: 78).

Қадимда ва илк ўрта асрларда қурилган биноларнинг курсилари сезиларли даражада баланд, айниқса сарой биноларида, айрим ҳолларда эса яхлит стилобат (платформа) кўринишларини олган. Бундай усул биноларга фазовий маҳобатли, жозибадор кўриниш берган. Биноларни суфа ва платформа устига қуриш усули ўрта асрларда ҳам давом эттирилган. Боғлардаги сарой(кўшклар, арккалъалар, ўрдалар)лар ана шундай платформалар устига қурилган.

Биноларнинг остонаси, яъни бош тарзидаги кириш қисмига алоҳида эътибор бериш, уларни пештоқ тарзида ишлаш анъаналари Марказий Осиёда бизгача сақланиб қолган меъморий ёдгорликлар мисолида Х–Х1 асрлардан бошлаб кузатилади. Ўрта асрларга келиб эса жамоат биноларидаги остона композицияси меъморий жиҳатдан тамоман тугалланган дарвоза, пештоқ кўринишини олади. Остона ва курси композициялари ўрта асрлар биноларига алоҳида маҳобат баҳш этувчи шакллар қаторига киради(1-2-расмлар).

Шарқ халқлари меъморчилигида остона тушунчасига рамзий маъно сингдирилган (Уралов А., 2023: 201). Шу боисдан остона композицияси нафақат жамоат биноларида, балки тураржой биноларида ҳам алоҳида эътибор билан ишланган: дарвоза, дарвозахона, долон, дарвоза устига ўрнатилган соябон – буларнинг барчаси хонадоннинг остона композицияси элементларидир ва унинг жозибасини белгилаган. Бу элементлар тураржой дарвозалари учун ҳозир ҳам ўз аҳамиятини йўқотмаган.

3- расм

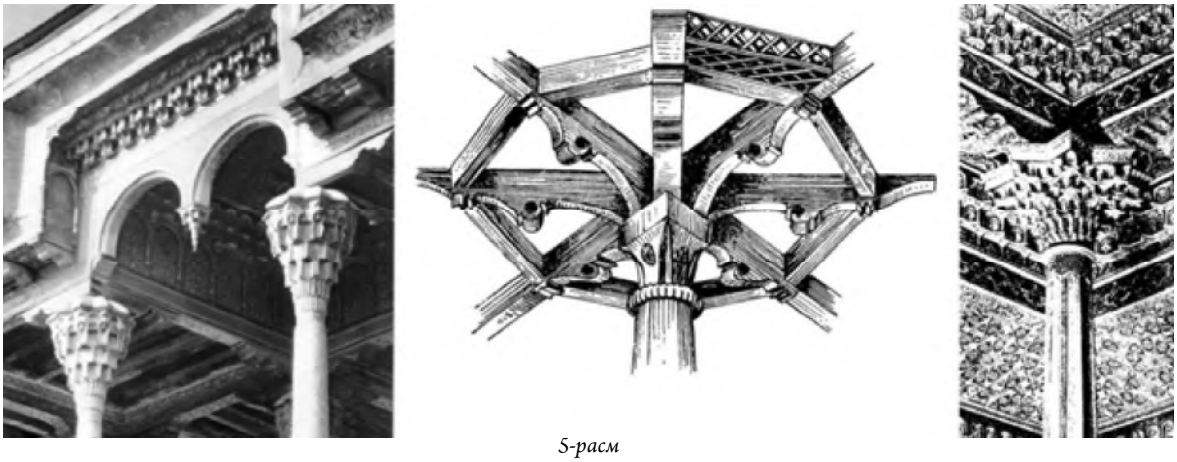
4-расм

Бино ва бино элементларининг бадиий тугалланиш шакллари ўрта асрларда турлича кўринишларда қуйидагича бўлган:

– жамоат бинолари пештоқларининг тугал қисмлари китобалар ёки арка-тура(қаторак) лар шаклларида, бино томлари гумбаз, қўш (ички ва ташқи) гумбазлар, қаторак равоқлар, айвонларнинг тугал қисмлари пешона, манглай ва кайвонлар билан, минораларнинг тугал қисмлари эса қафасалар, гулдасталар, гумбазчалар билан, иморат бурчакларининг тугал қисмлари гулдасталар билан, иморат ташқи деворлари ҳошия (дандоналар ва кунгуралар) билан тугалланган (2–3 -расмлар);

– жамоат ва тураржой биноларининг шифтлари муқарнаслар, гумбазлар, вассажуфтлар билан, деворларнинг шифт билан уланган жойлари эса арақи, даврапоя, муқарнас шарафалар, устунларнинг тугал қисмлари, бошқалар эса гулдастасимон, муқарнассимон шаклларда ишланган (4–5 - расмлар).

XIV аср охири – XV асрларда Марказий Осиё меъморчилигида қурилган иморатлар (масжид, мадраса, мақбара, хонақоҳлар) нинг ҳамда саройларнинг ташқи ва ички деворлари кошинбурруш нақшлари (мозаика), нақшинкор кошин парчинлар (майолика), ўйма кошин нақшлар (резная поливная майоликалар) билан безатила бошланган. Бундай безаклар Темурийлар даври меъморлари ва наққошларининг бинолар тарзининг ўта мунаққаш чиқишига, уларнинг меъморий-бадиий жозибадорлигини оширишга қаратилган саъй-ҳаракатлари натижасидир. Бинолар тарзи баъзан нақшу-нигорлардан ташқари иморат фасадига чиқарилган равоқлар ва пештоқлар билан ҳам безатилган. Самарқанд Регистонидаги Тиллақори масжид-мадрасасининг тарзига чиққан, майдон тарафга



5-расм

қаратилган равоқлар қатори бунга мисолдир. Ўрта асрлар жамоат иморатлари фасадининг ҳар икки ёнлари, яъни бурчакларининг гулдастали минора билан ишланиши ҳам бино тарзи симметрик композиясининг яхлитлигини таъминловчи меъморий восита, усуллардан биридир.

Хулоса. Меъморчиликда курси, остона, бино тарзи ва бадиий тугаллик шаклларига қадимда, илк ўрта ва ўрта асрларда, ҳозирда ва келажакда ҳам бирдай дунёқараш билан, яъни уларга биноларнинг нафақат функциявий ва қурилмавий элементлари тарзида, балки биноларни лойиҳалашда энг муҳим композициявий меъморий-бадиий воситалар тарзида қаралиши зарур, зеро бу шакллар иморатларнинг ажралмас асосий таркибий қисмлари (атрибутлари)ни ташкил этади.

Юқорида аниқланган меъморчилик қоидалари, усуллари ва анъаналарининг бадиий самарасидан замонавий архитекторларга ўзларининг ижодий жараёнларида фойдаланиш мумкинлигини кўрсатиб бериш ва уни меъморий композициянинг самарали бадиий воситаларидан бирига айлантириш ғоясини фанда ва амалиётда олдинга чиқариш ва асослаб бериш долзарб масаладир.

Тадқиқотнинг мунозара (муҳакама) бўлими. Илмий ишнинг назарий аҳамияти тадқиқот материаллари ва унда ишлаб чиқилган тавсия ва таклифларнинг Ўзбекистон архитектурашунослик фанини ривожлантиришда, уни диссертация мавзусига доир материаллар билан бойитишда, монография, дарслик ва ўқув қўлланмаларни тайёрлашда ўз аксини топади.

Тадқиқотнинг амалий аҳамияти эса Ўзбекистон архитектурасини ривожлантиришда иморатларнинг курси, остона, бино тарзи ва бадиий тугаллик шаклларининг меъморчиликдаги роли ва аҳамиятини кўрсатиб беришдан, замонавий меъморий лойиҳаларни бажаришда уларни қўллашдан ва шу йўл билан қурилаётган биноларнинг жозибадорлигини оширишдан иборатдир.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

Фаробий Абу Наср. Фозил одамлар шаҳри. Тошкент, 1993.

Ахадова М. Ўрта Осиёлик машҳур олимлар ва уларнинг математикага доир ишлари. Тошкент, 1993.

Нозилов Д. Ўрта Осиё меъморчилигида одатлар, қоидалар ва рамзий ифодалар. Тошкент, 2011.

Uralov Akbarali. ARCHITECTURAL SOLUTIONS OF MODERN BUILDINGS. Journal of Advanced Scientific Research (ISSN: 0976-9595) Vol.1. Issue 1 page 35. 2022. Indiy. pp. 34–43.

Uralov Akbarali. National Culture of Banquet Hll Building Architecture and Principles of its Formation 1st stage graduate student, Web Of Scientist: Internationational Scientific Research Journal SSN: 2697–2131,Volume 22, Issue 2, Nov-2022. pp. 48–57.

Uralov Akbarali. The place and role of the chair and threshold composition in the national style architecture in the development of the architecture of the banquet hall. Web of scientist: international scientific research journal ISSN: 2776-0979, Volume 4, lssue 2, Feb. ,2023 pp. 194–206.

Uralov A.S., Uralov A. Imorat kursi, ostonasi va me'moriy shakllar mutanosibligining o'rta asr manbalarida aks ettirilishi. //"Zavonaviy inshootlarni barpo etishda samaradorligi yuqori va intellektual texnologiyalardan foydalanish" mabzusida respublika miqyosidagi ilmiy-texnik anjuman materiallari to'plami. Termiz – 2023–yil 27-noyabr. 4–8-betlar.

ФОТИМА ХУДАЙКУЛОВА
Международный исследовательский институт «Шелковый путь»
Самарканд, Узбекистан

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛОГО ДОМА КУПЦА МИР ВАФОБАЯ КОНЦА XIX ВЕКА В САМАРКАНДЕ

Ключевые слова: традиционный, колониальный, жилой дом, Прокудин-Горский, архитектура, декоративно-прикладное искусство Самарканда.
Аннотация: В статье на примере жилого дома Мир Вафобая Мир Бабаева, построенного в конце XIX в. в Самарканде, проведен анализ архитектурно-планировочной структуры и декора интерьера традиционного жилища. На основе исторических источников, научных и архивных данных рассмотрены основные черты планировки, архитектурного стиля, материалов и конструкций, характерных для жилых домов тех времен в Самарканде. Исследование раскрывает традиции и культурные особенности архитектуры Самарканда рубежа XIX–XX вв. Также приводятся ценные малоизвестные сведения об истории дома и его именитых владельцах.

Kalit so'zlar: an'anaviy, mustamlaka, turar-joy, Prokudin-Gorskiy, arxitektura, Samarqandning dekorativ-amaliy san'ati.
Annotatsiya: Ushbu maqolada XIX asr oxirida Samarqandda qurilgan Mir Vafoboy Mir Boboyevning turar joyi misolida an'anaviy uylarning arxitektura-rejalashtirish tuzilishi va ichki bezagi tahlil qilingan. Tarixiy manbalar, ilmiy va arxiv ma'lumotlari asosida o'sha davrdagi Samarqand uylarining rejalashtirish xususiyatlari, arxitektura uslubi, materiallari va konstruksiyalari o'rganilgan. Tadqiqot Samarqand arxitekturasining XIX–XX asrlar chegarasidagi an'analari va madaniy o'ziga xosliklarini ochib beradi. Shuningdek, ushbu uy va uning mashhur egalari haqida qimmatli va kam urganilgan ma'lumotlar ham taqdim etilgan.

Keywords: traditional, colonial, residential house, Prokudin-Gorsky, architecture, decorative-applied arts of Samarkand.
Abstract: The article analyzes the architectural and planning structure and interior decoration of a traditional dwelling using the example of the residential house of Mir Vafobai Mir Babaev, built at the end of the 19th century in Samarkand. Based on historical sources, scientific research, and archival data, the main features of the layout, architectural style, materials, and structures typical of residential houses of that period in Samarkand are examined. The study reveals the traditions and cultural characteristics of Samarkand's architecture at the turn of the 19th–20th centuries. Additionally, valuable and little-known information about the history of the house and its prominent owners is also provided.

Введение. В настоящее время в Узбекистане уделяется особое внимание сохранению и реставрации архитектурного наследия, развитию историко-культурного туризма, основанного преимущественно на памятниках зодчества. Большое значение имеют изучение, сохранение, популяризация и использование объектов культурного наследия. В связи с этим исследование малоизученного жилого дома Мир Вафобая Мир Бабаева конца XIX в. в Самарканде актуально с точки зрения научной и практической значимости.

В период среднеазиатских ханств Самарканд был одним из крупнейших городов Бухарского эмирата. Городская структура строилась на основе *гузаров* — традиционных городских кварталов, которые играли ключевую роль в общественной и социальной жизни. Каждая махалля объединяла жителей по профессиональному признаку, связанному с ремеслом или торговлей (Засыпкин, 1948: 13). Жилые дома традиционно возводили глинокаркасными, при этом применяли разнообразные локальные материалы, адаптируя строительство к местным климатическим и географическим условиям.

Исторические города Узбекистана отличаются очень плотной жилой застройкой, где дома возводились близко друг к другу с глухими и невзрачными снаружи уличными фасадами. При этом жилые дома обладали удивительной эстетикой и изысканным внутренним

Рис. 1. Самарканд. Постройка внутри цитадели. Фото С. М. Прокудина-Горского

Рис. 2. Самарканд. Вид на туземный город. Фото из Туркестанского альбома

убранством, отражающим богатую культуру и традиции этого региона. Каждый традиционный дом имел внутренний дворик, по периметру которого строились комнаты жилого и хозяйственного назначения. Двор в течение дня удерживал прохладу летом, тепло зимой. При планировке домов учитывались местные климатические особенности, такие как направление ветра и расположение солнца, чтобы обеспечить комфортные условия для проживания.

В конце XIX в., с завоеванием Самарканда русскими войсками, здесь, восточнее старого города, появляется новая крупная функциональная часть с застройкой европейского типа. Со временем и в средневековой части города в результате влияния архитектуры «русского Самарканда» начинают появляться дома с эклектичным смешением черт европейского и местного среднеазиатского зодчества. Это обогащает архитектуру Самарканда, придавая ей уникальность, показывая, как архитектурные традиции могут эволюционировать и адаптироваться под воздействием другой культуры.

Дом Мир Вафобая, расположенный в махалле Суфи Розик, отличался от других близлежащих строений тем, что здесь были применены приемы местной традиционной и привнесенной в Туркестан европейского типа архитектуры.

Вероятно, поэтому С. М. Прокудин-Горский, автор метода цветной фотографии, разработанного им более 100 лет назад, неоднократно запечатлел этот дом на своих фотоснимках. Впервые С. М. Прокудин-Горский попал на территорию нынешнего Узбекистана в 1907 г. для съемки солнечного затмения в горах Тянь-Шаня. Осуществить задуманное не удалось из-за пасмурной погоды, но поездка не была напрасной. Он воспользовался представившейся возможностью запечатлеть расположенный неподалеку Самарканд, его архитектуру и жителей.

Он еще дважды посетил Самарканд в 1911 г. и сделал много снимков монументальной исламской архитектуры, которые ныне имеют широкую известность. В коллекции С. М. Прокудина-Горского очень много фотоснимков обычных домов Самарканда, которые дают нам представление, как выглядели традиционные жилые дома более 100 лет назад. Эти фотографии представляют собой уникальный исторический и культурный документ, по которому можно детально изучить архитектуру и декор домов той эпохи. На его фотографиях «Внутри сартского дома» и «Во дворе сартского дома», сделанных в 1907 г., дом Мир Вафобая изображен в цвете. Фотография «Монахи (дуване) в Каландар-хане» (1907 г.) также снята на восточной стороне айвана этого дома.

Сравнивая фотографии дома Мир Вафобая с фотографиями типичных жилых построек Самарканда начала XX в., понимаешь его величие и уникальность. Можно рассмотреть детали росписей и декоративных элементов дома. Изысканные резные узоры по балке на айване, росписи по ганчу и использование традиционных материалов, таких как кирпич и дерево. Эти снимки служат ценным источником для реставраторов, архитекторов и исследователей, которые могут сравнивать текущее состояние здания с его оригинальным обликом. Фотографии С. М. Прокудина-Горского дают возможность не только оценить внешний вид дома, но и проникнуть в его культурный контекст, а также понять, как жили состоятельные жители Самарканда, как оформлялись их дома и какое внимание уделялось декоративным деталям.

В 1983 г., когда проводился обмер и исследования этого объекта, появилась возможность ознакомиться ближе не только с планами, но и с застроенными позже фасадами зданий. Сейчас этот объект с севера окружен общим двором, где некоторые постройки примыкают к нему вплотную. С запада — современные пристройки. В настоящее время при сравнении дома с фотографией С. М. Прокудина-Горского 1907 г. выявляется отсутствие айвана, некогда примыкавшего к западной стене-дувалу двора. На фото малый отсутствующий айван насчитывает три шага колонн, под которым имеется *ертула* — полуподвал для хранения хозяйственных вещей. Эта разница между фотографией Прокудина-Горского и текущим состоянием дома может быть объектом дальнейших исследований и анализа, направленных на восстановление исторических деталей и изменений в архитектуре этого уникального памятника.

На раннем фотоснимке дома Мир Вафобая «Дворик в Самарканде богатого сарта» (рис. 6), запечатлённом А. С. Роиновым в 1887 г., можно видеть деревянную пристройку к боковому айвану по восточной стене двора, которая не попала на более позднее фото С. М. Прокудина-Горского. В данном сооружении могли храниться запасы еды или бытовая утварь.

Современное состояние дома отражает различные изменения, внесенные в его структуру в результате пристроек, ремонтов и перепланировок. Для полного понимания проекта реставрации необходимо кратко рассмотреть историю строительства и планировки этого здания.

Дом Мир Вафобая стал одним из первых зданий, построенных в старой части города, где использовались необычные для местных условий строительные материалы и приемы. Это один из самых крупных домов того времени. Даже по современным меркам он большой. Одним из главных принципов организации этого дома является разделение на мужскую — *ташкари* и женскую — *ичкари* части. Если ташкари использовалась для приема гостей и проведения общественных мероприятий, то ичкари — это приватное пространство для членов семьи. И каждое из этих пространств имеет свой двор, в котором обязательно присутствуют *ташнау* — водосток и небольшой участок зелени.

Главный фасад дома с традиционным входным порталом шириной 3,4 м создает

Рис. 3. Фото С. М. Прокудина-Горского - "Дом богатого сарта", 1907 г.

Рис. 4. Фото С. М. Прокудина-Горского «Монахи (дуване) в Каландар-хане», 1907 г.

впечатление изысканности и строгости, характерных для колониальной архитектуры. Все стены выложены из жженого буро-желтого кирпича на ганчхаковом растворе.

Рис. 5. Фасад дома по ул. Аль Бухори. Фото Ф. Худайкуловой, 2024 г.

Западный фасад дома, выходящий на второстепенную улицу, выложен необычным способом: прямоугольный кирпич положен плашмя на высоте 2,45 м, на котором видна монограмма З. С. Во внутренней структуре дома, слева от входа, расположена большая прямоугольная в плане гостиная размерами 6,45 х 9,6 м, справа — небольшая комната привратника. На второй этаж из небольшой служебной комнаты ведет забежная кирпичная лестница.

Основное северное прямоугольное в плане крупное сооружение размерами 15 х 23 м выстроено из сырцового кирпича. Только цокольный этаж выполнен из так называемого «солдатского» кирпича европейского прямоугольного формата. Суфа айвана оформлена традиционным *дандона* в полтора кирпича. Кирпичные ступени слева ведут в подвал под домом, чьи оконные и входные проемы ныне находятся ниже дворового уровня, так как здесь поднялся культурный слой двора, который необходимо опустить на первоначальную отметку.

Вдоль всего северного сооружения устроен айван, который первоначально имел Г-образную форму (*бурчак айвон*). Айван является важной частью дома и служит связующим звеном между жилыми помещениями и двором. В декоре айвана резьба по дереву на колоннах и балках дополняется традиционными узорами. Поперечные балки имеют посередине рельефное украшение и не покрыты росписью.

Основной айван размерами 21,15 х 3,86 м и высотой 5,71 м опирается на шесть деревянных резных колон с фигурной подбалкой и мраморной базой на квадратном основании. На айван выходят шесть двухстворчатых оконных и один дверной проем. В простенках между ними, под известковой побелкой, вырисовываются ганчевые декоративные элементы, фрагментами утраченные.

С айвана в помещения открывались три двери, из которых левая (ныне заложенная) вела в *шахнишин*, правая, шириной 1,25 м, — в прихожую-*дахлиз*, а третья (также

заложенная), судя по старым фотографиям, вела коротким путем во внутренний двор ичкари. Над дверьми характерно наличие больших оконных витражей, что обеспечивало хорошее освещение и проветривание помещений.

На фотографии С. М. Прокудина-Горского «В доме богатого сарта» запечатлена гостиная-*мехмонхана* в центре дома: прямоугольное помещение с традиционным шахнишином на западной стене. В самаркандских богатых домах шахнишин являлся центральным местом в комнате, называемой *пешгох* или *уй тури* (Захидов, 1946: 46). Шахнишин отделен от мехмонханы резной деревянной ширмой. На западной и северной стене шахнишина устроены ниши-*токча*. На потолке шахнишина читаются остатки утраченных куполков со сталактитовыми заполнениями. Комната была очень богато украшена изящной резьбой по ганчу и росписью. Видны расписанные сталактитовые фризы, которые окаймляют комнату по верхней части стены под потолком.

В традиционных жилых домах Самарканда часто использовались симметричные решения, особенно при оформлении гостевой комнаты. Стена, ориентированная на север, очень богато украшена декором и имеет панель *изора*, среднюю часть и карниз. Средняя часть стены разделена на пять вертикальных панно с резными поясами. Внутри панно покрыто тонкой резьбой и росписью по ганчу с цветочными мотивами. Над арками выделяется прямоугольное поле с надписью *китоба*. Центральная ниша токча разбита на мелкие ниши и фигурно обрамлена сквозной резьбой на передней стенке. Ниша представляет собой встроенный шкаф с ячейками для хранения утвари и посуды. Большое отделение внизу предназначено для блюд-*лагянов* и кувшинов. Расположенные выше мелкие ячейки служат для пиал и чайников (Нильсен, Манакова, 1974: 238).

Обычно в мехмонхане традиционного богатого дома потолки были богато расписаны и представляли все направления

Рис. 6. Фото А. С. Роинов
"Дворик богатого сарта в Самарканде", 1887 г.

местного декоративно-прикладного искусства. А. П. Писарчик, описывая потолок дома Мир Вафобая, отмечает: «Наконец, в жилых домах конца XIX и начала XX вв. появляются гладкие дощатые потолки, окрашенные масляной краской в один цвет, иногда с очень несложным рисунком русского типа, а также заимствованные после прихода русских штукатурные потолки с декором из лепнины. Любопытен один из первых потолков этого типа в большой комнате в доме Мир Вафобая — одном из первых домов русского типа, выстроенных местными мастерами для местного же заказчика. В нем ясно видна крепкая еще связь со старыми традициями в декоративном искусстве, несмотря на применение новых, необычных для старого строительного искусства приемов» (Писарчик, 1974: 32).

Потолок дома Мир Вафобая исполнен в стиле туркестанского модерна и является образцом нового веяния прикладного искусства в строительстве домов конца XIX в. Декоративно-прикладное искусство в интерьере дома купца Мир Вафобая демонстрирует богатое сочетание традиционных строительных ремесел и декоративных элементов, которые отражают статус владельца и культурные особенности того времени.

Состояние дома Мир Вафобая в настоящее время показывает, что он претерпел значительные изменения во всех сферах — как

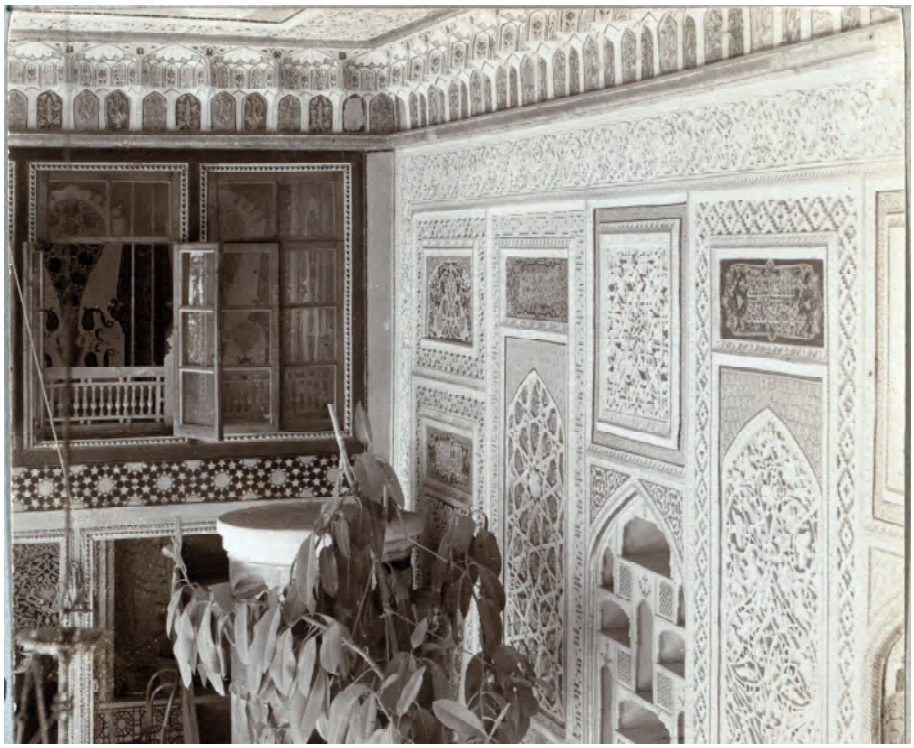


Рис. 7. Мехмонхона Мир Вафобая. Верхний снимок — фото С. М. Прокудина-Горского "В доме богатого сарта" 1907 г. нижний — фото Ф. Худайкуловой, 2024 г.

архитектурных, так и функциональных. На южной стене мехмонханы были расширены оконные проемы (были в пол), что повредило ганчевый декор айвана. На восточной стене мехмонханы заложены пространства между колоннами шахнишинов. Кирпичные карнизы имеют деформацию и местами утрачены, стены испещрены разного размера трещинами. Низ стен опоясан панелью изора, окрашенной масляной краской. Декор интерьера гостиной во многом утрачен из-за слоя ремонтной штукатурки и побелки. Потолок мехмонханы имеет многочисленные трещины, но при этом не утратил ганчевые розетки с геометрическим и растительным рисунком. Сталактитовое обрамление потолка местами утрачено.

Прихожая-дахлиз находится между жилыми комнатами и имеет витражное окно над входной дверью. Потолок в помещении частично отсутствует, и просматривается второй этаж с резной панелью. Возможно, второй этаж над дахлизом являлся лоджией с выходом в мехмонхану. Справа от дахлиза расположена небольшая комната, на восточной стене которой имеются ниши-токча с росписью по ганчу. Потолок комнаты также украшен розеткой и геометрическим ганчевым узором. Над окнами имеются верхние световые проемы *тобадон*, часто заполненные *панджарой*. С северной стороны дома расположены несколько помещений. Влияние атмосферных осадков и попадание влаги под фундамент привели к осадке северо-западного угла здания и появлению трещин в конструкциях стен. С обеих сторон северного ряда помещений располагаются два небольших айвана. Их деревянные резные колонны были выявлены в толще кирпичной кладки в процессе исследования. Колонна расположена строго по центру и завершена фигурной подбалкой. В каждом малом айване по свободным стенам есть ниши прямоугольной формы. На внешней стене, под слоем штукатурки, просматривается деревянная балка, по которой выложен ряд кирпичей

в виде дандона. Под половым настилом этих помещений обнаружены фрагменты кирпичной выстилки пола. Вероятно, с этих малых айванов вела деревянная приставная лестница во внутренний двор ичкари. Сейчас это общий двор с постройками, которые вплотную подошли к описываемому объекту.

На второй этаж, который имел ряд северных хозяйственных помещений и лоджию над дахлизом, вела лестница.

Двор в данное время имеет постройки разного характера и предполагает демонтаж поздних строений. Скорее всего, на восточной стороне двора имелись кухня с подсобными помещениями и хауз в центре двора.

В справочнике и адрес-календаре Самаркандской области за 1894 год есть информация и о доме Мир Вафобая, где отмечается смешение в нем черт местной и европейской архитектуры: «Дома в туземной части города: казенных — 5, общественных — 172, частных — 5154. Из частных домов заслуживает внимания дом купца Мир Вафы, каменный, двухэтажный,

Рис. 8. Мехмонхана. Во время реставрации. Фото Ф. Худайкуловой, 2024.

русско-туземной архитектуры под железной крышей. Остальные дома, одно и двухэтажные, устроены без окон на улицу. Каркасные (фахверковой конструкции) и глинобитные, с плоскими земляными крышами без печей, нагреваются жаровней с углями, вследствие чего холодные. Полы в них, преимущественно, земляные, у зажиточных — кирпичные. При скученности городских построек древесные насаждения и хаузы имеются в редких домах» (Справочник, 1893: 19, 55, 58)

Мир Вафобай Мир Бабаев был богатым купцом, владел несколькими доходными домами в г. Самарканде, модным магазином Пескиной и медно-лудильной мастерской Магомет Оглы — кавказского мастера. Все доходные дома Мир Вафобая находились в так называемой русской части города и являлись образцом туркестанской колониальной архитектуры. Мир Вафобай являлся народным судьей при попечительском совете о тюрьмах в Самаркандской области, а также членом отдела Самаркандского туркестанского благотворительного общества.

Так как он был очень богатым человеком, можно предположить, что его дом строили именитые мастера-усто того времени.

Дом не перешел последующим потомкам купца, так как история дома и его хозяина сложилась трагически. Мир Вафобай был очень богат и религиозен, занимался благотворительностью и слыл правоверным мусульманином.

«Его ежегодный вклад в благотворительность всегда превышал десять тысяч рублей. Кроме того, как свидетельствует сохранившийся в архиве документ, житель "квартала Суфи-Розык города Самарканда мулла Мир Вафобай Мир Бабаев учредил вакуф 26 дня месяца Мухаррам 1306 года по магометанскому летоисчислению из 4-х лавок… Вакуф этот был учрежден в пользу нанятых им 8 чтецов Корана, обязанных ежедневно дважды читать молитвы, а также в пользу одного бедного студента медресе. Кроме того, купец этот обязался ежегодно приобретать для

Рис. 10. Северная стена дома до и после открытия малого айвана. Фото Ф. Худайкуловой, 2024

мечети квартала Лучакон по пуду свечей”», пишет Р. Г. Назарьян.

Известный краевед и филолог Р. Г. Назарьян обнаружил архивные документы по следствию очень громкого дела. В них некий Абдулла убил своего отца, которым оказался Мир Вафобай Мир Бабаев. «Между отцом и сыном Абдуллой нередко происходили скандалы и ссоры, которые привели к полному разрыву родственных отношений. Мирвафо полностью лишил сына наследства и выгнал из своего дома. Десять лет Абдулла жил где придется, не общаясь с отцом и не получая от него поддержки. В ночь 29 октября 1903 года Самарканд был взбудоражен известием о преступлении: в своем доме в квартале Суфи Розик был зверски убит один из богатейших и известнейших купцов города Мир Вафобай Мир Бабаев. Был украден сундук-касса, который преступники не смогли открыть на месте и прихватили с собой. По заключению следователя, в преступлении был замешан человек, хорошо знавший внутреннюю планировку дома. Подозрения пали на Абдуллу, так как мать и сестра его опознали по красному чапану и голосу. Было доказано, что в убийстве купца принимало участие несколько человек, но установить их личности следствию так и не удалось. На суде Абдуллу защищал известный адвокат Н. Болотин, после чего судьи вынесли Абдулле оправдательный приговор. Однако прокурор выразил протест, и Абдуллу вновь отправили в тюрьму в ожидании нового судебного приговора» (Назарьян, 2019). Результаты второго слушания не обнаружены в архивных документах, в связи с чем судьба Абдуллы осталась нам неизвестной.

В разное время помещения этого дома сдавали разным государственным организациям. Сначала здесь был госпиталь, затем, во время войны, мастерская по ремонту военной техники. В советское время размещались школа и мастерская по ремонту мотоциклов. Сейчас его арендует автошкола. Как получилось, что дом, являющийся объектом культурного наследия, остался без хозяев? Ведь, несомненно, этот дом имеет определенную архитектурную и историческую ценность и его надо сохранить для потомков.

Нам удалось выявить среди архивных документов, что в 1983 году был выполнен обмер дома, а в 1991 году Ташкентским научно-исследовательским институтом реставрации был профессионально выполнен проект реставрации, в частности, одним из лучших реставраторов Узбекистана М. А. Ахраровым. Данный проект можно обновить согласно современному состоянию дома и начать реставрацию этого выдающегося памятника жилой архитектуры.

Сейчас в доме Мир Вафобая ведутся реставрационные работы. Сделаны важные шаги, направленные на сохранение

Рис. 11. Северная стена дома до и после открытия малого айвана. Фото Ф. Худайкуловой , 2024

исторической ценности здания, включая реставрацию несущих конструкций и декоративных элементов. Во дворе демонтированы все постройки более позднего периода для снижения уровня двора до более низкой отметки. Все несущие балки очищены от слоев краски, чтобы показать их первоначальную структуру и элементы декора. Оконные проемы, выходящие на айван и задний двор, восстановлены в их оригинальном виде. На айване проведена важная работа по снятию краски с резных колонн, что дало специалистам возможность выявить степень разрушения дерева и приступить к консервации. Над окнами мехмонханы открыли световые проемы тобадон, которые раньше служили для дополнительного освещения и вентиляции. Полы, частично сгнившие, нуждаются в демонтаже и замене. Предстоит решение задачи по изготовлению деревянных дверей, рам и ширмы шахнишина, которые будут воссозданы по образцам, запечатленным на фотографиях С. М. Прокудина-Горского. Потолок в мехмонхане требует осторожной реконструкции, особенно в зоне над шахнишином, где провисла его конструкция.

Таким образом, дом Мир Вафобая Мир Бабаева — уникальный архитектурный объект конца XIX в., который отражает синтез колониального и традиционно туркестанского стилей. Фотографии С. М. Прокудина-Горского являются своего рода «путеводителем» в процессе реставрации, позволяя сохранить историческую точность и верность оригиналу. Реставрация дома Мир Вафобая — важный процесс, который может вернуть этому уникальному памятнику жизнь в культурном контексте современного Самарканда и быть использован в качестве музея, культурного центра или выставочного пространства, демонстрирующих не только традиционную архитектуру, но и примеры декоративно- прикладного искусства Узбекистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда XIX–XX вв. (по материалам 1938–1941 гг.). Душанбе, 1974.

Полупанов С. Н. Архитектурные памятники Самарканда. Ташкент, 1948.

Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948.

Захидов П. Самаркандская школа зодчих. Ташкент, 1965.

Нильсен В. А., Манакова В. Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Ташкент, 1974.

Справочник и календарь Самаркандской области. Самаркандский областной статистический комитет. Выпуск 1. Самарканд, 1893.

Ремпель Л. Архитектура народного жилища Средней Азии // Архитектура СССР. М., 1937.

Архитектурное наследие Узбекистана, т. 1. Ташкент, 1960. С. 209, 211.

Назарьян Р. Г. Неоконченное дело самаркандского «падаркуша» Абдуллы // Источник:https://nuz.uz/2019/10/17/neokonchennoe-delo-samarkandskogo-padarkusha-abdully/

MAHMOUD AHMED EMAM
«Silk Road» International University of Tourism and Cultural Heritage
Cairo, Egypt / Samarkand, Uzbekistan

ARCHITECTURAL DIALOGUE: THE INTERSECTION OF TIMURID INFLUENCE AND INDIAN TRADITION IN MAHMUD GAWAN'S MADRASA. BIDAR. INDIA

Key words: madrasah, bidar, architecture, India, Timur, Deccan, Iran, Central Asia.
Abstract: The concept of global influence is often associated with Timurid architecture, a style that transcended regional boundaries. the Madrasa of Mahmud Gawan in Bidar, Deccan, India, built in the middle of 15th century, represents a unique architectural case. This madrasa is not just influenced by Timurid elements, but is a fully Timurid structure in style. What makes this even more remarkable is that it was constructed during the same period when the Timurid architectural style was flourishing in Khorasan, Iran, and Central Asia, despite the Deccan never being under Timurid rule. This paper explores the reasons behind the construction of a purely Timurid-style madrasa in the Deccan, far from the Timurid empire. In addition to examining the architectural authenticity of the madrasa, this paper will also consider whether it can be seen as a replica of iconic Timurid madrasas, such as the Ulugh Beg Madrasa in Samarkand or the Khargard Madrasa, or if it incorporates local Indian influences in its design, structural systems, or architectural elements. By investigating these aspects, the paper aims to uncover the broader cultural and political significance of adopting such a style in the Deccan.

Kalit so'zlar: madrasah, Bidar, arxitektura, Hindiston, Temur, Dakkon, Eron, Markaziy Osiyo.
Annotatsiya: Hindistonning Dakkon mintaqasidagi Bidar shahrida XV asrning o'rtalarida qurilgan Mahmud Gavan madrasasi noyob arxitektura namunasi hisoblanadi. Bu madrasa nafaqat temuriy unsurlar ta'sirida, balki butunlay temuriylar uslubidagi inshootdir. Buni yanada diqqatga sazovor qiladigan narsa shundaki, u Dekkan hech qachon temuriylar hukmronligi ostida bo'lmaganiga qaramay, temuriy me'morchilik uslubi Xuroson, Eron va O'rta Osiyoda gullab-yashnagan bir davrda qurilgan. Ushbu maqolada madrasaning me'moriy aslligini o'rganishdan tashqari, uni Samarqanddagi Ulug'bek madrasasi yoki Xargard madrasasi kabi Temuriylar tarixidagi madrasalarning nusxasi sifatida ko'rish mumkinmi yoki u mahalliy hind ta'sirini o'zida mujassam etganligi, ko'rib chiqiladi. Shu jihatlarni o'rganish orqali maqolada Dakkonda bunday uslubni qo'llashning kengroq madaniy va siyosiy ahamiyatini ochib beriladi.

Ключевые слова: медресе, Бидар, архитектура, Индия, Тимур, Декан, Иран, Центральная Азия.
Аннотация: Тимуридская архитектура часто ассоциируется с глобальным влиянием, преодолевшим региональные границы. Медресе Махмуда Гавана в Бидаре (Декан, Индия), построенное в середине XV века, является уникальным архитектурным примером. Это медресе не только испытало влияние тимуридских элементов, но и представляет собой полностью тимуридскую структуру по стилю. Особенно примечательно, что оно было построено в тот же период, когда стиль Тимуридов процветал в Хорасане, Иране и Центральной Азии несмотря на то, что Декан никогда не находился под властью Тимуридов. В статье исследуются причины строительства медресе в Декане в чисто тимуридском стиле, а также его архитектурная аутентичность, чтобы определить, является ли оно репликой таких знаменитых медресе, как медресе Улугбека в Самарканде или медресе Харгард, или включает в себя местные индийские влияния в своём дизайне.

Introduction. Mahmud Gawan, whose real name was Malik Shah Muhammad, originated from Gawan in Gilan, Iran (Haroon khan sherwani, 1942: 21). He came from a distinguished family of ministers, as both his father and grandfather served in Gilan (Haroon khan sherwani, 1944: 291). His journey to Bidar began as a trader, passing through several countries before reaching Bidar during the reign of Bahmani Sultan Allauddin Shah (1435–1458 CE). Impressed by his abilities, Allauddin Shah appointed him as the governor of Bidar. Later, under King Muhammad Shah Lashkari (1463–1483 CE), he was reappointed to this position. Mahmud Gawan gained prominence when the king of Bidar (Pushkar Sohoni, 2023: 145), Mahmud Shah Bahmani (1473–1519 CE), appointed him as the Chief Minister (Wazir-e Aazam) and honored him with the title of Khwaja

Jahan. At his suggestion, Bidar's name was changed to Mahmudabad Bidar, emphasizing his influence and stature (Richard Eaton, 2005: 59).

Mahmud Gawan was a multifaceted figure – well-versed in Islamic theology, Persian language, and mathematics, and highly regarded as both a poet and prose writer. Known for his wisdom, he earned the respect and trust of not only local rulers, but also foreign kingdoms. A successful general, a capable administrator, and a patron of arts and culture (Haroon khan sherwani, 1944:291), Mahmud Gawan played a pivotal role in the administration of the Bahmani Sultanate. His intellectual prowess made him a key figure in the political and cultural exchanges of the time (Richard Eaton, 2005:60). Historical accounts, including those of the historian Tabatabai, refer to him as «Mawlana Mahmud Shirazi,» emphasizing his Persian roots. Gawan was once offered the position of Prime Minister of Khorasan, but he declined (George Michell, 2008: 2).

Literature review. Despite the recognized significance of Mahmoud Gawan's madrasa and the extensive body of research dedicated to it, most studies have remained confined to general overviews, lacking a thorough examination of its architectural and structural nuances. For example, Mate's analysis situates the madrasa within the broader context of Islamic architecture in the Deccan, offering limited insight into its unique design elements (M.S. Mate, 1962: 13–25, 42). Similarly, while Helen Philon provides a standalone exploration of the madrasa, her study is largely descriptive, with only cursory references to the Timurid influences (HELEN PHILON, 2016: 75–85). These references fail to delve into the specific mechanisms of how these influences were transmitted or adapted. Furthermore, the integration of Timurid features with local Indian architectural traditions remains unexplored. This limitation is also evident in other scholarly works, including those by Irfan Habib and Manu Sobti (Irfan Habib, 1997: 298–312; Manu P. Sobti, 1995: 27–61).

Methodology. This research utilizes a comprehensive methodology combining fieldwork, historical analysis, and comparative architectural study. A detailed field investigation was conducted at Mahmoud Gawan's madrasa in the Deccan, where precise measurements and photographic documentation were collected, alongside similar studies at Timurid madrasas in Samarkand and Bukhara. Data from each of these sites were compared to identify architectural correlations between the regions. Additionally, historical sources were analyzed to extract information on construction techniques and cultural influences. By comparing the measurements and architectural features of these madrasas, the study aims to understand how Timurid elements were transmitted and adapted within the local Indian context.

Descriptive and field study: **(figures 1, 2).** Although the foundation inscription on the upper band of the madrasa's main façade records the construction date as 877 AH/1472 CE, historian Tabatabai mentions that the building was completed earlier, in 876 AH/1471 CE. Ferishta, however, suggested that the madrasa was constructed later, in 1480 CE (Ferishta, 1966:268). Architecturally, the madrasa adopts the four-iwan layout, which scholars often refer to as the «Golden Plan» for Islamic madrasas commonly seen in Egypt, Iran, the Levant, and

Figure 1

Figure 2

Central Asia. Unfortunately, a significant portion of the madrasa has collapsed, including the main façade, entrance, southern wing, and the southeast tower. Restoration work was undertaken by the Archaeological Department in 1914, under the supervision of Yazdani (Yazdani, 1947: 91–100). During this restoration, Yazdani uncovered the foundations of the collapsed sections, allowing for a better understanding of the original architectural features. It was determined that the entrance originally consisted of a prominent structure with two arched recesses, measuring 7 meters in width, 3.4 meters in depth, and more than 15 meters in height.

The overall plan of the madrasa consists of a central open courtyard with a square configuration. At the center of each side of the courtyard, there is a rectangular iwan. In addition, the now-collapsed entrance was located on the eastern façade, flanked by a rectangular mosque on one side. On the opposite side of the façade, there was once a matching space, which has since been destroyed with no surviving trace. In the remaining space between the iwans, the entrance, and the mosque, various service areas occupy the four corners, distributed across three stories.

The western iwan, which is the largest and most significant within the madrasa, measures 15.87 meters in length and 8 meters in width. It is covered by a high stone vault with an arch reaching a peak of 13.97 meters. This iwan opens fully onto the western side of the courtyard and features a square recess at its center, crowned by a two-tiered dome. The lower dome, supported by squinches, reaches a height of 14 meters, while the upper dome rests on a drum that sits at the roof level of the madrasa. Among the remaining iwans, only the northern and southern have survived. Both measure 8 meters by 12 meters and feature five-sided recesses. Each side of these recesses is 3.3 meters wide and covered by a fan vault.

On either side of the four iwans are rectangular chambers that open onto the courtyard through pointed arches, each measuring 1.7 meters in width and 2.4 meters in height. These chambers extend 13 meters deep into the structure, each divided into two square units. Each of these units is covered by a shallow dome, supported by corner squinches. The corners of the madrasa are occupied by additional architectural features. In the western section, each corner of the courtyard – northwest and southwest – contains a doorway leading to a vestibule, which in turn opens into a square space. These spaces are thought to have possibly served as smaller schools, as they mirror the overall design of the madrasa itself. The central area of these spaces measures 5 meters per side, and each one is covered by a low dome standing 5.28 meters high. Four adjoining rooms open into this central square with pointed arches, measuring 3.77 meters in width, 3.36 meters in depth, and 3.77 meters in height. Each of these rooms is covered by a pointed barrel vault, and the four corners of the structure feature small square rooms, which are covered by low, shallow domes. These rooms measure 3.79 meters in width and 3.57 meters in depth.

The eastern section of the madrasa, particularly on the ground floor, differs in both its layout and number of units. In the northeast and southeast corners of the madrasa, the units vary. The first of these units can be accessed through a door in the corner of the courtyard, which leads into a square room with sides measuring 8.16 meters. This room is covered by a pointed dome that reaches 12 meters high. A rectangular space, running transversely from north to south, lies in front of this room. This hall measures 15.18 meters in length and 7.73 meters in width, with a pointed vault that rises to a height of 11 meters. The vault is supported by four structural ribs, with the apex of these ribs reaching 10.19 meters. The western wall of this hall includes a mihrab, which has a polygonal base and measures 2.9 meters in width.

This entire section, which functions as the mosque annexed to the madrasa, is accessible from two directions. The first entrance is located at the end of the recess adjoining the eastern iwan, while the second entrance was originally located on the northern side of the now-collapsed entrance structure.

The madrasa`s architecture between Indian and Timurid style:

• *Making space of general plan:*

Before embarking on the architectural and decorative details – whether Timurid or local Indian – reflected in the Mahmud Gawan Madrasa, the most striking aspect is the overall impression, or what can be termed in architectural parlance as «structural cohesion» or holistic spatial treatments. This initial impression reveals a strong adherence to the Timurid architectural style, which distinctly separates itself from the local Indian approach, despite the latter's presence in finer details. Indeed, Timurid structures, palaces, mosques, madrasas, or even hammams, are all composed of fundamental architectural units. These edifices adhere to what is known as space-making, a method where the most critical functional architectural elements are first delineated, with the remainder of the structure organically arranged around them. Architects would then employ various spatial solutions to complete the form of the building (Seyed Hesamodin Tabibian, 2012: 4107; Robert Hillenbrand, 2005: 90; Pushkar Sohoni, 2023: 17; Percy Brown, 1959: 83).

This approach is manifest in the madrasa under examination, as well as in the Khargird Madrasa in Herat and the Ulugh Beg Madrasa (figures 4, 5) (Bernard O'Kane, 1976: 78; Bernard O'Kane, 2021:244; Lisa Golombek and Donald Wilber, 1988: 78). In all cases, the central courtyard and primary iwans serve as the structural and functional axis around which the rest of the madrasa's components are organized. Surrounding these primary spaces, additional service units, such as secondary schools, are inserted into the spaces between the iwans. Furthermore, certain elements, like the mosque, adopt a transverse layout in the Ulugh Beg Madrasa, occupying the western sector (Lisa Golombek and Donald Wilber, 1988:

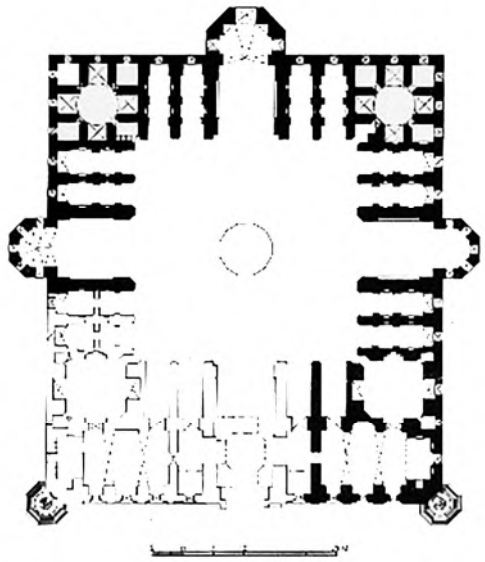


Figure 3

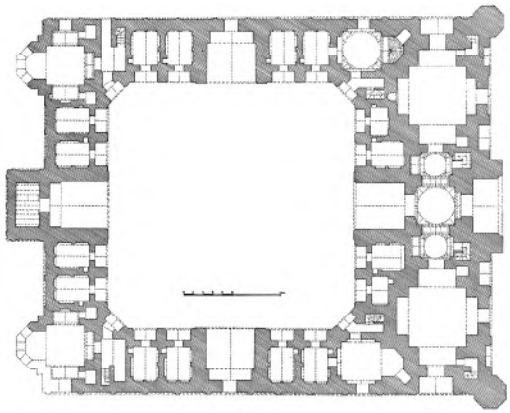


Figure 4

78). Meanwhile, in the madrasa under study (figure 3), the mosque is similarly positioned transversely, but occupies a rectangular space on the eastern side of the main façade. This particular arrangement diverges from the configurations seen in other Indian madrasas constructed both before and after the establishment of the bidar madrasa (Sathyavathi, 2018:2; Philon, 2016: 77; M.S. Mate, 1962:18).

When it comes to the treatment of interior spaces in Indian madrasas before and after the madrasa under study, historical sources document the construction of numerous madrasas, though unfortunately, few have survived from the

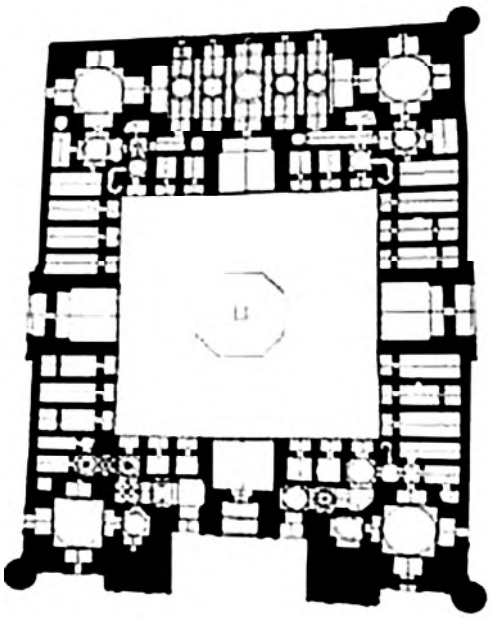


Figure 5

Sultanate period in the Indian subcontinent (Al-Harwi, 2005: 167; Barni; 1862: 99; Ibn Battutah, 1976: 99). The first of these is the madrasa attached to the Qutb al-Din Mosque in Delhi (figure 8) (Brown, 1959: 72), the second is the Tughlaq madrasa incorporated into the complex of Sultan Feroz Shah Tughlaq at Hauz Khas (figure 7) (Anthony Welch, 1996:176), and the third is the madrasa currently under analysis. Additionally, during the Mughal era, a madrasa known as the Sheikh Jilal Madrasa was constructed in Lahore (figure 6) (Ahsan jan Qaisar, 1988: 28; Ebba, 1991: 32). However, historical records clearly indicate Sultan Feroz Shah Tughlaq's deep commitment to building madrasas, which were renowned for their meticulous design, robust construction, and sound administration. These madrasas featured numerous rooms and colonnaded halls surrounded by lush gardens. They also served as centers for a wide range of scientific disciplines. Indeed, the famed traveler Ibn Battuta, upon visiting the southern Indian city of Hanur, noted the presence of no fewer than thirteen schools dedicated exclusively to the education of girls (Ibn Battutah, 1976: 98; Anthony Welch, 1983: 82).

From an architectural perspective, we can summarize those Indian madrasas typically followed what is structurally known as the *post-and-lintel system*, characterized by horizontal construction (about this Indian local system see: Banerji, 1993: 89; George, 2008: 35; Marshall, John, 1928: 27). This approach, however, was not suitable for the Mahmud Gawan Madrasa. Therefore, the architect adopted the second system, which distinguishes Timurid architecture, structurally referred to as the *load-bearing system* (Golombek, Wilber, 1988: 101). As previously mentioned, this method focuses on the manipulation of space. A general analysis of the layout of the Mahmud Gawan Madrasa, along with other examples like the Ulugh Beg Madrasa and the Khargird Madrasa, reveals that the architect prioritized essential architectural units such as iwans, the entrance, and the courtyard.

The iwans, however, posed a structural weakness due to the immense downward force exerted by the vaulted ceilings, which could weigh hundreds of tons. To counteract this, the architect employed a series of architectural units designed to absorb and counter the pressure generated by the heavy vaults. These units, covered by large

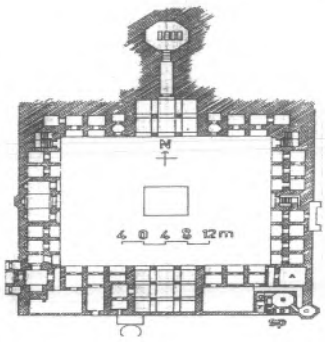


Figure 6

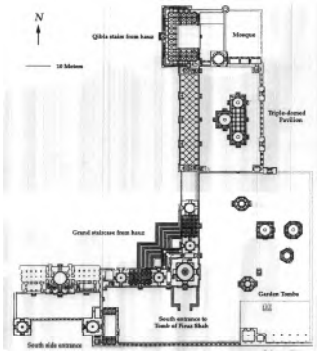


Figure 7

Figure 8

Figure 9

Figure 10

Figure 11

Figure 12

domes, were strategically placed in the voids between the iwans. While they served functional purposes by creating additional spaces for various activities, their primary structural role was to provide counterpressure against the vaults on either side, ensuring the stability and integrity of the entire structure.

A comparative analysis of the general plan and structural treatments between surviving Indian madrasas and the Gawan Madrasa, reveals significant disparities, especially in the latter's adherence to Timurid spatial principles. One of the most notable differences lies in the fact that many Indian madrasas, like those found in Egypt and the Levant, were part of larger architectural complexes often centered around the founder's mausoleum (Doris, 2007, 128). For instance, the Alauddin Khalji Madrasa, located southwest of Delhi adjacent to the Qutb al-Islam Mosque, was constructed by Sultan Alauddin Khalji and is physically linked to his mausoleum (Percy Brown, 1959: 72). Although this madrasa employs an iwan-based layout, the spatial treatments significantly diverge from those of the madrasa under study. Moreover, the tomb of Minister Mahmud Gawan is situated outside the city of Bidar, along the road leading to Hyderabad (Sherwani, 1942: 22). Here, the service units, including student quarters and classrooms, are situated in a separate block, located to the north and south of the madrasa. As for the Feroz Shah Madrasa at Hauz Khas, it was constructed in an L-shape, forming a continuous structure along the southern and eastern boundaries of the reservoir complex (McKibben, Jeffrey, 1988: 78). In conclusion we can notice from this description and plans, the deference method of making the space of the Gawan Madrasa and other madrasas in India and central Asia.

• ***Structural methods and material.*** A defining characteristic of Timurid architecture, exemplified in the Mahmud Gawan Madrasa, is the seamless visual integration of the walls and the underlying structural framework. This aspect, as noted by Lisa in her study of Timurid construction techniques, highlights how architects combined the core wall structures, built using bricks, with brick or plaster cladding (Golombek, 1988: 110). This approach not only facilitated quicker construction but also ensured greater cohesion across the wall's components. Despite the use of stone in the foundation, a similar technique is evident, where the core structural mass is concealed behind an exterior layer of mortar or brick (figure 9), whether for functional or decorative purposes. Even though heavy black basalt stone was used in the construction, without close inspection, one cannot easily distinguish these structures from other Timurid buildings, as they adhere to the same structural treatment involving cladding-covered walls.

In this regard, stone was rarely used in Timurid architecture, as O'Kane and Lisa point out:

«Stone was highly valued as both a building and decorative material due to the scarcity of quarries in the fifteenth century. Its use was limited to the most opulent structures, and even then, it primarily served as a decorative revetment (Golombek, 1988: 79; Okane, 1982: 82). Timur's extensive use of stone in his Friday Mosque in Samarkand likely played a role in this development (Hillenbrand, 2005: 85). Babur recounts that he employed 200 stone masons from Fars, Azerbaijan, India, and other countries for his constructions. Remains of the original 480 stone columns, along with fragments of the grand arched stone entrance to the mosque, still exist (Annette Susnnal, 1922: 110). The finest stone used in Herat seems to have

come from Uba, as evidenced by Isfiziri's account: 'At one end of the town is a mountain that contains a mine of white stone resembling marble. From this stone, dadoes (iziraha) are made, as well as columns, thrones, funerary tablets, and cenotaphs, demonstrating its versatile use (Khwaja Abdullah Sidiqi, 2023: 9519; Sandra Aube, 2020: 68)

However, in the case of the Bidar madrasa, stone-cutting and shaping techniques mirrored those used for brickwork in Timurid architecture (figures 9-11), marking an innovation by the architect responsible for this structure. This technique was unprecedented in Islamic architecture in India. Upon detailed analysis, three distinct construction techniques can be identified in the Bidar Madrasa.

The first technique involved the use of small, precisely cut stone units, each measuring 25 cm. These stones were skillfully hewn with parallel edges and consistent dimensions across the entire building (figure 9). This method contrasts sharply with the local construction practices observed in most examples of Islamic architecture in India (B.L. Dhama, 1965: 2; Marshall, John, 1928: 72; Havel, 1913: 82), the second style, referred to as the Tughlaq method or, more technically, «molded walls, (figure 12)» involves using irregularly sized stones. The gaps between these stones were filled with a liquid lime mortar, which was poured to reach all the voids between the stones. This technique is prominent in most buildings from the Tughlaq period (Anthony Welch and Howrd Crane, 1983: 82). In contrast, the Mahmud Gawan Madrasa employed small, uniformly cut stone units using the same principles as Timurid construction, ensuring the building's structural soundness. This method was adopted despite the availability of the clay necessary to produce bricks. The decision to use stone instead of brick likely stemmed from environmental and topographical factors in the region (M.S. Mate, 1962: 23).

The third technique is distinctly Timurid, involving the construction of core walls that are then clad with an outer layer of brick, serving both structural and decorative functions. This method is prominently featured in the minaret and certain sections of the eastern facade of the madrasa, further highlighting the intricate and layered approach to architectural design within this Timurid-inspired structure (Seyed Hesamodin Tabibian, 2012: 4108; Zubaydullayev, 2020: 39; Lisa Golombek and Donald Wilber, 1962: 42).

In addition to the previously mentioned construction techniques, a distinctive local structural method was incorporated into the architectural system of the Mahmud Gawan Madrasa the use of structural ties or bonding belts. In traditional Timurid architecture, timber and bamboo were utilized to bind architectural elements and structural masses together. This technique was supported by a specialized craft of woodworking, dedicated to assembling different components of a building. These methods are depicted in various Timurid illustrations that showcase construction processes and architectural craftsmanship (Ahsan jan Qaisar, 1988: 20).

However, in the Mahmud Gawan Madrasa, we observe a distinct application of local techniques to further enhance the building's structural integrity. This was achieved through the use of precisely crafted ties and joints, which significantly strengthened the structure. According to Indian building codes, two primary methods of assembly were employed: the horizontal assembly of materials and the vertical assembly (see Figure 15) (Shweta Vardia, 2009: 72). Ibn Battuta also references this technique in his description of the Delhi Mosque: «Its walls, roof, and floors

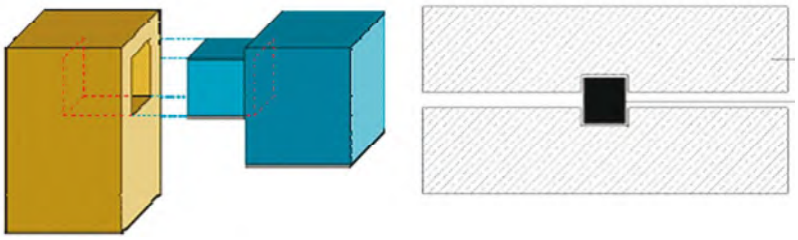


Figure 15. Construction techniques. Shweta Vardia

are made entirely of finely carved white stones, expertly bonded with lead to form an impeccably strong and seamless connection...» This method reflects the advanced craftsmanship and local ingenuity in reinforcing architectural structures, blending Timurid influences with indigenous techniques (Ibn Battutah, 1976: 97).

These all techniques come with the topographic features of the Deccan cites, Mate mentioned the sultry atmosphere of Gulbarga compared with the fertility and salubarity of Bidar. The word Gulbarga or Kalbarga means "stony land" in the Kannada language, and this part of the Deccan is noted for its very scanty rainfall. On the other hand, Bidar is situated on a plateau 2330 feet above the sea level, and it is definitely one of the healthiest parts of the Deccan tableand. (Haroon Khan Sherwani, 1944: 182; M.S. Mate, 1962: 13).

c. Architectural components. In examining the architectural history of the Deccan and its connection to the Timurid style introduced from Iran, Khorasan, and Central Asia, it becomes clear that Timurid influence in the region extends well before the construction of the Mahmud Gawan Madrasa, despite the fact that this study centers on that particular structure as a quintessential example of Timurid architecture. As Eaton observes, Timurid architectural elements were already making their mark in the Deccan during the reign of Ahmad I (Richard Eaton, 2005: 64).

Ahmad I's palaces in Bidar unmistakably showcase the influence of Timur, whose capital at Samarqand epitomized opulence and imperial grandeur. The Bidar citadel features prominent elements such as the Royal Chamber (Takht Mahal), Hall of Public Audience, Naubat Khana, Lal Bagh, and Tarkash Mahal, along with a range of supporting structures including mosques, pavilions, kitchens, courtyards, gardens, cisterns, and defensive ditches. In contrast to the low, squat arches of Gulbarga's earlier architecture, Bidar's architects, drawing inspiration from the sophisticated designs of Timurid cities like Samarqand and Herat, constructed impressive edifices that soar to heights exceeding 100 feet. The influence of Timurid architecture is particularly evident at the entrance of the Royal Chamber, where the 35-foot arches and intricately designed spandrels adorned with lion and sun motifs echo the grandeur of Timur's Aq Saray Palace at Shahr-i Sabz (1379–1396).

However, Timurid influence in India can be traced back to the era of Timur's invasion. Historical sources indicate that Timur appointed Khizr Khan as the ruler of Delhi and possibly Multan, setting the stage for his descendants, like Babur, to consolidate power under the Mughal Empire. Babur proudly traced his lineage to Timur, as evidenced in inscriptions and royal decrees. The Bahmani rulers, keen to follow Timurid cultural and political models, sought to emulate their achievements. This connection was strengthened by the Bahmanis' desire for independence from the central Islamic sultanates of India, particularly after the weakening of the Tughlaq dynasty, which allowed the Bahmanis to establish a distinct cultural identity in the Deccan (Irfan Habib, 1997: 298; Manu P. Sobti, 1995:27; Maryam Khazaee, 2013: 142).

Faced with a choice between aligning with local cultural influences or forging connections with the wider Islamic world, the Bahmanis opted for the latter. Sultan Firuz Shah Bahmani, for instance, sent a message to the esteemed Persian poet Hafez Shirazi, inviting him to the Deccan. Firuz and later Sultan Ahmad I were heavily influenced by Timur's legacy in Asia, striving to replicate the cultural patronage that Timur had cultivated by attracting scholars, artists, and architects to his court. Historical records reveal that many of the Bahmani court officials and soldiers hailed from regions like Khorasan, Herat, and Bukhara, further solidifying these connections (for more information about the Bahmani relations with the Timurid court. See: Özden Erdoğan, 2003: 93–107, 172–213; Maryam Khazaee, 2015:40–44; Pushkar Sohoni, 2023:146–159; Richard Eaton, 2005: 59–78).

One notable episode illustrating the Bahmani-Timurid relations occurred when Sultan Firuz Shah Bahmani, upon hearing of Timur's intention to invade India, preemptively sent emissaries to Samarkand, including Mir Fazlu Lah Inju and Maulana Fazlullah Sabzwari. The delegation stayed in Timur's capital for six months before delivering their message. Firuz expressed his

willingness to support Timur's ambitions in Delhi, offering to pay homage to any ruler appointed by Timur. In return, Timur acknowledged Firuz as his «son,» sending him royal gifts and confirming his authority over the Deccan. This diplomatic exchange highlighted the Bahmani rulers' strategic efforts to align themselves with the powerful Timurid dynasty (Richard eaton, 2005: 59).

d. The court. The courtyard (sahn) has been a fundamental element in Islamic religious architecture, primarily serving for ventilation and lighting (havel, 1913: 72; doris, 2007: 91). In the Mahmud Gawan Madrasa, the Timurid architectural approach is evident. The courtyard functions as a central feature, providing access to surrounding spaces and creating a quiet, insulated environment for learning. The courtyard's design reflects Timurid principles, with its well-proportioned layout facilitating both functional and aesthetic purposes (Bernard okane, 1982: 31), mirroring notable Timurid madrasas such as Ulugh Beg's in Samarkand and Khargird. This approach contrasts with Indian madrasas, where courtyards were often irregular and resulted from horizontal construction methods, shaped by local traditions and environmental factors.

When comparing Indian and Central Asian madrasas, a significant distinction is seen in the courtyard design. Timurid madrasas, like those in Samarkand and Bukhara, feature large, symmetrical courtyards as the heart of the complex, surrounded by iwans, lecture halls, and residential quarters, emphasizing balance and axial organization. The Mahmud Gawan Madrasa follows this Central Asian model, with its three-story construction and precise courtyard proportions, highlighting the vertical Timurid style, The courtyard in the Mahmud Gawan Madrasa forms a square with side lengths of 34,4 m, and a total perimeter of 1183 m. Notably, this same proportional ratio can be found in Ulugh Beg's Madrasas in both Samarkand and Bukhara, as well as in the Khargird Madrasa in Herat (table 1). This architectural layout not only serves functional needs but also reflects the cultural and political prestige of the Timurid tradition, blending it with Indian local practices to create a unique architectural dialogue.

e. Vaulted iwan and domes. The iwan, a vaulted rectangular space opening fully onto a courtyard (Gh. H. Memarian, 2014: 3; Rana M. Alkadi, 2016: 43), was not commonly employed as a principal architectural element in the religious monuments in India (Percy Brown, 1959:123; Havel, 1913: 92). Its presence in the Mahmud Gawan Madrasa, however, reflects a pronounced Timurid influence. This does not imply that Indian architecture lacked the use of rectangular vaulted spaces; rather, such forms did appear in notable examples, such as the side vaults in the Jama Masjid at Budaun, the central vault in the Adina Mosque, and the iwans in Alauddin Khilji's Madrasa in Delhi (Percy Brown, 1959: 123; Havel, 1913: 92; Seema Khan, 2011: 59; Pushkar Sohoni, 2020:16; Banerji, Naseem Ahmed, 1993: 34). It is worth noting that the rarity of using traditional iwan, characterized by a vaulted rectangular space that opens entirely onto a courtyard, in Indian Islamic architecture may have been due to concerns about the structural vulnerability posed by the iwan's fourth wall facing the courtyard, which was perceived as a potential point of structural failure.

Table 1 measures of the courtyard

s	Madrasah name	Plan	Measure of the court	Measure of the madrasa	Ratio
1	Mahmoud Gawan Madrasah	Square	34,4 * 34,4m	64*68	1:4
2	Ulug Bek Madrasah	Square	35*38m	60*81	1:4
3	Khargerd Madrasah	Square	28*28m	45*56	1:4
4	Hauz Khas Madrasah	Open irregular space	unknown	unknown	–
5	Shaikh Jalil Madrasah	Rectangular	20 *30m	50*40	2:4

Gustave Le Bon remarked about the Indian imagination about the spaces covered by domes and vaults, he mentioned «It is worth noting that Hindu architects did not construct vaults with a central focus in any of the monuments built in India prior to the Islamic era, and even afterward in many cases. This preserved the old monuments from collapse. vaults, like those made in the iran, with minimal materials that cover large spaces, inherently contain the seeds of their own destruction, as the Hindus say, 'they never sleep.' (Le Bon, Gustave, 1974: 92; Havel, 1913: 82)

This architectural unit in the madrasa of Mahmoud Gawan is a sophisticated composite structure, featuring a barrel or modified barrel vault that opens to the exterior, either onto a courtyard or as part of the building's facade. The vaulted space is framed by a rectangular masonry mass, commonly referred to as the «iwan screen». This screen consists of the vault's pylons, which rise to the spring line and then continue horizontally above the vault's crown. It extends well beyond the roofline of surrounding buildings, creating a prominent, though structurally weak, false front.

In the architectural design of the Mahmud Gawan Madrasa, architects implemented additional structural reinforcements to ensure stability. This is evident in the construction of the third-floor arcade overlooking the courtyard, even though there were no architectural units behind the facade, unlike the ground and first floors. A similar structural strategy can be observed in the mosque attached to the madrasa. To counter the outward thrust exerted by the vault, two primary architectural elements were introduced: a tall dome on the western side, which mitigated the vault's thrust, and the vault itself, supported by five transverse ribs that acted as structural bands to distribute the load. This construction technique, which provided lateral support to the vault, was widely employed in earlier Indian examples, such as the Adina Mosque in Malda, Bengal, and the Jama Masjid at Budaun, Uttar Pradesh – both of which predate the construction of the Mahmud Gawan Madrasa.

From the exterior, it is clear that the cylindrical drum has a narrower diameter than the octagonal one, while from the inside, it is evident that this drum was formed out of two receding cylinders, the topmost one supporting the upper, bulbous dome – a variation that might suggest a later date or greater difficulties in constructing this drum. The bulbous dome atop the cylindrical drum also lacks the plaster motifs that embellish the one resting on the octagonal drum – further evidence that this drum and dome were reworked a number of times, contributing to the destruction of the decorative motifs that still embellish the dome above the northern iwan.

As for the dome structure, Lisa Golombek and Donald Wilber observe that the use of tall, polygonal drums with double domes in Central Asia dates back to around 1350, or possibly earlier, predating the cylindrical drums that later became a hallmark of Timurid architecture. This evolution in dome construction, characterized by a growing emphasis on height, is notably reflected in the triple dome structure first seen in the Mausoleum of Gawhar Shad in Herat (1437–1438). The inclusion of a third, internal dome was a particularly Timurid innovation, wherein timber elements and spurs were employed to support the outermost, tallest dome. This multilayered dome construction technique underscores the Timurid ambition to achieve greater verticality, visibility, and monumentality, as tall drums would be visible from a distance, symbolizing imperial grandeur (Lisa Golombek and Donald Wilber, 1988: 187).

In the context of the Bidar madrasa, the architectural elements reveal a mix of Central Asian and Iranian influences. The octagonal drum at the madrasa appears to have preserved its original form, while the cylindrical drum seems to have undergone several modifications. This variation in design suggests that the masons working on the project were likely more familiar with octagonal drums, which had a long tradition in central and southern Iran, rather than with the cylindrical drums typical of Timurid architecture. This is consistent with historical records that mention the presence of craftsmen from Shiraz and Kirman working in Bidar. Their signatures on various local buildings further confirm that Iranian building practices had a strong influence on the architectural landscape of Bidar, likely reflecting the patrons' and masons' closer connection to

Iranian methods than to newer innovations from Central Asia. (Helen Philon, 2016: 81).

f. The functional uses of corner educational units and the iwan. The architectural units located at the four corners of the spaces between the iwans in the Mahmud Gawan Madrasa are distinctively modeled after traditional *madrasa* complexes. Each of these units consists of a central area covered by a low dome, encircled by four halls that open fully into the central space. Although this spatial organization bears a strong resemblance to Timurid architectural planning – particularly seen in the Khargird Madrasa in Herat – it has received little scholarly attention regarding its specific function. Scholars like O'Kane, Lisa Golombek, and Abasova Yusupova have explored Timurid madrasas extensively but have not focused on the intricacies of these architectural units (Anderson, J.N.D, 1951: 83; Abasova, 2022: 181–122; Lisa Golombek and Donald Wilber, 1988: 73–111; Bernard okane, 1982: 31–37; Javad Rajabi Mandi, 2022: 1611). In conclusion, they mentioned an account of the staff and the weather conditions in Central Asia. While it is logical to create interior spaces for teaching during the winter, this reasoning doesn't apply to the Indian Mahmoud Gawan Madrasa, as the weather there wasn't a problem in this regard.

Historical records from India, however, provide valuable insights into their function. The use of the *iwan* as an adaptable space for educational and religious purposes was central to the widespread adoption of this layout. The iwans in these structures were multifunctional, used not only for teaching but also for religious gatherings. For instance, historical texts describe the iwans as spaces endowed for the use of Sufis and scholars. (For more information about the waqf during the Timurid period. See: Maria E. Subtelny, *Endowment Activity in Khorasan*, book chapter, in Timurids in transition, Brill, vol: 19, Boston, 2007: 181–220). Additionally, each iwan in the madrasa was assigned to specific groups of students, with the larger iwan at the Mahmud Gawan Madrasa reserved for students of the Hanafi school. The side units, though often overlooked, functioned as «subsidiary madrasas,» a feature that aligns with the Mamluk architecture of Egypt and the Levant. Notably, the Sultan Hassan Mosque in Cairo (Doris, 2007:71), contemporaneous with the Timurid and Mahmud Gawan madrasas, features a similar courtyard arrangement. Inscriptions above the entrances to these units indicate their educational role, with each space designated for a different school of Islamic jurisprudence, reflecting the same pedagogical divisions found in the Mahmud Gawan Madrasa (Anessa iqbal sabir, 2008: 91; Anthony Welch, 1996: 165–190; Barni, 1862: 99)

Conclusion. In conclusion, the Mahmud Gawan Madrasa stands as a remarkable example of Timurid architectural influence in the Deccan, showcasing the synthesis of Timurid spatial principles and local Indian techniques. The madrasa's four-iwan layout, strategic use of materials like stone, and innovative structural methods reveal the architect's mastery of balancing aesthetic appeal with structural integrity. Despite the challenges posed by the regional topography and local architectural traditions, the madrasa successfully integrates Timurid design elements, emphasizing the Bahmani rulers' desire to connect with the broader Islamic world. The madrasa's significance lies not only in its architectural grandeur but also in its role as a symbol of the Bahmani dynasty's cultural and political alignment with the Timurid Empire, reflecting a broader historical trend of cross-cultural exchanges between Central Asia and the Indian subcontinent.

Through innovative construction methods like the use of stone-cutting techniques mirroring Timurid brickwork; the adaptation of traditional iwans and domes; and the integration of indigenous craftsmanship in structural ties, the madrasa reflects both the Timurid legacy and the unique environmental and cultural conditions of the Deccan. The fusion of these styles, coupled with the madrasa's functional layout, illustrates a deep architectural dialogue between Central Asia and India, positioning the Mahmud Gawan Madrasa as a pivotal monument in the history of Islamic architecture in South Asia.

REFERENCES

Abbasova-Yusupova, Mavlyuda. 2022. *The Bukharan school of architecture.* Samarkand.

Abou Seif, Doris. 2007. *Cairo of the Mamluk.* American University Press, Cairo.

Al-Harwi. 2005. *Tabakat Akbari* (Vol. 2, p. 167). Translated by Ahmed Abdel Qader El Shazly. General Egyptian Publica-tions.

Alkadi, Rana M.. 2016. T*he origin of the Islamic ribbed vaults famed in North Africa and Spain.* Degree of Doctor of Philosophy, Universidad Politécnica de Madrid.

Anderson, J. N. D. 1951. The religious element in wakf endowments. *Journal of the Royal Central Asian Society.*

Aube, Sandra; Lorain, Thomas& Julio Bendezu-Sarmiento. 2020. The complex of Gawhar Shad in Herat: New findings about its architecture and ceramic tile decorations. *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies*, 58(1), pp. 62-83.

Banerji, N. A. 1993. *The architecture and architectural decoration of the Adina Mosque, Pandua, West Bengal, India: The problem of the conjoined Buddhist, Hindu, and Islam motifs in the Mihrab niches.* Doctor of Philosophy, College of the University of Iowa.

Barni. 1862. *Tarikh-I Fairuz Shahi* (p. 99). Edited by Maulvi Syed Ahmed Khan. Calcutta.

Brown, P. 1959. *Indian architecture, Buddhist and Hindu.* Bombay.

Eaton, Richard. 2005. A social history of the Deccan. In *The New Cambridge History of India* (pp. 59-78). Cambridge University Press.

Erdoğan, Özden. 2003. *Conception of political power and the Timurid cultural achievements during the reign of Sultan Husayn Bayqara.* PhD Dissertation, The Department of History, Middle East Technical University, pp. 93–107, 172–213.

Ferishta. 1966. *Tarikh: History of the rise of the Mahomedan power in India till the year A.D. 1612* (Vol. 1, pp. 268, 412). Translated by J. Briggs. Longman, London.

Golombek L. & Wilber, D. 1988. *The Timurid architecture of Iran and Turan* (pp. 73–111, 187-189). Princeton University Press, Princeton.

Gupta, Vivek. 2021. Remapping the world in a fifteenth-century cosmography: Genres and networks between Deccan India and Iran. *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies,* 59(2), pp. 151–168.

Havel. 1913. *Indian architecture.* London.

Hesamodin, Tabibian Seyed. 2012. History of Timurid architecture in the second half of the 14th and 15th centuries in Khorasan and Transoxiana. *Life Science Journal,* 9(4), pp. 4107–4110.

Hillenbrand, Robert. 2005. The Timurid achievement in architecture. In A. Daneshvari (Ed.), *A survey of Persian art: The Islamic period XVIII* (pp. 83–126). Costa Mesa.

Ibn Battutah. 1976. *Rehlat Ibn Battutah* (p. 98). Oriental Institute, Baroda.

Irfan Habib. 1997. Timur in the political tradition and historiography of Mughal India. *Cahiers d'Asie Centrale,* 3/4, pp. 298–312.

Javad Rajabi Mandi. 2022. Comparison of the characteristics of endowment-educational complexes in Ilkhanid and Ti-murid periods of Iran. *Iranian Journal of Comparative Education,* 5(1), 1611–1632.

Karmrisch, St. 1937. *A survey of painting in the Deccan.* The Indian Society, London, pp. 120–159.

Khaliq Ahmed Nizami. 2010. *A comprehensive history of India* (pp. 965–983). Indian History Congress, People's Publish-ing House, Delhi.

Khan Sherwani, Haroon. 1942. *Mahmoud Gawan: The great Bahmani wazir* (pp. 21-37). Kitabistan, Allahabad.

Khan Sherwani, Haroon. 1944. *The Bahmani of the Deccan: An objective study* (pp. 291–321). Himayatnagar Publica-tions, Hyderabad.

Khan, Seema. 2011. *Mosque architecture under Ferozeshah Tughlaq.* Master of Philosophy, Center of Advanced Study, Aligarh Muslim University, Aligarh, pp. 59–92.

Khazaee, Maryam. 2013. Architectural transfer between two non-concurrent styles: Investigating the roots of Timurid ar-chitectural influence (1370–1524 A.D.) in Mughal buildings (1526-1707 A.D.). *Australian Journal of Basic and Ap-plied Sciences,* 7(6), pp. 142–148.

Khazaee, Maryam. 2015. *Influence of Timurid architecture on Safavid and Mughal mosques in India.* PhD Dissertation, Faculty of Built Environment, University of Malaya, Kuala Lumpur, pp. 40–44.

Khwaja Abdullah Sidiqi. 2023. Cultural, architecture, and economic situation of Herat during the Timurids. *International Social Sciences Studies Journal,* 9(118), pp. 9519–9526.

Le Bon, G. 1974. *The world of Indian civilization.* Tudor Pub, New York.

Marshall, J. 1928. The monuments of Muslim India. In *The Cambridge History of India* (Vol. III, Turks and Afghans). Cambridge.

Mate M. S. 1962. Islamic architecture of the Deccan. *Bulletin of the Deccan College*, pp. 13–25, 42.

McKibben, W. J. 1988. *The architecture of Firuz Shah Tughluq.* PhD Dissertation, Ohio State University.

Memarian, Gh. H. 2014. 15th century contribution to the study of vaulted structure in Iran based on Ghiayth-al Din Kashani's studies. *International Journal of Architectural Engineering & Urban Planning,* 24(1), pp. 1-8.

Michell, George. 2008. Architecture and art of the Deccan Sultanates. In *The New Cambridge History of India* (pp. 1–4, 63–115). Cambridge University Press.

Minhaj-I-Saraj. 1873. *The Tabakat-I-Nasiri* (Vol. 1, p. 617). Translated by M. Raverty. London: The Asiatic Society of Bengal.

O'Kane, Bernard. 1976. The Madrasa Al-Ghiyāsīyya at Khargird, *Iran.* Vol. 14, pp. 79–92.

O'Kane, Bernard. 1982. *Timurid architecture in Khurasan.* PhD Dissertation, University of Edinburgh, pp. 31–37, 46, 82–85.

O'Kane, Bernard. 2021. *Religious architecture of Central Asia under the Timurids and their successors* (pp. 242-255). Brepols.

Philon, Helen. 2016. Mahmud Gawan's Madrasa in Bidar: A unique architectural transplant from the Timurid world to the Deccan. In *Art Trade and Culture from the Fatimids to the Mughals* (pp. 75-85). Ginko, London.

Qaisar, Ahsan Jan. 1988. *Building construction in Mughal India.* Center of Advanced Study in History, Aligarh Muslim University, Delhi, pp. 1–34.

Rahimov, L. A. 2016. Babur's creativity from Central Asia to India. *International Journal of Scientific & Technology Research*, 5(5), pp. 293–296.

Rahimy, Amir. 2011. *Iran and India - Commercial and cultural relations during the Safavid period (1501-1722 A.D).* Doctor of Philosophy in History, University of Mysore Manasagangotri.

Sathyavathi, N. 2018. Mahmoud Gawan's madrasa. *Historicity Research Journal,* 4, pp. 1–3.

Schotten Merklinger, Elizabeth. 1976/1977. The madrasa of Mahmūd Gāwān in Bīdar. *Kunst des Orients,* 11(1/2), pp. 145–157.

Sobti Manu P. 1995. *Timurid Central Asia and Mughal India: Some correlations regarding urban design concepts and the typology of the Muslim house.* Degree of Master of Science in Architectural Studies, Massachusetts Institute of Tech-nology, pp. 27–61.

Sobti, Manu P. 1998. Urban space and social structure: The Bahmani sites of Gulbarga, Firuzabad, and Bidar. *Proceedings ACSA International Conference,* pp. 339–344.

Sohoni, Pushkar. 2020. Architectural traditions in the Deccan. In *The Oxford Handbook of the Mughal World* (pp. 16–28).

Sohoni, Pushkar. 2023. Creating an ecumene: Cultural, economic, and social boundaries of the Deccan Sultanates. *South Asian Studies,* 39(2), 146–159.

Soucek, Svat. 2000. *A history of Inner Asia* (pp. 123–144). Cambridge University Press.

Subtelny, Maria E. 2007. *Timurids in transition: Turko-Persian politics and acculturation in medieval Iran* (pp. 59–73, 148–154, 163–171). Brill, Leiden.

Susnnal, Annette. 1922. *Memories of Babur* (pp. 102–172). London.

Tukhboeva, Nilufar. 2020. Architectural development of Amir Temur Mausoleum in XIV-XV centuries. *The American Journal of Engineering and Technology,* 10, pp. 1-32.

Vardia, Shweta. 2009. *Building science of Indian temple architecture.* PhD Dissertation, Universidade do Minho.

Walravens, Meia. 2023. Puzzles and patronage in the Persian cosmopolis: Mo'in al-Din Esfezāri's acrostic letter to Mahmud Gāvān. *Journal of Persian Studies,* 16, pp. 42–66.

Welch, Anthony & Crane, H. 1983. The Tughluks, master builders of the Delhi Sultanate. *Muqarnas,* 1.

Welch, Anthony. (n.d.). A medieval center of learning in India: The Hauzkhas madrasa in Delhi. *Muqarnas,* pp. 165–190.

Yazdani, G. 1947. *Bidar: Its history and monuments* (pp. 91-100). Oxford University Press.

Zubaydullayev, U. Z. 2020. Features of the development of architectural decoration in the Timurid era. *International Journal of Scientific Engineering and Science,* 4(7), pp. 39–42.

RAND EPPICH
«Heritage Development» Architectural Conservation Studio
Madrid, Spain /USA

KOGON, MODERN GATEWAY TO THE SILK ROAD CITY OF BUKHARA

Keywords: Kogon, Kagan, Emir's Palace, Bukhara, Modern Uzbekistan.
Abstract: The significance of Central Asian cities did not end in antiquity. Their geographic importance along east-west trade routes persisted into the 20th century, as evidenced by extensive railroad construction. The Emir of Bukhara had his station constructed outside the historic center around which a new city was built – New Bukhara or Kogon. This rationally planned city offers insightful contrasts and aids in understanding the evolution of Bukhara, which likely contributed to its conservation.

Kalit so'zlar: Kogon, Kagan, Amir saroyi, Buxoro, Zamonaviy O'zbekiston.
Annotatsiya: Markaziy Osiyo shaharlarining ahamiyati qadim zamonlarda tugamagan. Ularning sharq-g'arb savdo yo'llaridagi geografik o'rni XX asrga kelib ham muhim bo'lib qolgan, buni keng temir yo'l qurilishi isbotlaydi. Buxoro amiri o'z vokzalini tarixiy markazdan tashqarida qurdirgan va uning atrofida yangi shahar – Yangi Buxoro yoki Kogon qurilgan. Ushbu oqilona rejalashtirilgan shahar tarixiy Buxoroni saqlab qolishga hissa qo'shgan bo'lishi mumkinligini tushunishga yordam beradi.

Ключевые слова: Когон, Каган, дворец эмира, Бухара, современный Узбекистан.
Аннотация: Значение центральноазиатских городов не закончилось в древности. Их географическая важность на восточно-западных торговых путях сохранялась до XX века, что подтверждается активным строительством железных дорог. Эмир Бухары построил свою станцию за пределами исторического центра, вокруг которой был возведён новый город — Новая Бухара, или Когон. Этот рационально спланированный город помогает понять эволюцию Бухары и, возможно, способствовал её сохранению.

Introduction. The trade routes throughout Central Asia, commonly called the Silk Road, transported agricultural products, jade, porcelain, and enslaved people. It is frequently stated that this network of routes between the East and West was active from the 2nd century BCE until the 15th century CE and declined beginning in the 15th century with the «fragmentation of the Mongol Empire» that disrupted the «political, cultural, and economic unity of the Silk Road» (National Geographic) (Wikipedia). Indeed, traffic fluctuated as trade was impacted by plagues, conquests, new dynasties, and, eventually, the opening up of new sea routes.

However, this popular narrative dismisses the continued geographical importance of the cities of central Asia. Samarkand, Ashgabad, Almaty, Tehran, Xi'an, and Bukhara, to name a few, retained their significance well into the 20th century as agricultural, manufacturing, and trading hubs. This relevance is evidenced by the interest, expansion, and eventual Russian conquest of Central Asia, «The Russian conquest of Central Asia was the 19th century's most dramatic and successful example of European imperial expansion…» (Morrison, 2020). This expansion was mirrored by the Qing Dynasty's expansion westward into countries known today as Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan (Onuma, 2014: 12). In China Marches West, Perdue states that «Through astute diplomacy, economic investment, and a series of ambitious military campaigns into the heart of Central Eurasia...» and «The China we know is a product of these vast conquests» (Perdue, 2010). The echoes of these two great powers resonate today in central Asia.

The importance of control over the trade routes and cities is highlighted by the ambitious construction of the Trans-Caspian Railway, conceived by the Russian Empire during its expansion. Initially a military railway, its

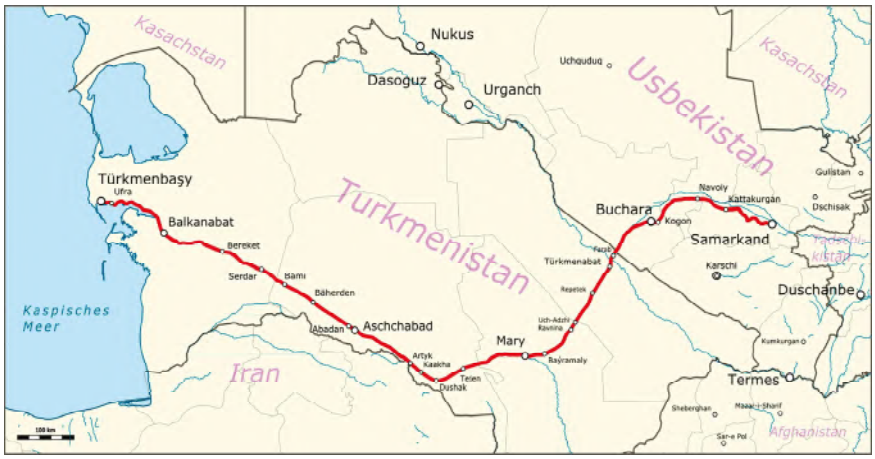


Figure 1. Trans-Caspian Railway (Peter Christener, 2023)

importance for trade was recognized early on, and the standard Russian gauge was adopted (Ames, 1947: 57–74). The line was started in 1879 at the Caspian Sea and eventually reached Samarkand via Bukhara in 1888. Later, the railroad was extended to Tashkent in 1898. Interestingly, a train ferry crossing the Caspian Sea in the early 20th century strengthened ties to Europe. The railway permitted the exportation of cotton from the region and the import of manufactured goods, greatly enhancing trade along the former Silk Road (O'zbekiston Temir Yo'llari).

Bukhara & Kogon. Bukhara was an important node along this railway. Imperial Russia had invaded and conquered Bukhara as early as 1868 to establish the Khanate as a protectorate. However, «The old intelligentsia and clergy of Bukhara [and Khiva] generally persisted on their antiquated course, resisting the modernization of educational, religious, economic, and governmental institutions.» (Hambly, 2024). The Emir of Bukhara thus had the train station constructed 12 kilometers outside the historic center, around which a new city was conceived – New Bukhara or Kogon. In Kogan, the last Emir of Bukhara, Seid Abdulahad Khan, built a palace in 1895 to receive foreign non-muslim guests. The Palace was a mix of styles «combining Baroque with Mauritanian and Arabic styles» which was «conceived by the Russian Architect Leonty Nikolaevich Benoaga» (Pierdicca, 2023).

Kogon was a rationally planned early 20th-century city, with its wide perpendicular boulevards and park-like setting. The urban plan offers insightful contrasts to medieval Bukhara's narrow, twisting lanes. This new city soon attracted the embassies and consulates of Europe, German Banks, schools, businesses, hotels, and a Jewish Synagogue - all fueled partly by easy access to the railroad. Extensive industrial architecture was also constructed to service the railroad, facilitate trade, and produce goods. A study of this urban landscape aids in understanding the penultimate evolution of wider Bukhara into the early 20th century. As Kogon developed, the Russian Revolution of 1917 produced instability in the region and spurred a revival of the Bukhara Emirate. Eventually, the Red Army invaded Bukhara, deposed the Emir, and created the Bukharan People's Soviet Republic (Khalid, 2015). During the Soviet period, Kogon continued to develop due to its importance as a trading hub and location astride the railroad.

World Heritage & tourism. In 1993, the Historic Centre of Bukhara (situated on the Silk Roads) was inscribed on the World Heritage List as «the complete example of a medieval city in Central Asia, with an urban fabric that has remained largely intact». The covered markets, narrow winding streets, madrassas, tombs, and minarets have survived. The nomination goes on to state that the «real importance of Bukhara lies not in its individual buildings but rather in its overall townscape… » and «Bukhara retains much of its historic ambiance and still has a largely intact urban fabric» (UNESCO, 2024).

Figure 2. The Emir's Palace in Kogon (Author, 2022)

Bukhara's uniqueness and charm have not gone unnoticed. According to the Uzbekistan Statistics Agency, by 2019, the number of tourists visiting the Bukhara region reached 3.7 million, 3.5 times more than in 2016 (Statistics Agency). More recently, Uzbekistan's overall tourism has seen a 13% increase in just the first six months of 2024 (Kun.uz, 2024). A recent survey also revealed approximately 200 accommodations in the historic city (ibid).

«Bukhara's tourism growth has centered on maximizing the city's distinctive cultural heritage and historical attractions, which draw tourists from all over the world» (ACILU). The government of Uzbekistan have been working diligently to increase tourism. «A regional tourism development project called 'Silk Road Destinations' has also helped to promote Bukhara as a significant stop on the historic Silk Road trading route» (ibid).

Challenges. Unfortunately, not all of Kogon has benefited from the economic benefits of tourism. While the train station is in Kogon, where many visitors arrive from Tashkent or Samarkand, they are quickly whisked away to the historic center by the numerous taxis loitering outside.

In addition, there is not one Kogan but two, as the city is sharply divided in half by the railroad. North Kagan has the railway station, the Emir's Palace and garden, and the highway to Bukhara. The northern portion of Kagan is also oriented toward Bukhara, which is developing the urban fabric rapidly with most of the city's services. There are limited tourism services such as cafes, street food, and, importantly, the bus terminal

Figure 3. Map of Bukhara (detail) showing the organically developed medieval street pattern (Prokudin-Gorsky, 1911)

(for backpacker tourists). While North Kagan is well suited to service visitors, South Kagan is the opposite. It is a predominately quiet, isolated, and residential area with less connectivity and services. It has few cafes or restaurants but a distinct focus on the local community.

Fortunately, Kogon does have several cultural heritage sites. On the north side is the Emir's Palace and gardens, as well as the early 20th-century industrial heritage of the railroad offices and service facilities. The Russian Residence, a German Bank, a Jewish synagogue, and other heritage sites are on the south side. These attributes have been recognized by the Uzbekistan authorities and the World Bank, resulting in several infrastructure and urban planning projects and cultural heritage conservation projects (World Bank, 2021).

Conclusion. It must be recognized that the importance of Bukhara as a trading node in Central Asia persisted well into the 20th century, and did not diminish with the perceived end of the Silk Road in the 15th century. Interest in the region and its significance was demonstrated by the attention of two world powers: China from the East and Russia from the West, who eventually planned and executed an extensive railroad network, which is still in use. China's interest continues today with the Belt and Road initiative.

The critical decision to place the railroad and station outside the city was made by the last Emir of Bukhara Seid Abdulahad Khan, and it assuredly preserved much of Bukhara's celebrated original urban fabric. The establishment of Kogon eased the pressure of modern rapid and industrial development away from the historic center. While early 20th-century buildings were constructed within Bukhara, the urban fabric was not disrupted by the railroad's arrival, as with many other historic cities.

Figure 4. Map of Kogon showing its rectilinear boulevards oriented along the diagonal railway (Openstreetmaps, 2024)

Kogon played an essential role in the continued development of the Bukhara, facilitating the construction of transportation and manufacturing industries, a role that it still fulfills. While Kogon is intrinsically linked with Bukhara, it has its own unique identity with cultural heritage resources, including industrial and early 20th-century colonial architecture and eclectic buildings such as the Emir's Palace.

The growing number of tourists who travel to admire and experience Bukhara could today be seen as disruptive, with the conversion of historic

Figure 5. Left, Bukhara's narrow and busy streets highlight (source and date unknown)
Figure 6. Right, Kogon's wide boulevards with trees show a rationally planned city (author, 2022)

Figure 7. The increase in tourism is 3.5 times higher in 2019 than in 2016

Figure 8. The Railway Canyon (author, 2022)

buildings into hotels, Airbnb, restaurants, and other services. Kogon, while forgotten by tourists, could serve yet another essential role in welcoming visitors today, and as a buffer for the historic city.

REFERENSES

National Geographic Society, 2019 «The Silk Road» p. 26.

Morrison, A. 2020 «The Russian Conquest of Central Asia,» Cambridge University Press, introduction p. III.

Onuma, T., 2014 «The Qing Dynasty and Its Central Asian Neighbors,» Saksaha: A Journal of Manchu Studies. 12 (20200320).doi:10.3998/saksaha.13401746.0012.004

Perdue, P., 2010 «China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia.» Harvard University Press. ISBN 978-0674057432

Zamonov, A. et al., 2023 «Activity of First Railways in Bukhara Emirate,» European Journal of Humanities and Educational Advancement

Malikov, A., 2014 «The Russian conquest of the Bukharan Emirate: military and diplomatic aspects.» Central Asian Survey. 33 (2): 180–198.

Khalid, A., 2015. "The Muslim Republic of Bukhara".

Hambly, G. Sinor, D., 2024 «Russian and Soviet Rule in Uzbekistan,» Britannica.

Pierdicca, E. Gorgoglione, L., Martuscelli, Usmanov, S., 2023. «Challenging Architectures: An Integrated and Multipurpose Survey for the Complete Mapping of the Emir Palace in Kogon,» International Archives of Photogrammetry.

Prokudin-Gorsky, 1911) Map of pre-revolutionary Bukhara https://oldcolor.livejournal.com/290784.html.

Ames, E., 1947 A Century of Russian Railroad Construction: 1837-1936, The American Slavic and East European Review Vol. 6, No. 3/4 (Dec., 1947), pp. 57-74.

Prokhorov, A.M. (ed.) (1978) Great Soviet Encyclopedia (English translation) (3rd ed.) New York: Macmillan Inc.

Meuser, P, Khmelnitsky, D., The Three Epochs Of Soviet Architecture In Central Asia http://uzscite.uz/wp-content/uploads/2021/10/100-120.pdf

M.L.Fayzihodjaeva, History Of The Development Of Transit Routes Through Central Asian Countries Doi: 10.24412/2181-953x-2021-1-91-98, Tashkent State Transport University

Wikipedia, Silk Road, 2024 https://en.wikipedia.org/wiki/Silk_Road#cite_note-:5-2

O'zbekiston Temir Yo'llari History of the railroads in Uzbekistan https://www.railway.uz/en/gazhk/istoriya_zheleznykh_dorog/

UNESCO, 2024 Historic Centre of Bukhara, World Heritage List https://whc.unesco.org/en/list/602/

Ilichov, M., & Olšavský, F. (2023). Sustainable tourism development: Insights from accommodation facilities in Bukhara along the Silk Road. Marketing Science & Inspirations, 18(2), 12–25. https://doi.org/10.46286/msi.2023.18.2.2 https://msijournal.com/sustainable-tourism-development-insights-bukhara/#:~:text=Bukhara's%20tourism%20growth%20has%20centered,benefited%20greatly%20from%20these%20efforts.

Kun.Uz Uzbekistan sees a 13% increase in tourist arrivals in H1 2024

Statistics Agency Uzbekistan https://stat.uz/en/

According to the Statistics Agency, over 3.5 million foreign nationals visited Uzbekistan for tourism purposes from January to June 2024 https://kun.uz/en/news/2024/07/13/uzbekistan-sees-a-13-increase-in-tourist-arrivals-in-h1-2024

ACILU Bukhara. Changes in Tourism (2017-2020) https://www.cciuzbk-pt.com/publicacoes/bukhara-changes-in-tourism-2017-2020/

Kagan (city in Bukhara region) http://bse.sci-lib.com/article057411.html World Bank, 2021 Medium-sized Cities Integrated Urban Development Project https://documents1.worldbank.org/curated/en/572501623722502210/pdf/Uzbekistan-Medium-Size-Cities-Integrated-Urban-Development-Project-Additional-Financing.pdf

ФОЗИЛБЕК ЯРАШЕВ
"Ипак Йўли" ҳалқаро тадқиқот институти,
Самарқанд давлат архитектура-қурилиш университети
Самарқанд, Ўзбекистон

КАТТАҚЎРҒОН ШАҲРИ АРХИТЕКТУРАСИДА XVII-XX АСРЛАРГА ОИД БАДИИЙ БЕЗАКЛАР

Kalit so'zlar: Kattaqo'rg'on, bezakli shift, devor, ustun, kayvon, ayvon, me'moriy bezak, vassa, masjid, xonaqoh, an'anaviy turar joy.
Annotatsiya: Mazkur maqolada Kattaqo'rg'on shahrining XVII-XX asr boshiga oid shift, devor va ustunlardagi me'moriy bezaklarning badiiy jihatlari ochib berilgan. Xususan Kattaqo'rg'on shahri badiiy bezaklari, O'rta Osiyo kech o'rta asrlar me'morchiligi an'analariga xos bo'lib, shaharning Buxoro amirligi tasaruffida bo'lishi, geografik jihatdan Samarqand shahriga yaqin joylashganligi bois, ularning me'moriy maktablari ta'siri seziladi. Kattaqo'rg'on shahri mahalla masjidlari va turar joy binolari interyerlarini bezashga alohida e'tibor berilgan. Masjid devorlari pishgan g'isht yoki qo'sh sinchdan qurilgan. Turar joy binolari esa asosan qo'sh sinchdan qurilib, ikki sinch oraligiga kosamon va taxmon tokchalarini qurishgan va xona shiftlarini rangli naqshlar bilan bezashgan. Mazkur va boshqa badiiy bezak turlari Kattaqo'rg'on shahrining kam o'rganilgan me'moriy obidalarida aniqlangan.

Keywords: Kattakurgan, painted ceiling, walls, columns, beams, decoration, ornament, vassa, mosque, khanqah, iwan, residential building
Abstract: This article examines the artistic features of architectural decorations found on the ceilings, walls, and columns of Kattakurgan city from the 17th to the early 20th century. Specifically, the artistic decorations of Kattakurgan align with the traditions of late medieval Central Asian architecture. The city's affiliation with the Bukhara Emirate and its geographic proximity to Samarkand influenced the architectural styles and techniques seen in its structures. Particular attention was given to the decoration of neighborhood mosques and residential building interiors in Kattakurgan. Mosque walls were constructed using fired bricks or frame structures. Residential buildings were predominantly built using frame construction, with kosamon (plasterwork) and niches installed between the frames, while the ceilings were decorated with colorful patterns. These and other forms of artistic decoration have been identified in the little-studied architectural monuments of Kattakurgan city.

Ключевые слова: Каттакурган, расписной потолок, стены, колонны, балка перекрытия, айван, архитектурный декор, васса, центральная ниша, мечеть, ханака, традиционный жилой дом.
Аннотация: В данной статье раскрываются художественные аспекты архитектурного декора потолков, стен и колонн памятников города Каттакургана XVII — начала XX века. В частности, художественный декор Каттакургана отражает традиции позднесредневековой архитектуры Средней Азии. Будучи частью Бухарского эмирата и благодаря географической близости к Самарканду, в его декоре ощущается влияние их архитектурных школ. В Каттакургане большое внимание уделялось украшению интерьеров квартальных мечетей и жилых зданий. Стены жилых домов преимущественно состояли из двух каркасных стен, что позволяло устраивать между ними ниши и полки. Потолки комнат украшались цветными узорами. Эти и другие виды художественного декора были выявлены в малоизученных архитектурных памятниках Каттакургана.

Кириш. Давлатимиз томонидан сўнги йилларда тарихий шаҳарлардаги меъморий обидаларни асл қиёфасини сақлаш, реставрация ва реконструкция қилишга катта этибор берилмоқда. Ҳозирги кунда мамлакатимизда Самарқанд, Буҳоро, Хива каби йирик дунёга машғур шаҳарларимиз мавжуд. Мазкур шаҳарларда келажак туризмни ривожланишига мамлакатимизда алоҳида этибор қаратилмоқда. Лекин мамлакатимизда ушбу шаҳарлардан ташқари, ўрта катталикдаги шаҳарлар ҳам мавжуд. Шулардан бири Каттақўрғон шаҳридир. Хозирги кунга қадар, ушбу шаҳар илмий жиҳатдан кам ўрганилган. Агар шу нуқтаи назардан мазкур шаҳардаги, тарихий обидаларни, уларнинг бадиий жиҳатлари илмий жиҳатдан ўргансак, шунингдек ушбу архитектура ёдгорликларини асл қиёфасини сақлаш масалаларига

алоҳида этибор қаратсак, фанимизга катта илмий янгилик бўлади ва мазкур шаҳардаги туризмни ривожлантириб, тарихимизни бойитади.

Асосий қисм. Ўрганилаётган даврдаги Каттақўрғон шаҳри меъморий безаклари, Ўрта Осиё меъморчилиги анъаналарига амал қилган. Шунингдек шаҳарнинг Буҳоро амирлиги тасаруффида бўлиши, географик жиҳатдан Самарқанд шаҳрига яқин бўлганлиги ушбу ҳудудлар бадиий безакларини қулланишини олиб келган.

Каттақўрғон шаҳридаги масжидлар, бизгача сақланмаган карвонсарой, меҳмонхона биноларида Ўрта Осиё анъаналарига хос эпиграфик, ўймакорлик безаклари қўлланилган. Шунингдек турар жой биноларида ҳам турли хил бадиий безаклар фойдаланилган ва улар бугунги кунгача сақланиб қолган.

Каттақўрғон шаҳри архитектурасида бадиий безаклар халқ меъморчилигининг нойоб чўққисига чиққан бўлиб, бу ердаги мадрасалар, масжидлар ва турар жойлардаги бадиий безаклар ўзининг тузилиши билан Самарқанд, Бухоро шаҳарлари бадиий безакларига монанд. Айниқса масжидлардаги шифт, ва устун безаклари ўзининг композицияси, гўзаллиги билан инсонни ўзига жалб қилади. Таъкидлаш жоизки, бундай масжидларни қуриш учун аввало жуда юқори билим талаб қилинган. Каттақўрғон шаҳрида ана шундай тажрибали меъмор усталар бўлган. Бундай усталардан: Уста Шокир, Уста Яшиузак, Уста Камолидддин ва Жамолиддинларни таъкидлаб ўтиш лозим.

Шифт безаклари. ХХ аср Самарқанд, тураржойлар қурилишида Ўзбекистоннинг шарқий вилоятларида (Фарғона, Тошкент) қараганда шифтни безашга камроқ эътибор қаратилган, лекин Бухорога қараганда кўпроқ бўялган. Самарқанд, шифтлари тегишли даврдаги Бухоро шифтларига қараганда анча мураккаб ва хилма-хил бўлган (Писарчик, 1975: 77). Каттақўрғон шифтлари эса кўпроқ Самарқанд шифтларига ўхшайди. Чунки бу

1- а, расм. Каттақўрғон шаҳар меморчилигида шифтлар таснифи

ердаги шифтлар Самарқанд шифтлари каби бўялган ва турли хил нақшлар ўйилган.

Каттақўрғон шаҳри меъморчилигида масжидлар шифтларини безашга катта этибор берилган, уларнинг тузилиши, архитектураси жуда ҳилма-хилдир. Масжидларнинг умумий таркиби, таниқли қонунга бўйсунганлиги сабабли, шифтларнинг турли шакллари масжиднинг ташқи кўринишини тавсифлашда алоҳида аҳамиятга эга ва кўпинча бинонинг энг мухим фарқловчи хусусияти ҳисобланган. Бу ерда, турар жойдан фарқри ўлароқ, муҳим оралиқларни қоплаш кераклиги сабабли, структуранинг ажралмас қисми устунларга асосланган тўсинлар ҳисобланади. Устунлар орасидаги болорлар ва тупроқ томидаги юк билан чегараланади, бу қоида тариқасида тўрт гияс (яъни тахминан 3.5 метр) қилиб олинган. Шундай қилиб, таянчлар ва тўсинларнинг органик тарзда боғланган тизими яратилади ва бу ердан, табиий равишда, шифтни квадрат ва тўртбурчакчакларга бўлиш схемаси пайдо бўлади. Иккинчиси бир-бири билан ёки шу тартибда бирлаштирилади ва турли йўллар билан тузилади. Мехроб устидаги шифт квадратлари бошқалардан кўра бойроқ ишланган (Воронина, 1951: 106).

Тадқиқот ва таҳлиллар натижасида биз, Каттақўрғон шаҳри меъморчилигида шифтларни қуйдаги икки турга ажратиб ўргандик: 1) Болорли, вассажуфтли шифтлар. 2) Квадратларга бўлинган таҳтали, ўртаси ҳовузакли шифтлар (1-а ва 1-б расм).

Энг кенг тарқалган шифт биринчи тур бўлиб, болорли, вассажуфт очиқ тўсинли бўлган. Тўсинлар ва болорлар уч хил : айлана, квадрат ва тўртбурчак шаклда бўлган. Усталарнинг фикрига кўра энг қадимги турдаги тўсинлар, болорлар айлана шаклда бўлиб, улар камбағал уйларда, ва қўшимча биноларда қурилган. Энг камтарона биноларда квадрат ёки тўртбурчак шаклдаги болорлар, тўсинлар, ҳеч қандай безакларсиз бутунлай текис бўлган. Самарқандаги (Каттақўрғон) тўсин, болорлар юзаси

1- б, расм. Каттақўрғон шаҳар меморчилигида шифтлар таснифи

Марғилон ёки Тошкентда бўлгани каби тўлиқ уймакорлик нақшлари билан қопланмаган. Уларда фақат уймакорлик маьлум бир қисмлари қўлланилган. Одатда болорларнинг уйилган ўрта қисми ажралиб турар эди. Шифтдаги тўсин, болор, вассажуфтлар турли хил рангларда бўялган бўлиб, уларда қизил, кўк, яшил, оқ, чигарранг, кенг қўлланилган.

Иккинчи тур: квадратларга бўлинган таҳтали, ўртаси ҳовузакли шифтлар, Каттақўрғон шаҳридаги жоме ва маҳалла масжидлари хонақоҳининг ўрта қисмида ва айвонининг икки томондан кесишган бурчак қисмларида бажарилган. Ушбу қисм, масжид айвонининг қолган қисмларидан ахолида ажралиб турган ва бу масжидга ўзгача гўзаллик бағшлаган. Айтиш жоизки, бундан шифтлар одатда бўялган, турли ранглардан фойдаланилган, квадрат тахтачалар ва ҳовузаклар ўртаси гулсимон нақшлар билан бўялган. Баьзида мураккаб шифтли масжидларда эса бўялмаган. Хусусан Бегижон масжиди мисол қилишимиш мумкин.

Мазкур икки турдаги шифт безакларнинг энг диққатга сазоворлари Каттақўрғон шаҳридаги Муҳаммад Нақиббек, Қаландарҳона, Бегижон масжидларида қўлланилган.

Каттақўрғон шаҳридаги Муҳаммад Нақиббек масжиди хонақоҳ ва айвони кўп устунли бўлиб, у семметрик шаклга эга. Масжид хонақоҳ ва айвон узунлигига уч оралиқга бўлинган. Масжиднинг марказий қисми майдонлар шифти квадрат тахтали, ховузакли қурилган. Масжиднинг чап ва ўнг қаноти шифти эса семметрик равишда болорли, тўсинли, вассажуфтли ишланган. Хонақоҳдаги ўрта қисми учта квадрат майдон қолганларидан фарқли равишда, рельефда ишланган бўлиб у баландроқ кўтарилган. Шунингдек хонақоҳнинг ўзига хос жиҳатларидан бири меҳроб қисми, масжид умумий биносидан олдинга чиқарилган ва бу тадбир орқали хонақоҳ интерьери ўзгача гўзалликка эришилган. Ушбу қисмда ҳам юқоридаги учта майдон каби квадрат тахтали, ҳовузакли шифт қилинган. Хонақоҳнинг чап ва ўнг томонларидаги майдонларда болорлар, тўсинлар турли хил композицияларда тахланиб, улар бир-бирига перпендикуляр жойлаштирилган. Шуни таъкидлаш жоизки, ҳар бир майдондаги безаклар бошқасидан ранги, ислимий, гирихри безаклари билан алохида ажралиб туради. Вассажуфтлар шахмат тарзида бўялган, уларда оқ, қизил, яшил, кўк ранглардан кенг фойдаланилган.

Масжид айвони шифти ҳам хонақоҳ каби, ўрта қисмидаги майдонлар квадрат тахтали, ҳовузакли ва унинг атрофи болорли, вассажуфли ишланган. Айвоннинг ўрта қисмидаги кайвон бинога ўзгача кўрк қўшади. Ўрта Осиё меъморчилигида айвонни ўзига хослиги ва унинг тантанаворлиги оширувчи услублардан бири кайвон бўлиб, у Бухорода кенг қўлланилган.

Шуни хам таъкидлаш жоизки, ушбу масжиддаги шифт безаклари бугунги кунгача ажойиб сақланган бўлиб, улардаги ранглар, эпиграфик нақшлар уларнинг тантанворлигини яьнада бойитади.

Каттақўрғон шаҳридаги турар жой уйлари , бадиий безакларга алоҳида этибор берилган. Унда асосан меҳмонхона шифти бойроқ безатилиб, у бошқа хоналардан ажралиб турган. Хусусан бугунги кунгача сақланган шаҳарнинг тарихий қисмидаги Сарбозор маҳалласида жойлашган Карим бобо уйининг меҳмонхона шифти болорли, вассажуфтли бўлиб, шифт переметри бўйлаб муқарнарлар ажралиб туради. Болорларнинг ўрта қисми ўймакорлик нақшлари ва турли хил ранглар билан бўялган. Вассажуфтлар айлана шаклда бўлиб, ёғоч рангига бўялган (2-расм),.

Каттақўрғон шаҳри меъморчилида шифт безакларида ислимий, гирихли услублар қўлланилган. Лекин улар орасида асосан ислимий безаклар масжид, мадраса бинолари тўсин, болор, вассажуфт юзаларида ўсимликсимон ва геометрик нақшинкор шаклида кенг қўлланилган. Гирихли безаклар эса масжидлар хонақоҳ ва айвонларнинг ўрта қисмда жойлашган ховузакларда ишланган. Хусусан шаҳардаги Муҳаммад Нақиббек, Қаландархона, Бегижон масжидларида гирихли безакларни учратамиз. Шунингдек турар-жой биноларида (Карим бобо уйида) эса гирихли безаклар хона деворининг юқори қисмида девор периметри бўйлаб муқарнаслар қўлланилган.

Европа (рус) архитектураси таъсири остида қурилган турар жой безаклари кўплари, анъанавий услубда қурилган. Лекин биз тадқиқ этган

вақт кичикроқ мустамлака даври бўлганлиги учун улар ўзаро таъсир кўрсатган.

XX аср бошларидаги турар-жой бинолари-да силлиқ мой бўёқ билан бир рангда бўялган тахта шифтлари, баъзан жуда оддий рус типидаги график безак дизайнли, шунингдек, руслар келганидан сўнг бўртиб ишлов берилган безак шувоқли шифтлар ривожланган (Писарчик, 1975: 81). Ушбу турдаги шифтлардан – Мирзаҳакимбой уйи (Қозихона), Абаев уйларини учратиш мумкин. Уларда аньанавий қурилиш учун одатий бўлмаган замонавий услубдан фойдаланишга қарамай, декоратив бадиий санъатдаги қадимий анъаналар билан ҳали ҳам мустаҳкам техника алоқалари аниқ кўринади.

Масалан Қозихона уйида унинг алохида ажралиб турган хонаси меҳмонхона бўлиб, унда епропалашган (рус) услубни кўрамиз. Меҳмонхона шифти зинапоя шаклда қурилган бўлиб, шифт ўртаси текис тахтали ҳовузак хосил қилган. Хонанинг тўрида жойлашган шахнишин шифтининг декоратцияси ўзига хос бўлиб, – марказий бўлимда юлдузлар тирқишлари ва ойна қўшимчалари ажралиб туради (Қораев, 1977). Умуман олганда шифтда замонавий архитектурага тақлид этган ва меъморий анъаналар қоришганлигини кўриш мумкин.

Девор безаклари. Девор ўймакорлиги ва бўяш ишлари асосан шарқий вилоятлар-Фарғона, Тошкент, Самарқанд, (хусусан Каттақўрғон) масжидларида кенг ривожланган. Бироқ, бу ерда ҳам ўтган асрнинг ўрталарига қадар, ҳар қандай ортиқча безакларни ҳисобга олмаганда, қатъий таъмлар ҳукмронлик қилган. Бошқа томондан, XIX асрнинг иккинчи ярмида баъзи масжидларнинг деворлари ўймакор безаклардан иборат мустаҳкам ганч билан қопланган ва ёрқин суратлар билан безатилган (Воронина, 1951: 94).

Шу ўринда Каттақўрғон шаҳри масжидлар ва турар жой бинолари деворларини безашга алохида эътибор берилган. Масжид девори икки хил: пишган ғишт ва қўш синчдан қурилган. Турар жой бинолари асосан қўш синчдан қурилган бўлиб, уларнинг юзалари ганч билан қопланган.

Каттақўрғондаги пишган ғиштдан қурилган масжидлар Нақиббек, Қаландархона, Бегижон масжидлари бўлиб, улар орасида Нақиббек масжиди девор безакларининг оддийлиги ва анъанавийлиги билан ажралиб туради. Хусусан масжид деворларда токчалар, дераза ромлар юқорисида равоқсимон панжаралар уйилган. Масжиднинг жанубий тарз деворида равоқсимон шаклдаги ясси токча ичида, кичик ўлчамдаги равоқсимон тободонли пажаралар ажралиб туради. Хонақоҳ деворининг жануби-ғарбий ва шимоли-ғарбий ташқи бурчак қисмида ярим айлана шаклда терилган бўлиб, у бинога ўзгача гўзаллик бағшлайди.

Масалан Муҳаммад Нақиббек масжиди XIX асрда қурилганлиги боис ундаги девор безаклари Қаландархона, Бегижон масжидларидан бироз оддийроқ ишланган.

Қаландарҳона ва Бегижон масжиди бир хил даврда қурилган бўлиб, улардаги ғиштин девор безаклари бир-бирига монанд ва бойроқ мукаммалроқ ишланган. Мазкур масжидлар XX аср бошида қурилгани сабабли, ғиштин безакларида анъанавий меъморчиликга, европа услубини қоришмасини кўриш мумкин. Бунга мисол қилиб, масжид деворлардаги, турли хил шаклда уймакорликда терилган ғиштлар ва улардан нақшинкор безакларни айтиш мумкин(3-расм). Шунингдек деворларда ясси тўртбуччак шаклдаги токчалар ичида ғиштин безаклар ва тўртбуччак шаклдаги токчалар ичида, чуқурроқ бўлган равоқсимон токчалар ажралиб туради. Бегижон масжидининг яна бир ўзига хос деворий безаклардан бири бу масжид деворининг бурчакларида жойлашган "гултаста" қисмлари бўлиб, у бинога ўзгача тантанаворлик бағшлаган.

Каттақўрғонда қуш синчдан қурилган масжидлар кўп бўлиб, уларнинг девор безаклари оддийлиги билан ажралиб туради. Уларнинг сирти ганч билан пардозланган бўлиб, деворларда равоқсимон токчалар, назарда тутилган. Бунга мисол қилиб, Паст Чордара масжиди айтишимиз мумкин. Масжид хонақоҳи девори ганждан ишганган бўлиб, унинг томонларида равоқсимон токчалар ишланган. Шунингдек масжид айвонида инсон баландлигида бўлган токча (поябзал учун) мавжуд жойлар бўлган.

Каттақўрғон турар жой бинолари ҳам ўзгача безатилган бўлиб, уларда асосан мехмонхоналарга алохида этибор берилган. Меҳмонхона

2-расм. Карим бобо уйи меҳмонхонасининг девор безаклари

деворида шарафалар, косамонлар, тахмон, токчалар қўлланилган. Олим Д. Назилов ўз китобида Каттақўрғон шаҳрида XIX — охири XX бошларида қурилган турар жой уйлари деворий безакларини келтириб ўтган. Булардан Каттақўрғондаги Пирматов уйи меҳмонхона тахмони икки ёнидаги бўлинмалар токча банди билан тўлдирилган, уларнинг ҳар қайсисида 17 тадан токчаси бор. Ичи қизил кўк рангга бўялган токчалар, марказий бўлинмадаги ироқи муқарнас, тоқиларнинг қанос қисмидаги нақшлари билан ўзаро боғланиб, жим-жимадор руталар ёрдамида умумлашган эркин, композицияни ташкил қилади (Назилов, 1982: 51).

XX аср бошларида Катта-қўрғонга европа услубидаги турар жой бинолари қурила бошланади. Ушбу услубда қурилган энг серхашам турар жой Абаев уйидир.

Мазкур уй девори ганчдан ишланган бўлиб, табиий травертон шаклида ишганган. Девордаги ганчдан бўртиб чиқарилган европача услубдаги безаклар ва бинога ўзгача тантанаворлик бағшлайди.

3-расм. Каландархона масджиди девор безаклари

Устунлар. Устун маҳаллий меъморчиликнинг тартиби, ўзининг мажбурий компоненти сифатида анъанавий шаклга эга бўлган устунни ўз ичига олади. Устун таянч - курси, таглик-ўзаги магстрал-тана, бош калла ва пастки тўсин бошадан иборат бўлади. Пастки болордан ташқари, барча бошқа қисмлар қаттиқ ёғочга ўйилган бўлади. Кўпинча устун жамоа сифатида амалга оширилади, бу амалда оқланади ва амалга ошириш учун қулай бўлган. Агар устуннинг қисмларидан бири бузилган бўлса, уни алмаштириш осон бўлган. Каттароқ куч учун пойдевор кўпинча тошдан ясалган. Бундан асосий мақсад устунни таг қисмининг намликдан сақлаш назарда тутилган.

Ўзбекистон ҳудудида устунлар характерли маҳаллий хусусиятга эга бўлади ва унинг шакллари аниқ, такрорланмайдиган турга қуйилади. Шу билан бирга, тураржой ва масжид устунларига муносабат бошқача.

Фарғона ва Тошкентда уйларнинг устунлари, одатда, масжид устунларига қараганда оддийроқ бўлган. Аммо масжидларда муқарнас бошлари бўлган устунлар мавжуд. Қўқонда нок шаклидаги асоснинг ўзига хос шакли кенг тарқалган. Шаҳрисабз уйларида устунларга катта эътибор берилган, лекин масжид устунлари алоҳида эътибор ва ўзига хос тарзда лойиҳалаштирилган. Самарқандда одатда масжидлар устунларида мураккаб муқарнаслар учрамайди лекин турар-жойлар устунларида учрайди. Бу ҳолатларнинг барчасида уйнинг устуни масжид устунига қараганда анча эркин ўзгартирилади ва баъзан тафсилотлар энг кутилмаган тарзда ўзгаради.

Бухорода , аксинча уй устунларида жуда оддий типдаги бош албатта, қабул қилмайди, масжидларда эса улар кам учрайди ва умуман, иккаласи ҳам жуда стандартдир. Ниҳоят, барча тасвирланган турлардан фарқли равишда, Хива уй устуни ўзининг мустаҳкам ўрнашган шакллари ва безакларининг бойлиги билан ажралиб туради, масжид устунлари эса унчалик еҳтиёткорлик билан ишланган бўлмаган ва тури жиҳатидан унчалик аниқланмаган (Воронина, 1951: 80).

Каттақўрғон меъморчилигида ҳам устун безашга алоҳида эътибор берилган. Бу ердадаги масжид, мадраса устунлари турар

4-расм. Муҳаммад Нақиббек масжиди устун безаклари

5-расм. Қаландархона масжиди устун безаклари

жойларнинг устунларидан бойроқ бўлган. Каттақўрғон масжидлари устунлар ўзининг такрорланмас безаклари ажралиб туради. Бунга мисол қилиб ҳозирда аунтек холатда сақланган Қалардархона, Бегижон ва Муҳамад Нақиббек масжидларни айтиш мумкин (4-5 расм).

Каттақўрғондаги энг кўп устунли бўлган Муҳаммад Нақиббек масжидида анъанавий меъморчиликка хос бўлган устунлар ўрнатилган. Ушбу масжиддаги устунлар жуда хилма-хиллиги билан, устунлар ўзининг қалинлиги, катталиги, уларга ўйилган нақшлар ва безаклар билан ажралиб туради. Шунингдек ушбу масжид устунларининг ўзига хослиги шундаки, масжид баландлиги икки-қаватли бино баландликда тенг бўлганлиги боис, устунлар ҳам баланд бўлган.

Мазкур масжид биноси устунларининг таянч курси қисми олтибурчакка айлантирилган. Унинг баландлиги 90 сантиметр ташкил этади. Тўрталар бурчаги ҳам ярим устунчалар билан чегаралланган. Устунчалар билан устун юзаси учбурчаклар тизимидан иборат занжиралар билан ажратилган. Устуннинг тўртбурчакка айлантирилган юзалари 8 та горизонтал бўлинмага ажратилган.

Устун таянч курсидан юқори қисми кўзаги маҳодил ўймакорлик нақшлари билан безатилган. Айрим устунларда мазкур қисмдан юқори 20 сантиметр қисми муқарназ безаклари билан нақшланган. Баъзи устуннинг кўзаг қисмида маҳодил безаклари қўлланилган бўлиб, хар бир устун безак бошқасидан ажралиб турган. Устуннинг асосий танаси айлана шаклда бўлган. Баъзи устунларнинг магстрал танаси қирқимда 20 та горизантал юзаларга бўлинган. Устуннинг юқори қисми устунбоша билан тугатилган.

Масжид айвон устунлари ҳонақоҳ устунларига ўхшаш бўлиб, улар катта-кичикли, таянч курсининг катталиги, узунлиги,

кўзаг қисмининг узунлиги билан фарқланади. Шунингдек айрим устунларда кўзагининг юқори қисмида ҳудди хонақоҳ устунлари каби маходил нақшлари ишланган.

Хулоса. Умуман олганда, Каттақўрғон бадиий безакларини ўрганиш, тахлил қилиш, уларни типологик хусусиятларини очиш шуни кўрсатадики, бу ердага бадиий безаклар Бухоро, Самарқанд бадиий безакларга монанддир. Шаҳар бадиий безакларнинг ўзига хос жиҳатларидан бири, уларнинг тур-хиллигидир. Шунингдек мустамлака даврида қурилган обидаларда, анъанавий меъморчиликнинг европа услуб билан қоришган ва уйғунлашганлиги кўриш мумкин.

Бугунги келиб, Каттақўрғон шаҳридаги меъморий обидаларнинг базиларида маҳаллий ахоли томонидан нотўғри таъмирлаш ишлари, бадиий безакларни устидан бўяш ишлари натижасида, улардаги асл безаклар бўзилиб йўқ бўлиб кетмоқда. Биз архитекторлар ана шундек муаммоларни бартараф этиб, обидаларни таъмирлашда малакали устозода реставраторларни, жарб этишимиз зарур. Ана шундагина биз тарихимизни, меъморий меросимизни кежалак авлодга етқазиб бера оламиз.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

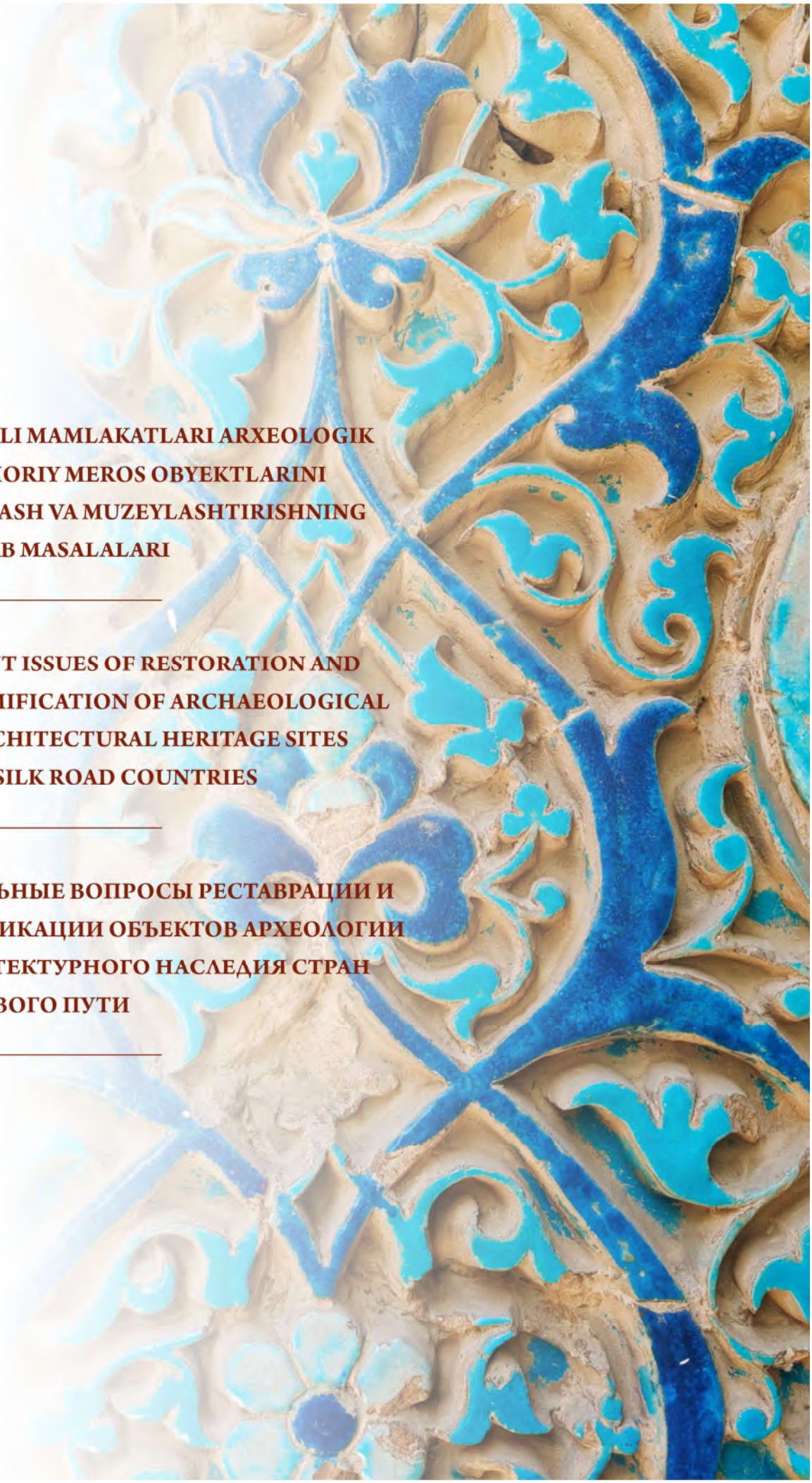
Аббасова-Юсупова М. А. Бухарская школа зодчества XV-XVII вв.(особенности и динамика развития). Самарканд, 2022.

Зоҳидов П. Ш. Самаркандская школа зодчих. Ташкент,1965.

Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975.

Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951.

Караев Э. Дом Мирзахакима в ташкари, Паспорт. Архив Института Искусствознания АН РУз. № ИА(м)К21 №958/8. 1977 г.



IPAK YO'LI MAMLAKATLARI ARXEOLOGIK VA ME'MORIY MEROS OBYEKTLARINI TA'MIRLASH VA MUZEYLASHTIRISHNING DOLZARB MASALALARI

CURRENT ISSUES OF RESTORATION AND MUSEUMIFICATION OF ARCHAEOLOGICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE SITES OF THE SILK ROAD COUNTRIES

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕСТАВРАЦИИ И МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ И АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТРАН ШЕЛКОВОГО ПУТИ

MAVLYUDA ABBASOVA-YUSUPOVA
Silk Road" International Research Institute under "Silk Road" International University of Tourism and Cultural Heritage
Samarkand, Uzbekistan

TASH-MOSQUE AND MINARET — 16th CENTURY ARCHITECTURAL MASTERPIECE IN VANGOZI VILLAGE

Keywords: architecture, Vangozi kishlak, Bukhara oasis, mosque, minaret, Sufism, khanqah
Abstract: Based on field research and the synthesis and analysis of scientific, historical, and archival materials, this work presents preliminary findings on the development stages and architectural features of the 16th century monumental complex in the Vangozi kishlak. Among the objects of the complex, the multi-domed single-chamber Tash-Mosque is notable for its volumetric-spatial and planning composition. Additionally, the well-preserved minaret, modelled after the 12th century minaret in Vabkent, is significant for being the tallest surviving structure of its kind from the 16th century in Central Asia.

Kalit so'zlar: arxitektura, Vangozi qishlog'i, Buxoro vohasi, masjid, minora, sufizm, xonaqox
Annotatsiya: Dala tadqiqotlari, ilmiy, tarixiy va arxiv materiallarini umumlashtirish va tahlil qilish asosida ushbu ishda muallifning Vang'ozi qishlog'idagi kam o'rganilgan XVI asr monumental majmuaning rivojlanish bosqichlari va memoriy xususiyatlari bo'yicha dastlabki natijalari taqdim etilgan. Majmua obyektlari orasida ko'p gumbazli bir zalli Tosh-masjid o'zining noyob hajmiy-fazoviy va rejavy kompozitsiyasi bilan ajralib turadi. Shuningdek, XII asrga oid Vobkent minorasiga o'xshash uslubda XVI asrda qurilgan Vang'ozi minorasi ushbu turdagi saqlanib qolgan eng baland inshoot bo'lib, alohida ahamiyatga ega.

Ключевые слова: архитектура, кишлак Вангази, Бухарский оазис, мечеть, минарет, суфизм, ханака
Аннотация: на основе полевых исследований, обобщения и анализа научных, исторических и архивных материалов в работе представлены предварительные результаты исследований автора об этапах развития и особенностях архитектуры малоизученного монументального комплекса XVI века в кишлаке Вангази. Среди объектов комплекса выделяются многокупольная однокамерная Таш-мечеть с её редкой объёмно-пространственной и планировочной композицией, а также хорошо сохранившийся минарет, стилизованный под минарет XII века в Вабкенте и являющийся самым высоким из сохранившихся сооружений этого типа XVI века в Центральной Азии.

In Uzbekistan, numerous monuments of material culture have been preserved, including two unique architectural structures from the 16th century – the Tash Mosque and its accompanying minaret in Vangozi village (*kishlak*), Qiziltepa District, Navoi Region. These edifices hold great significance in Uzbek architectural history. The Tash Mosque is a rare example of a Juma mosque from the 16th century with a multi-columned hall, featuring column-dome constructions that utilise domes of varying dimensions. The minaret is notable for being the tallest extant structure of its kind from the 16th century in Central Asia. Despite their importance, both structures and the architectural complex to which they belong are not well-known and are insufficiently documented in scholarly literature.

The construction date and patron of the buildings in Vangozi village (*kishlak*) were previously unknown. Some researchers believed the Tash Mosque was erected in the 16thcentury under the order of ruler Abdallah Khan II (Man'kovskaya et al., 1975: 29), while others dated the minaret to the 18th century (Nilsen, 1956: 125). However, according to Badr ad-Din Kashmiri's manuscript, *Rauzat al-rizvan va hadiqat al-ghilman*, the mosque and minaret

were constructed in 1585–1586 by the renowned religious figure Khwaja Sa'ad Juybari (Kashmiri Badriddin: 49).

Era, Ruler, and Patron. During the 16th century, under the rule of the Uzbek Shaybanid dynasty, the Bukhara Oasis experienced significant cultural, artistic, and architectural development. Abdallah II (1556–1598), a prominent representative of this dynasty, and his spiritual mentor Sheikh Khwaja Sa'ad Juybari, head of the Bukhara Sufis of the Khwajagan-Naqshbandi Order, built numerous charitable and commercial edifices in Bukhara and throughout the state, particularly around Karmana, where Abdallah II's father, Iskandar Khan, once ruled.

Khwaja Sa'ad Juybari, also known as Khwaja Kalon, was the son of Islam Khwaja from the Juybar Sheikhs dynasty, who owned the large Juybar district west of Bukhara. Islam Khwaja was a respected Sufi whose opinions were influential in political matters. Among his followers were members of the ruling Shaybanid dynasty, such as Iskandar Khan and his son Abdullah Khan. Recognizing Abdullah's strength and political acumen, the sheikh assisted him in ascending the throne, which Abdallah Khan II retained for over 40 years (1556–1598).

Out of respect and gratitude for his political support, Abdallah Khan II honoured both Islam Khwaja and his son Khwaja Sa'ad Juybari. Following Islam Khwaja's death, Khwaja Sa'ad inherited his father's status as the head of the Sufi order and most of his wealth.

Through commercial activities and donations from followers, Khwaja Sa'ad accumulated substantial wealth, which he utilized to construct commercial and charitable institutions. In addition to caravanserais, sardabas, *madrasas,* baths, and similar structures, he rebuilt or erected numerous mosques and at least two large minarets in various villages of the Bukhara Oasis. Significant surviving structures include the Khwaja Kalon Juma Mosque with the Gawqushan Minaret in Bukhara and the Tash Mosque with its minaret in Vangozi.

The history of Vangozi village, including its formation and renaming, is linked to several historical events in Central Asia. Historical-archival (Narshahi, Kashmiri Badriddin, Chunikhin) and bibliographic (Kamalidinov, Bartold, Chekhovich) sources revealed that Vangozi is a later name for the pre-Islamic settlement of Arkud (Arfud, Barkud), renamed Tavavis by the Arabs. When conquering the city in 710, the Arabs were impressed by the number of peacocks and named it Tavois or Tavavis (Peacock) (Narshahi, 1897: 20).

In pre-Islamic times, Arfud, located on the Bukhara–Samarkand route of the Silk Road, was a prosperous city within the ancient defensive walls of the Bukhara Oasis, "Kampir-Duval." It housed idol temples and Zoroastrian fire temples (Bartold, 1963:149–150). In the 10th century, Istakhri noted the presence of a fortress and the largest congregational mosque, second only to the capital mosque (presumably in Bukhara) (Kamalidinov, 1993: 75).

By the early 13th century, the city was destroyed during the Mongol invasion. By the 15th century, it had disappeared entirely, with its ruins called Shahri Vayron (Ruined City). The remaining population likely resettled nearby, transferring its old name. By the 14th century, the name Arkud resurfaced, evolving through various forms to Vangozi in subsequent centuries.

In the 16th century, this settlement was called Bagozi-Dih or Vagonzi. During the Bukhara Khanate, it was the centre of the Kham-i Abu-Muslim district or Sari Bazar Vangozi. Unfortunately, this location is underexplored archaeologically and architecturally. Testimonies suggest it once had fortresses, bazaars, and several architectural monuments, among which the 16th century Tash Mosque and Minaret, built of fired brick, stand out.

According to accounts from elderly residents, the Vangozi fortress had a circular plan and was surrounded by defensive walls with a single fortress gate. Inside the fortress mound, there were premises and structures for the guard service, administration, court-kozikhana, police-mirshabkhana, as well as a prison-kamokkhana, and others.

The Architectural Complex in the Village of Vangozi. In the mid-20th century, the Tash Mosque was part of an architectural complex that served as a socio-religious centre. It included numerous later constructed buildings which

Figure 1. Mosque in the village of Vangozi. Above – A historical photo from the personal archive of A. Otlivanchik. Below – General view. Photo by M. Abbasova-Yusupova, 2006.

are currently lost, such as a *madrasa* and a bathhouse. The complex was located on a vast flat area, bordered to the east by an irrigation canal, to the north by a road, and to the south and west by an old cemetery. The presence of a cemetery, along with the *madrasa* and bathhouse within the complex, allows the author of these lines to hypothesise about the layout of this complex, based on patterns and tendencies in the development of medieval religious architecture in the Bukhara oasis, as well as the personality of the commissioner of this construction – a murshid of the Naqshbandi order.

It is likely that a saintly figure was buried in this cemetery, and over time, his grave became a venerated site, around which the architectural complex was established. It is possible that a Sufi centre with a hawz (water reservoir) in the middle of the courtyard (currently a square) pre-existed here, and the old mosque building also served as a *Sufi* khanaqah. The buildings within the complex were reconstructed multiple times over the centuries, and some of them are now lost.

Based on the sketch measurements taken in 1949 by A. A. Balaev, the complex was built in an L-shaped configuration on two sides – south and west (Nilsen, 1956). In the western part stood the Tash Mosque, adjacent to which were the *madrasa*, a thick-walled room marked on the drawing as a mazar, and smaller structures from later periods, possibly a *takhorat-khana* (ablution room) and a bathhouse. The southern wing of the Tash Mosque had an iwan along its main façade, supported by six wooden columns, likely serving as a summer mosque, as its western wall contained a *mihrab*. In the southwestern corner of the square rose a tall, slender minaret, while the southern section housed a maktab with an iwan supported by five wooden columns.

According to elderly residents, the *madrasa* adjacent to the mosque was a two-storey building without an internal courtyard. It was destroyed in the 1930s, and therefore, the general plan of the complex from 1949 by A. A. Balaev only indicates the location of the lost *madrasa* without providing its layout (Balaev, 1960: l. 3). However, an old photograph gives an idea of the *madrasa*'s architecture, showing a two-storey multi-domed structure behind the minaret. This building was described by elderly residents as resembling the one lost in the 1930s (Nilsen, 1956: 125).

Almost 30 years after Balaev's measurements, in the 1980s, due to the disappearance or reconstruction of several structures, researchers identified only the bathhouse at the site and redefined the old maktab building in the south as a *madrasa* with an *iwan* (Azimov: 1). Nevertheless, this location has long been a complex sacred site – a *ziyaratgah*, with its most monumental structures being the Tash Mosque and the minaret.

The Significance of the Tash Mosque in the History of Central Asian Architecture

The mosque building, notable for its structural and planning solutions, represents the culmination of the development of monumental column-and-dome baked brick constructions in Central Asia (Man'kovskaya et al, 1975: 29). It is a rare type of 16th century *Juma* mosque, as the majority of mosques of that period in this region were of a more traditional courtyard layout,

featuring a spacious inner courtyard surrounded by galleries.

In Central Asia, *Jami (Juma)* mosques historically fell into two classical types. The most common, particularly in the 15th–16th centuries, were large courtyard mosques. These featured a rectangular courtyard enclosed by a dome-and-column gallery constructed of fired brick. A grand portal entrance was typically located on the main longitudinal axis, and a *maqsura* – a domed hall with a richly decorated *mihrab* indicating the direction of Mecca—was situated in the western part of the courtyard. Examples include the grand mosques Kalyan (12th, 15th–16th centuries) with its eponymous 12th-century minaret, as well as the 16th-century Khwaja Kalon Mosque and the Gawqushan Minaret built by Khwaja Sa'ad Juybari.

The second, less characteristic type, especially for the 15th–16th centuries, was the mosque consisting of a large, roofed, multi-column hall (a «forest of columns») without an internal courtyard. This type had two variants of construction: a lightweight version with wooden columns supporting a flat wooden roof, and a monumental version with column-and-dome baked brick constructions. The monumental type featured massive piers supporting a multi-domed roofing divided into square cells, with each dome supported by four pointed arches resting on brick pillars.

In the Bukhara oasis, monumental column-and-dome mosques were built as early as the 10th–12th centuries, such as the Magak-i-Attari Mosque in Bukhara (10th –12th centuries) and the Deggaron Mosque (11th century) in the village of Hazara near Karmana.

During the 16th–17th centuries, a period of economic and cultural flourishing, several column-and-dome mosques were built in Bukhara, reflecting these ancient traditions. Examples include the Kulbaba Kukaltash Mosque (16th century), Magak-i-Attari Mosque (reconstructed in the 16th century), and Magak-i-Kurpa Mosque (17th century).

In the same period, rural column-and-dome mosques, combining the functions of neighbourhood and juma mosques, were built in the villages of the Bukhara oasis. Due to their monumental constructions, these rural mosques were called «Tash Mosques,» meaning stone mosques, such as the ones in the village of Gijdumak (15th century) in the Gijduvan District, Vangozi (16th century), and Vabkent District (16th century). The Tash Mosque in Vangozi stands out among them for its picturesque volumetric composition and advanced layout and construction.

Historical insights on the Tash Mosque in Vangozi and other valuable information about the date and patron of the Tash Mosque and minaret in Vangozi could be found in the manuscript by Badr al-Din Kashmiri, *Rauzat al-rizvan va hadiqat al-ghilman*, translated by orientalist B. Babajanov:

«In the village of Vangozi, there was a wooden mosque that eventually deteriorated. Khwaja Sa'ad Juybari (died in 1598) ordered this mosque to be demolished and a new one of baked brick to be constructed, along with a tall minaret nearby» (Kashmiri Badriddin: l. 290 a, b).

Although the text does not clearly describe the architecture of the first mosque, it can be assumed that the mosque, which had fallen into disrepair by the late 16th century, was a large structure with wooden frame walls (*kosh-sinch*). Around 1580, Khwaja Kalon initiated its reconstruction. The old wooden structures were dismantled, and a new multi-column mosque with a fully brick, multi-domed roofing was built in its place. «The construction of this mosque took

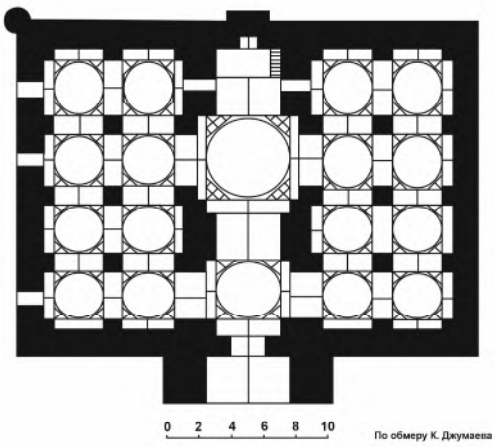


Figure 2. Plan of the Tash Mosque in the village of Vangozi, based on measurements by K. Dzhumaev

Figure 3. Tash Mosque in Vangozi. Interior fragment with a view of the mihrab area. Photo by M. Abbasova-Yusupova, 2006.

approximately six lunar calendar years and was completed in 993 AH (1585–1586)» (Kashmiri Badriddin: l. 290 a, b).

Architecture of the Mosque. The Tash Mosque in Vangozi was built on a high (about 70 cm) platform and is horizontally stretched along its main façade. Its picturesque volumetric composition features a monumental portal in the central part and a large blue dome atop a tall drum base. The mosque's rectangular plan, measuring 24 x 40 meters, includes a single hall covered by two large and sixteen smaller domes supported by massive pillars.

The layout includes three sections: a central section and two side sections. The central section, aligned with the building's axis, contains the portal entrance and a vestibule covered by a 3.8-meter-diameter dome. In front of the *mihrab* is the central part of the hall, covered by a large blue dome with a diameter of 5 meters. At the back of the hall, opposite the entrance, the *mihrab* niche is located, facing the Mecca.

The two side sections are identical and consist of eight-domed double-row galleries (four domes in each row) on three massive piers. Each of the sixteen small domes, measuring 3.2 meters in diameter, rests on pointed arches with shield-shape pendentives in the corners. The side façades to the south and north feature four doors with pointed windows above them.

The main facade of the mosque faces east. Its primary entrance is distinguished by a tall portal adorned with shallow pointed niches on the pilasters and a horizontal «*kitoba*» panel featuring epigraphic ornamentation above the tympanum. The facade walls are left with exposed brickwork, showcasing neatly aligned joints. The western rear facade is flanked at the corners by three-quarter «*guldasta*» towers, with a central projection marking the depth of the *mihrab* niche, framed by two-pointed arch windows on each side.

By the 1970s, decorative elements such as mosaic panels in the tympana of the entrance portal and "stalactite vaulting of the *mihrab* interior, finished with *ganch* carving (*zanjira*) and *qirma* (geometric and floral motifs)," were reportedly still intact (Man'kovskaya ett al, 1975: 29).

Inside, the walls, robust brick pillars, and ceilings are plastered with *ganch*. The hall is well-lit through large openings in the tall drum of the central dome, creating a rich interplay of light and shadow across the white interiors, particularly in the surfaces of shield-like pendentives and the column-dome structures overall. Windows feature intricate *ganch* latticework («*panjara*»),

Figure 4. Tash Mosque in Vangozi. Interior fragment with the mihrab and minbar. Photo by M. Abbasova-Yusupova, 2006.

while doors are decorated with carved patterns, and the *mihrab* niche boasts an ornamental painting. The building is constructed of large, square, fired bricks measuring 29x29x5 cm, with the floors paved flat with bricks.

Minaret. A minaret stands near the Tash Mosque, rising 24 meters high, meticulously styled after the silhouette, design, and elegance of the 12th-century Vabkent Minaret. The exact construction date of this tower in Vangozi is disputed. Some scholars suggest the 18th century, but others reference an inscription on A.A. Balaev's drawing: «Azizabat Minaret – 1294». This likely refers to the year 1294 AH (1877 CE) during a later restoration rather than the original construction date. Oral traditions suggest both the Vangozi and Vabkent Minarets underwent restoration by the same master in the 18th –19th centuries. This is evident in the simplified stalactite cornice of the Vangozi Minaret, differing in brick tone and style.

The well-preserved Vangozi Minaret exemplifies typical Bukhara Oasis architecture, constructed in the spirit of ancient regional traditions. Historically, minarets were essential for mosques, serving as a call to prayer and as prominent urban landmarks. Their tapered cylindrical shafts, topped with arched lanterns, balanced elegant proportions with structural stability.

Architecturally, Central Asian minarets typically consist of an inner core, spiral stairs, and a circular outer wall. Brick steps and radial wooden beams connecting the core and the outer wall reinforced the structure. The spiral staircase led to the top platform, designed as an arched lantern where *muezzins* would call the faithful to prayer.

The Kalyan Minaret built in Bukhara in 1127 CE (height ~47 m) set the standard for later minarets in the Bukhara Oasis. The earliest imitation, the 1197 CE Vabkent Minaret, resembled Kalyan in architecture but with more slender proportions, giving an illusion of greater height despite being shorter by 7 meters. Vabkent's shaft measured 6.2 m at the base, tapering to 2.8 m at the top, with a total height of 40.3 m.

A distinctive feature of Bukhara Oasis minarets was their arched lanterns, slightly overhanging

Figure 5. Minaret in the village of Vangozi.
Left – A historical photo from the personal archive of A. Otlivanchik Right – General view.
Photo by M. Abbasova-Yusupova, 2006.

the shaft and crowned with a stalactite cornice. Even smaller 16th century minarets, like the Gawqushan (1579–1580) in Bukhara and the Vangozi Minaret, maintained proportions of earlier monumental structures. The Gawqushan Minaret, for example, measured 19.5 m in height with a base diameter of 4.8 m.

The Vangozi Minaret, built in 1585–1586 alongside the Tash Mosque, was the tallest 16th century minaret at 24 m. Its base diameter was 3.8 m, with the foundation and plinth made of stone. The shaft features six bands of decorative brickwork, topped by an eight-arched lantern with stalactite cornices at the base and top.

Remarkably, while the Gawqushan Minaret was a scaled-down replica of Kalyan, the Vangozi Minaret near Vabkent served as a smaller version of the Vabkent Minaret, highlighting the localized architectural nuances within the Bukhara Oasis school.

A. A. Asanov praised the advanced engineering knowledge of Central Asian architects. He noted consistent structural standards ensuring durability and human-scaled proportions in minaret design,

including minimum wall thickness, optimal lantern dimensions, and robust foundations. These features contributed to the survival of 12th –16th century minarets in their original height, particularly in the Bukhara Oasis.

In the early 2000s, extensive restoration was completed on the Tash Mosque and Vangozi Minaret. The surrounding area was landscaped, reviving an ancient *ziyaratgah* of Uzbekistan with 16th century architectural monuments along the Silk Road.

REFERENSES:

Historical sources:

Narshahi Abu-Bakr Muhammad. 1897. *History of Bukhara*. N. Lykoshin (trans. from Persian), V.V. Bartold (ed.). Tashkent, Uzbekistan.

Isfahani Fazallah ibn Ruzbikhan. 1976. *Mikhman-nama-yi-Bukhari ("Notes of a Bukhara Guest")*. R. P. Jalilova (trans., preface and notes). Moscow, USSR.

Kashmiri Badriddin. *Rauzat al-rizvan va hadiqat al-ghilman ("The Garden of Eden and the Grove of Pages")*. Manuscript. IVAN RUZ, No. 2094.

Kamalidinov, Sh. S. 1993. *"Kitab al-ansab" by Abu Sa'd Abdalkarim ibn Muhammad al-Sam'ani as a source on the history and cultural history of Central Asia.* Tashkent, Uzbekistan.

Scientific literature:

Asanov, A. A. 1973, No. 4. On some design features of Central Asian minarets. *Construction and Architecture of Uzbekistan Journal. (pp. 50-52).* Tashkent, Uzbekistan.

Bartold, V. V. 1963. *Turkestan in the era of the Mongol invasion. Geographical sketch of Transoxiana.* Academician V. V. Bartold (Op. T. I). Moscow, USSR.

Man'kovskaya, L., Usmanov, T. & Dzhumaev K. (1975, No. 9). Multi-pillar mosques in the architecture of Uzbekistan. *Construction and Architecture of Uzbekistan Journal.* Tashkent, Uzbekistan.

Mukhammedzhanov, M. (2000). *Settlements of the Bukhara Khanate (P. 34)*. Tashkent, Uzbekistan.

Nilsen, V. A. 1956. *Monumental architecture of the Bukhara oasis of the 11th-12th centuries. Historical photo.* Tashkent, Uzbekistan.

Chekhovich, O. D. 1965. *Bukhara documents of the 14th century.* Tashkent, Uzbekistan.

Archival materials:

Azimov, I. M. *Passport to the monuments Tash-mosque and minaret in Vangazi. Materials for the Bukhara region. Monuments of artistic culture, architecture and monumental art.* Tashkent. Archive of the Fine Arts Institute under the Academy of Sciences of Uzbekistan. IA (M), No. 1152.

Balaev, A. A. 1960. *Drawings according to "draft measurements of 1949".* Archive of the Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan. No. 3067. Tashkent, Uzbekistan.

Chunikhin, D. *Historical, archival and bibliographic research. Navoi region, Kyzyltepa district, Vangazi village, Kurgan Mosque.* Book II. Research conducted before starting restoration work. Archive of the Agency of Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan. B 6363, f-17, p. 3-10. Tashkent, Uzbekistan.

БАХТИЕР БАБАДЖАНОВ
Национальный центр археологии АН РУз
Ташкент, Узбекистан

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ НАДПИСЕЙ НА МЕМОРИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: реставрация, эпиграфика, Узбекистан, Самарканд, Шахи-Зинда, Гур-Амир, новые надписи.
Аннотация: В статье приведен критический обзор примеров с восстановлением утраченных надписей на мемориальных памятниках Узбекистана. В большинстве случаев надписи восстанавливаются без исторических и текстологических оснований, в нарушение международных норм реставрации архитектурных памятников. В результате многие памятники утрачивают свой оригинальный облик, а новые надписи подавляют сохранившиеся оригиналы, что отрицательно сказывается на оригинальном облике старинной архитектуры.

Kalit so'zlar: restavratsiya, epigrafika, O'zbekiston, Samarqand, Shohi-Zinda, Guri Amir, yangi yozuvlar.
Annotatsiya: Maqolada O'zbekiston yodgorliklarida yo'qolgan yozuvlarni tiklash misollari tanqidiy tahlil qilinadi. Ko'p hollarda tarixiy yozuvlar matnshunoslik asoslarisiz, xalqaro arxitektura yodgorliklarini restavratsiya qilish qoidalarini buzgan holda tiklanadi. Natijada ko'plab yodgorliklar o'zining asl qiyofasini yo'qotadi. Yangi yozuvlar esa mavjud asl yozuvlarni bostirib, qadimgi arxitektura qiyofasiga salbiy ta'sir ko'rsatadi.

Keywords: restoration, epigraphy, Uzbekistan, Samarkand, Shahi-Zinda, Gur-Emir, new inscriptions.
Abstract: The article provides a critical review of examples of restoring lost inscriptions on Uzbekistan's memorial monuments. In most cases, inscriptions are restored without historical or textual justification, violating international norms for the restoration of architectural monuments. As a result, many monuments lose their original appearance, and new inscriptions overshadow the preserved originals, negatively impacting the authenticity of ancient architecture.

В далеких 1980-х годах я работал в научно-исследовательском, проектном Институте реставрации памятников архитектуры. Я занимался чтением и переводами эпиграфики памятников, извлечениями информации о них из старых вакфных документов или рукописей, касающихся истории архитектуры и топографии городов. Это была вспомогательная работа. Основная работа Института сводилась к составлению проектов и смет для сохранения и реставрации памятников. Из общения с архитекторами и авторами проектов запомнилось несколько важных правил реставрации: не навредить оригиналу, конструктивно упрочить его, чтобы это было незаметно для глаза, уберечь и укрепить на месте все декоративное убранство, которое еще сохранилось на памятнике, а утраты облицевать терракотовыми плитками нейтрального цвета, чтобы они оттеняли сохранившиеся оригиналы.

В Институте регулярно проходили обсуждения проектов, в которых участвовали именитые ученые-архитекторы, имеющие солидный исследовательский опыт и навыки в составлении проектов реставрации памятников (Г. Пугаченкова, М. Булатов, В. Филимонов, П. Захидов, И. Ноткин, Л. Маньковская и др.). Авторы проектов корректировали свои наработки и предложения в контексте замечаний Совета. На одном из обсуждений тогдашний директор Института И. В. Исраилов (в действительности далекий от вопросов реставрации, но хороший администратор) с пафосом заявил: *«Мы сделаем эти памятники лучше, чем они были!»* Галина Анатольевна Пугаченкова с мягкой улыбкой, но твердо ответила: *«Пожалуйста, "лучше" не надо. Лучше будет, если сохраните то, что на нем есть»*. Речь шла об уместности заполнять утраты облицовок памятников аналогичными деталями декора современного производства, повторяя их рисунок, цвет и т. п. Кроме того бурно обсуждался вопрос о допустимости восстановления разрушенных конструктивных частей монументов: минаретов, тимпанов порталов, куполов.

Рис. 1. Начало надписи на мавзолее Ширин-бика Ако (Шахи-Зинда). Фото Б. М. Бабаджанова

Концепция «не навреди» при реставрации памятников срабатывала не всегда. На то время (1970–1980-е годы) такие работы уже были осуществлены на ряде памятников, в первую очередь в Бухаре и Самарканде. Наиболее показательны из них Регистан, мечеть Биби-ханым (Самарканд), мечеть Калян в Бухаре и др. Эти грандиозные проекты уже были обсуждены в литературе, в частности декоративные и конструктивные качества восполненных деталей, а также другие контексты, влияющие на формы реставрации: политические и идеологические запросы разных эпох, потребности туристического бизнеса и т. п. (подробней см: Paskaleva, 2013; Paskaleva, 2023; Paskaleva, 2023a. Там же библиография вопроса).

Пафос И. В. Исраилова в его желании сделать архитектурные памятники «лучше, чем они были» оказался живучим и особенно расцвел в 1990-х годах, когда запрос на впечатляющий вид памятников усилился, что интерпретируется исследователями как отражение новых идеологических и исторических конструкций начала независимости (Там же). Отсутствие единой концепции в деле реставрации, непрофессиональное руководство, низкий уровень качества проектов и почти повсеместное нарушение международных норм реставрации никогда не подвергались публичной критике. Можно сослаться только на одно исключение — статьи профессора М. Юсуповой, которая осталась единственным специалистом, открыто сказавшим о проблемах в деле реставрации архитектурных памятников в Узбекистане (Юсупова, 2019; Юсупова, 2020).

Нет смысла повторять опубликованную критику, чаще всего уместную. Увы, эта критика не положила начало более открытым обсуждениям проблем в реставрации в нашей стране. Могу лишь добавить, что нынешнее поколение реставраторов (в первую очередь авторов проектов) большей частью проявили крайне слабый профессиональный уровень, инициируя в проектах кардинальные изменения облика памятников, чем нанесли серьезный урон оригинальности нашего культурного наследия, которое мы широко презентуем как часть мирового.

В этой статье, вслед за профессором Еленой Паскалевой (Paskaleva, 2013: 10–11) я предлагаю обсудить самую неприемлемую часть этих проектов — восстановление или замену надписей в арабской графике на памятниках, при том, что надписи составляют значительную часть декорации памятников. Моя цель — показать наиболее неудачные примеры, когда попытки восстановить надписи (особенно некаллиграфическими видами почерков) самым серьезным образом исказили облик, содержание надписей, нарушили задуманные идеи зодчих древности, а также внешний облик памятников.

Несколько слов об этих надписях. В науке их обозначают термином «эпиграфика» (в нашем случае речь чаще всего идет о монументальной эпиграфике). Надписи на архитектурных сооружениях считались самым сложным видом исламского искусства. До нас дошел ряд трактатов каллиграфов, в которых содержались описания секретов мастерства по каллиграфии, этические нормы и предписания и прочие назидания и советы мастерам по каллиграфии. Причем само мастерство требовало многолетних упражнений под руководством опытных мастеров, которые, кроме обучения мастерству и секретам искусства изящного письма, внушали своим ученикам этические нормы. В частности, не допускать публичного появления их работ даже при небольшом ущербе, нанесенном пластике и художественным качествам текста (Кази Ахмад, 2023: 4, 18, 21).

Основному количеству памятников Узбекистана в этом смысле повезло — их украшали выдающиеся каллиграфы своих эпох, соблюдавшие все требования к искусству каллиграфии и названные этические нормы. Между прочим, по количеству образцов художественной каллиграфии, разнообразию их жанров и почерков архитектурные монументы

средневековых городов Узбекистана могут претендовать на пальму первенства на территории исторического Турана.

Сегодня эти надписи следует воспринимать как образцы высокого искусства своей эпохи (часть мемориального наследия), и любая попытка их восстановить, «отреставрировать» должна восприниматься как прямая замена оригинала новоделом. Тем более неприемлемы попытки переписать их заново. Увы, эти элементарные (международные!) нормы, которые приложимы к любому виду монументального и иного вида творчества прошлых эпох, очень часто игнорируются в деле реставрации в нашей стране.

Достаточно привести несколько примеров в подтверждение моих утверждений. Эти примеры зафиксированы во время работы над изданием серии альбомов (20 томов) «Архитектурная эпиграфика Узбекистана», в котором я выступил в качестве главного редактора и одного из авторов чтений и переводов эпиграфики. Наиболее показательные примеры были обнаружены на мемориальном комплексе Шахи-Зинда (Самарканд). Комплекс хорошо известен, изучается почти полтора века, а перечисление только названий статей и монографий, посвященных его истории и описанию памятников, заняло бы страницы одной большой книги. Сегодня комплекс воспринимается как жемчужина архитектуры темуридской эпохи, хотя значительная часть его памятников возведена в чагатаидское время. Одним из замечательных памятников комплекса признан мавзолей второй сестры Амира Темура — Ширин-бика Ако. Оригинальная надпись на пилонах и тимпане портала представляла собой сентенции, приписанные греческому философу Сократу (ок. 469–399 годов до н. э.), этика и философия которого была воспринята в мусульманской культуре.

Начало надписи на правом пилоне: «Сказал Сократ: *"Человек в этом мире огорчается всеми его обстоятельствами и не будет вечен обретенными в этом мире вещами"* … » (полную версию сохранившегося оригинального текста и новой надписи см: Бабаджанов, Рахимов, 2023: 235). Во время реставрации 1970-х годов утраченная часть текста (верхние части пилонов и тимпанов) была облицована терракотовой плиткой.

Во время реставрации второй половины 1990-х годов, невзирая на международные нормы реставрации и вопреки элементарной логике,

Рис. 2. Надпись над входным проемом мавзолея Ширин-бика Ако (Шахи-Зинда). Фото Б. М. Бабаджанова

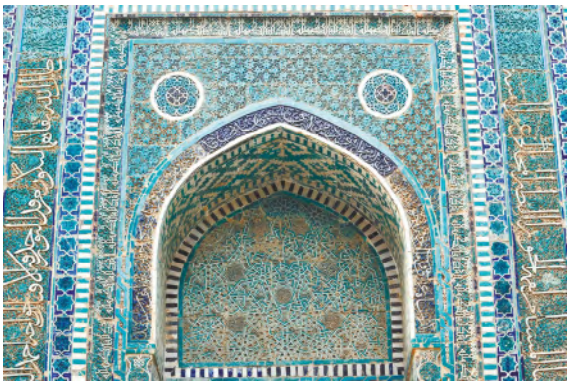


Рис. 3. Надпись на архивольте мавзолея «Ходжа Ахмада» (Шахи-Зинда). Фото Б. М. Бабаджанова

на месте утрат появился новый текст, представляющий собой отрывки арабских сентенций и недостоверных хадисов (восходящих к халифу Али ибн Абу Талибу). Новый текст (на арабском языке) написан с ошибками довольно грубым почерком, некаллиграфический стиль которого резко контрастирует с оригиналом, в том числе и в цветовой гамме (рис. 1). Часть оригинального текста была уничтожена для того, чтобы вместить новую надпись (Там же: 237).

Над входным проемом портальной ниши этого же мавзолея сохранились несколько слов оригинального текста (по-видимому хадис). «Реставраторы» и каллиграф-любитель и здесь нашли простор своей фантазии. Новый текст состоит из обрывков фраз, не связанных между собой по смыслу (Там же: 238) (рис. 2).

Другой пример на том же комплексе Шахи-Зинда являет собой такое же недопустимое насилие над оригинальным текстом и представляет

Рис. 4. Фрагмент исторической надписи на фризе мавзолея Гур-Амир (Самарканд). Фото Б. М. Бабаджанова

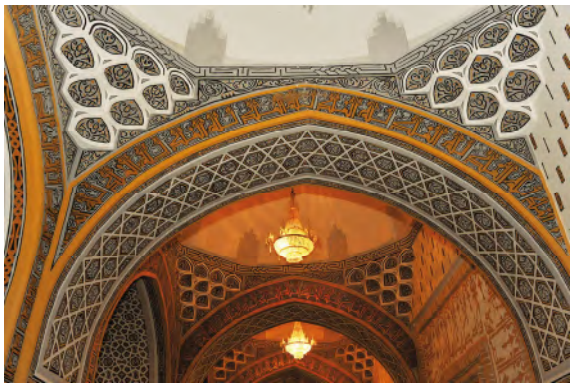


Рис. 5. Фрагмент интерьера в мавзолее Хакима ат-Тирмизи с современной декорацией (Сурхандарья). Фото Б. М. Бабаджанова

верх безграмотности каллиграфов. Речь идет об одной из надписей на мавзолее «Ходжа Ахмада» в верхней сени комплекса. Здесь на архивольте входной ниши было оставлено четверостишие на персидском языке эсхатологического содержания, от которого сохранились первая и последняя строфы / мисры: «*Если бы ты был шахом Ирака или правителем Китая, // В конце концов, все равно окажешься под землей // Так зачем привязываешь сердце к этому тленному миру, // Если завершение твоих дел окажется таким* [печальным?]». Во время упомянутой «реставрации» вместо двух утраченных миср грубым и непрофессиональным почерком была вписана только одна (третья) мисра (рис. 3), отчего смысл четверостишия оказался искаженным (Там же: 449). Подобных случаев с грубейшими ошибками и крайне непрофессиональными почерками «новых текстов» на памятниках комплекса Шахи-Зинда мы насчитали более 25 (Там же: 102, 132–135, 181–182, 409–412, 419 и далее).

Такое же недопустимое нарушение всех норм реставрации наблюдается на самом репрезентативном памятнике Самарканда — мавзолее Гур-Амир. Ряд нелицеприятных примеров с ошибками реставраторов этого памятника (в том числе их неисторические и непрофессиональные замены оригинальных текстов) уже приведены в литературе (Paskaleva, 2013; Paskaleva, 2019). Я обращусь только к исторической надписи на фризе входной части мавзолея. Во время исследований для публикации тома «Самарканд-3» в упомянутом многотомнике «Архитектурная эпиграфика Самарканда» сохранившаяся часть этой исторической надписи прочтена и переведена с комментариями (Бабаджанов, Рахимов, Махмудов, 2023б: 80–81, 83).

В этой же публикации мы обратили внимание на то, что во время реставрации 1970-х годов пространство с утраченной надписью было облицовано терракотой светло-желтого цвета, а часть самой исторической надписи не вполне удачно восстановлена. Однако во время реставрационных работ середины 1996 года было решено заполнить эту полосу с утраченной надписью фрагментом из Корана (Коран: 67) (рис. 4). Очевидно, что у инициаторов и исполнителей этой надписи не могло быть никаких исторических оснований и тем более моральных прав (я уже не говорю о международных нормах реставрации) на принятое решение — заполнить утраты фрагментом из Корана. Текст излишне лапидарный, выполнен в примитивном стиле, далеком от стандартов темуридской эпохи. В результате читающие такого рода тексты коллеги, мягко сказать, недоумевают.

Еще более вопиющий случай мы имеем в Термезе на памятнике Хакима ат-Тирмизи. Во время реставраций 2000–2007 годов здесь была полностью уничтожена историческая надпись XII века на фризе, представляющая собой посвятительный текст от имени караханидского правителя Абу Музаффара Ахмада Тагатегина. В упомянутом альбоме (Бабаджанов, Рахимов. 2023а: 128–129) для чтения и переводов уничтоженной надписи были использованы фотографии, опубликованные М. Е. Массоном (Массон, 1960: 54–57, иллюстрации). К слову сказать, надпись пережила монгольское нашествие и эпоху воинствующего атеизма 1930-х

годов, чтобы быть уничтоженной «реставраторами» нашего времени. При этом, как ожидалось, исполнение новых надписей совершенно непрофессионально, почерки грубые, в текстах отмечен ряд ошибок. Сам мавзолей полностью утратил свой оригинальный вид и напоминает театральные декорации любительского качества (рис. 5).

В ходе работы над альбомом «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» мы отметили более 200 случаев, когда надписи на памятниках частично или полностью уничтожались, заменялись совершенно неприглядными и непрофессионально исполненными надписями. Все эти пространства надписей были буквально отданы на откуп малограмотным выходцам из религиозной среды, которые не получили специального образования в качестве каллиграфов. В силу ограниченности их образовательных кодов, отсутствия художественного и специального образования, все новые надписи преимущественно коранического содержания, к тому же выполнены с ошибками, крайне грубыми почерками, подобными письму детей, которые учатся писать. К этому добавляется полное отсутствие у горе-каллиграфов и у руководителей понимания и ощущения исторического и культурного наследия. Очевидно, что такие же проблемы у авторов проектов реставрации, профессионализм которых оставляет желать лучшего (Юсупова, 2020).

Некоторые реставраторы «старой школы» открыто говорили и о коммерческой стороне таких массовых нарушений норм реставрации в Узбекистане. В числе прочих аргументов речь шла о цехах (мастерских) по изготовлению современных глазурованных плиток (в том числе с резными узорами), которые используются в облицовке архитектурных монументов. Фактическим владельцем этих мастерских был бывший руководитель Главного научно-производственного управления по охране и использованию объектов культурного наследия при Министерстве по делам культуры РУз Р. А. Мансуров. Если это так, то выходит, что он сам себе заказывал изготовление архитектурной облицовки (новодела) и был напрямую заинтересован в увеличении числа памятников, которые надо было «одеть» в продукцию контролируемых им цехов.

Заключение. Лет семь назад мне пришлось сопровождать своих коллег из Индонезии, Малайзии, Марокко, Египта и других стран, когда они пришли полюбоваться мавзолеями и мечетями Шахи-Зинды, Регистана и Гур-Амира. Среди них были специалисты по архитектуре, искусствоведы, а основная их часть — представители туристических фирм этих стран. Я с тревогой ожидал, что они отметят упомянутые выше случаи безобразного исполнения надписей, которые они легко читали, разбирались в каллиграфии, поскольку все знали арабский (для большинства это родной язык), а многие из них знали фарси и прекрасно разбирались в видах каллиграфических почерков. Так и случилось. Вопросы коллег были схожи: почему такая безобразная каллиграфия? Почему реставраторы так варварски обходятся с оригиналами надписей, помещают на утраченные места совершенно чуждые памятнику тексты? Я не нашелся, что ответить и сослался на утрату традиций каллиграфии. Но более тревожным стало то, что представители туристических фирм из названных и других стран заявляли, что они не будут призывать туристов из своих стран на эти памятники, поскольку у жителей этих стран сохранилась традиция — знать и ценить оригинальные и художественные виды исламской каллиграфии.

Специалисты по исламской архитектуре из большинства стран, видя эти примеры, тоже разводят руками, а некоторые из них открыто заявляют, что мы много раз публично презентуем свое бережное отношение к нашим архитектурным памятникам, тратим на это огромные деньги, но совершенно не ценим их, допуская прямое надругательство над собственным культурным наследием. Конечно, проблема много сложнее. Часть этих проблем уже объяснила профессор Елена Паскалева в упомянутых выше публикациях.

Действительно, сложившееся за последние 20–25 лет страстное желание «украсить» памятники исламской культуры новыми надписями со всей очевидностью показало, что мы очень далеки от действительного внимания к своему наследию и пренебрегаем бережным отношением к нему. Более того, почти все случаи «реставрации» таких надписей серьезно исказили, а в большинстве случаев просто уничтожили оригинальный вид памятников, а новодел в буквальном смысле просто подавил оригиналы надписей, которые, как сказано, все специалисты признают шедеврами своих эпох.

По всем названным причинам специалисты всего мира давно поставили под сомнение подлинность не только эпиграфики, но и большинства самих памятников в Узбекистане, которые стали, по сути, формой «туристической декорации». Однако в упомянутом выше случае с отрицательной реакцией представителей туристических фирм из исламских стран можно понять, почему много раз публично заявленный проект «Зиярат-туризм» не сработал. Иными словами, ожидаемого потока туристов из этих стран не было и не ожидается.

Можно предположить, что туроператоры из этих стран сами посещали Узбекистан и воочию увидели упомянутые выше случаи непрофессиональной «реставрации» памятников и особенно их надписей (выше приведен лишь один, но весьма показательный случай). Повторяю, потенциальный турист (зритель) из этих стран ясно различает профессиональную и оригинальную (а значит древнюю) каллиграфию, воспринимает надпись как «лицо сооружения». Между тем, проведенная «реставрация» абсолютно противоречит эстетическому запросу туристов из исламских стран, большинство которых являются хорошими знатоками и ценителями старинной архитектуры и особенно образцов средневековой каллиграфии.

Ситуация парадоксальная: потрачены огромные средства и усилия на «реставрацию», авторы проектов отмечены государственными наградами за то, что нанесли урон оригинальности архитектурного наследия Узбекистана, и в итоге снизили туристический интерес к нашим памятникам, а значит снизили доходы туристической индустрии страны.

На мой взгляд, пора принимать кардинальные меры, чтобы сохранить (а в большинстве случаев, восстановить) оригинальность памятников. Для этого необходимо: 1. Создать специальный Совет профессионалов, на который возложить выявление всех случаев нарушения норм реставрации, в том числе массовых случаев с новыми текстами; 2. При участии специалистов по эпиграфике составить список памятников, с которых необходимо аккуратно удалить все самые неудачные примеры новых надписей и вновь облицевать утраты терракотой нейтрального цвета, подчеркивая достоинства оригинала. Только в этом случае у нас есть шанс вернуть памятникам былой вид и повысить их туристическую привлекательность.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Кази Ахмад б. Хусайн ал-Куми Трактат о каллиграфах и художниках. Перевод и комментарии Акимушкина О. Ф. СПб: Садра, 2023.

Бабаджанов Б. М., Рахимов К. Х., Махмудов Ф. Архитектурная эпиграфика Узбекистана (серия). Самарканд, Шахи-Зинда. Ташкент, 2023.

Бабаджанов Б. М., Рахимов К. Х. Архитектурная эпиграфика Узбекистана (серия). Сурхандарья. Ташкент, 2023а.

Бабаджанов Б. М., Рахимов К. Х., Махмудов Ф. Архитектурная эпиграфика Узбекистана (серия). Самарканд-3. 2023б.

Массон М. Е. Надписи на штуке архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Тирмизи / Труды Ташкентского государственного университета. 1960. № 5. С. 44–80.

Юсупова М. А. Проблемы реставрации и сохранения аутентичности памятников зодчества Узбекистана / Architectural Heritage and Modern Society. Baku, 2019. P. 63–69.

Юсупова М. А. «Нельзя, чтобы чиновник, не смыслящий в архитектурном наследии, управлял реставрацией» / [Электронный ресурс]. 09.10.2020. Режим доступа: https://old.hook.report/2020/10/restoration

Paskaleva Elena. Epigraphic restorations of Timurid architectural heritage / The Newsletter, No. 64. Summer 2013. P. 10–11.

Elena Paskaleva. The Timurid Mausoleum of Gūr-i Amīr as an Ideological Icon / The Reshaping of Persian Art: Art Histories of Islamic Iran and Beyond, ed. by Iván Szántó and Yuka Kadoi. Piliscsaba. 2019. P. 175–213.

Elena Paskaleva. The Restored Splendours of Timurid Samarqand / The Newsletter. – No. 95 Summer 2023. P. 24–25.

Elena Paskaleva. Samarqand's Congregational Mosque of Bibi Khanum as a Representation of Timurid Legitimacy and Rulership / Manazir Journal. 2023a. Vol. 5. P. 59–87.

Pope A. U. Persian Art from Prehistoric Times to the Present // A. U. Pope, P. Ackerman (eds) Architecture, The Ceramic Arts, Calligraphy and Epigraphy. Vol. II. New York, London. 1939.

ЛАЗЗАТ БЕЙСЕМБАЕВА
Научно-исследовательский и проектный филиал «Казреставрация»
Алматы, Казахстан

ОБЪЕКТЫ СЫРДАРЬИНСКОГО КОРИДОРА ШЕЛКОВОГО ПУТИ, МЕТОДЫ СОХРАНЕНИЯ И КОНСЕРВАЦИИ СЫРЦОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

Ключевые слова: Шелковый путь, памятники археологии, сырец, крепостные стены, консервация
Аннотация: Статья посвящена сохранению сырцовых памятников археологии Сырдарьинского отрезка Шелкового пути. Методы консервации памятников археологии защищают древние конструкции от дальнейшего разрушения и продлевают жизнь историческим материальным свидетельствам. В статье приведены сведения о характере разрушения сырцовых структур и классификация повреждений. Разработанные методики консервации и практическое их применение дало положительные результаты. В статье также приводится пример использования современных гидрофобизаторов для консервации сырцовой штукатурки.

Kalit so'zlar: Ipak yo'li, arxeologiya yodgorliklari, xom g'isht, qal'a devorlari, konservatsiya.
Annotatsiya: Maqola Sirdaryo bo'lagi Ipak yo'lida joylashgan xom g'ishtdan ishlangan arxeologik yodgorliklarni saqlashga bag'ishlangan. Arxeologik yodgorliklarni konservatsiya qilish usullari qadimiy inshootlarni yanada vayron bo'lishidan himoya qiladi va tarixiy moddiy dalillarning umrini uzaytiradi. Maqolada xom g'isht strukturalarining buzilish tabiati va zararlanish turlari haqida ma'lumotlar keltirilgan. Konservatsiya metodikalari va ularni qo'llash bo'yicha amaliy tajriba ijobiy natijalar bergan. Shuningdek, maqolada xom g'isht suvoqni saqlashda zamonaviy gidrofobizatorlardan foydalanish misollari keltirilgan.

Keywords: Silk Road, archaeological monuments, adobe, fortress walls, conservation.
Abstract: The article is dedicated to the preservation of adobe archaeological monuments along the Syrdarya segment of the Silk Road. Conservation methods protect ancient structures from further destruction and extend the life of historical material evidence. The article provides information on the nature of adobe structural damage and a classification of damages. The developed conservation methods and their practical application have shown positive results. The article also includes examples of using modern hydrophobics for conserving adobe plaster.

Одной из категорий объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО являются культурные маршруты – исторические пути и дороги как особый тип историко-культурных территорий. Концепция культурных маршрутов показывает значимость объектов наследия, связанных с их окружением и территориальным масштабом (The ICOMOS charter....., 2008: 1). Одним из таких масштабных проектов культурных маршрутов является Шелковый путь, который имеет самую большую протяжённость, связывая весь Евразийский континент от Китая до Европы, и самый длительный период функционирования – со II в. до н. э. по XVI в. н. э.

Шелковый путь включает более пятидесяти отдельных отрезков, которые поддерживаются материальными элементами, свидетельствующими о культурном наследии и обеспечивающими физическое подтверждение его существования. Это памятники истории, материалами построек которых служит необожженная и обожженная глина, гипс и дерево.

Казахстанская школа консервации и реставрации памятников истории и культуры имеет давнюю историю и богатый опыт в деле сохранении историко-культурного наследия. Ведущей научной профильной организацией по реставрации и консервации исторических объектов является Научно-исследовательский и проектный филиал РГП «Казреставрация» при Министерстве культуры и информации Республики Казахстан.

Из огромного числа имеющихся в республике объектов материального

Рис. 1. Городище Сауран. Крепостные стены. Эрозия сырцового материала в нижней части стены

Рис. 2. Городище Алтын Асар (Жетыасар-3). Малый дом. Эрозия и глубокие промоины сырцовых конструкций. Аэрофото

наследия памятники археологии составляют более 80%. Значительное их количество расположено на Сырдарьинском отрезке Шелкового пути. Этот маршрут казахстанского участка Шелкового пути в среднем и нижнем течении Сырдарьи включает такие крупные археологические памятники как Отрар (I–XVIII вв.), Сауран (I–XVIII вв.), Жетыасар (кон. I тыс. до н. э. — IV–V вв. н. э.), Жанкент (V–XV вв.) и другие. Основным материалом древних построек является необожженная и обожженная глина.

Расположение объектов вдали от океанических акваторий резко обостряет сезонные различия важнейших климатических параметров. Климат носит характерные черты резко континентального со значительными колебаниями годовых и суточных температур воздуха — жаркое сухое лето и холодная, с неустойчивым снежным покровом зима. Среднегодовая температура воздуха составляет +7–11^{0}С. Область является очень засушливой. Осадков выпадает 95–159 мм в год, в отдельные сухие годы может выпасть всего 30–60 мм, а в наиболее влажные — 200–213 мм. Ко всем этим параметрам добавляются солевые бури из высыхающего Аральского моря.

Памятники археологии из необожженной глины, называемые также памятниками сырцовой архитектуры, в период нахождения под землей подвергались воздействию грунтовых вод, миграции минеральных солей и действию микроорганизмов. После открытия остатков строений при археологических раскопках разрушение их становится более интенсивным под влиянием внешних природно-климатических факторов и в отсутствие консервационно-реставрационных мероприятий приводит к полной утрате объекта историко-культурного наследия.

Длительное время консервация сырцовых памятников была направлена на укрепление непосредственно древних материалов, но образование двух разнородных слоёв с различными физико-механическими и теплофизическими свойствами приводило к их расслоению под действием природных процессов. В настоящее время в реставрационной отрасли Казахстана сформировались несколько способов консервации. Применение того или иного способа зависит от многих факторов: объем защищаемого объекта, характер повреждений, климатические условия, местонахождение памятника и многое другое.

Один из методов основан на защите сырцовых стен глиняными обмазками или обкладкой сырцовым кирпичом с последующей обмазкой. Такой метод укрепления крепостных стен применен на крепостных стенах археологических памятников Сауран (Туркестанская область), Алтын Асар (Жетыасар-3) и Жанкент (Кызылординская область). Эти памятники археологии сохранили наземные фортификационные конструкции, но подвергаются разрушительным процессам под воздействием природных и

Рис. 3. Городище Алтын Асар (Жетыасар-3). Малый дом. Участок крепостной стены пятиугольной крепости. Процесс разрушения сырцовой конструкции

антропогенных факторов. Если от антропогенного воздействия можно защитить памятники с помощью ограждения и ограничения доступа, то негативное природное воздействие для таких масштабных конструкций как крепостные стены представляется проблематичным.

Процесс разрушения сырцовых сооружений, в частности древних крепостных стен, сводится к тому, что при постоянном воздействии дождя, ветра и солнечной радиации на поверхности сырцовых конструкций они утрачивают чёткость форм, образуется поверхностная малопрочная корочка (Жандаев, 1972: 162).

Со временем под воздействием атмосферного влияния: процессов увлажнения, замораживания в зимнее время, высыхания и выветривания эти структуры разрушаются, что приводит к утрате древнего материала (Грунтоведение и механика..., 1968: 76).

Особенно часто встречаются эрозийные процессы в основании стен после зимнего периода. Весной влага, которая аккумулируется в осенне-зимний период, приводит к разрыхлению сырцового материала, затем идет процесс высыхания с последующим осыпанием. Постепенная утрата прочности материала приводит к обвалу участка стены и полной утрате наземных конструкций (рис. 1).

В верхней части на плоских поверхностях образуются так называемые «блюдца», в которых собирается влага. При переполнении вода пробивает каналы на поверхности кладки, образуются промоины, которые со временем расширяются, появляются трещины, сколы, дальнейшее развитие приводит к разрушению (рис. 2–3).

Мероприятия по консервации руин крепостных стен сводятся к укреплению основания стены путем создания подпирающих контрфорсов с каменным основанием, обкладки нависающих участков стен защитным панцирем, устранения промоин, создания стекающих поверхностей на горизонтальных участках. Материалом консервации служат сырцовый кирпич и глиняный раствор. Последующая обмазка кирпичных поверхностей защищает кладку от размывания и не создает дополнительную фактуру (рис. 4).

Технология консервационных работ в нижних частях крепостных стен разбита на этапы, последовательность которых необходимо соблюдать (Бейсембаева и др., 2019).

Рис. 4. Городище Сауран. Крепостные стены. Пример укрепления падающего фрагмента

Рис. 5. Испытание на размываемость сырцовой кладки в лабораторных условиях

В зависимости от видов промоин на поверхности стен различна методика их заделки. На участках небольших промоин, глубиной от 5 до 15 см, рекомендуется применять заделку канальчиков жидким глиняным раствором. При глубине промоины более 15 см ее забивают глиняными шарами-«гуваляк», для более широкой промоины делают кирпичную закладку с последующей обмазкой. На горизонтальных участках необходимо применять жирную глину, на вертикальных — штукатурить глиняным защитным раствором со специальными добавками. Добавки могут быть растительного происхождения — камышовый пух, рисовая шелуха и др.

Обычно используются материалы местного производства из ближайших карьеров. Перед использованием глины в производстве консервационных работ, при оценке новых месторождений сырья, а также при выполнении любых исследований и технологических разработок необходимо проводить определенный комплекс анализов в соответствии с требованиями к данному виду сырья. Требуется провести испытания глиняных растворов на атмосферостойкость и размываемость (Бейсембаева и др., 2019).

Вопросы долговечности защитных сырцовых материалов решаются длительное время, имеются положительные примеры и в отечественной реставрации. Так, в 1990-е годы проектно-конструкторским институтом «Казпроектреставрация» применены кремнийорганические составы для пропитки штукатурки вновь построенного участка крепостной стены в г. Туркестане, обеспечившие его сохранность в течение 10 лет (Мазулевский, 1986). Разрушающие факторы в этом примере отличаются от археологических раскопов и условия эксплуатации объекта более щадящие. С того времени изменилась ситуация на рынке материалов: одни уже не выпускаются, другие получили фирменные названия со скрытым составом, поэтому задача сохранения защитных обмазок остается по-прежнему актуальной и исследования в этом направлении продолжаются.

В настоящее время имеется множество водоотталкивающих покрытий для бетона, камня, кирпича, дерева и штукатурки (но не глины!), изготовленных на основе разных классов соединений (алкидные, акриловые и силиконовые).

Один из видов экспериментальных работ в лаборатории научно-исследовательского филиала «Казреставрация» — это апробация современных гидрофобизаторов на сырцовых материалах. Из всей массы предлагаемых гидрофобизаторов для испытаний выбрана продукция фирмы «Elcon», где действующим веществом являются кремнийорганические соединения, хорошо показавшие себя при обработке крепостной стены. Испытание образцов показало, что атмосферостойкость пропитанной глины составила 20 циклов без дефектов и повреждений (рис. 5). Неводостойкий исходный материал получил свойство не разрушаться при циклических замораживаниях — оттаиваниях — высушиваниях. Состав проникает вглубь материала до 12 мм, при этом не только придает глине свойства водо-, морозо- и атмосферостойкости в целом, но и увеличивает ее прочность и твердость.

Воздействие гидрофобизатора «Elkon Agness» на сырцовые материалы можно охарактеризовать как укрепление необожженной глины (Чарлин, 2019). При соблюдении определенных условий этот метод укрепления сырцовых материалов можно применять

для небольших объемов. В настоящее время выполнены некоторые экспериментальные работы на участках опытных образцов в полевых условиях, которые за три сезона показали хорошие результаты на городищах Жанкент и Сыганак в Кызылординской области.

После защиты сырцовых конструкций обмазками или обкладками происходит разрушение новых материалов, а древние при этом сохраняются. Защитные обмазки или обкладки древних стен образуют так называемый «жертвенный слой». Сроки его сохранности непредсказуемы и зависят от многих факторов, прежде всего от природно-климатических условий. В одних местах после зимы ежегодно приходится ремонтировать или полностью обновлять «жертвенный слой», в других срок службы его составляет несколько лет.

Большое значение имеют и мероприятия превентивной консервации, осуществляемые не на древних материалах, — это организация отвода грунтовых вод (дренаж), устройство навесов, защитных каркасов и др. Эти меры требуют больших затрат, к тому же фортификационные сооружения имеют большие масштабы и для их защиты потребуется установка навесов, которые изменят ландшафт памятника.

Вопрос сохранения руин древних сырцовых сооружений остается актуальным. Единственным и эффективным на сегодня способом дальнейшего сохранения археологических памятников из необожженной глины является непрерывный мониторинг и поддержание конструкций путем устройства подпирающих контрфорсов и защитной обмазки. Применение природных материалов дает положительные результаты и обеспечивает более длительные сроки эксплуатации «жертвенных» слоев. Эффективность консервационных работ зависит от правильно выбранного состава защитных растворов, соблюдения технологии их изготовления и качественного выполнения реставрационных работ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

The ICOMOS charter on cultural routes. Ratified by the 16th General Assembly of ICOMOS, Québec (Canada), on 4 October 2008 /Электронный ресурс] Режим доступа: https://openarchive.icomos.org/id/eprint/3140/

Бейсембаева Л. С., Искаков К. Т., Бектасов М. С., Чарлин В. М. Городище Жанкент (Янгикент) (V–XV вв.) (Научно-реставрационные работы. Кызылординская область). Пояснительная записка. Архив НИПФ РГП «Казреставрация». Алматы, 2020.

Бейсембаева Л. С., Искаков К. Т., Бектасов М. С., Чарлин В. М. Городище Жетиасар III (Алтынасар), кон. I тыс. до н. э. — IV–V вв. н. э. (Научно-реставрационные работы. Кызылординская область). Пояснительная записка. Архив НИПФ РГП «Казреставрация». Шифр № 66/ГЗ/2019. Алматы, 2019.

Грунтоведение и механика грунтов. Методические указания к выполнению лабораторных работ по курсу «инженерная геология, грунтоведение и механика грунтов». Ленинград: Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, 1968. 76 с.

Жандаев М. Ж. Геоморфология Заилийского Алатау и проблемы формирования речных долин. Алма-Ата: Наука, 1972. 162 с.

Мазулевский Д. А., Чарлина Л. Модификация некоторых вяжущих материалов с целью повышения сопротивления их воздействию воды. Часть II. Архив НИПФ РГП «Казреставрация». № 100. Алма-Ата, 1986.

Чарлин В. М. Отчет о научно-исследовательской работе по пропитке гидрофобным раствором. Архив НИПФ РГП «Казреставрация». Шифр № 66/ГЗ/2019. Алматы, 2019.

MALIKA BEKNAZAROVA
"Ipak yo'li" xalqaro tadqiqot instituti; O'z RFA San'atshunoslik instituti
Toshkent, O'zbekiston

TOSHKENT VILOYATIDAGI XALQ TURAR-JOY BINOLARINING ME'MORCHILIGI: TA'MIRLASH VA SAQLASH MASALALARI (QORAXITOYDAGI QOZIXONA UYI MISOLIDA)

Kalit so'zlar: Toshkent viloyati, Qoraxitoy qishloqi, turar-joy binolar, restavratsiya, konservatsiya, Qozixona, me'moriy-badiiy jihatlar.
Annotatsiya: Ushbu maqolada qadimiy karvon yo'li bo'ylab joylashgan XIX asr oxiri — XX asr boshiga oid noyob kam o'rganilgan va ilmiy muomilaga kiritilmagan nodir xalq turar-joy binolarining me'moriy va badiiy jihatlari o'rganib chiqilgan. Shuningdek, Qoraxitoy qishlog'ida joylashgan XX asr boshiga oid Qozixona uyining mahalliy o'ziga xos xususiyatlari, madaniy meros sifatidagi ahamiyati ochib berilgan hamda restavratsiya va konservatsiya masalalari bo'yicha takliflar kiritilgan.

Key words: Tashkent region, Karakhitay village, residential buildings, restoration, conservation, Kaziy house, architectural and artistic features.
Abstract: This article examines the architectural and artistic features of rare types of folk residential buildings of the late 19th — early 20th centuries located along the ancient caravan route. Additionally, the local unique features and cultural heritage significance of the Qozikhona house, located in the village of Qorakhitoy and dating back to the early 20th century, have been revealed. Proposals regarding its restoration and conservation have also been provided. (house of the judge) of the early 20th century, located in the Karakhitay village.

Ключевые слова: Ташкентская область, кишлак Карахитай, жилые дома, реставрация, консервация, дом Казия, архитектурно-художественные особенности.
Аннотация: В данной статье рассматриваются архитектурные и художественные особенности редких типов народных жилых домов конца XIX — начала XX века, расположенных вдоль древнего караванного пути. Также раскрыты уникальные локальные особенности и значение дома Казия (судьи) начала XX века, расположенного в кишлаке Карахитай и предложены рекомендации по вопросам его реставрации и консервации.

Kirish. Turar-joy binolari eng keng tarqalgan fuqaro me'morchiligi bo'lib, vazifasi xilma-hil va murakkab shaklga ega. Shuning uchun tashqi ko'rinishi turli hil ijtimoiy, iqlimiy omillar bilan belgilanadi (Воронина, 1951: 12–13). Xalq turar-joy uylari iqlimiy sharoiti va mahalliy an'analarning shakllanishiga zamin yaratgan holda O'zbekistonning alohida hududlarida me'morchilik maktablari ko'rinishida shakllangan.

Toshkent viloyatidagi turar-joy binolarining o'ziga xos xususiyati ularning yashil bog'lar va suv bilan uzviy bog'liqligi bo'lib, bu yanada qulay mikroiqlimni yaratishga yordam beradi. Hovli va uy atrofi loy devor bilan chegaralangan, hovlida daraxtlar (odatda mevali daraxtlar), uzumlar va gulzor bilan uzviy bog'liq bo'lgan.

Ta'kidlash joizki, Toshkent viloyatida o'rta asr fuqarolik me'morchiligining nodir turdagi turar-joy binolari kam saqlanib qolingan. Saqlangan xalq turar-joy binolarining birlamchi qiyofasini bir qator olimlarning tadqiqotlarida va arxiv malumotlarda (Страмцова, 1940) uchratishimiz mumkin. Shuningdek, O'z RFA San'atshunoslik instituti arxivida ham turar-joy binolarining kam o'rganilgan, muhim ma'lumotlari saqlanib qolingan. Mazkur arxiv ma'lumotlar 1978–1979 yilda L. Y. Mankovskaya, X. Mamisheva, X. Sh. Pulatov, E. Qorayevlar tomonidan (pasportlari) qayt etilgan. Ushbu tadqiqotda noyob va kam o'rganilgan arxiv manbalar hamda dala tadqiqoti asosida Toshkent viloyatidagi xalq turar-joy binolari o'rganildi. Bundan tashqari

mazkur tadqiqot doirasida yoshi ulug' insonlar bilan suxbat qilar yekanmiz (Obliq qishlog'ida istiqomat qiluvchi muallim tarixshunos Shukurjon O'rinboyev bilan suhbat), XIX–XX asr boshiga oid ilmiy muomilaga kiritilmagan turar-joy binolar aniqlandi. Ular me'moriy-badiiy jihatlari bilan o'ziga hosdir.

Asosiy qism. Toshkent geografik jihatdan Farg'ona vodiysiga yaqin joylashgan va XVIII–XIX asrlarda Qo'qon xonligining bir qismida bo'lgan. Bu Toshkent viloyati turar-joy me'morchiligiga ta'sirini aniqlaydi (Азимов, 2000). Shu qatori bu yerda, ushbu hududga xos uyning makonini o'zgartiruvchi Xitoyga hos funksional ravishda surma panjaralar (Денике, 1935: 55, 69, 72) – qashg'archa ravonlar vujudga kelgan. O'zbekistonning boshqa hududlarida bo'lgani kabi, Toshkent viloyatida ham turar-joy binolari, an'anaviy tarzda ichkari va tashqari hovlilarga bo'lingan (Манакова, 1990):

Ichkari hovli – oilaning asosiy, kundalik hayoti ichkari hovlida bo'lib o'tgan: dam olish, ovqat pishirish, ovqatlanish, uxlash va hokazo. Mazkur hovlidagi turar-joy bloklarida yotoqxona, oshxona, xo'jalik, yordamchi va boshqa xonalar mavjud.

Tashqari hovli odatda, oilaning erkak qismiga mo'ljalangan bo'lib, ularning xo'jalik faoliyati uchun xizmat qilgan: mehmonlarni qabul qilish binosi, mehmon kutish xonasi (mehmonxona), otxona, chorva mollari uchun mo'ljallangan xona (og'ilxona) va boshqa yopiq va ochiq turdagi (soyabon) binolar kirgan. Ayniqsa, Toshkent viloyatining qishloq xususiyatlariga ega bo'lgan joylarda hovliga kirish o'ziga xos soyabon bilan yopilgan binolarda yon tomonlarida o'rindiqlar va ustunlar bilan belgilangan. Tashqari hovlining asosiy xonasi bu mehmonxona bo'lib hisoblangan. U bir yoki ikkita xonadan iborat (ulardan biri old xona), unga soyabon (ayvon) biriktirilishi ham mumkin. Tashqari hovli ba'zan ikki qavatli ham bo'lgan (Азимов, 2000), ikkinchi qavat yashash xonalari ustidagi ochiq galereya shaklida yoki uyning kirish qismidagi xonalar guruhi – darvozaxona hamda hovliga past o'tish joylari "yo'lak" – dalon ustida mehmon kutish, yo bo'lmasa ikkinchi kavatning ko'cha tarzi ayvonli bo'lib, uy egasining ishlari bo'yicha xizmat xonalari ko'rinishida bo'lishi ham mumkin bo'lgan, bunday uyga Qoraxitoydagi Qozixona uyi misol bo'lishi mumkin. Shuningdek, yo bo'lmasa ikkinchi qavat meva, sabzavotlarni quritish, saqlash, pichan uchun ombor sifatida ham ishlatishda mo'ljallangan (Abbasova-Yusupova, Eth Zurich, Longo: 56–59).

Toshkent viloyati xalq turar-joy uylarining birlashtiruvchi xonalariga ham biroz to'xtalib o'tamiz. Iqlim sharoitlari yozda yashash xonalarini quyoshdan himoya qilishni talab qiladi. Bu deraza, eshik oldida ayvon o'rnatish orqali ta'minlangan va ularni janubga, janubi-sharqqa va sharqqa yo'naltirgan. Faqat yozgi dam olish uchun mo'ljallangan xonalar ko'pincha shimolga yo'naltirilgan. Shuningdek, Toshkent viloyatidagi xalq turar-joy uylarida oltita asosiy xona bloklar keng tarqalgan: 1. Xona; 2. Dahliz; 3.Chorxari xona; 4. Qashqarcha (ko'tarma deraza romli panjaralar bilan o'ralgan ayvonli xona); 5. Ayvon; 6. Sufa (sufaning yana bir turi so'ri – yog'och ko'chma "karavot") (Пулатов, 1971: 17–19).

Shuni ta'kidlash joizki Toshkent viloyati xalq turar-joy binolarining asosini ularning uzviy bir biri bilan bog'lovchi xonalar tashkil etadi: yopiq xona (uy yoki xona, chorhari uy, dahliz), ochiq xona (sufa, so'ri), yoki yarim ochiq (qashqarcha, ayvon) xonalarning rivojlanishi bilan tashkil etadi. Turar-joy uylari trik organizm kabi hujayralardan iborat, ular bo'linmas bo'lgani kabi, bir vaqtning o'zida ikki yoki uch kishilik kichik oila uchun to'liq turar-joy binolarini o'zida ifodalaydi.

O'zbekistonning boshqa xududlari singari Toshkent viloyatidagi turar-joy binolarida ham

katta oila bo'lib aka-ukalar bilan ko'pchilik bo'lib, alohida oila va alohida xonadonlarga ega holda yashaydilar.

Ushbu uylarning turar-joy xona bloklarining xarakterli tarhlarini tahlil qilar ekanmiz – (Xona+Ayvon) O.Ismoilov Obliq, Y.Mo'minov Telov. (Xona+Dahliz+Ayvon) – M.Sultonov uyidda Parkent, ko'rsatilganidek bitta dahliz va ikkita xonadan iborat turar-joy bloki va Koraxitoydagi Qozixona uyining ikkinchi qavatida ham shu turdagi xonalarning rivojlanishini kuzatishimiz mumkin bu yerda ham bitta dahliz, ikkta xona va ayvon mavjud. Shuni ta'kidlash joizki, xonalarning takrorlanishi, rivojlanish jarayonlari xalq me'morlari tomonidan mexanik ravishda emas, balki ijodiy ravishda amalga oshirilgan. Turar-joy blokining tartibini asosiy xonalar sonini ko'paytirish shartlaridan kelib chiqan holda bo'lib – (Xona+Qashqarcha+Ayvon) O. Ahmadjon uyi Obliq, Z. Kobirova Obliq, A. Abduraxmon Obliq, D. Minavvarov Obliq, A. Azizov Telov; U. Uzun uyi Beshko'l, O. Esonboy uyi Obliq va h.k.

Toshkent viloyatining ichkari hovlisida muhim element oshxona bo'lib, xalq me'morlari, iloji bo'lsa, oshxonani turar-joy bloki yaqiniga joylashtirishga harakat qilishgan Obliqdagi O. Esonboy uyi singari. Ba'zi uylarda mo'ri bo'lgan kamin to'g'ridan to'g'ri dahliz yoki yashash xonasining devoriga o'rnatilgan. Ular qishda ishlatilgan va ehtimol, bunga ehtiyoj uy bekasining qishda oshxonaga chiqishini qisqartirish istagi bilan emas, balki xonani isitish uchun o'choq olovidan foydalanish istagi bilan bog'liq bo'lgan. Oilaning oziq-ovqat zahiralari oshxona yaqinidagi omborxonada saqlangan.

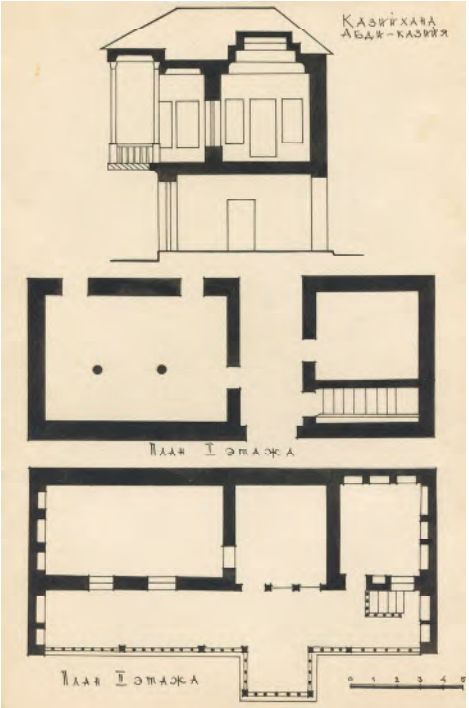
Shuningdek, Toshkent viloyati xalq uylari tashqari va ichkari hovlilarga ham bo'lingan. Shu sababli turar-joy binolarining hududini funksional maqsadlardan kelib chiqib hovlilarga bo'lingan va ular birlashtirilgan. Ushbu uylarda mehmanxona rolini asosan bezaklarga boy katta xonalardan biri bajargan. Bunday uylarning ichkari va toshkariga bo'linishi juda aniq, garchi ular bir-biridan odatiy uzluksiz binolar yoki devor bilan ajratilmasada bu misol xalq me'morlarining an'analari uchun o'zgarmas qonunlar bo'lmaganligining yorqin dalilidir. Xalq me'morlari muayyan sharoitlardan kelib chiqqan holda mohirlik va moslashuvchanlik bilan foydalanishgan. Shuni ta'kidlash joizki, Toshkent viloyatidagi turar-joy binolari orasida ikki qavatlilari ham uchraydi. Qavatlarning binolari yordamchi ham yashash joy xonalari bo'lishi mumkin (birinchi va ikkinchi qavat). Biroq, ikkinchi qavatning qo'shilishi turar-joy binolarining asosiy rejasiga sezilarli o'zgarishlar kiritmaydi.

Bunday uyga misol – XX asr boshlaridagi Toshkent viloyati fuqaro me'morchiligining nodir yodgorliklaridan biri bo'lgan Qozixona uyi ilk bor 1979-yilda me'mor E.Qorayev tomonidan o'rganilgan va o'lchangan (Карaев, 1979: 2–4). Ohangaron tumani Qoraxitoy qishlog'ida joylashgan qozi idorasi yani Qozixona uyi – tarhda to'g'riburchak shakldagi qo'sh sinch devorli ikki qavatli bino, tekis to'sinli hamda ikki nishabli tomga ega. Birinchi qavati dalon va turli o'lchamdagi ikkita yordamchi xonadan iborat. Kichik xonada ikkinchi qavat uchun yog'och zina mavjud. Ikkinchi qavatda keng qozi kabineti, dahliz va dalon kirish eshigi tepasida bolaxona ayvonli old ayvon joylashgan. Ikkinchi qavatda joylashgan xonalar orasida taxta-to'sinli shiftlar bilan qozi kabineti o'ziga xos konstuksiyasi va bezaklari bilan ajralib turadi. Qozi kabineti pog'onali olti burchakli naqshinkor shift ko'rinishida bajarilgan, unda naturalistik tasvirli elementlar hamda bayt tushirilgan epigrafik yozuvlar mavjud.

Qozi uyi uchun takliflar:

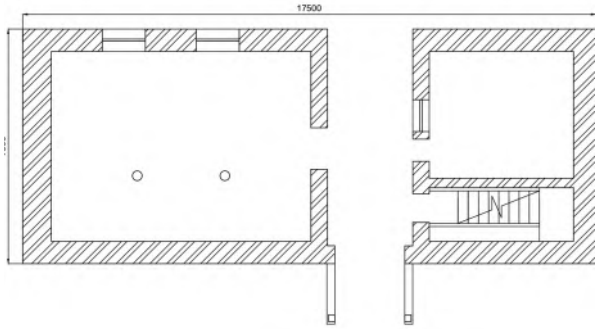
– tarixiylik, o'ziga xos me'moriy uslub va badiiy ahamiyatga ega bo'lgan Qoraxitoy qishlog'ida joylashgan Qozixona uyini moddiy madaniy

Ilovalar:

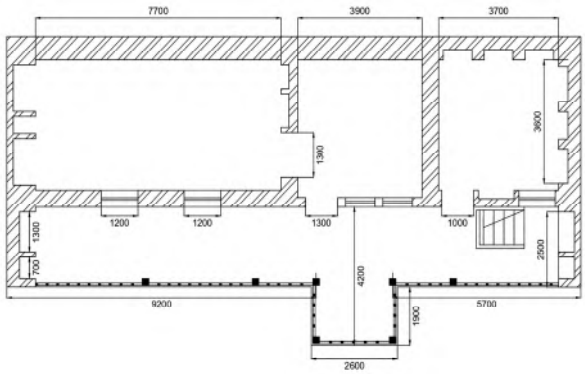


Qozixona uyining 1979 yilgi tarhi. Qorayev E. Pasport. O'z.RFA San'atshunoslik instituti arxivi. IA(m)K21 № 1018/2

1-qavat



2-qavat



1979 yilgi holati. San'atshunoslik instituti arxivi

2024 yilgi holati. M. Beknazarova fotosi

meros ko'chmas mulk obyektlari miliy ro'yxatiga kiritish;

– eng zamonaviy usullardan foydalanish yani obidani lazerli skanerlash yoki foto geometriya texnologiyalaridan foydalangan holda qurilish konstruksiyalarini raqamli hujjatlashtirish (bu kelajakdagi tadqiqotlar uchun hamda obidaning ta'mirlash loyihalarida yordam beradi).

– arxiv ma'lumotlar va analogiyalarga tayangan holda Qozixona uyining konservatsiya restavratsiya loyiha taklifi ishlab chiqildi;

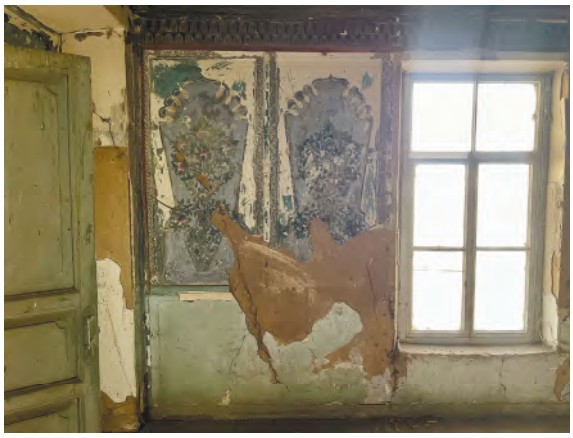
– yodgorlikni arxeologik va tarixiy tadqiq qilish har doim restavratsiya ishlaridan oldin va unga hamrohlikda amalga oshirish zarur;

– kelgusida yodgorlikni tarixiyligini saqlab qolgan holda konservatsiya va restavratsiya qilish;

1979 yilgi foto. E. Qorayev

2024 yilgi foto. M. Beknazarova

Binoning tashqi tarzi (ayvon va karniz fragmenti). M. Beknazarova fotosi, 2024



Qozixona kabineti, devor va shift bezaklarining fragmenti. M. Beknazarova fotosi, 2024

– konservatsiya va restavratsiya ishlarida faqat malakali mutaxassislarni jalb etish maqsadga muvofiq;

– obidani nazorat qilish (vaqti vaqti bilan monitoring o‘tqazish) va saqlash ishlarining doimiyligini ta’minlash;

– hozirgi kunda tarixiy obida xususiy mulk sifatida xizmat qilayotganligini inobatga olib, quidagi holatlarga rioya qilishi zarur – obidaning me’moriy yaxlitligi va asl bezaklarini saqlab qolgan holda foydalanish.

Xulosa qilib shuni aytishimiz mumkinki:

Dekorativ panno 1979- yilda Qorayev tomonidan fotoga olingan. Bugungi kunda saqldanmagan

Qozi uyining ta'mirlash loyihasi (ayvon va pannoning tiklangan qismi). Takliflar 2 xil ko'rinishda. Mualliflar: M.Beknazarova, T. Nurulin, 2024

– Toshkent viloyatining XIX–XX asr boshlardagi uy-joylarining ushbu umumiyligi bilan Ohangaron uylari o'ziga xos mahalliy xususiyatlarga ega bo'lgan.

– XIX–XX asr boshlariga oid ushbu hududdagi turar-joy binolarining rejalashtirish tuzilmasini o'tmishda qurilgan yakka tartibdagi turar-joy binolari sxemasi bilan solishtirganda, bir qator muhim o'zgarishlarni sezish mumkin. Ayrim rejalashtirish xususiyatlari bugungi kunda ham qo'llaniladi (ayvonning mavjudligi, sufa va boshqalar);

– hovlini an'anaviy tarzda ichkari va tashqariga bo'lish afsuski bugungi kunda uchratish qiyin va o'z xizmat muddatini o'tab bo'lgan. Hovlining bir hovlili qurilishi kabi yangi xususiyatlar bugungi kunda ko'proq uchraydi;

– Qoraxitoy qishlog'idagi Qozini uyi Ohangaron tumanidagi turar-joy binolari orasida ikki qavatlisi bo'lib, an'anaviy xalq uylari tashqari va ichkari hovlilarga bo'lingan. Ammo, Qozini uyida mehmanxona ro'lini (tashqari hovli) janubiy xonalardan biri bajargan. Uning ichkari va toshkariga bo'linishi juda aniq. Garchi ular bir-biridan odatiy uzluksiz binolar yoki devor bilan ajratilmasada bu misol xalq me'morlarining an'analari uchun o'zgarmas qonunlar bo'lmaganligining yorqin dalilidir. Xalq me'morlari ushbu uyda muayyan sharoitlardan kelib chiqqan holda mohirlik va moslashuvchanlik bilan foydalanishgan. Mazkur uy Ohangaron tumanidagi boshqa uylardan farqli me'morchiligida elektik (bir kompozitsiyada turli xil uslubdagi elementlarining kombinatsiyasi mavjud) (Власов, 2017: 260) uslubdan foydalanilganligi tarzi va inter'eri badiiy bezaklarga boyligi hamda asilligi bilan o'ziga xosdir.

FOIDALANGAN ADABIYOTLAR:

Abbasova-Yusupova M. Peculiarities in the architecture of traditional mahallas in Tashkent and prospects for their preservation// Каталог выставки биеннале «MAHALLA» в Венеции. ETH Zurich, Longo. Bolsano, 2021. С. 56–59.

Азимов И. М. Архитектура Узбекистана XVIII – начала XX вв. (традиции и локальные особенности). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора архитектурых наук. М., 2000.

Власов В. Г. Теория формообразования в изобразительном искусстве. Учебник для вузов. СПб.: Изд-во С-Петерб, 2017. С. 260.

Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951. С.12–13.

Денике Б. П. Китай. М., 1935. С. 55, 69, 72.

Досметова З. Особенности декоративного оформления жилых домов Ташкента. Ташкент, 2020. С. 103.

Караев Э. Паспорт Дом Казийхана (канцелярия судьи) в Каракитае. Материалы проекта «Свод памятников материальной культуры Узбекистана» в 1986-1992 гг. Архив Института Искусствознания АН Республики Узбекистан. № ИА(м)К21 №1018/2. Ташкент, 1979. С. 2–4.

Маньакова В. Н. Художественная культура народного жилища Узбекистана. Ташкент, 1990. С. 184.

Пулатов Х. Ш. Планировочная структура жилых домов Ташкентской области // Строительство и архитектура Узбекистана. Ташкент, 1971. №9. С. 17–19.

Страмцова Т. Архитектурный облик старого Ташкента. Архив Глав НПУ. Ташкент, 1940.

SVETLANA VIVDENKO
Greek Ministry of Culture, Ephorate of Antiquities of Thessaloniki Region, Saloniki, Greece
AKLIA SHADMURATOVA
Royal Gidsenbond Belgium. ArtAklia Travel Agency Staden, Belgium
MALLETZIDOU LAMPRINI
Laboratory of Archaeometry and Physicochemical Measurements, Athena Research Center Xanthi, Greece.

ARCHAEOMETRIC INVESTIGATION OF THE COLOR DECORATION IN ANCIENT MONUMENTS OF SOUTHERN UZBEKISTAN AND NORTHERN GREECE

Key words: ancient pigments, archaeometry, Khalchayan, Dalverzin-tepe, chest tomb 1 Derveni of Thessaloniki.
Abstract: The study presents the results of an archaeometric examination of the pigments in the ancient sculptures and paintings of the famous monuments, Haltsiayan and Dalverzin-tepe (Uzbekistan) and the female chest tomb 1 of Derveni, Thessaloniki (Greece). The identification of the colors was carried out with using polarizing light microscopy (PLM) and chemical analysis OES or XRF. To confirm the initial identification, other physicochemical techniques were used, such as XRD and FTIR.

Kalit so'zlar: qadimiy pigmentlar, arxeometriya, Xalchayon, Dalverzin-tepa, Derveni 1-g'or qabr (Saloniki).
Annotatsiya: Ushbu tadqiqotda Xalchayon va Dalverzin-tepa (O'zbekiston) kabi mashhur yodgorliklarning qadimiy haykallari va tasvirlaridagi pigmentlarning arxeometrik tahlili natijalari taqdim etilgan. Shuningdek, Gretsiyaning Saloniki shahridagi ayolga tegishli 1-g'or qabri pigmentlari o'rganilgan. Ranglarni aniqlashda polarizatsion nur mikroskopiyasi (PLM) va kimyoviy tahlilning OES yoki XRF usullari qo'llanilgan. Dastlabki aniqlashni tasdiqlash uchun boshqa fizik-kimyoviy usullar, masalan, rentgen difraksiyasi (XRD) va FTIR spektral tahlili ishlatilgan.

Ключевые слова: древние пигменты, археометрия, Халчаян, Дальверзинтепа, гробница 1 Дервени в Салониках.
Аннотация: В исследовании представлены результаты археометрического анализа пигментов в древних скульптурах и живописи известных памятников Халчаян и Дальверзинтепа (Узбекистан), а также женской гробницы 1 Дервени в Салониках (Греция). Идентификация цветов проводилась с использованием поляризационной световой микроскопии (PLM) и химического анализа методом оптико-эмиссионной спектроскопии (OES) или рентгенофлуоресцентного анализа (XRF). Для подтверждения первоначальной идентификации использовались другие физико-химические методы, такие как рентгеновская дифракция (XRD) и инфракрасная спектроскопия (FTIR).

Introduction. The subject of the announcement is the archaeometric examination of the color decoration in the ancient monuments. Archaeometry studies the objects and monuments of archeology and culture. By applying the technical sciences, the composition of the objects, their manufacturing technology, the state of preservation and other important elements are examined.

The main objectives of archaeometry for cultural and archaeological projects are:

The identification of the main material components that make up the objects.

The determination of the technical and technological characteristics of the objects.

The determination of the workshops of the production of the objects and the centers of the creation of the monuments / architectures.

The dating of objects and monuments.

All this information ultimately contributes to our more complete knowledge of the development of the culture under consideration and of its place in the general development of the region or on a global scale.

The first engagements of scientists with archaeometric examination were in the 18th-19th centuries. Archaeometry in research centers of Uzbekistan in 1980-1990 it was already developed.

To characterize the archaeometric research in Uzbekistan below, for example, a small part of archaeometric study of plastic of Bactria. The work was carried out at the Scientific and Artistic Conservation Laboratory of the Fine Art Scientific Research Institute of the Academy of Fine Arts of Uzbekistan, where the author was engaged in archaeometric research and the practical conservation of archaeological finds and restoration of historical monuments of ancient Bactria and Sogdiana (1980–1994), (Vivdenko, 1992).

For example, one of the studies related to the archaeometric examination of the sculpture of the North Bactria is mentioned (Vivdenko,1993/4: 143. Vivdenko, 1996: 42).

The studies used a specific examination methodology. (Fostiridou et.al., 2016:456. Tsiapali et al., 2023: 2). This methodology is based on the exploitation of small grains of the painted decoration, collected during their conservation. These small colored grains, which freely fall from the surface of the objects and cannot be placed back in their original position, are used as samples. No further sampling is needed at the expense of object integrity. In our studies, in order to obtain more reliable results, special attention is paid to the preliminary examination of the materials using optical means of analysis. In particular, the investigation of pigments begins with the observation of thin sections of the grains of the sample under the polarizing microscope (petrography). Thus, in order to determine the mineral components of the colors the optical properties of the sample grains are examined: color, pleochroism, relief, refractive index, birefringence, polarization colors, quenching, cleavage, twinning, etc. These properties for each pigment under consideration are listed in Table 1. For the examination under a polarizing microscope of the paint layer, the grain with a diameter of 1,0–1,5 mm is sufficient. The suitability of such a small sample size for the analysis is due to the ability of the minerals to retain their optical properties even after fragmentation to very small grain size.

In this research, the preliminary identification of the chromophoric minerals in the colors of the samples was carried out with the examination of their optical characteristics in thin sections using polarizing light microscope (PLM) with optical emission spectroscopy (OES). To confirm the results were also used X-ray diffractometry (XRD) and Infrared spectroscopy.

The analyzes were carried out at the Central Laboratory of the Ministry of Geology of Uzbekistan and the Center for Scientific Research of Higher Schools in Tashkent.

Sculptures from the palace of the ruler of Khalchayan and from the Buddhist sanctuary at Dalverzin-tepe were examined. The specialty of the sculptures is their construction material, the statues were created from unfired clay, from plaster and from clay with plaster coating.

Khalchiyan, southern Uzbekistan, site of a settlement and palace of the nomad Yuezhi, with paintings and sculptures of the mid-1st century BCE.

The aivan of the palace was decorated with wall paintings and statues. Only small fragments of the original painting have survived: white flowers, stalks, fruits and grapevines against a bright-red background. In some places there come in view indistinct silhouettes of men, with only their arms being clearly visible.

In the main hall there was sufa (built-in bench around the walls) to sit on, with the walls above being covered with white alabaster. At a height of three meters there were high relief sculptures. They were made of plastic loess clay on cane frames and were attached to the walls with special pins. The sculpture composition represented secular subjects: a royal couple, an audience with a ruler, brave Kushan warriors.

All the sculptures were first primed with white paint and then coloured. The faces of the sculptures had mostly pink and dark-red colors; the eyes were bright blue and black against white. The characters' attire was coloured orange,

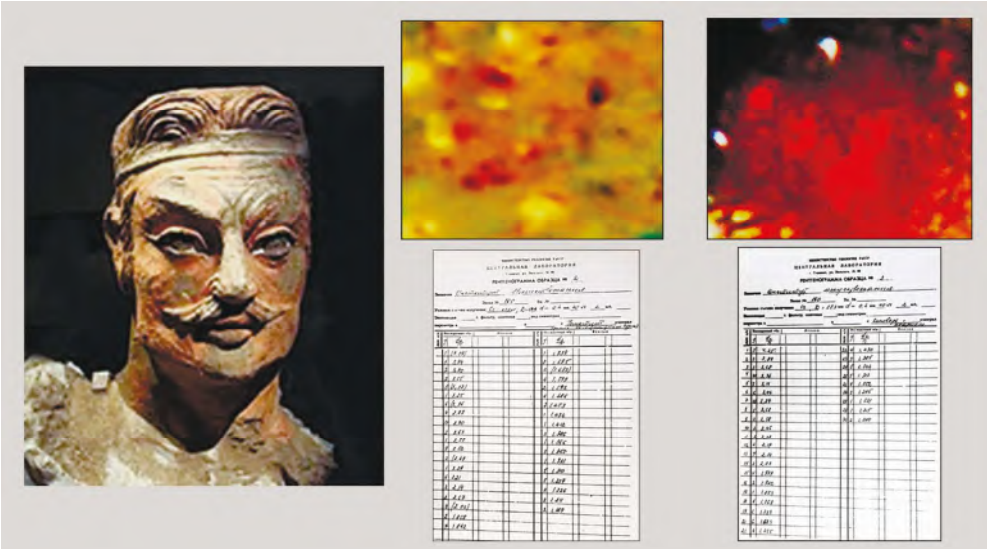


Figure 1. Part of the sculpture from Khalchayan. Results of XRD-analysis of red ocher with minio (from red paint on the statue) and cinnabar from a ceramic bowl found on the floor. Polarizing microscope photograph of yellow ocher goethite grains (Dalverzin-tepe) and cinnabar grains (Khalchayan)

ochre, red and green. In a dimly lit hall, placed at a 3-metre height, these statues gave the viewers an impression of being alive… The most striking quality of the sculptures is that all the faces they show bear well-marked individual, portrait-like features which make apparent the ethnic origin of the characters – Parthians, Arians, Bactrians, Kushans, Yuezhis. Sculpture from Khalchayan is rather peculiar, though it evidently shows a noticeable influence of Hellenistic art.

Dalverzin-Tepa is located in the northern portion of Bactria. Is an ancient archaeological site founded by the Graeco-Bactrian Kingdom and located near to the modern city of Denau in the Surxondaryo Region of Uzbekistan. The city was founded in the 3rd century BC and rose to prominence in the Kushan period when two important Buddhist temples were built here. The first Buddhist complex was excavated in 1967–68. It included a large platform which might have been the base of a stupa, surrounded by a corridor and multiple rooms with fragmentary sculptures of Boddhisatvas and secondary deities. A second Buddhist complex was discovered in 1980. Samples taken from the floor date this second temple to 320–410 AD.

The sculptures from Khalchayan with scenes of presentation of the new rulers of the Kushan dynasty are from an earlier period (early 1st century AD) and have received the strong influence of Hellenistic culture, with bright figures full of movement and elegance. And their manufacturing technology is distinguished for the high quality of the raw material, for its careful selection and preparation, which is shown by the high quality of the clay with a directed distribution of the grains of the components (clay and non-plastic), low frequency and special character of non-plastics.

In the sculptures of the Buddhist shrines in Dalverzin-tepe that continue the dynastic themes, another direction of style dominates, the idealization of the form, which contributes to the more complete transfer of the idea of the steadfastness and eternity of the Buddha, the idea of the inviolability of the Kushan rule.

As can be seen from some reliefs, Dalverzin artisans knew the principles of creating Khalchayan sculpture, however more and more often they simplified the technology, resorting to molding, using plaster (often disregarding the preparation of raw material) which was needed in very large quantities for fast construction of huge Buddha statues.

From the examination of the plastic, the author concluded the following:

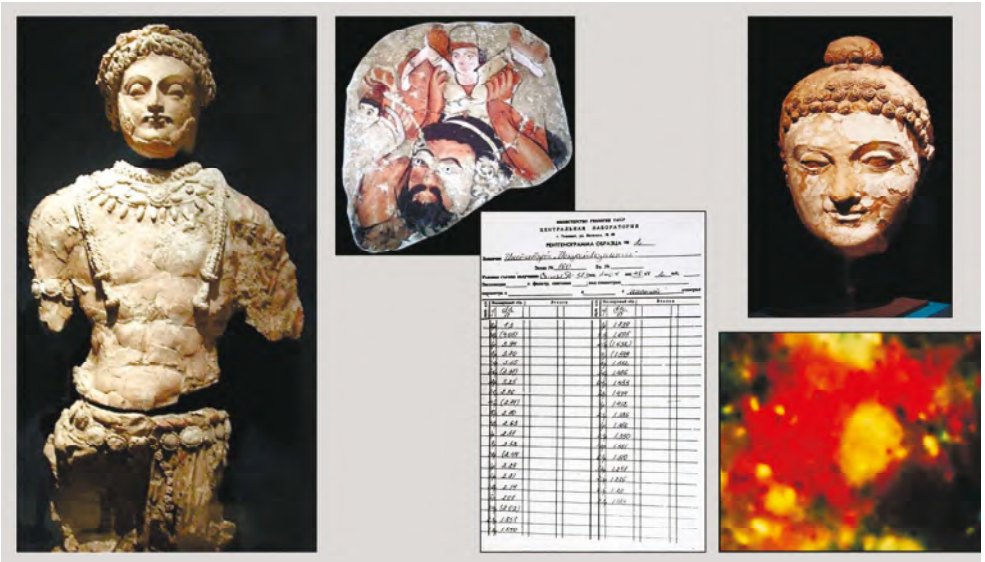


Figure 2. Fragments of Dalverzin-tepe sculptures and painting. Results of the XRD-analysis of red ocher. Polarizing microscope photograph of hematite grains of red ocher mixed with calcite and gypsum

1) The differentiation of the layers is the main feature of the creation of the North-Bactrian clay sculpture, which required a high technology of the raw material. 2) Making small sculptures differed from making large statues. 3) When creating the sculptures, organic non-plastic materials were also used. 4) A strict differentiation of the technologies for religious sculptures and political (Dynasty sculptures) is observed. 5)The existence of the creative principle is now felt in the materials used to make the sculpture because it is precisely these that undergo the greatest changes and not the form sanctified by the rules. B.C. the first reason for the creative approach to the construction of the Buddha figure is the excellent composition of the raw material. 6) Clay and mixed (clay coated with plaster) sculptures were made in different workshops. 7) The Buddhist sculptures of Dalverzin-tepe were made by local craftsmen, but the pictorial rules were Indian.

Results and discussion. The technique and technology of the creation of the North Bactrian plastic was studied in great detail, but in this paper we will focus on the examination of the pigments from the color decoration of the above sculptures. The pigment palette in the sculptures consisted mainly of red, yellow and black pigments. Of particular interest were the impurities in the main chromophore minerals. Below are the characteristics of the colors.

The pigments in Khalchayan's sculptures. *The red ocher.*

By using optical emission spectroscopy (OES) to analyze the red ocher, the impurity of lead Pb in the main chemical element of the composition, iron Fe, was identified.

By examining the sample under the polarizing microscope and using X-ray diffractometry (Fig.1) it was found that the main chromophore mineral is hematite and the pigment is red ocher with lead oxide (minio pigment) admixture. The mixture is peculiar and was found for the first time in the monument of Central Asia. It is noteworthy that, due to its particularly bright hue, this mixed pigment was initially considered by archaeological researchers to be cinnabar.

Petrographically and with XRD in the red ocher, apart from the main mineral, hematite, mineral admixtures were identified: pyroxene, amphibole, biotite, chlorite, apatite, pyrite and calcite.

The pink pigment. A pink pigment, widely used in Khalchayan sculptures, was also identified and, as tests (OES, PLM) showed, consisted of red ocher mixed with fine grains of calcite and gypsum

The cinnabar found in a ceramic bottle. Cinnabarite, the main chromophore mineral of

cinnabar, was not detected in the samples of colored decoration of the Khalchayan sculptures, while it was found in the plaster of the floor, in a ceramic bottle (Fig. 2). Au gold grains (microphyllaries) were also detected in the composition of cinnabar. To identify the pigment, the same techniques were applied (OES, PLM and XRD) with the results that the chemical composition was dominated by mercury Hg and the mineral cinnabarite was identified in the mineralogical composition.

The natrojarosite from a bottle. The yellow pigment, like cinnabar, was found in a ceramic flask. With all of the above analyses, it was determined that the main chromophore mineral of the pigment is the yellow colored natrojarosite.

The color decoration in Dalverzin-tepe. *The red ocher in the Dalverzin-tepe sculptures.* Fig. 2. With the help of the same techniques (OES, PLM, XRD) and UR-spectroscopy, which showed the main absorption peaks at 445 cm-1, 475 cm-1, 540 cm-1, 575 cm-1, 645 cm-1 , we came to the conclusion that the main chromophore mineral is hematite and the pigment is red ocher, with admixtures of the minerals: zircon, tourmaline, garnet, rutile and cordierite. It is noteworthy that the set of impurities in the ochres characterizes the place of origin of the pigment and, as can be seen, differs for each monument, Khalchayan and Dalverzin-tepe.

The red ocher from a bottle. The red ocher flask was also found in the Buddhist shrine at Dalverzin-tepe. And in the composition of the ocher was detected the admixture of the grains of metallic gold Au, which proves that the gold was deliberately added by the artist and was not a natural admixture of the mineral. In this red pigment, in addition to gold microphyllaries, finely ground glass was also detected. The admixture of the glass must have a ceremonial character.

The Black of Bones. Obtained by roasting powdered animal bones, e.g. of ivory.

The main chromophore substance is carbon C with a content of 10-20%, the impurities $Mg_3(PO4)_2$, $CaCO_3$, $Ca_3(PO_4)_2$ and CaS make up 80-90% of the composition. At Dalverzin-tepe the black of the bones was identified with the black hair pigment of the Buddha. Along with other chemical elements C, Ca, Mg, phosphorus P was also detected. In the infrared spectroscopy spectrum of the black pigment, the peaks in the region 1100-850 cm-1 related to areas of absorption of the phosphoric acid anion, which is the product of bone combustion.

The red ocher and the yellow ocher in the painting of Dalverzin-tepe. In the fresco sections from the same Buddhist shrine in Dalverzin-tepe the whole contained mainly red and yellow ochres with a characteristic, large admixture of iron hydroxides, this admixture noticeably reducing the masking ability of the produced color. It is impressive that in terms of construction materials, the wall painting in Dalverzin-tepe, with more economical and lower quality materials, keeps the second role, while in the plastic we find more well processed and luxurious materials, contrary to the usual practice in similar monuments of the time , such as the Buddhist shrine in East Turkestan and the Buddhist shrine in Karatepe.

Organic red pigment. In the red colors from Dalverzin-tepe, an organic red pigment that is uniformly distributed on an inorganic carrier made of a mixture of kaolinite with calcite was identified.

Organic binder. When observing in the polarizing microscope, an organic binder was detected in all the colors of the plastic.

The gold. The fine grains of gold, which were mixed with red ocher in the flask, together with the gold had a small admixture of silver and traces of copper Cu, lead Pb and iron Fe.

The gold from the gold leaf used in the decoration of the Buddha statue is distinguished by its purity. The degrees of purity measured range from 840 to 960 degrees.

Summarizing the first results, we come to the conclusion that they are significant and impressive. New questions were also raised, which we can answer by continuing to examine the sculptures with the new analysis techniques. Additional tests are planned (quantitative analysis with mapping) using the electron microscope SEM-EDX and non-destructive, e.g. Raman spectroscopy et al., for the determination of organic red pigments and binders, pigments that have not been sampled due to a small amount saved (greens and blues), impurities in the main components of the pigments, such as minium with lead etc.

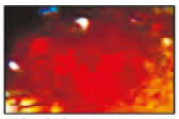
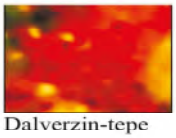
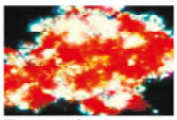
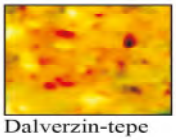
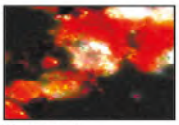
Mineral	Polarizing Light Microscope, (NII, N×) × 120, × 320.	Optical characteristics Diagnostics
Cinnabarite Mercury sulfide HgS. The common name of the pigment is cinnabar, vermilion.	 Khalchayan Derveni	Appearance, crystal faces: macroscopically, cinnabar crystals are dark red or gray-black in color. The crystals are tabular, prismatic or rhombohedral. The crystallization system: triangular. Uniaxially positive. Cleavage: perfect by {1010} Refractive index n_ω= 2.81, n_ε = 3.14. Birefringence is extremely large δ = 0.33. Diagnostic evidence: very high birefringence and perfect prismatic cleavage.
Hematite Diiron trioxide (III) Fe_2O_3. It is the main component of the red pigment commonly known as red ocher.	 Dalverzin-tepe  Derveni	Appearance, crystal faces: macroscopically, hematite crystals are gray-black in color, in geode form it is red in color, it often appears in granular (earthy and foliated) aggregates. The crystals are tabular, fibrous and squamous. The crystallization system: triangular. Single axis negative. Cleavage: absent. Refractive index n_ω = 2.78, n_ε =3.01. Birefringence is extremely large δ = 0.23. Diagnostic evidence: very high birefringence and absence of cleavage.
Goethite FeO(OH) and Limonite FeO(OH)× nH2O are the main components of yellow ocher	 Dalverzin-tepe  Derveni	Appearance, crystal faces: macroscopically, goethite crystals often forming compact or earthy aggregates and more rarely found as acicular or columnar crystals. Color from yellow to dark brown and black. The crystallization system: rhombic Cleavage: perfect by {110}. Refractive index n_α = 2.35-2.40, n_β = 2.35-2.39, n_γ = 2.21-2.26. Birefringence is moderate δ – 0.014 Diagnostic evidence: characteristic circular aggregates.
Cuprorivaite Crystalline phase in Egyptian blue $CaCuSi_4O_{10}$ Artificial color Copper glass Vitreous phase in Egyptian blue $CaCuSi_4O_{10}$ Artificial color	 Derveni. Egyptian blue. Two phases, crystalline and glassy, N×. Two phases, crystalline and glassy, NII.	Appearance, crystal faces: macroscopically, the crystals are light blue. It also occurs in granular foliar aggregates. The crystals are tabular. The crystallization system: tetragonal. Single axis negative. Cleavage: perfect {001} Refractive index n_ω = 1.633 n_ε = 1.59. Birefringence is low δ = 0.043. Diagnostics: color, low birefringence and perfect cleavage. Appearance: The grains are light blue to blue in color. The crystallization system: it is an amorphous material. Cleavage: none. Refractive index n = 1.61. Birefringence δ = 0.00. It is isotropic. Diagnostics: Grain color, low refractive index and isotropic

Table 1. Optical characteristics of chromophore minerals of the samples

© Svetlana Vivdenko, Photomicrograph, 1990.

© Svetlana Vivdenko, Photomicrograph, 2018.

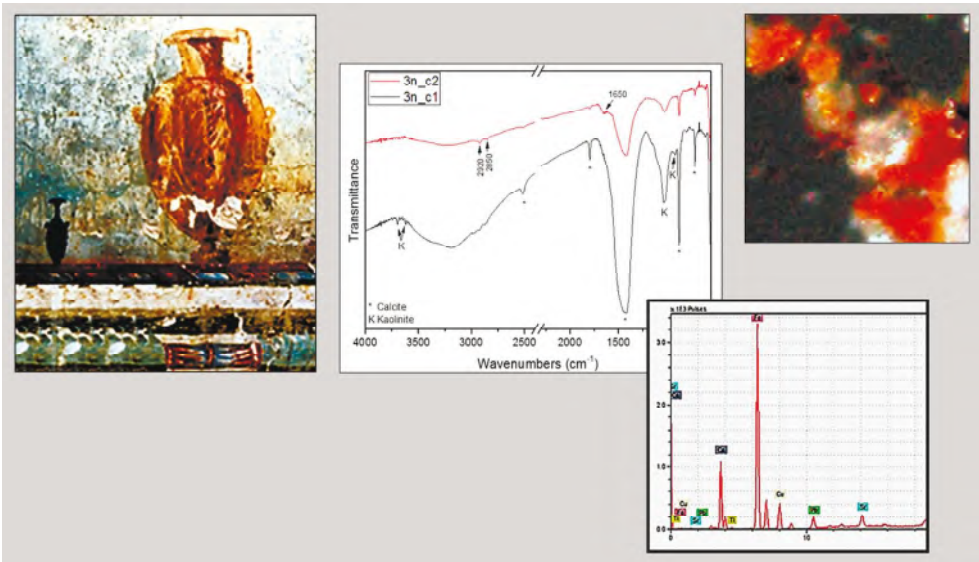


Fig.3. The yellow with organic binder from the wall paintings of the cist female tomb 1 of Derveni (FTIR, PLM and XRF)

Since 1995, the archaeometric research and the practical conservation of archaeological finds and restoration of historical monuments of ancient Macedonia from Prehistory to the Middle Ages continues in Greece. The first objects of archaeometric research in Greece were the paintings from funerary monuments in the Derveni area of Thessaloniki. The archaeometric study on the chest tomb I, which dates back to the beginning of the 3rd c. BC and belongs to a young lady, started in 1995 at the same time as the start of its salvage maintenance. The tomb was discovered in the cemetery of Derveni of ancient Litis. The owners of the cemetery tombs have been associated with noble cavalrymen or royal hetairoi of the Macedonian army who joined Alexander the Great's campaign in the East. After returning home with abundant wealth, they were lavishly buried, as in other contemporary funerary monuments in Central Macedonia. The tomb was found captured, but has become famous for its exquisite painted decoration. In the upper decorative zone of its four sides, a set of objects is displayed on a light blue background, which document the devotion of the young deceased who was buried inside it to the Eleusinian cult. The objects depicted contain multiple symbolisms, which refer not only to the burial ritual and the customs that dominate the society of the Hellenistic era in ancient Macedonia, but also to the wedding ritual. At the same time, they describe the virtues of the young dead girl, her social status and her religious beliefs, her family environment, but also the wider society she belongs to

The first results of the examination of the painting of the tomb have been obtained by applying the same examination methodology that was used during the examination of the plastic of Bactria, with the use of very small samples, of the order of 1–1.5 mm. The same analysis techniques were used. For preliminary identification of the chromophore minerals of the pigments, the examination of the samples in the polarizing microscope (petrography) was initially used with their parallel chemical analysis by optical emission spectroscopy and later by X-ray spectroscopy (XRF). X-ray diffractometry and UR - spectroscopy were applied to confirm the initial colors identification. The first results of the archaeometric examination of the tomb were used in the study, which in 1998 was submitted to the Ministry of Culture of Greece for approval in order to start the conservation work.

The research work continues and with the use of new modern techniques we have other interesting results. The use of additional identification methods was exploited, adding new elements to the already known ones. In

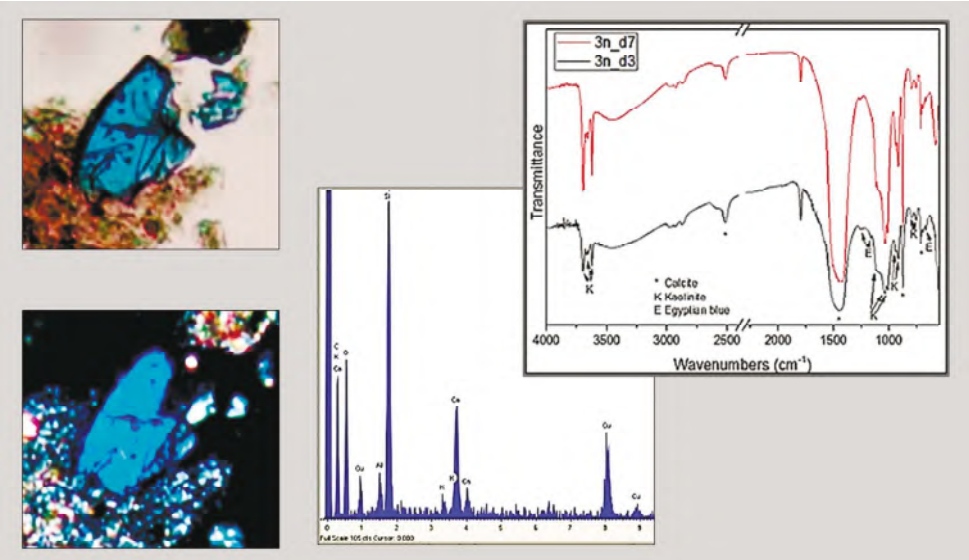


Fig.4. Egyptian blue (PLM, XRF, FTIR)

this research, the preliminary identification of the chromophore minerals in the colors of the samples was carried out with the examination of their optical characteristics in thin sections using polarizing light microscope (PLM) and with portable XRF. Physicochemical techniques, Raman, FTIR and HPLC were used to definitively identify the pigments. Below is an indicative part of the modern study of the painting of the tomb.

Yellow color. The result of XRF and EDS analyses showed that the main chemical elements identified in the yellow color was Fe. The solid aggregates of the microcrystalline mineral goethite grains were distinguished using polarizing light microscope (Table 1) by their intense yellow color, high refractive index, and low birefringence (McCrone, 1982:11. Mackenzie and Adams,2003:3. Winchell-Winchell,1951:233). Furthermore, the FTIR transmittance spectrum displayed the characteristic bands of yellow ochre at 3120, 799 and 599 cm-1 (Bikiaris et al., 2000) Fig. 3.

Organic binding medium. In the FTIR transmittance spectra collected from brown-yellow grains color in the painted rendition of the hydria from Derveni (Fig. 3), in addition to the presence of kaolinite and yellow ochre, there is strong evidence for the involvement of an organic material due to the bands at 2925, 2853, 1640 and 1435 cm- 1 (Brambilla 2011: 1827). These bands can be attributed to the use of gum Arabic in the wall paintings of the cist tomb 1 of Derveni but with reservation, as the strong kaolinite bands below 1200 cm-1 mask the existence of other characteristic peaks of the organic medium.

Blue color. The results of XRF and EDS analysis showed that the main chemical element detected in the blue color sample was copper Cu, calcium, Ca, silicon Si and lead Pb. The anisotropic crystals of the mineral cuprorivaite, and isotropic copper glass grains (Table 1) were detected in blue-colored grains under a polarizing light microscope (McCrone, 1982:11. Wallert, 1995:177. Chakoumakos et al., 1993). Furthermore, the FTIR spectrum displayed the characteristic bands at 668, 1004, 1056, 1164 and 1244 cm-1, which were attributed to the asymmetrical Si-O-Si stretching bands of Egyptian blue (Bruni et al., 1999:15. Wiseman et al., 2023:993). The blue color sample from the wall paintings was identified as Egyptian blue, an artificial pigment, which consists of two phases, a copper glass one and the crystalline cuprorivaite mineral (Fig. 4). In the case of the Derveni wall paintings, the copper glass phase contained significant lead impurities. This leads to the conclusion that the Egyptian blue that was used in Derveni derived from fragments of old metallic objects made from copper-lead alloys.

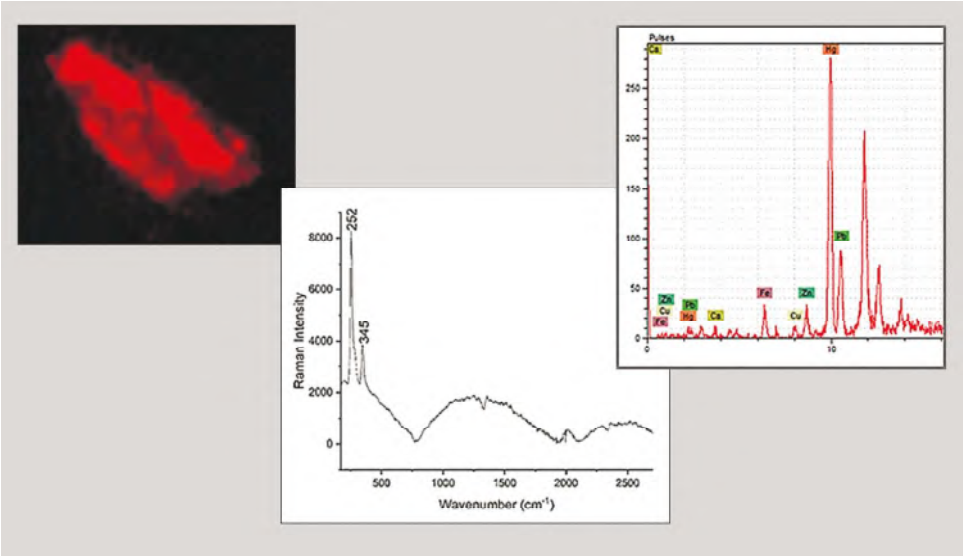


Fig.5. The cinnabar detected in bright red (Raman, PLM, XRF)

Bright red color. The result of XRF and EDS analysis showed that the main chemical element detected in the bright red color sample was mercury Hg. The existence of cinnabarite (Table 1) was supported by the optical properties (very high birefringence and refractive index, and perfect prismatic cleavage) of the red mineral grain (McCrone, 1982: 14. Winchell and Winchell, 1951). Furthermore, the Raman spectrum displayed the characteristic bonds at 252, 283, and 343 cm-1, which were attributed to the stretching vibration of the Hg-S bond of cinnabarite (Karapanagiotis et al., 2013:1471. Tsiapali et al., 2023:4). It was concluded that the presence of the mineral cinnabarite was responsible for the pigment's bright red color and the pigment was cinnabar (Fig. 5).

One more detected red pigment was red ochre. The result of XRF and EDS analysis showed that the main chemical element identified in the red color was Fe. Under the polarizing light microscope, along with the aggregates of earthy hematite grains, separate large crystals of red hematite (Table 1) with characteristic extremely high birefringence were observed, supporting the existence of red ochre in the samples (McCrone, 1982:11, Winchell and Winchell, 1951:256). Furthermore, the collected Raman spectrum displayed the characteristic peaks of red ochre at 225, 292, 410, 494 and 610 cm-1, which were attributed to motion within a single Fe2O3 unit (Karapanagiotis et al., 2013:1473).

Conclusion and suggestions. Summarizing the first results of an archaeometric examination of the pigments in the ancient sculptures and paintings of the famous monuments, Khaltsiayan and Dalverzin-tepe (Uzbekistan), we come to the conclusion that they are significant and impressive. New questions were also raised, which we can answer by continuing to examine the sculptures with the new analysis techniques. Additional tests are planned (quantitative analysis with mapping) by using the electron microscope SEM-EDX and non-destructive, e.g. Raman spectroscopy et al., for the determination of organic red pigments and binders, pigments that have not been sampled due to a small amount saved (greens and blues), impurities in the main components of the pigments, such as minium with lead etc.

The application of additional new examination methods of the pigments in the ancient female chest tomb 1 of Derveni, Thessaloniki (Greece) was utilized and provided new interesting evidence for tomb painting pigments.

Additionally, the artificial inorganic pigment Egyptian blue consists of copper glass (with characteristic optical properties of an isotropic material), coexisting with crystals of the mineral cuprorivaite. It is noteworthy that the copper glass does not contain impuritie of other elements,

such as e.g. lead, tin etc. (Vivdenko, 2019:151. Vivdenko 2024:243).

Another important conclusion is related to the determination of the technique of creating a painted layer. Using FTIR spectroscopy, traces of gum Arabic were detected in the sample of yellow color. We can assume that a type of tempera technique was used for the color decoration of the figurines, where the pigment is mixed with an adhesive substance, an organic binder medium, gum Arabic. It should be noted that the detection of an organic medium in ancient finds is uncommon, due to the rapid decomposition of organic substances in a harsh burial environment.

The research on the above monuments must continue. It is planned to examine the elements of color decoration with new, non-destructive, archaeometric techniques.

REFERENCES:

Bikiaris D., Sister Daniilia, Sotiropoulou S., Katsimbiri O., Pavlidou E., Moutsatsou A.P. & Chryssoulakis Y. Ochre-differentiation through micro-Raman and micro-FTIR spectroscopies: Application on wall paintings at Meteora and Mount Athos, Greece // *Spectrochim. Acta - Part A Mol. Biomol. Spectrosc.*, 2000: vol. 56,

Brambilla, C. Riedo, C. Baraldi, A. Nevin, M.C. Gamberini, C. D'Andrea, O. Chiantore O., Goidanich S, Toniolo L., Characterization of fresh and aged natural ingredients used in historical ointments by molecular spectroscopic techniques: IR, Raman and fluorescence //*Anal. Bioanal. Chem.*, 2011, vol. 401, no. 6, 1827–1837.

Bruni S, Cariati F, Casadio F & Toniolo L, Spectrochemical characterization by micro-FTIR spectroscopy of blue pigments in different polychrome works of art // *Vib. Spectrosc.* 20, 1999, 15–25.

Chakoumakos B, Fernandez-Baca J & Boatner L, Refinement of the structures of the layer silicates $MCuSi_4O_{10}$ (M=Ca, Sr, Ba) by Rietveld analysis of neutron powder diffraction data // *Journal of Solid State Chemistry* 103, 1993,105-113.

Fostiridou, A., Karapanagiotis, I., Vivdenko, S., Lampakis, D., Mantzouris, D., Achilara, L., Manoudis, P. Identification of pigments in Hellenistic and Roman Funeral figurines //Archaeometry 2016, 58:453–464.

Karapanagiotis I, Lampakis D, Konstanta A& Farmakalidis H. Identification of colorants in icons of the Cretan School of iconography using Raman spectroscopy and liquid chromatography // *J. Archaeol.* Sci. 40, 2013,1471-1478.

Mackenzie W.S. & Adams A.E. A Colour Atlas of Rocks and Minerals in Thin Section, Manson Publishing Ltd., seventh impression, London, 2003, 3-30.

McCrone W.C. The microscopical identification of artists' pigments, J. IIC-CG 7 (1-2), 1982, 11-34.

Tsiapali M, Vivdenko S, Tsangalidis H, Konstanta A, Mitsos D, Mantzana E, Vasileiadou A, Zacharias N. Archaeometric investigation of pigments of the iconostasis from Saint Georgios church of Sohos // Journal of Archaeological Science: Reports 52 (2023) 104235.

Vivdenko S. Polyelectrolytes for the protection and preservation of porous cultural monuments // Patent U.S.S.R. No 5005703/12, 03-01-1992.

Vivdenko S. A. Technological Examination of the Plastic Art of North Bactria in the Kushan Period // Silk Road Art and Archaeology (edited by Katsumi Tanabe). Journal of the Institute of Silk Road Studies, Kamakura, Japan, 1993/4, Vol. 3, p.143-157.

Vivdenko S. La technologie de la création de la sculpture en argile // Dossiers Archeologie *La Bactriane*, Paris, 1996, p.42-47.

Vivdenko S, Tzanavari K, Karapanagiotis I, Manoudis P, Konstantas A. Colors and Coatings in Derveni's Grave I. Archaeometric Investigation // Proceedings of the LITI conference. Thessaloniki, 2019 151-166, pdf

Vivdenko S, Tzanavari K, and Vassiliadou A. Floral relief epitaph from the Derveni circular tomb Thessaloniki // Proceedings of the 7th Symposium of the Hellenic Society for Archaeometry (Archaeopress 2024): 243–254

Wallert A. Unusual pigments on a Greek marble basin // *Studies in Conservation* 40 (3), 1995, 177-188.

Winchell A.N., Winchell, H. Elements of optical mineralogy. An introduction on microscopic petrography. Wiley Publishing Ltd. New York, 1951, pp. 59–128, 233–528.

Wiseman G., Barnes S., Helwing K. Investigation of Egyptian Blue on Fragmentary Egyptian Head Using ER-FTIR Spectroscopy and VIL Imaging // Heritage, 2023, 6:993-1006.

Figure of Khaltsiayan: https://en.wikipedia.org/wiki/Dalverzin Tepe

Figures of Dalverzin-tepe: https://en.wikipedia.org/wiki/Khalchayan

BAKHODIR MATCHONOV,
RUMEYSA RAGSANA HASANZADE
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering
Toshkent, Uzbekistan

IDENTIFYING AND DOCUMENTING DAMAGE AND DESTRUCTION OF HISTORICAL MONUMENTS BEFORE CONSERVATION AND RESTORATION: THE EXAMPLE OF THE TASH-KHOVLI PALACE

Keywords: architectural restoration, documentation, Tash-Khovli Palace, Khiva, conservation.
Abstract: Architectural monuments deteriorate over time due to various factors. The destruction caused by human activities, natural disasters, and physical, chemical, and biological damage highlights the need for comprehensive conservation strategies for these monuments. Without preventive measures such as protection, conservation, and restoration, monuments exposed to these factors can deteriorate rapidly. Before initiating restoration and conservation efforts, it is essential to document, analyze the materials used in construction, and assess the extent of the damage. This study addresses important aspects of preserving cultural heritage, particularly in the context of a historical site like the Tash-Khavli Palace in Khiva. We will discuss the results of the documentation and analysis conducted in 2024 at the Tash-Khavli Palace.

Kalit so'zlar: arxitektura restavratsiyasi, hujjatlashtirish, Tosh-Hovli saroyi, Xiva, konservatsiya.
Annotatsiya: Arxitektura yodgorliklari vaqt o'tishi bilan turli omillar ta'sirida buziladi. Inson faoliyati, tabiiy ofatlar, shuningdek, fizik, kimyoviy va biologik shikastlanishlar sababli yuzaga keladigan zararlar ushbu yodgorliklar uchun kompleks konservatsiya strategiyalariga bo'lgan ehtiyojni ko'rsatadi. Himoya, konservatsiya va restavratsiya kabi oldini olish choralarisiz, ushbu omillarga duchor bo'lgan yodgorliklar tezda yaroqsiz holga kelishi mumkin. Restavratsiya va konservatsiya ishlarini boshlashdan avval, yodgorlikni hujjatlashtirish, qurilishda ishlatilgan materiallarni tahlil qilish va shikastlanish darajasini baholash muhimdir. Ushbu tadqiqot madaniy merosni, xususan, Xivada joylashgan Tosh-Hovli saroyi kabi tarixiy ob'ektni saqlashning muhim jihatlarini o'rganadi. 2024 yilda Tosh-Hovli saroyida o'tkazilgan hujjatlashtirish va tahlil natijalari muhokama qilinadi.

Ключевые слова: архитектурная реставрация, документация, дворец Таш-Ховли, Хива, консервация
Аннотация: Архитектурные памятники со временем разрушаются под воздействием различных факторов. Разрушения, вызванные человеческой деятельностью, природными катастрофами, а также физическими, химическими и биологическими повреждениями, подчеркивают необходимость комплексных стратегий консервации для этих памятников. Без превентивных мер, таких как защита, консервация и реставрация, памятники, подвергшиеся воздействию этих факторов, могут быстро разрушиться. Перед началом реставрационных и консервационных работ важно провести документирование, анализ используемых строительных материалов и оценку степени повреждений. В данном исследовании рассматриваются важные аспекты сохранения культурного наследия, в частности в контексте исторического объекта, такого как дворец Таш-Ховли в Хиве. В статье обсуждаются результаты документации и анализа, проведенных в 2024 году в этом дворце.

Introduction. During the reign of Ollokuli Khan, the son of Muhammad Rahim Khan, the Khiva Khanate saw considerable territorial expansion and a vibrant period of architectural development. In the first half of the 19th century, this era was characterized by the construction of several of Khiva's most notable structures, including the Tash-Khauli stone palace, Ollokuli Khan's caravanserai, the tim, and the madrasah, all situated within Ichan-Kala, the inner fortress of Khiva (Figure 1).

One of the most impressive engineering achievements of this period was the construction of the fortress wall surrounding Dishan-Kala. This monumental project, completed in just 30 days, expanded the city's area by 2.5 times, extending its boundaries from east to west. The wall stretches 6.5 kilometers and includes 10 gates, each named after the nearby villages they led to.

The Tash-Khauli Palace, constructed between 1830 and 1838, exemplifies the architectural

style of the era. Designed to resemble a fortified structure, the palace is encircled by high walls and towers, with grand gates facing west and south. Inside, the palace features several key sections, including the arzkhona (reception hall), a guest house, a harem, and multiple courtyards. With a total of 163 rooms, the interiors of the palace are adorned with intricate majolica tiles and exquisite wood carvings, all crafted by skilled local artisans (See Figure 2).

The achievements in architecture during Ollokuli Khan's rule not only bolstered the city's defenses but also enhanced its cultural and economic stature, leaving a lasting legacy on the development of Khiva.

Identifying and documenting damage and destruction of historical monuments is a crucial step before any conservation and restoration efforts. This process involves several key steps to ensure accurate assessment and proper preservation. Here's a structured approach:

1. Preliminary Research

- *Historical Research:* Understand the historical, architectural, cultural, and artistic significance of the monument. This helps in recognizing which original features may have been altered or lost.
- *Previous Documentation:* Collect existing documents, reports, photographs, or any records of past conditions of the monument.

2. Visual Inspection

- *Surface Examination:* Conduct a thorough visual inspection of the monument, identifying surface damage such as

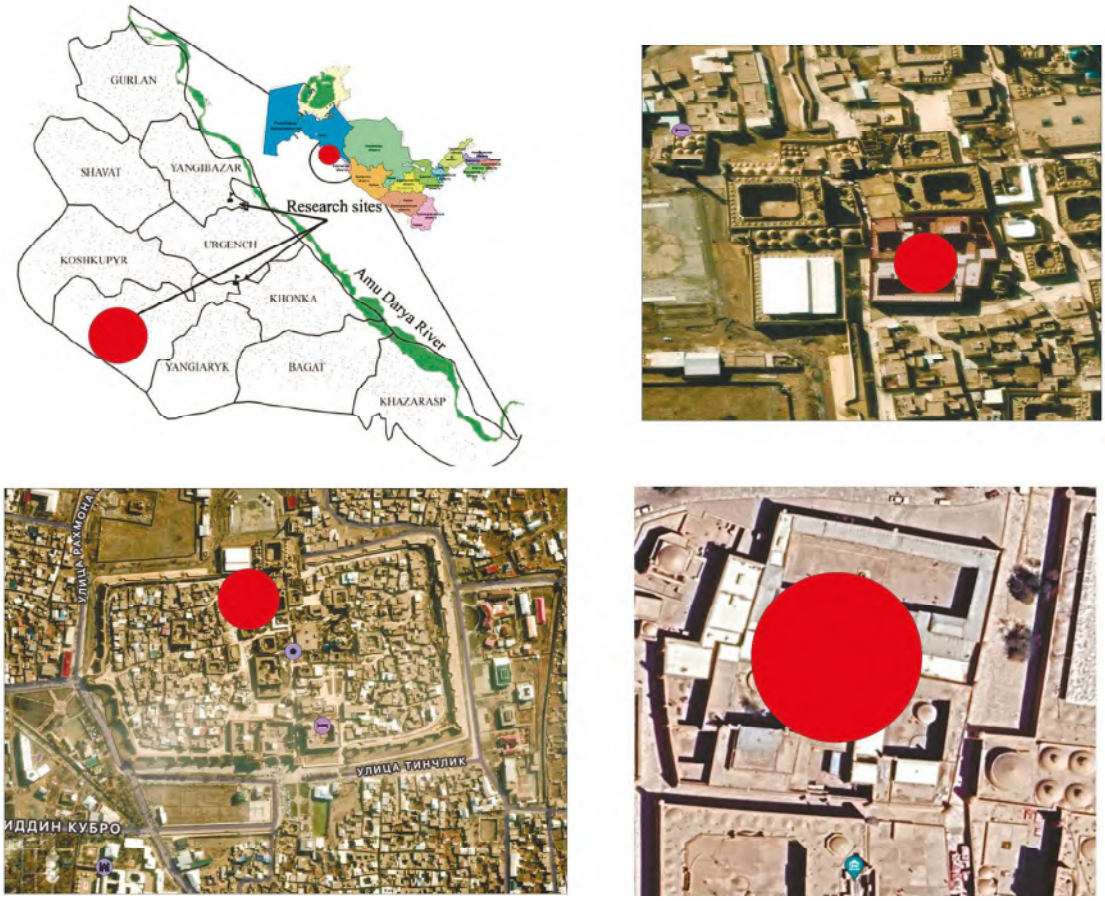


Figure 1. Khiva and TASH-KHOVLI PALACE

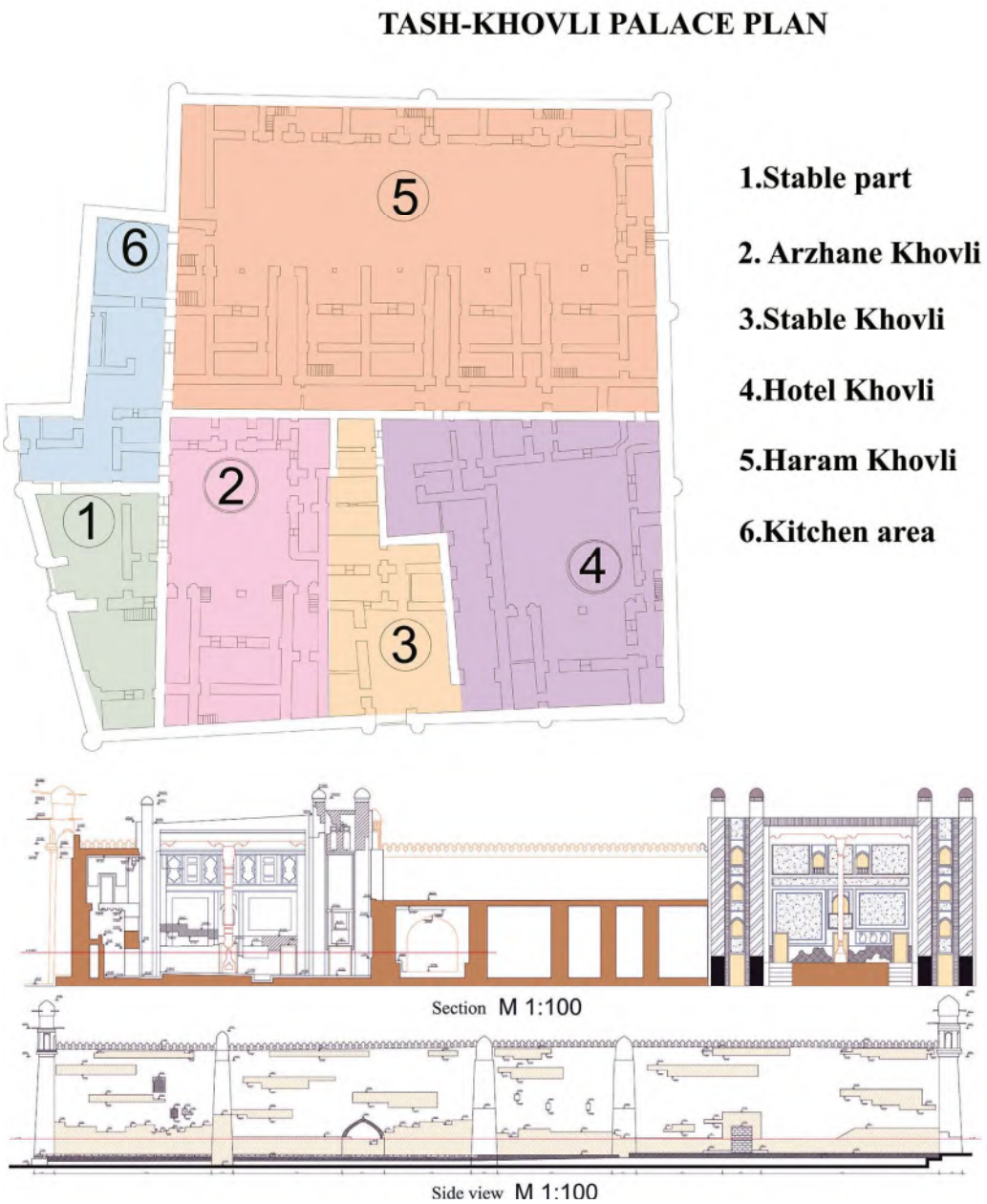


Figure 2. Khiva and TASH-KHOVLI PALACE Plan

cracks, weathering, biological growth, graffiti, or erosion.

- *Structural Inspection:* Look for structural damage like instability, collapsed sections, or severe weakening of materials (e.g., stone, brick, wood).
- *Material Degradation:* Identify signs of material degradation due to factors like pollution, moisture, or temperature variations. Common materials to assess include stone, metal, plaster, wood, and glass.

3. Mapping and Documentation

- *Photography and Videography:* Capture detailed photographs and videos of the monument from various angles to document both general and detailed conditions.
- *Damage Mapping:* Create a detailed map or diagram of the monument, marking areas of significant damage. Use specialized tools like photogrammetry, drones, or 3D laser scanning to document complex structures.
- *Condition Reports:* Prepare comprehensive reports that describe the types of damage (e.g., cracks, spalling, biological growth) and their locations. These reports will serve as a baseline for future comparison.

4. Scientific Analysis

- *Material Testing:* Analyze samples of the materials (e.g., stone, mortar) to understand their composition and deterioration processes. This could involve microscopy, chemical tests, or X-ray analysis.
- *Non-Destructive Testing (NDT):* Use techniques like ground-penetrating radar (GPR), infrared thermography, or ultrasonic testing to assess the internal condition without causing further damage.
- *Environmental Monitoring:* Record environmental factors such as humidity, temperature, and pollution levels around the monument to identify causes of degradation.

5. Documentation Standards

- *GIS Systems:* Utilize Geographic Information Systems (GIS) for spatially documenting the damage, linking geographic data with the physical condition of the monument.
- Digital Archives: Store all documentation in a digital format, ensuring that 3D models, maps, photos, and reports are accessible for future reference.
- *Compliance with International Standards:* Follow guidelines from organizations like UNESCO, ICOMOS (International Council on Monuments and Sites), or national heritage bodies to ensure standardized documentation.

6. Categorization of Damage

- *Severity Levels:* Classify the damage based on its severity (e.g., minor, moderate, severe) to prioritize restoration efforts.
- *Types of Damage:* Categorize the damage based on cause – natural (e.g., weather, earthquakes) vs. human-induced (e.g., vandalism, war).

7. Risk Assessment

- *Threats to Stability:* Assess the potential risks that may cause further damage, such as ongoing environmental factors or human activities.
- *Immediate vs. Long-Term Risk:* Identify urgent issues requiring immediate intervention (e.g., risk of collapse) and long-term degradation processes.

8. Conservation Strategy Recommendations

- *Conservation Needs Assessment:* Based on the documentation, propose specific conservation strategies to address different forms of damage.
- *Preservation of Authenticity:* Ensure that the proposed interventions respect the historical integrity of the monument, avoiding unnecessary alterations.
- *Tools and Technology Used:*
  - *Photogrammetry and 3D Laser Scanning:* For detailed surface and structural documentation.
  - *Drones:* For hard-to-reach areas and aerial documentation.
  - *GIS and Digital Mapping Software:* For spatial documentation and tracking.
  - *Microscopy, Spectroscopy, and Chemical Analysis:* For material composition and deterioration analysis.
  - *Environmental Monitoring Systems:* For tracking climate and pollution impacts.

This methodical process ensures that restoration efforts are based on accurate information and respect the monument's original design and significance.

Our research addresses crucial aspects of the design processes needed for documenting

and restoring historic buildings. By focusing on the challenges in documentation, restoration, repair, and treatment, while also considering materials and community needs, you are tackling the multifaceted nature of heritage conservation. Here's how each key area can be explored:

1. Documentation Challenges

- *Precision in Historical Data Collection:* Balancing traditional documentation methods (e.g., hand-drawn surveys) with advanced technologies (e.g., 3D scanning) to ensure accurate representation of existing conditions.
- *Technological Integration:* Difficulty in integrating new tools like GIS, photogrammetry, or digital archiving, and training personnel in using these technologies.
- *Standardization Issues:* Lack of a universal standard for documentation processes, especially in culturally diverse settings.

2. Restoration and Conservation Challenges

- *Material Authenticity:* Finding authentic or compatible materials for repair that maintain the original aesthetic and structural integrity while meeting modern building standards.
- *Interventions without Compromising Integrity:* Deciding on minimal interventions that preserve the building's authenticity versus more invasive repairs that may be necessary for long-term stability.
- *Skill Shortages:* Lack of artisans or specialists trained in traditional construction techniques, which complicates the restoration process.

3. Comprehending the Nature of Materials

- Aging and Deterioration Patterns: Understanding how materials like stone, brick, wood, and metal age over time and the environmental factors (pollution, humidity, biological growth) that accelerate this process.
- *Material Compatibility:* Ensuring that modern materials used in restoration do not clash chemically or aesthetically with historic materials, which could lead to accelerated deterioration or visual incongruence.

4. Community Needs

- Cultural Sensitivity: Balancing preservation with the evolving needs of local communities that might rely on historic buildings for daily use.
- *Stakeholder Engagement:* Involving communities in decision-making processes to ensure that the restored building aligns with their cultural and social practices.
- *Adaptive Reuse:* Ensuring that the building serves a contemporary purpose while respecting its historical character.

Figure 3. Visual Analysis at the Tosh-Hovli Palace. May 2024

Figure 4. Taking samples for analysis in Tosh-Hovli Palace. May 2024

Figure 5. Taking samples for analysis in Tosh-Hovli Palace. May 2024

Figure 6. Tosh-Hovli Palace, Mapping Damages. May 2024

Figure 7. Tosh-Hovli Palace, Chemical analysis results. May 2024

5. *Ensuring Maintenance through Design Processes*

- *Designing for Long-Term Preservation:* Developing designs that account for long-term maintenance needs, such as easy access for future repairs and minimizing future degradation risks.
- *Sustainable Conservation Practices:* Incorporating sustainable materials and methods that ensure minimal environmental impact while ensuring the longevity of the restoration work.
- *Preventive Conservation Plans:* Creating maintenance schedules and monitoring

systems that allow for early detection of issues before they worsen.

6. Understanding the Causes of Damage

- *Environmental and Natural Factors:* Determining how factors like climate, pollution, earthquakes, and other natural phenomena contribute to the deterioration of materials and structures.
- *Human-Induced Damage:* Identifying risks from vandalism, over-tourism, or inappropriate modifications that might affect the structural integrity or visual appeal of the building.
- *Modern Urbanization Impact:* Assessing how the surrounding environment – such as infrastructure development or increased pollution – exacerbates the building's deterioration.

These challenges require a comprehensive approach where design processes, conservation science, material analysis, and social considerations come together.

Materials and Methods.

The study on the Tash-Khavli Palace provides a comprehensive approach to the documentation and restoration of historical buildings, focusing on both theoretical and practical elements. By dividing the methodology into two stages – conceptual research and design for restoration projects – you create a robust framework for addressing the preservation needs of heritage buildings.

Key Aspects Include.

- *Theoretical Research and Investigation:* This stage focuses on a deep dive into the principles of documentation, restoration, and treatment. The literature review allows you to explore existing methodologies and strategies applied in similar contexts. Investigating the influence of materials, cultural factors, and historical significance helps to inform decisions on how to document and restore the palace appropriately.
- *Design Phase for Restoration:* The documentation of the current condition of the Tash-Khavli Palace through photographs, historical drawings, and on-site inspections forms the foundation for creating restoration plans. This phase is crucial for identifying damage and deterioration, which informs the development of planning tools and methodologies for the building's restoration. The use of historical drawings, combined with modern documentation techniques, allows for a more informed and sensitive approach to restoration, ensuring that the palace's original features are preserved.

By applying this methodology, our research not only provides insights into the specific case of the Tash-Khavli Palace but also offers broader guidelines for handling similar challenges in other historical buildings.

In the study of historical building preservation, the treatment strategy emphasizes four key approaches – Preservation, Rehabilitation, Restoration, and Reconstruction—each serving different objectives:

- *Preservation:* Focuses on maintaining the building in its existing state, emphasizing ongoing maintenance and repair to prevent further deterioration. The goal is to retain as much of the original material and structure as possible, intervening only when necessary to halt or slow damage. All modifications made to the building throughout its history are preserved, ensuring that the building's historical layers remain intact.
- *Rehabilitation:* Involves preservation and repair but allows for more significant interventions if the building has deteriorated beyond basic maintenance. Rehabilitation balances protecting historical materials and features while accommodating necessary upgrades or additions that are sensitive to the original design. It focuses on preserving the building's character but accepts some modifications for practical use or modernization.
- *Restoration:* Aims to restore the building to a specific historical period, often requiring the removal of materials or features from other periods that were added later. While it strives to retain as

much original material as possible, it also allows for reconstruction of elements that have been lost to return the building to its former appearance at a particular time. This approach is ideal when there's a need to highlight the building's importance in a specific historical context.

- *Reconstruction:* Focuses on recreating lost or destroyed structures, often based on historical documentation, using entirely new materials. This type of treatment is referred to as contemporary re-creation, as it involves building new structures on historical foundations while aiming for historical accuracy. Reconstruction is generally applied when a structure is no longer standing or severely compromised and cannot be restored using original materials. Each of these treatment strategies offers different ways of preserving historical integrity while addressing various levels of deterioration and modern use cases.

Documentation and Analytical Research in the Tash-Khavli Palace.

The Tash-Khavli Palace was inspected in May 2024, during which samples were taken to detect the materials used and identify signs of deterioration. This inspection provides valuable data for your research and restoration efforts (See Figure 3).

The visual analysis of the Tosh-Hovli Palace revealed that various restoration activities have been performed over the past 20 years. Samples were taken to assess the quality of the materials used in both the restorations and the original construction of the palace. This will help evaluate the effectiveness of past restoration efforts and guide future treatments (Figure 4).

The samples from the Tosh-Hovli Palace were sent to the Tashkent Architecture and Construction University's analysis laboratory for microscopic and material analysis. This step is crucial for understanding the composition and condition of both the original and restored materials. (Figure 5)

During the inspection of the Tosh-Hovli Palace, damage maps were also prepared on-site to document the extent of destruction and deterioration. These maps are valuable tools for visualizing the damage and planning targeted restoration efforts (Picture 6).

The analysis of the Tosh-Hovli Palace materials revealed that the structure is composed of brick, majolica, gypsum, and later cement additives. Environmental factors such as heat and relative humidity have caused spills and delaminations, particularly due to the lower quality of materials used in more recent restorations. This insight is key for addressing these issues in future restoration efforts (Picture 7).

REFERENCES

Abdelmegeed, M. M. M. Documentation of construction systems, type of damages, and modification processes in façades of unregistered heritage buildings in Khedival Cairo, Egypt. 2020. HBRC Journal, 16(1), 77-112. https://doi.org/10.1016/j.hbrcj.2019.12.004

Boltayev, A. Khiva Architectural Base. Tashkent, 2013.

Khakkulov, A. Repair of historical monuments. Tashkent, 1983.

Khakkulov, A. The art of repair. Tashkent, 1991.

Madaminov, Sh., & Xudoyberganov, K. Tosh-Khauli Palace. Urgench, 2023.

Mankovskaya, L. Khiva: A reserve of Khorezm architecture. Tashkent, 1982.

Mankovskaya, L., & Bulatova, V. Architectural Monuments of Khorezm. Tashkent, 1978.

Nerazik, E. E. Rural dwelling in Khorezm (I-XIV). Moscow, 1976.

Notkin, I. I. Tosh-Khauli. Tashkent, 1976.

Salimov, A. M. Storage and use of memory cards. In Architecture Uzbekistan: Monograph (Vol. 1). Tashkent, 2009.

Wikipedia. 2006. Conservation and restoration of immovable cultural property. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Conservation_and_restoration_of_immovable_cultural_property

Xudoyberganov, K. Khans of Khorezm. Tashkent, 2019.

Zapiskin, B. N. Architecture of Central Asia. Moscow, 1948.

МАЛИКА МАХМУДОВА
Национальный институт художеств и дизайна им. К.Бехзода
Ташкент, Узбекистан

ИЗ ИСТОРИИ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: Узбекистан, памятники архитектуры, реставрация, сохранение наследия, архитекторы, народные мастера
Аннотация: В статье освещены методы изучения и некоторые аспекты реставрации памятников архитектуры Узбекистана первой половины XX в. лучшими дипломированными архитекторами-реставраторами и инженерами совместно с традиционными местными народными мастерами-строителями. Приводятся сведения о деятельности ряда реставраторов, посвятивших свою жизнь изучению, реставрации и популяризации памятников зодчества Узбекистана, а также примеры из их опыта реставрации.

Kalit so'zlar: O'zbekiston, arxitektura yodgorliklari, restavratsiya, merosni saqlash, arxitektorlar, xalq ustalari.
Annotatsiya: Maqolada O'zbekistonning XX asrning birinchi yarmidagi arxitektura yodgorliklarini restavratsiya qilish usullari va ba'zi jihatlari yoritilgan. Restavratsiya jarayonlari malakali arxitektor-restavratorlar va muhandislar tomonidan mahalliy xalq ustalari bilan hamkorlikda amalga oshirilgan. Maqolada O'zbekiston me'moriy yodgorliklarini o'rganish, restavratsiya qilish va ommalashtirishga hayotini bag'ishlagan restavratorlar faoliyati va ularning ish tajribalari haqida ma'lumotlar keltirilgan.

Keywords: Uzbekistan, architectural monuments, restoration, heritage preservation, architects, traditional craftsmen
Abstract: The article highlights methods and aspects of restoring Uzbekistan's architectural monuments during the first half of the 20th century. These restoration efforts were carried out by skilled architects-restorers and engineers in collaboration with traditional local craftsmen. The article provides information about the activities of restorers who dedicated their lives to studying, restoring, and popularizing Uzbekistan's architectural heritage, as well as examples from their restoration experiences.

Узбекистан — страна древней культуры, памятники которой являются живыми свидетелями творческого гения народа. В известных архитектурных центрах Узбекистана, таких как Самарканд, Бухара, Хива, Шахрисабз, Термез и Коканд, сохранился не один десяток древних архитектурных шедевров. Это дворцы, мавзолеи, мечети, минареты и другие традиционные типы зданий и сооружений. Их архитектурный декор также характеризует уникальную архитектуру Узбекистана.

Из многих стран мира приезжают в нашу страну ученые, исследователи, эксперты и многочисленные туристы, чтобы посетить достопримечательности истории и культуры, полюбоваться творениями великих зодчих Узбекистана, являющимися яркой иллюстрацией новаторства.

В настоящее время в Узбекистане идет модернизация всех сфер жизни общества, и на фоне происходящих реформ приобретают важное значение проблемы сохранения историко-культурного наследия страны. У людей, которые не ценят прошлое, нет будущего, сохранение национальной идентичности не может быть без обеспечения связи поколений. Исторические города должны сохранять свой оригинальный архитектурный облик, и в этом деле большая роль принадлежит реставраторам памятников архитектуры.

В 1920-х годах в Узбекистане начались значительные работы по реставрации объектов архитектурного наследия, в ходе которых формировалась мощная по своему творческому потенциалу реставрационная школа, которой уже более 100 лет. В этом важном деле особое место принадлежит двум ведущим специалистам-реставраторам — М. Н. Мауэру и Б. Н. Засыпкину, научное и творческое наследие которых представляет большой научный интерес (Махмудова, Махмудова, 2018: 462). Специалисты Узбекистана оказывали значительную помощь и содействие в реставрации памятни-

ков архитектуры и братским республикам. Неслучайно Ташкент неоднократно выбирали местом проведения форумов по реставрации. Одной из первых работ, проведённых М. Ф. Мауэром в тяжёлые для страны годы, — было выпрямление 32-метрового северо-восточного углового минарета медресе Улугбека в Самарканде.

Высшее духовное учебное заведение, университет средневековья, медресе Улугбека было сооружено в 1417–1420 гг. Время и различного рода обстоятельства сказались на сохранности этого великого памятника архитектуры. Впервые опасное положение минарета заметили в 1918 году, начался срочный поиск решения по спасению его от обрушения.

Первоначальный проект, разработанный М. Ф. Мауэром, был отклонён, затем на основе идеи, предложенной Мауэром, был разработан второй проект совместно с В. Г. Шуховым (Махмудова, Махмудова, 2018: 464). До того времени в истории реставрации памятников Средней Азии не было подобного случая, это была уникальная совместная работа реставраторов, архитекторов и инженеров во имя спасения исторического памятника Самарканда (Массон, 1968: 10).

Б. Н. Засыпкин неоднократно указывал, что благодаря работам М. Ф. Мауэра, реставрация памятников архитектуры была поставлена на должную научную высоту. По методике Мауэра предполагалось углубленное изучение памятников, что позволило своевременно конструктивно укреплять сооружения. Одна из таких своевременно проведённых в 1925 году работ позволила предупредить обвал свода под склепом в мавзолее Гур-Эмир, над которым находилось знаменитое надгробие Темура из нефрита.

Наиболее серьёзной ремонтно-реставрационной работой 1930-х годов стала перекладка аварийного свода портала медресе Шер-дор, построенного в 1619–1636 гг. на площади Регистан. Работа по перекладке пролёта 16,8 м на высоте 25 м осуществлялась под руководством Б. Н. Засыпкина и народного зодчего Абдукадыра Бакиева. В результате вся работа по выкладке нового свода

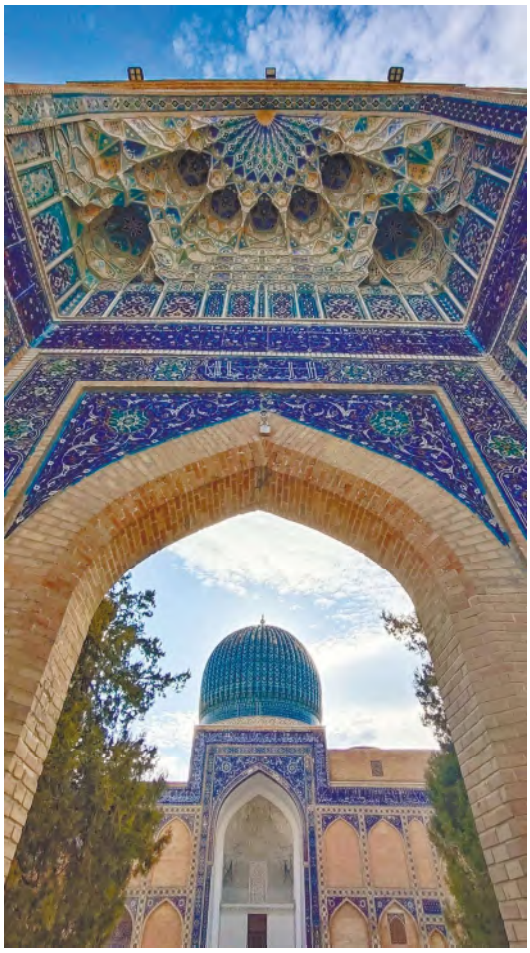
Медресе Улугбека, Самарканд, 1417–1420 гг.
Фото М. Махмудовой 2011г.

была произведена четырьмя мастерами за 22 дня. Для того времени это был смелый эксперимент.

Реставрация — это грамотное сохранение памятника в хорошем конструктивном состоянии и архитектурно-художественном облике, максимально приближенном к его первозданному образу. Каждый памятник уникален и нуждается в индивидуальном подходе. Сама реставрация — кропотливый труд, требующий специфичных и глубоких знаний, высокой квалификации, многолетнего опыта и навыков.

Некоторые памятники, которые дошли до нас в сильно разрушенном состоянии, должны сохраняться как руины. Б. Н. Засыпкин считал, что ремонтные работы для таких памятников, как мечеть Биби-ханым, мавзолей Биби-ханым, Ишратхана, мавзолей Ак-Сарай в Самарканде и другие, должны быть консервацией. Так, в 1925 г. в результате научно-исследовательских и обмерных работ Б. Н. Засыпкин провел работы по консервации мавзолея Ак-Сарай, которые можно считать профессиональным примером сохранения памятника от дальнейшего разрушения.

Но не на всех памятниках можно проводить консервацию, особенно, если они находятся в центре города или на видном месте. Например, памятники ансамбля



Гур-Эмир1403–1404 гг.
Фото М. Махмудовой 2011г.

Регистан требовали не только консервации, но и восстановления. Работы, проведённые здесь, показали, что каждый памятник старины требовал индивидуального решения, обоснованного экспертами научных советов и научными учреждениями. Безусловно, на памятниках, где требуется ликвидация аварийных участков, неизбежны срочные работы. Однако и в этом случае установка «консервация и конструктивное укрепление» остаётся неизменной, а исключения для некоторых архитектурных объектов могут быть сделаны только по решению авторитетных научных учреждений.

К примеру, генеральная реставрация мавзолея Саманидов (конец X в.) в Бухаре, проведённая под руководством Б. Н. Засыпкина, может служить одним из лучших образцов восстановления первоначального облика древнего сооружения. Мавзолей Саманидов — не только один из самых древних памятников исламской архитектуры в Центральной Азии, но также один из двух сохранившихся архитектурных памятников времен правления династии Саманидов.

Среди требований Б. Н. Засыпкина, которые нужно было соблюдать при реставрационных работах (1937–1939 гг.), — необходимость использования тех материалов, из которых построили памятник. Поэтому при реставрации облицовки в местах выпадения элементов в мавзолее использовался древний кирпич, который был найден при археологических раскопках вокруг памятника. Собранный старый кирпич подвергался вторичному обжигу в печи, построенной вблизи. А чтобы приготовить строительный раствор нужного качества, был организован сбор разбросанных вокруг памятника кусков старого ганча (Булатов, 1976).

В 1943–1950 гг. под руководством Б. Н. Засыпкина проводились сложные работы по реставрации мавзолея Гур-Эмир в Самарканде. Главными из них стали завершение конструктивного укрепления ребристого купола и восстановление его облицовки (Плетнёв, 1966: 30). В работах участвовали народные мастера Акрам Укмуров и Мухаммад Юнусов со своими бригадами. Б. Н. Засыпкин часто упоминал, что без участия мастеров реставрация была бы невозможна.

Развитие реставрационного дела в Узбекистане продолжили и развили ученики М. Ф. Мауэра и Б. Н. Засыпкина, многие из которых работали непосредственно под руководством последнего. Среди них И.И.Ноткин,Л.Ю.Маньковская,П.Ш.Захидов, В. М. Филимонов, К. С. Крюков и многие другие.

Доктор архитектуры И. И. Ноткин принимал непосредственное участие в изучении и реставрации памятников архитектуры Средней Азии. Продолжатель родоначальника реставрационной школы в Средней Азии Б. Н. Засыпкина, он осуществлял разнообразные и сложные работы: обмеры наиболее типичных и достойных государственной

Мавзолей Саманидов в Бухаре. Слева — общий вид, фото М. Махмудовой, 2011 г.
Справа — фрагмент интерьера, фото М. Махмудовой, 2005 г.

охраны жилых домов и квартальных мечетей в старой части Ташкента, проект реконструкции и благоустройства входной части комплекса Гур-Эмир в Самарканде, включая такую сложную инженерную задачу как выпрямление входного портала весом 160 т, исследования и реставрации мавзолея Ходжа Ахмада и Туглу-Текин в ансамбле Шахи-Зинда. Работа по реставрации велась им и на памятниках архитектуры Бухары, Хивы, Гиждувана и Коканда.

Ведущий архитектор-реставратор И. И. Ноткин привлекал к своей работе археологов, инженеров, эпиграфистов, геологов и фотографов. Но, в первую очередь, он сам вникал во все нюансы и организационные стороны реставрационного дела — от составления смет и отстаивания права работать в архивах Москвы, Ленинграда, Тбилиси до ведения авторского надзора и составления сводного заключительного отчёта о восстановлении памятника архитектуры.

Такой универсальный подход давал не только образцы бережного научно обоснованного сохранения наследия, но и возможность изучить секреты старых узбекских мастеров, законы построения архитектурной формы. Со временем И. И. Ноткин и его коллеги по реставрационным мастерским В. М. Филимонов, И. Е. Плетнёв, П. Ш. Захидов, К. С. Крюков, Л. Ю. Маньковская и Ю. З. Шваб стали учёными, защитили кандидатские, а некоторые — и докторские диссертации по материалам исторической архитектуры Узбекистана.

Доктор архитектуры П. Ш. Захидов считал, что благодаря кропотливому труду исследователей-архитекторов и мастеров-реставраторов возрождаются к новой жизни обветшалые архитектурные памятники Узбекистана. Учееный сам непосредственно занимался изучением и разработкой проектов реставрации, при этом старался придерживаться методики, разработанной Б. Н. Засыпкиным (Махмудова, Махмудова, 2020: 43). Многие публикации П. Ш. Захидова были посвящены изучению и реставрации памятников архитектуры, благородному и кропотливому труду исследователей и архитекторов-реставраторов, а также мастеров-реставраторов. Являясь большим знатоком строительного дела древних зодчих, во многих научных трудах и публикациях П. Ш. Захидов раскрывал секреты строительной профессии, технологии строительного производства, строительных материалов и архитектурно-художественного декора.

Кандидат архитектуры К. С. Крюков — ученик Б. Н. Засыпкина, Л. Н. Воронина и В. А. Нильсена — стал достойным продолжателем дела изучения и восстановления архитектурных шедевров Средней Азии. Работая ведущим архитектором СНРПМ по Ташкенту и Бухаре, он выполнил ряд исследований и проектов реставрации, в том числе узгенских мавзолеев (XI–XII вв.) в Киргизии, мавзолея Мухаммада Бошаро и мечети Алим

На фото слева — Б. Н. Засыпкин. На групповом фото первый слева Б. Н. Засыпкин, второй справа с тростью — М. Ф. Мауэр. Фото первой трети XX в. Архив Агентства культурного наследия РУз

Додхо в Таджикистане, торговых куполов XVI в. в Бухаре, загородного некрополя Чор-Бакр и ансамбля Ляби-хауз в Бухаре, цокольной части минарета Калян (1127 г.), медресе Кукельдаш в Бухаре, медресе Кукельдаш в Ташкенте (XVI в). С 1965 г. К. С. Крюков преподавал на кафедре истории и теории архитектуры ТашПИ, с 1983 г. назначен профессором Ташкентского государственного театрально-художественного института им. А. Н. Островского (ныне НИХД им. К. Бехзода), где при его деятельном участии была начата подготовка художников-реставраторов архитектурного декора, эта работа до сих пор продолжается его учениками.

Много лет кандидат архитектуры В. М. Филимонов посвятил реставрации и исследованиям памятников архитектуры Узбекистана. В должности главного архитектора ТашСНРПМ он возглавлял многие реставрационные работы архитектурных памятников Узбекистана и Казахстана.

В течение многих лет он глубоко и настойчиво занимался исследованием мемориального комплекса Хакима ат-Термези (XII–XV вв.), выдающегося исламского деятеля, автора философско-религиозных трудов и создателя ордена дервишей. По преданию, Чингисхан, пораженный этим неповторимым шедевром, приказал своему войску не вредить памятнику, так как верил, что он был создан не людьми, а богами.

С 1979 по 1990-е годы в Ташкенте работал единственный в регионе Узбекский научно-исследовательский проектный институт реставрации памятников архитектуры (УзНИПИ реставрации). Здесь был накоплен и осуществлен в натуре большой практический опыт по реконструкции, реставрации и приспособлению памятников архитектуры. В институте реставрации работали по всем правилам и на уровне мировых стандартов. За эти годы в Узбекистане была сформирована очень сильная узбекская школа реставрации. Здесь работала плеяда специалистов, архитекторов-реставраторов: В. М. Филимонов, П. Ш. Захидов, А. Р. Акименко, М. М. Тухтаев, Р. Р. Тохтаев, М. С. Кадыров, М. И. Бурштейн, А. Ф. Мухитдинов, А. К. Богодухов, Н. Ласовская, А. Г. Яхъяев, В. И. Артемьев, А. Р. Рахманов и многие другие.

Специалисты из Германии, Чехословакии, Кубы и других стран приезжали в 1986 году в Узбекистан и посетили институт УзНИПИ реставрации, чтобы познакомиться с работой архитекторов-реставраторов, новыми материалами исследований, проектами реставрации выдающихся памятников архитектуры прошлого. К этому событию в УзНИПИ реставрации приурочили выстав-

ку работ сотрудников института, посвящённую результатам многолетних исследований и реставрации архитектурных памятников Средней Азии. По материалам, представленным на ней, можно было наглядно увидеть работу по возвращению первоначальных пропорций, форм и красок неповторимым архитектурным памятникам. В частности, это проекты реставрации мавзолея Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче, исторических зон комплекса архитектурных памятников Занги-Ата в Ташкенте, главного тимпана медресе Шер-Дор в ансамбле Регистан, макет и проект реставрации мечети Биби-Ханым в Самарканде и т. д.

В начале 1990-х годов количество реставрационных работ увеличилось, но в отдельных случаях их качество заметно ухудшилось, так как реставраторы перестали придерживаться методики, основанной М. Ф. Мауэром и Б. Н. Засыпкиным. К тому же не было в достаточном количестве необходимого строительного материала, не хватало исследовательских работ, которые помогали бы лучше ознакомиться с результатами уже отреставрированных, восстановленных объектов.

Исторические памятники Средней Азии привлекают внимание во всём мире. Многие учёные, специалисты других стран проявляют интерес к совместному изучению, реставрации и использованию памятников архитектуры. В настоящее время в Узбекистане ведётся работа по восстановлению реставрационного дела на основе международного опыта, привлекаются реставраторы, чьи умения передавались из поколения в поколение. Обучать реставрации сложно, реставрация — не строительные работы по найму, а целая наука, требующая твердых знаний и художественного вкуса. Поэтому опыт реставрации известных архитекторов-реставраторов должен быть изучен и введён в научный обиход через их научно-методические разработки.

Проблемы реставрации, сохранения и использования памятников волнуют специалистов многих стран. Этим насущным темам посвящены проводимые международные конференции, на которых обсуждаются вопросы продления жизни памятников материального культурного наследия. Ежегодно мы теряем десятки творений наших предков из-за невежества и неспособности вовремя остановить процессы естественного разрушения памятников. Мы должны с уважением относиться к истории, максимально сохранить наше историко-культурное наследие. Охрана и возрождение архитектурного наследия, формирующего эстетическую среду и своеобразие городов, играют большую роль в самосознании народа и воспитании молодого поколения нашей страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Булатов М. С. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент: Изд. Г. Гуляма, 1976.

Массон М. Е. Падающий минарет (Северо-восточный минарет Самаркандского медресе Улугбека). Ташкент, 1968.

Маньковская Л. Ю. Исследование архитектурного комплекса — мавзолея Ахмада Яссеви в городе Туркестане и вопросы его реставрации: Автореферат. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1963.

Махмудова М. Т., Махмудова М. М. Борис Засыпкин — исследователь и реставратор памятников архитектуры Узбекистана и Средней Азии // Санъат. 2016. № 2.

Махмудова М. Т, Махмудова М. М. Пулат Захидов — реставратор и исследователь памятников архитектуры // Санъат. 2020. № 3.

Махмудова М. Т., Махмудова М. М. Формирование реставрационной школы Узбекистана и её роль в сохранении архитектурного наследия // International scientific conference «SOCIETY, INTEGRATION, EDUCATION», the Rezeknes Academy of Technologies, Latvia. Латвия. 2018.

Плетнёв И. Е. Реставрация купола над мавзолеем Гур-Эмир // Науч. труды ТашПИ, вып. 28, Ташкент, 1966.

РУСТАМ МУКИМОВ,
САЛИЯ МАМАДЖАНОВА
Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими
Душанбе, Таджикистан

ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В ДРЕВНИХ ГОРОДАХ ТАДЖИКИСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ХУДЖАНДА)

Ключевые слова: концепция, Калъаи Худжанд, Худжанд, регенерация исторического ядра, город-музей, реставрация.
Аннотация: в статье раскрывается концепция регенерации исторической части древнего Худжанда. Основанием для регенерации исторического ядра города стал конкурс, объявленный в 1992 году Правительством города Худжанд, Союзом архитекторов Таджикистана и Министерством культуры Республики Таджикистан. Для реализации был принят Проект, получивший первую премию. Однако гражданская война начала 1990-х годов не дала возможности проведения масштабных реконструктивных мероприятий. Только в конце XX века появилась возможность начать реализацию проекта с необходимыми изменениями.

Kalit so'zlar: kontseptsiya, Kal'ai Xo'jand, Xo'jand, tarixiy markazni tiklash, muzey-shahar, restavratsiya.
Annotatsiya: Maqola qadimiy Xo'jandning tarixiy qismi regeneratsiyasi kontseptsiyasini yoritadi. Tarixiy markazni tiklash asosini Xo'jand hukumati, Tojikiston Arxitektorlar ittifoqi va Tojikiston Respublikasi Madaniyat vazirligi tomonidan 1992-yilda e'lon qilingan tanlov orqali tashkil qilgan. Loyihani amalga oshirish maqsadida dastlabki mukofot qabul qilingan, biroq 1990-yillar boshidagi fuqarolar urushi keng ko'lamli tiklash ishlarini amalga oshirishga to'sqinlik qildi. Faqat XX asr oxirida zarur o'zgarishlar bilan loyihani amalga oshirish imkoni paydo bo'ldi.

Keywords: concept, Kalai Khujand, Khujand, regeneration of historical core, museum city, restoration.
Abstract: The article discusses the concept of regenerating the historic part of ancient Khujand. The basis for the regeneration of the city's historical core was a competition announced in 1992 by the Government of Khujand, the Union of Architects of Tajikistan, and the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan. A project that won the first prize was selected for implementation. However, the civil war of the early 1990s prevented the large-scale reconstruction efforts. It was only at the end of the 20th century that it became possible to begin implementing the project with the necessary modifications.

Введение. Будущее Худжанда связано с возрождением древнего эпитета, данного ему средневековыми историками и путешественниками, посещавшими город и восторженно восхищавшимися его красотой, прекрасными садами и полноводной рекой Сир. В связи с этим в настоящей статье речь пойдет о начале крупномасштабных преобразований, начавшихся в связи с реализацией концепции создания музея под открытым небом в левобережной части Худжанда, а также идеи регенерации заповедной зоны Калъаи Худжанд. Многое из названного проекта уже начало осуществляться, чему было положено начало ещё в 1992 году, когда Хукумат города, Союз архитекторов Таджикистана и Министерство культуры Республики Таджикистан объявили республиканский конкурс на разработку проекта регенерации Калъаи Худжанд с концепцией организации музея под открытым небом в исторической левобережной части города. Итоги конкурса были подведены в феврале 1993 года, в результате чего из нескольких представленных проектов компетентное жюри присудило первую премию проекту авторского коллектива: это Р. С. Мукимов, руководитель группы, Н. Худжанди, А. К. Мирбабаев, С. М. Мамаджанова, Х. Я. Баратов и М. С. Марафиев. За основу концепции города-музея были положены предложения академика Н. Н. Негматова, изложенные ещё в 1991 году перед Хукуматом Худжанда, когда он предложил и саму идею объявления республиканского конкурса на регенерацию заповедной зоны Калъаи Худжанд.

В пояснительной записке к проекту-победителю была изложена сама идея-концепция в целом, а

Древний Худжанд: дворец худжандского правителя. Архивное фото середины XIX в.

также дан сопроводительный текст к обширному демонстрационному материалу на 10 планшетах. Впоследствии идея регенерации Худжанда была помещена в книге «Худжанд: архитектура вчера, сегодня, завтра» (Мукимов, 1999: 46–50; Мукимов, Мамаджанова, Рахматов, 2001: 71–97).

Основная часть. Как известно, Худжанд является одним из древнейших городов не только Таджикистана, но и всего Среднего Востока, войдя в жемчужину памятников градостроительного искусства Центральной Азии, среди которых Самарканд, Мерв, Бухара, Хива, Ош, Узген и другие (Мукимов, Мамаджанова, Мукимова, 2022: 12–34; Мукимов, Мамаджанова, 2024: 19–36). Развиваясь в особых условиях долины Сырдарьи на стыке степных просторов Средней Азии и предгорных территорий Туркестанского хребта и Кураминских гор, Худжанд приобрел не менее специфические особенности, отраженные как в градостроительной структуре, так и в облике отдельных архитектурных комплексов и уникальных памятников средневековья. Несмотря на существенные структурные социальные, культурные и другие изменения, произошедшие в период Советского времени, город все-таки сумел сохранить свою историческую специфику не только в его главной достопримечательности — Калъаи Худжанд, но и в качестве города-музея под открытым небом.

Идея создания города-музея предполагает длительный период преобразования левобережной части в объект туристического обслуживания со всем комплексом «индустрии туризма», под которой мы имеем в виду единую систему популяризации культурного наследия города, его достижений и успехов в хозяйственной и культурно-воспитательной деятельности, использование природного окружения для организации отдыха в сочетании с высокой экономической эффективностью всех предприятий туризма. Индустрия туризма призвана стать серьезным источником поступления отечественной и иностранной валюты и, кроме того, стимулировать развитие экономики, в первую очередь, промышленности, строительства, путей сообщения, средств транспорта, связи, предприятий питания, торговой сети, коммунального обслуживания. Таким образом, туризм подобен крупной индустрии, представленной целым комплексом средств размещения предприятий питания, разнообразных транспортных средств и другими отраслями, занятыми обслуживанием туристов (Абдурахманов, 1977: 73–110; World Travel, 2011; Стахова, 2022).

При этом регенерация Калъаи Худжанд явится закономерным мероприятием, вытекающим из общей идеи музеефикации города. Одним из первых мероприятий по превращению Худжанда в город-музей являлась планомерная инвентаризация и паспортизация всех построек прошлого (как средневековья, так и периода советского времени) левобережной и правобережной частей, включая и пригородные селения с выявлением и определением архитектурно-художественной, историко-революционной, этнографической, археологической и иной ценности, технического состояния, позднейших наслоений и современного использования построек. Частично подобная работа уже была проведена в 1980-х годах с участием авторов идеи-концепции для корректировки генерального плана города Ленинабада–Худжанда.

Параллельно необходимо было при главном архитекторе Худжанда создать специальную комиссию из компетентных лиц, которая должна получить право регулирования застройки города с жесткой регламентацией по выбору этажности,

архитектурно-художественного облика, расположения всех объектов строительства в охраняемой исторической зоне. По сути дела, это — градостроительный совет с четкой ориентацией деятельности по созданию города-музея (он был основан при главном архитекторе города Худжанд в 1999 году). Несомненно, необходимо было создать рабочую группу проектировщиков по корректировке генерального плана Худжанда в плане музеефикации его исторической левобережной части. Проектировщикам при непосредственном участии ученых-историков, архитекторов, этнографов, археологов, искусствоведов и других необходимо было пересмотреть и откорректировать план, что и было сделано в начале 2000-х годов (в состав рабочей группы проектировщиков были включены Н. Н. Негматов и Р. С. Мукимов на правах научных консультантов):

1 – квартальная структура Худжанда конца XIX — конца XX вв.;

2 – транспортная сеть города;

3 – расположение и состав торговых узлов квартального, микрорайонного и городского значения;

4 – расположение и типология культурно-просветительских, музейно-зрелищных, учебных и иных учреждений;

5 – гостиничный фонд;

6 – сети ирригации, орошения, бассейнов, фонтанов, в том числе, по данным археологии и архивным материалам;

7 – расположение и типология предприятий общественного питания, в том числе традиционных по данным археологии, этнографии и материалам госархива и т.д.

При Градостроительном совете также необходимо было создать проектную бригаду по музеефикации историко-культурных объектов, воссоздания ряда утраченных уникальных памятников средневекового и народного зодчества, например, обсерватории Абумахмуда Худжанди, православной церкви, академии «Оли Худжанд» и др. Такая проектная группа была создана в начале 2000-х годов при участии академика Н. Н. Негматова и профессора ТТУ им. акад. М. С. Осими Р. С. Мукимова. При музеефикации необходимо было учесть использование ряда объектов по прямому назначению, например, жилых домов, мечетей, бань, медресе, караван-сараев и других, с их включением в программу музейного осмотра. Разумеется, ремонт объектов должен взять на себя Хукумат Худжанда, главный координатор и инвестор города-музея.

При музеефикации отдельных памятников архитектуры (как заново воссоздаваемых, так и реставрируемых) необходимо было заранее знать об их приспособлении под музейные объекты. Например, в ряде мечетей (Гумбаз, Дари Шикоф, Джума, Ходжа Камол, Хазрати Бобо, Таги Тути калон, Намозгох и др.) было намечено создание музеев просвещения, книжной графики XVII–XIX вв., архитектурного декора, резного дерева, наскальных рисунков, кайраков и др. В реставрированных и целостно воссозданных мазарах, мавзолеях, хонако были предусмотрены музеи истории ислама, религии античности, рукописных фондов, письменности т.п.

Объектом туристического осмотра должны стать и возрожденные действующие мастерские народных ремесел, чайханы, торговые ряды и купола, бассейны-хаузы, скверы, памятники природы, сады, устроенные по типу средневековых регулярных садов-чорбогов с садово-парковой архитектурой (вспомним, например, чиннихона сада Улугбека XV века). Конечно, все эти названные объекты должны быть продуманы уже при корректировке генерального плана города-музея с комплексом мероприятий по благоустройству территории, подъездных путей, подземных коммуникаций, видов транспорта. Например, была необходимость реконструкции всего отрезка улицы имени Джуры Зокирова, Содирхона Хофиза и других в виде пешеходной улицы с устройством вдоль линии застройки действующих мастерских народных промыслов, включая в эту улицу чайханы, уголки отдыха у мечетей или хауза для туристов. Учитывая протяженность торгово-ремесленных улиц и площадей в качестве транспорта, можно возродить конные фаэтоны. Разумеется, в городе намечено было создать специальную мастерскую по созданию и ремонту этого колесного транспорта.

Особенно продуманно необходимо было подойти к реконструкции базарной площади Панчшанбе. Этот рынок являлся одним из традиционных и общественных центров Худжанда конца XIX — начала XX вв. Он сложился в X веке на крайней восточной части рабада (ремесленного предместья) Худжанда и мазара Шейха Муслихиддина. Сюда, в район исторической площади Чоррахаи мардон (Перекресток мужчин), стекались главнейшие улицы города. Эти улицы, помимо внутригородского сообщения,

использовались и для устройства торговых лавок и ремесленных цехов.

Согласно историческим сведениям, рынок Панчшанбе был перекрыт тимом-навесом. Сооружение было деревянным. Под тимом находились в основном богатые товарами лавки, где торговали бумажными и шелковыми тканями, произведениями ювелиров и др. Тим рынка был снесен в 1937 году (Мукимов, 1999: 581).

Восточный рынок всегда отличался обилием ремесленных мастерских. В этом отношении Панчшанбе не был исключением. Вокруг рынка было сосредоточено большое количество ремесленных мастерских, пунктов общественного питания в виде чайханы, ошхоны и др. Здесь, например, функционировали мастерские медников, чугунолитейщиков, седельников, свечников, мыловаров, столяров, сапожников, шапочников, портных, переплетчиков и других мастеровых дел. По статистике 1895 года в Худжанде имелся 21 каравансарай, из них более 13 находились в районе рынка Панчшанбе. Таков, в общих чертах, исторический облик рынка Панчшанбе, уяснение которого позволило возродить многие элементы рыночной площади на современном уровне.

Продолжая идею регенерации исторической части Худжанда, в частности, рынка Панчшанбе, следует сказать, что самое главное — вновь возродить весь комплекс торгово-ремесленных мастерских и сооружений. В частности, при реконструкции базарной площади Панчшанбе все мастерские и торговые лавки, а также каравансараи решено было поместить к северо-западу и северу от рыночной площади. Местность к северу от мавзолея Шейха Муслихиддина в конце 90-х годов XX века пустовала. В самом начале 30-х годов прошлого столетия кладбище было разровнено и на том месте было построено здание Худжандского драматического театра. На этой обширной площади в более 5 га можно было разместить многие торговые учреждения и мастерские худжандских ремесленников.

Здесь же, в этом районе, намечалось строительство несколько каравансараев для возрождения и развития туристического бизнеса. Из ремесленных мастерских, в первую очередь, необходимо было наладить производство собунгари — мыловарение, шамгари-свечников, дуредгари — столярное дело, охангари — кузнечное производство и др. Из старых кварталов рынка Панчшанбе основным объектом для устройства торговых рядов была выбрана улица Шарк, а также улицы Джуры Зокирова и Содирхона Хофиза.

В целом создание города-музея потребует значительной переориентации интеллектуально-промышленного потенциала Худжанда на индустрию туризма. Это значит, что город должен быть готовым к созданию крупных туристических гостиниц, мотелей, пансионатов для обслуживания по высшему классу на уровне мировых стандартов. Реконструкции будут подлежать аэропорт, железнодорожный вокзал, автовокзалы, существующие гостиницы, подъездные к городу магистрали, рестораны, автозаправочные станции, автосервисы, мосты и многое другое. Для обслуживания туристов нужны будут хорошо обученные специалисты — повара, метрдотели, гиды, переводчики, полиграфы, дизайнеры архитектурной среды и многие другие.

Для функционирования мастерских необходимо будет готовить народных мастеров по всем видам продукции народных ремесел. Вблизи города появится необходимость создания целого ряда фермерских хозяйств и агропромышленных предприятий по выращиванию и обработке сельхозпродукции по самым новейшим технологиям для гостиниц, мотелей, пансионатов, ресторанов и т.п. Для возрождения коммерческой торговли в условиях индустрии туризма нужны будут специалисты банковского дела, по менеджменту, маркетингу, сбыту товаров народных ремесел и т.д. А для обеспечения всего этого необходимо будет дополнительно открыть или переориентировать имеющиеся колледжи, лицеи, курсы, факультеты, студии. Уже сейчас нужно думать о целесообразности нахождения в черте города предприятий, работающих на нефтепродуктах, предприятий, которые не будут работать на индустрию туризма.

Остановимся более подробнее на *Концепции регенерации заповедной зоны «Кальаи Худжанд»*, что является неотъемлемым фрагментом комплекса мероприятий по созданию города-музея в левобережной части Худжанда. Сам процесс регенерации заповедной зоны охватит несколько этапов. *На первом этапе* намечалось укрепление и целостная реставрация восточной крепостной стены и входных ворот; снос части ветхих строений внутри крепости и примыкающих к восточному фасаду одноэтажных строений; создание аллеи классиков Худжанда с установкой ротонд с памятными пьедесталами; возведение памятника Камолу Худжанди перед театром его же имени (установленный в 1996 году памятник Камолу

Худжанд. Юго-восточный угол крепости «Калъаи Худжанд» (Областной краеведческий музей). Целостная реставрация начала 2000-х годов

Худжанди на аллее центральной улицы города должен стать частью цельного ансамбля, направленного в сторону крепости); благоустроительные работы в городском набережном парке и сквере с восточной и северной сторон худжандской крепости; восстановление квартала Камола Худжанди со строительством музея Камола Худжанди; закладка фундамента и намогильных памятных плит (кенотафов) монументального пантеона деятелей культуры Худжанда в западной части парка; создание мобильных павильонов для коммерческой торговли у восточной крепостной стены в дни ярмарок и различных праздников; создание садово-парковой архитектуры в сквере и парке у Калъаи Худжанд.

На втором этапе необходимо было провести целостную реставрацию северной крепостной стены с воротами Калъаи Худжанд; необходимо также создание основных объектов музеев и туризма внутри крепости (туристический музейный объект «Арк» с лифтово-смотровым комплексом, музей «Панорама истории Худжанда»; музей «Классики культуры Худжанда», Международный исторический центр «Худжандская ярмарка», мастерские художественных ремесел, дуканы, гостевые офисы, конференц-зал и др.); нужны снос ветхих и малоценных строений по улице Орджоникидзе и создание на их месте пешеходной торговой улицы, а также полное завершение реконструкции парка с монументальным пантеоном, восстановление русской православной церкви, мавзолея Тубахана и др. Третий этап предусматривал снос жилых строений с западной стороны крепостной стены и создание на их месте пешеходной торговой улицы; целостную реставрацию западной и южной крепостной стен; целостную реставрацию арка Худжандской крепости; завершение благоустроительных и строительных работ внутри Калъаи Худжанд; дополнение пешеходных улиц Орджоникидзе и Хакима Карима традиционными типами зданий: это медресе, каравансарай, мехмонхона, баня, библиотека, а также здания коммерческих банков и офисов. Необходимо также включение всего комплекса регенерированной заповедной зоны в общую систему города-музея, создаваемого параллельно и поэтапно.

Весь процесс регенерации по концепции авторов предполагал максимальное сохранение подлинных остатков историко-культурных объектов и раскрытие их для туристического показа, а также восстановление былой торгово-коммерческой и ремесленной деятельности на основе возрождения традиционных ремесел, форм торговли и сделок, бесперебойного предоставления на рынок товаров для туризма. Поэтому главным объектом регенерации должна была стать сама Худжандская крепость, в частности, ее оборонительные элементы — стены, башни, ворота, арк.

Как явствует из исторического обзора, помещенного в пояснительной записке Проекта регенерации, Калъаи Худжанд существовал довольно продолжительное время, начиная с эпохи древности, претерпев существенные изменения в элементах фортификации и в градостроительной структуре (Мукимов, 1999: 46–50). Наиболее четко крепость в свете археологических и архивных данных представляется в X–XV в. и XVIII–XIX вв. Именно на период этих веков авторами конкурсного предложения были разработаны графические реконструкции Калъаи Худжанд. Однако за основу для целостной реставрации взята реконструкция крепости XVIII–XIX вв. Это вызвано тем, что здесь можно с наиболее

достоверной очевидностью представить былой облик Калъаи Худжанд, подтвержденной подлинными остатками крепостных стен, фотодокументами конца XIX – начала XX вв., письменными свидетельствами очевидцев, а также архитектурно-композиционным анализом топографии комплекса. Поэтому на отдельном чертеже был представлен реконструктивный облик восточного фасада с принципиальными схемами укрепления и восстановления стен, ворот, башен, подтвержденными достоверными фотографиями, чертежами русских военных топографов конца XIX в., а также описанием крепости того же периода.

При разработке идеи-концепции восстановления стен авторы исходили из необходимости полного сохранения достоверных фрагментов пахсовых блоков и кирпичных сырцовых выкладок под современным «кожухом» — реконструкционным слоем пахсы и кирпича-сырца. Чтобы посетители комплекса могли удостовериться в подлинности реконструированных фрагментов на фасадах стен и башен, предполагается устройство экспозиционных «окон», где можно обозревать реальные фрагменты северной, западной и южной стен. К слову сказать, подобные «окна» сделаны на городище Отрар на среднем течении реки Сырдарьи, на территории Казахской Республики, где подлинные остатки кирпичной кладки обозреваются в небольших квадратных по форме выемках на поверхности фасадов законсервированных стен дворцового комплекса XIV–XV вв. Это наглядно видно на фотографиях, зафиксированных профессором Р.С. Мукимовым во время его участия в Международном практическом семинаре на городище Отрар в августе 2004 года.

Так как реставрация предполагает возведение всего массива стен в материале оригинала (пахса и кирпич-сырец формата XVII–XIX вв.) появляется необходимость его укрепления от возможных деформаций (от землетрясений, осадков, ветровых нагрузок и т.п.). Для этого предлагается устройство у подошвы стен, башен и ворот с внутренней и внешней фасадной сторон сплошного железобетонного основания – «подушки» на уровне поверхности земли. Эта «подушка» выполняет двоякую роль: поддерживает весь массив стен от сползания и осадки грунта, а также является горизонтальной плитой для монтажа железобетонного каркаса, который, укрепляя современную кладку, остается внутри массива. Помимо этого, каркас позволяет легко устраивать экспозиционные «окна» — проёмы на фасаде на любой его высоте. Снаружи зритель по фронту величественных глинобитных стен совершенно не будет ощущать чужеродный по материалу железобетонный каркас, что является одним из существенных требований реставрационной практики.

Из-за поспешной реставрации восточной стены с входными воротами к дате празднования 1100-летия государства Саманидов (август 1999 года) руководителями органами государственной власти (Хукумата) города было решено воссоздать целостный облик фрагмента восточной стены без сохранения подлинных остатков, причем из жженого кирпича, что было характерно для X–XII вв. Основной консультант реставрационных работ академик Н. Н. Негматов дал разрешение на этот эксперимент, что, по сути дела, явился созданием макета фрагмента стены в натуральную величину с устройством внутри крепостных башен и стен музея археологии Худжанда. Поэтому один из проектировщиков (Аюбджон Рахматов, ныне главный архитектор Согдийской области) откорректировал идею-концепцию реставрации стен Калъаи Худжанд, а именно вместо восточной стены, которая восстанавливается целостно без сохранения подлинных остатков, во второй этап включил северную стену (со стороны парка).

При реконструкции ворот под башнями предлагалось также устроить железобетонную плиту с монтажом железобетонного каркаса, укрепляющего тело башни. В процессе реставрационных работ сносу подлежало старое здание музея археологии, прилегающее к правой башне. Это и было сделано в 1998 году перед началом строительных работ.

В целом укрепленная стена и башни должны были быть способны не только простоять несколько десятков лет, но и принимать туристов на верхней галерее и банкете, устроенной с внутренней стороны (западной) крепостных стен, снабженных лестницами, парапетом, бруствером и машикулями. Такой же принцип целостной реставрации предполагается и на других стенах, разве что они будут отличаться размерами (например, западная стена крепости имела высоту более 12 метров). Железобетонный каркас и подушки должны быть применены и при реконструкции арка при третьем этапе регенерации заповедной зоны Калъаи Худжанд, где на высоте 20 метров будет возвышаться дворцовая постройка с

укрепленными воротами, подъемным пешеходным пандусом, двором и другими сооружениями.

Пахсовая кладка предполагает привлечение к реставрационным работам народных мастеров, сохранивших секреты изготовления качественной глины для пахсовых блоков и кирпича.

Особое место в регенерации заповедной зоны должен занять прилежащий к крепости прибрежный городской парк, который подвергается существенной реконструкции, сохраняя при этом сложившиеся зеленые массивы, дорожки, аллеи и оригинальные по архитектуре предприятия питания — чайханы, кафе, бары и др. Помимо этого, парк дополняется новыми, яркими по архитектуре и дизайну зданиями чайхан, уголков отдыха, детскими аттракционами, ресторанами, садово-парковой скульптурой по мотивам восточных сказок, дорожками, цветниками и другими элементами.

Такова вкратце общая идея-концепция регенерации заповедной зоны «Калъаи Худжанд», которая будет осуществляться параллельно с созданием города-музея под открытым небом.

Заключение и выводы. Так как реализация концепции исторической левобережной части Худжанда длится вот уже более 30 лет, первоначальный проект 1993 года значительно изменился, не оставив в первоначальном виде даже 30% идеи. Причин для этого много. Во-первых, в 1991 году на карте мира появилось новое суверенное государство — Республика Таджикистан, претерпевшая в начальное десятилетие периоды роста, упадка и вновь возрождения идеи превратить город Худжанд в город-сад, вернуть былое лестное прозвище «Тирози чахон» («Невеста мира»). Во-вторых, за прошедший период сменились поколение архитекторов с новым отношением к облику города, к его историческому прошлому и, наконец, в-третьих, изменился взгляд на будущее города на Сырдарье. В частности, историческая левобережная часть сильно преобразилась, и ранее выполненные по вышеназванной концепции регенерации преобразования как-то растворились в гуще реорганизации всего городского организма Худжанда, который при всем стремлении сохранения исторической ткани города растет вверх и вширь.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что историческое ядро, сформировавшееся вокруг почти полностью реконструированной крепости «Калъаи Худжанд», изменилось в лучшую сторону в связи с расширением парковой зоны вдоль реки Сир и в южном направлении. Здесь появился ряд объектов монументальной скульптуры и архитектуры, это усыпальница Камола Худжанди с домом-музеем Камола Худжанди, скульптурная группа, посвященная Мухаммаду Худжанди с его астролябией и другими элементами утраченной астрономической обсерватории, областной краеведческий музей в восстановленной юго-восточной части крепости. К слову сказать, в подвальной части этого музея его посетители могут увидеть подлинные остатки нижних частей стен и фундамента Калъаи Худжанд под стеклянным колпаком.

Таким образом, даже без полной реализации идеи регенерации исторического ядра Худжанда город преобразовался в лучшую сторону, где многие памятники старины или их фрагменты напоминают отечественным и зарубежным туристам о былом культурном богатстве этого древнего города Средней Азии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Абдурахманов А. А. Архитектурно-историческое наследие и реконструкция городов Узбекистана // Экономика туризма / А. Абдурахманов, С. Кабакова. Ташкент: Узбекистан, 1977. 159 с., ил.

Мамаджанова С., Мукимов Р., Рахматов А. Худжанд: архитектура вчера, сегодня, завтра. Душанбе: Мерос, 2001. 128 с., ил.

Мукимов Р. Градостроительство // Худжанд. Энциклопедический справочник. Душанбе: Гл. науч. редак. ТСЭ, 1999. С. 46–50, ил.

Мукимов Р. С. Панҷшанбе, рынок // Худжанд. Энциклопедия. Душанбе: Гл. науч. ред. тадж. энциклопедий, 1999. С. 581 (927 с., ил.).

Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М. Архитектура Таджикистана: вчера, сегодня, завтра. Душанбе: Госкомархитектуры при ПРТ, 2024. 444 с., ил.

Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М., Мукимова С. Р. Памятники культурного наследия Северного Таджикистана. Душанбе: ТТУ им. акад. М.С. Осими-НАНТ, 2022. 524 с., ил.

Стахова Л. В. Основы туризма: учебник для вузов / Л. В. Стахова. Москва: Юрайт, 2022. 327 с. (Высшее образование)., Текст: непосредственный. ISBN 978-5-534-14912-8

World Travel and Tourism Council Travel and Tourism 2011 http:// www.wttc.org/site_media/uploads/downloads/traveltourism2011.pdf

САЙЁРА МУКИМОВА
Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими,
Душанбе, Таджикистан

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕСТАВРАЦИОННОГО ДЕЛА В СССР В 1930–1960-Х ГОДАХ

Ключевые слова: архитектурное наследие, реставрация, история развития и формирования, реставрационные мастерские, целостная реставрация, консервация, проект.
Аннотация: В статье рассматривается становление реставрационного дела в бывшем СССР, которое заложило основы для развития этой важной отрасли в Таджикистане. Без уяснения этой истории невозможно познать истоки реставрации Таджикистана, так как именно советская школа реставрации сыграла ключевую роль в формировании подходов к сохранению культурного наследия. Приводятся данные об организации российской научной реставрации, которая стала основой для зарождения и формирования системы реставрации памятников культурного наследия в республиках бывшего СССР, включая Таджикистан.

Kalit so'zlar: arxitektura merosi, restavratsiya, rivojlanish va shakllanish tarixi, restavratsiya ustaxonalari, yaxlit restavratsiya, konservatsiya, loyiha.
Annotatsiya: Maqolada Tojikistonda ushbu muhim sanoatning rivojlanishiga asos solgan sobiq SSSRda restavratsiya ishlarining rivojlanishi ko'rib chiqiladi. Ushbu tarixni tushunmasdan turib, Tojikistonning qayta tiklanishini kelib chiqishini tushunishning imkoni yo'q, chunki madaniy merosni saqlashga yondashuvlarni shakllantirishda aynan Sovet restavratsiya maktabi muhim rol o'ynagan. Maqolada sobiq SSSR respublikalarida, shu jumladan Tojikistonda madaniy meros yodgorliklarini tiklash tizimining paydo bo'lishi va shakllanishi uchun asos bo'lgan Rossiya ilmiy restavratsiyasini tashkil etish to'g'risidagi ma'lumotlar keltirilgan.

Keywords: architectural heritage, restoration, history of development and formation, restoration workshops, holistic restoration, conservation, project.
Abstract: The article discusses the development of the restoration field in the former USSR, which laid the founda-tions for the growth of this important sector in Tajikistan. Understanding this history is crucial for comprehending the origins of restoration in Tajikistan, as the Soviet restoration school played a key role in shaping approaches to cultural heritage preservation. The article provides information on the organization of Russian scientific restoration, which became the basis for the emergence and formation of the monument restoration system in the republics of the former USSR, including Tajikistan.

Введение. История реставрационного дела в СССР в период с 1930-х по 1960-е годы представляет собой ключевой этап в формировании отечественной школы реставрации, которая оказала значительное влияние на дальнейшее развитие методов и практик по сохранению культурного наследия. Этот период ознаменован не только созданием научных основ реставрации, но и формированием системы государственной охраны памятников, что впоследствии определило направление всей реставрационной деятельности в стране. Развитие реставрации в СССР происходило на фоне крупных социально-политических преобразований, войн и послевоенной реконструкции, что существенно влияло на приоритеты и подходы в работе с объектами культурного наследия. Анализ становления и развития реставрационного дела в этот период позволяет глубже понять, как была выработана система научных, технологических и организационных принципов, которые обеспечили успешное сохранение множества памятников истории и культуры.

Не зная мировой историю реставрации, невозможно познать истоки реставрации Таджикистана и Ирана. Советская государственность не пришла на пустое место, ибо эта наука развивалась на основе уже сложившейся и получившей мировое признание школы Российской научной реставрации. Она обрела

известность и признание в результате публикации работ русских ученых, таких, как Г. И. Котов, П. П. Покрышкин, Д. П. Сухов, И. В. Рыльский, И. П. Марковников, И. П. Мешков, Н. В. Никитин. В советское время традиции реставрации развили такие ученые, как Б. Н. Засыпкин, Д. П. Барановский, И. Э. Грабарь, Э. М. Гендель, В. О. Степанов, В. Н. Энг. Большой вклад в дело исследования и восстановления архитектурных сооружений Средней Азии внесли М. Е. Массон, В. Л. Вяткин, Ш. Е. Ратия и Г. А. Пугаченкова.

Первые действия Советской власти в этом направлении начались в 1924 году созданием Центральной государственной реставрационной мастерской (ЦГРМ) в результате объединения нескольких учреждений. В функции Мастерской входили учет памятников, документация и защита (Забицкая, 1986: 57).

Основная часть. В период 1920–1930-х годов реставраторы объединили усилия для защиты архитектурных памятников от намеренного разрушения и уничтожения. Однако в Таджикистане, где в то время шла гражданская война, речи о реставрационных работах не шло. Более того, именно тогда в результате артиллерийского обстрела в 1920-х годах в Хисори Шодмон были уничтожены башни ворот крепости и укрепления беков на возвышенности (Мукимов, 2014: 78). В Самарканде под руководством Б. Н. Засыпкина были проведены реставрационные работы на медресе Улугбека, памятниках Шир-Дор и Шахи-Зинда. В это же время М. Е. Масон изучал мавзолей Азрет Султана (Ходжа Ахмед Яссави) в Туркестане. В 1931 году в Афинах состоялась первая Международная конференция реставраторов, которая приняла декларацию об отказе от максимального сохранения стилистических особенностей и полной реставрации памятников. Было решено, что главной задачей на памятнике является реставрация, а дополнительные работы, такие, как анастилоз, раскоп, дополнение и восстановление, являются составляющими процесса консервации (Михайловский, 1971: 93).

Афинская конференция по вопросам реставрации культурных памятников была организована Международным советом музеев в Афинах, где впервые был использован термин «всемирное наследие». В число первых мероприятий по сохранению памятников входили определение и фиксация их разрушенных мест. Работы в этом направлении начались в 1941 году Комиссией по восстановлению и защите памятников искусства и продолжились в 1944–949 годах Главным управлением по защите памятников. Параллельно с развитием масштабов реставрационных работ разрабатывался метод инженерно-технического укрепления, который способствовал появлению целенаправленных видов реставрации. Полное восстановление разрушенных во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) памятников во многих случаях было верным решением, так как масштаб этих работ и их эффект произвели сильное впечатление, что привело к изменению принципов реставрации. В регионах, где не было войны, например, в Средней Азии (медресе Улугбека, мавзолей Гур-Эмир в Самарканде), реставрация проводилась старыми методами, однако метод полного восстановления распространился по всем республикам. Это привело к тому, что ранее проводимые работы по временному укреплению и частичному восстановлению стали переходить в полномасштабную реставрацию.

В период с 1945 по 1948 гг. наблюдалось активное открытие специализированных научно-реставрационных мастерских, что привело к широкому распространению масштабных реставрационных работ на национальных архитектурных памятниках. В 1950-х годах преобладала тенденция к полному восстановлению первоначального образца. Этот период был весьма продуктивным для развития методологии реставрации. В процессе производства активно применялся практический опыт и результаты исследований известных реставраторов, таких, как А. В. Столетов, археолог Н. Н. Воронин, архитекторы А. В. Ополовников, П. Н. Максимов и М. А. Ильин. Проведённый научный анализ реставрационных решений в конце 1950-х годов позволил обосновать научную методологию восстановления архитектурных памятников. В результате в 1961 году была создана первая работа «Методика реставрации памятников архитектуры», в которой описывались три основных метода реставрационных работ, применявшихся в то время. (Методика реставрации, 1977: 45).

1. Когда возвращаются утраченные элементы и восстанавливается первоначальный облик объекта, удаляя все поздние дополнения;

2. Восстановление, основанное на определённой дате, эпохе или периоде, с сохранением всех добавленных элементов (так называемая реставрация, связанная с «конкретным периодом»);

Реставрация утерянных элементов сооружения с учётом архивных материалов и документированных фрагментов. Если такие детали не подтверждены научной документацией или другими материалами, они должны оставаться в своём текущем состоянии. Художественно ценные элементы и конструкции, добавленные позднее, также сохраняются без изменений. Венецианская хартия, принятая в 1964 году, изменила приоритеты в области реставрационных работ, акцентируя внимание на сохранении первоначального облика и исторической ценности памятника, а не на полном восстановлении (Основы реставрации..., 2006: 213).

На первом месте стояла консервация, так как ликвидация слоёв, деталей и конструкций, добавленных к памятнику после реставрации, была признана нецелесообразной. Также был

Рис. 2. Худжанд. Целостная реставрация фрагмента восточной стены крепости «Кальаи Худжанд», 1999 г.

Рис. 1. Хисори Шодмон. Ворота гиссарского арка. Внутри — музей Восе

отклонён метод приведения всего здания к одному стилю (стилю времени постройки). В последующие годы широкое распространение получила фрагментарная реставрация и художественная консервация, в то время как полное восстановление применялось реже. (рис. 1.) (Мукимова, Мухиддинова, 2022). Тем не менее, закрепление консервации как основного вида реставрации было невозможно по нескольким причинам. Во-первых, использование инженерной консервации (приостановка искривлений стен, осадки фундаментов и расширения трещин с помощью механических средств, тросов и металлических конструкций) оказалось сложным процессом. Во многих случаях эти методы не давали ожидаемых результатов и не удовлетворяли эстетическим требованиям (например, один из минаретов медресе Шир-Дор) (Гендель, 1980: 34).

Во-вторых, возникли сложности с решением художественно-эстетических проблем демонстрации руинированного памятника публике, особенно трудно было интегрировать в экспозицию объекты, расположенные на территории города. В-третьих, адаптация руинированных памятников к современным требованиям оказалась менее успешной по сравнению с отреставрированными или восстановленными памятниками. В-четвёртых, метод консервации оказался невыгодным для реставрационного производства из-за низкой оплаты по сравнению с другими строительными работами (Иманкулов и др., 2021: 140).

Всё это привело не только к снижению статуса консервации, которая после Венецианского конгресса улучшила свои позиции, но и к

сокращению фрагментарной реставрации. С середины 1970-х годов в реставрации снова стало преобладать направление полного восстановления. Несмотря на проведённые в послевоенный период исследования в области реставрации, методики и технологий, которые научно обосновали методы полного восстановления, было доказано, что консервация и фрагментарная реставрация всё равно были более эффективными, но отмеченная тенденция продолжала доминировать (Методика и практика…, 1974: 41).

Заключение и предложения. Однако проблемы полного восстановления и реставрации не исчезли, и на это есть несколько причин. Реставрации подвергались не только архитектурные памятники, но и исторические комплексы, связанные с развитием градостроительства. Многие из них имели важное историческое значение. Во многих случаях внешний и внутренний вид таких зданий, называемых историческими памятниками, претерпел радикальные изменения с целью превращения их в музеи. При реставрации памятников такого уровня научные доказательства и факты часто отходят на второй план, и предпочтение отдаётся аналогиям и гипотезам. За основу берётся стиль времён жизни исторической личности, и считается, что не только само здание должно соответствовать этому стилю, но и внутренний интерьер, и даже лестницы.

В результате реконструкции и реставрации возникло новое направление – регенерация. Этот термин обозначает процесс сохранения и реконструкции исторических центров древних городов, то есть восстановления отдельных зданий. Цель этого процесса – восстановить весь центр города и архитектурный комплекс целиком, чтобы сохранить его для будущих поколений (например, для Таджикистана это древние города Худжанд, Истаравшан-Ура-Тюбе, Исфара, Куляб и другие) (Мукимова, 2019: 54).

Развитие методов реставрации и изменение общего восприятия древнего наследия зависят от изменений в политическом и социальном контексте, а также от доминирующих политических убеждений. Наша цель заключается в том, чтобы продвигать передовые идеи, основанные на мировых стандартах, цивилизованных отношениях и научных принципах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Гендель Э. М. Инженерные работы при реставрации памятников архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 199 с.

Забицкая О. Л. Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников // История и теория реставрации памятников архитектуры. Москва, 1986. С. 56–64. (ЦГРМ прекратила свою деятельность в 1934 году).

Иманкулов Д. Д, Сагынбекова В. К., Раид Х., Молдалиева И. Т. Реставрация и консервация архитектурного наследия Средней Азии в условиях современных вызовов и угроз // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. Т.: 21. № 12. 2021. С. 138–147.

Методика и практика сохранения памятников архитектуры. Москва, 1974. 143 с.

Методика реставрации памятников архитектуры. Под общей редакцией Михайловского Е. В. Москва: Стройиздат, 1977. 168 с.

Михайловский Е. В. Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций). М., 1971.

Мукимов Р., Додаржонов Э. Архитектурные памятники Гиссарского заповедника. Историко-архитектурное исследование. Душанбе: Базис-Принт, 2014. С. 78–79.

Мукимова С. Р. Проблемы сохранения и реконструкции культурного и природного ландшафта в Таджикистане // Наследие и современность. 2019. № 3. С. 27–39.

Мукимова С. Р, Мухиддинова Р. К. История развития благоустройства Средней Азии во второй половины XIX – начала XX века. Электронный научный журнал // Инженерный вестник Дона, 2022. № 5.

Основы реставрации памятников архитектуры /Автор-составитель Р. С. Мукимов. Душанбе: ТТУ, 2006. С. 91–99, 213–216.

ТИМУР НУРУЛИН
Ташкентский архитектурно-строительный университет
Ташкент, Узбекистан

3D-РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМЯТНИКА АКТЕПА ЧИЛАНЗАР

Ключевые слова: Актепа, Чач, замок, храм огня, 3D-реконструкция, музеефикация.
Аннотация: Актепа Чиланзар — уникальный археолого-архитектурный объект города Ташкента. Археологические раскопки прошлого века выявили несколько этапов его сложения. В период раннего средневековья здесь на одном месте, но в разное время, функционировало несколько строений: храмы огня и храм предков. Особый интерес представляет четырехбашенное строение, которое внешне похоже на оборонительное сооружение, но скрывает совершенно иную функцию. В данной работе мы задались целью реконструировать этот памятник, а также рассмотреть особенности его архитектуры и вопросы сохранения.

Kalit so'zlar: Oqtepa, Choch, qal'a, olov ibodatxonasi, 3D-rekonstruksiya, muzeylashtirish.
Annotatsiya: Chilonzor –Toshkent shahrining noyob arxeologik-memoriy ob'ektidir. O'tgan asr arxeologik qazishmalari uning shakllanish bosqichlarini aniqladi. Ilk o'rta asrlarda bir joyda, lekin har xil vaqtlarda, bir nechta binolar — olov ibodatxonalari va ajdodlar ibodatxonasi faoliyat yuritgan. Ayniqsa, to'rt minorali bino qiziqish uyg'otadi: u tashqi ko'rinishda mudofaa inshootiga o'xshasa-da, mutlaqo boshqa vazifani bajaradi. Ushbu maqolada ushbu yodgorlikni qayta tiklash va uning arxitektura xususiyatlari hamda saqlash masalalarini o'rganish maqsad qilingan.

Keywords: Aktepa, Chach, castle, fire temple, 3D reconstruction, museification.
Abstract: Aktepa Chilanzar is a unique archaeological and architectural site in the city of Tashkent. Archaeological excavations from the past century have revealed several stages of its development. During the early Middle Ages, multiple structures functioned at the same location, but at different times, including fire temples and an ancestor worship temple. One of the particular interest is the four-tower building, which outwardly resembles a defensive structure but actually serves an entirely different function. The goal of this work is to reconstruct this monument, discuss the peculiarities of its architecture, and address issues of preservation.

Актепа Чиланзар — археолого-архитектурный памятник Ташкента, расположенный в Шайхонтохурском районе на пересечении улицы Нурафшон (улица Есенина) с каналом Бозсу, близ площади Актепа. Памятник находится под охраной государства.

Впервые на него обратил внимание еще в 1940 г. А. И. Тереножкин, отметив его как один из перспективных объектов. В начале 1970-х гг. археологические работы на нем проводились отрядом Ташкентской археологической экспедиции (Древний Ташкент, 1973: 114).

В настоящее время памятник Актепа Чиланзар представляет собой оплывший глиняный холм, скрывающий руины шести независимых строений. Высота самой высокой точки холма равна 15 м. Археологи выделяют шесть строительных периодов с V по VIII вв. н. э.

I–II период — храм огня. Квадратное в плане здание с пристроенными по его углам овальными башнями.

III период — храм огня. К зданию I–II периода с северной стороны пристроен прямоугольный блок помещений. Таким образом, три башни первоначального строения оказались в теле новой постройки.

IV период — помещения зданий предыдущих периодов были забиты плотной глиной, и наверху возведено новое строение.

V период — руины предыдущих периодов использовались в качестве цоколя, на котором было возведено новое здание, которое возвысилось над окружающей территорией на 9–10 м.

Рис. 1. 3D-разрез Актепа Чиланзар. Этапы функционирования памятника

Рис. 2. 3D-реконструкция Актепа Чиланзар I–II периода

VI период — храм предков. Прямоугольное здание на высоком стилобате, заключающее в себе руины предыдущих строительных периодов. Строение представляло собой двор, по оси которого был установлен постамент, обведенный мощными стенами с нишами (Древний Ташкент, 1973: 115).

В данной работе выполнены графические реконструкции трех разновременных зданий Актепа Чиланзар, которые соответствуют трем основным строительным периодам, выделенным археологами: I–II; III и VI периодов (рис. 1).

Раннесредневековые зодчие возвели Актепа Чиланзар на левом берегу канала Бозсу. Памятник расположен в «треугольнике» трех древних водных артерий. На юге протекает канал Актепа, на севере, в непосредственной близости, — канал Бозсу, на востоке — Зах-арык. Актепа Чиланзар расположен на двадцатиметровой Ташкентской лессовой террасе, в которой канал Бозсу за тысячелетия разработал глубокий каньон. В Чаче, интересуемом нами историко-географическом регионе, с II в. до н. э. по VII–VIII в. н. э., вероятно, преобладал сухой климат. К такому выводу мы пришли благодаря исследованиям Н.С. Байматовой, которая видит определенную зависимость развития сводчатой архитектуры Средней Азии от климатических условий. По мнению автора, в преимущественно сухом климате происходит распространение сводчатых перекрытий и куполов, обусловленное отсутствием леса, вызванное аридизацией. Во влажном климате, напротив, наблюдается развитие плоских балочных потолков (Байматова, 2005: 149). В указанный период на территории Ташкентского оазиса особое развитие получила сводчатая архитектура.

Здание 1 — Храм огня I–II периода. Стены и башни Актепа Чиланзар сложены из пахсовых блоков. Верхняя часть здания и перекрытия выполнены из сырцового кирпича (47×26×8–9 см) (Древний Ташкент, 1973: 115). Помещения и коридоры Актепа Чиланзар I–II периода перекрыты сводами из сырцовых кирпичей. Помещения внутри башен также перекрывались сводами, выложенными наклонными отрезками. Свод помещения 2 опирался на выступающий ряд пяточных кирпичей на разных уровнях. Такой вид свода определен Ворониной В.Л. как ползучий свод (Древний Ташкент, 1973: 119).

Актепа Чиланзар I–II периода представляет собой почти квадратное (14 × 13,6 м) в плане строение с пристроенными по углам овальными башнями с узкими прямоугольными бойницами. Четырехбашенное здание имеет основание на двухметровом стилобате. Очевидно, с западной стороны был установлен пандус (эта часть памятника не сохранилась). Актепа Чиланзар этого периода определен археологами как храм огня (Филанович, 2010: 195) (рис. 2).

На первом этапе здание Актепа Чиланзар было одноэтажным и имело гребенчатую планировку с тремя параллельными помещениями и с объединяющим их перпендикулярным коридором. Вероятно, в центральном

помещении 1 был установлен алтарь, где возжигался огонь. Из-за накопления зольных отложений в помещениях первого этажа возникла необходимость переноса алтаря на второй этаж. На втором этапе юго-восточное помещение было заложено кирпичной стеной. Причиной этому стало устройство в структуре стены лестницы с тремя маршами. Для первого марша потребовалось устройство массивной тумбы в помещении 1, для второго была прорублена часть существующей стены, а для третьего основания не было. Так, юго-восточное помещение было заложено с целью подготовки основания для третьего марша. Таким образом, появился доступ наверх здания. Вероятно, в этот период был надстроен второй этаж, реконструируемый нами по планировке как «дом огня» Актепа близ Нау с центральным помещением, где установлен алтарь огня, и обводным коридором.

Первоначально, возможно, вход в здание был организован с западной стороны (несохранившаяся часть памятника). На это указывает гребенчатая планировка Актепа Чиланзар, где логично наличие доступа в коридор, из которого осуществлялось распределение в три параллельных помещения, как это было сделано в крестовидном здании Мингурика начала нашей эры и в раннесредневековом здании Чильхуджра (Уструшана). Вход, обозначенный на плане с восточной стороны, вероятно, появился на втором этапе, когда уровень земли стал значительно выше, чем на первом этапе, и уже с этого уровня была оборудована лестница на второй этаж.

Фасады здания Актепа Чиланзар оформлены врезным декором в виде перевернутых треугольников (Филанович, 2010: 194). Очевидно, это упрощенный вариант украшения фасадов донжона синхронного здания Актепа Юнусабад (Нурулин, 2021: 24), где в поверхность стены были впечатаны терракотовые ступенчатые зубцы в перевернутом виде. Верх стен, вероятно, венчали ступенчатые или прямоугольные сырцовые зубцы, отмеченные на многих раннесредневековых памятниках Средней Азии (Нильсен, 1966).

Аналоги. Ближайшей аналогией Актепа Чиланзар можно считать памятник Бака-тобе, расположенный в Жамбылской области современного Казахстана. Авторы раскопок этого четырехбашенного строения считают, что это было крепостное сооружение — замок (Археология…, 2020: 83). Планировочно Бака-тобе представляет собой квадратное здание с пристроенными по углам каплевидными башнями. Примечательно, что здесь внутреннее пространство внешне округлых башен приведено к прямоугольнику, как и на Актепа Чиланзар. Очевидно, это связано с необходимостью перекрытия помещения сводом. Планировка Бака-тобе представляет собой центральное квадратное ядро, разделенное на два помещения и обведенное со всех сторон коридором (рис. 3).

С точки зрения внутреннего устройства, ближе к планировке Актепа Чиланзар памятник из Южной Бактрии — замок Беграм (Рапэн, 2010: рис. 7). Этот замок имеет гребенчатую планировку: три продолговатых параллельных помещения объединены одним перпендикулярным помещением.

В Уструшане есть еще одно аналогичное здание — это Чильхуджра I строительного периода (Пулатов, 1974; Лившиц, 2010; Baimatova, 2002: taf. 75). Здесь также по углам квадратного строения имеются башнеобразные выступы. Чильхуджра, как и Актепа Чиланзар, имеет гребенчатую планировку: три вытянутых параллельных помещения объединены общим коридором, расположенным к ним перпендикулярно. Автор раскопок рассматривает его в качестве замка (Пулатов, 1974: 168).

Аналогичное здание было обнаружено в Уструшане на Актепа близ Нау (Пулатов, 1977; Филанович, 2010: 194), что в 160 км к югу от Ташкента, на левом берегу Сырдарьи (тер. Таджикистана). Актепа близ Нау представляло собой квадратное здание с пристроенными по его углам круглыми башнями с бойницами. Принимая во внимание особенности планировочного решения, а также схожесть с «храмами огня» Ирана, археологи определили его как «дом огня» (Пулатов, 1977). Актепа близ Нау имеет

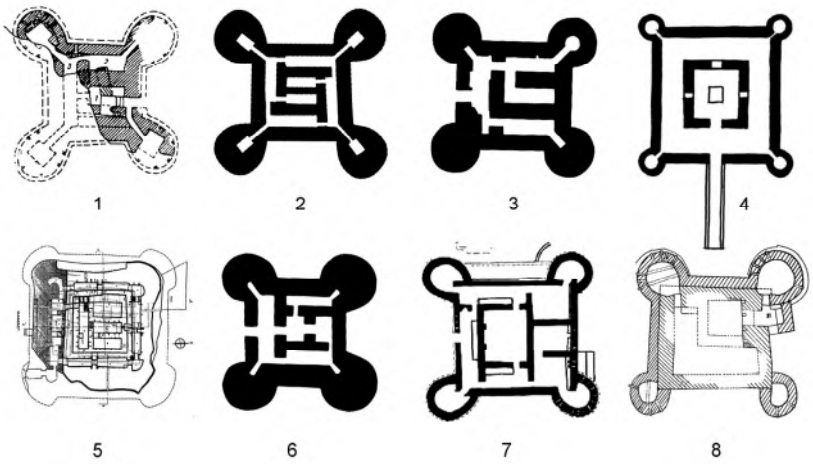


Рис. 3. Типология четырехбашенных замков: 1. Актепа Чиланзар (по М. И. Филанович, см.: Древний Ташкент, 1973: рис. 30); 2. Бака-тобе (по А. В. Кулишу, см.: Археология…, 2020: рис. 4–1–15); 3. Беграм (Археология…, 2020: рис. 4–1–18); 4. Храм огня близ Нау (по У. П. Пулатову, см.: Археология…, 2013: 188); 5. Чильхуджра (по У. П. Пулатову, см.: Baimatova, 2002: taf. 75); 6. Киндикли-тепе (Рапэн, 2010: рис. 7); 7. Тиркаштепа (по С. Мамаджановой, см.: Археология…, 2013: 165); 8. Джартепа (Бердимурадов, Самибаев, 1999: рис. 7)

центрическую планировку. Здание состояло из центрального помещения с алтарем огня, обведенного с четырех сторон коридором.

Планировочно близок к Актепа Чиланзар и замок Киндикли-тепа (Согд) (Рапэн, 2010: 145), представляющий собой также четырехбашенный замок. Несмотря на кажущееся различие внутренней организации плана Актепа Чиланзар и Киндикли-тепа, во втором все равно проглядывается структура гребенчатой планировки с тремя параллельными помещениями и объединяющим их коридором. Разница лишь в том, что центральное помещение поделено на два.

С внешним устройством архитектуры Актепа Чиланзар схож и другой согдийский памятник — Джартепа V в. н. э. Этот памятник примечателен тем, что, как и Актепа Чиланзар, он имеет несколько этапов функционирования (пять этапов). Авторы исследования определяют четырехбашенный замок Джартепа первых этапов в качестве жилого объекта. Однако на поздних этапах существования он превращается в храм (Бердымурадов, Самибаев, 1999: 61). Джартепа — квадратное в плане строение с пристроенными по углам полукруглыми башнями с бойницами.

Еще один аналогичный памятник — это Тиркаштепа VII–VIII вв. н. э. из Уструшаны, определенный археологами как замок (Археология…, 2013: 165). Тиркаштепа имеет структуру квадратного в плане здания, по углам которого расположены полукруглые башни с бойницами.

Таким образом, здание Актепа Чиланзар I-II периода входит в круг аналогичных строений, распространенных в исторических областях Чача, Уструшаны, Согда и Бактрии.

Как мы видим, большая часть авторов полагает, что четырехбашенные строения – это замки, но некоторые идентифицируют такие строения в качестве храмов огня. Это обстоятельство вызывает огромный интерес. Рассмотрев планировки аналогичных строений, распространенных, как отметил Клод Рапэн, «от Ташкентского оазиса до Беграма, к югу от Гиндукуша» (Рапэн, 2010: 145), а после открытия казахскими археологами Бака-тобе (Археология…, 2020: 83), следует добавить, от Беграма до Таласа. Если мы нанесем все эти замки на карту, то они выстраиваются в единую цепь, ведущую вдоль горной системы, обозначая при этом границы бывших великих империй. Как будто это были укрепленные пункты раннесредневекового государства того периода.

Для распространения типовых строений на такой обширной территории необходима, как мы полагаем, политическая воля.

Но вряд ли такие небольшие замки могли служить действенной силой сдерживания и защиты территории. Они скорее носили символический характер. В такой постановке вопроса не исключена культовая составляющая таких строений. В некоторых замках находят алтари огня, или же в последующих этапах они перестраиваются под полноценные храмы. В этом смысле логично предположить, что священный огонь нуждался в защите, отсюда и внешние черты оборонительного сооружения. Такой тип храмов огня, имеющий внешнее сходство с замком, возможно, мог возникнуть как ответ на сложную политическую обстановку, когда священные огни зороастрийцев могли быть под угрозой.

Также не стоит игнорировать символизм подобной планировки, основанной на крестообразной фигуре. Такая трактовка позволяет думать, что и башни имели символический характер и были связаны, к примеру, с астральным культом. Изучая уникальные планировки памятников древнейшего периода Маргианы и Бактрии, М. Мамедов не исключает возможности эволюционного перехода башен от символизма к фортификации (Мамедов, 2003: 99). Мы же, в свою очередь, изучая многие памятники древнего периода, также обращали на это внимание. Из этого следует, что внешний образ здания, имеющий вид замка, может скрывать за стенами совершенно иную функцию. Четырехбашенный замок на Актепа близ Нау, имея внешние элементы фортификации, планировочно отражал культовый характер всего строения, а в помещении Актепа Чиланзар был установлен алтарь.

Также следует обратить внимание на тот факт, что это были двухэтажные строения. По хорошо сохранившейся планировке первого этажа можно заметить, что такие узкие помещения невозможно было использовать в жилых целях, а мощные стены были необходимы для удержания второго этажа. В функциональном отношении, как мы полагаем, был важен именно второй этаж,

Рис. 4. 3D-реконструкция Актепа Чиланзар VI периода

где и располагался алтарь со священным огнем. К примеру, помещение второго этажа Чильхуджры было богато расписано настенной живописью.

Здание 2 — Храм огня III периода. Стены пристроенной части Актепа Чиланзар сложены из пахсовых блоков. Своды коридорообразных помещений первого этажа сохраняются. Помещения пристроенной части здания, очевидно, перекрывались плоским деревянным потолком, так как имели большой пролет. По мнению археологов, единственное помещение пристроенной части здания, которое расположилось между двумя башнями, перекрывалось сводом (Древний Ташкент, 1973: 123).

В III периоде к существующему четырехбашенному зданию пристраиваются дополнительные помещения с северной стороны (29,4×25,9 м). Таким образом, три башни оказываются в теле нового строения. Новое пристроенное здание оказалось значительно выше по уровню земли прежнего строения. Платформа храма огня I–II периода оказалась под землей. Уровень земли достиг высоты низа проема, расположенного с восточной стороны храма I–II периода, что дало возможность организации здесь основного входа в здание. К нему подводил коридор, очевидно завершающийся портальным строением. Новая пристройка имела один этаж: археологами по верху стены были обнаружены прямоугольные бойницы (Древний Ташкент, 1973: 122). Возможно, верхушки трех башен оставались видны над новой

пристройкой. Четырехбашенное здание, как и во втором периоде, остается двухэтажным. Вероятно, на втором этаже был установлен алтарь огня, так как помещения нижнего этажа были полностью заполнены золой.

Здание 3 — Храм предков VI периода.

Обводная стена и стены ниш сложены из пахсовых блоков (Древний Ташкент, 1973: 128). Перекрытия здания VI периода не сохранились. Возможно, ниши по периметру двора перекрывались сводами: небольшая ширина ниш (1,9 м) позволяет удержать свод из сырцовых кирпичей.

Ссылаясь на китайские источники, археологи отмечают, что над постаментом, где устанавливали урну с прахом предков, возможно, укреплялся балдахин (Древний Ташкент, 1973: 136). В реконструкции над постаментом установлен деревянный плоско-перекрытый балдахин, что придает значимость центральному ядру всего комплекса (рис. 4).

В VI периоде предыдущие здания оказываются в теле высокой платформы храма предков, т.е. он возводится над ними. Новое строение в плане представляло собой прямоугольный двор, по периметру обведенный толстыми стенами с нишами (36,9×29,7 м) (Древний Ташкент, 1973: 127). Сохранились две стены с семью и пятью нишами, соответственно. Реконструировав полный план на основании осевой симметрии, получаем 29 пространственных элементов (23 ниши, 4 закрытых угловых помещения, вход в здание с западной стороны, алтарь под балдахином).

Уникальное в своем роде раннесредневековое культовое здание Актепа Чиланзар с постаментом в открытом дворе и с нишами по периметру, вероятно, является ранним прототипом средневековых дворовых композиций медресе, караван-сараев и мечетей с прямоугольным двором в обводе худжр. Подобное устройство общественных зданий прочно закрепилось на многие столетия в архитектуре Средней Азии, обусловленное жарким климатом и общественными отношениями.

На культовую принадлежность Актепа Чиланзар VI периода указывает, в первую очередь, планировка здания с постаментом по главной оси открытой площадки и нишами по периметру этого двора, а также слои золы и органики, найденные археологами, поэтапно скопившиеся на площадке. М. И. Филанович, ссылаясь на новейшее прочтение китайского текста Ж. Торавалем, где описывается храм предков Чача, сопоставленный с храмом городища Канка, отмечает возможность отправления подобного культа и в храме Актепа Чиланзар. В источнике описывается церемония, на которой ее участники в 6-е число первой луны и в 15-е число седьмой луны водружали на постамент урну с прахом предков, обходили вокруг нее, разбрасывая плоды и цветы. Затем в специальном шатре устраивали жертвенное пиршество, в котором участвовали правитель и его супруга со свитой (Бичурин, 1950: 96; Филанович, 2010: 195).

Вероятно, количество помещений и строений Актепа Чиланзар, равное 29, каким-то образом сопоставимо с лунным календарем, где в месяце примерно 29 дней. Возможно, урны с прахом предков хранились в нишах, тем самым происходило символическое отождествление духов предков с лунным божеством. Кульминационным моментом было выставление урны в вышеуказанные дни, что соответствовало зарождению молодого месяца и полнолунию. С практической точки зрения – это лунный календарь, где осуществлялся подсчет дней до определенных ритуальных праздников.

Вопросы сохранения.

В 2016 году при прокладке участка новой малой кольцевой дороги Ташкента первоначальным проектом трасса проходила по значительной части археолого-архитектурного памятника Актепа Чиланзар, что привело бы к значительной утрате исторически важного объекта. В итоге новая дорога была проведена в непосредственной близости с археологическим холмом. В это же время памятник был обнесен кирпичным забором, в южной части которого была установлена дверь. Эти минимальные мероприятия заложили основу дальнейших мер в деле сохранения памятника

Актепа Чиланзар, с возможностью установки навеса для защиты от атмосферных осадков.

В конце 2023 года общественностью вновь поднимался вопрос сохранения памятника Актепа Чиланзар, поскольку участок, расположенный в непосредственной близости с ним, был отдан под застройку. Этот участок примыкает с южной стороны холма. Несмотря на нарушение охранных зон памятника, в 2024 году этот объект строительства уже реализован. В этой связи автором данной статьи по просьбе и при участии к. и. н. Курязовой Д.Т. было выполнено проектное предложение музеефикации памятника Актепа Чиланзар (рис. 5).

Защищенные, благоустроенные археологические объекты, такие, как Актепа Юнусабад, Актепа Чиланзар, Мингурик, Шаштепа, в будущем могут объединиться в единый туристический маршрут по древним археологическим памятникам Ташкента под названием «По следам исчезнувшей цивилизации». Такие меры позволят не только сохранить столь значимые объекты для нашей истории в быстроразвивающемся городе, но и придадут мощный импульс для развития туризма в столице. Наиболее сложным объектом с точки зрения консервационных работ является замок Актепа Юнусабад (Нурулин, 2021: 24), грандиозный памятник, для которого нужны самые современные подходы сохранения глиняной архитектуры. Именно поэтому видится, что консервационные работы на этом объекте должны проводиться в последнюю очередь. Таким образом, возведение навеса на Актепа Чиланзар в ближайшей перспективе наиболее оправдано ввиду того, что этот памятник имеет относительно небольшие размеры. Предлагается проект музеефикации памятника Актепа Чиланзар с общей площадью территории 0,6 га. Навес над раскопками будет иметь размеры в плане 43×43 м и высоту в 17–25 м. Конструкция навеса предлагается мембранная на металлическом каркасе. Такие мембраны обычно изготавливаются из стеклоткани, покрытой тефлоном или ПВХ.

По проекту, на территории в 0,6 га располагаются непосредственно холм Актепа

Рис. 5. Музеефикация Актепа Чиланзар (проект)

Чиланзар, накрытый навесом, со смотровыми мостами, небольшой археологический музей, лаборатория экспериментальной археологии, парковка для автомобилей и экскурсионных автобусов, небольшая площадь, информационный стенд с изображением графической реконструкции памятника и флагшток с флагом «Древнего Ташкента». Доступ к руинам всегда будут иметь только археологи, для посетителей памятника предусмотрены специальные мосты, которые установлены по периметру всего объекта и на определенной высоте, чтобы был хороший обзор раскопок. Это исключит контакт человека с хрупкими глиняными стенами и сохранит их на сотни лет.

В непосредственной близости с навесом предлагается установить информационный стенд, на котором будет отображаться первоначальный облик строения. Это научная графическая реконструкция, основанная на планах, стратиграфических разрезах, полученных археологами в ходе раскопок на этом объекте. После консервационных работ на археологическом памятнике необходимо будет провести археологические работы по оконтуриванию оплывших руин холма, чтобы получить четкие контуры строения.

Выводы.

После изучения особенностей архитектуры трех этапов сложения Актепа Чиланзар нами выполнены реконструкции этих строений.

Несмотря на различие внутренней планировки рассмотренных нами четырехбашенных замков, мы склонны их рассматривать

как вариации единой типовой структуры. Тем более что во многих этих памятниках прослеживается гребенчатая планировка с тремя продолговатыми помещениями, объединенными общим коридором (Актепа Чиланзар, Беграм, Чильхуджра, Киндиклитепе). Эта гребенчатая планировка обусловлена наличием второго этажа и выступала в качестве основания, а основное помещение располагалось наверху. Вариацией такой схемы является памятник Бака-тобе с центральным квадратным ядром, разделенным на два помещения и окруженным обводным коридором. Вероятно, что такая планировка носит ритуальный характер, как и в храме огня близ Нау, где центральное квадратное помещение обведено по всему периметру коридором. В этой связи мы полагаем, что такой тип замковых строений не противоречит идентификации их в качестве храмов огня и обусловлен сложной политической ситуацией, когда священный огонь нуждался в защите.

В условиях быстроразвивающегося города, как мы увидели, Актепа Чиланзар находится под угрозой исчезновения. В этой связи предлагается музеефицировать данный объект и сохранить его для будущих поколений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Археология, история и архитектура средневековой Уструшаны. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 240 с.

Археология и история кангюйского государства. Коллективная монография. Шымкент: Элем, 2020. 216 с. илл.

Байматова Н. С. Заметки к сводчатой архитектуре Средней Азии (IV–III тыс. до н. э. – VIII в. н. э.) // Центральная Азия: источники, история, культура. Москва: Восточная литература, 2005. С. 145–171.

Бердимурадов А. Э., Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV–VIII вв.). Ташкент: Издательство народного наследия имени Абдуллы Кадыри, 1999. 72 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950. С. 272.

Древний Ташкент / Отв. ред. канд. истор. наук И. Ахраров. Ташкент, Фан, 1973. 144 с. с ил.

Лившиц В. А. Согдийские документы из замка Чильхуджра // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 77–88.

Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. – Ашхабад: Культурный центр Посольства исламской республики Иран в Туркменистане, 2003. 143 с.

Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент: Наука, 1966. 336 с.

Нурулин Т. С. Виртуальная реконструкция замка Актепа Юнусабад // Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент, 2021. №№ 2-3. С. 24–31.

Пулатов У. П. Чильхуджра / Отв. ред. Н. Н. Негматов. Душанбе: Дониш, 1974. 185 с.

Пулатов У. П. «Дом огня» в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26-31 августа 1977 г. Душанбе: Дониш, 1977. С. 77-79.

Филанович М. И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Узбекистан, 2010. 312 с.

Рапэн Клод. От Коктепе до Киндикли-тепе: новый подход к истории возникновения ирригации в северной части Зеравшанской долины // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы международной конференции, Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. Самарканд–Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2010. С. 139-150.

Baimatowa Nasiba. Die Kunst des Wolbens in Mittelasien: Inaugural-Dissertation zur Erlagung des Doktorgrades am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften. Berlin: Institut fur Vorderasiatische Altertumskunde der Freien Universitat Berlin, 2002. Abb. 1-Abb. 53.

АЗИЗА РАУПОВА
Институт искусствознания АН Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан

НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РЕСТАВРАЦИИ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ДОР УС-САОДАТ В Г. ШАХРИСАБЗЕ

Ключевые слова: Шахрисабз, комплекс Дор ус-Саодат, реставрация, архитектура, Амир Темур.
Аннотация: В статье на основе малоизученных архивных данных и материалов научных исследо-ваний освещены этапы реставрационно-восстановительных работ комплекса Дор ус-Саодат в Шахрисабзе. Кроме того, проанализированы научные сведения о строительстве комплекса как объекте исследований ученых, которые изучают его историю, архитектуру и культурное значение. Благодаря этим исследованиям мы можем получить более глубокое понимание своеобразной архитектуры мемориального комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе.

Kalit so'zlar: Shahrisabz, Dor us-Saodat majmuasi, restavratsiya, arxitektura, Amir Temur.
Annotatsiya: Maqolada kam o'rganilgan arxiv ma'lumotlari va ilmiy tadqiqot materiallariga asoslanib, Shahrisabzdagi Dor us-Saodat majmuasini restavratsiya qilish va tiklash bosqichlari yoritilgan. Shuningdek, majmua qurilishi haqidagi ilmiy ma'lumotlar tahlil qilingan bo'lib, u tarix, arxitektura va madaniy ahamiyatni o'rganayotgan olimlar uchun tadqiqot ob'ekti hisoblanadi. Ushbu tadqiqotlar orqali biz Shahrisabzdagi Dor us-Saodat majmuasining o'ziga xos arxitekturasini chuqurroq tushunishimiz mumkin.

Keywords: Shahrisabz, Dor us-Saodat complex, restoration, architecture, Amir Timur.
Abstract: The article highlights the stages of restoration and rehabilitation work on the Dor us-Saodat complex in Shahrisabz, based on poorly studied archival data and research materials. It also analyzes scientific information about the construction of the complex as an object of study for scholars investigating its history, architecture, and cultural significance. These studies provide a deeper understanding of the distinctive architecture of the Dorus-Saodat memorial complex in Shahrisabz.

С приходом к власти Амир Темур, стремясь сделать второй столицей страны свой родной Шахрисабз, начал здесь грандиозные строительные работы. В результате город стал местом, олицетворяющим могущество власти на примере возведенных Амиром Темуром и его потомками сооружений. Как и в других городах Мавераннахра, достойное оформление могил святых в Шахрисабзе также связано с именем Амира Темура. В их основе лежит чартак с величественной портально-купольной композицией.

Комплекс Дор ус-Саодат с 2000 г. находится в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО. Состоит из мавзолеев Джахонгира и Омаршейха, склепа Амира Темура, а также мечети Хазрати Имам. От всего мемориала до наших дней сохранился лишь высокий купольный мавзолей Джахонгира, склеп Амира Темура и мечеть Хазрати Имам (рис.1).

В 1380 г. Амир Темур, желая объединить многие функции суфийских и мемориально-культовых комплексов дворового типа в единое гигантское здание, впервые построил династийный некрополь Темуридов Дор ус-Саодат в Шахрисабзе, который включал в себя все необходимые помещения.

«Основу зданию Дор ус-Саодат в Шахрисабзе заложил в 1379-1380 гг. мавзолей Джахонгира — старшего сына Амира Темура, выстроенный хорезмскими мастерами, судя по шатровому куполу, характерному для архитектуры Куня Ургенча. Для погребения в последующем себя и своих потомков Амир Темур распорядился построить здесь крупный некрополь в виде единого здания-комплекса (52,4 х 71,6) с внутренним двориком (28,8 х 28,2 м.). Входной портал сооружения был настолько велик (пролет входной арки 20,3 м), что в одном из его пилонов был размещен столбообразно высокий мавзолей Джахонгира, перекрытый трехъярусным куполом. Он-то (мавзолей) и

Рис. 1. Вход в комплекс Дор ус-Саодат.
Фото А. У. Рауповой, 2023 г.

сохранился единственным до наших дней от здания-гиганта» (Юсупова, 2021: 135) (рис. 2).

Во время правления Шейбанидов сооружениям комплексов Дор ут-Тиловат и Дор ус-Саодат был причинён ущерб. Во второй половине XVI в. войсками Абдуллахана II здания комплексов были частично разрушены. В середине XIX в. построена мечеть Хазрати Имам со сводчатым потолком и декорированным айваном, примыкающая к зданию мавзолея Джахонгира.

Комплекс Дор ус-Саодат имеет исключительно важное историко-культурное значение, так как это огромное цельное здание с компактным прямоугольным планом было первым, но не единственным экспериментом в мемориальном зодчестве Сахибкирана. Наиболее ярко эту идею — устройства целого комплекса в одном здании — он воплотил

Рис. 2. Мавзолей Джахонгира.
Фото А.У. Рауповой, 2023 г.

затем в здании ханака-мавзолея Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане. И впоследствии начал осуществлять ее на конечном этапе строительства комплекса Гури-Эмир в Самарканде, который не успел завершить (Юсупова, 2021: 138).

В период правления Шахруха и Улугбека старое кладбище между двумя знаменитыми мемориальными ансамблями Дор ус-Саодат и Дор ут-Тиловат стало превращаться в место династической усыпальницы рода Барласов, где в культурных слоях средневекового кладбища вскрыт ряд мраморных надгробий с историческими именами некоторых полководцев, участвовавших в походах Шахруха (Самарканди, 1969: 100, 220, 243–274), (Фосих Ахмад, 1980: 175).

Научные сведения о строительстве и своеобразии архитектуры мемориального комплекса Дор ус-Саодат даются в трудах средневековых авторов, а также в специальных ранних исследованиях по Шахрисабзу Г. А. Пугаченковой «Историко-архитектурная характеристика памятников в Шахрисабзе эпохи Темура и Улугбека» (Пугаченкова, 1947: № 1517), М. Е. Массона (Пугаченкова-Массон, 1953), таких известных ученых как Л. Ю. Маньковская (Маньковская, 1979), Б. Н. Засыпкин (Засыпкин, 1936) и Х. Т. Султанов (Султанов, 1987).

Средневековый историк Шараф ад-Дин Али Язди описывал здание мавзолея Джахонгира как «чрезвычайно высокое» (Али Язди, 1972: 331–332). Согласно Мухаммаду Вади Малихо, в Шахрисабзе от времени Темуридов, кроме Дор ут-Тилловат, осталось другое медресе с мавзолеем Джахонгира в комплексе Дор ус-Саодат.

Очень ценные сведения для изучения строительной деятельности Амира Темура в Шахрисабзе приведены в труде испанского посла Р. Г. Клавихо. Благодаря его записям, можно представить грандиозность и изящество сооружений средневекового Шахрисабза.

К примеру, описывая комплекс Дор ус-Саодат, он приводит очень интересные сведения о том, как правитель в сопровождении свиты, после осмотра склепа остался им недоволен,

говоря, что вход в него низок, и повелел его переделать (Клавихо, 1990: 233–234).

Указанный склеп первоначально был изучен как склеп Джахонгира (Гулямов, 1940:102–103). Однако М. Е. Массон установил, что он был предназначен для самого Амира Темура. Это подтверждено в ходе археологических исследований Х. Т. Султанова (Султанов, Гильманова, 2022: 59) (рис. 3).

В годы независимости Узбекистана многие отечественные и зарубежные ученые продолжили изучать разные аспекты истории строительства и своеобразие архитектуры комплекса Дор ус-Саодат, выявляя новые научные данные об историческом сооружении периода Амира Темура.

В архивных данных примерно до 1995 г. комплекс Дор ус-Саодат был введен как ансамбль Хазрати Имам, а мавзолей Джахонгира упоминается как мавзолей Хазрати Имам. В трудах Г. Пугаченковой мавзолей Джахонгира также упоминается как мавзолей Хазрати Имам и дается его сравнительный анализ с другими памятниками, такими как мавзолеи Фахриддина Рази, Текеша и Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче в Туркменистане, мазар Манас в Кыргызстане, мавзолей Бабаджи хатун в Казахстане и др.

М. А. Юсупова рассматривает здание-комплекс Дор ус-Саодат как уникальный эксперимент в эволюции зодчества Амира Темура (Юсупова, 2021: 135-170). В исследованиях Н. Гильмановой и Х. Т. Султанова (Гильманова, Султанова, 2022: 118–137) проанализированы данные археологических исследований, сведения в письменных и библиографических источниках о сооружениях всего комплекса.

Дор ус-Саодат, один из неповторимых и загадочных архитектурных комплексов Шахрисабза, олицетворяет высочайший расцвет архитектуры эпохи Амира Темура и его потомков. С высоким интересом его исследуют зарубежные и отечественные специалисты по сей день.

Изучение и анализ архивных данных и материалов научных изысканий показывает, что в исследовательских работах по комплексу

Рис. 3. Вход в склеп Амира Темура. Фото А. У. Рауповой, 2023 г.

Дор ус-Саодат по хронологии и методам можно выделить три больших этапа.

I. Вторая половина XX в.;

II. Ранние годы независимости Узбекистана;

III. Начало XXI в.

Первый этап реставрационных работ в комплексе Дор ус-Саодат приходится на середину и вторую половину XX в. В 1949-1950 гг. археологами и специалистами были расчищены ранее вскрытые остатки комплекса. До этого времени основная его часть не была подвергнута археологическим исследованиям (Султанов, 1987: 29–30). В 1950-1951 гг. территория комплекса была изучена А. Виноградовым в целях благоустройства территории ансамбля Хазрати Имам в Шахрисабзе. Были также исследованы фундаменты и данные зондажей, заложенных на объектах ансамбля. В 1957 г. обследован склеп Амира Темура и изучены археологические вскрытия.

В 1963 г. склеп Амира Темура был законсервирован. В 1978 г. проведены работы по конструктивному укреплению мавзолея

Рис. 4. Вид с восточной стороны.
Здесь руины, остатки стен интерьера помещений, которые продолжались в свое время на восток. 1978 г.
Фото из архива АКН при КМ РУз

Хазрати Имам (или мавзолея Джахонгира), в ходе которых произведена консервация всех слабых конструкций, особенно его облицовки и отдельных конструкций кирпичной кладки с восточной и северной сторон, а также барабана и купола мавзолея. Выполнены временный навес и легкие ограждающие конструкции вокруг барабана и над куполом, а также под всем пилоном. Организован водоотвод над «внутренним двориком» с восточной стороны. С западной стороны завершены работы по подготовке водонепроницаемой отмостки. После получения инженерно-геологических заключений по грунтам и основаниям под фундаментами, а также исследований по фундаментам, рассмотрена надобность их усиления или переделки. (рис. 4–5).

Раскопочные работы начались в 1982 г. путем закладок разведочных шурфов с южной стороны мавзолея Джахонгира. В результате дальнейших раскопок на этом участке было выявлено, что к югу от мавзолея располагался портальный проем, стены которого выстланы каменными блоками. Вся площадь стен этого проема разделена на соответствующие квадраты и прямоугольники. Стены внутренней части проема вымощены темно-красноватым песчаником, края обрамлены белыми каменными блоками.

Наиболее примечательным результатом обследований явилось то, что в юго-восточном углу мавзолея вскрыли остатки щипцовой стены портала и входной коридор, ведущий с улицы во двор здания. На расстоянии 10-15 м к югу от мавзолея Джахонгира на вскрытом полу, в направлении запад — восток проходит осевая линия портального проема, мощенная белыми каменными блоками. Эта линия делит портальный проем на две пропорциональные части. Выявление осевой линии примечательно тем, что она позволяет с большой точностью определить ширину пролета арки Дор ус-Саодат. Она равнялась 20,3 м, что на 2,2 м меньше пролета арки дворца Ак-Сарай и больше всех известных для того периода памятников архитектуры Средней Азии (Султанов, 1987: 29–30).

Все вышеупомянутые работы по консервации и реставрации комплекса проводились после тщательного изучения истории строительства и ранее осуществленных научно-исследовательских работ по комплексу Дор ус-Саодат (Пугаченкова, 1993: 1–2; Засыпкин, 1928: № К1497 / Б-49).

Второй этап датируется ранними годами независимости Узбекистана. После обретения независимости в Узбекистане начались грандиозные работы по сохранению архитектурного наследия. С 1992 по 1996 год продолжались поэтапные научно-исследовательские, реставрационно-восстановительные процессы на комплексе Дор ус-Саодат.

В 1992 г. проводилось инженерное обследование с целью выявления деформаций, происшедших на памятниках, развития этих деформаций во времени, а также влияния геологических условий и сейсмического воздействия. То есть исследовались причины деформаций конструктивных элементов в их взаимодействии с агрессивными факторами окружающей среды, принятие в дальнейшем при проектировании необходимых инженерных решений для ликвидации аварийного

состояния и обеспечения последующей эксплуатационной пригодности сооружения.

В 1993 г. проведен ряд исследований, по результатам которых поставлены задачи по проведению реставрационных работ. В том числе:

– изучены геолого-литологические и гидрогеологические условия участка Дор ус-Саодат, а также определены основные фильтрационные параметры водовмещающих пород для обоснования проекта дренажа (архив АКН при КМ РУз, 1993: № Ш7098/Б-93; архив АКН при КМ РУз, 1993: № 9601/Л-68.);

– изучены проблемы сохранения, консервации известных ранее и вновь выявленных остатков комплекса Дор ус-Саодат (архив АКН при КМ РУз, 1993: № Ш7132/С-16).

Весной 1994 г. сотрудники Института «Узбектаъмиршунослик» продолжили археологическое изучение комплекса Дор ус-Саодат в городе Шахрисабзе. На первом этапе, в апреле и августе 1993 г., расчистили ранее вскрытые остатки комплекса (работы 1981–1985 гг.), которые являлись северным крылом огромного здания. Ввиду значительности временного промежутка между предшествующими археологическими работами (1981–1985 гг., а также 1949–1950 гг.) и нашими исследованиями вся ранее вскрытая часть комплекса оказалась покрытой мощным слоем разнородного мусора и задернованного надува. Повторные широкомасштабные раскопки помогли выявить и уточнить детальную планировку северной части здания и его габариты, что дало большой фактологический материал (рис. 6) для его научной реконструкции (архив АКН при КМ РУз, 1993: № Ш7132/С-16).

Продолжая ранние работы, исследователи предприняли расчистку северо-западной части памятника, где блок сооружений северного крыла примыкает к портальным конструкциям входного объема — пилон портала, мавзолей Джахонгира и трехнефная зиаратхона (архив АКН при КМ РУз, 1994: № Ш7103/С-16; архив АКН при КМ РУз, 1994: № Ш7131/С-16).

В 1995 г. были продолжены работы по археологическому изучению комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Основными задачами исследования являлись: наблюдение за откопкой траншей под фундаменты в реставрируемой северной части здания и продолжение раскопок в районе склепа Темура, начатых в 1994 г. (архив АКН при КМ РУз, 1996: № Ш7097/С-16). В том же году проведены инженерно-конструкторские работы на мавзолее Хазрати Имам комплекса Дор ус-Саодат (архив АКН при КМ РУз, 1995: № №Ш9703/Б-82), разработан проект реконструкции входной группы склепа Темура с дополнительными археологическими исследованиями в северо-восточной части и консервации археологических остатков (архив АКН при КМ РУз, 1996: № Ш7103/С-16).

Рис. 5. Южный фасад. На поверхности стены в центральной части сохранилась облицовка из кирпичной мозаики и несколько выше середины высоты следы в растворе горизонтального майоликового пояса из трех рядов вертикально расположенных плиток. 1978 г. Фото из архива АКН при КМ РУз

В 1996 г. в честь 660-летия Амира Темура осуществлен рабочий проект консервации южной части и благоустройство территории

Рис. 6. Панорама комплекса Дор-ус Саодат. 1993 г. Фото из архива АКН при КМ РУз.

комплекса одновременно с археологическими исследованиями (архив АКН при КМ РУз, 1996: № Ш7137/С-16), разработан рабочий проект реставрации худжр и минарета мечети Хазрати Имам (архив АКН при КМ РУз, 1996: № Ш7153/С-16). Проведены также работы по благоустройству территории между комплексами Дор ус-Саодат и Дор ут-Тиловат (архив АКН при КМ РУз, 1996: № Ш7097/С-16).

Третий этап реставрационных работ по комплексу Дор ус-Саодат охватывает начало XXI в. В 2002 г. был создан рабочий проект по электроснабжению и освещению комплекса Дор ус-Саодат. На юбилейных объектах были проведены реконструкционные работы (архив АКН при КМ РУз, 2002: № Ш7081/М-67), которые позволили сохранить уникальную архитектуру комплекса. Однако реставрация комплекса

Рис. 7. Озелененная зона, расположенная между комплексами Дор ут-Тиловат и Дор ус-Саодат Фото А. У. Рауповой, 2023 г.

Дор ус-Саодат на этом не остановилась. В 2014–2016 гг. были проведены масштабные реконструктивные работы, которые включали в себя благоустройство и озеленение площади между комплексами Дор ут-Тиловат и Дор ус-Саодат. Это позволило создать уникальное пространство, где посетители могут насладиться красотой архитектуры и природы (рис. 7).

Мемориальный комплекс является не только объектом культурного и исторического значения, но и центром притяжения для туристов и исследователей, интересующихся культурным наследием Центральной Азии. Важно продолжать проводимые исследования и работу по его сохранению, чтобы будущие поколения могли лицезреть это уникальное свидетельство величия древней архитектуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Абдураззак Самарканди. Матлъи Саъдайн ва Мажмаи Бахрайн / Перевод А. Уринбаева. Ташкент, 1969. С. 100, 220, 243–274.

Гулямов Я. Г. Склеп Джахонгира в г. Шахрисабзе // Известия АН УзССР № 2. Ташкент, 1949. С. 102–103.

Клавихо Рюи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403–1406) / Пер. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 233–234.

Засыпкин Б. Н. «Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация» // Вопросы реставрации. Москва, 1936.

Фосих Ахмад ибн Джамол ад-дин Мухаммад Хавафи. Мужмали Фасихи / Перевод Д. Юсуповой. Ташкент, 1980. С. 175, 180.

Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1979. С. 26–33.

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисябз при Темуре и Улугбеке // Труды Среднеазиатского Государственного университета, в. 49. Ташкент, 1953.

Пугаченкова Г. А. Историко-архитектурная характеристика памятников в Шахрисабзе эпохи Темура

и Улугбека. Архив АКН при КМ РУз. № 5117. Ташкент, 1993. С. 1–2.

Султанов Х. Т., Гильманова Н. В. Историко-архитектурное и художественное наследие Кашкадарьи. Ташкент, 2022. С. 328.

Султанов Х. Т. Новые данные об архитектурном комплексе Хазрати Имам в г. Шахрисабзе // Архитектура и строительство Узбекистана (САУ). № 7. Ташкент, 1987. С. 29–30.

Шараф ад-дин Али Йизди. Зафарноме (Книга побед). Ташкент, 1972. С. 331, 332.

Юсупова М.А. Дор ус-саодат — как уникальный эксперимент в мемориально-культовом зодчестве эпохи Амира Темура // Всеобщая важность изучения и содействия развитию науки и культуры в период Темуридов. Республиканская научно-практическая конференция. Тошкент, 2021. С. 135–140.

Архивные данные:

Заключение о гидрогеологических условиях и проект мероприятий по осуществлению реставрационных работ на территории памятников архитектуры склепа Темура в комплексе Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе и дворца Худоярхана в г. Коканде. Архив Агентства культурного наследия при Кабинете Министров Республики Узбекистан (Далее Архив АКН при КМ РУз). № 9601/Л-68. Ташкент, 1993.

Заключение об инженерно-геологических условиях на объекте: «Комплекс Дор ус-Саодат» в г. Шахрисабзе. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7098/Б-93. Ташкент, 1993. С.1-2.

Засыпкин Б. Н. Памятники Шахрисабза. Архитектурные памятники Средней Азии. Вопросы реставрации. Архив АКН при КМ РУз. № К1497/Б-49. М., 1928.

Инженерное обследование и заключение по реставрации и конструктивному укреплению мечети Кок-Гумбаз в г. Шахрисабзе. Архив АКН при КМ РУз. Ташкент, 1993.

Комплекс Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Книга I. Том 2. Рабочий проект консервации южной части и благоустройства территории комплекса. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7137/С-16. Ташкент, 1996.

Комплекс Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Проект реконструкции входной группы склепа Темура с дополнительными археологическими исследованиями на северо-восточной части и консервации археологических остатков. Книга I. Том I. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7103/С-16. Ташкент, 1995.

Комплекс Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Проект реконструкции входной группы склепа Темура с дополнительными археологическими исследованиями на северо-восточной части и консервации археологических остатков. Книга I. Том I. Археологические исследования. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7103/С-16. Ташкент, 1994.

Отчет по археологическим исследованиям комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе в 1994-1995 гг. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7131/С-16. Ташкент, 1995.

Проект благоустройства территории между комплексами Дор ус-Саодат и Дор ут-Тиловат в г. Шахрисабзе. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7097/С-16. Ташкент, 1996.

Рабочий проект по мавзолею Хазрати Имам комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Архив АКН при КМ РУз. № Ш9703/Б-82. Ташкент, 1995.

Рабочий проект реставрации худжр и минарета мечети Хазрати Имам комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7153/С-16. Ташкент, 1996.

Рабочий проект электроснабжения и электроосвещения юбилейных объектов в г. Шахрисабзе, Кашкадарьинской области. Альбом 1. Комплекс Дор ут-Тиловат. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7081/М-67. Ташкент, 2002.

РД консервации и частичной реставрации археологических остатков в северной части комплекса Дор ус-Саодат. Отчет доархеологических исследований. № Ш7132/С-16. Ташкент, 1993. Архив АКН МК РУз.

Реставрационное задание на разработку научно-проектной документации реконструкции входной группы склепа Темура, консервации археологических остатков и благоустройства двора комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7131/С-16. Ташкент, 1994.

РП консервации и частичной реставрации археологических остатков в северной части комплекса Дор ус-Саодат. Книга I. Том I. Научные исследования и проектные предложения по консервации. Архив АКН при КМ РУз. № Ш7132/С-16. Ташкент, 1993.

СИТОРА-БОНУ САДИКОВА
Международный исследовательский институт «Шёлковый путь»
Самарканд, Узбекистан

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ГИС В АРХИТЕКТУРНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ УТРАЧЕНЫХ САДОВ АМИРА ТЕМУРА

Ключевые слова: Сады Амира Темура, Самарканд, ГИС, картографирование, интерактивные карты, архитектура, проект, возрождение.
Аннотация: Статья посвящена поэтапной научно-практической работе автора, направленной на архитектурное возрождение исчезнувших садов Амира Темура в Самарканде. Особое внимание в статье уделено эффективности использования инструментов GIS при поиске исторических мест садов Темуридов и создании интерактивной информационной карты «Сады Амира Темура в Самарканде» на основе спутниковых карт открытого доступа. Автором были изучены средневековые исторические труды XV в., вакфные документы XVI–XVII вв., дневники археологических исследований и научные труды современных историков XX века, проведены тахеометрические измерения на местности, создана топография бывших территорий садов Амира Темура. В результате автором были созданы проектные предложения по архитектурному воз-рождению нескольких садов и дворцов Амира Темура в Самарканде.

Kalit so'zlar: Amir Temur bog'lari, Samarqand, GIS, xaritalash, interaktiv xaritalar, arxitektura, loyiha, qayta ti-klash.
Annotatsiya: Maqola Samarqandda yo'qolgan Amir Temur bog'larini arxitektura nuqtai nazaridan qayta tiklashga qaratilgan muallifning ilmiy-amaliy ishlari bosqichlariga bag'ishlangan. Maqolada Temuriy bog'larining tarixiy joylarini aniqlash va «Samarqandgi Amir Temur bog'lari» nomli ochiq ma'lumotlarga asoslangan sun'iy yo'ldosh xaritalari yordamida interaktiv informatsion xarita yaratish uchun GIS vositalaridan foydalanish samaradorligiga alohida e'tibor qaratilgan. XV asrga oid o'rta asr manbalari, XVI–XVII asrlardagi vaqf hujjatlari, arxeologik tadqiqotlar kundaliklari va zamonaviy tarixchilarning XX asrdagi ilmiy asarlari o'rganilgan. Geodezik o'lchovlar amalga oshirilib, Amir Temur bog'larining eski hududlarining topografiyasi yaratilgan. Natijada, muallif tomonidan Samarqanddagi bir nechta Amir Temur bog'lari va saroylarini arxitektura nuqtai nazaridan qayta tiklash bo'yicha loyiha takliflari ishlab chiqilgan.

Keywords: Amir Timur gardens, Samarkand, GIS, mapping, interactive maps, architecture, project, revival.
Abstract: The article is dedicated to the step-by-step scientific and practical work of the author aimed at the architectural revival of the lost gardens of Amir Timur in Samarkand. Special attention is given to the effectiveness of using GIS tools to locate historical sites of Timurid gardens and to create an interactive information map, «Amir Timur Gardens in Samarkand,» based on open-access satellite maps. The author studied 15th-century medieval his-torical texts, 16th–17th-century waqf documents, archaeological research diaries, and 20th-century works of modern historians. Topographic surveys of the former garden areas were conducted, and the topography of these areas was recreated. As a result, comprehensive project proposals were developed for the architectural restoration and revitali-zation of several gardens and palaces associated with Amir Timur in Samarkand.

Введение. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев уделяет большое внимание охране, сохранению и популяризации исторического, культурного наследия в исторических городах нашей страны. 30.08.2001 г. был принят важнейший Закон Республики Узбекистан № 269-II «Об охране и использовании объектов культурного наследия». Следует также отметить, что уделяется большое внимание развитию сферы устойчивого туризма, был принят ряд важнейших Указов Президента: УП-60 РУз. от 28.01.2022 г «Стратегии развития нового Узбекистана на 2022 2026 годы» — Цель 35, пункт 4: «Увеличение объема туристических услуг как минимум в десять раз в последующие пять лет путем трансформации Самарканда во «Врата туризма». Обеспечение занятости

40 тысяч человек в сфере туризма (УП-5781: от 13.08.2020 г.).

В настоящее время экотуризм, агротуризм, устойчивый туризм и геологический туризм приобретают особое значение в Узбекистане — политический курс нашего Правительства направлен на создание конкурентоспособного бренда местных памятников истории и культуры с целью привлечения потока отечественных и зарубежных туристов-любителей природы, интересующихся не только архитектурными достопримечательностями, но и природными красотами нашей страны, разнообразием ее геоландшафта, богатством ее недр, садово-парковым искусством. В истории Средней Азии эпоха правления Темуридов примечательна мощным развитием социально-экономических отношений, укреплением политической власти, культуры, архитектуры и всемирно известными садами.

В настоящее время в Узбекистане приобретает особое значение экотуризм, агротуризм и устойчивый туризм в сельской местности. Политический курс нашего правительства направлен на создание конкурентоспособного бренда местных памятников истории и культуры с целью привлечения потока отечественных и зарубежных туристов-любителей природы, интересующихся не только архитектурными достопримечательностями, но и старинным садово-парковым искусством. В истории Средней Азии эпоха правления Темуридов примечательна мощным развитием социально-экономических отношений, укреплением политической власти, культуры, архитектуры и их всемирно известными садами. Эти сады Амира Темура и Темуридов стали новшеством в исламской архитектуре. Сегодня ни одного из семнадцати садов Темуридов в Самаркандской области не существует — к сожалению, они постепенно разрушались в течение XVI–XVII вв. в связи со сменой правящей династии, последующим политическим и культурным упадком, опустошительными набегами кочевников, поэтому на сегодняшний день у нас нет точных сведений об их точном историческом местоположении, размерах и площади.

В ходе исследования автором были изучены историко-литературные источники: вакфные документы — юридические средневековые записи, сведения историков придворных литографов Темуридов. К примеру, дневник посла и путешественника Руй Гонсалеса де Клавихо XIV–XVвв описывающего дворцы и сады Амира Темура (Руй Гонсалес де Клавихо, 1990: 111). Из хроник придворных летописцев: Абу Тохир Ходжа (Абу Тахир Ходжа, 1898: 162–163), Руй Гонсалес де Клавихо, Шараф ад дин Али Йаздий (Йазди Шараф ад-Дин Али, 2008: 333), Мирзо Бобур (Бабур Захиреддин, 1993: 257) мы узнаем, что Амир Темур поочередно отдыхал в садах на обратном пути из военных походов. Тщательное сопоставление наблюдений с историческими описаниями из литературных источников летописцев и несколькими архивными отчетами об археологических раскопках советских ученых дало обоснованный научный результат.

Следует подчеркнуть, что ранее в научных работах советских ученых местонахождение садов Амира Темура координационно не устанавливалось, было предположительным, так как сведения о расположении садов в разных литературных источниках были описаны довольно противоречиво и не увязывались с картой местности. Статья посвящена поиску новых методов глубокого теоретического исследования данных о садах и «Хиабанах» Темуридов XIV–XV вв. и практическому применению инструментов Геоинформационных систем (ГИС) для обработки собранных данных с целью последующего определения их исторического месторасположения для архитектурно-графического возрождения этих садов.

Бесспорная эффективность применения ГИС-технологий в области архитектуры, градостроительства ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства подтверждается рядом возможностей, которые она планомерно открывает (Садикова, 2024). Кроме того, ГИС дает возможность изучать изменение геопространственной среды на протяжении веков, создавать визуализацию данных, определять исторические изменения географического ландшафта Самаркандской области. Выполнив сопоставление и сравнение старых карт Массона (Массон, 1953) и Бартольда (Бартольд, 1963: 207–209) с

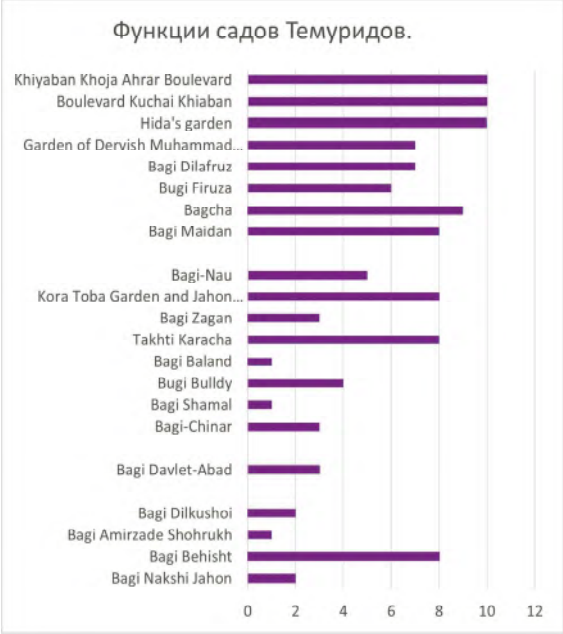


Диаграмма № 1. Функциональные особенности самаркандских садов Темуридов (Автор Садикова С. Н.)

современными цифровыми, автор статьи определила местонахождение 12 из 17 садов Темуридов XIV–XVI вв. Кроме того, автором были найдены на спутниковой карте исторические месторасположения средневековых архитектурных объектов, описанные в летописях средневековья, в трудах советских историков и в отчётах археологических экспедиций (Пугаченкова, 1951).

Эффект «трехмерного рельефа» карты Google Earth эффективно помог отличить археологические «тепа», «курганча» от искомых остатков платформ садовых зданий на спутниковой карте, что дало возможность создания интерактивной карты садов Темуридов и «Хиабанов», которые когда-то соединяли тенистым зеленым коридором сады между собой и с Самаркандской цитаделью, служили в средние века главными прогулочными рекреационными улицами для народа Самарканда. Были обработаны и систематизированы данные о размерах, расположении, функциях, архитектурных особенностях каждого сада Темуридов вокруг Самарканда для их последующего архитектурного возрождения.

Примечательно, что Google Earth использует данные цифровой модели рельефа, что создает впечатление трехмерного рельефа даже на двухмерном изображении, этот эффект очень помог при выделении некоторых специфических черт таких холмов, «курганов» и «тепа» в пригородных районах Самаркандской области. Проблема, с которой столкнулась автор статьи, в том, что эти археологические объекты – культовые «тепа» и «курганы» – настолько часто встречаются на ландшафте Самаркандской области, что, несомненно, затрудняли поиски и идентификацию Темуридских садов

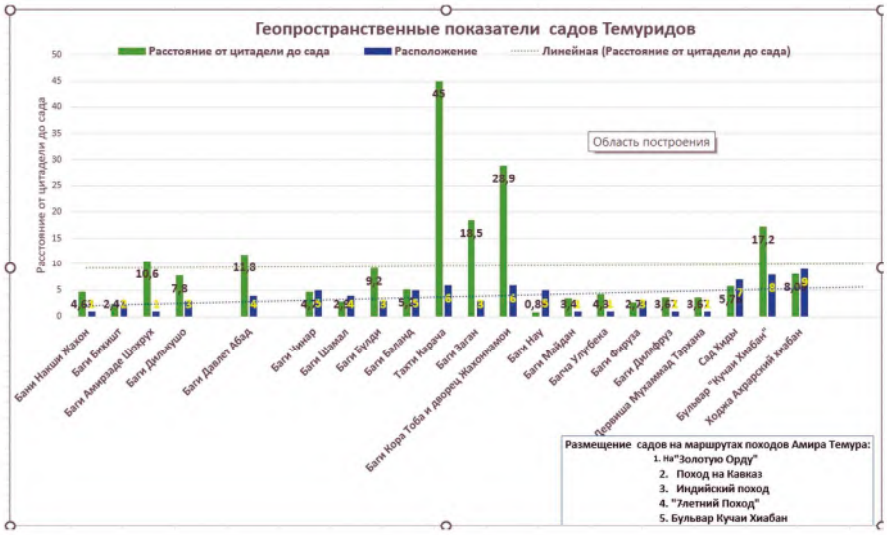


Диаграмма № 2. Геопространственные показатели садов Темуридов (Автор Садикова С. Н.)

– путь победоносного возвращения Амира Темура из Индийского похода
– «Кучан Хиабан»
– Хиабан «Ходжа Ахрар»
– траектория возвращения Амира Темура из «7-летнего похода»

Рис. 1. Интерактивная карта садов Самарканда XIV–XVI вв. с маршрутами возвращения Амира Темура из походов (Автор Садикова С. Н.)

(точнее, остатков садовых дворцов, обычно возводившихся на насыпных платформах).

С помощью платформы ArcGIS и Google Maps автором была создана карта-схема маршрута посещения Амиром Темуром садов и дворцов на обратном пути из победоносных походов (Рис. 1). Так, была выявлена стратегическая составляющая при выборе Амиром Темуром места под строительство сада.

Архитектурное возрождение Темуридских садов Самаркандской области потребовало фундаментальных исследований и анализа, так была проведена масштабная работа, которая состояла из следующих этапов:

1. Сбор данных из средневековых, советских и современных литературных источников.

2. Обработка собранного материала, классификация.

3. Исследование спутниковой карты Самаркандской области, поиск исторического местоположения садов и идентификация:

3.1 исторических мест садов Темуридов;

3.2 современного состояния местности, очертания садов;

3.3 уточнение, на каком стратегическом маршруте Амира Тимура располагался каждый сад.

4. Создание интерактивной «рассказывающей историю» карты в Google Maps.

5. Создание архитектурных проектных предложений по возрождению следующих садов Амира Темура: Баги Дилькушо, Баги Бульди, Баги Давлет Абад, Баги Накши Джахон, Баги Чинор, Баги Амирзаде Шохрух (Рис. 2,3).

1. «Сад в чью либо честь» — это сад, созданный по приказу Амира Темура в честь любимого члена семьи (сына, внучки, жены).

2. «Торжественный сад» — для празднования свадеб, религиозных праздников и мероприятий.

3. «Рекреационный природный сад» — с различными фруктовыми деревьями и зоопарком для отдыха на лоне природы.

4. Сад для дискуссий и политических переговоров.

5. Роскошный большой дворцовый сад.

6. Мемориальный сад вокруг мавзолея.

7. Обширный ландшафтный сад с террасами.

8. Спортивный сад для активного отдыха и игры в «Чавган» — конное поло.

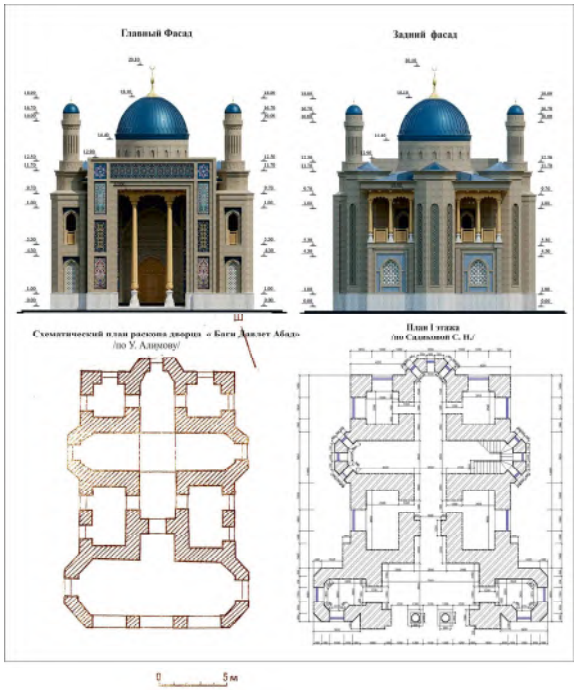


Рис. 2. Схематический план У. Алимова раскопа дворца Давлет Абад; реконструкция плана I этажа, главного и бокового фасадов дворца Давлет Абад С.Н. Садиковой, согласно чертежам У. Алимова

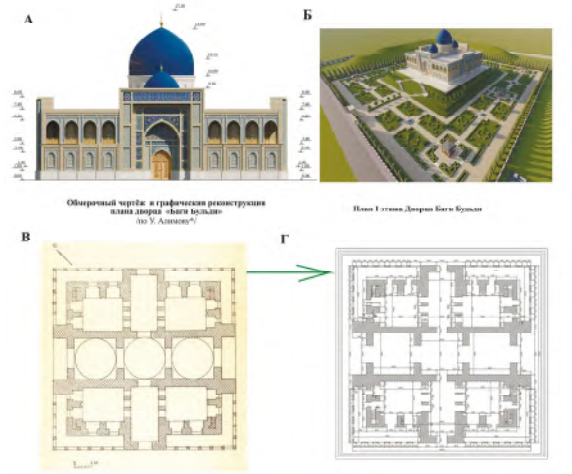


Рис. 3. А. Фасад дворца Баги Бульди; Б. Перспективный вид на сад Баги Бульди В. Чертёж У. Алимова по реконструкции плана дворца Баги Бульди., Г. Чертёж Садиковой С. Н. План дворца Баги Бульди согласно У. Алимову (Автор С. Н. Садикова)

9. Сад с картинной галереей.
10. Бульвар Хиабан.

Интерактивная карта «Сады и Хиабаны Темуридов», в которой подробно описана информация по каждому саду в «Pop up windows» всплывающих окнах. «Это, несомненно, дало дополнительную возможность систематизировать, анализировать географическую информацию, по крупицам собранную автором путем анализа исторических литературных источников. Анализ и детальное изучение автором созданной ею интерактивной карты выявило много скрытой информации об особенностях расположения некоторых садов. Автор опубликовала карту в открытом доступе для местных и зарубежных туристов, для людей науки и искусства, всех, кто интересуется историей садово-паркового искусства Средней Азии» (Sadikova, Amindjanova, 2023: 386, 388). (Рис. 1).

Советский археолог — учёный Уткур Алимов — произвёл ряд изысканий на местности с целью найти, произвести археологические раскопки садовых дворцов Амира Темура (Алимов, 1984:16–30).

В результате поисков в 1967–1969 гг. У. Алимов нашёл лишь платформы от бывших дворцов, обмерил остатки траншей от фундаментов — это всё, что оставалось на тот момент от роскошных дворцов Сохибкирана. У. Алимов сделал чертежи реконструкций планов дворцов Баги Давлет Абад, Баги Дилькушо и Баги Бульди.

Проанализировав собранный материал, создав интерактивную карту «Сады Темуридов в Самарканде», автор приступила к созданию проектного предложения по архитектурному возрождению садов Амира Темура: Баги Накши Джахон, Баги Чинор, Баги Амирзаде Шохрух, Баги Дилькушо, Баги Давлет Абад и Баги Бульди, три последних были спроектированы согласно параметрам обмерных чертежей У. Алимова (Рис. 2, 3, 4).

Таким образом, сады Амира Темура вокруг Самарканда (XIV–XV вв.) — это яркий пример величия и могущества империи Темуридов, историческое культурное достояние не только нашей страны, но и всей Средней Азии. В случае их возрождения эти сады, бесспорно, будут лидерами в нише достопримечательностей устойчивого

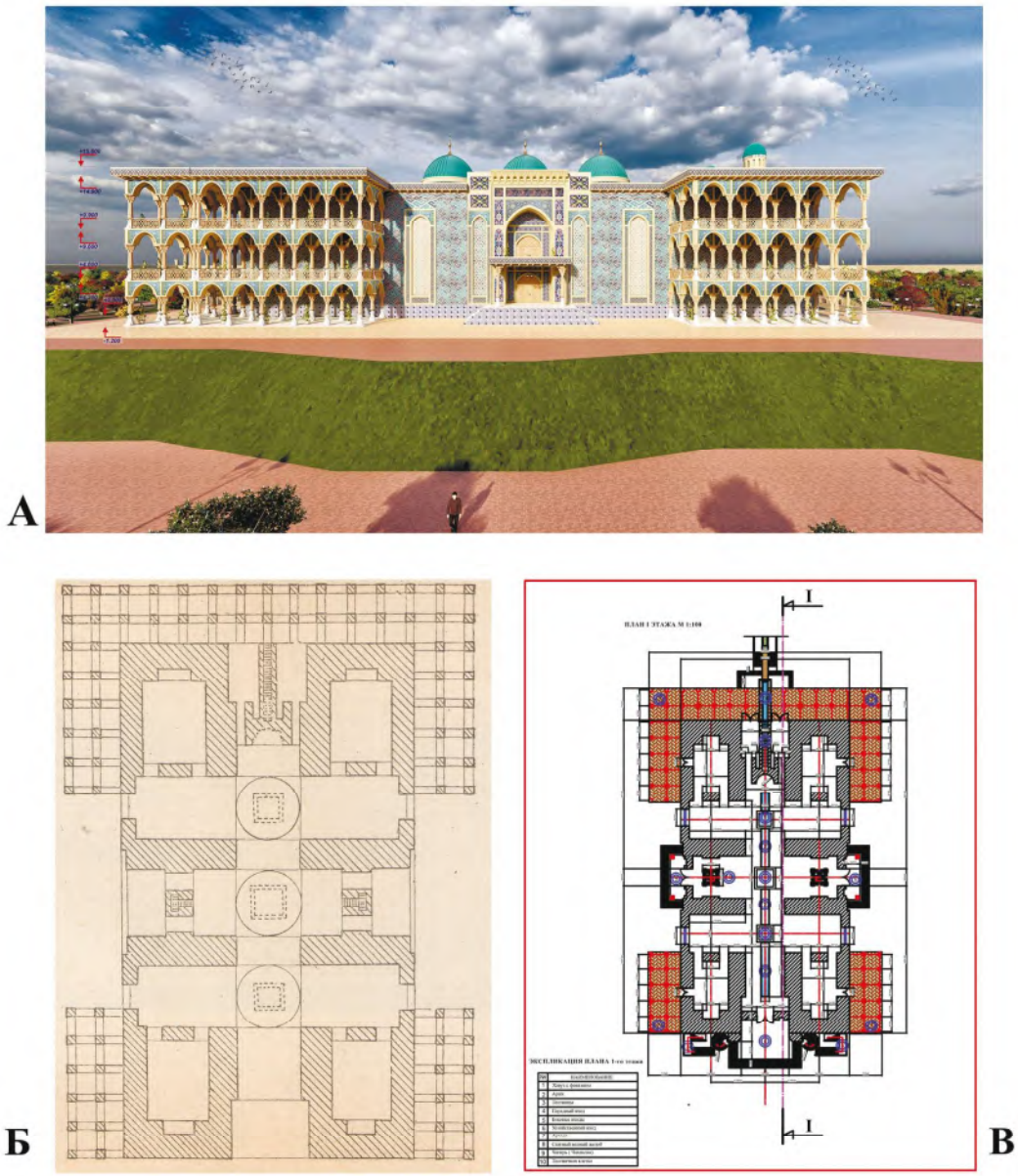


Рис. 4. А. Боковой фасад дворца Баги Дилькушо Б. Чертёж У. Алимова по реконструкции плана дворца Баги Дилькушо В. Чертёж Садиковой С.Н. План дворца Баги Дилькушо согласно У. Алимову (Автор С. Н. Садикова)

экологического и культурного туризма Узбекистана.

Поскольку сохранение и возрождение исторического культурного материального и нематериального наследия, а также развитие устойчивого туризма в Узбекистане являются приоритетными задачами государственного масштаба, возрождение роскошных садов Темуридов в Самарканде станет грандиозным историко-культурным, экологическим событием, которое положительно скажется на всех сферах устойчивого развития региона.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5781 от 13 августа 2020 года «О мерах по дальнейшему развитию сферы туризма в Республике Узбекистан»; https://lex.uz/ru/docs/5841063

Абу Тахир Ходжа.Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перевод под ред. В.Л. Вяткина. Ташкент: Фан, 1898. С. 162–163.

Алимов У. Ўрта асрларда, Мовароуннаҳрда боғчилик хужалиги тариҳи. Ўзбекистон. Тошкент. Фан. 1984. С. 16–30.

Бабур Захиреддин. Бабур-наме. Пер. Сольера. Изд. 2-е. Ташкент, 1993. С. 257.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения II (1), М., 1963. С. 207–209.

Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Перев. со староузбекского, предисловие, комментарии, указатели и карта Ашрафа Ахмедова. АН РУз, Институт востоковедения. Ташкент: SAN'AT. 2008. С. 333.

Руй Гонсалес де Клавихо. Historia del gran Tamorlan Sevilla, 1582 г. Перевод И.С. Мирокова. Москва: Наука. Главное издание восточной литературы, 1990. С. 111.

Массон М.Е. Известия Среднеазиатского государственного университета «Археология Средней Азии». Издательство САГУ. Новая серия релизов XLIX. (Гуманитарные науки, кн. 6). Ташкент, 1953.

Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Амира Тимура и Тимуридов. Труды САГУ, вып. XXIII. Ташкент, 1951.

Садикова С.Н. Архитектурное возрождения садов темуридов в Самарканде с помошью инструментов ГИС // Архитектура и строительство Узбекистана. № 3. Ташкент, 2024.

Sadikova S., Amindjanova S. GIS contribution to the collection and processing of the data for an architectural and graphic reconstruction of the Timurids' gardens in Samarkand region. E3S Web Conf., 386 (2023) 06005 DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202338606005

ЖАНАТ СЕЙДАЛИЕВА
Управление историко-культурного наследия Комитета культуры Министерства культуры и информации Республики Казахстан
Астана, Казахстан

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СФЕРЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: культурное наследие, закон, планирование, археология, фонд, научная реставрация, музей-заповедник, приспособление, инфраструктура.
Аннотация: в данной статье освещены вопросы государственного регулирования сферы охраны и использования объектов историко-культурного наследия в Республике Казахстан, а также актуальные вопросы сферы с точки зрения Уполномоченного регулирующего органа.

Kalit so'zlar: madaniy meros, qonun, rejalashtirish, arxeologiya, fond, ilmiy restavratsiya, muzey-qo'riqxona, moslashtirish, infratuzilma.
Annotatsiya: Ushbu maqolada Qozog'iston Respublikasida tarixiy va madaniy meros obyektlarini muhofaza qilish va ulardan foydalanish sohasini davlat tomonidan tartibga solish masalalari, shuningdek, Vakolatli tartibga soluvchi organ nuqtai nazaridan sohaga oid dolzarb masalalar yoritilgan.

Keywords: cultural heritage, law, planning, archaeology, fund, scientific restoration, museum-reserve, adaptation, infrastructure.
Abstract: This article addresses issues of state regulation in the field of protection and use of historical and cultural heritage objects in the Republic of Kazakhstan, as well as relevant issues in this area from the perspective of the authorized regulatory organization.

В вопросах изучения и сохранения наследия немаловажную роль играет нормативная законодательная основа.

В Казахстане Закон в сфере охраны, сохранения объектов историко-культурного наследия был впервые принят в 1992 году, на заре обретения страной независимости.

По мере целесообразности периодически в Закон вносились изменения и в 2019 году Закон был утвержден в новой редакции.

Таким образом, сегодня государственное регулирование в сфере охраны объектов историко-культурного наследия осуществляется на основе Закона Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» (Закон, 2019).

В рамках принятия нового Закона были усилены меры, направленные на выявление, учет, сохранение и мониторинг историко-культурного наследия, усилены контрольные функции при проведении исследовательских и научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры.

Одной из эффективных новелл нового Закона является внедрение института планирования археологических и научно-реставрационных работ. Уполномоченный орган в конце каждого года утверждает план на основе предложений центральных и местных исполнительных органов и это дает уполномоченному органу возможность отслеживать ситуацию, где какая работа ведется, и это играет вспомогательную роль в осуществлении государственного контроля. Вне данного плана работы не допускаются, и таким образом любая деятельность, осуществляемая на объектах историко-культурного наследия вне плана, является незаконной.

Еще одним новшеством данного Закона стало принятие Правил и условий проведения археологических работ, предусматривающих обязанности археологов по проведению работ по консервации объектов, восстановлению участков земель и других природных объектов, нарушенных вследствие проведения археологических работ (Правила, 2020).

Рис. 1. Городище Акыртас. Визит-центр. Фото К. Искакова. 2022 г.

Другое нововведение — появление нормы об обязательности осуществления мониторинга состояния памятников, что немаловажно в сохранении объектов историко-культурного наследия. Ежегодно на проведение мониторинга из бюджета предусматриваются средства и выявляются памятники в наихудшем состоянии для проведения научно-реставрационных работ.

В рамках данного Закона была также пересмотрена процедура выдачи лицензии на осуществление археологических и научно-реставрационных работ. Умеренное ужесточение процедуры выдачи лицензии дало положительный эффект, исключив из сферы дилетантские организации. Так, если в рамках предыдущего Закона обладателями лицензии стали более 200 организаций, с введением новой нормы их количество сегодня сократилось до 100.

Действенной новеллой Закона является также то, что историко-культурную экспертизу по объектам могут проводить организации, имеющие одновременно и лицензию, и свидетельство об аккредитации субъекта научно-технической деятельности. В осуществлении данной работы важен научный потенциал организации.

Большим достижением для сферы стало утверждение в 2021 году Нормативов расценок по выполнению научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры. До этого времени расчеты работ производились на основании СНИПов Казахстана, что не способствовало качественной реставрации объектов.

Время быстротечно, со дня принятия Закона в новой редакции прошло пять лет. Анализ положений действующего законодательства и правоприменительная практика в сфере показывают необходимость дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования с учетом современных тенденций.

Необходимость совершенствования законодательства в сфере историко-культурного наследия была также отмечена Президентом в ходе проведения ежегодного Национального курултая (III заседание Национального курултая, 2024).

В этой связи в настоящее время на рассмотрении Мажилиса Парламента находится соответствующий законопроект, направленный на совершенствование законодательства сферы.

Так, новые предложения в Закон предусматривают создание Государственного фонда массовых археологических находок, Единой автоматизированной базы объектов историко-культурного наследия и другие инициативы.

В настоящее время в рамках действующего отраслевого Закона страны охране и сохранению подлежит более 25 тысяч объектов историко-культурного наследия, из которых более 12 тысяч внесены в Государственные списки памятников истории и культуры местного и республиканского значения. На республиканском уровне под охрану взяты 265 памятников, а остальные охраняются местными исполнительными органами 20 регионов. Сегодня Казахстан в Списке ЮНЕСКО представлен 10 памятниками истории, внесенными в рамках двух самостоятельных и одной транснациональной номинации. Из них 8 памятников одной позицией выдвинуты в рамках транснациональной номинации «Великий шелковый путь», подготовленной совместно с Китаем и Кыргызской Республикой. Первый коридор от Казахстана включал объекты Семиреченского оазиса, в настоящее время ведется работа по «Фергана-Сырдарьинскому коридору» совместно с Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызской Республикой.

На местном уровне охрана памятников отведена под юрисдикцию областных управлений культуры, в каждой области созданы Центры по охране объектов историко-культурного наследия, которые непосредственно подчиняются местным областным акиматам, основной задачей которых является инспектирование объектов.

Кроме того, в местах скопления памятников в стране созданы музеи-заповедники областного и республиканского значения, их количество составляет 16 единиц, под оперативное управление которых переданы памятники в регионах. В данном контексте необходимо отметить, что все музеи-заповедники имеют лицензию на осуществление археологических работ, а также аккредитацию субъекта научно-технической деятельности, самостоятельно изучают и проводят исследование объектов, находящихся под их управлением. Научные исследования данными организациями проводятся строго в порядке, установленном Законом Республики Казахстан «О науке и технологической политике». Процедура преднаучной деятельности, в том числе получения одобрения финансирования, предусмотренная данным Законом, довольно жесткая. Для получения одобрения на научный проект приходится музеям-заповедникам пройти несколько этапов научных экспертиз: Государственная научно-техническая экспертиза, Национальный научный совет, Высшая научно-техническая комиссия.

Со стороны государства немало внимания уделяется развитию их инфраструктур. Например, тенденцией последних лет стало строительство визит-центров на территориях музеев-заповедников с экспозиционными залами, коворкинг-центрами, сувенирными лавками, зонами для детей, а также гостиничными номерами и блоками питания. Данная мера особенно удобна для туристов, посещающих отдаленные объекты, где отсутствуют гостиницы, рестораны, столовые и др. Так, на сегодня сданы в эксплуатацию 5 визит-центров (Улытау, Тамгалы, Отырар, Сарайшык, Акыртас), на стадии завершения строительство 4 визит-центров (Сауран, Гаухар-ана, Ордабасы, Иссык), в планах обеспечение визит-центрами еще несколько крупных объектов историко-культурного наследия. Примечательно, что эти визит-центры строятся в местах, где расположены объекты Шелкового пути (рис. 1).

В функционирующих визит-центрах на основании меморандумов с вузами страны создаются центры практических занятий для студентов исторических факультетов с целью дуального обучения. Большое внимание уделяется вопросам приспособления памятников под современное использование и формирования их туристической привлекательности.

Рис. 2. Городище Отырар. Навес и ограждение над археологическим раскопом. В окружении раскопа есть дорожка для посетителей. Фото К. Искакова. 2023 г.

Например, результатом такой работы последних лет стало городище Отырар, объект Шелкового пути. (рис 2)

Ученым известно, что памятник исследовался долгое время, и в целях сохранения его аутентичности работы велись в основном только в части консервации его объектов. Так, в 2020-2022 годах на объекте велись значительные работы по воссозданию его объектов. На территории городища появились дорожки туристического маршрута, вода, освещение, видеокамеры, объекты музейного показа, а для информативности некоторые его объекты были воссозданы в натуральную величину. Имеется мнение, что мы таким образом нарушаем подлинность памятника, но показать свою историю и культуру — также приоритетное направление нашей государственной политики. Вместе с тем такой подход способствовал повышению посещаемости объекта.

Нашим уникальным объектом является мавзолей Ходжи Ахмеда Ясауи, внесенный в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2003 году. В том же году при мавзолее создан Мониторинговый центр, действующий в режиме 24/7, который позволяет дистанционно следить за техническим состоянием объекта и своевременно реагировать на любые изменения ситуации, что стало одной из эффективных мер в сохранении памятника (рис 3).

Таким образом, где возможно в целях обеспечения охраны и популяризации умеренно применяются инновационные технологии, казавшиеся раньше недопустимыми.

Рис. 3. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясауи в Туркестане — объект Всемирного Наследия ЮНЕСКО. Окружение памятника. Фото К. Искакова. 2023 г.

Наши уникальные объекты зачастую состоят из сырцового материала и обеспечение сохранности таких памятников вдвойне сложно, особенно в условиях резко континентального климата. Если говорить о научно-реставрационных организациях, их, к сожалению, в стране единицы. В Казахстане функционирует единственная государственная реставрационная организация с несколькими филиалами в регионах. В целом частных организаций, которые имеют лицензию на осуществление научно-реставрационных работ, достаточно, но в их составе очень мало специалистов-реставраторов. В этой связи реставрационные работы на республиканских памятниках, в том числе имеющих статус международного значения, осуществляются исключительно по государственному заказу.

Со стороны Казахстана уделяется также внимание наследию, относящемуся к истории и культуре Казахстана, но находящемуся за рубежом.

Так, в разные годы проводились научно-реставрационные работы в мавзолее Султана Бейбарса в Египте и Сирии, построен историко-культурный центр аль-Фараби и отреставрировано его надмогильное сооружение в Дамаске (Сирия), на месте захоронения казахского композитора Курмангазы в России построен историко-культурный комплекс и др.

Несомненно, данный Симпозиум и серия тренингов будут способствовать обогащению навыков и знаний по вопросам изучения, сохранения и популяризации культурного наследия Шелкового пути, послужат делу сохранения наших уникальных артефактов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК. Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия /Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000288

Правила и условия осуществления археологических работ. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 20 апреля 2020 года № 20430. / Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020430

III заседание Национального курултая / Электронный ресурс] – Режим доступа: https://quryltai.kz/ru/)

АКМАЛЖОН ЎЛМАСОВ
ЎзР ФА Санъатшунослик институти
Тошкент, Ўзбекистон

ЎЗБЕКИСТОНДА АРХЕОЛОГИЯ ВА МУЗЕЙ АШЁЛАРИНИНГ РЕСТАВРАЦИЯСИДА МУАММО ВА ЕЧИМЛАР

Kalit so'zlar: arxeologiya, muzey, kolleksiya, eksponat, restavratsiya, laboratoriya, xalqaro hamkorlik.
Annotatsiya: Maqolada O'zbekistonda san'at asarlari, jumladan arxeologik va muzey ashyolarini restavratsiya va konservatsiya qilish sohasining bugungi kundagi holati xususida so'z boradi. Xususan, unda Respublikadagi soha bilan bog'liq ilmiy-tadqiqot institutlari va yirik muzeylarda mavjud restavratsiya laboratoriyalari haqida qisqacha ma'lumot berilgan. Shuningdek, maqolada so'nggi yillarda sohada amalga oshirilayotgan islohotlar, xalqaro hamkorlik ishlari hamda mahalliy restavrator kadrlar tayorlash bo'yicha fikr-mulohazalar bayon qilingan. Asosiysi mazkur sohada hozirda ko'zga ko'ringan kamchilik va muammolar ko'tarilib, ularning yechimlari bo'yicha takliflar berilgan.

Keywords: archaeology, museum, collection, exhibit, restoration, laboratory, international cooperation.
Abstract: The article discusses the current state of restoration and conservation of artworks, including archaeological and museum exhibits, in Uzbekistan. It provides brief information about scientific research institutes and restoration laboratories operating in major museums of the country. The article also discusses recent reforms in the field, international cooperation efforts, and issues related to the training of local restoration specialists. Particular emphasis is placed on identifying existing shortcomings and challenges in the field, along with proposals for their resolution.

Ключевые слова: археология, музей, коллекция, экспонат, реставрация, лаборатория, международное сотрудничество.
Аннотация: В статье рассматривается текущее состояние реставрации и консервации произведений искусства, включая археологические и музейные экспонаты, в Узбекистане. В частности, приведена краткая информация о научно-исследовательских институтах и реставрационных лабораториях, действующих при крупных музеях страны. Также в статье обсуждаются реформы, проводимые в данной сфере в последние годы, международное сотрудничество и вопросы подготовки местных кадров реставраторов. Основное внимание уделено существующим недостаткам и проблемам в данной области, а также предложены рекомендации по их решению.

Кириш. Ўзбекистон кўҳна тамаддун бешикларидан бири ҳисобланиб, мазкур ҳудудда ибтидоий даврдан ҳозирги кунгача бўлган катта даврни қамраб олувчи бир неча минглаб ёдгорликлар аниқланган. Улардан археологик қазишмалар орқали топилган сон-саноқсиз тарихий-маданий ашёлар бизнинг қадимги тарихимизни очилмаган қирраларини тадқиқ этишда муҳим манба ҳисобланади. Шунинг учун уларни сақлаш, тадқиқ этиш ва кенг жамоатчиликка намойиш қилиш орқали давлат иқтисодиётига, шу билан бирга жамият тараққиётига хизмат қилдириш долзарб масалалардан бири ҳисобланади. Археологик ашёларни асраб қолиш, экспонат ҳолатига келтириш ва умрини узайтириш реставраторлар вазифаси ҳисобланади. Мазкур соҳа вакилларига археологик экспедициялар, музейлар ва илмий-тадқиқот муассасаларида эхтиёж катта бўлиб, бу мамлакатда реставраторларнинг ҳам ўз ўрни борлигини англатади. Шу жиҳатдан мамлакатимизда реставрация соҳасини тадқиқ этиш долзарб ҳисобланади. Мазкур мақола Ўзбекистонда археологик ва музей ашёларини реставрация қилиш соҳасининг ҳозирги кундаги ҳолати, муаммолари ҳамда уларнинг ечимлари бўйича таклифларга бағишланган.

Ўзбекистон Республикаси Давлат статистика агентлигининг маълумотларига кўра, 2022 йил 1 январь ҳолатига кўра Ўзбекистондаги музейлар сони 127 тани, улардаги жами эксопонатлар сони эса 2,2 млн ташкил этган[1] (1-жадвал).

[1] https://yuz.uz/news/ozbekiston-muzeylarida-suratlar-soni-nechta

Бошқа манбаларга кўра музейлар сони 2023 йил 1 январь ҳолатида – 134 та кўрсатилган[2]. Ўзбекистон Республикаси Миллий музей фондининг давлат каталоги расмий сайти маълумотларига кўра, музейлар сони – 55 та, экспонатларнинг умумий сони – 351 335 тани ташкил қилган[3]. Ундан ташқари, Республикада ўнлаб илмий-тадқиқот муассасаларининг коллекциялари, галереялар ҳамда ўзида санъат асарларини жамлаган тўпламларда бир неча юз мингдан ортиқ турли даврларга оид тарихий-маданий ва санъат ашёлари мавжуд. Қолаверса, археологик изланишлар натижасида уларнинг сони ортиб бормоқда. Эндиликда мазкур осори-атиқаларни сақлаш, илмий тадқиқ этиш, реставрация ва консервация қилиш ҳамда намойишга қўйиб туризм соҳасида фойдаланиш бугунги куннинг энг долзарб масалаларидан бири ҳисобланади.

Мамлакатимизда археология ва музей ашёларини реставрация ва консервация тарихига назар ташласак, унинг ибтидоси қадимги даврларга бориб тақалса, илмий-амалий ўрганилиши XIX аср охири – XX аср бошларига тўғри келади. Аввалда "ҳаваскор" тадқиқотчилар, кейинчалик профессионал мутахассислар томонидан тарихий шаҳарлардаги меъморий обидалар ва уларнинг бадиий безаклари фиксация ва реставрация қилинган бўлса, аста-секин ер остидан археологик қазишмалар натижасида топилган осори-атиқалар ҳам мутахассисларни жалб қила бошлади. Вақт ўтиши билан йирик шаҳарларда музейлар ва улардаги коллекциялар сонининг ортиши уларни сақлаш ҳамда экспонат кўринишига олиб келиш учун зарурий ишларни амалга оширишни талаб қила бошлади. Шу тариқа аста-секин реставрация устахоналари пайдо бўлди (Ўлмасов, 2023). Мақсаддан келиб чиқиб рестарвация тарихини баёнидан чекланган ҳолда мамлакатимиздаги кўзга кўринган реставрация лабораторияларига қисқача таъриф берамиз ҳамда сўнгги йилларда соҳада амалга оширилаётган ишлар, соҳадаги муаммолар ва уларнинг ечимлари хусусида сўз юритамиз.

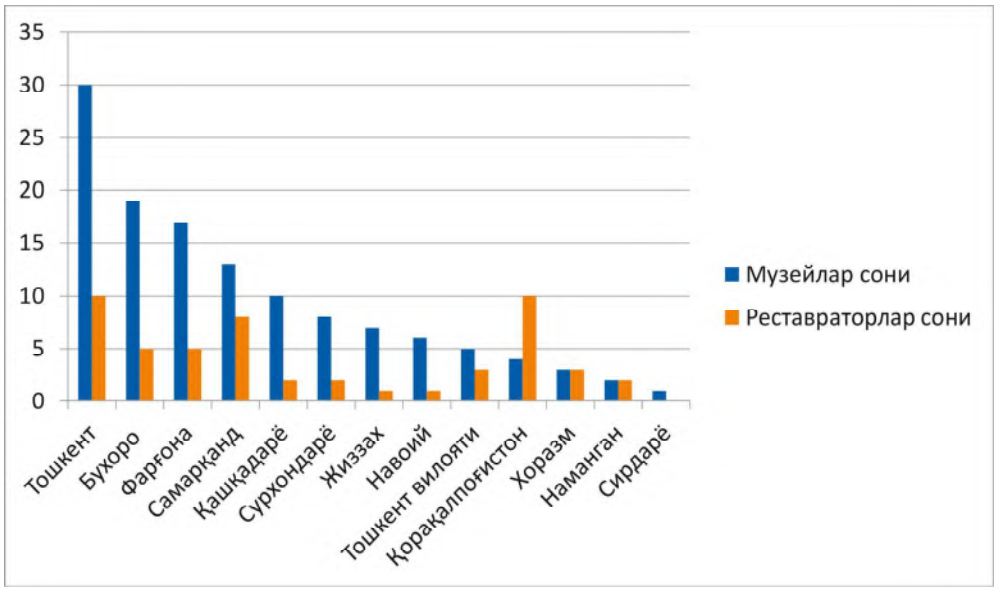
Илмий-тадқиқот институтларининг реставрация лабораториялари. Бугунги кунда Республикамизда археологик ашёлар ва музей экспонатларини реставрация ва консервацияси бўйича бир неча лабораториялар фаолият юритмоқда. Хусусан, улар ичида энг фаол ва кўзга кўринган ишларни амалга ошираётган лабораториялардан бири Маданий мерос агентлигига қарашли Самарқанд археология институтининг "Кимёвий технологик тадқиқотлар, археологик топилмаларни реставрация ва консервация қилиш лабораторияси" ҳисобланади[4]. 1965 йилда Афросиёбда маҳобатли деворий суратлар топилиши билан боғлиқ мазкур ўзига хос устахона 1970 йилдан ҳозирги кунга қадар фаолият юритиб келмоқда. Лаборатория ташкил топган пайтда т.ф.д., проф. А. А. Абдуразаков кўп йиллар мудирлик қилган бўлса, 1999 йилдан к.ф.н. М. А. Реутова раҳбарлик қилиб келмоқда. Узоқ йиллик меҳнат натижасида улкан тажрибага эга бўлган лабораторияда бир неча ўнлаб жонкуяр ва ўз касбининг фидоийлари бўлган реставраторлар етишиб чиқди. Уларга Ш. Илхомов, М. Қамбаров, М. Реутова, Г. Ахадова, Г. Пўлатова, А. Исломов, Р. Кривошей, В. Д. Рузанов, Ж.Сукасняц, Б. Болиев ва бошқаларни мисол келтириш мумкин. Ҳозирга келиб улар сафини М. Султонова, Г. Умарова каби иқтидорли ёшлар тўлдирмоқда.

Ўзбекистонда қадимги санъат асарлари ва археология ашёларини реставрация ва консервация қилиш ҳамда физик-кимёвий тадқиқ қилиш йўлга қўйилган илк илмий-тадқиқот муассасалардан бири шубҳасиз Фанлар академияси қарашли Санъатшунослик институтидир. Ярим асрдан ортиқроқ вақт мобайнида мазкур лаборатория ходимлари томонидан қазишмаларда кўплаб тарихий ёдгорликлар сақлаб қолинди ва умри узайтирилди. Лаборатория мутахассислари археологик ашёларни кимёвий усуллар билан мустаҳкамлаш бўйича янги ишланмалар ва усуллар ишлаб чиқди. Янги кашфиётлар собиқ Бутуниттифоқ миқёсида патентланди. Шу билан бирга, улар томонидан сопол, мато, метал каби буюмларнинг физик-кимёвий таҳлил ишлари амалга оширилди. "Санъат асарларини илмий реставрация ва консервация қилиш эксперимент лабораторияси" 1960 йилда Институнинг "Ўзбекистон санъатшунослик экспедицияси" (ЎзСЭ) таркибида

[2] https://kun.uz/ru/news/2023/05/18/skolko-muzeyev-funksioniruyet-v-uzbekistane

[3] http://goskatalog.uz/catalog?fond_id=102

[4] https://www.arxeologiya.uz/kimyoviy-texnologik-tadqiqotlar



1-диаг. Ўзбекистонда музейлар ва улардаги реставраторлар сонининг қиёсий кўрсаткичлари

кимёгар Е. Ф. Федорович раҳбарлигида ташкил топган. Лабораторияга кимёгар мутахассислар С. Вивденко, С. Левушкина, В. Лунева, Н. Сотникова ҳамда ҳайкалтарошлар В. Лунев, Д. Рузыбаев, Х. Хуснутдинходжаев каби соҳага оид турли янги мутахассислар жалб қилинган. 90-йилларнинг охирига келиб ЎзСЭ реставраторларига узоқ йиллар Самарқанддаги археология институтида ишлаган кимёгар-реставратор Ш. Илхомов ва рассом А. Исломовлар келиб қўшилди. 2000-йилларнинг ўрталарига келиб олдинги авлод вакиллари ўз ўринларини ёшларга бўшатиб берди. Аввалда бўлимга рассом-реставратор А. Ўлмасов, кейинчалик бирин-кетин Ю. Сючь, У. Рахмонов, М. Бекназарова, Б. Вахобжонов, бироз муддатдан сўнг улар ўрнига А. Нормуродов, О. Толлиев, Г. Алимжонова, А. Тожиевалар келди (Улмасов, 2022).

Археологик топилмалар реставрацияси ҳақида гап кетганда, ЎзР Фанлар академияси Қорақалпоғистон гуманитар фанлар илмий-тадқиқот институтининг реставрация лабораториясини ҳам эслаб ўтиш жоиз. Ўтган асрнинг 50-йилларидан бошлаб институтнинг археологик экспедицияси томонидан Амударёнинг қуйи оқимининг иккала қирғоғида, кейинчалик эса Қорақалпоғистоннинг деярли бутун ҳудудида жойлашган қадимий ёдгорликларда кенг кўламли археологик тадқиқотлар олиб борилди. Мустақиллик шарофати билан институтда халқаро алоқалар ривожланиб, илк ташкил этилган экспедициялардан бири Қорақалпоқ-Австралия археологик экспедицияси Тошқирмон воҳасидаги ёдгорликлар ва Ақчахон-қалъа (ёки Қозоқли-Яткан) ёдгорликларида археологик тадқиқотлар олиб борди. Натижада институтда кўплаб археологик ашёлар тўпланиб, улар асосида "Орол археологияси музейи" ташкил этилди. Музей ашёларини реставрация қилиш ва консервация қилиш ушбу институтда кўзга кўринган рассом-реставратор В. Н. Ягодин томонидан амалга оширилди.

Музейларнинг реставрация лабораториялари. Нафақат Ўзбекистонда, балки Ўрта Осиё ўлкасида энг кўҳна ва илк ташкил топган музейлардан бири – Ўзбекистон тарихи Давлат музейи ҳисобланади. Музей фонди Марказий Осиёда яшаган халқларнинг ривожланиш тарихини намойиш этувчи 250 мингдан ортиқ ашёларга эга. Музейда узоқ йиллар ишлаган илмий ходимлардан шу нарса маълум бўлдики, бу масканда фаолият юритган илк кашшоф реставратор М. В. Столяров бўлган. Мазкур мозийгоҳ фидойи илмий ходимларининг ишларида музейга умрини бағишлаган ва унинг ривожида ўзининг муносиб ҳиссасини қўшган

мутахассис Турди Миргиязов (1896-1951 йй.) тажрибали реставратор сифатида тилга олинади. Л. И. Альбаум мутахассислиги ва профессионал фаолиятига кўра археолог-тарихчи бўлса ҳам, қазишмаларда топилган ашёларни реставрация ва консервация қилиш, уларни музей экспонатлари сифатида ишлов бериш ва экспозициялар ташкил қилишда ҳам фаол бўлган Шунингдек, музейда у ташкил топгандан ҳозирги кунгача бўлган даврда фаолият юритган реставраторлар ва соҳага алоқадор мутахассиларга М. Столяров, Т. Миргиязов, Н. Нехорошева, В. Минасянц, О. Арипджанов, А. Горин, Д. Қаюмова, Н. Қаландарова ва бошқаларни мисол келтириш мумкин (Ўлмасов, 2024).

Намунавий реставрация лаборатория сифатида нафақат Ўзбекистон ёки Ўрта Осиё, балки бутун жаҳонга донғи кетган И. В. Савицкий номидаги Қорақалпоғистон Давлат санъат музейини келтириш мумкин. Игор Витальевич Савицкий асос солган мазкур музейда мил. авв. III асрдан то XX асрнинг 20-30 йилларига оид юз мингга яқин ноёб маданият ва санъат ашёлари жамланган. Музейда дастлабки реставрация ишларини И. Савицкийнинг ўзи бажарган. Музейнинг расмий веб-саҳифасида реставрация бўлими 1966 йилдан буён фаолият кўрсатиб келаётгани қайд қилинган. Ундаги маълумотлардан музейда турли йўналишларда фаолият юритган реставраторлар эсланади. Улар орасида А. Квон, Э. Жолдасов, Ю. Буслов, Ж. Куттимуратов, Р. Ковалева, Р. Халитов, Р. Байрамова, А. Шпаде, З. Гасанова, К. Бекимбетов, Д. Самекеев, Р. Матчановлар номини кўриш мумкин (Ўлмасов, 2024).

Мамлакатимиздаги кўҳна, энг йирик ва машҳур музейлар қаторига Ўзбекистон Давлат санъат музейини киритиш лозим. Музей 1918 йилда ташкил қилинган бўлиб, унинг асосида собиқ Россия империясининг князи Н. К. Романов коллекцияси ётади. Унинг коллекциясида рус ва Ғарбий Европа усталарининг рангтасвир, графика ва ҳайкалтарошлик асарлари, мебел, чинни, бронза ва бошқа амалий санъат объектлари мавжуд. Манбалардан музейда тасвирий санъат асарларини реставрация қилиш лабораторияси 1935 йилда ташкил қилинганини билиш мумкин. Ўзбекистондаги музейлар ичида илк ташкил бўлган мазкур тажрибавий устахона биринчилардан бўлиб рассом-реставратор Н. Н. Нехорошева фаолият юритган. Унинг моҳир қўлларидан музейнинг 200 дан ортиқ дастгоҳли рангтасвир асарлари реставрация қилинади. Лабораториянинг яна бир жонкуяр рассом-реставратори П. С. Прожелуцкая музейда қисқа муддат ишлашига қарамасдан 20 дан ортиқ санъат асарларини ҳаётга қайтарган (Мухамедова, 2020).

Музейда фаолият кўрсатган реставраторларга З.Ғуломов, А.Йўлдошев, ҳайкалтарош-реставраторлар Д. Рузибаев, ганч безаклар реставрацияси билан шуғулланган В.Капелькинларни мисол келтириш мумкин. Мустақилликдан сўнг музейда рангтасвир асарларни кўпайиши реставратор мутахассисларни жалб қилишга туртки берди. Шу мақсадда музейга рассом-реставраторлар Бобур Мелиев, Дилшод Азизов Бахтиёр Ботировлар таклиф қилинди.

2000-йилларнинг бошларига келиб Республика музейлари ва илмий-тадқиқот муассасалари таъмирлаш лабораторияларида илмий-ижодий ўсишнинг сустлашишини кузатиш мумкин. Бунга аввало айрим лаборатория ходимларининг нафақа ёшига тўлгани, шунингдек, ўша пайтдаги мамлакатдаги иқтисодий-ижтимоий вазиятни сабаб қилиб кўрсатиш мумкин. Аниқроғи, ходимларнинг ойлик маошларининг кескин пасайиб кетиши уларнинг ижтимоий ҳаётига салбий таъсир кўрсатди ва кўплаб мутахассислар ривожланган хориж давлатларига доимий яшаш учун кўчиб кетди. Лаборатория мутахассислари томонидан бир неча ўн йиллар давомида йиғилган билимлар, тажриба ва кўникмалар кейинги авлодга эстафета бўлиб ўтмади. Чунки маошларнинг камлиги соҳага ёш кадрларни жалб қилишга ожизлик қилди. Натижада орада бироз узилишлар бўлди.

Сўнгги йилларда соҳада ижобий ишлар амалга оширилаётганини кузатиш мумкин. Бунга аввало соҳага ҳукуматнинг давлат сиёсати даражасида эътибор қаратаётгани, муҳим қарор ва фармонлар имзоланаётганини кўрсатиш мумкин. Жумладан, ЎзР Вазирлар Маҳкамасининг 2019 йил 17 июлдаги №598-сонли қарори билан Ўзбекистон Республикаси Маданият вазирлиги ҳузуридаги Маданият ва санъатни ривожлантириш жамғармаси қошида "Маданий мерос объектлари ва санъат ашёларини реставрация

қилиш илмий-тадқиқот маркази" ташкил топган. Қарорнинг 1-иловасида тасдиқланган марказ тузилмасига кўра бу ерда Тасвирий санъат, Декоратив-амалий санъат, Археология ва тадқиқотлар, Қўлёзмалар бўлимлари ва Физик-кимёвий тадқиқотлар лабораторияси, Рентгенографик ва фотолаборатория, шунингдек, Баҳолаш ва экспертиза ва Вақтинча сақлаш бўлимлари бўлиши керак. Ҳар бир бўлим ва лабораторияга 2 тадан штат бирлиги ажратилган[5]. Марказ Низомига кўра, унинг фаолиятининг асосий йўналишлари этиб маданий мерос объектларини консервация, реставрация қилиш ва асраш бўйича илмий тадқиқотларни ва ишларини амалга ошириш; юқори малакали хорижий мутахассисларни жалб этган ҳолда бу соҳада мутахассислар тайёрлаш ва уларнинг малакасини ошириш орқали реставрация ишларини ривожлантириш; музей фаолияти тизимини такомиллаштиришга кўмаклашиш, маданият ва санъат муассасаларида консервация ва реставрация ишларини яхшилаш белгиланган.

Марказ қисқа фаолияти даврида Европанинг Италия, Германия каби ривожланган давлатларида санъат ёдгорликлари ва музей ашёларини реставрацияси соҳасидаги қатор илмий-тадқиқот муассасалари ва музей лабораторияларига ташриф буюрди. Хусусан, марказ делегацияси аъзолари соҳада олиб борилаётган илмий тадқиқотлар, амалий тажрибалар, лабораториядаги шарт-шароитлар, шунингдек, реставрация фанининг ривожига ҳисса қўшаётган замонавий технологиялар, профессионал кадрлар тайёрлаш, олий ўқув юртларининг фаолияти ҳамда уларнинг тажриба ва ютуқлари билан яқиндан танишишга муваффақ бўлди (Ўлмасов, 2021).

Шунингдек, 2019 йил 19 декабрдаги «2020-2021 йилларда Ўзбекистон Республикасида музейлар фаолиятини такомиллаштириш дастурини тасдиқлаш тўғрисида»ги 1019-сон қарорида:

– коллекцияларни бошқариш, экспонатларни сақлаш ва консервация қилиш тизимини такомиллаштириш. Жумладан, музейлар коллекцияларини сақлаш ва консервация қилиш сиёсатини ишлаб чиқиш ва тасдиқлаш;

– Маданият вазирлиги ҳузуридаги Маданият ва санъатни ривожлантириш жамғармаси ҳузуридаги Реставрация илмий-тадқиқот марказида реставрация фаолияти бўйича курсларни жорий қилиш;

– Ўзбекистон Давлат санъат музейи маданий активларини реставрация қилиш. Маданий активларни реставрация қилиш учун етакчи хорижий реставраторлар билан шартномалар тузиш масаласини ўрганиш каби вазифалар кўрсатиб ўтилган[6].

Музей ашёларини реставрация ва консервацияси Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 26 майдаги ПФ-6000-сон Фармонида ҳам акс этган. Хусусан, Фармоннинг Ўзбекистонда миллий маданиятни янада ривожлантириш концепциясининг 2021-2025 йилларга мўлжалланган Мақсадли кўрсаткичлари жадвалида "Миллий музей фонди таркибига киритилган музей ашёлари ва музей коллекцияларини реставрация, консервация қилиб бориш" белгилаб қўйилган. Унга кўра музей ашёларини реставрация ва консервация қилиб бориш йиллар кесимида (2021 йилда 100 та бўлса, бу кўрсаткич 2023 йилга бориб 230 тани ташкил қилади) олиб борилиши назарда тутилган. Фармонда шунингдек, 2020-2021 ўқув йилидан бошлаб Тошкент архитектура-қурилиш институти, К.Беҳзод номидаги Миллий рассомлик ва дизайн, Ўзбекистон миллий университетида маданий мерос объектларини реставрация (консервация) қилиш бўйича йўналишлар ташкил этиш белгилаб қўйилган[7].

2022 йил 27 май куни қабул қилинган "Музейларда хизматлар соҳасини ривожлантириш чора-тадбирлари тўғрисида" қарорида 2022-2024-йилларда давлат музейларида ихтисослаштирилган реставрация лабораторияларини ташкил қилишнинг манзилли режаси ишлаб чиқилган. Шунингдек, ноёб музей ашёлари ва коллекцияларининг репликацияларини тайёрлаш ҳамда уларни реализация қилиш бўйича 2022-2026 йилларга мўлжалланган мақсадли кўрсаткичлар ҳам белгилаб берилган[8].

Режада 2022-2024 йилларда 14 та давлат музейларида уларнинг йўналиши, экспозицияси,

[5] https://lex.uz/docs/4427574

[6] https://lex.uz/ru/docs/4654077

[7] https://lex.uz/docs/4829149

[8] https://lex.uz/docs/6040013

фондлари ва бошқа омиллардан келиб чиқиб ихтисослашган реставрация лабораториялари ташкил қилиниши кўрсатилган. Қарор кучга киргандан шу кунгача манзилли режада белгиланган вазифаларни кўриб чиқадиган бўлсак, кўплаб музейларда мавжуд лаборатория шароитлари яхшиланган ва айрим керакли жиҳозлар билан таъминланган. Лекин, шунга қарамасдан, музей лабораторияларида амалга оширилиши зарур бўлган жихатлар мавжуд. Масалан, реставрация учун керакли асбоб-ускуналар етишмайди, айниқса, химреактивлар билан таъминлашда муаммолар етарлича. Айрим музейларда реставрация лабораториялари алоҳида бўлим сифатида мавжуд эмас, балки 1-2 штат бирлиги асосида фаолият юритади. Асосийси музейларнинг йўналишларидан келиб чиқиб реставраторларнинг мақоми аниқ белгиланмаган, яъни рангтасвир реставратори ёки матолар реставратори ва ҳ.к. Аввалда мавжуд бўлган реставраторларнинг тоифалари ҳам бугунга келиб ўз кучини йўқотган.

Соҳадаги жиддий муаммолардан яна бири бу реставрация лабораторияларининг шарт-шароитлари ва моддий-техник базаларининг етарли эмаслигида дейиш мумкин. Қолаверса, реставрация ва профилактик консервация жараёнлари учун керакли асбоб-ускуналар, жихозлар, асосийси химреактивлар етишмаслиги амалий жараёнларнинг жуда суст боришига сабаб бўлмоқда. Илмий-тадқиқот институтлари ва музейларда керакли кимёвий моддалар олиш учун маблағ етарли эмас. Ҳатто муассасаларнинг махсус рақамларидаги ўз маблағларни керакли асбоб-ускуна ва жихозлар, кимёвий моддалар сотиб олиш учун сарфлашда кўплаб қийинчиликлар мавжуд.

Хулоса. Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, Республика бўйича илмий-тадқиқот институтлари ва музейларда реставрация лабораториялари етарли эмас. Борларида ҳам ҳолат бир хил эмас, яъни айрим музей лабораторияларига эътибор кучлироқ, айримларига эса умуман йўқ. Лекин баъзи реставрация лабораториялари кўзга кўринадиган ишларни амалга ошириб келмоқда. Мазкур лабораториялардаги узоқ даврийликни қамраб олган узлуксиз жараён ва тўпланган амалий тажрибаларни авлоддан-авлодга етказилиши ўзига хос реставрация мактаблари шаклланишига туртки берган. Бунга Самарқанд археология институти, И. Савицкий номидаги санъат музейларини мисол келтириш мумкин. Мазкур масканлардаги тажрибали ва малакали реставраторларнинг илмий ишланмалари Ўзбекистонда санъат ёдгорликларни реставрация қилиш соҳасини ривожлантиришда амалий аҳамияти катта. Шунингдек, улар томонидан ишлаб чиқилган археологик ашёларни реставрация ва консервация қилиш ва сақлаш усуллари нафақат ўзларининг лабораториялари, балки Республиканинг бошқа илмий-тадқиқот муассасалари ва музейлари реставраторлари учун хизмат қилиб келмоқда.

Бундан келиб чиқадики, соҳадаги мавжуд камчилик ва муаммоларга қарамасдан сезиларли муваффақиятлар ҳам бор. Алалқисса, ҳар қандай соҳанинг ривожи ўша ердаги мутахассисларнинг фидоийлиги, ўз касбини севиши ва маъсулиятни ҳис қилишига боғлиқ. Умуман олганда эса, археология ва музей ашёларини асраб-авайлаш нафақат мутахассисларнинг вазифаси, балки давлат ва жамиятнинг умумий масъулиятидир. Давлат томонидан қўллаб-қувватлаш, халқаро ҳамжамиятнинг фаол иштироки ва касбий тайёргарлик даражасини ошириш Ўзбекистонда реставрациянинг долзарб муаммоларини ҳал этишда зарур қадам бўлади. Биз биргаликда маданиятимиз ва тарихимизни келажак авлодлар учун сақлашга муҳим ҳисса қўшишимиз мумкин.

Таклифлар. Эндиликда Республикада реставрация соҳасини тубдан яхшилаш, ёш кадрларни жалб қилиш, соҳани ривожлантириш учун қуйидаги ишларни амалга ошириш муҳим деб ҳисоблаймиз:

– Миллий реставрация марказига Республика бўйича соҳани мувофиқлаштириш (координация) га ихтисослаштириш;

– марказда соҳанинг алоҳида тор ихтисосликлари (сопол, тош, метал, ёғоч, шиша, мато ва ҳ.к.) бўйича реставраторлар тайёрлаш курсларини ташкил қилиш;

– марказда хорижий тажрибали мутахассисларни жалб қилган ҳолда маълум бир мавзуларга йўналтирилган тренинг ва семинарлар ташкил қилиш;

– марказ қошида реставраторларга тоифалар берадиган аттестация комиссиясини тузиш;

– реставрация лабораториялари мавжуд илмий-тадқиқот институтлари ва музейларнинг

кутубхоналарини соҳага оид хорижий илмий-техник адабиётлар, қўлланмалар билан таъминлаш (энг муҳимларини таржималар қилиш);

– реставратор мутахассислигига илмий ходим тоифасини бериш;

– соҳада таҳсил олаётган талабалар ва ёш мутахассисларни ривожланган хорижий мамлакатларга ўқишга, малака оширишга юбориш;

– соҳа олий ва ўрта-махсус таълим юртлари, илмий-тадқиқот муассасаларининг таъмирлаш лабораторияларини моддий-техник базасини яхшилаш, замонавий асбоб-ускунлар, инструментлар, реставрацияда фойдаланиладиган хом-ашё ва кимёвий моддалар билан таъминлаш;

– шунингдек, соҳага оид илмий, илмий-техникавий адабиётлар, қўлланмалар, замонавий дастурлар ва ҳ.з.лар билан таъминлаш зарур ва шарт.

Реставратор кадрларни тайёрлаш борасида:

– талабаларни ўқув-амалиёт дарсларини эркин олиб бориши учун институт биносида шароит яратиб бериш, моддий-техник базасини яратиш ва лаборатория жиҳозлари билан таъминлаш;

– институт билан мутахассисликка тегишли муассасалар (музей, таъмирлаш марказлари, экспедициялар ва б.) ўртасида алоқаларни йўлга қўйиш;

– юқоридаги муассасаларда ушбу мутахассисликка бўлган эътиборни янада кучайтириш;

– пойтахт ва вилоятларда ушбу тизимдаги фаолиятни мувофиқлаштириш ёки кадрларни вилоятларда ишлашга бўлган хоҳишини ошириш ва ҳоказо.

Бугунги кунда ушбу ноёб мутахассис кадрларни тайёрлаш тизимини янада яхшилаш ва ривожлантириш учун қуйидагиларни амалга ошириш лозим деб ўйлаймиз. Яъни:

– олий таълим муассасасига иложи борича лицей ва коллеж талабаларини конкурс асосида қабул қилиш;

– уларни соҳага бўлган қизиқиши борлигини ҳисобга олиш, улар билан бевосита мутахассис – ўқитувчи суҳбатини таъминлаш;

– мутахассислик бўйича ўқув соатлари кўрсаткичини ошириш;

– таклиф қилинаётган ёш ўқитувчиларни ушбу соҳа ривожланган (хориж) муассасаларида малакасини оширишини таъминлаш;

– интеллектуал кадрлар тайёрлаш учун зарур бўлган қўшимча мутахассислик (масалан, ҳайкалтарошлик, кулолчилик) дарсларини киритиш;

талабаларнинг ёзги амалиёт дарсларини мутахассисликдан келиб чиқиб (масалан, археологик қазишмаларда, таъмирлаш марказларида) ўташини таъминлаш ва ҳоказо.

ФОЙДАЛАНГАН АДАБИЁТЛАР:

Мухамедова М.С. XX асрда Ўзбекистонда музей иши амалиётида тасвирий санъат асарлари реставрацияси мактабининг шаклланиши // ТДПУ илмий ахборотномаси. №9, 2020. Б. 200-204. (ISSN 2181-9580).

Ўлмасов А.Ф. Реставрация соҳасида хориж тажрибаси (Германия мисолида) // К. Бехзод номидаги МРДИ Ахборотномаси. Тошкент, 2021. №4 (8). 42–47 б.

Улмасов А. Ф. Научно-реставрационная деятельность Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания // Материалы международной научно-практической конференции. Алматы «Қазақ университеті», 2022. С. 116–120.

Ўлмасов А. Ф. Ўзбекистонда реставрация тарихи // SAN"AT журнали, 2023. 3-сон. 20-22 бетлар.

Улмасов А.Ф. Реставрационная школа Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И. В. Савицкого // Вестник КОАН РУз, №4 (273). Нукус, 2023. С. 46–50.

Ўлмасов А. Ф. Ўзбекистон тарихи Давлат музейининг реставрация фаолиятига доир // Моддий-маънавий мерос ва умумбашарий қадриятлар Республика илмий-амалий конференция материаллари. 16-китоб. Т.: ЎзР ФА ЎТДМ, 2024. Б. 341–349.

https://yuz.uz/news/ozbekiston-muzeylarida-suratlar-soni-nechta

https://kun.uz/ru/news/2023/05/18/skolko-muzeyev-funksioniruyet-v-uzbekistane

http://goskatalog.uz/catalog?fond_id=102

https://www.arxeologiya.uz/kimyoviy-texnologik-tadqiqotlar

https://lex.uz/docs/4427574

EMINE SIBEL HATTAP
Mimar Sinan Fine Arts University
Istanbul , Turkey

CULTURAL HERITAGE PROTECTION EXAMPLE ON THE SILK ROAD: GÖYNÜK – TURKEY

Keywords: Silk Road, Cultural Heritage, Protection, Göynük, Turkey.
Abstract: Göynük is a district in the southwest of Bolu ,located in the Black Sea Region of Turkey and on the historical Silk Road. Rich in old Turkish houses from the early 20th century, the district has been declared an "Urban Protected Area" with its entire settlement area due to its 137 historical houses, 21 mosques, tombs, fountains, baths, towers and graveyards, totaling 158 civil architectural works. In this study, the contributions of the local municipality and university cooperation for the sustainable protection and development of Göynük will be examined with case studies. This Protection project received the Project Award of the Historical and Cultural Heritage Protection Project and Applications Encouragement Competition.

Kalit so'zlar: Ipak yo'li, madaniy meros, himoya, Goynyuk, Turkiya.
Annotatsiya: Turkiyaning Qora dengiz mintaqasida va tarixiy Ipak yo'li bo'ylab joylashgan tuman, Bolu shahrining janubi-g'arbiy qismida Goynyuk hisoblanadi. XX asr boshlaridagi eski turk uylari bilan boy bo'lgan bu hudud o'zining 137 tarixiy uyi, 21 masjidi, maqbaralari, favvoralari, hammomlari, minoralari va qabristonlari bilan birga, jami 158 ta fuqarolik arxitekturasi ob'ekti sababli «Shahar muhofaza hududi» deb e'lon qilingan. Ushbu tadqiqotda Goynyukni barqaror himoya qilish va rivojlantirish bo'yicha mahalliy hokimiyat va universitet hamkorligining hissasi o'rganiladi. Himoya loyihasi tarixiy va madaniy merosni saqlash bo'yicha loyihalar va amaliyotlarni rag'batlantirish tanlovida loyihalar mukofotini qo'lga kiritgan.

Ключевые слова: Шелковый путь, культурное наследие, защита, Гёйнюк, Турция.
Аннотация: Гёйнюк, расположенный в черноморском регионе Турции и на историческом Шелковом пути, является районом на юго-западе Болу. Богатый старинными турецкими домами начала XX века, этот район был объявлен «Городской охраняемой территорией» вместе со всей своей застройкой. Здесь насчитывается 137 исторических домов, 21 мечеть, мавзолеи, фонтаны, бани, башни и кладбища, всего 158 объектов гражданской архитектуры. В данном исследовании будут рассмотрены вклад местной муниципалитетской и университетской кооперации в устойчивую защиту и развитие Гёйнюка на примере конкретных кейсов. Этот проект по защите получил награду проекта в Конкурсе поощрения проектов и применения по защите исторического и культурного наследия.

Introduction. The Silk Road is a world-famous trade route starting from China and extending through Anatolia and the Mediterranean to Europe. This route has been the route not only for merchants but also for sages, armies, ideas, religions and cultures from east to west and from west to east.

The Silk Road has great importance in Turkish history and the basic elements of Turkish culture. The Great Silk Road, which is the only transportation route connecting the vast geographical regions where the Turks live, connected all the Turkish tribes, developed their trade relations and ensured their unity and solidarity. It played a major role in the establishment of large settled units with very high cultural levels of its period. Turkish states also played a major role in the Great Silk Road becoming famous. The caravans prepared by these states carried various trade goods from east to west and from west to east on this route. The importance that the Turks attached to this route is explained in an Uzbek proverb as follows: "There are two great roads in the universe: The Milky Way in the sky and the Silk Road on earth" (Bartholt, 1963:59).

The Silk Road played an important role in the establishment and development of economic relations between the Turkish people and the people of China, the Caucasus, Russia, India, and also the people of Arab countries. In addition, this road caused the Turkish people to settle in new lands. As a result, it led to the mutual development of science and civilization

among these peoples. Centuries before Christ, the Egyptians and later the Romans bought silk from the Chinese. Transportation was provided by caravans following routes called the Silk Road. Silk and spices coming from the Far East played an important role in international relations for the Western world. The Silk Road also ensured that Eastern culture was recognized by the West. The transportation of the silk and spices of the East to the West by caravans created trade routes from China to Europe (URL-1).

Goynuk has received the title of Citta Slow, has preserved its historical texture and is a town known for its traditional Turkish houses located on the Silk Road.

Location and History of Göynük. Göynük is a district located in the southwest of Bolu, with seven neighborhoods and sixty-six villages, famous for its "sugar beans," "uğut marmalade," "buckled covers," and "wood carvings." The district, which is rich in old Turkish houses from the early 20th century, has been declared an "Urban Protected Area" due to its 137 historical houses, 21 mosques, tombs, fountains, baths, towers, and graveyards, totaling 158 civil architectural works. The district also has a historical mosque, bath, and mansion built by Gazi Süleyman Paşa in the 14th century (URL-2).

It is thought that the first settlers in the Bolu region were the Bebriks. The Bithynians, who came from the west, settled in this region, which is thought to be called Bebrikya, after the 8th century BC. The main settlements in this land called Bithynia were Kienos (later Prusias, today Konuralp) and Bithynion (today Bolu). Following Alexander's death, the independent Kingdom of Bithynia was established in the Bolu region. It is thought that the first settlers in the Bolu region were the Bebriks. Bithynians who came from the west settled in this region, which is thought to be called Bebrikya, after the 8th century BC. The oldest known name of Göynük is «Koinon Gallicanon». The district is in the settlement area of Turkish principalities, Byzantine, Roman and Ottoman civilizations. Written works belonging to the Byzantine period were found in the villages of Susuz, Kilciler, Narzanlar, Boyacılar and in the vicinity of these villages. There are also ruins of a church in Kilciler Village. There are historical works and structures that have survived to the present day in the town (URL-2).

In addition to the protected structures in the district, the entire settlement area is an urban protected area. The studies conducted on this subject were combined with previous research and past and present situations were determined. The last comprehensive study was carried out in 1991 with the joint efforts of the Bank of Provinces, Göynük Municipality and the Cultural and Natural Heritage Protection Board, and the «Conservation Development Plan», which is still in effect, was prepared and put into effect (URL-2).

University and Local Government Cooperation. A protocol was signed between Göynük Municipality (project owner-employer) and T.C. Mimar Sinan Fine Arts University (contractor) on 03.05.2013 regarding the construction of 'Historical City

Figure 1. General view of Göynük (Kemal Kazan)

Figure 2. The part of Göynük Historical Bazaar located on Ankara Street (S. Hattap, 2016)

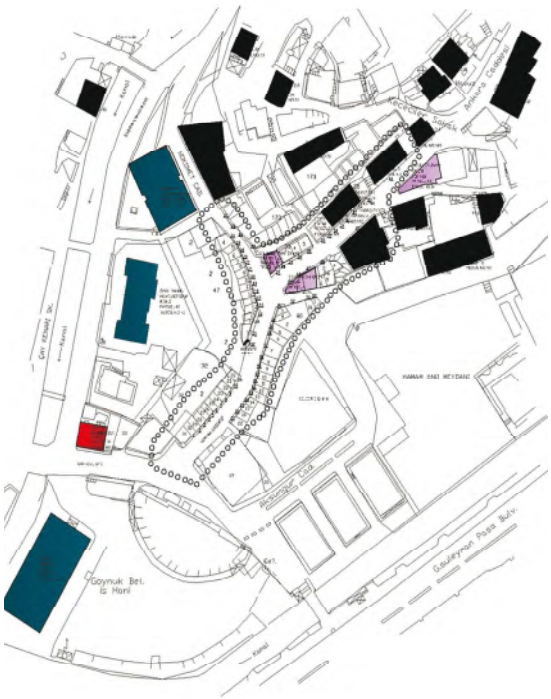


Figure 3. Bolu/Göynük Arasta Bazaar and scope of the study area (MSGSU Hattap Projet Works 2016)

Center Arasta Bazaar Facade Improvement Projects'.

The Subject and Scope of the Contract is the survey studies and preparation of restoration projects of the historical Arasta Bazaar, which consists of 57 unregistered shops, 9 registered shops and 1 registered fountain and covers a total of 67 structures in the historical city center of Göynük District, Bolu Province, to be carried out by the contractor. Within this scope, restitution studies and reports of the structures included in the contract were also carried out. A second protocol was signed with Göynük Municipality on 01.06.2015 and with this additional protocol, it was decided that the survey, restitution and restoration projects of 7 more structures would be prepared by the contractor. As the executive of both projects, Assoc. Prof. Dr. Sibel Hattap was assigned by the Presidency of Mimar Sinan Fine Arts University. Within the scope of both protocols, Assoc. Prof. Dr. Sibel Hattap and Res. Asst. Selim Sani Güngör, MSGSÜ Vocational School Architectural Restoration Program students carried out the survey studies of the mentioned buildings in Göynük, hosted by Göynük Municipality. Later, the projects were completed within the scope of Survey III and General Restoration Project courses. On 8.12.2016, the projects included in the scope of the two protocols were approved by Ankara I Numbered Cultural Heritage Preservation Board.

Survey Report. The survey, restitution and restoration projects prepared under the name of Göynük Bazaar Facade Improvement Projects cover approximately 73 structures located on Ankara and Hükümet Streets. 11 of these structures are registered works, those on island 40 and island 2 are single-storey, and the structures on islands 173, 53, 38 and 54 are two-storey. Although the upper floors of the two-storey structures were generally designed as residences, they began to be used as warehouses for shops over time. Today, the upper floors of many structures are not used. During the survey, measurements could not be taken from the inside of some of these structures due to the abundance of materials.

Restoration Report. Arasta's restoration projects were carried out in the form of «facade improvement». Plan schemes were used as in the survey, and the damaged parts were corrected in some places. Unqualified signs and tiles on the facades were removed. Wood

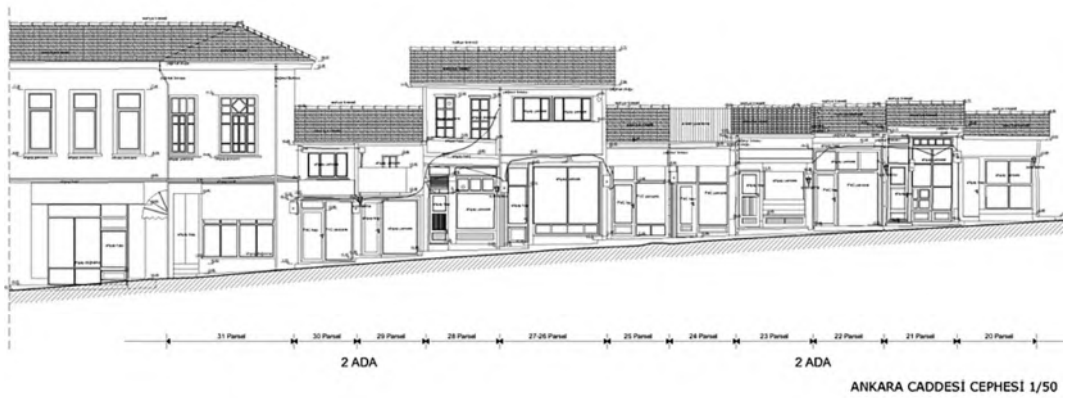


Figure 4. Ankara Street Facade Work (MSGSU Hattap Projet Works 2016)

was used in the joinery, and in some structures, joinery was made in accordance with the restitution. The entrances to the shops and the tile mosaic stairs at the entrance were arranged.

If given an example of the Restoration Projects; PVC joinery in Block 2, parcel 30 was made of wood. The roof covering was made of Turkish style tiles, and the sign on the facade was also removed. The facade was arranged by preserving the joinery and window proportions.

Block 2, parcel 29 consists of two floors. The wooden-looking PVC joinery that is currently replaced with wooden joinery. The roof covering, which was Marseille, was changed to Turkish style tiles as in the restitution. Unqualified parts and signs on the facade were removed.

Conclusion and suggestions. The name of the "Street Rehabilitation Projects" mentioned in the Protocol Regarding the Construction of Street Reinforcement Projects of Arasta Bazaar in the Historical City Center of Göynük Municipality, signed between Göynük Municipality and Mimar Sinan Fine Arts Universty Rectorate on 03.05.2013, was deemed appropriate by the Rectorate, this name change was rearranged in the protocol and accepted in 2014.

The entire Project Budget is within the scope of the grant aid project named "300 Works in 3 Years" of the Historical Cities Union. In the restitution and restoration projects of the structures in Göynük, where survey works were carried out, it was aimed to remain loyal to

Figure 5: Goynuk Ankara Street 53 island 1-5 parcels (2016).

Figure 6. Göynük Gürcüler Museum House (Kemal Kazan)

Figure 7. Restored houses and clock tower (Kemal Kazan)

Figure 8. Cittaslow Göynük

their original textures and to clean them from extraneous additions and materials.

The example of the city of Göynük located on the Silk Road, in cooperation with the university and local government, contributing to sustainable protection and development, has not only been an effort to transfer the historical texture to the future years, but also enabled the students who are candidates for restoration to take measurements on site and to complete their surveying studies, and to evaluate these studies as internships. In addition, the students had the opportunity to experience Göynük, which has a very rich culture in terms of its lifestyle, buckled covers and wood carvings, historical texture and cultural heritage, and they internalized the necessity of protection awareness. The protocols signed between the Göynük Municipality and Mimar Sinan Fine Arts University have achieved the targeted goals. It is a responsibility for the world culture to restore other historical cities located on the Silk Road with protection awareness and to transfer them to the future generations.

Historical And Cultural Heritage Protection Project and Applications Encouragement Competition, 2016 Results According to the protection project, Göynük Municipality was given the project award due to the project approaches that connect the main protection areas of the city, the holistic perspective of protecting the traditional Ottoman urban texture by considering the castle/bazaar/ neighborhood triangle together and the efforts of the projects to create defined areas by revealing the symbolic places of the city.

REFERENCES

Barthold, V. V. Türkistan Kültür Hayatının Tarihi- Moskova. 1963.

Göynük Belediyesi Arşivleri

MSGSÜ, MYO Mimari Restorasyon Programı Göynük Çalıştayı Çalışmaları

Soysaldı, Ayşen., 2010. Göynük, Göynük Belediyesi Yayınları, Bolu.

URL-1. İpek Yolu ve Türk Dünyasının Tarihi – Bugünü 10 Aralık 2020/ Dr. Shurubu Kayhan https://www.turksam.org/detay-ipek-yolu-ve-turk-dunyasinin-tarihi-

URL-2. http://goynuk.bel.tr/goynukun-tarihcesi/

РАХИМА ЧЕКАЕВА
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, РЕКОНСТРУКЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА ЧАРМ ГАР ЧОР БОГ В КАРМАНА

Ключевые слова: орнамент, дворцовый комплекс, пахса, мехмонхона, реконструкция и реставрация.
Аннотация: Данная статья посвящена проблеме сохранения, реконструкции и реставрации дворцового комплекса Чарм Гар Чор Бог в Кармана. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения, анализа и применения элементов декоративно-прикладного искусства в практической, проектной работе и использовании дворца как туристического объекта. Проблема сохранения, реконструкции и реставрации дворцового комплекса в Кармана является актуальной задачей, поскольку он представляет большой интерес не только в конструктивном и декоративном отношении, но и как памятник на туристическом маршруте с богатой историей. В методологии изучения научной литературы для раскрытия и понятия тематики исследования автор статьи обращается к естественным, гуманитарным и общественным наукам, декоративно-прикладному искусству Узбекистана, истории архитектуры, истории края и культурологии.

Kalit so'zlar: ornament, saroy majmuasi, paxsa, mehmonxona, rekonstruksiya va restavratsiya.
Annotatsiya: Ushbu maqola Karmona shahridagi Charm Gar Chor Bog' saroy majmuasini saqlash, rekonstruksiya va restavratsiya qilish muammolariga bag'ishlangan. Tadqiqotning dolzarbligi dekorativ-amaliy san'at elementlarini o'rganish, tahlil qilish va ularni amaliy, loyihaviy ishda qo'llash hamda saroyni turistik ob'ekt sifatida foydalanish zaruratidan kelib chiqadi. Karmana shahridagi saroy majmuasini saqlash, rekonstruksiya va restavratsiya qilish muammosi nafaqat konstruktiv va dekorativ jihatdan, balki boy tarixga ega bo'lgan turistik marshrutning yodgorligi sifatida ham dolzarb masala hisoblanadi. Tadqiqot mavzusini ochib berish va anglash uchun maqola muallifi tabiiy, gumanitar va ijtimoiy fanlar, O'zbekistonning dekorativ-amaliy san'ati, arxitektura tarixi, mahalliy tarix va madaniyatshunoslikka murojaat qiladi.

Keywords: ornament, palace complex, pakhsa, guesthouse, reconstruction and restoration.
Abstract: This article addresses the challenges of preserving, reconstructing, and restoring the Charm Gar Chor Bog palace complex in Karmana. The relevance of the research is underscored by the necessity to study, analyze, and apply elements of decorative and applied arts in practical design work and to repurpose the palace as a tourist attraction. The preservation, reconstruction, and restoration of the palace complex in Karmana represent a pressing issue, as it is of significant interest not only for its structural and decorative features but also as a historical monument on a tourist route rich in heritage.
In the methodology of this study, the author draws on scientific literature to explore and understand the research topic, engaging with natural, humanitarian, and social sciences, as well as the decorative and applied arts of Uzbekistan, architectural history, regional history, and cultural studies.

Введение. Актуальность темы определяется общим интересом к изученности данного исторического объекта — «Дворцового комплекса Чарм Гар Чор Бог» в Кармана. Кармана — один из исторических городов, расположенных на Великом шелковом пути, и если провести реконструкцию сохранившейся части дворцового комплекса, то можно включить в туристический маршрут по Кармана следующие объекты: мавзолей Косим Шейха, дахму эмира Абдул-Ахад-хана, мавзолей Мир Саид Бахрома, мечеть Хазрат Мавлоно Ориф Деггароний в Хазара; летнюю резиденцию караханидских правителей с сардобой, ранее она значилась как караван-сарай Рабати Малик (Немцева, 2000: 234). Это доказывает теоретическую (издание учебного пособия для студентов-архитекторов) и практическую (использование орнамента в проектной работе — в деревянных домах в Боровом) значимость данной темы.

Поселение на этом месте в долине Зарафшана известно с III в. до н. э. Временем первого расцвета Кармана были X–XI вв.,

Рис. 1. Вид на айван гарема с внутренним двором (реконструкция). Декоративное оформление интерьера гостиной гарема (из архива Пардаевой Р. У.), 1968 г.

второго — XVI в., когда город представлял для Абдулла-хана II ценность как родина и место упокоения самого Косим-шейха — суфийского мудреца и духовного наставника хана. Видимо, тогда же Кармана стала официальной резиденцией наследника престола; она уступала по населению и богатству Карши и Шахрисабзу, но по политическому весу была вторым городом (Ситняковский, 1900: 173–174). Последний расцвет был в 1892–1910 гг. — эмир Абдул-Ахад-хан, пытавшийся интегрироваться в элиту Российской империи, рассорился с бухарским духовенством, переселился в Кармана, из которой с большей охотой выезжал в Крым и Железноводск, чем в Бухару (наследник Алим-хан по этой же причине руководил вторым по старшинству бекством Насаф с центром в Карши (Ханыков, 1843: 293).

Основная часть. Дворцовый комплекс Чарм Гар Чор Бог в Кармана, или резиденция Мирзачорбог, был построен в 1900–1905 гг. эмиром Бухары Сеид Абдул-Ахад-ханом. Дворец считался летней резиденцией последних эмиров Бухары, служил жилищем и помещением для приема иностранных послов, здесь решались многие вопросы по управлению эмиратом при Абдул-Ахад-хане. Дворцовый комплекс располагался рядом с рекой Зарафшан, на пересечении улиц Мирзачорбог и Амир Алим-хан в районе Кохнакурган. Загородный летний дворец представлял собой целый комплекс, был окружен пахсовой крепостной стеной и имел двое входных ворот (автор до 1975 г. жила на территории бывшего монетного двора эмира Абдул-Ахад-хана в жилом каркасном доме с родителями и ежегодно приезжает туда). С севера, со стороны реки Зарафшан, крепостные стены были пахсовые, которые в течение многих лет из-за заброшенности местное население использовало для своих нужд (из материала крепостной стены делали сырцовые кирпичи для строительства домов, заборов, сараев и т. д.). А огромные, добротные балки гарема и дворцовых зданий забирали на строительство домов. Деревянные балки потолков были покрыты резьбой и росписью. Дерево заказывалось в царской России. Внутренние стены украшены резьбой по ганчу и расписаны, руководил работами Усто Ширин Мурадов со своими учениками (Ноткин, 1961: 98).

Дворцовый комплекс включал следующие объекты: 1. Дворец с тронным залом и приёмными помещениями шестигранной формы, которые имели отдельный вход и две комнаты для ожидания. 2. Гарем с залом и шахнишином (на втором этаже было место отдыха, огражденное пятью декоративными решетками) и изолированные помещения ханского гарема с десятью комнатами и подсобными помещениями, а во дворе фонтан с цветниками (ныне территория колледжа и автостанция) (Балаев, 1949: 20). От гарема ничего не осталось (рис. 1). 3. Покои родителей эмира, мать находилась при Абдул-Ахад-хане. 4. Огромный монетный двор, на территории которого до последнего времени при строительстве жилых домов местные жители находили разбитые керамические

Рис. 2. Стены, окна и фундамент помещений дворца, современный вид. Фото автора, ноябрь 2022 г.

Рис. 3. Руины резиденции Мирзачорбог и сохранившийся интерьер, современное состояние. Фото автора, ноябрь 2022 г.

кувшины. 5. Небольшая мечеть для семьи эмира (она находилась недалеко от монетного двора, жители махали до сих пор ее посещают). 6. Баня XVI в., которой пользовалась семья эмира, разрушена в 1975–1980 гг. (баня под землей, сломаны купола и заполнены обломками), сверху построены ворота базара и металлический забор. 7. Открытые дворы с зеленью, беседками, фонтанами и сады были решены в виде чор-бога — четырех садов: Чармгар-чорбог, Гуль-чорбог, Боги олчин, Мирза-чорбог и др. 8. Земская больница из обожженного кирпича (бывший дом врача эмира), находится на территории карманинской больницы. 9. Кухни — ошхона и тандырхона — пекарня. 10. Конный двор.

Дворец построен на деревянном каркасе с заполнением кирпичом и битой глиной. Общая длина здания 45 м. Здание состоит из тронного зала с приемной (6 х 20 м), мадона (коридора или прихожей), двух шестигранных официальных помещений, восьмигранного помещения (голубой зал) и др. В верхней части мадона располагалась болохана — шахнишин. По обеим сторонам тронного зала были большие арки со сталактитами и оконные проемы. Верхние части северной и южной стен комнаты имеют по четыре арочных проема со сталактитами. В европейском стиле выполнены восемь окон в тронном зале (рис. 2). Вход в здание — через две двери, расположенные с северной стороны (Чекаева, 1978: 54). Интерьеры всех помещений были оформлены резьбой по ганчу и росписью (геометрический и растительный орнамент) (рис. 3, 4, 5).

В ноябре 2022 г. во дворе комплекса поставили стенд, где был представлен проект

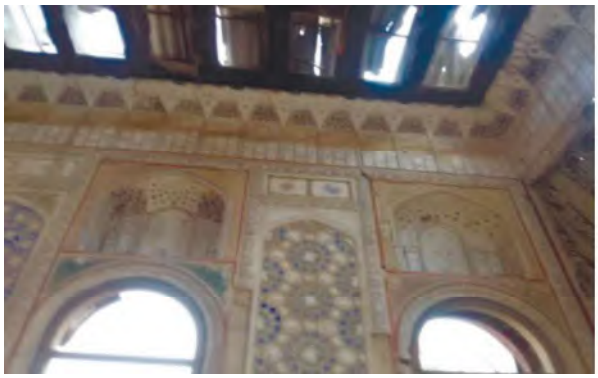


Рис. 4. Интерьер дворца. Конструкции перекрытия зала из деревянных балок с резьбой и росписью. Фото автора, ноябрь 2022 г.

реконструкции, и повесили табличку, что здание находится под охраной, хотя оно было взято под государственную охрану еще в 1968–1970 гг. Автор обращалась в Министерство культуры Узбекистана и получила положительный результат: дворец будет под государственной охраной (замминистра культуры Узбекистана по охране памятников И. М. Азимов выдал документ об охране здания, который передан автором в Карманинский хокимият. Второе письмо — об охране гостевой комнаты гарема — было передано в дирекцию колледжа. Резиденция Мирзачорбог, находясь под государственной защитой, фактически разрушена (рис. 2–4).

Материалы и методы. В качестве методологии исследования автор статьи использует следующие инструменты:

– изучение и анализ исторических материалов по данной теме в библиотеках и архивах Ташкента, Санкт-Петербурга, Бухары, Кармана, а также в отделе охраны памятников при хокимиятах;

– изучение литературы и научных источников по данной тематике позволило научно обосновать методы, был использован комплексный подход в изучении научных трудов, которые включают знания из области таких наук, как декоративно-прикладное искусство Узбекистана, история архитектуры, культурология, история края (Засыпкин, 1948: 161);

– для более глубокого и объективного подхода к решению вопроса о формировании комплекса проведение опроса старожилов, проживающих в этой местности, поиск мастеров меморчи, участвующих в создании объекта;

– выполнение натурных обмерных работ (выполнены чертежи) объекта исследования;

– фотофиксация объекта, зарисовки с натуры;

– выполнение графической работы (построение и отмывка) элементов декоративно-прикладного искусства.

Этапы исследования. Исследование возобновлялось неоднократно:

– Впервые автор занималась изучением объекта в 1968 году (будучи студенткой 2 курса СамГАСИ — обмерная практика, исследование дворцового комплекса Мирзачорбог, или Чарм Гар Чор Бог, в Кармана;

– При выполнении кандидатской диссертации — обмерные чертежи, фотографии и исследовательские материалы, тексты по ним были переданы в Институт искусствознания г. Ташкента (паспорт и учетная карточка памятника);

– Материал исследования включен в кандидатскую диссертацию: «Архитектура Бухарского оазиса XVI — начала XX века»;

– В 2020 г. издана монография «Архитектура дворцового комплекса Чарм Гар Чор Бог в Кармана». В книге исследованы памятники архитектуры бухарского оазиса, объекты, построенные правителями в период бухарского эмирата, рассмотрены элементы декоративно-прикладного искусства (кирпичная кладка, резьба по ганчу и дереву. Выявленные на объектах растительный

Рис. 5. Графические работы (отмывка акварелью) выполнены студентами 3 курса. Научный руководитель Чекаева Р. У.

и геометрический орнаменты выполнены в графике (отмывка акварелью) (Чекаева, 2020: 183).

Результаты и обсуждение.

Строительством резиденции руководил архитектор Абдурахим Турдимурод угли Газгоний, а отделкой — знаменитый мастер резьбы по ганчу усто Ширин Муродов со своими учениками. В орнаменте выделяют два стиля: геометрический — гирих, и растительный — ислими (Рис. 5). Внутреннее убранство объекта — это удивительное произведение искусства, полное символизма. Несколько интересных фактов.

– *Геометрическая сложность:* стены резиденции украшены геометрическими узорами, создающими оптические иллюзии и ощущение глубины. Эти узоры являются высшим выражением математического искусства и инженерного мастерства.

– *Цветовая гамма:* цвета орнаментов в резиденции символизируют духовную и мистическую природу этого места, что придает интерьеру яркость и свежесть.

– *Символизм:* орнаменты имеют символические значения, представляя абстрактные идеи, связанные с исламской духовностью и мистицизмом.

– *Арабеска:* в оформлении интерьера в числе других использована эта разновидность орнамента из геометрических фигур, причудливого переплетения линий, завитков, растительных побегов и стилизованных цветов.

Выводы. 1. Дворцовый комплекс обладает уникальной архитектурой и интересной историей, богат образцами росписи на стенах и потолках, резьбой по дереву и ганчу.

2. В строительстве зданий использована каркасная система конструкции.

3. Территория была ограждена капитальными пахсовыми стенами с красивым гофром с внешней стороны, которые сохранились бы до сих пор, если бы их не разрушало местное население.

4. В интерьерах использованы орнаменты восточной архитектуры: растительный ислими, геометрический гирих, резьба по ганчу и тонкая резьба деревянных дверных проемов, балки потолка были украшены резьбой и росписью (Чекаева, Нурмугамбетова, 2012: 123–127).

5. Дворец с гаремом в 1968–1970 гг. взят под государственную охрану, гарем уничтожен.

6. Реально вернуть первозданный вид **дворцу**: в архивах наверняка сохранились материалы комплекса, автор предоставит свой материал.

7. Историческая баня XVI века с крепкими стенами осталась под землей, разрушены только купола, а внутреннее пространство заполнено обломками. Баню можно восстановить.

Заключение. Обобщая итоги исследования, можно дать следующие рекомендации:

1. Необходимо приложить усилия для восстановления резиденции Мирзачорбог — Чарм Гар Чор Бог как важного объекта культурного наследия не только региона, но и всего исламского мира.

2. Исторический памятник является важным объектом исламской архитектуры и культуры, с большой историей и заслуживает особого внимания и сохранения для будущих поколений.

3. Материалы исследования памятника используются в учебном процессе для студентов специальности: архитектура, искусство, история края, культурология, дизайн и т. д. (Чекаева, 2024: 132).

4. Необходимо издание отдельной книги по дворцовому комплексу Чарм Гар Чор Бог в Кармана (материалы у автора имеются).

5. Следует составить маршрут по историческим памятникам Кармана с показом мемориального комплекса Касим Шейха, дахмы эмира Абдул-Ахад-хана, мавзолея Мир Саид Бахрома, мечети Хазрат Мавлоно Ориф Деггароний в Хазара, летней резиденции караханидских правителей с сардобой, ранее она называлась Караван сарай Рабати Малик (Семенов, 1951: 21–27).

6. После реконструкции включить в маршрут и резиденцию Мирзачорбог — Чарм Гар Чор Бог.

7. Восстановить баню-хаммом XVI в. в центре Кармана по пути из мемориального комплекса Касым Шейха в дворцовый комплекс.

Дополнительная информация. При реконструкции и реставрации автором будут переданы: а) обмерные чертежи плана; фасады; в) графическая работа по орнаментам; текстовый материал.

Автор на кафедре «Архитектура» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева многие годы занимается проектами по реставрации и реконструкции архитектурного наследия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Балаев. Чертежи по гарему 1949 г. Архив Ташкента.

Засыпкин Б. Н. Резьба по алебастру // Народное декоративное искусство Узбекистана. М., 1955.

Немцева Н. Б. Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конф., посв. 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2022.

Ноткин И. И. Бухарская резьба по ганчу в работах Усто Ширина Мурадова. Тошкент, 1961. 98 с.

Ситняковский Н. Ф. Заметки о Бухарской части долин Зерафшана. Известия Туркестанского отдела Императорского русского географического общества. Ташкент, 1900. С 173–174.

Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 293.

Чекаева Р. У. Памятники архитектуры Бухарского оазиса XVI–XX веков. Канд дисс. Ленинград, 1978. 54 с.

Чекаева Р. У., Нурмагамбетова З. С. Орнамент в Исламе // Вестник ЕНУ. Астана. № 6 (60). 2012. С. 123–127.

Чекаева Р. У. Архитектура дворцового комплекса Чарм Гар-Чор Бог в Кармана. Монография / на рус. яз. Нур-Султан, 2020. 183 с.

Чекаева Р. У. Альбом, архитектурный орнамент и детали: Учебное пособие (часть 3). Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2024. 132 с., 161 ил.

Семенов А. А. К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // Труды САГУ, новая серия, вып. XVIII, гуманитарные науки, кн. 4. Ташкент, 1951. С. 21–27.

GIL J. STEIN
University of Chicago, Institute for the Study of Ancient Cultures,
Chicago Center for Cultural Heritage Preservation
Chicago, USA
FABIO COLOMBO
Senior Conservator
Rome, Italy

PRESERVING THE 15TH-16TH CENTURY TIMURID PERIOD SUFI MOSQUE OF LANGAR OTA, UZBEKISTAN: A PROGRESS REPORT

Keywords: Langar Ata, Sufi, architecture, mosque, conservation, restoration, ceramics, mosaic.
Abstract: The 15th century Timurid mosque and pilgrimage center at Langar Ota, 104 km south of Samarkand, stands as a rare example of rural Sufi religious architecture. The beautiful cut-tile mosaic (koshinborush) decoration on the mosque's interior walls has great artistic and historical importance for the cultural and religious heritage of Uzbekistan and the Silk Road more generally. Unfortunately, water damage and other factors over the past six centuries have damaged the mosque to the point where the survival of this important monument is seriously threatened. From 2022 to 2024, The University of Chicago Center for Cultural Heritage Preservation has been working to stabilize and conserve the most endangered parts of the mosque. The old, damaged roof has been replaced with a new steel roof to protect the mosque from any further water damage, and major efforts have been undertaken to preserve the cut-tile mosaic panels on the mosque interior.

Kalit so'zlar: Langar Ota, sufiylik, arxitektura, masjid, konservatsiya, restavratsiya, keramika, mozaika.
Annotatsiya: XV asrga oid Temuriylar davridagi Langar Ota masjidi va ziyorat markazi, Samarqanddan 104 km janubda joylashgan, qishloq sufi diniy arxitekturasining noyob namunasidir. Masjidning ichki devorlaridagi nafis kesma plitka mozaikasi (koshinborush) O'zbekiston Ipak yo'lining madaniy - diniy merosi uchun katta badiiy va tarixiy ahamiyatga ega. Afsuski, so'nggi olti asr davomida namgarchilik oqibatida zarar yetkazishi va boshqa omillar ushbu muhim yodgorlikni jiddiy xavf ostiga qo'ydi. 2022 yildan 2024 yilgacha Chikago Universitetining Madaniy Merosni Saqlash Markazi masjidning eng xavf ostida qolgan qismlarini ta'mirlash va konservatsiya qilish ustida ish olib bordi. Eski, shikastlangan tom yangi po'lat tomga almashtirilib, masjidni yog'ingarchilik suvlarini binodan qochirish keyingi zararidan himoya qilish choralari ko'rildi, shuningdek, masjid ichidagi koshin panellarni saqlab qolish uchun katta harakatlar amalga oshirildi.

Ключевые слова: Лангар-ота, суфизм, архитектура, мечеть, консервация, реставрация, керамика, мозаика.
Аннотация: Тимуридская мечеть XV века и центр паломничества в Лангар-Ота, расположенный в 104 км к югу от Самарканда, является редким примером сельской суфийской религиозной архитектуры. Прекрасный декор из резной плиточной мозаики (кошинборуш) на внутренних стенах мечети имеет большое художественное и историческое значение для культурного и религиозного наследия Узбекистана и Шёлкового пути в целом. К сожалению, за последние шесть веков повреждения от воды и других факторов поставили под угрозу существование этого важного памятника. С 2022 по 2024 год Центр сохранения культурного наследия Чикагского университета работал над стабилизацией и консервацией наиболее уязвимых частей мечети. Старая повреждённая крыша была заменена на новую стальную крышу для защиты мечети от дальнейших повреждений водой, а также были предприняты значительные усилия для сохранения мозаичных панелей внутри мечети.

The 15th-16th century Sufi Mosque of Langar Ota is located in a mountainous region 104 km southwest of Samarkand, historically one of the most important cities of the Silk Road. Although Sufi shrines, mosques, mausolea, and lodges are known and preserved in the urban centers of Central Asia and the Silk Road such as Bukhara, Samarkand, and Shahrisabz (Yusupova 1997, Yusupova 2012), Langar Ota mosque is one of the few rural Sufi mosques in Uzbekistan that has survived mostly intact since the 15th century, when it was built as a Khanaqah (lodge) by the Ishqiyyah Sufi Order. The mosque housed three important Islamic relics: a) a collection of very early Qur'ans, b) the Shajjara (geneology) of the Sheikhs (spiritual leaders) of the Ishqiyyah order, and c) the Khirqah (cloak) of the Prophet Muhammad (Rezvan 2002, Vohidov 2002). Even

though these relics are no longer kept in Langar Ota, the mosque and the mausoleum of Sheikh Muhammad Sadiq are still important centers for pilgrimage. More than 1000 pilgrims every month visit the mausoleum and mosque of Langar Ota (figure 1).

The mosque itself is also remarkable for its beautiful cut-tile mosaic decoration, which has survived for 600 years. The Langar Ota Mosque consists of an earlier west prayer room built in 1424, which is simple and undecorated, and an east prayer room built later in the early 16th century ca. 1502, with elaborate interior ornamentation (figure 2).

In the East prayer room, five carved wooden columns – each carved from a single tree – support a well-preserved roof with painted wooden beams. The East Prayer Hall of the Langar Ota Mosque was adorned with beautiful cut-tile glazed decorative panels. Two registers of calligraphy and geometric designs extended around all four walls and came together at the south wall in the Mihrab niche showing the direction of prayer toward Mecca. The complex, elaborate design of the Langar Ota cut tile mosaic panels, along with the presence of gold leaf decoration show the importance of the mosque and reflect the wealth and power of its patrons in the Ishqiyyah Sufi order.

Cut-tile mosaic (often called Koshinborush) is one of the most distinctive forms of Timurid art and architectural ornamentation on public religious architecture in Central Asian Silk Road cities such as Samarkand, Bukhara, Shahrisabz, and Herat. Cut-tile mosaics are a complex form of decorative art that requires the skill of a master craftsman to design, produce, and install. It is made by cutting a still-drying square clay tile into separate pieces that together form a design.

The pieces are glazed in different colors and then fired. The pieces are then re-assembled and set into plaster in a block that is then mounted on a wall. Multiple blocks are combined to make a single large elaborate panel. The colors of the tile work stand out so sharply and can be seen clearly, even from a distance, because each piece was fired separately to avoid the accidental mixing and blurring of different glazes.

At Langar Ota, the elaborate cut-tile mosaic tilework was used in an incredible variety of different design forms and motifs – most notably complex geometric panels of multiplying sunburst motifs built according to mathematical formulae, detailed calligraphic inscriptions in which each letter of the Arabic alphabet was built from several separate pieces, and floral or plant-related decorations. In some cases, the floral designs were

Figure 1: The mosque and mausoleum of Langar Ota

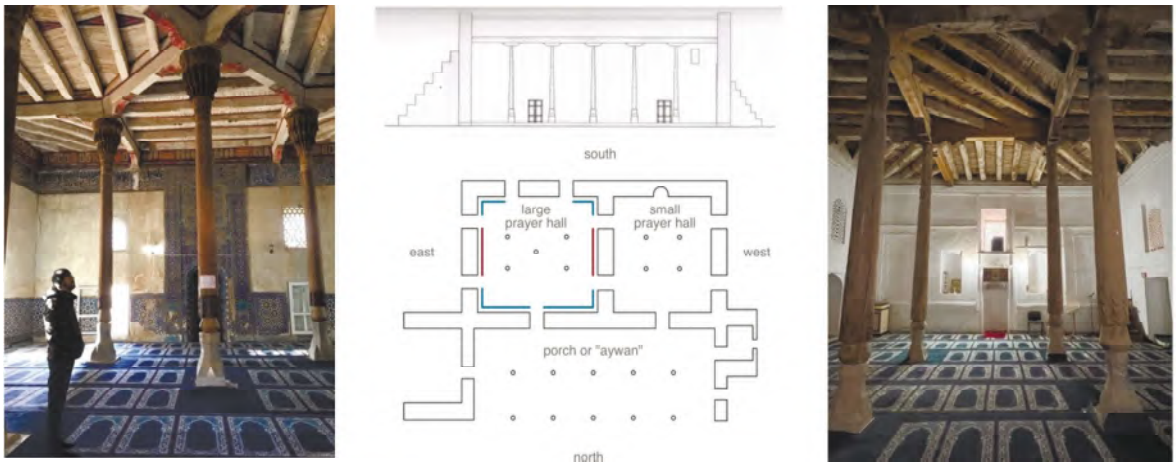


Figure 2: Plan of Langar Ota mosque with west and east prayer rooms Photo by S. Gil, 2023

ornamented even further by the addition of gold foil, which was attached and sealed with different resins.

The east prayer hall of the Langar Ota Mosque was adorned with beautiful cut-tile glazed decorative panels. The complex, elaborate design of the Langar Ota cut tile mosaic panels, along with the presence of gold leaf decoration give evidence for the importance of this rural mosque and reflect the wealth and power of its patrons in the Ishqiyyah Sufi order.

Two different registers of cut-tile designs designs extended around all four walls of the east prayer room and came together at the at the south wall in the Mihrab niche showing the direction of prayer toward Mecca. The Upper Calligraphic register consisted of verses from the Qur'an.

All are from Sura 48, called al-Fath ("the victory") which tells Muslims that in times of trouble or uncertainty, they must stand together and have faith in Allah. The Lower Geometric register has elaborate designs with two different kinds of sunbursts. The panels on the east and west walls are mirror images of each-other. The upper calligraphic register and the lower geometric register come together on the south wall, where they unite with the Mihrab prayer niche. The Mihrab and the tile panels enclosing it are masterpieces that have the most complex and beautiful tile mosaic decoration in the mosque (figure 3).

Langar Ota is a rare cultural treasure that must be preserved for future generations. In 2022, our team from the University of Chicago was given permission from the Uzbekistan Cultural Heritage Agency to begin a program of conservation at the Langar Ota mosque. This project is supported by a grant from the US State Department "Ambassador's Fund for Cultural Preservation", administered through the US Embassy-Tashkent. In November 2022, our team of preservation architects, a conservator, and a wood architecture specialist (Bill Remsen, Shokhrat Zairov, Fabio Colombo, and Ian Stewart) conducted a joint site assessment of the Langar Ota mosque and wrote a detailed report specifying the highest priority areas for conservation.

Water damage to the upper calligraphic register, the walls, and the lower geometric register has weakened the mosaic panels and in some cases led to the partial collapse of the register panels. These problems require urgent conservation efforts to stabilize the tilework and the building itself.

Our single most important priority was to preserve the structural integrity of the mosque building. Much of the water damage is recent, especially in the Soviet-era corrugated tin roof, which had poor drainage and many leaks that allowed rain water to penetrate and weaken the walls of the mosque. We urgently needed to replace the tin roof to stop the water damage that is slowly destroying the walls and the mosque interior. Our first step was to remove the old, leaking tin roof and replace it with a new steel roof and an effective water drainage system.

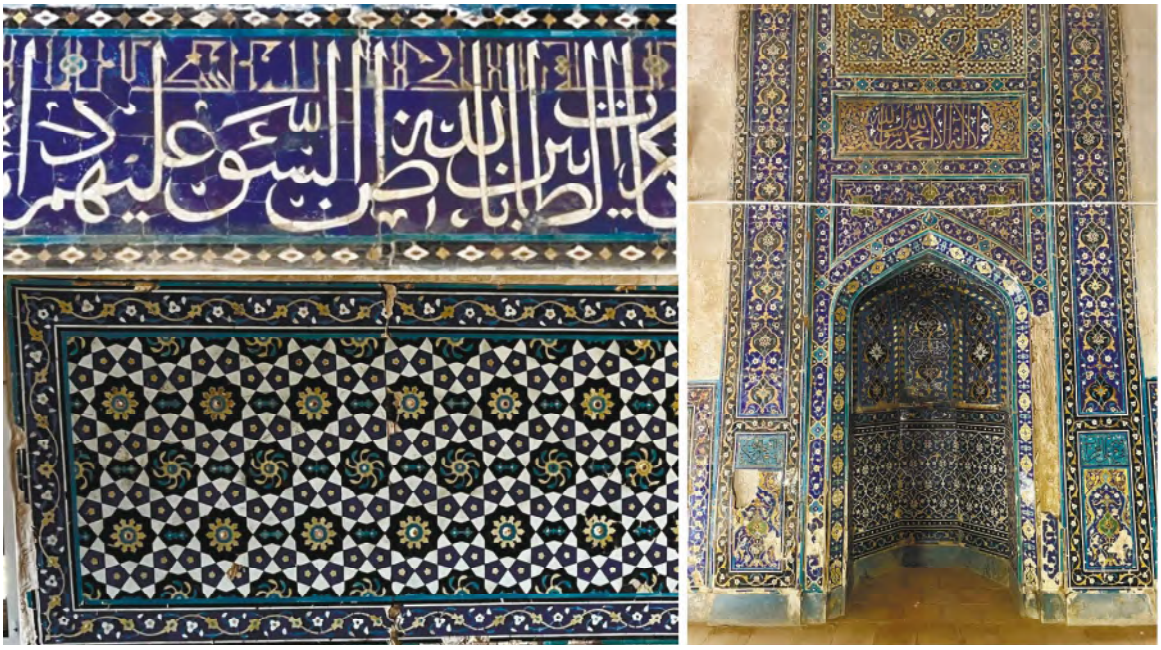


Figure 3: Mihrab with upper calligraphic tile register and lower geometric tile register. Photo by R. Gil, 2024

In November 2023 we removed the corrugated tin roof and supporting wooden beams down to the original 15th-16th century packed clay roof of the mosque overlying the timbered ceiling. We then constructed new wooden roof beams, and installed new roof panels made of steel. The roof was designed by our team preservation architect, Mr. Shohret Zairov from the "Arx Dasayn" company. Mr. Zairov also supervised the roof installation process. In December 2023 we completed installation of the new steel roof and steel-lined rain-gutters. In the final step, we installed down-spouts and extenders to carry rainwater away from the mosque and its stone foundation platform. With the new steel roof, improved drains, and metal rain caps on the wall buttresses, rain damage has now been stopped, and the mosque walls are now dry (figure 4).

Our hope is that this conservation intervention will protect and extend the integrity of the mosque building for at least several more decades.

Figure 4: Langar Ota mosque with new steel roof and improved water drainage system. Photo by S. Gil, 2024

Figure 5: Cleaning individual cut tile mosaic pieces and making mortar for stabilization from traditional building materials Photo by R. Gil, 2024

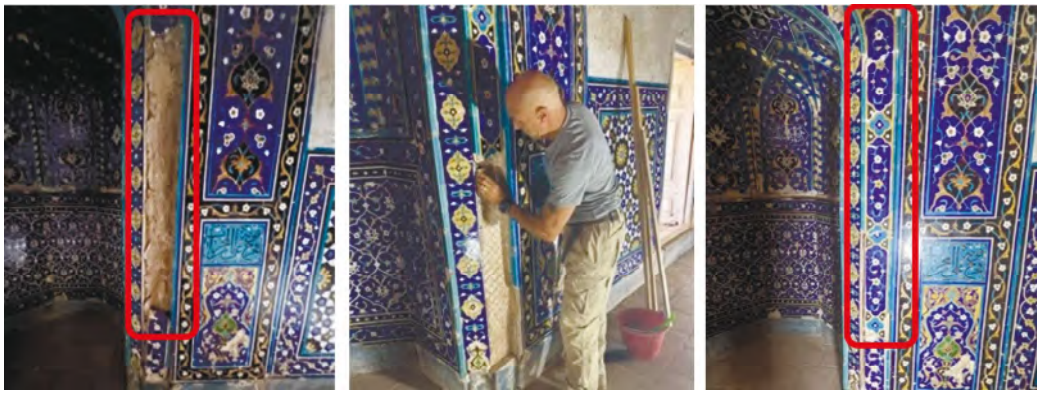


Figure 6: Preventing collapse of loosed tiles by infilling the air voids with sponges and mortar. Photo by R. Gil, 2024

Our next priority was to stabilize the cut-tile mosaics in the mosque interior. Water damage to the upper calligraphic register, the walls, and the lower geometric register has weakened the mosaic panels and in some cases led to the partial collapse of the register panels. These problems require urgent conservation efforts to stabilize the tilework and the building itself. Head conservator Fabio Colombo and assistant conservator Elisa Pannunzio set up a field conservation lab, and installed scaffolding so they could stabilize both the upper and lower the cut-tile mosaic registers. In a program of emergency stabilization, Fabio and Elisa installed wooden support" patches" on the Upper Calligraphy register to prevent the cut-tile mosaic panels from detaching and falling off the wall. The wood panel "patches" on all four walls of the mosque stabilized the seven areas of calligraphic tile that were at the greatest risk of collapse. The conservation team photographed and mapped the water damage to the tile panels to determine areas in most urgent need of stabilization. They then cleaned and stabilized the parts of the lower geometric tile mosaic register that were in danger of collapsing. As part of our conservation work, we also trained Uzbek conservators Malika Beknazarova and Nargiza Kalandarova in methods for the preservation of cut tile mosaics. Malika Beknazarova cleaned the tile registers and also the glazed tile pieces that had fallen from the geometric mosaic panel. Conservator Nargiza Kalandarova cleaned tilework and inserted mortar made from traditional building materials into damaged areas (figure 5).

One of the most difficult parts of the conservation work on the lower Geometric

tile register was the fact that water damage and downward pressure from the roof beams had caused the tile panels to bulge out from the walls, creating a large empty space or void behind the tiles, so that they had no support and were in very great danger of collapsing. To stabilize these sections of tile, the conservators filled the empty space with sponges to support the tilework and absorb vibrations, and then sealed in the now filled area with mortar made from traditional building materials (figure 6).

At the end of our July 2924 field season, Head Conservator Fabio Colombo and his colleagues re-attached four blocks of fallen tile mosaic around the edge of the Mihrab.

Looking forward, the Langar Ota mosque will require careful monitoring of the condition of its walls and decorative elements to prevent further deterioration. In July 2024, preservation architect Ian Stewart installed crack monitors along the main cracks in the mosque walls to determine if the cracks in the mosque are stable or expanding. If the wall cracks keep expanding in the next 2 years, further conservation work will be necessary to preserve the structure of the Langar Ota mosque.

Finally, in parallel with our conservation work, we also conducted video interviews with village elders and the Imam at Langar Ota to learn more about the significance of the Langar Ota mosque and its history over the last 35 years.

Overall, from 2022-2024, our project has been able to conserve the main parts of the Langar Ota mosque that were at the biggest risk of collapse. However, we recognize that much more work remains to be done. We hope to complete the most urgent stabilization tasks remaining at Langar Ota by the end of December 2024.

Acknowledgments:

The Langar Ota Conservation Project was supported by the US State Department's Ambassadors' Fund for Cultural Preservation administered through the US Embassy-Tashkent, with additional funding from the Chicago Center for Cultural Heritage Preservation (C3HP) and the Institute for the Study of Ancient Cultures (ISAC) at the University of Chicago. We thank the Uzbekistan Cultural Heritage Agency for permission to carry out this project. We appreciate the administrative support from Sarah Talalay at the US Embassy-Tashkent, along with Laura Tedesco and Jaqueline Viselli at the US State Department Bureau of South and Central Asian Affairs. We also thank Otabek Aripdjanov (UZ Academy of Sciences) for his advice and administrative assistance, and Matthew Perley (ISAC) for his support in grant management and logistics.

REFERENCES

Rezvan, E. «On the History of Ishqiyya Brotherhood Sacred Relics. I: The Khirqa of the Prophet.» Manuscripta Orientalia 8 (2), pp. 10–11. 2002.

Vohidov, S. «The History of the 'lshqiyya Brotherhood's Sacred Relics. II: the Katta Langar Qu'rans New Fragments).» Manuscripta Orientalia 8(3), pp. 34–41. 2002

Yusupova, M. A. «The Architecture of the khanaqah in the Timurid Era (On the Evolution of Sufi Lodges in Central Asia).» ONU (The Social Sciences of Uzbekistan) 3-4, pp. 51–59.1997.

Yusupova, M. A. «Islamic Architecture of Uzbekistan (Development and Features).» Journal of Islamic Thought and Civilization 2(2), pp. 51–63. 2012.

IPAK YO'LINING TASVIRIY VA AMALIY BEZAK SAN'ATI

DECORATIVE, APPLIED AND FINE ARTS OF THE SILK ROAD

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

НИГОРА АХМЕДОВА
Институт искусствознания АН РУз
Ташкент, Узбекистан

ФЕНОМЕН УЗБЕКИСТАНСКОГО АВАНГАРДА И ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Ключевые слова: авангард, модернизм, живопись, Узбекистан, джадиды, контекст, XX век.
Аннотация: Исследование истории изобразительного искусства Узбекистана XX века находилось в постоянной зависимости от требований идеологического контекста. В целом еще нет методологической базы и оснований создать новую, современную. Необходима работа по изучению ее отдельных этапов, пересмотр устоявшихся взглядов на авангард и привлечение новых данных, связанных с деятельностью джадидов. Актуализация изучения первого этапа искусства республики 1920–1930-х годов связана с задачей связать устоявшиеся взгляды на пути развития искусства с историческим контекстом начала XX столетия, привлекая новые материалы.

Kalit so'zlar: avangard, modernizm, tasviriy san'at, O'zbekiston, jadidlar, kontekst, XX asr.
Annotatsiya: XX asr O'zbekiston tasviriy san'ati tarixi ideologik kontekst talablariga bog'liq holda shakllangan. Umuman olganda, hali yangi, zamonaviy metodologik baza va asoslar yaratilmagan. Ushbu san'atning ayrim bosqichlarini o'rganish, avangard haqidagi qarashlarni qayta ko'rib chiqish va jadidlar faoliyati bilan bog'liq yangi ma'lumotlarni jalb qilish bo'yicha ish olib borish zarur. 1920–1930-yillarning birinchi bosqich san'ati tadqiqotini dolzarblashuvi XX asr boshlaridagi tarixiy kontekst bilan san'at rivojlanish yo'nalishlarini bog'lash vazifasi bilan ahamiyatlidir.

Keywords: avant-garde, modernism, painting, Uzbekistan, Jadids, context, 20th century.
Abstract: The study of the history of 20th-century visual arts in Uzbekistan has been consistently influenced by the demands of the ideological context. Overall, a comprehensive methodological framework has yet to be developed to establish a new, modern approach. There is a need for focused research on specific stages, a reassessment of established views on the avant-garde, and the incorporation of new data related to the activities of the Jadids. The relevance of studying the initial phase of the republic's art from the 1920s–1930s lies in the effort to connect traditional perspectives on artistic development with the historical context of the early 20th century, while drawing on newly uncovered materials.

Научные подходы и отношение к истории изобразительного искусства Узбекистана XX века менялись от требований нормативной советской идеологии до критической. В целом пока еще нет методологической базы и оснований создать новую, современную. А пока нет универсальной истории искусства этого столетия, идет работа по изучению ее отдельных этапов, пересмотр устоявшихся взглядов и привлечение новых данных.

Имея в виду эту перспективу, важно обратиться прежде всего к первому этапу искусства республики, когда закладывались контуры и основания нового искусства Центральный Азии. Задача данного исследования — пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на пути развития искусства и связать их с историческим контекстом начала XX столетия, понимание которого становится все более объективным. Большую роль в изменении историографии региона сыграли зарубежные исследователи (Халид, 2021).

Интерес к феномену узбекистанского модернизма в последние годы заметно возрос: несколько резонансных выставок за рубежом, а также захватывающие истории, касающиеся коллекции Нукусского художественного музея и его легендарного основателя И. В. Савицкого, собравшего лучшие образцы живописи этого периода, не в последнюю очередь, а, может быть, и в первую подогревают этот интерес. В целом к настоящему времени сложился популярный характер освещения этого материала на телевидении, в литературе, мемуарах и документальном кино, что, безусловно, имеет важное значение, поскольку так было не всегда.

В советские годы, под давлением идеологического дискурса, многие художники

того времени почти не изучались, их работы не публиковались и долгое время пребывали только в фондах музеев. С приходом сталинской власти интенсивное развитие тенденций модернизма было приостановлено, а вопросы его изучения оказались вытеснены из сферы искусствоведческой практики. Основные публикации тех лет имели обзорный и осуждающий «формализм» характер. Только в 1970-х годах отдельные статьи и альбомы постепенно и довольно робко возвращали внимание к искусству этого времени: появилось несколько интересных публикаций, в частности, первыми были статья московского автора В. Ракитина «Уроки одной художественной школы» (Ракитин, 1969) о собрании Нукусского музея искусства и альбом «Авангард, остановленный на бегу» (Ленинград, 1989). В них важным было утвердить значение творчества А. Волкова, В. Уфимцева, Усто Мумина (А. Николаева), М. Курзина, Н. Кашиной, У. Тансыкбаева, Н. Карахана и других мастеров живописи 1920–1930-х годов для периода ее формирования.

В первые годы независимости Узбекистана идеологические нарративы и потребности смены духовных ориентиров определялись поиском новых приоритетов и отказа от недавнего прошлого (Ахмедова, 2004). Общая тенденция была отмечена Б. Гройсом: «Эта ностальгия по искусству домодернистского прошлого усиливалась определенным чувством обиды на "левый" характер исторического авангарда... Авангард стал ассоциироваться с коммунизмом, тем самым "преодоление" коммунизма подразумевало отказ от авангардной художественной традиции ради собственной национальной идентичности» (Гройс, 2016: 28).

Сегодня появилась потребность нового взгляда на известные процессы, более широкое понимание оснований для формирования культурной идентичности. Это, в частности, нашло отражение в недавнем выставочном проекте «Узбекистан: Авангард в пустыне» из музеев республики, показанном в Италии. Ориентируясь исключительно на задачи оригинальной репрезентации, выставка, к сожалению, не повлекла за собой создание полноценного научного каталога или серьезной монографии. Между тем, за демонстрацией этих проектов транслируется важная составляющая современного образа страны, что справедливо отмечал В. Мизиано: Центральная Азия — не область этнографии и примитивного ориентализма, а территория, которая была приобщена к авангардной реформе XX века и является участником глобального порядка (Мизиано, 2005: 10). А по мнению американского исследователя А. Халида, в XX столетии «Центральная Азия служила лабораторией современности (modernity)» (Халид, 2024: 11).

Как видим, история искусства 1920–1930-х годов несмотря на то, что имеет достаточно краткую историю — всего два десятилетия, — пребывает в процессе постоянной историко-культурной, эстетической и политической переоценки. Современная задача — поставить ее изучение в объективно осмысленные исторические рамки, обновить и свести воедино исторические интенции и художественные процессы, в совокупности отражавшие модернистский концепт эпохи.

За годы советского идеологического дискурса сформировался комплекс нарративов о том, что в инертном и «спящем» восточном обществе региона внедрение нового происходило в результате жесткого революционного давления власти большевиков. Исключалась роль реформаторского движения джадидов и в целом движения местных интеллектуалов. Известны сложные отношения между узбекской интеллигенцией и местными большевиками, однако А. Фитрат, понимая уникальность данного исторического момента для реализации реформаторских идей, писал достаточно конкретно, что «Постепенность не сулит ничего хорошего» (Цит. по: Халид, 2024: 193). Реформаторские усилия джадидов, начатые еще до революции, по созданию новометодных школ, плодотворная издательская деятельность, открытие газет, библиотек, привлечение молодежи в театральные труппы, а также популяризация жанров романа, рассказа, мемуаров, после революции вылились в стратегию обновления и, безусловно, определяли культурные процессы. Исследователь отмечает, что «на протяжении всех 1920-х годов разворачивалась культурная революция, в которой движущей силой стали энергия и страстный порыв узбекской интеллигенции» (Халид, 2021: 13).

Например, молодые художники, которые приобщались к новым европейским видам искусства, были из этой среды или из семей просвещенных деятелей. Первая узбекская художница Зарифа Саиднасырова была дочерью известного ташкентского просветителя С. Мирджалилова. В Ташкенте она училась в школе имени И. Песталоцци, учебно-техническом училище, затем в художественной студии Н. Розанова при Ташкентском музее искусств вместе с Уралом Тансыкбаевым и Акрамом Ташкенбаевым. В этой же студии учился Бахром Хамдами, который был из известной ташкентской состоятельной и просвещенной семьи.

Самаркандский художник Акрам Сиддики также был из интеллигентной семьи, получил хорошее образование, в основе которого были идеи джадидов. В 1920-е годы он единственный среди одаренной узбекской молодежи стал студентом ВХУТЕМАСа в Москве. Примечательно, что в его облике на «Автопортрете» (1932) из Нукусского музея искусств заметны черты, близкие образу джадидов. Чингиз Ахмаров позже вошел в искусство Узбекистана, но и он был из семьи известного татарского джадидского просветителя Абдурахмана-ходжи. В годы репрессий его отец был вынужден переселиться с семьей из Троицка в далекий город Карши (Ахмедова, 2010).

В джадидских школах имели возможность учиться не только выходцы из обеспеченных семей, но и дети бедняков, для которых А. Авлоний открывал школы в Ташкенте. Как отмечает А. Халид, сам реформаторский проект и связанные с ним понятия и терминология стали в Средней Азии к 1917 году характерной чертой городской жизни (Халид, 2004). О других первых узбекских художниках, таких как Акрам Ташкенбаев, Х. Мансуров информации недостаточно. После 1938 года имена джадидов, просветителей и всех, кому были близки их идеи, запрещались или замалчивались.

Таким образом идеи реформаторства традиционного общества, идущие от джадидов, имели большое значение в привлечении молодежи к процессу европеизации, а в новометодных школах формировалась новая просвещенная интеллигенция.

Советский нарратив, исключавший роль мусульманских модернистов в этих процессах, представлял исторический контекст эпохи неполным и однобоким. Характерно, что в духе времени искусство и джадидами, и революционерами рассматривалось как один из способов трансляции идей, как сфера, связанная с культурным, идеологическим, политическим и институциональным контекстом.

Эпоха созидания и свобода творчества тех лет породили в живописи Узбекистана оригинальную ветвь модернизма, который был новым визуальным языком для презентации советского Востока. Радикальные по своей сути социальные трансформации оказывались факторами формирования новой культуры, нового исторического пути ее развития за пределами собственной традиционности. А появившееся впоследствии «самоназвание» этого художественного феномена — «авангард» имеет, на наш взгляд, больше характер метафоры. Оно подчеркивает уникальный взлет поисков художников, которые демонстрировали оригинальные интерпретации локальных традиций в модернистском пластическом языке. Причем это яркое явление искусства сформировалось главным образом в Узбекистане, в отличие от других республик региона, которые развивались по другому пути (Ахмедова, 2024: 31–48).

Название «авангард» в отношении узбекистанского варианта часто оспаривается, что вполне объяснимо. Сравнение «умеренной» живописи мастеров республики, которые в своих поисках не «заглядывали» в эсхатологические, абстрактные миры, присущие открытиям русских авангардистов и европейских мастеров, показывает иную логику развития. Хрестоматийные образцы русского авангарда с их философией «вычитания» формы и цвета, радикализмом идей в контрасте с декоративностью, избыточностью орнаментальных форм и фигуративностью картин художников Узбекистана ориентируют исследователей принять эту живопись как явление национального модернизма.

В то же время приверженцы авангардных поисков и в Узбекистане, и в России, имели своих противников, что добавляло их деятельности боевой и принципиальный характер. Они институционально определялись и вели борьбу за влияние в сфере искусства. Активная деятельность художников в 1920–1930-е годы и

понимание своей роли в новом обществе отразились в организации творческих групп и объединений, таких как «Мастера нового Востока», ТашАХРР, «АРИЗО», Изофабрика, Бригада А. Волкова и Союз художников Узбекистана. Естественно, что многие из них, особенно молодые, ощущали притягательность революционных идей, ориентированных на созидание нового свободного мира, своей утопией питавших их творческое вдохновение. На перекрёстке этих смыслов и задач эпохи сформировался феномен узбекистанского модернизма.

В настоящее время есть ряд вопросов, определяющих дальнейшее изучение данного феномена, хотя они стоят в стороне от анализа его выдающихся художественных качеств. Исследование останавливается перед методологическими трудностями, поиском языка его описания как русского или локального феномена, а также типологических оснований для сравнений. Известно, что в зарубежных публикациях Центральная Азия рассматривается главным образом в постколониальном дискурсе. Постколониальные разработки стали применяться как универсальные для всех стран Востока без учета специфики развития того или иного региона (Adams. 2008: 2–8; Бисенова А., Медеуова К., 2016: 35–39). Рассмотрение через эту достаточно общую оптику упускает новаторские открытия и присущие времени модернизационные процессы в регионе. Е. Дёготь считает, что «сама претензия на абсолютную новизну и выдает в советском искусстве часть мирового модернистского проекта» (Деготь, 2004: 29).

Не отказываясь от современных подходов, все же отметим, что в отношении центральноазиатского материала требуется учет его специфики и более конкретный подход к процессам. Творчество мастеров 1920–1930-х годов А. Волкова, Н. Карахана, У. Тансыкбаева, М. Курзина, В. Уфимцева, Н. Кашиной и О. Татевосяна при всей их самобытности сосуществовало в контексте общих процессов советского искусства. В них сочетались как модернизационные интенции эпохи, так и репрессивные. А многие из этих художников были сформированы исключительно временем революционных трансформаций и представляли «идеальный» для Советов образец, как, например, рабочий завода Урал Тансыкбаев — первый художник местной национальности или ранее упоминавшиеся первые национальные художники.

Подводя итог данному исследованию, отметим, что происходящие в Узбекистане процессы обновления, формирование национальных и общечеловеческих духовных приоритетов, а также предпринимающиеся усилия по созданию новых историй искусства диктуют необходимость обновления взглядов на вопросы трансформаций и переходных стадий в искусстве, обсуждения методологии и пересмотра прошлых установок на его развитие. Сложность и уникальность развития искусства Узбекистана XX века раскрывается прежде всего через его уникальную эволюцию, которую оно прошло, начиная с периода становления.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Авангард, остановленный на бегу. Альбом. Авт. ст. Е. Ковтун, М. Бабаназарова, Э. Газиева. Л: Аврора, 1989.

Adams L. *Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia?* // Central Eurasia Studies Review. 2008. Vol. 7. № 1. P. 2–8.

Ахмедова Н. Традиции, самобытность, диалог. Ташкент, 2004.

Ахмедова Н. Чингиз Ахмаров. Сводный каталог произведений. М., 2010.

Ахмедова Н. // Особенности формирования живописи Центральной Азии – Абылхан Кастеев и Урал Тансыкбаев // Saryn. 2024. № 1. С. 31–48.

Бисенова А., Медеуова К. О проблемах региональных исследований в/по Центральной Азии // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 35–39.

Гройс Б. Смутный объект европоцентричного желания // Искусствознание. 2016. № 3. С. 28–39.

Деготь Е. Проблема модернизма в русском и советском искусстве. Автореф. канд. дис. М., 2004. С. 29.

Мизиано В. Искусство Центральной Азии: актуальный архив. 2005. С. 10–14.

Ракитин В. Уроки одной художественной школы. Живопись Узбекистана // Искусство. 1970. № 1. С. 32–38.

Халид Адиб. Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. – М., 2021.

Khalid Adib. Central Asia. A new History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2021.

НУРГОЗЕЛЬ БЯШИМОВА
Институт истории и археологии АН Туркменистана
Ашгабат, Туркменистан

РОЛЬ ВЕРБЛЮДА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ И ВЕКОВЫЕ ТРАДИЦИИ ТУРКМЕН

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Китай, Туркменистан, пустыня, традиция, верблюд, шерсть.
Аннотация: В статье рассматривается роль верблюда на Великом шелковом пути и содержимое грузов караванов, которые следовали по этому маршруту. Что перевозили в огромных тюках, навьюченных на верблюдов? Описываются традиции туркмен, связанные с верблюдами и изделиями из верблюжьей шерсти, а также лечебные свойства последних. Верблюжья шерсть считается священной, её присутствие в доме приносит счастье и удачу. В Туркменистане разводят одногорбых верблюдов — арвана (Camelus dromedarius), или дромадеров, которые отличаются выносливостью в любое время года.

Kalit so'zlar: Buyuk ipak yo'li, Xitoy, Turkmaniston, cho'l, an'ana, tuya, jun.
Annotatsiya: Maqolada Buyuk ipak yo'lida tuyalarning roli va karvon yuklarining tarkibi yoritilgan. Tuyalarga ortilgan ulkan xaltalarda nimalar tashilgan? Turkmanlar tuyalar va ularning junidan tayyorlangan buyumlar bilan bog'liq an'analar, shuningdek, ularning shifobaxsh xususiyatlari tasvirlangan. Tuyaning juni muqaddas hisoblanadi, uni uyda saqlash baxt va omad olib keladi. Turkmanistonda bir o'rkachli tuyalar — aravanalar (Camelus dromedarius) boqiladi, ular har qanday mavsumda chidamliligi bilan ajralib turadi.

Keywords: Silk Road, China, Turkmenistan, desert, tradition, camel, wool.
Abstract: The article explores the role of camels on the Silk Road and the contents of the cargo carried by caravans traveling along this historic route. What was transported in the massive bundles loaded onto camels? The text describes Turkmen traditions associated with camels and camel wool products, as well as the medicinal properties of the latter. Camel wool is considered sacred, with its presence in a home believed to bring happiness and good fortune. In Turkmenistan, single-humped camels, known as arvana (Camelus dromedarius) or dromedaries, are bred for their exceptional endurance throughout the year.

Введение. Верблюда издавна величают «кораблем пустыни» как в Туркменистане, так и в других странах, по территории которых пролегал Великий шелковый путь.

С древних времен могущество государств Востока зависело от верблюдов. Только они могли преодолеть бескрайние пустыни, отрезавшие эти страны от остального мира. Верблюды были основным транспортным средством на Великом шелковом пути.

Путь из Китая в Европу занимал примерно два года и проходил по разным климатическим и природным зонам, многие из которых не подходят для лошадей. В таких условиях на первое место вышел верблюд, который был приручён в Центральной Азии.

Для каравана годились не все верблюды. Например, арабские верблюды были боевыми и предназначались для тягот длительного пути и постоянных перепадов температуры в пустыне и горах.

На территории Южного Туркменистана верблюды, использующиеся в хозяйстве, известны с IV тысячелетия до н. э. Подтверждением тому являются найденные на Алтындепе терракотовые головки верблюдов и модель повозки, запряженной этим животным (Массон В., 1981: 88. Табл. XIII, 10–12; XXX, 1).

Современные традиции и обряды, их колорит и самобытность, являющиеся сложной составляющей культурного наследия каждого народа, уходят корнями в предшествующие эпохи. Историческое наследие туркменского народа внесло неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Туркменистан принадлежит к числу стран, чьё культурное наследие насчитывает не одно тысячелетие. Несмотря на неравномерное развитие истории, традиции туркменского народа сохранили свое значение до наших дней, хотя многие из них претерпели изменения и некоторую корректировку самим временем. Туркмены

свято верят в силу традиций и придерживаются многих из них. Им было свойственно сочетание скотоводческого и земледельческого хозяйства, присущее комплексной экономике. Тесная связь этих хозяйств отлично прослеживается в верблюдоводстве, являвшемся неотъемлемой частью быта туркмен на протяжении многих веков.

В Туркменистане, где жизнь человека нередко зависела от выносливого друга, о «кораблях пустыни» говорят: «Счастье шествует нога в ногу с верблюдом».

В Туркменистане разводят одногорбых верблюдов — арвана (Camelus dromaderius), или дромадеров, которые известны только как домашние животные. Туркменский одногорбый верблюд — один из самых крупных и выносливых. Дромедары крупнее двугорбых верблюдов и более длинноногие. Они не утратили способности к быстрому бегу и используются для верховой езды. Они хорошо переносят как холод, так и жару. Только они могли, заменив лошадь, барана и корову вместе взятых, дать мясо, молоко и шерсть.

Захватывающие рассказы о верблюде создали ему славу самого замечательного животного пустыни. Приспособленность верблюда к жизни в пустыне не имеет аналогов. Он пьет без последствий для здоровья соленую и горько-соленую воду, ядовитую для человека и других животных.

Основная часть. Верблюд издревле считается символом плодовитости. Он олицетворяет выносливость и терпение, богатство и финансовый успех, благородство и верность, мудрость и жизненное процветание. С давних времен на Востоке верблюжья шерсть считается священной, ее присутствие в доме приносит счастье и удачу. Среди туркмен сохранилось поверие, что верблюжья шерсть оберегает от «дурного глаза» и болезней. Изделия из верблюжьей шерсти имеют безупречную репутацию и служат человеку с незапамятных времен. Психологические ассоциации разнообразны, но все исключительно положительны.

Верблюды сыграли большую роль и во время римско-парфянской войны. Когда легендарные парфянские лучники обрушивали свои тяжелые смертоносные стрелы на римские легионы, римляне надеялись, что у парфян скоро закончатся запасы стрел. Но римляне заметили позади лучников верблюдов с огромными вьюками. Парфянские стрелки время от времени отходили назад и, возвращаясь, обрушивались на римлян с новой энергией. В огромном обозе у парфян был неисчерпаемый запас стрел (Сарианиди, Кошеленко, 1966: 112).

Шерстяной покров верблюда неоднороден — он состоит из грубого наружного волоса и внутреннего слоя мягкого теплого пуха. Конечно же, пуховый подшерсток ценится более всего. К счастью, у верблюда такого пуха довольно много — он составляет больше половины общего объема шерсти. Верблюжий пух не только на редкость теплый, но и «мудрый» — он является прекрасным изолятором, поддерживающим постоянную температуру тела. Неудивительно, что верблюд в знойный полдень чувствует себя вполне комфортно: шерсть на его спине нагрета до 80 градусов по Цельсию, а кожа под ней — всего до 40! Этот замечательный пух обладает множеством достоинств. Он теплее, прочнее и при одинаковом объеме в два раза легче овечьей шерсти. К тому же не вызывает аллергии и снимает статическое напряжение со своих владельцев.

В течение многих веков шерсть верблюда считалась лечебной — она служила лекарством от многих болезней. Её использовали как для тепла, так и для облегчения болей в спине и суставах. Причем тепло, которое дает верблюжья шерсть, тоже лечебное: сухое. В изделиях из нее человек никогда не потеет. И все потому, что она гигроскопична и благодаря структуре своих волосков отлично проводит воздух. Кроме того, чудо-шерсть усиливает всасываемость лекарственных средств. Эффективность противовоспалительной или противорадикулитной мази, к примеру, увеличивается вдвое, если после ее нанесения надеть пояс либо укутаться одеялом из верблюжьей шерсти. Греческие гетеры с успехом избавляли от ревматических болей, прикладывая к спине своего господина кусочек верблюжьей шерсти, вымоченной в смеси серы, уксуса и соды. Древние римляне лечили растяжения и ушибы, накладывая повязки из шерсти, пропитанной отваром трав. Современная медицина не отступает от традиций. Сегодня известно множество заболеваний, лучшее средство от которых — верблюжья шерсть.

Культура Востока ярко отразилась и в Европе, что коснулось и верблюжьей шерсти.

Изделия из нее стали востребованными во многих странах.

Из всех видов шерсти именно верблюжья содержит наибольшее количество ланолина (животного воска). При температуре 36–37 градусов по Цельсию ланолин легко впитывается в кожу и благоприятно воздействует на нее, а также на мышцы и суставы. К тому же только верблюжья шерсть не электризуется и лучше других снимает статическое напряжение, что имеет большое значение при современном использовании электрических бытовых приборов и компьютерной техники. Из-за красоты цвета, а также чтобы не потерять ценные свойства шерсти, вещи, сделанные из верблюжьей шерсти, обычно оставляют неокрашенными.

Шерсть считается настоящим волокном животного происхождения, если настригается с живых верблюдов, «мертвая» же шерсть, собираемая на скотобойнях, во всех отношениях значительно хуже «живой». Известно, что изделия из верблюжьей шерсти обладают большей прочностью и износостойкостью по сравнению с другими. Из-за больших воздушных камер внутри волоска верблюжья шерсть теплее и легче овечьей. Драгоценная шерсть верблюда обладает полезными свойствами, позволяющими человеку уберечься от холода и восстановить силы. Она может исцелять от симптомов невритов, невралгии, остеохондроза, артрозов и ревматизма. Одежда из верблюжьей шерсти защищает от переохлаждения в холодное время года. Верблюжья шерсть нейтрализует токсины, вырабатываемые организмом, и оказывает косметическое воздействие, омолаживая кожу.

Из верблюжьей шерсти туркмены издавна изготавливали тонкую, высокого качества ткань, из которой шили «агары чякмен» — верхнюю мужскую одежду. Чякмен предназначался для мужчин старшего возраста, но нередко шили и для детей. Его как оберег и священное одеяние обычно дарили мужчинам, достигшим возраста пророка Мухаммеда.

Чякмен надевали и воины-кавалеристы. В дни войны туркменские джигиты надевали, как сказали бы теперь, камуфляжную форму — бежевый чякмен и бежевую папаху, стреножили буланых коней. Экипированный таким образом, воин-кавалерист сливался с окружающей средой, становясь невидимым. Об этих воинах говорили, что «они появляются неожиданно, словно возникают из-под земли, а когда необходимо, также незаметно исчезают, словно проваливаются сквозь землю».

Из верблюжьей шерсти ткутся «сачак» — скатерти для хранения хлеба. Считается, что хлеб и сачак — священные. Такая скатерть дольше сохраняет свежесть хлеба.

Верблюжья шерсть считается священной, поэтому ее применяют только для верхней одежды и теплых одеял, но ни в коем случае нельзя использовать ее для матрацев и вязания носков, ибо стелить или наступать на нее считается грехом. Но современные мастерицы вяжут из верблюжьей шерсти и домашние подследники, мотивируя это тем, что их применяют в лечебных целях. На «намазлыках», молитвенных ворсовых и безворсовых ковриках, орнаменты ткутся из верблюжьей шерсти там, куда молящийся прикасается только головой. Чтобы уберечь ребенка от болезней и дурного глаза, детские безворсовые коврики для люльки — «салланчак килим» — украшались орнаментом из верблюжьей шерсти.

Из этой шерсти ткались женские «гушаки» — пояса шириной 25–30 см и длиной 3–4 м. На край гушака, примерно 70–80 см, наносились узоры, являющиеся оберегом. Гушак обматывается вокруг поясницы так, что орнаментированный край накладывается поверху. Для лечебных целей женщинам после родов обязательно натягивали такие верблюжьи пояса, которые носили в течение сорока дней. Туркменки верят в то, что гушак, сохраняя тепло на пояснице, предупреждает женские болезни и радикулит. Женщины носили гушаки при изготовлении кошмы, на уборке хлопка и других полевых работах.

В качестве оберега из верблюжьей шерсти плетутся веревки различной длины и толщины, в зависимости от назначения: для вплетения в косы девушек, нанизывания бус, ношения на руке в виде браслета. При натягивании «салланчак» — детской люльки — как оберег от болезней и дурного глаза используется толстая веревка, обязательно пестрая, с применением черных и белых нитей, куда вплетается и верблюжья шерсть.

Все эти изделия изготавливают из шерсти годовалого верблюда-«огшук», шерсть которого отличается мягкостью и тонкостью.

Что везли караваны по Великому шёлковому пути? Чем были набиты огромные тюки, навьюченные на верблюдов? Список вещей, изготовленных руками человека, а также выращенных и собранных людьми плодов природы поистине необъятен. Но уже само символическое название трассы прямо указывает, что едва ли не самым ценным в этом перечне был шёлк. Лёгкий, компактный материал из Китая и Центральной Азии, который пользовался громадным спросом на Западе и стоил очень дорого, как ничто иное годился для транспортировки на верблюдах в дальние страны.

В первые века развития международной торговли китайские купцы вывозили из Парфии грациозных и быстроногих скакунов — предков современных ахалтекинцев, а также их корм — люцерну. Другим важным предметом импорта стал для китайцев виноград. Мы знаем, что в Древней Греции, странах Средиземноморья, Закавказье и на эллинизированном Востоке, включая Парфию, виноградарство и виноделие имеют глубокие корни (Массон М., 1951: 5–19). Только на территории Туркменистана археологи нашли обуглившиеся и потому уцелевшие до наших дней виноградные косточки в культурных слоях памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, чей возраст, как показал радиоуглеродный анализ, превышает пять тысяч лет. В Китае же виноград не знали достаточно долго. Еще больше удивились китайские путешественники, попавшие в Парфию, когда увидели, что не только из риса можно производить вино! У себя на родине они распространили и другие плодовые растения: грецкий орех, гранат, инжир, а также такие овощи, как лук, морковь, фасоль, огурцы. Экзотическими на Дальнем Востоке казались среднеазиатские персики, дыни и арбузы, а также дикие и домашние животные: львы, леопарды, охотничьи собаки, ловчие птицы, курдючные овцы. Все они нередко перемещались в обозах в неведомые края.

В Китай везли из западных стран, включая Центральную Азию, разнообразные изделия из шерсти. Прежде всего, конечно, ковры. Но не меньшее впечатление на китайцев, еще не владевших техникой обработки шерсти, льна, ковроткачества и паласной техники тканья, производили изделия, которые они видели во дворцах, храмах и богатых домах парфянских городов. На китайских рынках охотно покупали привозимое с Запада оружие и военные доспехи, золото, серебро и полудрагоценные камни.

Предметом роскоши считалось среднеазиатское стекло, по качеству превосходившее китайское. В китайской хронике сообщается о среднеазиатских мастерах, изготовлявших цветное стекло, относящееся к первой четверти V в. н. э. (Бичурин, 1950: 261–265).

Значительное развитие в государстве Великих Сельджуков получил стеклодувный промысел. Производилось около 40 видов продукции: столовая и химическая посуда, парфюмерные и аптекарские сосуды. Стекло использовалось также для изготовления дешевых украшений, светильников, весовых гирь. Инновацией было производство небольших по размеру оконных стекол дисковидной формы. В XII веке местное стеклоделие достигло довольно высокого уровня развития (Бяшимова, 2011: 151–181).

А из Китая на Запад начиная с VI–VII веков поступал великолепный фарфор снежной белизны с тонкими, зачастую рельефными рисунками: блюда, чаши, бокалы, вазы, статуэтки. Долгое время лишь китайцы могли производить тончайший и звонкий фарфор, селадон, который очень дорого стоил на рынках западных стран. Целые экземпляры, не говоря уже об осколках китайской посуды, обнаружены археологами в Нисе и Шехрисламе, и экспонируются в музейных коллекциях Ашгабата. Еще чаще встречаются средневековые подражания китайскому фарфору: несмотря на то, что они сделаны немного грубее, порой даже специалист не сразу отличит их от оригинала. В качестве примера можно привести имитации китайского селадона, найденные при раскопках городища Амуль, который находился на караванном пути, — первая остановка после Бухары.

Из Китая вывозились также всевозможные изделия из бронзы, зеркала, зонты, лак, парфюмерия, коралл, янтарь, лекарственные средства, чай, рис, корица, имбирь и прочие пряности. Особо ценилась тонкая и прочная бумага. Из Индии также поступали пряности, самоцветы и красители, слоновая кость и ткани, а из Персии — серебряные изделия. В Римскую империю, а потом в Византию экспортировались сухофрукты и сахар, благовония и драгоценные камни. Европа получала из азиатских стран рис, шелк, шерстяные и хлопчатобумажные ткани,

а на экспорт отправляла в Хорезм, Персию и дальше в Индию и Китай мёд, кожаное сырье, мех, пушнину, кору для дубления кож, скот и невольников.

В Гургандж (нынешний Куня-Ургенч) из Южного Казахстана и Семиречья пригоняли множество лошадей, овец, крупного рогатого скота для обмена на местную сельскохозяйственную и ремесленную продукцию. Сюда поступал и китайский шелк, в частности особый его сорт под названием «таргу». В Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи) и Хорасан привозилось немало беличьих и горностаевых шкурок с севера, где жили кипчаки. Из Таласа, Хотана и Яркенда мусульманские купцы в XII веке доставляли пушнину. Оттуда же вывозились рабы, драгоценные камни, золото, войлок, овцы, охотничьи соколы. В Мавераннахр везли оружие, узорчатые ткани и прочие товары из Баласагуна и Тараза. Из Бухары, помимо тканей, вывозили овечью шерсть, конские сёдла... Гургандж и подчиненные ему города Хорезма поставляли солёную рыбу, соболиные шкурки, подбитые ватой одежды, молитвенные коврики, подушки. Фрукты (виноград различных сортов, гранаты), халаты из мягкой верблюжьей шерсти, фазаны, шёлк-сырец поступали из туркменских районов Юго-Восточного Прикаспия: Горгана и Дехистана.

В Мерве были развиты многие отрасли ремесла, но особенно славилось изготовление шелковых одежд из ткани «мульхам». Отличные холсты тонкой выделки ткали в Нисе, а в Серахсе — парчу. Ремесленная продукция хорасанских городов вывозилась в сопредельные и дальние страны. Текстиль делали также в Куня-Ургенче и соседнем Кяте, но гораздо большей известностью пользовались хорезмские луки, которые славились на всем Среднем Востоке.

В XI–XII веках в городских ремёслах сохранялись традиции оседлого населения, а также кочевых и полукочевых туркменских племен. Наряду с текстильным производством существенное развитие получили ковроткачество, гончарное, кузнечное, оружейное, ювелирное дело и другие отрасли. Значительно возрос технический и художественный уровень производства, в частности металлических и керамических изделий. Гончары выделывали различные виды столовой и хозяйственной посуды, обычную и художественную поливную керамику. Мастера-гончары Амуля, Мерва, Абиверда, Нисы, Гурганджа и Дехистана выпускали продукцию на любой вкус. В XII веке инновацией была расписная посуда из силикатной пасты — кашина. Примерно тогда же началось массовое производство гончарных водопроводных и канализационных труб. Они найдены в немалом количестве на раскопках Султан-калы — Мерва, Серахса, Шехрислама и других туркменских городов. Куняургенчские мастера выпускали в большом количестве дигири — сосуды из обожженной глины для водоподъемных колес. Все это, разумеется, расходилось во все стороны света по караванным путям.

Одной из важных отраслей ремесленного производства была обработка металлов, изготовление орудий труда, предметов быта, боевого оружия и украшений. Кузнецы, медники, ювелиры средневековых городов Туркменистана — Серахса, Шехрислама, Миссериана, а также Горгана и Хорезма создали немало образцов высокохудожественных изделий (Бяшимова, Атаева, 2012: 167–199). Около половины бронзовых вещей XI — начала XIII века, имеющихся в коллекциях нью-йоркского Метрополитен-музея и музеев исламского искусства в Европе, происходят из Центральной Азии. Среди этих изделий — сосуды, маленькие чаши, бутыли, лампы-чираги с зооморфными орнаментами. В повседневном обиходе была и столовая посуда из бронзы, сосуды из меди. Мастера-оружейники выковывали легкие боевые топоры, секиры в виде полумесяца, фигурные булавы. Они изготовляли также металлические щиты, наконечники для копий, в том числе в форме двузубца. Большим спросом пользовались боевые панцири и кольчуги из небольших пластин. Особая индийская сталь (пулад-и хинди) применялась для ковки мечей, палашей, кинжалов. Металлические изделия часто украшались различными орнаментами, а также именами владельцев или изречениями (Бяшимова, Атаева, 2020: 19–38).

Заключение. В доисламской бедуинской поэзии много стихов и даже поэм посвящено верблюду. Бедуины часто называют себя «ахаль-аль-баир» — «верблюжьи люди». Они утверждают, что у верблюдов есть музыкальный слух, а некоторые востоковеды полагают, что своеобразные ритмы арабской поэзии возникли под влиянием размеренного шага этого животного.

Амуль. Имитация селадона

Сотни жителей Триполи, ливийской столицы, были свидетелями необычного случая. Через скоростную автомобильную магистраль перегоняли на пастбище огромное стадо верблюдов. Без какого-либо сигнала со стороны погонщиков два самых крупных верблюда встали перед колонной автомашин и стояли, пока все стадо не перешло шоссе. После этого они оглядели место перехода и, убедившись, что все животные благополучно перешли через магистраль, неторопливо отправились им вслед. Вечером, когда животных перегоняли домой, эта сцена повторилась.

Во избежание наездов на верблюдов в Объединенных Арабских Эмиратах принято решение обеспечить животных световыми отражателями.

В некоторых арабских государствах до сих пор существует верблюжья кавалерия.

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, насколько была важна роль верблюда не только на Великом шелковом пути, но и в традициях, жизни туркмен, арабов и других народов, связанных с верблюдом до настоящего времени.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Атагаррыев Е., Бяшимова Н. Кашинные изделия Миссариана // Каракумские древности. Вып. VIII. Ашхабад, 1979. С. 95–105.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. II. М.-Л., 1950. С. 261–265.

Бяшимова Н. Туркменистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. II. Стекло. Самарканд-Ташкент, 2011. С. 151–181.

Бяшимова Н., Атаева А. Туркменистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. III. Торевтика. Самарканд-Ташкент, 2012. С. 167–199.

Бяшимова Н., Атаева А. Стеклянные и металлические изделия Дехистана // Мирас. 2020. № 3. С. 19–38.

Бяшимова Н., Мурадова Э. Туркменистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. I. Керамика. Самарканд-Ташкент, 2011. С. 151–181.

Массон В. М. Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. М., 1981. С. 88. Табл. XIII, 10–12; XXX, 1.

Массон М. Е. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5–19.

Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А. За барханами прошлое. М.: Наука, 1966. С. 112.

АНДРЕЙ ВАРЕНОВ
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

РИТУАЛЬНЫЕ БРОНЗЫ САНЬСИНДУЯ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ: ИССЛЕДОВАНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, Саньсиндуй, антропоморфная статуя, мифология, Гаруда.
Аннотация: На памятнике Саньсиндуй открыта бронзовая фигура человека в юбке с птичьими когтями вместо ступней и с зажатыми в них двумя змеевидными созданиями. Она относится к культуре бронзового века, распространенной в провинции Сычуань КНР. Культура Саньсиндуй располагается на южном маршруте Шелкового пути и считается изобретательницей шелководства. Рассматриваемую статую можно интерпретировать при помощи древнеиндийских мифов о Гаруде. В пользу подобной интерпретации свидетельствует находка в Саньсиндуе больших бронзовых колес со спицами.

Kalit so'zlar: Xitoy, bronza davri, Sansingduy, antropomorf haykal, mifologiya, Garuda.
Annotatsiya: Sansingduy yodgorligida qush panjalariga o'xshash oyoqlari va ular orasida ikkita ilonsimon jonzot siqilgan bronza haykal topilgan. Ushbu haykal Xitoy Xalq Respublikasining Sichuan viloyatida tarqalgan bronza davri madaniyatiga tegishli. Bu joy Sansingduy madaniyati Buyuk ipak yo'lining janubiy yo'nalishida joylashgan va ipakchilikni ixtiro qilgan deb hisoblanadi. Ushbu haykalni qadimgi hind mifologiyasidagi Garuda bilan izohlash mumkin. Bu talqinni Sansingduyda topilgan katta bronza g'ildiraklari dalillaydi.

Keywords: China, Bronze Age, Sanxingdui, anthropomorphic statue, mythology, Garuda.
Abstract: At the Sanxingdui site, a bronze figure was discovered depicting a man in a skirt with bird-like claws instead of feet, gripping two snake-like creatures. This artifact belongs to the Bronze Age culture prevalent in Sichuan Province, China. The Sanxingdui culture, located along the southern route of the Silk Road, is considered a pioneer in sericulture. The statue in question can be interpreted through the lens of ancient Indian myths about Garuda. Supporting this interpretation is the discovery of large bronze spoked wheels at Sanxingdui.

Введение. Саньсиндуй — культура эпохи бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра провинции Сычуань в КНР. Считается, что Саньсиндуй располагался на трассе Южного шелкового пути, чему в Китае посвящены многочисленные публикации и исследования (Саньсиндуй юй Наньсылу, 2007; Саньсиндуй яньцзю, 2007). Практически все бронзовые изделия Саньсиндуя, известные до 2020 г., происходили из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища в 1986 г. Из числа находок в жертвенных ямах наибольшее внимание всегда привлекали бронзовые антропоморфные скульптуры. Одна из них, а именно статуя человека с птичьими когтями на ногах, рассмотрена в данной статье. Предполагается дать описание этой статуи и попытаться раскрыть ее семантику. Учет материалов недавних новых раскопок в Саньсиндуе позволит обрисовать современную ситуацию с интерпретацией жертвенных ям и проверить старые гипотезы.

Статуя человека с птичьими когтями на ногах. У статуи отсутствует верхняя половина туловища. Ее ноги, заканчивающиеся птичьими когтями, прилиты к птичьим головам змееподобных существ (рис. 1, 1). Нижняя часть тела плотно завернута в узкую короткую юбку (возможно, нижнюю часть халата), по центру которой спереди проходит вертикальный шов. Юбка украшена орнаментом, составленным из ромбических меандров, бахромой (?) или широкой нижней каймой — узором вертикальных линий (рис. 1, 3). Узор на юбке и телах змееподобных существ густо окрашен алой киноварью. Голени двух крепких ног покрыты негативным орнаментом, заполненным черным пигментом. Острые птичьи когти обеих ног вцепились в птичьи головы двух змееподобных существ (рис. 1, 1, 2). Сохранившаяся высота человеческой фигуры — 30 см, высота птиц-змей — 51,4 см, общая ширина — 10,8 см, общая высота — 81,4 см (Саньсиндуй цзисыкэн, 1999: 169).

Тождество использованных при отливке антропоморфной статуи технологических

приемов с методами создания некоторых типов больших бронзовых масок и «деревьев духов» позволяет синхронизировать создание статуи из Саньсиндуя со II стадией эволюции бронзовых масок и бронзовых деревьев. Ранее мы наметили два возможных пути реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале: 1) соотнесение сложной композиции с законченным мифологическим текстом; 2) интерпретация, исходящая из структуры самого изделия, а также мифологических и ритуальных аналогий из других культур (Варенов, Гирченко, 2009: 245–247). В данной статье задействованы оба подхода. К сожалению, памятники китайской мифологии привлечь к интерпретационной работе оказалось невозможно ввиду почти полного отсутствия таковых, т.е. свидетельств современных письменных источников о районе Сычуани конца II — начала I тыс. до н.э. (Познер, 1981: 208–209).

Зато статуя человека с птичьими когтями на ногах находит параллели в мифологии древней Индии. Там прародителя и царя всех птиц, божественного орла Гаруду, вахану (ездовое животное) бога Вишну, представляли (и до сих пор представляют) с человеческим телом, одетым ниже пояса в узкую юбку, но с птичьим клювом вместо носа на лице и с крыльями. Ноги у него заканчиваются когтистыми лапами вместо ступней (рис. 2, 1, 2). Мифологемы о Гаруде хорошо объясняют особенности изображения существ, которых статуя из Саньсиндуя держит в своих когтях (Гринцер, 1991: 266). Китайские исследователи единодушно объявляют их «птицами». Но «птичьи» у данных созданий только головы с клювами. Тела же вполне «змеиные» или «драконьи», и нет даже намеков на птичьи крылья или лапы.

По версии, изложенной в «Махабхарате» (Кн. I), Винаата, мать Гаруды, вместе с ним обманом попала в рабство к своей сестре Кадру, матери тысячи змеев-нагов, и ее потомству (Темкин, Эрман, 1982: 66–67, 250). Саньсиндуйская статуя может иллюстрировать одну из следующих мифологем, связанных с Гарудой: 1) перенос змей на остров посреди океана; 2) похищение у богов амриты по приказу змей. В первом случае Кадру и змеи потребовали, чтобы Гаруда перенес их на прекрасный остров посреди океана, что и было исполнено. Птичьи, с клювами, головы змееподобных существ в когтях у саньсиндуйского изваяния могут отражать тот факт, что на самом

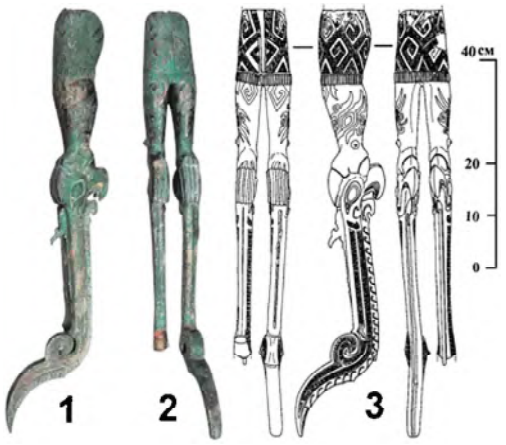


Рис. 1. Бронзовая статуя с птичьими когтями на ногах: 1, 2, 3 — статуя с птичьими когтями на ногах (по: 1–2 — Чжао Дяньцзэн, 2022, с. 83, рис. 4; 3 — Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 171, рис. 87)

деле Гаруда и змеи-наги — единокровные братья. У них общий отец, мудрец Кашьяпа, а матери — родные сестры.

В другой легенде в качестве условия освобождения из рабства Гаруды и его матери змеи выдвинули идею похищения для них у богов напитка бессмертия — амриты. Гаруда проник на небеса, уменьшившись, проскочил между спицами большого колеса с острыми, как ножи, краями, которое, беспрерывно вращаясь, преграждало доступ к амрите, и, снова увеличившись, растерзал своими когтями двух страшных драконов (или змей), стерегущих сосуд с *амритой* (Там же: 70). Драконы в Саньсиндуе отливались «в комплекте» вместе с бронзовыми «деревьями духов» и изображались с лапами, зубастыми пастями, а иногда и с рогами (Варенов, Гирченко, 2017: 286–287). Есть в Саньсиндуе и вполне натуралистичные изображения змей (Там же: 285).

В пользу версии о похищении амриты может говорить присутствие среди находок в яме JK2 нескольких (судя по обломкам однородных деталей — ступиц, до 6 экз.) больших бронзовых колес с пятью спицами каждое, два из которых, диаметром 84 и 85 см, сохранились относительно хорошо (рис. 2, 3, 5). Известно, что колеса с нечетным числом спиц как деталь реального транспортного средства абсолютно нефункциональны. Китайские археологи считали бронзовые колеса из Саньсиндуя изображениями солнца (Саньсиндуй цзисыкэн, 1999: 235).

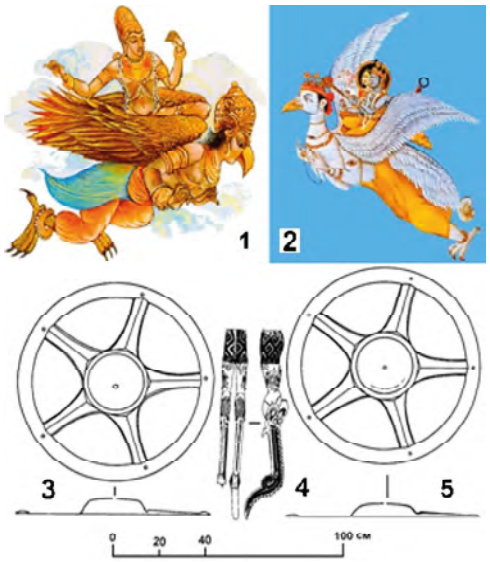


Рис. 2. Гаруды и бронзовые колеса Саньсиндуя: 1–2 — современные изображения Гаруды с богом Вишну (с богом Вишну и его супругой богиней Лакшми) на спине, 3 — большое колесо Обр. К2(3):1, 4 — статуя с птичьими когтями на ногах, 5 — большое колесо Обр. К2(2):67. (по: 1 — Гаруда // Сайт «Лайя-йога» / Божественные существа. URL: http://www.layayoga.ru/index.php?id=5330] (дата обращения 03.08.2024); 2 — Гаруда // Сайт «Легенды народов мира» / Энциклопедия сказочных существ и мифологических персонажей. URL: http://www.onelegend.ru/garuda.html] (дата обращения 03.08.2024); 3–5 — Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 171, 239, рис. 87, 134)

Вместе с тем, эти колеса не просто сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах. Статуя может спокойно, с запасом поместиться в промежуток между спицами любого из колес (рис. 2, 4).

Возобновление раскопок в Саньсиндуе. Осенью 2020 г. раскопки в Саньсиндуе были возобновлены после тридцатичетырехлетнего перерыва. В результате, в дополнение к двум ранее известным, было выявлено шесть новых «жертвенных ям», расположенных неподалеку от двух первых. Китайские археологи приступили к их неторопливой расчистке, даже возведя для этого над новыми ямами специальные закрытые павильоны с контролируемым уровнем температуры и влажности, подведенные под общую крышу. Предварительные результаты этих исследований публиковались в СМИ — в основном, электронных. Российские ученые оперативно отреагировали на появление новых сведений о Саньсиндуе. Примечательно отмеченное ими обнаружение микрочастиц шелка-сырца в яме JK3 и шелковой ткани в ямах JK7 и JK8 (Комиссаров, Гирченко, Соловьев, 2021: 471; Комиссаров, Соловьев, Гирченко, 2022: 564).

Эти находки подтвердили старинную китайскую историческую традицию, считающую район Сычуани родиной шелководства. В центральной китайской археологической научной периодике пока увидела свет лишь одна статья, посвященная возобновившимся исследованиям Саньсиндуя. В ней приводятся предварительные результаты начала расчистки новых жертвенных ям JK3–JK8 и публикуются отдельные небольшие, но яркие находки из их верхних слоев (Жань Хунлинь и др., 2022: 16–30). Китайские археологи пришли к выводу, что, исходя из планиграфии, т.е. взаимного расположения, размеров, ориентации по странам света и других особенностей, все восемь жертвенных ям можно объединить в четыре группы: 1) JK1, JK4; 2) JK2, JK3; 3) JK5, JK6 и 4) JK7, JK8.

Наблюдения над особенностями фрагментов керамики, найденных в заполнении ям, привели китайских специалистов к выводу о синхронности JK3 и JK4, а значит, и всех объектов от JK1 до JK4 включительно, соответствующих по времени четвертому периоду существования Иньского городища в Аньяне, примерно 3000–3200 лет назад. Ямы JK5 и JK6 представлялись им чуть более поздними, соответствующими по времени концу эпохи Шан – началу Западного Чжоу. Поскольку жертвенная яма JK6 частично разрушила яму JK7, то, исходя из этого стратиграфического факта, JK7 и JK8 должны быть более ранними, не позже начала Западного Чжоу в качестве *terminus ante quem*, и также соответствовать по времени четвертому периоду существования Иньского городища в Аньяне (Там же: 31).

О жертвенной яме JK8. Наиболее интересные для нашего исследования результаты принесла жертвенная яма JK8. Она перекрыта третьим слоем стратиграфической колонки района раскопок и впущена из четвертого слоя в ее пятый слой, с ориентацией на юго-восток-восток, по азимуту 117 градусов. Устье ямы в плане трапециевидное, его западная сторона чуть шире восточной, находится на глубине 35–40 см от поверхности земли. Устье ямы длиной 5,01 м, шириной 3,31–4,03 м и площадью около 20 кв. м

(рис. 3, 2). Стенки ямы вертикальные, с легким наклоном, глубина доходит до 2 м, но дно еще не расчищено. Заполнение ямы состоит из четырех слоев: слой земляной засыпки, слой золы, промежуточный слой и слой захороненных вещей (Там же: 28–29).

Земляная засыпка толщиной 0,5–0,7 м с преобладанием супеси желто-бурого и серо-бурого цветов лежит ровно. Находок в ней немного, в основном разрозненные обломки бронзовых изделий. Слой золы заполняет всю площадь ямы, с наклоном от юго-востока к северо-западу. Находок в нем довольно много, с преобладанием мелких бронзовых изделий, золота (в виде фольги), каменных и нефритовых вещиц и обломков крупных бронз. Промежуточный слой состоит из супеси желто-бурого цвета с включением кусков обожженной земли и небольшого количества золы, что похоже на пятый слой стратиграфической колонки района раскопок, в который и впущена яма JK8. С северной и южной ее сторон этот слой толстый, а в центре тонкий. Находок встречено мало, в основном это небольшие бронзовые, золотые и нефритовые изделия и их обломки (Там же: 29).

К моменту публикации статьи 2022 г. в жертвенной яме JK8 было расчищено 5210 находок. В засыпке их обнаружено 458, в слое золы — 4160, в промежуточном слое — 290 и в слое захороненных вещей — 302. Преобладают бронзовые изделия, их 3822 экземпляра. Далее идут золото — 368 экз., нефрит — 324 экз., камень — 261 экз. и керамика — 20 экз. Встречены 312 слоновьих бивней, бирюза, морские раковины, изделия из кости и рога — всего 103 экз. Четвертый слой захороненных вещей распространен равномерно по всей площади ямы. Выше всего в нем ровной прослойкой толщиной в 30 см лежат слоновьи бивни, расположенные без особой системы. Ближе к четырем стенкам ямы и в ее центре из-под бивней видны крупные бронзовые изделия, в основном поврежденные. Из поддающихся опознанию вещей в северном углу ямы JK8 замечено «стоящее на сосуде *цзунь* изображение человека со змеиным телом и винным кубком *гу* на макушке» (рис. 3, 1). Встречены и известные по находкам 1986 г. бронзовые головы, маски, изображения солнца (т.е. колес), драконов и глаз, бронзовые чарки цзунь и вазы лэй (Там же: 29–30).

Новые надежды и неизбежные сомнения. В ходе дальнейшей расчистки

Рис. 3. Жертвенная яма JK8:
1 — статуя «Гаруды» в яме JK8 в начале ее расчистки,
2 — общий вид ямы JK8 в начале процесса ее расчистки.
(по: 1 — Статуя Саньсиндуй. http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html (дата обращения 02.08.2024);
2 — Жань Хунлинь и др., 2022, с. 29, рис. 33)

«изображения человека со змеиным телом» как in situ, так и в лабораторных условиях, стало понятно, что это сложная отливка. Она включала невысокое четырехугольное основание, видимо, изначально предназначенное для вкапывания в землю с целью придания устойчивости всей конструкции. К основанию крепилась (похоже, что была прилита) чарка цзунь, закрытая выпуклой крышкой. На этой крышке стояло на руках изваяние человека. Руки антропоморфной фигуры обломились еще в древности, на крышке остались лишь их кисти, а остальное, по-змеиному неестественно изогнутое вверх ниже плечевого пояса тело фигуры лежало рядом, но отдельно. Голова была увенчана сосудом, похожим на винный кубок гу, видимо, тоже прилитым.

17 июня 2022 г. он-лайн версия китайского официоза газеты «Жэньминь жибао» радостно сообщила о расчистке в жертвенной яме JK8

Рис. 4. Крупные планы статуи «Гаруды» 1 — вид анфас, 2 — вид в профиль. (по: 1–2 — Статуя Саньсиндуй. http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html (дата обращения 02.08.2024)

Рис. 5. Общий вид статуи «Гаруды» с совмещением всех обломков: (по: 1 — Статуя Саньсиндуй. http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html (дата обращения 02.08.2024); 2 — Чжао Дяньцзэн, 2022, с. 83, рис. 3)

бронзовой фигуры, стыкующейся с обломком статуи «Гаруды», найденной в яме JK2 в 1986 г. В заметке ее назвали «Статуя изогнутого тела с птичьими лапками и сосудом на голове» (Статуя Саньсиндуй). На опубликованных фотографиях можно увидеть стоящую на руках фигуру с зачесанными назад волосами, круглыми выпученными глазами, выступающими изо рта клыками и снабженную водруженным на голову винным кубком гу (рис. 4, 1). Тело скульптуры, одетое в подпоясанный кушаком распашной халат с длинными рукавами, от плеч резко задрано вверх и в области пояса стыкуется с находкой 1986 г. (рис. 5, 1, 2).

Нетрудно заметить, что новая саньсиндуйская статуя не вписывается в привычную иконографию Гаруды. Наиболее ранние из известных нам его изображений в Индии на тысячу лет моложе. Они датируются в районе рубежа эр. Талия старой находки 1986 г. смыкается с поясом новой не очень четко, в районе стыка остаются заметные невооруженным глазом зазоры. Орнамент (ромбические меандры) на юбке старой находки отличается от узоров на халате новой (рис. 4, 2). С другой стороны, до этого не встречавшийся в Саньсиндуе винный кубок *гу*, водруженный на голову монстра, как раз и мог содержать похищенный им напиток бессмертия — *амриту*. Да и «змеевидность» новой статуи можно объяснить близким родством Гаруды и *нагов*. Просто «птичьи» и «змеиные» черты в саньсиндуйской иконографии распределились между ними поровну: головы с клювами достались «нагам», лапы с когтями — «Гаруде», а крылья — никому.

Заключение и предложения. В ходе новых исследований Саньсиндуя китайские археологи стали склоняться к идее, что большинство изученных ими закрытых комплексов (жертвенных ям) представляет собой намеренное сокрытие ритуальных изделий, а не принесение их в жертву путем сожжения (Жань Хунлинь и др., 2022: 31–32). Отметим, что мы и ранее считали так называемые жертвенные ямы Саньсиндуя не просто захоронением остатков интерьера древних храмов, совершенным после их сожжения на стороне, но намеренным трансформированием древних храмов для их последующего перемещения в потусторонний (подземный?) мир (Варенов, Гирченко, 2012: 18). Стратиграфия заполнения жертвенной ямы JK8 полностью подтверждает эту гипотезу.

После сожжения древнего храма на стороне в специально выкопанную яму, возможно, повторявшую своим контуром план храма в уменьшенном виде, помещали его остатки. В первую очередь, расставляли собранные на кострище, а скорее, заранее демонтированные и вынесенные из храма еще до его сожжения крупные бронзовые изделия, такие, как бронзовые

маски, головы и сосуды, являвшиеся частью его интерьера, а именно — крупных деревянных скульптур с накладными металлическими деталями. Потом бронзовые изделия перекрывали сверху слоновьими бивнями и засыпали как землей из выкида (промежуточный слой, идентичный по составу тому, в который впущена яма), так и остатками сгоревшего храма (слой золы и обожженных комков земли). Поверх золы опять шла земляная засыпка.

Поскольку слой золы с остатками храма заполняет жертвенную яму с наклоном от юго-востока к северо-западу, то место расположения сожженного храма следует в дальнейшем искать к юго-востоку от ямы JK8. Если реконструкция китайских археологов, предполагающая стыковку фрагментов двух статуй, найденных в жертвенных ямах JK2 и JK8, действительно надежно обоснована, это означает частичную или полную синхронизацию момента создания (захоронения) двух упомянутых закрытых комплексов Саньсиндуя. Такая синхронизация даст возможность применить разработанную нами ранее на материалах жертвенных ям JK1 и JK2 схему технологической эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя к новым находкам, как минимум, из ямы JK8, а возможно, и ко всем остальным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культовые бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 4: Востоковедение. С. 10–19.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 284–288.

Гринцер П. А. Гаруда // Мифы народов мира. – Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 266.

Жань Хунлинь, Лэй Юй, Чжао У, Се Чжэньу, Ли Хайчао, Ван Чун, Сюй Фэйхун, Сюй Даньян. Сычуань Гуанханьши Саньсиндуй ичжи цзисыцюй [冉宏林、雷雨、 吴、 震斌、黎海超、王冲、徐裴宏、 丹阳。四川广 市三星堆 址祭祀区]. Район жертвоприношений на памятнике Саньсиндуй, близ г. Гуанхань, пров. Сычуань // Каогу. – 2022. № 7. С. 15–33 (на кит. яз.).

Комиссаров С. А., Гирченко Е. А., Соловьев А. И. Новейшие данные по культуре Саньсиндуй // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 468–474. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474

Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Гирченко Е. А. Жертвенники культуры Саньсиндуй (по материалам раскопок 2021–2022 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. С. 563–569. DOI: 10.17746/2658-6193.2022.28.0563-0569

Познер П. В. Царства Ба и Шу по материалам «Шуцзина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981. С. 208–223.

Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань дицюй дэ цинтун вэньхуа. [三星堆与南 路:中国西南地区的青 文化]. Саньсиндуй и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй яньцзю. Ди эр цзи. Саньсиндуй юй наньфан сычоу чжи лу цинтун вэньхуа яньтаохуй луньвэньцзи [三星堆研究。第二 。三星堆与南方 之路青 文化研 会 文集]. Исследования Саньсиндуя. Т. 2. Сборник статей симпозиума о Саньсиндуе и бронзовой культуре Южного Шелкового Пути. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 318 с. (на кит. яз.).

Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М.: ГРВЛ, 1982. 272 с.

Чжао Дяньцзэн. Саньсиндуй цзисы ходун дэ цзибэнь цзягоу: шэнь тань, шэнь мяо, цзисыкэн [殿增。三星堆祭祀活动的基本架构:神 、神庙、祭祀坑]. Основные опоры ритуальной жизни Саньсиндуя: священные алтари, храм духов, жертвенные ямы // Сычуань вэньу. 2022. № 5. С. 80–94. (на кит. яз.).

Гаруда // Сайт «Лайя-йога» / Божественные существа. URL: http://www.layayoga.ru/index.php?id=5330 (дата обращения 3.08.2024)

Гаруда // Сайт «Легенды народов мира» / Энциклопедия сказочных существ и мифологических персонажей. URL: http://www.onelegend.ru/garuda.html (дата обращения 3.08.2024)

Статуя Саньсиндуй была собрана воедино после 3000 лет // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17/06/2022. http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html (дата обращения 02.08.2024)

ЭЛЬМИРА ГЮЛЬ
Международный исследовательский институт «Шелковый путь»
Ташкент, Узбекистан

ФЕНОМЕН СОГДИЙСКОГО ШЕЛКА: ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Согдиана, шелк, музейные и частные коллекции, атрибуция, художественный анализ.
Аннотация: В мировой истории искусства широко используется определение «согдийский шелк». Однако в осмыслении этого феномена все еще остаются открытые вопросы. До сих пор не существует отчетливых критериев, по которым можно отличить собственно согдийский шелк от одновременного ему византийского, сасанидского и китайского. Определенные шаги в данном направлении были предложены сотрудницей Эрмитажа А. Иерусалимской на основании изучения значительной группы шелковых тканей из Мощевой балки. Вместе с тем, мировые музейные и частные коллекции хранят значительное число тканей раннесредневекового периода, которые также нуждаются в уточнении места их производства.

Kalit so'zlar: Buyuk ipak yo'li, So'g'diyona, ipak, muzey va shaxsiy kolleksiyalar, attributsiya, badiiy tahlil
Annotatsiya: Jahon san'ati tarixida «so'g'diy ipak» atamasi keng qo'llaniladi. Ammo bu fenomenni tushunishda hali ham ochiq savollar mavjud. Hozircha so'g'diy ipakni bir vaqtning o'zida mavjud bo'lgan Vizantiya, Sasaniy va Xitoy ipaklaridan aniq farqlash uchun aniq mezonlar yo'q. Ushbu yo'nalishda ayrim qadamlar Ermitaj xodimi A. Ierusalimskaya tomonidan Mo'shevaya Balka ipak to'qimachilik materiallari guruhi asosida taklif qilingan. Shu bilan birga, dunyo muzeylari va xususiy kolleksiyalarida ilk o'rta asrlarga oid ko'plab ipak matolar saqlanmoqda, ular ishlab chiqarish joyini aniqlashtirishni talab qiladi.

Keywords: Great Silk Road, Sogdiana, silk, museum and private collections, attribution, artistic analysis
Abstract: The term «Sogdian silk» is widely used in the history of world art, yet many questions about this phenomenon remain unresolved. Clear criteria to distinguish Sogdian silk from its contemporaneous Byzantine, Sassanian, and Chinese silks have yet to be established. Significant progress in this area was made by A. Ierusalimskaya, a researcher at the Hermitage Museum, based on the study of a large group of silk fabrics from Moshchevaya Balka. However, global museum and private collections house numerous early medieval textiles that also require further clarification regarding their origins.

В истории искусства широко используется определение «согдийский шелк». Однако в осмыслении этого феномена все еще остаются открытые вопросы. Вспомним, что именно шелк, родиной которого считается Китай, в период раннего средневековья был одним из основных предметов торговли и, собственно, дал название величайшей торговой трассе древнего мира, связавшей Восток и Запад, — Шелковому пути. Главной движущей силой караванной торговли были согдийцы, впервые применившие новаторский способ ведения торговых операций, основанный на создании факторий на всей протяженности караванных дорог. Считается, что на первых порах согдийцы закупали шелк-сырец и ткани из него в Китае, но позже стали культивировать этот материал и производить люксовые ткани самостоятельно, на территории собственно Согда, как, впрочем, это стали делать на своих территориях византийцы и иранцы. В этой связи в широкой палитре раннесредневековых шелков различаются китайские, согдийские, византийские и иранские (сасанидские).

Золотой период международной шелковой торговли приходится на IV–IX века, в то время как согдийские ткани атрибутируются в основном VIII–IX веками. Как известно, арабы, завоевавшие Среднюю Азию и нарекшие ее Мавераннахр, предосудительно относились к ношению шелковых одежд. Однако, судя по датировкам согдийского шелка, торговля им и ношение шелковых одежд не прекращалось даже в первые века ислама.

Интерес к согдийским шелкам возник в начале XX века, когда венгерский путешественник, этнограф и археолог сэр Марк Аурель Стейн, много лет занимавшийся исследованием Восточного Туркестана, впервые столкнулся с шелковыми самитами. Он определил место их производства как Согд, однако его версия не получила широкого распространения (Raby, Wide, 2020). Последующее поколение исследователей связывало их происхождение исключительно с сасанидским Ираном или Византией.

В 1959 году произошло громкое событие, развернувшее ситуацию на позиции Стейна. На обратной стороне фрагмента шёлковой ткани, хранившейся в дарохранительнице собора Нотр-Дам в бельгийском городе Юи, историк текстиля Дороти Шеперд обнаружила чернильную надпись, которая, как она полагала, была таможенной или торговой пометкой. Расшифровкой надписи занялся лингвист Вальтер Бруно Хеннинг, который огласил ее содержание: «…длина 61 пядей занданечи...». Хеннинг отметил, что шрифт надписи сходен со шрифтом документов с горы Муг (ныне территория Таджикистана), относящихся к началу VIII века, и что он может быть несколько более ранним, но не более поздним (Shephed, Henning, 1959: 15).

А. А. Иерусалимская поддержала идею о существовании «школы художественного шелкоткачества в Согде» и выделила новую группу — «занданечи III», включив туда шёлковые ткани из могильников Северного Кавказа, хранящихся в Государственном Эрмитаже и Государственном историческом музее; все они были определены как продукция одного центральноазиатского центра, функционировавшего в VII веке в районе Бухары (Доде, 2017: 48). Многочисленные находки шелка в захоронениях Астана, Турфан, Дулань, Цинхое также получили признание как «согдийские» (Орфинская, 2017: 334). Их хронологические рамки были определены второй половиной VII — первой половиной IX века (Иерусалимская, 1972: 5). Вслед за А. Иерусалимской термин «занданечи» стал использоваться для обозначения постоянно растущего списка шелков другими российскими исследователями, а также зарубежными специалистами, подчас «без убедительных на то оснований» (Raby, Wide, 2020).

Однако Н. Симс-Вильямс и Дж. Кан возвращаются к прочитанной Хеннингом надписи и делают вывод: надпись на шёлковом фрагменте из Юи является… арабской и не содержит в себе термин «занданечи». Прочитывается она так: «Принадлежит Абд аль-Рахману, начальнику, (приобретено) за тридцать восемь динаров без одной трети». По стилю, отмечают они, надпись наиболее характерна для арабоязычных документов IX века, что укладывается в промежуток между 780–980 гг., полученный для данного шелка методом радиокарбонного анализа. Упоминание в надписи валюты — динаров указывает, что наиболее вероятными местами приобретения ткани могли быть Египет, Сирия и, возможно, Ирак (Доде, 2017: 50). Таким образом, версия о согдийских самитах-занданечи, выстроенная благодаря случайной находке в Бельгии, рухнула под напором новых аргументов. Многие специалисты вообще решили отказать Средней Азии в шелковом производстве и переместить все «согдийские» шелка в Сиро-Египетский регион (Орфинская, 2017: 340).

Так производились ли полихромные самиты в Согде в VI — начале VIII века? На весьма радикальной позиции в этом вопросе стоит З. В. Доде. «Растиражированное и используемое сегодня как непреложная истина утверждение о производстве шелковых тканей в доисламском Согде не подтверждается убедительными фактами», — пишет она (Доде, 2017: 50).

Более осторожна в вопросе о согдийских самитах О. Орфинская: «Вопрос — был ли в Согде так называемый «согдийский» шёлк, пока остается открытым. Компактная группа однотипных шёлковых тканей самит одного времени из скальных могильников Северного Кавказа не может быть включена в ткани византийского круга. Место производства

Рис. 1. Шелковый самит. VIII–IX вв. Коллекция Кристиана Дейдьера. Фото автора

данных тканей неизвестно. Возможно, это был Согд (Орфинская, 2017: 337).

Сложность ответа на вопрос — производился ли шелк на территории Средней Азии до ее завоевания арабами — связана с тем, что мы практически не располагаем археологическими находками шелка периода расцвета Шелкового пути на этой территории. Стенные росписи Афрасиаба и Пенджикента подтверждают, что такие ткани были в ходу у местной элиты, однако не могут свидетельствовать, были ли они местного производства либо импортные.

Причины отсутствия шелковых находок на территории Средней Азии — не располагающий к их длительной сохранности климат, а также способ захоронения, присущий зороастрийцам, который не предполагает наличия каких-либо погребальных предметов.

Тем не менее, несмотря на сложности атрибуции, многие музеи отдают предпочтение Согду, указывая происхождение ткани. В настоящее время коллекции и отдельные предметы из шелка, атрибутируемого как согдийский, находятся в разных музеях и собраниях мира.

В первую очередь, следует упомянуть коллекцию тканей, хранящуюся в Государственном Эрмитаже и полученную в результате археологических раскопок на Мощевой балке. Это ткани VIII–IX веков, разнообразные по происхождению (византийские, сасанидские, китайские, согдийские), и именно согдийские составляют самую значительную их группу, обозначенную А. Иерусалимской как группа Б (225 инв. номеров) (Иерусалимская, 2012: 109). И хотя при идентификации этой группы Иерусалимская ссылается на уже «разоблаченный» термин «занданечи» и исследования Д. Шеперд и В. Б. Хеннинга, она приводит также другие аргументы, позволяющие ей говорить о единой группе согдийского шелка. Это четко регламентированные размеры ткацких кусков (ширина 1,2 м, длина — 2,0–2,4 или 3,6–4.0), разнообразные мотивы декора. Особое предпочтение уделяется мотиву «двойной секиры», специально, как полагает А. Иерусалимская, выпускавшемуся для расчетов с местными племенами (Иерусалимская, 2021: 110).

В целом Иерусалимская отмечает, что «нет сомнений в том, что согдийские шелка — самая многочисленная группа текстильных находок в Мощевой балке» и перечисляет главные их особенности, позволяющие выделить их в отдельную группу. Это стилистические и композиционные характеристики, а также состав сюжетов и орнаментальных мотивов, при этом отмечается, что орнаментальные композиции преобладают над сюжетными. На первых порах, по мнению Иерусалимской, декор согдийских тканей отличался эклектизмом (сасанидские, византийские, китайские влияния), что, вероятно, «было связано с относительно более поздним (не ранее 6 в.) возникновением согдийского шелкоткачества; позднее этот эклектизм постепенно сглаживается» (Иерусалимская, 2021: 110). С технический

точки зрения А. Иерусалимская отмечает использование многоремизного станка китайского типа, заметное варьирование качества ткачества (от высокохудожественного до довольно грубого), некрученые нити основы, определенный раппорт рисунка (от 12 до 21–22 см), симметрично-зеркальное удвоение рисунка, характерная цветовая гамма (синевато-зеленая с желто-коричневыми оттенками), сильное выцветание из-за использования некачественных красителей (Иерусалимская, 2021: 110). Помимо Мощевой балки, «согдийские» ткани были обнаружены в территориально близких могильниках (Иерусалимская, 2021: 110).

В целом именно значительные по количеству коллекции дают возможность делать системные выводы о типологии той или иной группы тканей, в связи с чем у Эрмитажа, безусловно, есть широкие возможности для этого. Многие другие музеи мира располагают малочисленными коллекциями, либо вовсе единичными экземплярами. Так, отдельные экземпляры «согдийского» текстиля находятся в музее в Льеже (Франция), в городе Юи (Бельгия), Фонде Абегг-Штифтунг (Швейцария), Кливлендском музее искусств (США) и многих других.

Некоторые музеи получают эти уникальные артефакты в результате специальных закупок на аукционах либо как дары, сделанные частными лицами. Так, одним из ранних объектов, представляющих текстильное наследие Узбекистана в коллекции Музея исламского искусства Малайзии, является халат (IAMM 2015.7.31), атрибутируемый музеем как согдийский и датируемый на основе углеродного анализа (углерод-14) VII–VIII веками (Баракат, 2023: 55). Халат имеет очень длинные рукава, что указывает на его парадно-церемониальный характер, распашную переднюю часть и большой отложной воротник. Он сшит из двух разных тканей, с медальонами в кругах перлов. На фоне медальонов первой (основной) ткани — стоящие друг против друга рогатые ибексы и стилизованное древо посередине, на второй, использованной для манжет рукавов,

Рис. 2. Шелковый самит. VIII–IX вв. Коллекция Кристиана Дейдьера. Фото автора

Рис. 3. Шелковый самит. VIII–IX вв. Коллекция Кристиана Дейдьера. Фото автора

— крылатые лошади, под копытами которых расположено редуцированное древо жизни. В колорите преобладают красный, зеленый, синий и кремовый цвета. Проведенный перед покупкой тест на датировку халата по

углероду-14 для определения времени изготовления показал, что его радиоуглеродный возраст составляет 1311±20 лет назад, то есть артефакт можно датировать примерно VII–VIII веками (Саллех, 2023: 264).

Особое внимание привлекают частные коллекции «согдийского» текстиля. Основным источником их пополнений являются мировые аукционы, где периодически появляются для реализации различные изделия. Крупнейшим рынком, предлагающим раннесредневековый шелковый текстиль, является Гонконг.

В 2018 году антикварный мир всколыхнула информация о появлении на аукционе Сотбис шелковой рубашки «возрастом 1000 лет» (https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2019/arts-of-the-islamic-world/an-exceptional-silk-samite-shirt-with-ducks, 2018). Рубаха, украшенная изображениями фазанов или уток, была атрибутирована как согдийская, принадлежавшая «кочевым согдийцам» (очевидно, под определением «кочевой» имелся в виду караванный образ жизни). «Согдийцы, проживающие на территории современного Узбекистана и Таджикистана, были известны своим великолепным текстилем — идеальным портативным богатством для кочевого народа — и своим мастерством торговцев всем, от рабов до парфюмерии, вдоль древнего Шелкового пути и в регионе, простирающемся от Константинополя до Индии», — отмечалось в аннотации к объекту продажи (https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2019/arts-of-the-islamic-world/an-exceptional-silk-samite-shirt-with-ducks, 2018).

Наиболее значительной и яркой коллекцией раннесредневековых самитов является коллекция французского коллекционера Кристиана Дейдьера. В 2023 году состоялся экспозиционный дебют коллекции — часть предметов была представлена в Париже, часть — в Гонконге. К этой дабл-выставке был подготовлен великолепный каталог, объединивший все ее артефакты, — «Enigmatic Textiles on the Silk Road» (Deydier, 2023). В каталоге, в создании которого принимала также участие Стефани Дейдьер, дается исторический обзор шелковой торговли, связавшей Запад и Восток, анализируются основные мотивы декора этих удивительных тканей. Однако вопрос точной атрибуции места их производства был оставлен за пределом внимания авторов.

По каким же критериям определять место производства раннесредневековых согдийских шелков? В чем их техническое и художественное отличие от одновременных им византийских, сасанидских и китайских? Методы, предложенные А. Иерусалимской, выглядят вполне надежными. При всей важности технологических характеристик, имеет смысл, на наш взгляд, особое внимание при атрибуции обращать внимание на художественные особенности — прием, к которому в свое время обращался также А. Беленицкий (Беленицкий…, 1961: 66).

Есть основания считать, что те ткани, узорам которых свойственна большая строгость линий, своего рода классическая простота (Д. Шеперд писала о варваризации — цит. по: Беленицкий…, 1961: 70) и одновременно ноты экспрессивности при изображении животных, были действительно созданы в Согде. Эти черты — сочетание лаконизма и экспрессии — весьма характерны для синкретичного согдийского искусства, испытавшего отчетливое тюркское влияние. Еще одним важным определяющим мотивом, позволяющим говорить о согдийской атрибуции самитов, является равносторонний крест с завитками рогов на концах, помещаемый между основными медальонами. Он встречается не на всех раннесредневековых шелках с медальонной композицией — в некоторых вместо него могла быть использована круглая розетка, пальметтка, иные цветочные мотивы, ромбы и прочее. Этот мотив — знак Тенгри, главного бога тюркского пантеона, явно был отражением комплиментарного союза, сложившегося между согдийцами и тюрками в период господства последних на землях Согда. Присутствие на тканях этого креста можно объяснить как заказом тюрков, желавших видеть на носимых ими шелках

важнейший для них сакральный знак, так и предложением самих согдийцев, знавших, как угодить своим политическим покровителям. Тенгрианская символика в сочетании с зороастрийскими образами на согдийских шелках — яркий пример тюрко-согдийского симбиоза, сложившегося в VI–VII веках.

В заключение отметим, что изучение «согдийского» шелка происходило параллельно с формированием его коллекций. При этом вопросы атрибуции так и остаются открытыми. Нет четких критериев, которые могли бы стать определяющими для этой группы текстиля. Отсутствие значимых находок шелка, собственно, на территории Средней Азии также не способствует прогрессу в данных вопросах. Хотя автор и придерживается важности художественного анализа при атрибуции, все же именно технические параметры являются в данном вопросе определяющими.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

An exceptional silk samite shirt with ducks, Central Asia, Sogdiana, 7th-9th century // https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2019/arts-of-the-islamic-world/an-exceptional-silk-samite-shirt-with-ducks Дата обращения: 08.09.2024

Deydier Christian. Enigmatic Textiles on the Silk Road. Paris, 2023.

Raby, Julian and Wide, Thomas. From Nara to Nancy. Seeking the Sogdian Abroad. URL: https://sogdians.si.edu/nara-tonancy/. Дата обращения: 14.05.2020.

Shepherd D., Henning W. B. Zandanījī Identified? / Aus der Welt der Islamischen Kunst: Festschrift für Ernst Kühnel zum 75. Geburtstag am 26.10.1957. Berlin, 1959. pp. 15–40.

Баракат Х.Н. Музей исламского искусства Малайзии // Собрание Музея исламского искусства Малайзии. Серия «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Ташкент, 2022.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданечи») // СА. М., 1961. № 2. С. 66–78.

Доде З. «Шелка занданечи»: история мифа // Восток, № 6, 2017. С. 48–60.

Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран / Под ред. А. А. Иванова, С. С. Сорокина. Л.: Аврора, 1972. С. 5–57.

Иерусалимская А. А. Мощевая балка. Необычный археологический памятник на северокавказском Шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012.

Орфинская О. В. Рождение и смерть шелковой ткани самит. Stratum plus. № 5. 2017. С. 337–346.

ФАСИХИТДИН ДАДАМУХАМЕДОВ,
БОБИР ДАДАМУХАМЕДОВ
Национальный институт художеств и дизайна имени Камолиддина Бехзода
Ташкент, Узбекистан

ЗНАЧЕНИЕ ЮВЕЛИРНЫХ ШКОЛ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ НАСЛЕДИЯ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: сквозная резьба, филигрань, чернь, эмаль, вырубка, формовка, литье, инкрустация.
Аннотация: В статье представлен научный анализ значения ювелирных школ в изучении и сохранении наследия узбекского ювелирного искусства с точки зрения искусствоведения. Для этого были изучены имеющиеся школы ювелирного искусства Узбекистана, такие, как Бухарская, Хорезмская, Сурхандарьинская, Ферганская, Каракалпакская и Ташкентская. В статье также представлен анализ ювелирных украшений и технологий, относящихся к каждой традиционной школе. В конце статьи на основе выводов исследования было сформулировано несколько предложений и рекомендаций.

Kalit so'zlar: o'yma naqsh, filigran, qora sir, emal, kesish, qolipga quyish, quyma, tarkib.
Annotatsiya: Maqolada O'zbekiston zargarlik san'atining merosini o'rganish va saqlashda zargarlik maktablarining ahamiyati san'atshunoslik nuqtai nazaridan ilmiy tahlil qilingan. Buning uchun Buxoro, Xorazm, Surxondaryo, Farg'ona, Qoraqalpog'iston va Toshkent zargarlik maktablari o'rganilgan. Maqolada har bir an'anaviy maktabga tegishli zargarlik buyumlari va texnologiyalarining tahlili ham keltirilgan. Tadqiqot natijasida bir qancha taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan.

Keywords: openwork carving, filigree, niello, enamel, cutting, molding, casting, inlay.
Abstract: The article presents a scholarly analysis of the significance of jewelry schools in studying and preserving the heritage of Uzbek jewelry art from an art history perspective. For this purpose, the existing jewelry schools of Uzbekistan—such as the Bukhara, Khorezm, Surkhandarya, Fergana, Karakalpak, and Tashkent schools—were examined. The article also provides an analysis of jewelry pieces and techniques associated with each traditional school. Based on the research findings, several proposals and recommendations are formulated at the conclusion of the article.

В условиях глобализации ювелирное искусство становится важным фактором сохранения национального колорита и вековых ценностей традиционной культуры и вызывает необходимость рассмотрения широкого спектра теоретических и практических проблем, связанных с его адаптацией к современным условиям. В этом отношении глубокое и всестороннее исследование ювелирного искусства Узбекистана, процесса формирования его традиционных школ, этапов развития и специфики является актуальной и востребованной научной проблематикой, от решения которой во многом зависит дальнейшее развитие этой отрасли.

Одним из приоритетных направлений современной международной культурной и художественной практики является сохранение, изучение и пропаганда традиционного культурного наследия, народного прикладного искусства и его важной составляющей — национального ювелирного искусства. Особое внимание уделяется изучению вековых традиций ювелирного искусства, исторических этапов формирования его локальных школ, выявлению их художественных особенностей и своеобразия, а также рассмотрению вопросов творческой интерпретации традиций и создания инновационных ювелирных украшений.

Особое внимание в мировой искусствовед ческой науке уделяется вопросам преемственности традиций в ювелирном искусстве, изучению инновационных тенденций в творческой практике мастеров-ювелиров, а также проблемам, связанным с усилением экспортного потенциала отрасли в контексте перехода процесса изготовления ювелирных украшений на промышленно-технологическую основу. Весьма актуальными аспектами являются и такие вопросы, как воздействие на развитие ювелирного искусства социально-экономических и общественных изменений, выявление особенностей традиционных технологических и художественных

приемов и их роль в процессе инновационных творческих поисков мастеров-ювелиров.

С целью сохранения, возрождения и развития традиций ювелирного искусства в нашей стране за последние годы были проведены масштабные Международные фестивали и симпозиумы — такие, как «Ташкентская Международная биеннале прикладного искусства» (2017–2023 гг., Ташкент), «Международный фестиваль декоративно-прикладного искусства» (2019–2023 гг., Коканд), «Международный фестиваль золотошвейного и ювелирного дела» (2022–2024 гг., Бухара), Международная выставка ювелирного искусства «Uzbek Jewellery Fair» (2023 г., Ташкент), Международная премия «Uzbek Jewellery Awards–2023» (2023 г., Ташкент). Как форму материальной и социальной поддержки ювелиров следует рассматривать осуществляемые Ассоциациями «Хунарманд» и «Узбекзаргарсаноати» меры, включающие исследование и сохранение традиций ювелирного искусства, а также оказание содействия мастерам в создании современных инновационных изделий. Весьма актуальным является изучение процессов возрождения вековых традиций узбекского ювелирного искусства и сохранения своеобразия ювелирных школ, а также искусствоведческий анализ новых тенденций в национальном ювелирном искусстве. Это, в свою очередь, будет служить методологической основой в деле восстановления забытых художественно-технологических приемов и успешного развития локальных школ и центров ювелирного искусства Узбекистана в целом.

Признавая важный вклад исследователей в изучение ювелирного искусства Узбекистана, следует отметить, что с точки зрения искусствоведения недостаточно проанализированы процессы формирования ювелирных школ Узбекистана и своеобразие локальных художественных школ и центров, а также вопросы их взаимосвязи и взаимовлияния.

В связи с этим данная научная статья посвящена характеристике особенностей локальных школ ювелирного искусства на территории Узбекистана в XIX — начале XXI в. В научной статье упоминаются следующие основные локальные школы ювелирного искусства: Бухарская, Хорезмская, Сурхандарьинская, Ферганская, Ташкентская и Каракалпакская. Крупные центры каждой школы выделены отдельно. В Бухарской школе — это Гиждуван, Нурата, Самарканд, Ургут; в Хорезмской — Хива, Ургенч, Хазарасп; в Сурхандарьинской — Байсун, Кунград, Денау, Шерабад, Карши, Шахрисабз, Китаб; в Ферганской — Коканд, Маргилан, Наманган, Андижан, Асака, Чуст, Касансай, Учкурган; в Ташкентской — Чорсу, Куштут, Чигатай, Заркайнар, Кукча; в Каракалпакстане — Чимбай, Халкабад, Ходжейли, Турткуль и другие.

В данной научной работе использованы методы историко-культурного, этнологического, историко-семантического, сравнительного и искусствоведческого анализа, сформированные при изучении особенностей художественного процесса в ювелирном искусстве Узбекистана.

В начале XVI в. разделение ослабленной империи Темуридов на Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства оказало существенное влияние на прикладное искусство, в частности, на изменения в ювелирном деле. Дело в том, что каждое ханство формировало собственную стилистику и своеобразное направление в культуре и искусстве. Это привело к тому, что на подчиненных территориях ювелиры в своей творческой работе стремились отразить доминирующие эстетические и художественные веяния своих правителей, а их заказы выполнялись с высоким мастерством; ювелиры пытались в своих изделия опосредованно выразить идеи красоты, а также силы, богатства и могущества местных правителей и высокопоставленных вельмож.

Распространение ислама оказало значительное влияние на производство художественных металлических изделий, в том числе ювелирных. В древности богатые покупатели предпочитали золото как символ богатства и привилегированного положения в обществе. Поскольку ислам осуждает ношение золотых украшений, большая часть этнических украшений в различных частях Востока изготавливается из имитации серебра и ювелирных сплавов (Sigrid van Roode, 2010: 25).

В научной статье отражено, что вышеназванные традиционные ювелирные школы и центры благодаря творческим поискам ювелиров известны и популярны не только в нашей стране, но и во всем регионе Центральной Азии. Атмосфера соперничества и рыночной конкуренции вынуждала мастеров-ювелиров создавать все больше новых узоров, а также способов и приемов изготовления украшений. Например, присущие Бухарской школе изделия

Рис. 1. Ювелиры Каракалпакстана и Бухары в конце XIX – середине XX вв.: 1. Амет Насыров. Ювелир из Тахтакупырского района. 2. Мастер серебряных дел из Халкабада. 3. Касымджан Мираков. Ювелир из Бухары. 4. Алиходжа Канаев. Ювелир из Бухары

«Тавк», «Тилля-баргак», «Боло-абру», «Нозигардан», «Жевак», «Пешавез», «Бибишак», «Мохи-тилло» отличаются применением техники шабака, минои (эмаль), тагнишин, босма и колипаки, в то же время относящиеся к Хорезмской ювелирной школе такие украшения, как «Шокила», «Бодомой», «Такъя-тузи», «Ук-яй», «Куш-ине», «Канот-осма» отличаются богатством мелких элементов украшения, убранством, украшением большим количеством кораллов и обобщающими формами с использованием большого количества подвесок в виде лепестков – «баргак». В XX веке ювелирное искусство в Хиве переживало кризис. Тем не менее известные ювелиры Хивы А. Давлетов, М. Матчонов, У. Бобожонов, М. Сейтов, которые работали в городе с учетом потребностей населения, продолжили традицию ювелирного искусства (Раҳмонова, 2013: 44).

Каракалпакские ювелирные украшения «Хайкель», «Онирмоншак», «Шартуйме», «Саукеле», «Тобелик» отличаются тем, что в них преобладают величественность и монументальность форм, использование техники инкрустации поверхности украшений крупными красно-оранжевыми и красными сердоликами, агатом, декорированных элементами узоров, свойственных данному региону.

В украшениях, относящихся к Ферганской ювелирной школе, используются технические приемы куйма (литье), чекма, шабака, кадама для создания изящных и роскошных украшений «Соч попук», «Кашгар балдок», «Ой балдок», «Уй сирга», «Халка-и гуза», «Халка-и беш аяк», а также поясов и конских сбруй. Украшения Ташкентской ювелирной школы «Тилля-кош», «Зеби-гардан», «Буйин-тумар», «Култук-тумар», «Кош-тумар», «Ойна зирак», «Гаджак», браслет выделяются такими особенностями, как изящество, тонкость, ажурная резьба. Ювелирная школа Сурхандарьи сформирована в среде древних степных племен и отличается традиционными украшениями, изготовлявшимися из низкокачественного серебра. Это – серьги «Уч кузача», «Мухаммади», украшения для волос «Жамалак», «Садаф», украшения передней части платья «Ситора», украшения для носа «Чолбанд», «Арабек», «Латиба», «Холбини», «Холчуп», украшения, изготовляемые нанизыванием на нити мелких камушков и бусин, образующих узор; надеваемые на шею украшения «Хафабанд», «Гулбанд», «Томоклов», «Гарди хазина».

В конце 1920-х – начале 1930-х годов узбекские ювелиры стали объединяться в артели. Таким образом, профессия ювелира стала развиваться, сохраняя территориальную идентичность старых художественных центров, обогащенных инновациями. В результате экспедиций 1935–1936 гг. большой интерес у специалистов Совета промышленности и научно-исследовательского института художественной промышленности вызвали работы из золота и серебра мастеров Ташкента и Бухары, сохранивших традиции своих центров. (Абдухолиқов, Ртвеладзе и др., 2020: 328)

В результате заключений, полученных в процессе исследования, разработаны следующие предложения и рекомендации:

1. Восстановить в методике школ забытые технологии в создании ювелирных изделий, в частности, местных художественно-технических приёмов «шабака», «минокори», «тагнишин», «совоткори» и восстановить ряд традиционных видов узоров.

2. Наладить процесс работы прекративших свою деятельность ювелирных школ Хорезма и Сурхандарьи.

Рис. 2. Национальные серьги Узбекистана 1-й половины XX века:
1. «Уч кузача». Сурхандарья; 2. «Халка-и-гуза». Фергана; 3. «Ойна зирак». Ташкент

3. Создавать современные инновационные произведения с сохранением традиций локальных ювелирных школ Узбекистана.

4. Внедрять в практику современное технологическое оборудование и инновационные разработки ювелирного дела.

5. Обеспечить сертификацию и стандартизацию ювелирных изделий в соответствии с международными требованиями.

6. В сети Интернет организовать веб-сайт с онлайн-платформой, пропагандирующей творчество ювелиров Узбекистана и представляющей сведения об их произведениях.

7. Создать необходимую учебную литературу в области ювелирного искусства с опорой на исследования искусствоведов и опыт развитых стран.

8. Организовать систематическую профессиональную подготовку кадров ювелирной отрасли.

9. Организовать подготовку специальности «Ювелирное искусство» в Ташкенте в Международном институте искусств и дизайна, которую планируется создать при сотрудничестве Республиканской ассоциации «Хунарманд» с Министерством высшего образования, науки и инноваций.

10. Решить вопрос обеспечения современным техническим оборудованием мастерских и лабораторий в Национальном институте художеств и дизайна имени Камолиддина Бехзода и Ташкентском государственном техническом университете имени Ислама Каримова, что станет основой для приобретения знаний студентами и будущими специалистами-ювелирами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Sigrid van Roode. Desert Silver. Nomadic and traditional silver jewellery from the Middle East and North Africa. Amsterdam: KIT Publishers, 2010. 25 p.

Раҳмонова Ю. Хива шаҳрида металлга ишлов бериш ҳунармандчилиги. Хоразм Маъмун академияси ахборотномаси. Хоразм: № 4/2013. 44 б.

Ўзбекистон маданий мероси муаллифлик туркуми: Ўзбекистон маданий мероси Москва музейлари тўпламида китоб-альбоми. / Ф.Ф.Абдухолиқов, Э.В.Ртвеладзе, И.Л. Журавская, Н.И.Шишлина ва бошқалар. Тошкент: "КОЛОРПАК", 2020. 328 б.

ZUHRA DOSMETOVA
Kamoliddin Behzod nomidagi Milliy rassomlik va dizayn instituti
Toshkent, O'zbekiston

XVI ASR BUXORO ME'MORCHILIGIDA KUNDAL BEZAGI

Kalit so'zlar: me'moriy, konstruksiya, interyer, kompozitsion yechim, bezak, kundal, namoyon, naqsh, bo'rtma, qizil-kesak.
Annotatsiya: Ushbu maqolada XVI asr Buxoro me'morchiligining noyob namunalaridan biri hisoblangan Baland masjidi haqida tarixiy ma'lumotlar keltirildi. Yodgorlikning arxitektura-konstruktiv yechimlari, interyerini bezashga innovatsion yondashuvlar, monumental me'morchilikda interyer dizaynining dekorativ-badiiy jarayonlari yoritildi. Devorlar sathini kompozitsion namoyonlar va ravoqlarga bo'linishi va taqsimlanishi, shuningdek ularni badiiy bezak echimlari ko'rib chiqildi. "Kundal"ning interyerda qo'llanilishining badiiy xususiyatlari, masjidning ichki qismida qo'llaniladigan bezak turlari (islimi, geometrik girix naqshlari, o'yilgan o'simlik naqshlari va boshqalar) va materiallari (loy, ganch, qizil-kesak, lyoss) hamda interyerda qo'llaniladigan bo'yoqlarning ranglar jilosi haqida ma'lumot berildi.

Keywords: architecture, construction, interior, compositional solution, ornament, kundal, decor, pattern, relief, red clay.
Abstract: This article provides a historical overview of the Baland Mosque, a distinctive architectural monument from the 16th century located in Bukhara. It examines the mosque's architectural and structural features, innovative interior design elements, and decorative-artistic techniques in monumental architecture. The analysis highlights the compositional organization and design of walls, including their division into reliefs and arches, as well as the artistic and decorative solutions employed. The article explores the use of «kundal» techniques in the interior, detailing the types of decorations applied, such as floral and geometric patterns, engraved floral ornaments, and other motifs. Additionally, it discusses the materials used in the mosque's interior design — clay, gypsum, red clay, and loess — and the vibrant color palette of the paints that enhance the interior's artistic appeal.

Ключевые слова: архитектура, конструкция, интерьер, композиционное решение, орнамент, кундал, декор, узор, рельеф, красная глина.
Аннотация: В данной статье представлены исторические сведения о Баланд-мечети, одной из уникальных архитектурных памятников XVI века Бухары. Рассматриваются архитектурно-конструктивные решения памятника, инновационные подходы к оформлению интерьера, а также декоративно-художественные процессы в дизайне интерьера монументальной архитектуры. Освещается композиционное разделение и оформление стен на рельефы и арки, а также их художественные декоративные решения. Рассматриваются художественные особенности использования «кундала» в интерьере, виды украшений, применяемых во внутреннем убранстве мечети (растительные, геометрические узоры, гравированные растительные орнаменты и другие), материалы (глина, гипс, красная глина, лёсс) и особенности использования красок в интерьере.

Kirish. XVI asr Buxoro me'morchiligi me'morchilik tarixida alohida o'rin egallagan: yangi shakl-shamoillar, yangi konstruktiv yechimlar, shu bilan birga, ichki xonalarni yangicha bezash va bezatilish usullari hamda o'ziga xos bezak turlari qo'llanilgan,

O'sha davrda O'rta Asr me'morchiligida ulkan o'zgarishlar yuz berdi. O'zbekiston me'morchiligi va amaliy-bezak san'ati bo'yicha olib borilgan tadqiqotlarga ko'ra Buxoro ma'muriy va diniy me'morchiligida naqshinkor devoriy naqqoshlik, ganchkorlik, yog'och naqqoshligi va o'ymakorlik, koshinkorlik bezak turlari eng keng qo'llanilgan. Ular qatorida interyerlarni jimjimador bezatilihida "kundal" bezak naqqoshligi ommaviy tus ola boshladi.

"Kundal" bezagi ilk bor Amir Temur va temuriylar hukmronligi davrida mahobatli me'moiy inshootlarda qo'llanila boshlangan. Samarqandda XV asrga tegishli Amir Temur, Ishratxona va Oq-saroy maqbaralarida ushbu bezak turi me'moriy inshootlarga tantanavorlik, hashamatlilik, ulug'vorlik ko'rinishini bergan. XVII asrda Samarqandda Tillaqori madrasasi va Sherdor

madrasasi darsxonasi interyerlarida ham bu bezak turi keng qo'llanilgan.

Shu bilan birga Buxorodagi obidalar ham ana shunday bezaklar bilan ziynatlangan. Bunga misol qilib Buxoro shahridagi uchta noyob me'moriy obidalarni keltirish mumkin. Ulardan Baland masjidi, Ho'ja Zayniddin va Abdulazizxon masjidlari interyerlari "kundal" bezaklari bilan sayqallangan.

Maqolada ko'rib chiqilayotgan ob'ektlardan biri Baland masjididir. Binoning umumiy tafsiloti beriladi, ammo uning me'moriy, tarxiy shakl-shamoyillari konstruktiv echimlari haqida batafsil to'xtalib o'tirmaymiz, chunki bu qismlar alohida tadqiqot obyekti bo'lishi mumkin.

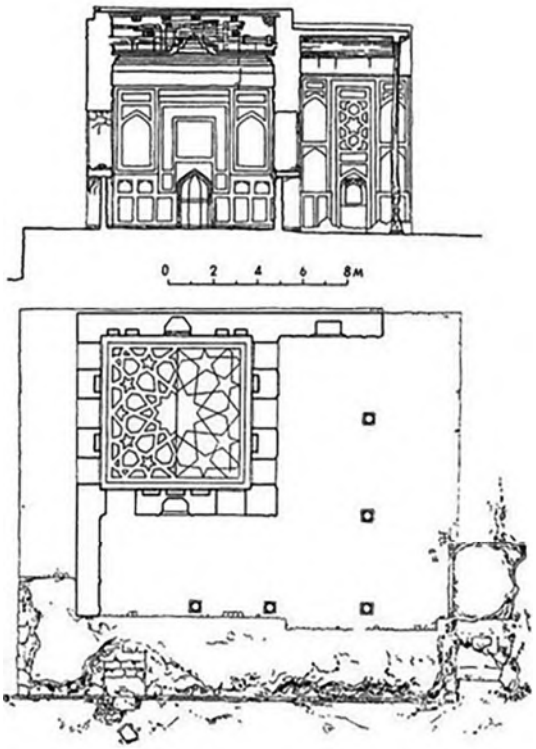
Asosiy qism. XVI asr Buxoro tarixidagi muhim bosqichlardan hisoblanadi. Shayboniylar sulolasi hokimiyat tepasiga keladi va shu davrdan Buxoro Shayboniylar davlatining poytaxtiga aylanadi. Aynan shu davr me'morchilik tarixi nuqtai nazaridan qurilish sohasida katta innivatsion o'zgarishlar kechadi. Masjid va madrasalar, me'moriy majmualar, diniy inshootlar va turli fuqarolik binolari barpo etildi (1- internet manba).

Masjidi Baland XVI asrning ikkinchi yarmida qurilgan bo'lib, ilk bor Buxoro vaziri Qulbobo Ko'kaldosh nomi bilan mashhur bo'lgan va u tomonidan qurilgan. Bu masjid qurilishi haqida turli rivoyatlar mavjud.

Baland masjidi Buxoro shahri janubida joylashgan bo'lib, shahardagi eng boy guzar masjidlaridan biri hisoblanadi. Masjid binosi poydevori ham baland harsang toshlar ustiga barpo etilgan bo'lib, unga 12 zinapoya orqali chiqilgan. Keyinchalik masjid shu baland nomi bilan atala boshlangan.

XI–XVI asrlar o'ralig'ida Baland masjidi va uning mahobatli bezaklari bir qator tadqiqotchilar tomonidan o'rganilgan. 1949-yilda G. A.Pugachenkova, 1959-yilda retsavrator rassom G.N. Nikitin, 1956-1958-yillarda muhandis Radionov, 1960–65-yillarda K. S.Kryukov, I. I.Notkin, 1990–2000-yillarda M. A.Yusupova va boshqalar yodgorlikni o'rganishga katta hissa qo'shdilar.

Inshootning Baland nomi atrofdagi boshqa joylarga nisbatan balandroqda joylashgan imorat ma'nosini anglatadi. Bino baland qilib oxaktosh ustiga qurilgan.



1-rasm. Baland masjidi. N. Pchelnikov chizmalari: tarz, bino va shift tarhi (arxiv chizmalari). 1948-1950 yy.

Baland masjidi binosi mahalla guzar masjidlariga xos usulda qurilgan. Bino Buxoro shahar bog'i va Kosh madrasasining janubida, Buxoro shahrining aholi turar joy uylari orasida joylashgan. Masjidning eng qadimgi qismi kvadrat (murabba) shaklidagi qishki bino pishiq g'ishtdan qalin devorli (1.20 sm) qilib qurilgan. Uning yozgi masjid vazifasini bajaradigan L shaklidagi ikki tarz tomoni qoziq ayvon bilan tutashgan. Ayvonning to'sin-bolorli shiftini baland yog'och ustunlari tirab turibdi.

Masjid binosining interyeri va ayvon devorlari ganchda suvalgan bo'lib, ichki qismi olchami 7,30 x 7,30 m, tashqari devorlari esa 8,5 x 8,5 m bo'gan (2- internet manba).

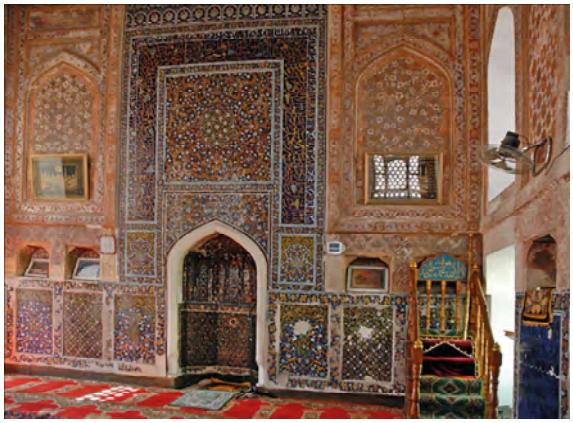
Baland masjidining shifti noyob, u yog'ochdan ishlangan 12 qirrali yulduzni tashkil etuvchi murakkab geometrik naqshlar kompozitsiyasini tashkil etadi, markazida esa hovuzakli gumbazcha o'rnatilgan. Shiftning tepa qismini zanjir ko'tarib turibdi. Ayvon shifti esa bolor-toqili bo'lib, bolorlar orasida shaxmat tarzida kvadrat shaklidagi kichik jimjimador kessonlar naqshinkor bezatilgan. Shiftlar nozik duradgorlik va o'ymakorlik san'ati asosida

2-rasm. Baland masjidining umumiy ko'rinishi. RusRav.uz

yuqori mahorat ishlangan. Bunday shift namunasi deyarli boshqa imoratlarda uchramaidi. O'sha zamonda shu darajadagi murakkab va mukammal ishlarni amalga oshirgan ustalar juda mahoratli bo'lishgan. Masjidni qurishda o'sha davr mumtoz me'morchiligining noyob va nafis usulidan keng foydalanilgan.

Me'morchilikda xona interyerlarini bezashda ma'lum qoidalarga rioya qilinadi. Turar-joy va mahobatli binolar interyerlarini bezashda farqli tomonlari mavjud.

Ko'rilayotgan inshoot mahobatli yo`dgorliklar sirasiga kiradi. Shuning uchun xona ichkarisi gorizontal va vertikal bo'linishi ham bino tuzilishiga, konstruktiv echimlariga bevosita bog'liq bo'lgan. Xona ichkarisi gorizontal holda: Izora, devorning asosiy qismi, devorning tepa qismi, sharafa (karniz) va shift/gumbaz qismlaridan iborat bo'lgan. Vertikal bo'linmasi esa binoning tarhi, hajmi, funksional vazifasidan, tuzilishidan, xonaning uzunligi va enidan kelib chiqib bo'lingan. Xonaning



3-rasm. Baland masjidi interyeri. Pinterese

uzun tomoni deraza bo'shliqlari, ravoqli tokchalar va ravoqli namoyonlardan tashkil topgan.

Baland masjidining ichkari xonasi hamda shimoliy va sharqiy tomonli ayvonlari devorlari ichkari xona singari naqshinkor bo'rtmali tyagalar yordamida ajratilib bo'lib qo'yilgan.

Baland masjidining ichkari kvadrat shakldagi xonasining vertikal bo'linmalari bir-biriga nisbatan simmetrik joylashtirilgan. Qiblaga qaratilgan devor qolganlardan farq qiladi, chunki xona markzida ulkan mahobatli mozaika usulida bajarilgan mehrob joylashgan. Mehrob devor sathining 3/1 qismini egallaydi.

Interyer devorlarining pastki qismidagi izoralar koshinli bezatilgan. Sharq tomondagi to'q yashil rangli izoralarga 6 burchakli ko'k sopol koshin parchalar terilgan, ustidan esa o'simlik naqshlari oltin suvida yuritilgan. Koshin parchalari atrofi nozik o'simliksimon naqshlar bilan hoshiyalangan. Devorning g'arbiy tomonidagi izoralar ham koshin bilan qoplangan va tepasi kundal usulidagi naqshlar bilan bezatilgan. Baland ravoqsimon derazalardagi panjaralar ham koshin parchalardan terilgan. Mehrobning atrofi sirkor koshinlar bilan bezatilgan va ularga ham oltin suvi yuritilgan. Uning yon tomonlari va tepasiga to'g'ri burchakli koshin burushlardan suls xati bilan yozuvlar bitilgan. Yozuvlar tepasiga, shiftga taqalgan joyga iroqi usulida sharafalar ishlangan, Ularda ham oltin suvi yuritilgan naqsh-nigorlar mavjud. Devor tepalaridagi (janubiy devordan tashqari) ayrim "kundal" bezaklar hali ham avvalgidek yaltirab turibdi.

Obyektning har-bir unsurlarini alohida ko'rib chiqamiz.

Mahobatli saroylar, ko'shklar va dala maskanlari, masjid va madrasalar, turar-joy binolari asosan gumbaz yoki shiftlar, devorlar, izoralar, frizlar va karnizlar, ustunlar va ularning boshlari va boshqalar naqshlar bilan bezatilgan bo'lib, ular yagona, hamohahg ko'lamni tashkil etgan. Ular interyerlarga alohida ulug'vorlik, tantanavorlik va rang-baranglik baxsh etgan.

Naqshinkorelementlarinixonakonstruktsiyasiga moslashtirish barcha elementlar o'rtasida uyg'unlikni ta'minlagan. Bu esa me'morlarning o'ziga yuklangan vazifalarni bajarishdagi estetik didi va mahoratining yaqqol tasdig'idir.

Ravoqlarda va ular orasida joylashgan dekorativ namoyonlar ganch o'ymali tyagalar bilan ajratilgan.

Ularning dekorativ bezaklari to'g'ridan-to'g'ri devorlarning konstruktsiyasiga, shuningdek, devor sathining kompozitsion bo'linishiga bog'liq bolgan.

Mahobatli binolar va an'anaviy uylarni sayqallashda eng muhim jihat xona interyerlarini badiiy bezashda devoriy naqqoshlikni qo'llash bilan bog'liq bo'ldi.

"O'zbekiston san'ati tarixi" asari mualliflari ko'rib chiqilayotgan davrdagi bezak texnikasi haqida quyidagilarni qayd etadilar: "...sayqallangan va sirlangan g'ishtlar, o'yilgan terrakota (oddiy va sirlangan), sirlangan plitkalar, mayolika, o'yilgan naqshli mozaikalar, nam va quruq gipsli devor rasmlari (monoxrom va turli xil ranglar) va nihoyat hashamatli «kundal» – ko'p rangli, ko'p ishlatiladigan tilla va bo'rtma naqshlar bilan interyer yuzalarini zarhal parcha kabi qoplagandek bo'ladi" (Пугаченкова, 1965: 259).

Devorning yuzasiga o'yilgan ganch novdalari bilan katta rohi-namoyonlarga bo'lingan «ko'zgular»ga ravoqsimon yoki rohili ravoqli arkalar shaklida ishlov berilgan bo'lib, ularning zaminiga, asosan, geometrik va o'simlik bezaklari uchun kompozitsiyalar tanlangan.

Murakkab profilli, ko'p pog'onali naqshinkor gumbazlar, shiftlar va kesishgan ravoqli arkalar nafaqat binoning konstruktiv yechimini ajratgan, balki bezak vazifasini ham o'tagan.

Zaldagi shift yog'och parchalaridan ko'p nurli yulduzlardan tashkil topgan relyefli geometrik naqsh bilan terib biriktirilgan va ular orasidagi bo'shliq esa uslublashtirilgan o'simlik kompozitsiyalari bilan to'ldirilgan.

Bu usul, asosan, mahalla masjidlari va badavlat fuqarolarning uylarida kichik to'rtburchakli namoyonlarini bezashda qo'llanilgan. Odatda markaziy panellar – «namoyon»lar – o'simlik naqshlari bilan bezatilgan, «izora» paneli esa geometrik naqsh bilan to'ldirilgan. Bir devorning yuzasiga bir nechta shunga o'xshash izoralarni qo'llash mumkin bo'lgan, lekin ularning har biri mustaqil kompozitsiya bilan bezatilgan.

Xonalarni bezatishda qadimdan devorlarning umumiy sathini ajratish, naqshlarni tushirish, bo'yoq massalarini yaratish va hokazo o'ziga xos an'anaviy kompozitsion echimlar mavjud bo'lgan, Chunonchi, interyerdagi devorlarning alohida sathlarga bo'linishi bir qarashda biroz monoton ko'rinsa-da, aslida esa, ular juda ko'p turli xil variantlarga ega.

Devorlarning sathini bezashda me'moriy va dekorativ elementlarning aniqligi hamda originalligi hunarmandlarning an'anaviy usullarni puhta egallashganligini, dekorativ ritmni nozik his qilishini ko'rsatadi. Devor tekisliklarini ajratlish uzun ingichka tasmalar – «rohi-namoyon» yordamida amalga oshirildi.

Dekorativ panellar va tokchalar devorni vertikal ravishda ajratish effektini yaratadi. Asosan, ular rejalashtirish yechimidan kelib chiqadi va kamar hamda tirgaklar soniga mos keladi. Bu muqobillik me'moriy-dekorativ elementlar kompozitsiyasiga o'ziga xos ritmni kiritadi (Веймарн, 1948: 78).

Vertikal bo'linmali dekorativ panellar o'sha davr uchun an'anaviy bo'lgan uchli va to'rtburchak bo'shliqlar, ba'zan esa qirrali konturlardan iborat bo'lgan.

Naqshinkor kompozitsiyalarda bir qator tamoyillar kuzatiladi: tekislikda bezak shakllari simmetrik, to'rli, taqsimli(rapport)-takrorlanuvchi holatda yoki erkin joylashgan. Naqshni qurish tamoyillari qanday bo'lishidan qat'iy nazar, barcha bezak elementlari masshtab nisbatlarida qat'iy muvozanatlangan va rang jilosi bilan hamohanglikda uyg'unlashtirilgan. Naqshning ritmik tuzilishi bezatilgan shakllarning stilistik talqini tabiati bilan chambarchas bog'liq.

Ustolar uchun sevimli bo'lgan o'simlik, geometrik va uslublashtirilgan o'simlik naqshlari ma'lum bir ma'noga ega bo'lgan. Naqshinkor kompozitsiyalar asosan gul, geometrik va uslublashtirilgan o'simlik naqshlaridan iborat bo'lgan.

O'simlik motivlari juda ko'p umumiyliklarga ega, ammo ayni paytda ular tafsilotlari va rang sxemasi sohasida farqlanadi. Ingichka "islimi-pechak" hoshiyasi namoyonga tugallanganlik hissini beradi.

Namoyon bezaklarning ikkinchi turi vertikal va gorizontal ravishda ritmik tarzda takrorlanadigan naqshlar uzluksizligidan iborat. Naqshning takrorlanishi cheksiz davom etishi mumkin. Asosan, bu «islimi» turidagi uslublashtirilgan boy gulbargli bezak bo'lib, uning ustiga turli shakldagi medalyonlar tasvirlangan.

Geometrik naqsh butun kompozitsiyani tashkil etuvchi to'rtburchaklar, uchburchaklar, romblar, kvadratlar, ko'p nurli yulduzlardan iborat bo'lib, «girix» (arabchadan tarjima qilingan – tugun)

4-rasm. Baland masjidlari interyeri. Muallif fotosi. 2022 y.

– yopiq shakllarning cheksiz oqimi tasavvurini beradi. Namoyonlarni bezashda bu shakllar turli xil kombinatsiyalarda birlashtirilib, badiiy jozibadorlikka erishilgan. Shunisi e'tiborliki, geometrik naqshning har bir shakli, qoida tariqasida, hoshiya chizig'i bilan yorug'lik-soyadan ajratilgan etakchi, asosiy rangga bo'yalgan. Girix ustida ishlash ustadan algebra va geometriya asoslarini yaxshi bilishni talab qiladi, hamma usta ham geometrik kompozitsiyalarni yarata olmaydi.

Bezaklarni ishlab chiqarish texnologiyasi quyidagi bosqichlardan iborat. Hunarmandlar naqshning eskizini chizgandan so'ng, axta – qalam qog'ozida maxsus tayyorlangan shablon tayyorlanadi, unda naqshning konturlari oddiy igna bilan teshib chiqiladi. Devorlarni bo'yash texnikasini boshlashdan oldin usta birinchi navbatda xonaning o'lchamiga, devorning dekorativ bo'linishiga mos keladigan naqsh kompozitsiyasini va uning rang

5-rasm. Baland masjidi interyeri. Muallif fotosi. 2022 y.

sxemasini tanlaydi, ularni boshqa bezak texnikasi, masalan, o'yilgan ganch, bo'yalgan shiftlar va boshqalar bilan birlashtiradi. Naqqoshlikning texnik jarayoni quyidagicha: tayyorlangan gipsli sirtga «axta» yogoch kukuni yordamida rasm tushiriladi.

Chizmaning tushirilgan barcha kontur chiziqlarini aniqlash uchun qalam bilan qayta chizib chiqiladi. Keyin quruq gips pigment bo'yoqlari yordamida bo'yaladi.

Shuni ham ta'kidlash kerakki, yuqorida aytib o'tilgan «kundal» naqqoshlik bezak texnikasi sifatida ishlatilgan, uning texnologiyasi quyidagicha: maxsus sathga dastlabki qo'lda chizish rasmga qizil loydan tayorlangan «qizil-kesak» qatlami yoki ganch massasi surtilgan bo'ladi. Unda bo'rtma hosil bo'lib, uning ustiga zarhal qogoz/oltin suv yordamida sayqallash amalga oshirilgan, zamin esa ko'k yoki och ko'k (lojuvard/lazurit) rangga bo'yalgan.

Usta naqqosh bezakning barcha detallarini tegishli rangga bo'yab, so'ng zaminni bo'yashga o'tadi. Yuqori malakali hunarmandlar odatda interyer uchun naqshni o'zlari tuzadilar va pastki qism uchun ular mayda gullardan iborat naqsh guruhlarini, yuqori qismi uchun esa, aksincha, katta gulli naqshlarni tanlaganlar. Naqshlarning bunday joylashishi optik jihatdan yagona, muvozanatli bezakni yaratadi.

Naqsh ko'pincha kundal bilan birgalikda bajarilgan. Ba'zan devorlarga bajarilgan naqshli va bo'rtma namoyonlar almashinib, rang-barang kompozitsiyalar tashkil etilgan.

Rasmning rang sxemasi ko'k va qizil, yashil va qizil, oltin va ko'k, qizil va sariq, yashil va kumush singari qarama-qarshi ranglarni taqqoslashga asoslangan. Bunday rangli yechimlar mahalliy naqqosh-rangtasvir ustalari orasida nozik badiiy didning mavjudligidan dalolat beradi.

Shuni ta'kidlash kerakki, naqqosli bezak kompozitsiyasi, ba'zi elementlarda, o'lchamlarda, konfiguratsiyalarda takrorlangan bo'lsa ham, o'zgaruvchan ranglar palitrasi bilan ajralib turadi va natijada betakror, tanib bo'lmaydigan xususiyatlarga ega bo'ladi. (Досметова, 2020: 316).

Chizish va rang berishda bir xil element, motiv turlicha talqin qilinadi, turli kompozitsion yechimlar yaratiladi, interyer va tashqi ko'rinishdagi rasmlar bir-biri bilan uyg'unlashadi. Zamonaviy til bilan

aytganda, ko'rib chiqilayotgan davr me'morchiligida va interyerlarning dekorativ bezatilishida yangi innovatsion hodisa hisoblangan.

Xulosa va takliflar. Xulosa qilib aytganda XVI asr Buxoro me'morchiligi me'moriy-tarhiy, konstruktiv, kompozitsion va badiiy yechimlarga boy, o'ziga xos xususiyatlarga ega madaniy meros obyektlarini tashkil qiladi. Ko'rib chiqilgan obyekt me'moriy tipologik jihatdan o'zaro bir-biriga o'xshasada, badiiy-bezaklar nuqtai nazaridan ushbu imorat ko'pgina o'xshash obyektlardan o'ziga xos, betakror noyob kompozitsion yechimlar, bezak turlari, hamda turli ashyoda bajarilgan naqshinkor ziynatlari bilan tubdan farqlanadi. Bunday obyektlar yurtimiz va xorijiy sayohlar uchun qiziqarli turistik marshrut bo'lar edi.

Interyer bezagi qoniqarli ahvolda. Ammo uning bir qator qismlari bugungi kunda tezkor retsavratsion ta'mirlash ishlarini olib borishni talab qiladi. Bo'rtma kundal zarhal naqshlari deyarli o'chib ketgan, ammo saqlanib qolgan ba'zi izlaridan konservatsiya ishlarini bajarish, bezaklarning umrini uzaytirish va kelagak avlodga shu kabi madaniy merosimizni saqlab qolish talab etiladi.

Yurtimizning har bir hududiy Madaniy meros boshqarma mutassadi hodimlari qo'l ostidagi, qaramog'dagi me'moriy yodgorliklarning holatini muntazam ravishda kuzatib, nazorat qilib va

6-rasm. Baland masjidi kundal bezagi fiksatsiyasi va ta'mirlash loyihasi. Talaba ishi

zarururiyat bo'lganda saqlab qolish choralarini ko'rishni o'z zimmalariga olishsa maqsadga muvofiq bo'lar edi.

Madaniy meros jonkuyarkari sifatida bizning maqsadimiz, bunday noyob merosimizni asrashimiz, umrini uzaytirishimiz, ota-boolarimiz an'analariga rioya qilish, yaratgan asarlarning aslini saqlab qolishimiz va kelajak avlodga etkazishimiz oliy burchimizdir.

Bu vazifalarni amalga oshirish uchun madaniy merosimizni va ta'mirlash sohasida chinakam soha mutaxassislari boshqarishi va faoliyat yuritishlari maqsadga muvofiq bo'lar edi, deb o'laymiz.

ФОЙДАЛАНГАН АДАБИЁТЛАР:

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965. 688 с.

Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М.: Гос. архитектурное изд., 1948. 108 с.

Досметова З. Ш. Особенности декоративного оформления жилых домов Ташкента XIX — начала XX в. (к изучению локальной архитектурно-художественной школы). Ташкент, 2020. 316 с.

https://uzbekistan.travel/uz/o/baland-masjidi/

https://meros.uz/object/baland-masjidi

https://uz.wikipedia.org/wiki/Bezak san'ati

АНАСТАСИЯ КОРОЛЕВА
Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
Москва, Российская Федерация

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА РУССКОГО АКАДЕМИЗМА XIX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: академизм, патриотизм, Куликово поле, монголо-татарское иго, национальная история, Академия художеств, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.
Аннотация: Статья посвящена рассмотрению темы борьбы русского народа с монголо-татарским игом и ее отражению в живописи XIX–XXI веков. Рассмотрение этой темы позволяет проследить трансформацию академической живописи, ее идеологической и стилистической концепции и отношения к историческому сюжету в целом, отмечается большая важность этой темы, возникающей в поворотные моменты русской истории.

Kalit so'zlar: akademizm, vatanparvarlik, Kulikovo maydoni, mo'g'ul-tatar istilosi, milliy tarix, Tasviriy san'at akademiyasi, Ilya Glazunov nomidagi Rossiya tasviriy san'at, haykaltaroshlik va me'morchilik akademiyasi.
Annotatsiya: Maqola rus xalqining mo'g'ul-tatar istilosiga qarshi kurash mavzusini va uning XIX–XXI asrlardagi tasviriy san'atdagi aksini o'rganishga bag'ishlangan. Ushbu mavzuni o'rganish akademik tasviriy san'atning transformatsiyasi, uning ideologik va stilistik konsepsiyasi hamda tarixiy mavzuga bo'lgan munosabatining rivojlanishini kuzatishga imkon beradi. Ushbu mavzu rus tarixi burilish davrlarida katta ahamiyatga ega ekani ta'kidlanadi.

Keywords: academicism, patriotism, Kulikovo Field, Mongol-Tatar yoke, national history, Academy of Arts, Russian Academy of Painting, Sculpture, and Architecture of Ilya Glazunov.
Abstract: The article explores the theme of the Russian people's struggle against the Mongol-Tatar yoke and its representation in 19th–21st-century painting. This examination traces the transformation of academic painting, its ideological and stylistic concepts, and its approach to historical narratives over time. The article emphasizes the significance of this theme, which often resurfaces during pivotal moments in Russian history.

Понятие «академизм» обычно применяется по отношению к направлению в изобразительном искусстве, сформировавшемуся во второй трети XIX века в процессе распада художественной концепции позднего неоклассицизма[1]. Не вдаваясь в разбор терминологических тонкостей, определим его как направление, во многом продолжающее и развивающее основополагающие эстетические и идейные положения классического искусства, но при том открытое для разнообразных стилистических новшеств. Как явствует из названия, его историческая судьба оказалась тесно связанной с академическими художественными институтами, роль которых в русской школе выполняли и продолжают выполнять Академия художеств в Санкт-Петербурге и Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова в Москве. Развивая весь спектр жанров живописи, художники-академисты традиционно тяготеют к исторической живописи как главенствующему в академической системе жанру, в рамках которого обычно утверждаются новые идеологемы и стилистические концепции.

За почти два столетия своего существования академизм прошел значительный путь, пережив заметную эволюцию. Ее можно проследить, рассматривая, как менялась трактовка одного сюжета или изобразительной темы в искусстве художников, принадлежавших к этому направлению. Такая исследовательская работа облегчается благодаря существованию в академизме целого ряда «сквозных» тем, как правило, связанных с образами национальной истории. Одной из

[1] Художественные проблемы академического направления в русском искусстве рассмотрены в работах Е. С. Гордон (Гордон, 1984: 1–219), М. М. Алленова (Алленов, 2003: 125–137), Е. В. Нестеровой (Нестерова, 2004: 1–472) и Т. Л. Карповой (Карпова, 2006: 6–23). Из зарубежных публикаций имеет значение теоретическая работа П. Барлоу (Barlow, 2000: 15–32).

таких тем, позволяющих определить наиболее важные стороны академического искусства, его «нервные центры», является тема монголо-татарского ига и освободительной борьбы русского народа против Золотоордынского ига. Рассмотрев ее, мы сможем уяснить, как на разных этапах исторической эволюции академизма менялись его изобразительные приемы и подходы к воплощению национально-патриотической тематики.

Как известно, монгольская тема заняла свое место в русском искусстве еще в XIX столетии, обосновавшись в первую очередь в сфере исторической живописи, почитавшейся в академических кругах наиболее престижной, самой важной в ряду других жанров благодаря своему воспитательному назначению. Залогом для проникновения монгольских мотивов служило обращение к показу событий средневековой истории России. Навеки связанные общим историческим прошлым, два великих народа, монгольский и русский, активно взаимодействовали друг с другом на протяжении XIII–XV столетий, равно как и позднее. Это объясняет появление «монгольских» образов и мотивов в русской живописи, причем наиболее ранние примеры относятся к искусству начала XIX века. Мы имеем в виду картину О. Кипренского «Дмитрий Донской на Куликовом поле» (1805, Государственный Русский музей), которая была выполнена им в качестве академической программы (то есть дипломной работы, говоря сегодняшним языком) по заданию «представить Великого Князя Дмитрия Донского, когда по одержании победы над Мамаем оставшиеся Князья русские и прочие воины находят его в роще при последнем почти издыхании». За нее художник получил золотую медаль и право на заграничную стажировку (которым воспользоваться не смог из-за войны в Европе).

Нетрудно заметить в этом произведении признаки традиционной для классицизма темы, обычно обозначаемой как «смерть героя». Образец доблести и самопожертвования, главный герой картины демонстрирует стойкость и мужество перед лицом надвигающейся смерти, представляя зрителю пример для подражания. Иначе говоря, эпизод национальной истории оказался здесь всего лишь поводом для воспроизведения устоявшихся композиционных схем и содержательных мотивов. Кипренский не обнаруживает никакого интереса к показу национального колорита и чуждых европейской традиции образов, которыми могли бы быть как образы монголов, так и древнерусских воинов, хотя такой интерес был типичен для искусства нарождавшегося романтизма. Единственной уступкой ему можно счесть усиленное развитие эмоциональной экспрессии, обнаруживающей себя в преувеличенной жестикуляции и мимических экспрессиях героев.

Тем удивительнее, в сравнении с началом века, выглядит следующий этап в развитии «монгольской темы», приходящийся на время середины — второй половины XIX века. Тогда возникло большое количество картин и произведений печатной графики, которые мы бы могли обозначить как идеологически мотивированные, поскольку их содержание полностью определяется концепцией национального превосходства, типичной для русского искусства со времен николаевского царствования (1825–1855). Основные постулаты его идеологии сводились к утверждению тезиса о приоритете всего отечественного над иностранным, столь же политически мотивированного, сколь и бездоказательного (во всяком случае, в рамках идеологической парадигмы того времени) (Цимбаев, 1989: 5–48). Совершенно ясно, что в подобной ситуации, когда утверждение собственной национальной идентичности требовало ссылок на подтверждающие примеры, они легче всего обнаруживались в области прошлого, откуда можно было черпать примеры как героических деяний славных предков, так и образцы для подражания в лице тех из них, кто эти деяния совершал. В этом смысле заслуживает особого внимания то обстоятельство, что именно в николаевское, а также в наследовавшее ему александровское, царствование, происходит утверждение национальной тематики в русской исторической живописи, которая прежде, в эпоху зрелого и позднего классицизма, ориентировалась на интернациональные, универсальные, то есть лишенные привязки к определенной почве образцы, почерпнутые из античной истории и мифологии.

Очевидным выглядит и тот факт, что история борьбы с монголо-татарским игом представлялась в данной связи наиболее подходящей и удобной в качестве источника изобразительной тематики. «История государства Российского» Николая Карамзина (опубликована в 1818 году) служила источником сюжетов для подавляющего

большинства произведений такого рода. В них татаро-монголам, естественно, отводилась отрицательная роль антагонистов главных героев — носителей положительного начала, среди которых важное место занимал Александр Невский, но не он один[2]. Среди произведений, посвященных великому князю, упомянем картину Г. И. Семирадского «Александр Невский в Орде» (1876) из Русского музея и монументальную композицию Ф. Моллера «Отказ Александра Невского исполнить татарский (sic) обряд поклонения огню и кусту» (1860–1866). Другим персонажем из русской истории, востребованным с точки зрения продвижения героико-патриотической тематики, был князь Михаил Ярославич Тверской, чья гибель в Золотой Орде в 1318 году явилась закономерным следствием проигрыша им в междоусобной борьбе с опасным соперником, московским князем Юрием Даниловичем. Ему посвящена картина И. П. Орлова «Смерть князя Михаила Тверского» (1847) из Тверской областной картинной галереи, а также серия гравюр Б. А. Чорикова («Распря князей перед ханским послом, 1296», «Смерть князя Михаила Тверского в Орде, 1318») и еще одна гравюра по рисунку В. В. Верещагина «Хан Узбек приговаривает Михаила Тверского к смерти».

Объединяющим началом всех названных произведений в стилистическом отношении служит приверженность изобразительным нормам академического искусства, допускавшего определенные вольности (вроде эффекта искусственного освещения у Семирадского), но только при условии соблюдения основополагающих принципов академического искусствопонимания. В содержательном отношении в них очевидно доминирование национально-патриотического начала, носителем которого служит образ одного героя национальной истории. В этом заключается основное отличие от искусства XX века, развивавшегося уже в рамках эстетической концепции соцреализма. Во многом близкий академизму, более того, являвшийся в чем-то даже его продолжением в том, что касается стилевых норм, соцреализм исходил из совершенно иного видения исторического процесса, в котором, согласно марксистской трактовке, основную роль должны были играть массы, а не отдельные личности. Вот отчего в советских произведениях на интересующую нас тему на первый план властно выходит «народ» (И. Бубнов. «Утро на Куликовом поле», 1943–1947, ГТГ, Госпремия СССР 1948), в толпе которого растворяются отдельные герои, лишь иногда возникающие на авансцене, чтобы совершить достославное деяние, вроде «Поединка Пересвета с Челубеем» М. Авилова (1943, ГРМ, Сталинская премия 1942).

Смещение акцента на тему массового героизма, легко объясняемое условиями Великой Отечественной войны, во время которой возникли названные картины, сопровождалось еще одним существенным новшеством стилистического характера. Нетрудно заметить, что по своей художественной типологии работа, к примеру, Бубнова, относится к разновидности т. н. «хоровых картин», то есть многофигурных сцен в пейзаже, утвердившихся в русском искусстве со времен передвижников, когда и возникло такое обозначение. Такое положение дел требовало особого внимания к использованию принципов реалистической живописи, в первую очередь, в плане передачи освещения, что, в свою очередь, вело к введению в стилевой ансамбль картины таких элементов, которые изначально были чужды академизму (или, по крайней мере, воспринимались как таковые). Эффект мягкой световоздушности выгодно отличает картину Бубнова от академических полотен XIX века, характеризуя ее как реалистическую сцену в пейзаже, что имело интересные последствия в области содержательной идеи картины. Увиденная буквально «в новом свете», она воспринимается как разновидность натурного изображения, где все происходящее увидено глазами участника, по меньшей мере — очевидца представленных событий, резко повышая впечатление аутентичности их показа.

Однако у такого подхода, когда в изображении ощутимо доминировал реалистический *eyewitness style*, был один заметный недостаток, что в итоге привело к отказу от реалистической манеры на следующем этапе развития академизма, который приходится на постсоветское время. Суть его состояла в том, что при реалистическом, а вернее — квази-реалистическом изображении исторической сцены происходило значительное ослабление идеологического посыла, основным требованием которого было подчеркнуть патриотизм народных масс или же отдельных его представителей. У Бубнова не только главный герой, князь Дмитрий Донской, как бы

[2] Подробнее см.: (Павлова, 2015: 1–46).

уходит в тень, отступая в глубину картинного пространства, но и отдельные представители народа едва ли выделяются на общем фоне, формируя толпу, компактно размещенную на среднем плане. Требовалась радикальная перестройка всего художественного языка, чтобы тема героического самопожертвования каждой отдельной личности могла бы снова занять главное место в образном пространстве картины. Такой цели удалось достичь после того, как соцреализм перестал быть главенствующим направлением, хотя важные шаги в этом направлении были сделаны еще в 1960-х и 1970-х годах, когда возникла серия картин Ильи Глазунова «Куликово поле» (закончена в 1980 году). Картины цикла включают изображения героев битвы, Дмитрия Донского и его супруги княгини Евфросинии, хана Мамая и монгольской девушки, сцены поединка Пересвета с Челубеем и проводов войска, виды поля битвы и вражеского стана, моменты вражеского перевеса и ликование засадного полка, идущего на подмогу, бегство татар, обнаружение раненого Дмитрия и пр. Переданная в 1982 году в Тульский музей, серия картин снова экспонировалась в Туле в 2018 и с тех пор путешествует с выставочным проектом по городам России, неизменно вызывая восторженные отклики зрителей.

Эта серия, безусловно, заслуживает отдельного разговора, но одно обстоятельство представляется нам теперь исключительно важным. Суть состоит в том, что в ряду советских художников Глазунов, по сути, впервые отказался от применения приемов реалистического письма при показе героических сцен из истории утверждения российской государственности в пору борьбы с монгольским игом, взамен прибегнув к искусной стилизации. Особенно важным выглядит тот факт, что источниками стилизаторских устремлений послужили не только произведения древнерусской иконописи, сходство с которыми угадывается в полуфигурных изображениях героев, но и возникшие под их прямым влиянием произведения живописи раннего XX века вроде картин Васнецова и Нестерова. Такое соединение смогло выявить внутреннюю цельность изобразительного стиля художника, его органичность в плане соответствия тематике всей серии, которая соединяет элементы документальной достоверности показа исторических событий со столь же отчетливо выраженными патетическими интонациями прославления патриотизма защитников отечества.

Справедливости ради, следует отметить, что подобный опыт, как минимум, единожды, предпринимался и ранее. Мы имеем в виду знаменитое изображение князя Александра Невского, изображение которого в 1942 году была заказано П. Корину, написавшему грандиозный триптих «Александр Невский», 1943, ГТГ. Здесь зрительскому взору явлен героический образ защитника земли русской, противостоящей этнически и духовно чуждым народам. Эти своего рода лозунги, призывающие сплотиться на подвиги за землю русскую, наделены уже совершенно другим художественным языком, в них больше броской плакатности, чем в реалистических картинах Бубнова и других мастеров того времени. Однако этот опыт не имел продолжения, хотя в стилистическом отношении он оказался очень важным для Корина — мастера монументальной живописи, применившего его позднее при выполнении эскизов оформления станции «Комсомольская-кольцевая» Московского метрополитена. Деятельность Ильи Глазунова оказалась в этом смысле куда продуктивнее, поскольку именно этому художнику в итоге удалось наметить пути дальнейшего развития национально-патриотической тематики в эпоху после окончания периода соцреализма.

Безусловно, в это время еще сохраняли свое значение тенденции предшествующего времени, когда доминировал реалистический подход к показу прошлого. При такой интерпретации исторических сюжетов события глубокой древности словно актуализируются через реалистичность изображения и возможность внимательного рассмотрения деталей. Абсолютно в духе соцреализма и в продолжение идеи возвеличивания нации как движущей силы истории создает свое полотно «Бортеневская битва» художник Н. Белов (250 x 500 м, 1995, Музей боевой славы им. Лизы Чайкиной, Тверь). Оно рассказывает об одной из первых побед русичей над татарами, об истории противостояния тверских князей объединённому московско-татарскому войску Юрия Даниловича и хана Кавдыгая в 1317 году, предшествовавшего вызову тверского князя Михаила в Орду и его казни, собственно о событиях, трагический итог которых был закономерным следствием феодальных распрей русских князей. Эксперты отмечают большую историческую точность деталей картины.

Однако основной вектор развития исторической темы проходил в ту пору в ином направлении, уводившем в сторону стилизации под искусство прошедших эпох. Тема народного единства неоднократно появляется в творчестве учеников И. Глазунова, преподавателей и учеников созданной им Российской академии живописи, ваяния и зодчества: «Утро. Куликово поле» М. Арсенюка, «Удар засадного полка» В. Моторина и П. Попова (1991, 300 x 210, ч. с.), «Татарский царевич» С. Голубечковой (2005, 109 x 210, Музей РАЖВиЗ Ильи Глазунова, Москва), и цикл баталий «Калка», «Куликово поле» и др. П. Рыженко (2014), известного также как автор диорамы «Великое стояние на реке Угре» (2014) в музее-заповеднике «Куликово поле» Калужской области.

Картины второй половины XX–XXI веков демонстрируют поразительное разнообразие в использовании художественных приемов и стилевых направлений. Академисты современности по традиции обращаются к лучшим образцам искусства прошлого. С одной стороны, они умело пользуются приемами реалистического письма, доводя изображение до степени натуроподобия, заставляющего вспомнить об искусстве фотореализма. Однако стилизаторские намерения заявляют о себе гораздо отчетливее. А. М. Арсенюк избирает для себя стилистическую парадигму, восходящую к работам Васнецова, что создает интересный визуальный эффект. Благодаря стилизаторским приемам на уровне зрительского восприятия изображенная сцена как бы переводится в прошедшее время, становясь сродни легендам и былинам, мотивами из которых изобилует творчество Васнецова. Благодаря такому стилевому прочтению сюжета из национальной истории в его живописной трактовке удается подчеркнуть эпическое начало, усиливающее героическое звучание образов. Иначе поступает С. П. Голубечкова, которая в качестве стилевой парадигмы избрала для себя искусство Рябушкина, вослед ему воспроизводя в формате станковой картины затейливое узорочье монументальной стенописи XVII века, что также содействует переводу рассказа в координаты прошедшего времени. Но самое главное состоит в том, что благодаря этому подобные картины воспринимаются как знак, некий тайный ключ к пониманию парадигмы «русского». Так, пейзажи и небо в картинах становятся символами земли русской, образы русских князей и богатырей — силы народа, ее святые — души и сердца. Обилие этих знаковых мотивов превращаются в квинтэссенцию патриотизма. Таким образом, можно смело утверждать, что современное академическое искусство крепко усвоило уроки своих предшественников и воплотило в жизнь один из главных заветов великого П. Чистякова: «по сюжету и прием».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алленов М. М. Брюллов — Врубель // Искусствознание. № 2. 2003. С. 125–137.

Белик Ж. Г. Благоверный великий князь Димитрий Донской: святой Руси и православной веры защитник. Москва: Лето, 2023. 413 с.

Гордон Е. С. Русская академическая живопись второй половины XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Москва, 1985. 219 с.

Духовные смыслы национальной культуры России: ретроспекции, современность, перспективы. Москва: Petropolis, 2023. 386 с.

Карпова Т. Л. Салонный академизм. Возвращение к теме // Пленники красоты. Русское академическое и салонное искусство 1830–1910-х годов. Москва: Сканрус, 2006. С. 6–23.

Нестерова Е. В. Поздний академизм и Салон. — СПб: Золотой век, Аврора, 2004. 472 с.

Павлова И. Г. Образ Александра Невского в изобразительном искусстве. К вопросу об иконографии. Псков, 2015. 46 с.

Российская академия живописи, ваяния и зодчества. Москва: Белый город, 2002. 256 с.

Современный русский реализм. Москва: Сканрус, 2000. 256 с.

Цимбаев Н. И. «Под бременем познанья и сомненья» (идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов 19 века. Люди и идеи / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989. С. 5–48.

Barlow P. Fear and Loathing of the Academic, or Just What Is It That Makes the Avant-garde so Different, so Appealing // Art and the Academy in the Nineteenth Century / Ed. by R. Cardoso Dennis and C. Trodd. Manchester: University Press, 2000. P. 15–32.

МАРИЯ КУДИНОВА,
СЕРГЕЙ КОМИССАРОВ,
АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ
Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

СОГДИЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ТЯНЬШУЙ[1]

Ключевые слова: Китай, Тяньшуй, раннее Средневековье, согдийцы, погребальный обряд, каменная погребальная утварь.
Аннотация: Представлена история открытия и изучения материалов из двух раннесредневековых «согдийских» погребений, обнаруженных на территории городского округа Тяньшуй, пров. Ганьсу, Китай. В настоящее время вопросы датирования этих комплексов и их этнокультурной атрибуции остаются дискуссионными. Решение этих проблем затруднено отсутствием археологического контекста, поскольку одно из погребений было ограблено, а наиболее ценная находка (каменное погребальное ложе) оказалась в частной коллекции и практически недоступна для изучения.

Kalit so'zlar: Xitoy, Tyan'shui, ilk o'rta asrlar, so'g'diylar, dafn marosimi, tosh dafn buyumlari.
Annotatsiya: Maqolada Xitoyning Gansu provinsiyasi, Tyan'shui shahar okrugi hududida topilgan ikkita ilk o'rta asrlarga oid "so'g'diy" dafn qoldiqlari materiallarini o'rganish tarixi yoritilgan. Hozirda ushbu komplekslarning sanasi va etnokultural attributsiyasi masalalari munozarali bo'lib qolmoqda. Bu muammolarni hal qilish arxeologik kontekstning yo'qligi tufayli murakkab bo'lib qolmoqda, chunki dafnlardan biri talon-taroj qilingan, eng qimmatli topilma (tosh dafn yotog'i) esa xususiy kolleksiyada bo'lib, deyarli o'rganishga imkon bermaydi.

Keywords: China, Tianshui, early Middle Ages, Sogdians, burial rite, stone burial items.
Abstract: The article presents the history of the discovery and study of materials from two early medieval «Sogdian» burials found in the Tianshui City District, Gansu Province, China. The dating and ethnocultural attribution of these complexes remain subjects of ongoing debate. Resolving these issues is complicated by the lack of an archaeological context, as one of the burials was looted, and its most valuable find—a stone funerary bed—ended up in a private collection, rendering it nearly inaccessible for research.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, https://rscf.ru/project/22-78-10121.

Введение. Открытие в 1982 г. гробницы с каменным погребальным ложем, оформленным в стилистике, характерной для «согдийских»[1] погребений на территории Китая, в окрестностях г. Тяньшуй в течение долгих лет оставалось практически незамеченным археологическим сообществом. Яркие материалы из этого комплекса привлекли внимание исследователей лишь после того, как в конце XX — начале XXI в. в северных районах КНР были раскопаны могилы переселенцев из Центральной Азии и их потомков: Юй Хуна близ г. Тайюань, Ань Цзя, Ши-цзюня и Кан Е в г. Сиань. В 2000-х гг. в частной коллекции Коороса появилось еще одно каменное погребальное ложе, предположительно, также происходящее из городского округа Тяньшуй. В данной статье мы рассмотрим историю обнаружения и изучения этих предметов.

Погребение с каменным ложем из Шимапин, Тяньшуй. Рассматриваемое погребение было обнаружено в июне 1982 г. на вершине горы Вэньшань у дер. Шимапин в пригороде г. Тяньшуй пров. Ганьсу во время строительства водопровода. Тогда же усилиями специалистов из городского дома культуры была осуществлена расчистка гробницы. Комплекс представляет собой сложенную из кирпича гробницу, состоящую из квадратной в плане погребальной камеры размерами 4,2 х 4,2 м с купольным сводом максимальной высотой 3,44 м и горизонтального дромоса длиной 4, шириной 1,3, высотой 1,9 м[2]. Погребение ориентировано строго по линии север — юг, с дромосом на севере. Вдоль южной стены погребальной камеры, напротив входа, было установлено погребальное ложе, выполненное из мягкого песчаного сланца. Его высота составляет 1,23 м, длина — 2,18, ширина — 1,15 м. Конструкция

[1] В данном случае мы используем термин «согдийцы» в его расширительном варианте, как, собственно, и было принято в средневековом Китае, когда в эту группу включали не только выходцев из Согда, но и из Бактрии, Ирана и даже Северной Индии.

[2] Здесь и далее описание погребения дается по отчету о раскопках (Чжан Хуэйин, 1992) и статье, опубликованной по результатам дополнительного исследования каменного ложа после его реставрации (Ли Нинминь, 2013).

ложа включает следующие элементы: опорные плиты и ножки, горизонтальное основание и три вертикальные стенки, оформленные в виде ширмы. Ложе собрано из 26 каменных плит, 17 из которых (передняя опора и вертикальные стенки) украшены рельефами, росписью и позолотой. Ножки оформлены как скульптурные изображения фантастических животных — львов или собак. На ложе прослеживаются следы древесного тлена от гроба и истлевшие человеческие кости. По обе стороны от ложа размещались серпентинитовые фигурки музыкантов высотой 32–33 см (две слева, три справа), державших в руках продольную и многоствольную флейты, губной орган шэн, лютню пипа, а также раковину моллюска, приспособленную под музыкальный инструмент. Прочий сопроводительный инвентарь, обнаруженный на ложе или под ним, включал кувшин и светильник из глазурованной керамики, золотую шпильку, каменное изголовье, бронзовое зеркало, а также каменную плиту со следами киноварных чернил — вероятно, оставшихся от надписи-эпитафии. В отсутствие аналогичных материалов авторы раскопок и отчета датировали погребение периодом Суй — начало Тан, обратив внимание на обилие «варварских» (хуских) мотивов в декоре каменного ложа (Чжан Хуэйин, 1992: 54).

В течение нескольких десятилетий находки из погребения, в том числе каменное ложе, хранились в запасниках Музея г. Тяньшуй, не привлекая особенного внимания исследователей. Однако после открытия других «согдийских» погребений китайское и мировое научное сообщество вновь обратилось к их изучению. Погребальное ложе из Шимапин было вписано в круг аналогичной могильной утвари и сопоставлено с ложами из погребений Кан Е, Ань Цзя и др., предприняты попытки уточнения датировки погребения в Шимапин (Шэнь Жуйвэнь, 2016).

В 2008 г. ложе серьезно пострадало во время Сычуаньского (Вэньчуаньского) землетрясения. Был составлен специальный план по реставрации объекта, которую поручили Академии охраны культурного наследия пров. Шэньси, сотрудники которой обладали большим опытом в проведении подобных работ. Реставрация велась в основном с июля 2010 г. по сентябрь 2011 г., но полностью была закончена лишь в конце 2017 г. Можно сказать, что древний памятник обрел второе рождение. В 2021 г. его включили во Всекитайский список прекрасно реставрированных музейных объектов (Шидай иньцзидэ цзяньчжэнчжэ, 2022).

В ходе реставрации было осуществлено и дополнительное исследование этого изделия, в результате чего удалось уточнить некоторые конструктивные особенности. В частности, было установлено, что основание ложа состоит из 9, а не 8, как считалось ранее, каменных плит; плиты, образующие стенки ложа, скреплялись между собой с помощью железных скоб (Ли Нинминь, 2013). Этот способ крепления стал предметом специального исследования, которое предпринял корейский ученый Ким Хуннам. Он обратил внимание на выемки по бокам сзади у 11 плит, которые, будучи состыкованными, воспроизводили форму железных скреп, использовавшихся для стяжки каменных конструкций. В данном случае их размеры составляют 8 см в длину и 3–4 см в ширину и имеют форму «ласточкина хвоста» (китайское название яоте — «опоясывающее железо»). Аналогичные скрепы были обнаружены и при изучении погребальной конструкции в могиле Ши-цзюня (Виркака). Такой строительный прием широко применяли в Римской империи, когда там стали осваивать сухую кладку. Естественно, он сохранился и в Византии, откуда был заимствован в сасанидскую Персию (Kim Hongham, 2020: 82–87). В Китай данный способ проникает довольно поздно, только в эпоху Северных династий, и не исключено, что именно согдийские караванщики принесли это небольшое изобретение с Запада (как и множество других инноваций).

Кроме того, после реставрации был предложен иной порядок расположения плит с рельефами, из которых составлена задняя стенка ложа (Ли Нинминь, 2013; 2016). Вероятно, две плиты были перепутаны местами при первоначальной транспортировке в музей и сборке предмета. В окончательном на данный момент варианте комплектации в центральной части задней стенки расположена сцена пира супругов, по бокам от нее изображения торжественного выезда, охоты и другие типичные для синосогдийского погребального искусства сюжеты. В оформлении и содержании памятника прослеживается смешение манихейских, зороастрийских, индо-буддийских и ханьских традиций (Юн Цзичунь, 2022).

«Ложе Коороса». Зимой 2002–2003 гг. в ходе грабительских раскопок погребения, расположенного на расстоянии примерно 30 м от гробницы, исследованной в 1982 г., было, предположительно, извлечено еще одно богато украшенное погребальное ложе (Гао Шихуа, 2023: 108). Оно выставлялось некоторое время в музее Гимэ, но внезапно было снято с экспозиции, скорее всего, из-за возникших вопросов к его происхождению. Экспонат был предоставлен известной коллекцией. Коллекционеры Казем Коорос (1906–2010) и его сын Вахид Коорос собирают как мусульманские (арабские и, особенно, персидские) предметы искусства и рукописи, так и дальневосточный средневековый антиквариат. Они часто выставляют фрагменты своей коллекции или даже жертвуют экспонаты в музеях США[3]. Вряд ли столь уважаемые коллекционеры напрямую общались с «черными копателями» (а в том,

[3] Britt D. MFAH adds six objects to its Islamic art collection // Chron; на сайте Huston Chronicles. 19.05.2010. URL: https://www.chron.com/culture/main/article/mfah-adds-six-objects-to-its-islamic-art-1593256.php (дата обращения: 30.08.2024).

что ложе получено в результате грабительских раскопок, практически нет сомнений) и получили новый ценнейший объект через ряд посредников, но в любом случае репутации коллекции был нанесен существенный ущерб. Лучшим выходом для ее владельцев было бы подарить спорную вещь Тяньшуйскому городскому музею. Ведь сравнительно недавно они презентовали изящную египетскую шкатулку мамлюкского периода. Правда, стоила она «всего» 200 тыс. долларов, а в данном случае речь идет о миллионах…

Ким Хуннаму удалось обследовать таинственное «ложе Коороса», где он также выявил выемки для 18 скреп и, главное, получил отличную фотографию. Его конструкция и содержание рельефов оказались практически идентичными «ложу из Тяньшуй», что подтверждает версию о его происхождении из того же района (Kim Hongham, 2020: 87–88).

Комплексное исследование материалов двух тяньшуйских погребений было проведено Гао Шихуа (2023). На основе детального изучения конструкции и сюжетов погребальной утвари предложено датировать погребение, открытое в 1982 г., концом эпохи Северных династий — началом Суй, а ложе, полученное в ходе грабительских раскопок, более ранним временем — рубежом Западной Вэй и Северной Чжоу, т. е. серединой VI в. (Гао Шихуа, 2023: 108–130). Кроме того, ученый предположил, что тяньшуйские погребения могли принадлежать не согдийцам, а высокопоставленным ханьцам или сяньбэй, имевшим тесные связи с выходцами из Центральной Азии (Гао Шихуа, 2023: 140), впрочем, эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке и обосновании.

Заключение. Обнаружение сразу двух погребальных конструкций, которые обычно связывают с «согдийцами», свидетельствует о важной роли, которую район Тяньшуй играл в функционировании Шелкового пути. Следует отметить, что всего в 25 км от современного города расположен знаменитый пещерный храм-монастырь Майцзишань, который стал создаваться еще при династии Поздняя Цинь (384–417), но особого расцвета достиг при Северной Вэй (386–534) и Суй (581–618) (Комиссаров, Черемисин, 2013). Таким образом осуществлялся транзит в Китай достижений не только материальной, но и духовной культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Гао Шихуа. Ху хань тунхуа: бэйчао ши цзанцзюй юй Тяньшуй чуту шигуаньчуан яньцзю [高世华。胡汉同化：北朝石葬具与天水出土石棺床研究]. Объединение ху и хань: погребальная утварь эпохи Северных династий и исследование каменных погребальных лож, найденных в Тяньшуе. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2023. 230 с. (на кит. яз.).

Комиссаров С. А., Черемисин Д. В. Пещерный храм Майцзишань как образец культовой архитектуры средневекового Китая (материалы для учебного курса «Археология зарубежной Азии») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 6–17.

Ли Нинминь. Тяньшуй чуту пинфэн шигуаньчуан цзай таньтао [李宁民。天水出土屏风石棺床再探讨]. Повторное исследование каменного погребального ложа в виде ширмы, найденного в Тяньшуе // Чжунъюань вэньу. 2013. № 3. С. 85–91, 105 (на кит. яз.).

Ли Нинминь. Тяньшуй чуту пинфэн шигуаньчуандэ сюфу цзи яньцзю [李宁民。天水出土屏风石棺床的修复及研究]. Реставрация и изучение каменного погребального ложа в виде ширмы, найденного в Тяньшуе // Сутэжэнь цзай Чжунго: каогу фасянь юй чуту вэньсяньдэ синь иньчжэ [粟特人在中国：考古发现与出土文献的新印证]. Согдийцы в Китае: новые свидетельства археологических находок и раскопанных текстов. Т. 1. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. С. 191–206 (на кит. яз.).

Чжан Хуэйин. Тяньшуй ши фасянь суй тан пинфэн шигуаньчуан му [张卉英。天水市发现隋唐屏风石棺床墓]. Погребение эпохи Суй-Тан с каменным ложем в виде ширмы, обнаруженное в г. Тяньшуй // Каогу. 1992. № 1. С. 46–54, вкл. 7–8 (на кит. яз.).

Шэнь Жуйвэнь. [沈睿文。天水石马坪石棺床墓的若干问题]. Некоторые вопросы, связанные с погребением с каменным ложем в Шимапин, Тяньшуй // Сутэжэнь цзай Чжунго: каогу фасянь юй чуту вэньсяньдэ синь иньчжэ [粟特人在中国：考古发现与出土文献的新印证]. Согдийцы в Китае: новые свидетельства археологических находок и раскопанных текстов. Т. 2. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. С. 466–206 (на кит. яз.).

Kim Hongham. A Study of Stone-joint Metal Clamps in China and Korea during the 6th-8th Centuries // The Silk Road. 2020. Vol. 18. P. 81–108.

Шидай иньцзидэ цзяньчжэнчжэ – Тяньшуйши боугуань цзан шигуаньчуан фацзюэ 40 нянь бяньцянь хуйгу [Свидетель, запечатлевший время, — обзор 40-летнего развития раскопок каменного ложа, хранящегося в Музее г. Тяньшуй] // Тяньшуйши боугуань цзысюнь [Сообщения Музея г. Тяньшуй]. 28.06.2022; на сайте Музея г. Тяньшуй. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzU0Njc5NTM0OQ==&mid=2247503783&idx=1&sn=29181128382a4aa9e4abcc8e8f0b5beb&chksm=fb5ab59dcc2d3c8bab8789004b5b662d23bafeee523495862987f9aab52ca67785cf7f7a8833&scene=27 (на кит. яз.) (дата обращения: 15.08.2024).

Юн Цзичунь. Тяньшуй чуту шигуаньчуан юй сычоучжи лушандэсутэжэнь // Ганьсу жибао [Ежедневная газета пров. Ганьсу]. — 24.02.2022; [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/525246863_121106869 (на кит. яз.) (дата обращения: 15.08.2024).

ДИЛАФРЎЗ ҚУРБОНОВА
Камолиддин Беҳзод номидаги Миллий рассомлик ва дизайн институти
Тошкент, Ўзбекистон

БЕРЛИН ЭТНОГРАФИЯ МУЗЕЙИДА САҚЛАНАЁТГАН АЙРИМ ЎЗБЕКИСТОНГА ОИД АШЁЛАР ВА УЛАРНИНГ АСОСИЙ ХУСУСИЯТЛАРИ ҲАҚИДА

Калит сўзлар: музей, маданий мерос, Ўзбекистон, ипак, сўзана, этнография.
Annotatsiaya: Маданий мерос турли тарихий даврларда доимо авлодларнинг мафкуравий тараққиётига замин, билим манбаи, тарбия ва таълим воситаси бўлиб хизмат қилиб келган. Хусусан, асрлар давомида шаклланган ўзбек халқининг маданий ва моддий мероси жаҳон цивилизацияси тараққиётида халқлараро маданий кўприк вазифасини бажармоқда. Ушбу мақолада бугунги кунда муҳим ҳисобланган музейшуносликда фондларни тўлдириш, сақлаш, намойиш этиш масалалари, дунёнинг йирик музейларида, хусусан, Берлин этнография музейида сақланаётган Ўзбекистонга оид ашёлар ва уларнинг асосий хусусиятлари тўғрисида маълумот бериб ўтилади.

Keywords: museum, cultural heritage, Uzbekistan, silk, suzani, ethnography.
Abstract: Cultural heritage has always served as a foundation for the ideological development of generations, a source of knowledge, and a means of education and upbringing throughout various historical periods. In particular, the cultural and material heritage of the Uzbek people, shaped over centuries, acts as a cultural bridge between nations in the development of world civilization. This article discusses issues related to the enrichment, preservation, and display of museum collections and provides information about artifacts related to Uzbekistan held in major museums worldwide, particularly in the Berlin Ethnological Museum, along with their main characteristics.

Ключевые слова: музей, культурное наследие, Узбекистан, шелк, сюзане, этнография.
Аннотация: Культурное наследие на протяжении различных исторических эпох всегда служило основой для идеологического развития поколений, источником знаний, а также средством воспитания и обучения. В частности, культурное и материальное наследие узбекского народа, сформированное веками, выполняет роль культурного моста между народами в развитии мировой цивилизации. В данной статье рассматриваются вопросы пополнения, сохранения и демонстрации музейных фондов, а также приводится информация о предметах, связанных с Узбекистаном, хранящихся в крупнейших музеях мира, в частности, в Этнографическом музее Берлина, и их основных характеристиках.

Дунёдаги бир неча йирик музейларда Ўзбекистонга оид коллекцияларнинг тўпланиши, сақланиши ва намойиш этилиши ўша мамлакат аҳолисининг Марказий Осиё халқлари яратган маданий ёдгорликлари билан яқиндан танишишига имконият бермоқда. Унинг долзарблиги энг аввало тадқиқ этилаётган муаммонинг умумбашарий аҳамиятга эга эканлиги билан белгиланади. Шу билан бир қаторда ушбу муаммо Янги Ўзбекистонда алоҳида аҳамият касб этиб, давлат сиёсати даражасида эътиборга молик деб айтиш мумкин.

Жаҳоннинг кўплаб музейлари ҳамда илмий марказларида, хусусан, Ўзбекистонда ҳам музей ашёларини комплектлаш ва атрибутлашнинг илмий асосларини тадқиқ этиш, илмий тавсифлаш, фондларда информацион комплектлаш ишини ривожлантириш, бойитиш, музей коллекцияларини сақлаш, консервациялаш, артефактларнинг 3D кўринишини яратиш, уларнинг электрон реестрини тузиш каби вазифалар халқаро даражада ўрганилмоқда. Google Art Project, Historic Moments – "Тарих зарварақи", Europeana глобал лойиҳаси, Goskatalog.ru каби электрон каталогларда музей коллекцияларининг ягона маълумотлар базаси яратилмоқда. Бу жараёнлар маданий меросга бўлган муносабат ва уни тадқиқ этиш заруриятини қанчалик муҳимлигидан далолат беради.

Хорижий музейларда сақланаётган Ўзбекистонга оид ашёларни ўрганиш ишлари жаҳоннинг етакчи илмий марказлари, олий таълим муассасалари ва музейларида, жумладан, Санкт-Петербург Давлат Эрмитажи, Россия этнография музейи, Шарқ халқлари давлат музейи (Россия), Босфор университети

1-Расм. Юнгдан тўқилган анъанавий ўзбек гилами. Оч-қизғиш фонда. Саккизқиррали юлдузсимон нақшлар туширилган. Фарғона водийси. XIX аср. Ўлчамлари: 233 х 286 см

2-Расм. Адрасдан тўқилган парда. Деворга осиш учун мўлжалланган. Фарғона водийси, тахминан 1870 йиллар. Ўлчами: 197 х 154 см

(Туркия), Лейден университети (Нидерландия), Британия музейи, (Англия), Берлин миллий музейи, Штутгарт санъат музейи (Германия), ЎзР ФА Темурийлар тарихи давлат музейи, Санъатшунослик институти, Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Ўзбекистонга оид хориждаги маданий бойликларни тадқиқ этиш маркази ва Ўзбекистондаги Ислом цивилизацияси маркази, Ўзбекистон электрон оммавий ахборот воситалари миллий ассоциацияси ташаббуси билан ташкил этилаётган халқаро конгресс ишларида, медиа-лойиҳаларда олиб борилмоқда ва туркум альбомлар нашр этилмоқда (Ўзбекистон).

Дунёнинг қатор музейларида сақланаётган Ўзбекистонга оид маълумотлар ва уларни ўрганиш юзасидан қуйидаги илмий натижалар олинган: Россия Федерацияси музейларида Ўзбекистонга оид ашёларнинг шаклланиш тарихи, музейларда Марказий Осиё фондининг пайдо бўлиши билан боғлиқ жараёнлар ёзма манбалар, архив ҳужжатлари орқали илмий асосланган (Россия этнография музейи); Туркия кутубхоналарида сақланаётган Алишер Навоий қаламига мансуб нодир қўлёзмалар ва уларнинг илмий тавсифлари қиёсий ўрганилган (Босфор университети, Туркия); «Амударё хазинаси» ёдгорлиги дурдоналари каталогида ашёларнинг ўзига хос хусусиятлари тадқиқ этилган (Британия музейи, Англия), Ўзбекистон моддий меросининг Германия музейларида тўпланишига доир архив маълумотлари, экспедициялар хулосалари, музей ашёларини атрибутлашга оид илмий-амалий таҳлиллар келтирилган (Берлин этнография музейи, Штутгарт санъат музейи, Германия).

XX асрнинг 80-йилларида Германияда янгича музейлар қурилишига катта аҳамият берила бошланди. Янги музейлар Кёлн, Франкфурт-на Майн, Штутгарт, Дюссельдорф сингари йирик шаҳарларда қурилди. Бу каби янги музейлар лойиҳаси дунёга машҳур меъморлар Р. Мейер, М. Унгерс, Дж. Стирлинг, Х. Ян.Результатлар томонидан ишлаб чиқилди. 1988 йилгача Германияда ҳам "американча усул" яъни турли ҳомийлар ёрдамида ашёлар тўплаб амалга оширилди. Берлин шаҳрида кўп қиррали музейлар фаолият юритади. Пруссия маданияти музейи, Миллий

галерея, Амалий санъат музейи, мусиқа асбоблари музейи ва ҳоказолар шулар жумласидандир (Gierlichs, 1993: 68).

Маълумки, Ўзбекистондан қадимда Буюк ипак йўли ўтган ва бу йўл биргина иқтисодий аҳамият касб этмай, балки у диний, маданий мерос ютуқларини тарқатувчи, мамлакатлараро дипломатик алоқаларни таъминловчи йўл ҳам эди. Савдогарлар ўзларининг турли молларини шу йўл орқали Шарқу Ғарбга олиб чиққанлар. Тўхтаган жойларида эса маҳаллий аҳоли билан суҳбат қилганлар, ҳунармандчилик буюмлари, ноёб қўлёзмаларни сотиб олганлар. Натижада, моддий-маънавий мерос орқали маданият тарқалган ва дунё тасвирий ва амалий санъатида узвий боғлиқликлар, ўхшашликлар вужудга кела бошлаган. Ана шу тариқа ҳам Ўзбекистон моддий-маънавий мероси дунё бўйлаб тарқалган ва умумбашарий маданият ривожига сезиларли таъсир кўрсата олган.

1995 йил Германиянинг Штутгарт шаҳрида "Ипак йўли меросхўрлари" номли кўргазма ташкил этилган (Наследники Шелкового пути.., 1997: 110). Унда Ўзбекистон маданиятини тараннум этувчи ашёлар экспозициядан жой олган, улар қуйидаги даврларга мансуб бўлган:

1. Эрамиздан аввалги IV асрдан эрамизнинг VIII асри.

2. Марказий ОсиёнингVIII–XVI асрлардаги маданий-сиёсий ҳаёти.

3. Ўзбек хонликлари даврида Туркистон ҳаёти. XVI-XX асрлар.

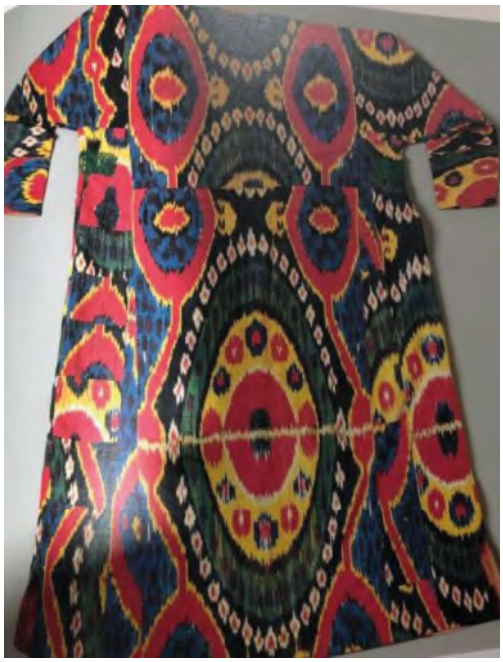
Берлин этнография музейидаги Ўзбекистонга оид ашёлар 1902–1914 йилларда ташкил этилган экспедициялар натижасида тўпланган. Уларга Грюнведель фон Ле Кок раҳбарлик қилган. Экспедициянинг илмий кенгашига Марказий Осиё тарихи билан шуғулланувчи академик С. Ф. Ольденбург, академик В. В. Бартольд, академик В. Л. Комаров, академик А. Е. Ферсман, профессорН.Л.Корженевский,ҳамдаН.П.Горбунов, Д. И. Шербаков, Х. фон Фикер ва бошқалар кирган. Бу музейда асосан Темурийларга оид амалий безак санъати намуналари, Рикмерс шахсий коллекцияси ашёлари, меъморчилик қопламалари, Ўзбекистонга оид сўзаналар, амалий санъат буюмлари, от анжомлари, миллий кийимлар ва ҳоказолар бор. Рикмерс коллекциясида тўпланган ушбу ашёлар ўзининг ноёблиги билан аҳамиятлидир (Bilderheft der Staatlichen.., 1993: 68).

Вилли Рикмерс 1873 йилда Германиянинг Бремерхафен шаҳрида туғилган[1]. У геолог ва альпинист бўлган. Вилли Рикмерс 1928 йилда совет-герман топография экспедициясида ҳам қатнашган. XIX асрнинг охирларида Вилли Рекмерс Иоганн Генрих Мозер билан биргаликда Марказий Осиё бозорларини айланишади. Хусусан, улар Самарқанд, Бухоро ва Қўқон шаҳарларида ҳам бўлишади. Иоганн Генрих Мозер 1805 йилда Шаффхаузенда туғилган. Машҳур соатсоз бўлган. Ўзининг шахсий устахоналарига ҳам эга эди. Шу билан бирга Генрих Мозер саёҳат қилишни ҳам хуш кўрган. Улар Бухоро ва Қўқонда кўплаб қадимги мис буюмларини тўплашга муваффақ бўладилар. Ана шу коллекционерлар томонидан тўпланган Фарғона ва Қўқон шаҳарлари амалий санъатига оид турли ашёлар бугунги кунда Берлин этнография музейида сақланмоқда.

XVII асрдан то XIX асрнинг бошларигача Бухоро, Хива ва Қўқон хонликлар даври ҳисобланиб, унда маҳаллий халқларнинг савдо-иқтисодий алоқалари кескин қисқаради. Бу жараён маданий ҳаётда ҳам ўз таъсирини кўрсатади. Қўқон хонлигида маҳаллий мактаблар, анъаналар хусусиятларини белгилаб берилган эди. Бадиий ҳунармандчилик ва санъатнинг сара анъаналари марказлари сифатида Бухоро, Қўқон, Хива, Самарқанд ва Шаҳрисабз тилга олинади. Бу ерларда алоҳида мактабларни мавжудлиги туфайли уларнинг анъаналари, ўзигагина хос бўлган маҳаллий хусусият ва аломатлари кўпгина маҳаллий ишлаб чиқарилган маҳсулотларида сақланиб қолди. Кулолчилик, тўқимачилик, гиламдўзлик Фарғона ҳудудларида жадал ишлаб чиқарилган. Феодал тузум тўлиқ ҳукмронлик қилган вақтда Фарғона тўқимачилиги аввалгидек, қўл меҳнати

[1] Вилли Рикмер Рикмерс 1873 йилнинг 1 майида Бремерхафенда туғилган. У асли геолог-альпинист ва саёҳатчи бўлган. 1913 йилдан бошлаб, у ўз эътиборини кам ўрганган қитъа ҳисобланмиш, Марказий Осиёга қаратади ва Помир тоғларидан экспедициясини бошлайди. 1928 йилда эса немис альпинистларидан иборат СССР Академияси қошида Помир экспедициясига раҳбарлик қилади. Унинг экспедицияси вазифаси Помир тоғ тизмаларини ўрганиш билан бирга, Марказий Осиё халқлари маданиятини, этнографиясини ўрганишга ҳам қаратилган. Бу экспедиция Россия ва Германия ўртасида маданий, маънавий, туризм соҳаларини ривожлантиришга ўз пайтида катта сабаб бўлган. Экспедиция жараёнида ўз-ўзидан Ўзбекистон ҳудудидаги маданий бойликлар ҳам тўпланган ва маҳаллий коллекционерлардан сотиб олинган. Кейинчалик эса Вилли Рикмерснинг ушбу коллекцияси Берлин музейларига тақдим этилган.

3-расм. Эркаклар адрас чопони. Астарсиз. Ёз ойида кийишга мўлжалланган. Ипак ва пахтадан тўқилган аралаш мато. Кўпроқ сарғиш рангдан фойдаланилган. Фарғона. XIX аср охири. Ўлчами: Узунлиги: 132 см., кенглиги 197 см



4-расм. Аёллар чопони. Пахта қоғозли астари бор. Ипак ва пахтадан тўқилган аралаш мато. Фарғона, 1890 йил. Ўлчами: Узунлиги: 114 см., кенглиги 133 см

маҳсулоти бўлиб қолди ва халқ усталарининг анъанавий иқтидори туфайли юқори сифатли матолар ишлаб чиқарилган.

Гилам тўқиш касби қадимдан чорвачилик билан шуғулланадиган кўчманчи қабилалар орасида кенг тарқалган. Гилам қадим замондан бери хона ичини безатиш, иссиқликни сақлаш, товушни камайтириш учун хизмат қилади (Марко Поло, 1995: 56).

XIX аср охири ва XX аср бошида гиламдўзликнинг учинчи мактаби Фарғона вилоятида вужудга келди. Бу ерда патли ва палос йўсинидаги турли гиламлар, яъни гилам, эшиктиш (эшик устидан ёпиладиган гилам), жойнамоз, чавадон ва ҳ.к. расм бўлган эди. Фарғона гиламларининг ранги Ўзбекистоннинг бошқа минтақаларидаги гиламлар рангидан анча фарқ қилади. Унда қизил ва кўк ранг тенг мутаносибликда қўлланади.

Берлин этнография музейида Фарғона амалий санъатига мансуб бўлган ва Вилли Рикмерс коллекцияси оид бўлган гиламлар, сўзаналар ва аёлларнинг турли либослари сақлаб келинмоқда. Сўзаналарда ислимий безаклар ҳунармандлар томонидан жуда моҳирона тикилган. Музейдаги сўзаналар асосан XIX асрга оид бўлиб, кўпроқ Фарғона ва Тошкент шаҳарларига мансубдир. XIX асрнинг 70-йилларида Тошкентда 1550 та мато тўқувчи ҳунарманд, 1896 йилда эса Марғилон, Наманган ва Қўқонда 600 та устахона, 1910 йилда Фарғонада 3165 та ишчидан иборат 1387 та косибчилик устахоналари, Марғилонда эса 2570 ишчидан иборат 911 та устахоналар бўлган (Хакимов, 2010: 195).

Маълумки, XIX асрда ўзбек миллий кийимларини тикишда ишлатиладиган асосий матолар сирасига ип-газлама, ипак, нимшойи ва жун газламалар кирган. Хом ашёнинг мўллиги ва арзонлиги Мовароуннаҳр шаҳарларида ипак тўқувчилик, бўз тўқувчилик, жун тўқувчилик ва бошқа хил матоларни тўқувчилик касб-ҳунарини ривожлантириш учун қулай шарт-шароитни вужудга келтирди. Бу ерда тўқувчиликнинг: ҳаммабоп ип-газлама ва нисбатан қимматроқ ипак тўқувчилиги турлари кўпроқ тараққий этди. Ип-газлама матоларни тўқиш билан аёллар, ипак ва нимшойи газламаларни тўқиш билан эркаклар шуғулланишган (Содиқова, 2001: 35-45)[2].

[2] Содиқова Н. Ўзбек миллий кийимлари XIX-XX асрлар.

5-расм. Ёқали эркаклар чопони. Пахта матосидан тикилган, ички қисмида астари бор. 1868-1869 йилларда Роберт Шоунинг Ёркент ва Қашқарга қилинган саёҳати пайтида музейга олиб келинган. Ўлчами: Узунлиги 121,9 см., кенглиги 184 см

Бухоро, Самарқанд, Қўқон, Марғилон, Наманган ва бошқа шаҳарларда кановуз, шойи, хонатлас, нимшойи беқасам, банорас, адрас каби анъанавий ўзбек ипак газламалари тўқилиб, улардан тикилган турфа кийимлар ўзига тўқ, бой–бадавлат кишилар орасида расм бўлган. Адрас – абр иплар билан гул солинган нимшойи газмол ишлаб чиқарилган. Шунингдек, кановуз шойи, гулдор кимхоб, духоба каби газмоллар ҳам кенг тарқалган. Шойи ва нимшойи матолар ҳисобланган беқасам, адрас, якрўй, катак шойи, товланма шойи, абршойи ва ҳоказоларга турли-туман гуллар солинган. XIX асрга келиб йўл-йўл матолар хиллари айниқса кенг расм бўлиб кетди. Ип газлама, шойи нимшойи газмолларга шу услубда гул солина бошланди. Мазкур турдаги газламаларни чиқарадиган тўқувчилик марказлари Самарқанд, Ургут, Нурота, Бухоро, Ғиждувон, Зангиота, Фарғона водийсида Наманган, Бешариқ туманларида мавжуд эди. Матоларга гул босишнинг усулларидан абрли иплар билан гул солинган, бўёқлари ёйиқ, қимматбаҳо ипак газмолларни ишлаб чиқаришда қўлланилган. Абрбанд усули билан ипларни ўраб-боғлаб қўйишдан иборат мазкур мураккаб ва сермеҳнат жараён асосан Фарғона водийси шаҳарлари ва Самарқанд, Бухорода хонатлас тўқишда қўлланилган. Буларнинг ҳаммаси XIX – XX асрларда маҳаллий газламаларни бадиий безаш санъати хилма–хиллиги ва ўзига хос эканлигидан, Марказий Осиё халқ ҳунармандларининг нозик дидидан далолат беради.

Берлин этнография музейида ана шундай Фарғона водийсига оид аёллар ва эркаклар чопонлари сақланиб келинмоқда.

Хулоса ўрнида шуни айтиш жоизки, жаҳоннинг йирик музейлари ва шахсий коллекцияларида сақланаётган ашёларни илмий-амалий ўрганиш бугунги кунда жуда муҳимдир. Илмийлиги – янги илмий нашрлар, каталоглар яратилишида манба бўлса, амалий жиҳати эса юртимиздаги музейларда хорижий музейлар билан ҳамкорликдаги халқаро кўргазмаларни ташкил этишда катта аҳамият касб этади. Бу эса Ўзбекистонда музейшунослик соҳасини янада ривожлантиришда, ички ва ташқи туризмни жадаллашувига муҳим омил бўлиб хизмат қилиши табиий.

Тошкент: 2001.35–45 бетлар.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

Joachim Gierlichs. Drache Phonix Doppeiadler. Bilderheft der Staatlichen Museen zu Berlin Preu Bisher kultur besitz. 1993. p. 68.

Bilderheft der Staatlichen Museen zu Berlin Preu Bisher kulturbesitz. 1993. p. 68.

Наследники Шелкового пути. Узбекистан: Каталог выставки. Штутгарт, 1997. 110 с.

Марко Поло. Москва, 1995 С. 56.

Содиқова Н. Ўзбек миллий кийимлари XIX-XX асрлар. Тошкент, 2001. 35–45 бетлар.

Хакимов А. А. Искусство Узбекистана: история и современность. Ташкент: San'at, 2010. 195 с.

SHAKHBOZ MUSTAFOEV
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering,
Department Restoration of Architectural Heritage,
Tashkent, Uzbekistan

HISTORICAL DEVELOPMENT AND CONSTITUENT ELEMENTS OF MUQARNAS IN THE ISLAMIC WORLD

Keywords: Muqarnas, Karbandi, Rasmi bandi, Yazdi bandi, Kaseh sazi, stalactite, shamseh, toranj, taseh, parak, shaparak, tee, espar, takhts, scroll
Abstract: This article aims to delve into the etymology and origins of muqarnas, tracing its early forms, structural components, and the stages of its development. It also sheds light on the initial types of stalactites, offering a deeper understanding of their evolution.

Kalit so'zlar: muqarnas, karbandi, rasm bandi, yozma bandi, kaseh sazi, shamse, toranj, tase, parak, shaparak, espar, taxt, svitok.
Annotatsiya: Ushbu maqola muqarnasning etimologiyasi va kelib chiqishini o'rganishga qaratilgan. Unda uning dastlabki shakllari, tuzilish komponentlari va rivojlanish bosqichlari tahlil qilinadi. Shuningdek, muqarnaslarning ilk turlari yoritilib, ularning shakllanishini chuqurroq tushunishga yordam beriladi.

Ключевые слова: мукарнас, карбанди, расми банди, язди банди, касе сази, сталактит, шамсе, торанж, тасе, парак, шапарак, ти, эспар, тахтс, свиток.
Аннотация: В данной статье исследуются этимология и происхождение мукарнаса, анализируются его ранние формы, структурные компоненты и этапы развития. Также освещаются начальные типы сталактитов, что позволяет глубже понять их эволюцию.

Introduction. Muqarnas hold a significant place among the various forms of architectural decoration due to their strong aesthetic appeal in both arts and crafts, as well as in the design of Islamic monuments. Initially, muqarnas were used as functional architectural elements, resembling early forms like the squinch, and did not take on their distinct form until the Islamic period. Over time, with the evolution of architecture, muqarnas transitioned from being purely structural components to becoming decorative and applied elements in architectural monuments.

Muqarnas are three-dimensional compositions created by assembling simple prismatic elements in various combinations, similar to sections of vaults, and arranged according to precise rules in overlapping corbelled levels. The arrangement, size, and shape of these elements can vary based on geographical location, historical period, the part of the building where they are applied, and the materials used in their construction. The dimensions can range from a few centimeters, as seen in Moroccan muqarnas, to several meters, as in the Iranian Friday Mosque of Isfahan. The size depends not only on the building materials—larger muqarnas can be made from stone, while smaller ones, measuring just five to ten centimeters, are typically made from wood – but also on the period of construction (Galdieri, 1984: 33; fig. 50). In some cases, an element may appear in different scales within the same composition (Garofalo, 2010: 357).

The materials used to construct muqarnas vary by region. In Syria, Egypt, and Turkey, stone is the primary material, demanding high precision in execution. In North Africa, muqarnas are typically made from plaster and wood, while in Iran and Iraq, they are often constructed from brick, sometimes covered with plaster or ceramic.

The Origins and Etymology of Muqarnas in Islamic Architecture. Embarking on a historical study of the use of *muqarnas* in architectural decoration is a complex task, as it is difficult to pinpoint the exact time and place where *muqarnas* were first used. Regarding the etymology of the term, several scholars suggest that it derives from the Greek word χορωνίς (Latin coronis), meaning «cornice» (Doris, 1993: 501).

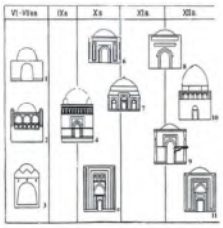


Figure 1: G.A. Pugachenkova. Evolution of types of centric and portal mausoleums in Central Asia

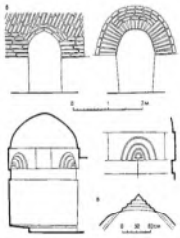


Figure 2: G.A. Pugachenkova. The vault at the turn of the Munchak-Tepe gallery and other views

Figure 3: the brick squinch.

Figure 4: "Kala No. 36" (Berkut kala, Khorazm, 3rd - 4th centuries).

Figure 5: Otashked temple, Chartak (Neysar, Iran, 3rd - 4th centuries)

Figure 6: Mausoleum of Samanids (Bukhara. Uzbekistan. 9th c.).

Figure 7: Jurjir Mosque (Isfahan, Iran 10th c.).

Figure 8: Minaret Rabat-i Malik (Karmana, Bukhara, 12-13th c.).

Figure 9: Mausoleum of Imam Dur (Samarra, Iraq, 10th c.).

Figure 10: Magoki-Attari Mosque (Bukhara 12th c.)

Figure 11: Borsi Mosque (Isfahan, Iran, 12th c.)

Table. 1.

To better understand the term *muqarnas*, it is useful to explore its etymology across different languages. However, the exact origins of the Arabic word *muqarnas* remain unclear. In medieval Arabic dictionaries, the word does not carry an architectural meaning. According to Yasser Tabbaa, the term first appeared in the 12th century (Tabbaa, 1996: 175–184). Necipoğlu and Al-Asad (Necipoğlu, 1995: 350) state that *muqarnas* is an Arabic word for stalactite vaults, derived from *qurnas* (*or qirnas*), meaning a decorated ceiling with three-dimensional elements. While many scholars trace the word to the Greek *korōnís*, meaning «cornice» (Necipoğlu, 1995: 350), Tabbaa points out that this origin is

Table 2: Fixation of constructive ELEMENTS of stalactites by ARCHAEOLOGISTS

Figure 13: Bathhouse of Abul Saud, fragment (Cairo, Egypt 9-10th centuries).

Figure 14: Fragment of a painted ceramic stalactite (Nishapur, Iran, 10th century).

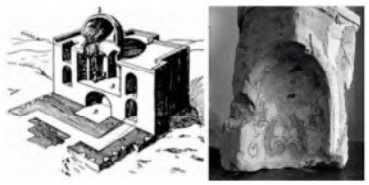
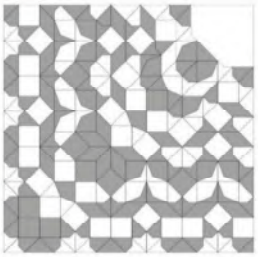
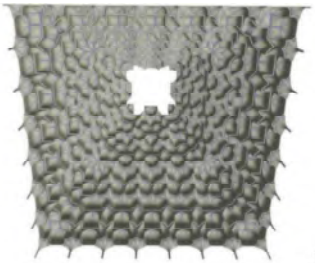


Figure 15: Qal'a of Beni Hammad (Algeria, 11th century).

a



b



c

«not confirmed in any Arabic or Persian source» (Tabbaa, 1996: 321–325).

According to Garofalo (Garofalo, 2010: 357), the chronology and geographical origins of *muqarnas* are still unknown. Some scholars date its emergence to the late 8th century in Syria, others to the 9th century in Iran, and still others to the 11th century in North Africa or Baghdad (Necipoğlu, 1995: 349-350). What is certain, however, is that by the 12th century, *muqarnas* had become a common feature in the decorative arts across the Islamic world. Regional variations developed, shaped by local decorative traditions.

Among the earliest examples of *muqarnas* in the Western world, Fernández-Puertas highlights those in Palermo, particularly on the ceiling of the Cappella Palatina, commissioned by Roger II (d. 1154), and in the Zisa and the Cuba palaces, built in 1180 by Guglielmo II d'Altavilla (Alicia Carrillo-Calderero, 2013: 8, fig. 10–11).

There are several theories about the origins of *muqarnas*, and one of the most reliable, according to Garofalo (Garofalo, 2010: 357) and G.A. Pugachenkova (Пугаченкова, 2021: 142), is that the functional origin of *muqarnas* traces back to the corner tripartite squinch. This architectural feature was first used in 10th-century Iranian domes to facilitate the smooth transition from the square base of walls to the circular dome (Table 1).

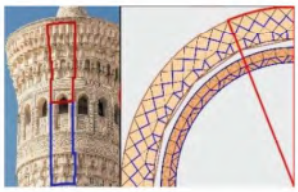
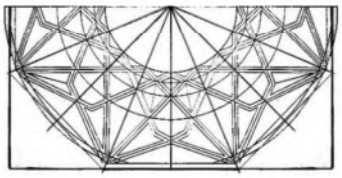
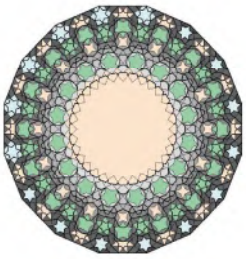
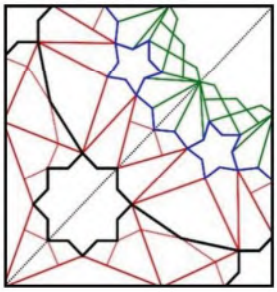
Écochard argued that the structure of these early corner squinches anticipated what would later evolve into *muqarnas* (Écochard, 1977: 65–76). In Roman architecture, the pendentive had already solved the issue of transitioning between different forms. According to Hautecoeur, it was in the Maghreb that the *muqarnas* cells first detached from the wall, transforming from bas-reliefs into isolated, stalactite-like elements (Hautecoeur, 1931: 46). The *muqarnas* of the Zisa palace is among the earliest examples of this type.

Necipoglu and Al-Asad argue that the earliest example of *muqarnas* appeared around the mid-10th century, simultaneously and independently in northeastern Iran and Africa. From the 11th century onward, *muqarnas* spread across the Islamic world, from India to Spain, adapting to each region's materials and culture.

Several scholars, including de Beylié, Bloom, Creswell, Ettinghausen, Grabar, and Tabbaa, have proposed four possible origins: Bukhara in modern Uzbekistan, Samarra in today's Iraq, Egypt, and modern Algeria (see Table 2 and Table 3). Notable examples include the Ismail Samani Mausoleum in Bukhara, the southeast and northeast domes of the Great Mosque of Isfahan, the Shrine of Imam al-Dawar in Samarra, and *muqarnas* fragments found in the Ḥammam of Abu'l-Su'ud in Fustat, Cairo (Creswell, 1952: 16; Grabar Oleg, 1986: 230).

Table 3: Classification of stalactites based on the research of Sh.Sh. Mustafoev

A: Structural groups of muqarnas

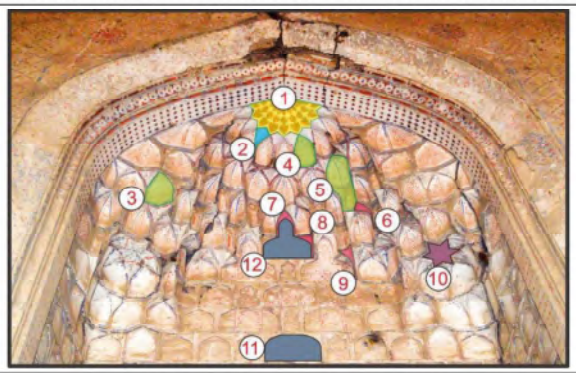
I. MUQARNAS	II. IROQI	III. MIXED TYPES OF MUQARNAS OR «CHORZAMIN»
I.1. "Square based"	II.1. "Rasmi bandi"	III.1. - type "Mixed" muqarnas
		
I.2. "Radial based"	II.2. "Kaseh sazi"	III.2. - type "Mixed" muqarnas
		
I.3. "Aviz"	II.3. "Yazdi bandi"	
		

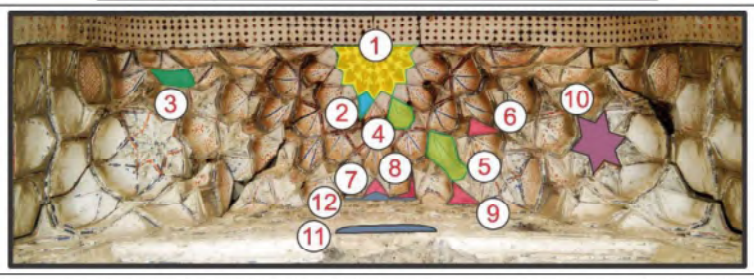
1. Uzbekistan: Bukhara and Samarkand
2. Iraq: Samarra
3. Egypt
4. Algeria

Some suggest that this ornamental device may have arisen independently and almost simultaneously in both North Africa – such as at Qalʿat Bani Ḥammad, built between 1015 and 1152 in Algeria – and the Near East. The diversity of these views highlights the complex and multifaceted nature of the question (Table 2). ***Conclusion.*** In conclusion, the etymological origin of the word *muqarnas* and its homeland remain uncertain. Research indicates that both the terminology and techniques associated with *muqarnas* are present not only in Muslim countries but also in various European regions.

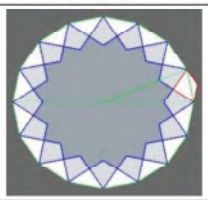
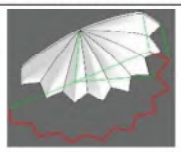
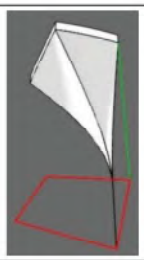
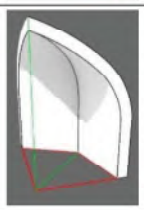
Studies suggest that *muqarnas* initially evolved from squinch and pendentive forms, as seen in examples such as the ceramic *muqarnas* found in 10th-century Nishapur (Iran) (Fig. 1) and the squinches in the Samanid Mausoleum in Bukhara

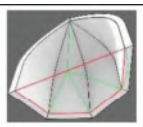
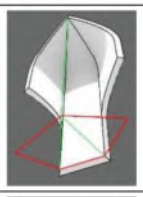
Table 4: EXPLANATORY DICTIONARY OF CONSTITUENT ELEMENTS



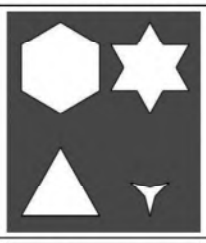
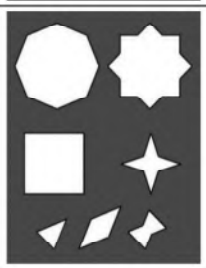


Bibi Khanym Mosque, Samarkand (14th century), According to Sh.Sh. Mustafoev.

№.	2D view of plan	3D view of element	Persian name	Pronunciation	Uzbek name of elemnts
CONSTITUENT ELEMENTS OF MUQARNAS WHICH HAS 3D VIEWS					
1.			شمسه	Shamseh	Шамс
2.			ترنج	Toranj	Найзаги (Торанж)
3.			تاسه	Taseh	Косаги, Тоссак (Тасех)

4.			تاسه	Taseh	Косаги, Тоссак (Тасех)
5.			تنوره	Tanoureh	Танурех, Косаги тури
6.			پَرک	Parak	Пояги (Парак)
7.			شاپَرک	Sho-Parak	Қўшпоя (Шопарак)
8.			شاپَرک	Sho-parak	Дупоя, Жуфтпоя (Шопарак)
8.			شاپَرک	Sho-parak	Дупоя, Жуфтпоя (Шопарак)
9.			شاپَرک	Sho-parak (multiple)	Ғозпоя (Шопарак)

CONSTITUENT ELEMENTS OF MUQARNAS WHICH HAS ONLY 2D VIEW

10.			تخت	Takht	Тахтаги, Ганчтахта (Таҳт)
10.			تخت	Takht	Тахтаги, Ганчтахта (Таҳт)
10.			تخت	Takht	Тахтаги, Ганчтахта (Таҳт)
11.			تیه	Tee	Почаборик, Равоқ, Равоқи (Теҳ)
11.			اسپار	Espar	Равоқ, Равоқи (Эспар)
12.			سوسنی	Susani	Равоқ, Равоқи (Сўзани)

(Uzbekistan). Additionally, pre-Islamic architectural elements, such as trumpet-like transitions between walls and ceilings, may have contributed to the formation of *muqarnas* in architectural history.

Furthermore, evidence suggests that pseudo-stalactite forms began to appear even before the 9th century. Unique and unparalleled examples of stalactites can be found in buildings from the 14th to 17th centuries. During this period, not only did the forms of muqarnas evolve, but their structural elements also underwent changes, gradually losing their original functional characteristics on a regional scale. This view is supported by the research of Hamidreza Kazempur (Kazempour, 2016: 213) (See Tables 3 and 4).

In the 19th and 20th centuries, the construction of stalactites can be considered not only as architectural decoration but also as a unique form of decorative art. As a result of the formation and evolutionary development of new forms, in general, there is a growth in the work of architects. An example of our opinion is the manuscripts of Ust Shirin Murodov (Notkin, 1995: 149–171), see also: "Ноткин И.И. Бухарская резьба по ганчу в работах Уста Ширина Мурадова" (Notkin, 1961)

and Mirza Akbar scrolls (Sir Caspar Purdon Clarke in Tehran, 1876).

It should also be noted that the knowledge and skills of the muqarnas have passed from hand to hand in the history of humankind, and over time, this knowledge and experience have developed and introduced innovations. The most historical manuscript of Muqarnas, in a plaster plate, was discovered by archaeologists in Takhti Sulayman (Harb, 1978) and is the oldest artifact among stalactites.

REFERENCES

Alicia Carrillo-Calderero. 2017. The Beauty of the Power: Muqarnas, Sharing Art and Culture across the Mediterranean. International Journal of History and Cultural Studies (IJHCS), Volume 3, Issue 2, pp. 1-18.

Behrens-Abouseif, Doris. 1993. Muḳarnas. In Encyclopaedia of Islam, 2nd ed., Leiden: Brill (VII), p. 501.

Creswell, Keppel Archibald Cameron. 1952. The Muslim Architecture of Egypt. Oxford: Clarendon Press, p. 159.

Ecochard, Michel. 1977. Filiation de monuments grecs, byzantins et islamiques: Une question de géométrie. Paris, pp. 65–76.

Eugenio Galdieri. 1984. Iṣfahān: Masǧid-i Ǧum'a, Rome: Restorations 1, 3, pp. 33, 48, 50, fig. 50.

Fernández-Puertas. 1960–2007. Encyclopédie de l'Islam, Leiden, s.v. "Muqarnas".

Grabar, Oleg. 1986. La formación del arte islámico. Madrid: Cátedra.

Grabar, Oleg. 2000. La Alhambra: iconografía, formas y valores. Madrid: Alianza, p. 176 [1st ed. 1978: The Alhambra, Cambridge, Mass.: Harvard University Press].

Hamidreza Kazempour. 2016. The Evolution of Muqarnas in Iran. Supreme Century.

Hautecoeur, L. 1931. De la Trompe aux «Mukarnas», in La Gazette des Beaux-Arts, VI, p. 46.

Heinrichs, Wolfhart. 1997. "The Etymology of Muqarnas: Some Observations." In Humanism, Culture, and Language in the Near East: Studies in Honor of Georg Krotkoff, edited by Asma Afsaruddin and A. H. Mathias Zahniser. Munich, Winona Lake, Ind: Eisenbrauns, pp. 175–184.

Necipoğlu, Gülru, & Al-Asad, Mohammad. 1995. The Topkapi Scroll: Geometry and Ornament in Islamic Architecture. Topkapi Palace Museum Library, MS. H.

Notkin, I.I. 1995. Decoding sixteenth-century Muqarnas drawings. Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture, Volume 12.

Tabbaa, Yasser. 1985. The Muqarnas Dome: Its Origin and Meaning. Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture, Volume 3, p. 62.

Tabbaa, Yasser. 1996. The Dictionary of Art, ed. Jane Turner, Macmillan Publishers Ltd., Volume 22, pp. 321-325.

The Mirza Akbar Architectural Scrolls. South Kensington Museum (the precursor of the Victoria & Albert Museum) by Sir Caspar Purdon Clarke in Tehran in 1876.

Ulrich Harb. 1978. Ilkhanidische Stalaktitengewölbe: Beiträge zu Entwurf und Bautechnik. Archäologische Mitteilungen aus Iran: Ergänzungsband, Volume 4, Berlin: D. Reimer, p. 16.

Vincenza Garofalo. 2010. A Methodology for Studying Muqarnas: The Extant Examples in Palermo. Muqarnas, Volume 27, p. 357.

Yusupova, Mavlyuda. 1997. Material and Spiritual Culture. Architecture. In Bukhara: An Oriental Gem. Tashkent: Sharq, pp. 81-98. (In collaboration with G. A. Pugachenkova).

Мустафоев Ш. Ш. 2020. Архитектура. Самарқанд, Шохи-Зинда мажмуасидаги "Номаълум" ёҳуд Қутлуқ оқа мақбараси муқарнасини таъмирлаш муаммолари ва унинг геометрик таҳлили. Архитектура, қурилиш ва дизайн илмий-амалий техник журнали, №4, Тошкент архитектура- қурилиш институти, Тошкент.

Мустафоев Ш. Ш. 2020. Ўзбекистон меъморий ёдгорликлари безагида муқарнаслар ва уларни тузиш муаммолари. Меъморчилик ва қурилиш муаммолари (илмий-техник журнал), №4, Мирзо Улуғбек номидаги Самарқанд давлат Архитектура-қурилиш институти, Самарқанд.

Ноткин, И. И. 1961. Бухарская резьба по ганчу в работах Уста Ширина Мурадова. Государственный издательство художественной литературы Уз ССР, Ташкент.

Пугаченкова, Г. А. 2021. Искусства зодчих Узбекистана: Араб Ота (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.). Ташкент: Zamon-Press-Info, p. 142.

Юсупова, М. А. 1997. Эволюция зодчества Бухары XVI-XVII вв. // ОНУ, № 9-11, Ташкент, 97–109.

Юсупова, М. А. 1998. Архитектура (Средней Азии IX-XII вв.) // Свет из глубины веков. Имам ал-Бухари, Ташкент: Шарк, 103–116.

ELENA PASKALEVA
Leiden University, Netherlands

INVENTING THE TĪMŪRID MONUMENTS IN THE 19th AND 20th CENTURIES METHODOLOGICAL NOTES

Keywords: Tīmūrid architecture, Samarqand, Sufism, restorations, Herat, Turkestan, spiritual topography.
Abstract: This essay discusses some methodological approaches related to the study of the Tīmūrid monuments in Samarqand. The main focus is on the usage of local archives and photographic materials that can shed more light on the early restorations from the end of 19th century and their impact on the later development of the spiritual topography of Samarqand.

Kalit so'zlar: Temuriylar arxitekturasi, Samarqand, sufiylik, restavratsiyalar, Hirot, Turkiston, ma'naviy topografiya.
Annotatsiya: Ushbu maqolada Samarqandda.gi Temuriylar yodgorliklarini o'rganishga oid ba'zi metodologik yondashuvlarni muhokama qiladi. Asosiy e'tibor XIX asr oxiridagi dastlabki restavratsiyalarni va ularning Samarqandning ma'naviy topografiyasining keyingi rivojlanishiga ta'sirini yaxshiroq yoritishga imkon beradigan mahalliy arxivlar va fotosurat materiallaridan foydalanishga qaratilgan.

Ключевые слова: Тимуридская архитектура, Самарканд, суфизм, реставрации, Герат, Туркестан, духовная топография.
Аннотация: В эссе рассматриваются некоторые методологические подходы к изучению памятников Тимуридов в Самарканде. Основное внимание уделено использованию местных архивов и фотоматериалов, которые позволяют лучше понять ранние реставрации конца XIX века и их влияние на дальнейшее развитие духовной топографии Самарканда.

Introduction. The term Tīmūrid architecture has been widely appropriated for monuments dating from the 14th and 15th century situated in present day Afghanistan, Iran, Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. The sheer geographical vastness of the Tīmūrid realm poses an important methodological question of whether we should study Tīmūrid architecture according to historical regions (Khurāsān, Transoxania) with their local architectural practices or whether we should use a chronological methodology according to the lifespan of the Tīmūrid rulers and their courtly artistic production in key royal capitals such as Herāt and Samarqand. Either of these approaches is problematic and restrictive as they do not fully reflect the fact that Tīmūrid architectural patronage focused primarily on shrine veneration of holy places (mazārs) dispersed across the region. The key royal construction projects of the Tīmūrid era were meticulously chosen to revive and commemorate Muslim saints and martyrs e.g. Qutham ibn 'Abbās (d. 57/677) in Samarqand, Imām Rezā (d. 202/818) in Mashhad, Iran, Khwāja 'Abdullāh Ansārī (d. 482/1089) in Herāt, Afghanistan, and Khwāja Ah'mad Yasawī (d. 561/1166) in Turkestan, present-day Kazakhstan[1]. The locations of their shrines might explain the geographically scattered monuments erected sometimes around or on top of pre-existing Ghūrid, Ḡaznavid, or Qarakhānid structures in vibrant urban centres or remote rural sites. Tīmūrid architectural ensembles designed around earlier tombs and mausoleums were used as a venue for ceremonial visitations (ziyārat-i qubūr) with a profound political and ideological character (Manz, 1987: 17; Manz, 2007: 219–22; Golombek, 1969: 82–3). Some of them were developed into royal burial grounds with dynastic tombs e. g. the Gūr-i Amīr (Samarqand), the Gawharshād mausoleum and Gāzurgāh (Herāt). The Tīmūrid monumentality was skilfully staged under subsequent rulers to reflect the might of the dynasty.

The construction of Tīmūrid monumental works lasted for decades; they required considerable resources and mobilization of manpower. It is likely that large-scale projects such as the Aq Saray (White Palace in Shahr-i Sabz), the Bībī Khānum mosque (Samarqand), the Yasawī shrine (Turkestan) were initiated during the reign of the dynastic

[1] Formally known as Yasī.

founder Tīmūr (ca.736–807/ca.1366–1405) but were further developed under his successors. The ensembles were continuously expanded, repaired and restored as was the case with both Gūr-i Amīr and Gāzurgāh. Thus it would be a fallacy to attribute the completion of the monuments to the lifespan of a single ruler.

For example, it is widely considered that the Bībī Khānum mosque was built between 801–807/1399–1405 (its completion coinciding with Tīmūr's death), while there are striking similarities with the architectural legacy of Ulūgh Beg (r. 812-853/1409–1449) such as the spiral moulding around the entrance, carved terracotta tiles in the tympanum of the portal and along the pillars of the main sanctuary. Another misinterpretation, in my eyes, is the dating of the Yasawī shrine to 799–801/1397–1399 based only on historiographic and epigraphic evidence. The variety and complexity of the vaulting (transverse arches, recumbent arches, as well as tunnel vaults), the sparse interior decoration (plaster muqarnas painted with geometrical designs, limited use of mosaic faience only in de borders of the dado, graphic linear decoration in cobalt blue) are completely different from the mausoleums of Shāh-i Zinda built in the second half of the 14th century (Nemtseva and Shvab, 1979; Nemtseva, 2019; Marefat, 1991). The latter have simple single-chamber square plans and their facades are covered with lavish revetments in tile mosaic (Roxburgh, 2016: 116–31; Soustiel and Porter, 2003). In my view, the completion of the Yasawī shrine should be stylistically attributed to the 1430s and not to the end of the 14th century.

Persian historiographical sources (Sharaf al-Dīn ʻAlī Yazdī, Ḥāfiẓ Abrū, ʿAbd al-Razzāq al-Samarqandī, Daulatshāh al-Samarqandī, etc.), Western travelogues (Clavijo, Schuyler, etc.) and personal memoires (Ibn ʿArabshāh, Bābur) are of immense importance for the study of artistic cultural production. However, I consider the widespread references to historiography, in particular when we study Tīmūrid architecture, highly problematic in terms of the direct translation of literary tropes and rhetorical figures (e.g. hyperbole, allegory) onto the actual architecture of the buildings. Although the majority of these chronicles were written in the royal artistic workshops (kitābkhāna) to elevate and commemorate the deeds of the respective ruler based on historical evidence, their authors could not have been intimately familiar with the whole variety of buildings scattered across the vast Tīmūrid realm and thus provide thorough and plausible architectural descriptions.

As shown by David J. Roxburgh's essay on Ruy González de Clavijo's Narrative of Courtly Life and Ceremony in Timur's Samarqand, 1404, the usage of Clavijo's narrative "should not be taken as a substitute for architectural evidence" (Roxburgh, 2009: 117). Yet, the recent urban changes in the inner city of Shahr-i Sabz (2013–2015) that resulted in the erection of huge tiled fountains along a wide avenue stretching from the Aq Saray (second half of the 14th century) to the Kök Gunbad mosque (838–839/1435–1436) were all presumably based on Clavijo's description of the city. The Uzbek authorities used the narrative by the Spanish emissary to legitimize their urban renewal schemes aimed at "promoting the tourist potential" of the city without any historical awareness of its urban fabric[2]. As a result, all residential buildings situated between the Aq Saray and the Kök Gunbad mosque were demolished (Figures 1 and 2). In July 2016 the historic centre of Shahr-i Sabz was added to the World Heritage in Danger by UNESCO's World Heritage Committee[3].

Another crucial point is the documentation and analysis of continuous repairs and restorations until the present day. Given the religious importance of the sites, the relentless flow of pilgrims and the politics surrounding the stimulation or suppression of veneration practices, the majority of the Tīmūrid monuments have been constantly used and misused for political purposes. Here, I would like to stress the fact that Tīmūrid ensembles can and should be discussed only in terms of an architectural

[2] For the full text of all governmental decrees and plans concerning the urban renewal of Shahr-i Sabz, please see the reports by the State Party after 2015 on the UNESCO website https://whc.unesco.org/en/soc/3769 (accessed on 9 August 2024).

[3] For more details, please refer to the UNESCO website https://whc.unesco.org/en/news/1522/ (accessed on 9 August 2024). During the 43rd session of the World Heritage Committee (Baku, 30 June-10 July 2019), the irreversible changes to the historic centre of Shahr-i Sabz and the absence of a conservation plan were discussed, see https://whc.unesco.org/archive/2019/whc19-43com-7AAdd2-en.pdf (accessed on 29 August 2024). The authenticity and the disengagement of the Tīmūrid monuments from their urban surroundings were reiterated.

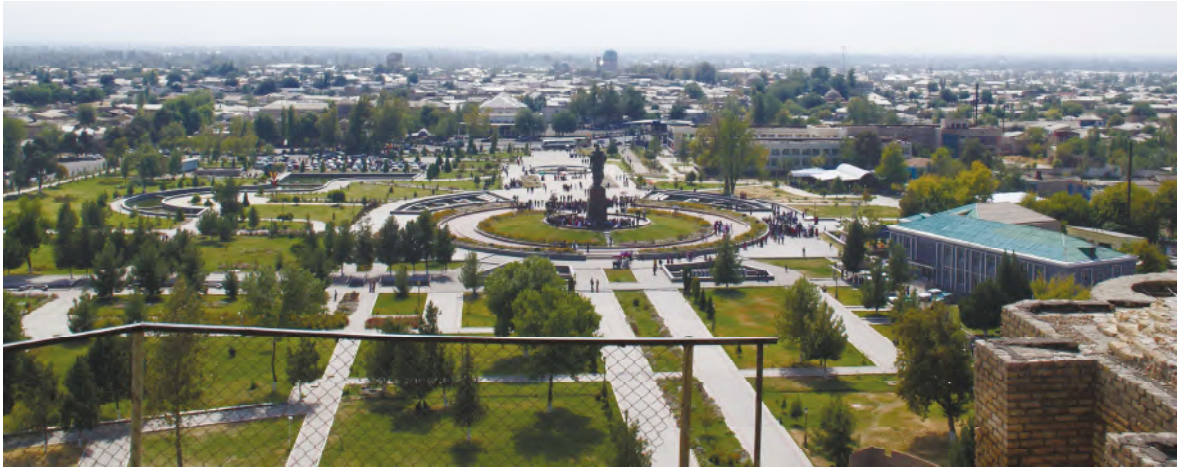


Figure 1. Shahr-i Sabz, view from the Aq Saray towards the Kök Gunbad mosque, 2006. Photo © Elena Paskaleva

palimpsest, a process in which each ruler and political regime left their own mark on the architectural fabric of the complex based on their ideological agendas. That is why my research[4] is not so much based on historiographical sources but focuses on actual restoration practices, archaeological reports and personal archives[5] of the Russian and Soviet scholars who studied the Tīmūrid monuments from the late 1860s until the present. Below I refer to the work and publications of Nikolai Ivanovich Veselovskii (1848–1918), Vasilii Lavrent'evich Viatkin (1869–1932)[6], Vasilii Vladimirovich Bartol'd (1869-1930), Alexander Iur'evich Iakubovskii (1886–1953), Mikhail Evgen'evich Masson (1897–1986)[7], Boris Nikolaevich Zasypkin (1891–1955)[8], Ivan Ivanovich Umniakov (1890–1976), Igor' Evgen'evich Pletnev, Liia Iulievna Man'kovskaia (d. 1988)[9], Konstantin Stepanovich Kruikov (1929–2003), Galina Anatol'evna Pugachenkova (1915–2007) and Nina Borisovna Nemtseva (1926–2021). I am also using my own collection of photographs, postcards, prints and drawings that date back to the second half of the 19th and early 20th century.

Figure 2. Shahr-i Sabz, view from the Kök Gunbad mosque towards the Aq Saray, 2017. Photo © Elena Paskaleva

In addition, I analyse certain decorative and compositional features as imaginary and distorted artefacts that have been restored in the last 60-70 years, and are not based on any historical or direct material evidence (such as photographs, architectural drawings or plans). A vivid example of such practices is the Ulūgh Beg eastern gallery at Gūr-i Amīr. All architectural studies refer to the gallery as an original addition from 1424,

[4] This article reflects my ongoing research on the cultural and social history of Tīmūrid architecture carried out within the project "Turks, texts and territory: Imperial ideology and cultural production in Central Eurasia" funded by the Dutch Research Council (NWO) under grant number 277-69-001.

[5] In 2017 and 2018 I worked in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGARUz). In 2019 I also carried out research at the archive of the Department for the Protection of Cultural Heritage in Tashkent. Here the following abbreviations are used in references to the archive's fonds: f. (fond), holding; op. (opis'), inventory; d. (delo), file; l. (list), sheet.

[6] TsGARUz, f. R-1591.

[7] Part of Masson's archive is at TsGARUz, f. R-2773. The collection contains drafts and personal correspondence of Pugachenkova as well.

[8] Zasypkin's archive is at TsGARUz, f. R-2406.

[9] Man'kovskaia's archive is at TsGARUz, f. R-2810.

yet it was fully rebuilt in 1943 in the midst of the Second World War (Paskaleva, 2019: 175–213). This fact has remained largely unknown due to the inaccessibility of Soviet archives for Western scholars.

Direct access to the monuments has also been problematic since the preservation and study of Tīmūrid architecture was a prerogative of the nation state. Shortly after the formation of the Soviet Union in 1924, and later during the Cold War, a series of restrictions were imposed on Western scholars. As a result, they were unable to spend extensive periods of time at the actual monuments, to participate in excavations of important archaeological sites, to work with archival resources, governmental ordinances and visual documentation, and to read in depth (mostly unpublished) dissertations written during the Soviet period (e.g. by Pletnev[10] on Gūr-i Amīr from 1969 or by Man'kovskaia[11] on the Yasawī shrine from 1963). These limitations have resulted in a nuanced and subjective historical outline of Tīmūrid architecture based mainly on English and French translations of the works by Pugachenkova (1981) and Man'kovskaia (1985: 109–27)[12]. Consequently, Western scholars have analysed the monuments in a rather descriptive way, predominantly based on historiographical sources, partial translations of surviving inscriptions, and above all according to their geographical region (constrained by the borders of the nation states). The most recent epigraphic studies are Ashirbek Muminov's Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi from 2010 and the 13-volume collection Architectural Epigraphy of Uzbekistan from 2015. The latter series does not include volumes on Gūr-i Amīr and the Bībī Khānum mosque.

In addition, the sites are hardly studied in a comparative approach to one another and little attention is paid to already distorted or destroyed details recorded only on old photographs or drawings. In this regard, the restorations carried out by the Soviet authorities in the 20th century have played an enormous role in the misrepresentation of architectural artefacts and in the creation of ensembles based on the imagination of local architectural historians.

What is more, the socio-political significance and social history of Tīmūrid architecture remain largely unstudied. The last two major Western editions on these subjects, the ground-breaking and still most comprehensive study by Lisa Golombek and Donald Wilber The Timurid Architecture of Iran and Turan (1988), and Bernard O'Kane's Timurid Architecture in Khurasan (1987), date back to the late 1980s and do not cover Soviet and recent restorations. The most relevant publications for my research, in particular on Gūr-i Amīr, have been Robert D. McChesney's latest book Four Central Asian Shrines (2021), his essay Timur's Tomb: Politics and Commemoration (2003) and his Yarshater Lectures in Persian Art given at SOAS in January 2017.

Architectural historians, architects and archaeologists living and working in Soviet Central Asia have published booklets and essays on restorations. The earliest overviews are Umniakov's Architectural monuments of Central Asia: Study. Maintenance. Restoration 1920-1928 from 1929 and Zasypkin's series Architectural monuments of Central Asia: Problems of study and restoration from 1928. Throughout the 1950s-90s several articles were printed in specialized journals such as Architecture of the USSR, Building and Architecture of Uzbekistan (Kruikov, 1990: 34–7; 1991: 9–13). The most recent historical overview of Soviet practices is Nemtseva's article "Notes on architectural restoration and preservation of the historical environment of Uzbekistan in the second half of the 20th century" published in a commemorative volume dedicated to Pugachenkova (2018: 133–60).

My own work has also been restricted in terms of access. I have never been to Afghanistan and Turkmenistan; my interpretations of the Gāzurgāh shrine and the Ṭūmān Āghā complex in Kuhsan are based only on secondary sources (Golombek and Wilber, 1988, cat. no. 69–72 and O'Kane, 1987, cat. no. 9, 19). That is why, the focus of this paper is mainly on the Tīmūrid monuments situated in Kazakhstan and Uzbekistan. The findings are based on extensive archival research at the National State Archive (TsGARUz) and at the Archive of the Department for the Protection of Cultural Heritage

[10] The discussion in this article is based on a summary (aftoreferat) of the unpublished dissertation.

[11] TsGARUz, f. R-2810, op. 1, d. 10.

[12] Man'kovskaia's meticulous research, clear descriptions based on factual evidence and comprehensive groundwork, have remained largely unknown in western scholarship.

in Tashkent. Further, I have worked with various photographic collections (Turkestan Album[13], Samuil Martynovich Dudin (1863–1929)[14], Petr Petrovich Pokryshkin (1870–1921)[15], Sergei Mikhailovich Prokudin-Gorskii (1863–1944)[16], Ernst Cohn-Wiener (1882–1941)[17], Stepan Nikolaevich Polupanov[18], E.A. Poliakov[19] and others).

Overview of Russian Tsarist restoration practices (1820s–1917). Restoration practice in Russia was introduced under the reign of Emperor Nicholas I (1796–1855). In 1826 he initiated the collection of historical data on existing old castles and fortresses and in 1848 the demolition of ancient architectural monuments was forbidden (Umniakov, 1926: 43–54). The first national organization with monitoring functions was the Imperial Archaeological Commission (IAC, 1859–1917) established in February 1859 in St. Petersburg by Emperor Alexander II (1818–1881); its primary tasks included the collection of historical data and not the actual restoration of monuments. It was the first academic body, funded by the state, that could carry out excavations and could monitor the Russian archaeological sites. With a decree from 11 March 1889, Emperor Alexander III (1845–1894) acknowledged the exclusive rights of the Commission to conduct archaeological research by granting special Open Lists (otkryty list') to individual scholars who were obliged to send a detailed report to the archives of the Commission after completing their work. The decree also postulated that the Commission, together with

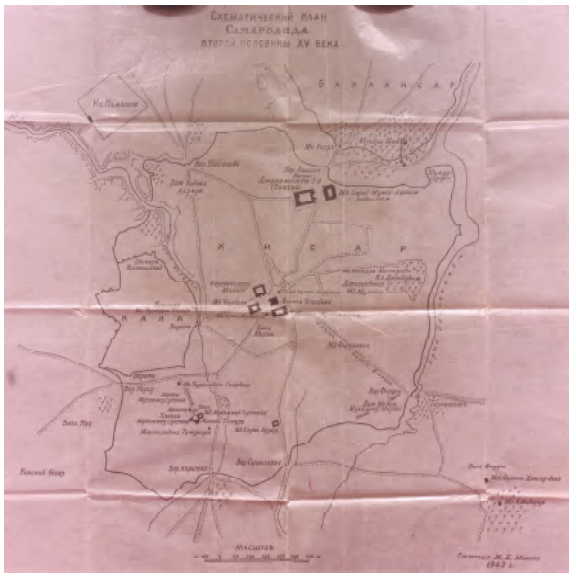


Figure 3. Plan of Samarqand in the 15th century, map drawn by Mikhail E. Masson, 1942, denoting the main monuments, city gates and topography. TsGARUz, f. R-2773, op. 1, d. 231

the Russian Academy of Arts, will be in charge of the supervision of restoration practices and the protection of art and architecture (Nosov, 2009). In April 1889 a special meeting at the IAC concluded that the Commission should protect monumental architectural artefacts from "destruction and distortion resulting from inept restorations"; archaeological sites had to be safeguarded against "plundering by treasure hunters" (Dluzhnevskaia, 2011: 12).

The concern for the future of the Samarqand monuments prompted the first archaeological expeditions to Central Asia. During a session on 7 March 1886, Veselovskii delivered a lecture on Shāh-i Zinda and extensively discussed the artistic values of the Tīmūrid tile revetments that he had collected during his first Afrasiyab expedition in 1893-1894. His talk coincided with a letter from the Royal Archaeological and Historical Museum in Stockholm written by the Swedish scholar Martin to the chair S.Iu. Vitte, who expressed his concern about the "sad state of the monuments" across Central Asia, and in particular those in Turkestan (Lunin, 1979: 78). The increasing international attention to the architectural heritage of the region prompted the interest of the Commission towards a "scientific description" of the monuments.

[13] At the Library of Congress, https://www.loc.gov/rr/print/coll/287_turkestan.html.

[14] Between 1905 and 1908 Dudin visited three times Samarqand. He took more than 2,000 photographs of all major monuments in the city. In particular, his work on Shāh-i Zinda has been widely used by the restorers in the twentieth century (see Nemtseva, 2018: 136).

[15] Pokryshkin participated in Veselovskii's expeditions to Samarqand. He drew the watercolours of Gūr-i Amīr published in Nikolai I. Veselovskii, Mecheti Samarkanda, 1905.

[16] At the Library of Congress, https://www.loc.gov/pictures/collection/prok/.

[17] The glass negatives from 1924 are kept at the British Museum.

[18] TsGARUz, f. R-2286. See also S.N. Polupanov, Arkhitekturnye pamiatniki Samarkanda [Architectural Monuments of Samarkand], (Moskva: Izd-vo Akademii Arkhitektury SSSR, 1948).

[19] Polupanov's photographs are dispersed through several personal fonds of TsGARUz, the largest collection is part of Zasypkin's archive (TsGARUz, f. R-2406).

Figure 4. Rūḥābād, view from the west, 2018. Photo © Elena Paskaleva

The members concluded that no preservation measures could save them as they were subject to slow destruction due to constant earthquakes and weathering. The only way to "perpetuate their memory" was to compile scientific records of their history and to provide detailed descriptions of their current state (Lunin, 1979: 79).

Following up Veselovskii's talk, the Commission decided to appoint him as chair of two expeditions to Turkestan. The first expedition was granted 10,000 rubles and arrived in Samarqand in 1895-1896; the second expedition was in 1898-1899. Two monuments were selected to be of primary importance – the Gūr-i Amīr and the Bībī Khānum mosque. Additional photographic materials (134 photographs and 10 architectural plans) were collected from the Archaeological Part of the Turkestan Album (1872) commissioned by General Konstantin Petrovich von Kaufmann, the first Russian governor of Turkestan (Gorshenina, 2012). These were the earliest known images of the Tīmūrid monuments in Central Asia taken by Nikolai Bogaevskii in 1865-1868.

By the middle of the 1860s, the Tīmūrid mosques and mausoleums of Samarqand had suffered irreparable damage from frequent earthquakes[20] and constant appropriation of bricks for domestic purposes. During the earthquake of 1818 the dome of the Tilla Kārī madrasa collapsed and the Gūr-i Amīr dome had to be reinforced with iron brackets. Another heavy tremor struck in the autumn of 1868 which destroyed the northeastern minaret of the Gūr-i Amīr complex. According to Masson (1926d: 28), the local population used the bricks of the collapsed minaret for domestic purposes. Presumably, that triggered General Kaufmann's concern. In 1868 he issued a special order to repair the Samarqand monuments. More than 3,000 rubles were spent only on structural changes around Gūr-i Amīr (Masson, 1926d, 28): including roof repairs, restorations of the marble railing in the main mausoleum carried out by craftsmen from the Bukhara khanate (Masson, 1926d: 29) and the construction of a brick fence surrounding the whole complex. After the major earthquake on 5 October 1897 the main entrance portal of the Bībī Khānum mosque was severely damaged. On 18 May 1903 the southwestern minaret and parts of the arched niche to the west of Gūr-i Amīr were lost (TsGARUz, f. R-2406, op. 1, d. 659, l. 6). On 8 October 1907 there was yet another major earthquake in Samarqand.

In order to document all existing monuments in 1903 the influential Russian orientalist Bartol'd insisted that a precise topographic map of Samarqand should be created covering all remaining city walls and denoting the location of all mosques. Viatkin, who was appointed the chief surveyor of all Samarqand monuments on 8 February 1903, was put in charge of that mapping.

Since the group of Russian scholars who had experience with Central Asia and full command of the local languages was very limited, the majority of them also continued their work after the 1917 revolution. Although their ongoing studies were incorporated into the new Soviet administrative organs, the essence of their pioneering work and their relentless passion remained unchanged. In the early Soviet period, the first comprehensive scientific research on Tīmūrid architecture was carried out by the historiographer Bartol'd, the art historian Umniakov, the architect Mikhail F. Mauer (1866–1932), the archaeologists Viatkin and Masson, and the palaeographer Alexander A. Semenov (1873–1958). This group of scholars not only drew the first architectural plans but also studied the construction history in primary sources (Bartol'd), translated the epigraphy of key Tīmūrid sites (Semenov, 1947: 23–6, 1948: 49–62, 1949: 45–54) and carried out excavation and restoration work (Viatkin, Mauer and Masson).

[20] Official records on earthquakes in Central Asia are available only after 1865.

Manipulation of the Timurid scale: monumentality versus local mausoleums in Samarqand. Studying the complexity of Tīmūrid architectural patronage and the role of scale are essential for understanding the spiritual topography of Samarqand. It has been widely assumed that Tīmūr (d. 807/1405) legitimized his reign through monumentality (Lentz and Lowry, 1989: 17–49; Golombek, 1989: 31-61; Subtelny, 2007: 124/130). However, if we analyse the architectural monuments in his royal capital Samarqand, we might be surprised that the only sites which had been actually completed before his death in 807/1405 constituted mausoleums. These include the necropolis of Shāh-i Zinda, the mausoleum of Nūr al-Dīn Basīr (known locally as Quṭb-i Chahārdahum, 'Fourteenth Pillar', built after 772/1371), the mausoleum of Burkhān al-Dīn Ṣāgharjī (known as Rūḥābād, 'Abode of the Soul', built around 782/1380), Gūr-i Amīr (early 15th century) and the Aq Saray ('White Palace', wrongfully attributed to the second half of the 15th century). The last four mausoleums formed an urban axis stretching between two of the most important city gates – the Shaykhzāda gate to the northwest and the Kārizgāh gate to the southwest (Figure 3). Apart from the Aq Saray, each mausoleum along this axis was the burial site of a Sufi shaykh, and each subsequent burial was conceived as being at the feet (pāyān-i pāyī) of an important Sufi master.

The oldest of these buildings was the mazār of Nūr al-Dīn Basīr (d. 1249), commissioned by Tīmūr within the new Samarqand citadel in 1371–72 (Samariyya, 1899: 180-3; Bartol'd, 1964: 434). It was situated to the west of the present-day Registan (Masson, 1926a) and it may have been aligned with another holy site which did not survive. The Tīmūrid mausoleum was not the original burial site of the shaykh (d. 1249); he had been interred previously along the banks of the Navadān canal. After the Russian conquest of Samarqand in 1868, General Konstantin von Kaufmann (1818–1882) initiated the erection of the Russian citadel. According to the military engineers, the mausoleum was standing in the way of the urban refurbishment and its destruction was imminent. The local population in Samarqand tell the story that the mausoleum was

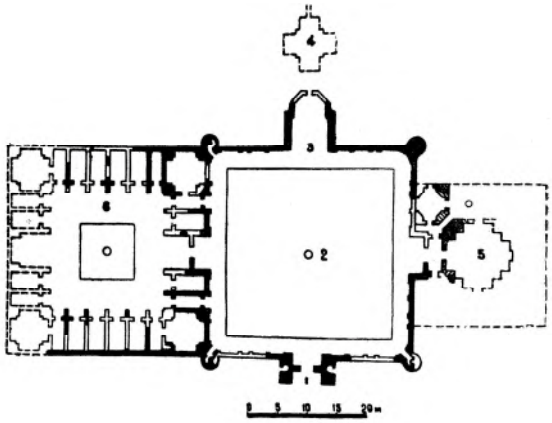


Figure 5. Plan of the Muḥammad Sulṭān complex from the late 14th century after Pletnev, 1964

destroyed because of its massive gold finial[21]. In the Samariyya, written by Abū Ṭāhir Samarqandī in ca. 1830s–40s, he reports that in July 1880, 3.5 pounds of gunpowder appeared to be insufficient to demolish the Tīmūrid building (Samariyya, 1904: 7–8). A second attempt in August 1880, this time with 10 pounds of gunpowder, proved successful. Before the mausoleum was destroyed by the Russian troops, the engineers drew up a detailed plan and a cross-section that were subsequently published in the Samariyya, later translated by Viatkin in 1899 and by Veselovskii in 1904. In addition, the exact location of the mausoleum is recorded in a painting by Vasilii V. Vereshchagin, Main Street in Samarkand, from the height of the citadel in the early morning, 1869–70, based on an actual photograph. The remains of Nūr al-Dīn Basīr were reinterred at the cemetery that had evolved to the west of the Shāh-i Zinda necropolis. Architectural details are very scarce and the mausoleum is barely mentioned in Soviet publications (Nil'sen, 1988: 99).

The second mausoleum, widely known as Rūḥābād (Figure 4), was built around 782/1380 a few hundred meters to the south of the Quṭb-i Chahārdahum, close to the southern wall of the Tīmūrid citadel. It is the burial site of Burkhān al-Dīn Ṣāgharjī, a Kubrawī shaykh (DeWeese, 1988: 52, note 19), who presumably died in China but begged his son Abū Saʿīd to return his body to

[21] During my fieldwork trip to Samarqand in March 2017, I spoke to several guides and shrine guardians who reiterated the story that the mausoleum was destroyed because of the massive gold finial.

Figure 6. Yasawī shrine in Turkestan, 2018. Photo © Elena Paskaleva

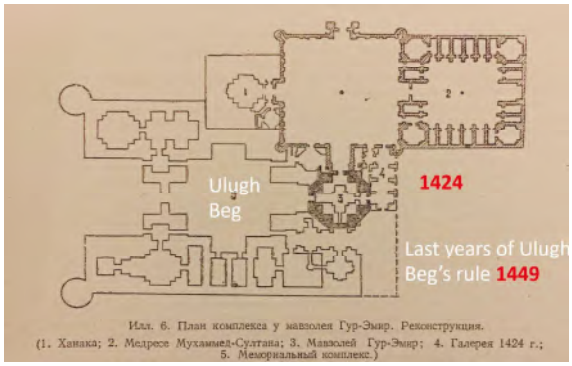


Figure 7. Plan of the Gūr-i Amīr ensemble after Pletnev, 1969. 1) khānaqāh (to the west), 2) madrasa of Muḥammad Suḷtān (to the east), 3) octagonal mausoleum, 4) eastern gallery by Ulugh Beg (1424), 5) memorial complex envisaged by Ulugh Beg extending to the south and to the west

his native Samarqand and bury him next to the tomb of Nūr al-Dīn Basīr (Bartol'd, 1964: 423-54). According to Bartol'd, it was also Abū Saʿīd who advised Tīmūr to commemorate Nūr al-Dīn Basīr by building a mausoleum for him within the citadel (Bartol'd, 1964: 435). We know too little about the lives of these two shaykhs to create a detailed narrative around their burials. However, it is evident that the two mausoleums were commissioned by Tīmūr and they were spatially connected to one another.

Bartol'd suggests that the spiritual significance of Nūr al-Dīn Basīr and Burkhān al-Dīn Ṣāgharjī at the end of the 14th century may explain the choice for the location of the Muḥammad Suḷtān ensemble (Bartol'd, 1964: 435). Initially, the ensemble consisted of a funerary madrasa to the west and a khānaqāh to the east (Figure 5), the octagonal Tīmūrid dynastic mausoleum was subsequently constructed to the south after 1404. In 1951 the foundations of Muḥammad Suḷtān's madrasa were excavated by Nemtseva and the outline of their original position was re-created by several courses of modern brickwork. It was assumed that the madrasa had a square plan; the width of each wall coinciding with the width of the courtyard. Actually, the madrasa was not fully revealed to the east as the road surrounding the complex prevented thorough archaeological excavations (Pletnev, 1964: 85). The two-storey madrasa had 28 hujras with dimension 2,68 x 5,03 m. Nemtseva discovered that the corner domed chambers were used for burials during the reign of the Tīmūrid ruler Abū Saʿīd Mīrzā (r. 1451–1469) in the period 1457–1461; by the early 1950s only the southwestern gūrkhāna had been preserved. In 1952 Nemtseva excavated the northwestern gūrkhāna and discovered six gravestones, the female skeletons were all part of primary burials; there have been no reburials. Since there were no crypts, she concluded that the corner chambers were initially used as a darskhāna (lecture hall) (Pletnev, 1964: 83). Surprisingly, the madrasa had no foundations, its 66–67 cm thick walls were resting on supporting mini walls of about 40 cm; this might explain the fact that by the end of the 17th century the madrasa had collapsed.

1) entrance portal (to the north), 2) courtyard, 3) south iwan, 4) crypt of Muḥammad Suḷtān (to the south), 5) khānaqāh (to the west), 6) madrasa (to the east).

Based on the archaeological evidence from 1943, Igor' Pletnev concluded that the southeastern walls of the khānaqāh were not initially connected to the courtyard of the Muḥammad Suḷtān ensemble (Pletnev, 1964: 88). In 1952 the western wall of the khānaqāh was also excavated and three floor levels were revealed. Sergei Iurenev (1896–1973) reconstructed the plan and determined that the centrally-domed khānaqāh with a square hall (7 x 7 m) was erected prior to 1399 (Pletnev, 1964: 89). It was thus the first building of the Muḥammad Suḷtān ensemble; it preceded the madrasa and the octagonal mausoleum. In addition, the

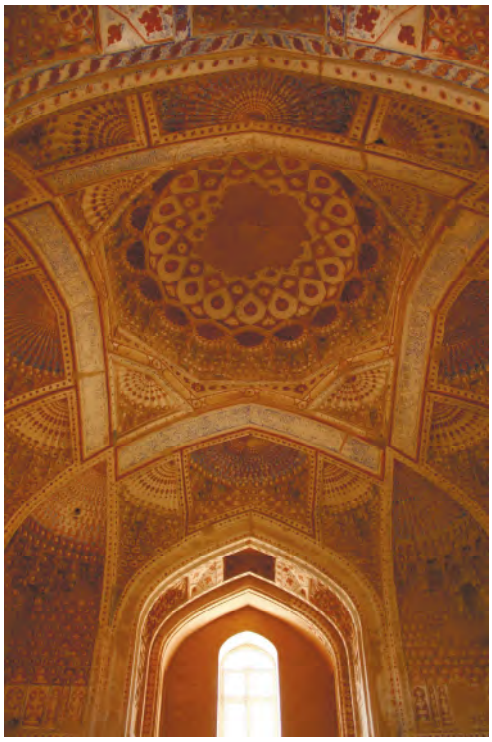


Figure 8. Gawharshād mausoleum in Herāt, detail vaulting, 2009. Photo © Elyas Pirasteh

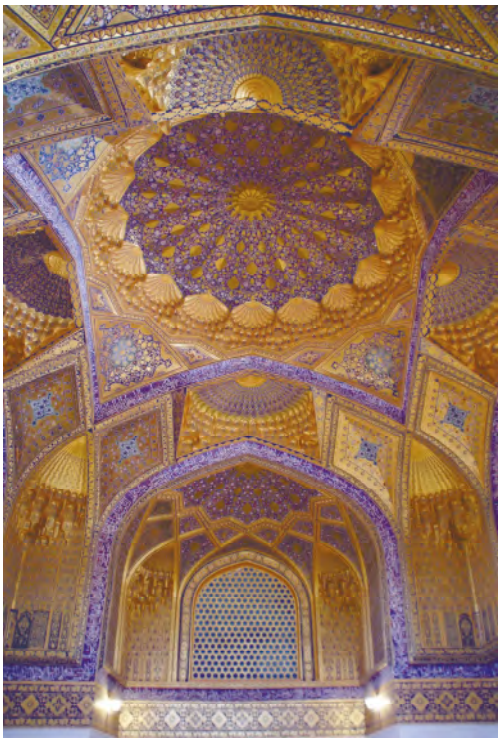


Figure 9. Aq Saray, Samarqand, detail vaulting, 2019. Photo © Elena Paskaleva

archaeologists discovered carved terracotta dating back to the 9th–12th centuries and a marble 'vase'[22] similar to the cenotaph of Khwāja Aḥmad at Shāh-i Zinda (1350s). This proves that the site was in use at least after the 9th century and Sufi practice continued until the 16th century (Pletnev, 1964: 94); the dome of the khānaqāh collapsed in the 17th century.

Pletnev was probably one of the most accomplished architects and architectural historians who worked in Samarqand in the 1950s and 1960s. Although his work on Gūr-i Amīr has remained largely unpublished apart from a small brochure with multiple editions (Pletnev, 1965, 1970)[23]. I would like to outline his theory on the evolution of the ensemble based on the summary of his unpublished dissertation (aftoreferat) from 1969 and on two articles from 1964. According to Pletnev, Ulūgh Beg intended to build a larger ensemble with a huge dome to the west, similar to the kazanluk of the Yasawī shrine in Turkestan (Figure 6). Masson (1926d: 26) originally attributed the construction of the large western iwan at Gūr-i Amīr to the seventeenth century. However, by analysing its deep fundaments and by comparing their structure with seventeenth-century buildings in Samarqand, Zasypkin concludes that it is from the fifteenth century.

The position of Tīmūr's octagonal mausoleum could have been comparable to the position of the ribbed domed mausoleum of Aḥmad Yasawī, situated along the longitudinal axis behind the main domed space. The remains of the southern gallery at Gūr-i Amīr indicate, according to Pletnev, that the new complex was meant to surround Tīmūr's mausoleum on all three sides (to the east, to the south and to the west) (Figure 7). It is not clear whether the complex was ever completed but it does place Gūr-i Amīr in the context of Sufi pilgrimage in Samarqand.

By the late 1860s, Gūr-i Amīr was a living building, imbedded in the daily life of the neighbourhood to the southwest of Samarqand; it was surrounded by a considerable number of

[22] The vase is still in the Gūr-i Amīr courtyard (as of June 2023).
[23] Six editions were published between 1963 and 1970.

mudbrick structures, some of which were built directly against the octagon's exterior walls[24]. These mudbrick houses were demolished by the 1880s in an attempt to clear the site of what was considered to be 'not-monumental' and 'not worth preserving.' The effort to stage the mausoleum as a single architectural entity has contributed to the overall limited knowledge and misunderstanding of major urban axes in Samarqand.

Most likely the fourth mausoleum in the spiritual axis, connecting the mausoleum of Nūr al-Dīn Basīr with Rūḥābād and Gūr-i Amīr, was the Aq Saray (Figure 9). In his article on Timur's burial, Bartol'd surprisingly concludes that the Aq Saray was in the process of being built in 1404 and that octagon of Gūr-i Amīr was the actual funerary khānaqāh next to the Muḥammad Suḷtān madrasa (Bartol'd, 1964: 439, note 113). According to Viatkin (quoted by Bartol'd), both Tīmūr and Muḥammad Suḷtān were initially buried in this funerary khānaqāh (which is not the khānaqāh to the west of the Muḥammad Suḷtān ensemble). Viatkin denoted the Aq Saray, situated behind Gūr-i Amīr, as a khānaqāh. In the autumn of 1924 on behalf of the Samkomstaris and the Turkomstaris, the renowned archaeologist Mikhail Masson[25] carried out a comprehensive survey in Samarqand that inspected Gūr-i Amīr and the adjacent Aq Saray (Masson, 1926c). The work focused on establishing the exact dating of the mausoleums and the burials in them. Masson (1926c: 110) suggests that the initial burials of Muḥammad Suḷtān and Tīmūr were carried out in the Aq Saray, which was abandoned sometime between 1409 and 1419, and the bodies were moved to the newly completed octagonal mausoleum of Gūr-i Amīr. In 1448 the body of Tīmūr's son Shāhrukh (1377–1447) was also reinterred from Herāt to Samarqand. Pletnev and Schwab contradict these assumptions by pointing out that the Aq Saray was built in the second half of the 15th century (Pletnev and Schwab, 1981: 65). Pugachenkova (1963: 177–89) suggests that the Aq Saray was built to the southwest of Gur-i Amir in the 1470s under Suḷtān Ahmad (r. 1469–1494). However, the complexity of the fan vaulting, the semidomes and the fine gilding evoke a striking similarity with the Gawharshād mausoleum in Herāt, dated 835/1432 (Figure 8). I assume that the two mausoleums – the Samarqand Aq Saray and the Gawharshād mausoleum have been built approximately at the same time, around the 1430s. It might be possible that the Aq Saray remained unfinished due to the untimely death of Ulūgh Beg in 853/1449 or if Qawām al-Dīn Shīrāzī may have been involved in both projects as the chief court architect, because of his passing in 842/1438.

Conclusion. Further comprehensive study of this urban axis may shed more light on the religious importance of Sufi burials in the cultural history of Samarqand. Additional research is needed on the urban connectivity of the four mausoleums. Were they part of a pilgrimage route that may have started at Shāh-i Zinda and ended at the Aq Saray? How were the actual buildings connected and why was this connection completely destroyed after the Russian conquest of Samarqand? At the end of the 19th century, the main road from Gūr-i Amīr to the citadel was not distinctly marked and was bordered by a vast open space, which was used up to 1914 as a market for logs. The market location may have been a remnant of a covered bazaar that probably existed as early as the middle of the 15th century. In the late 1880s Kaufmann ordered the construction of a new road connecting Gūr-i Amīr with the Abramov boulevard and the centre of the new colonial city. In this way, the spatial connection with the citadel or the Registan was disrupted.

When we discuss shrines, mausoleums, mosques, etc. that have suffered from multiple earthquakes and have gone through centuries of numerous repairs and restoration campaigns, it is very difficult to use terms such as 'original' and 'authentic'. We can objectively discuss the remains of such buildings based on archaeological reports, photographs and architectural plans; however, when we are dealing with layers of additions and demolitions, we should treat all architectural analysis based on limited access to such verifiable data with caution.

Tīmūrid architecture has been a mechanism used by the Uzbek political elite to provide a tangible interaction with the Tīmūrid legacy and to re-enact the country's collective memory. The Islamic sanctity of the Tīmūrid shrines, desecrated during the Soviet period, has been ideologically

[24] See Vasilii V. Vereshchagin, Gur Emir Mausoleum, 1869 – 1870, Tret'iakov Gallery, Moscow.

[25] Masson started working for the Samkomstaris on 28 May 1920.

reinstated through numerous restoration campaigns since independence. The difference compared to previous preservation efforts is that after 1991, the entire surface of the Tīmūrid monuments is covered in new tiling, including the Soviet bare brick additions. An absurd illusion of authenticity is consciously created and carefully crafted. The result cannot be described as restoration as it is not based on any historic or visual materials. At present, the monuments are simply used to boost tourism.

REFERENCES

Abdukhalikov F. et al. Architectural Epigraphy of Uzbekistan, 13 volumes. Toshkent: Uzbekistan Today, 2015.

Abu Tahir Khodja. Samariyya, trans. V. L. Viatkin in Spravochnaia knizhka Samarkandskoi oblasti 6, pp. 153–259. Samarkand, 1899.

Abu Tahir Khodja. Samariyya, trans. and ed. by Nikolai I. Veselovskii. St. Petersburg: Tipo-litografiia I. Boraganskogo i Co., 1904.

Ahmad ibn 'Arabshah. Tamerlane, the Life of the great Amir, trans. J. H. Sanders, introduction by Robert D. McChesney. London: I. B. Tauris, 2018.

Arends, A.K. (ed). Iz istorii epokhi Ulugbeka, Tashkent, 1965.

Babur, Zahiruddin M. The Baburnama, Memories of Babur, prince and emperor, trans., ed. and annotated by Wheeler M. Thackston. New York: The Modern Library, 2002.

Bartol'd, Vasilii V. "O pogrebenii Timura" [On Timur's burial], Raboty po otdel'nym problemam istorii Srednei Azii, Volume II, part 2, Moskva, pp. 423–54, 1964.

Clavijo, de Ruy Gonzales. Embassy to Tamerlane 1403-1406, trans. Guy Le Strange. London: George Routledge & Sons, 1928.

Cohn-Wiener, Ernst. Turan: islamische Baukunst in Mittelasien. Berlin, 1930.

Daulatshāh al-Samarqandī. Tadhkīrat al-shu'arā, ed. by Muḥammad 'Abbāsī. Tehran: n.d., 1958.

DeWeese, Devin. "The Eclipse of the Kubravīyah in Central Asia," Iranian Studies 21, i-ii, Soviet and North American Studies on Central Asia, pp. 45–83, 1988.

Dluzhnevskaia, G.V. Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi Azii i Sibiri v 1859-1959 godah. St. Petersburg: Institut Istorii Material'noi Kul'tury RAN, 2011.

Dudin, Samuil M. "Ornamentika i sovremennoe sostoianie starinnykh' Samarkandskikh mechetei," Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Kommissii, 7, pp. 49–73, 1903.

Dudin, Samuil M. "K voprosu o tekhnike izraztsovykh mozaik Srednei Azii," Izvestiia RAIMK 4, pp. 183–204, 1925.

Golombek, Lisa. The Timurid Shrine at Gazur Gah. Art and Archaeology Occasional Paper 15. Toronto: Royal Ontario Museum, 1969.

Golombek, Lisa. "Tamerlane, Scourge of God," Asian Art, 11/2, pp. 31–61, 1989.

Golombek, Lisa and Donald N. Wilber. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Gorshenina, Svetlana. Asie centrale, L'invention des frontiers et l'héritage russo-soviétique. Paris: CNRS Editions, 2012.

Gorshenina, Svetlana. "Turkomstaris-Sredazkomstaris-Uzkomstaris: Formirovanie institutsii i etno-tsentricheskii razdel kul'turnogo nasledia srednei azii" [Turkomstaris-Sredazkomstaris-Uzkomstaris: Institutional formation and ethnocentric divisions of Central Asian cultural heritage], Etnograficheskoe obozrenie, 1, pp. 52-68, 2013.

Gorshenina, Svetlana. "Samarkand and its cultural heritage: perceptions and persistence of the Russian colonial construction of monuments", Central Asian Survey, 33/2, pp. 246–69, 2014.

Green, Nile (ed). Writing Travel in Central Asian History. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2014.

Ḥāfiẓ-i Abrū, Tārīkh-i Ḥāfiẓ-i Abrū, Jughrāfiyā-yi Khurāsān, ed. by Dorothea Krawulsky, Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients, Reihe B, Geisteswissenschaften 46/1. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1982.

Iakubovskii, A. "Iz istorii archeologicheskogo izuchenia Samarkanda," Travaux du Département Oriental, 2, pp. 285-336. Leningrad, 1940.

Kruikov, Konstantin S. "Organizatsionnye formy okhrany i restavratsii pamiatnikov arkhitektury Uzbekistana (1920-1990)," Arkhitektura i stroutel'stvo Uzbekistana, 8: pp. 34–7, 1990.

Kruikov, Konstantin S. "Organizatsionnye formy okhrany i restavratsii pamiatnikov arkhitektury Uzbekistana (1920-1990)," Arkhitektura i stroutel'stvo Uzbekistana, 2: pp. 9–13, 1991.

Kruikov, Konstantin S. "Middle Asia". In Architectural Monuments in the Soviet Union, ed. A. S. Shchenkova, pp. 458–68. Moscow, 2004.

Lentz, Thomas W. and Glenn D. Lowry. Timur and the Princely Vision: Persian Art and Culture in the Fifteenth Century, Los Angeles, 1989.

Levi, Scott C. and Ron Sela (eds). Islamic Central Asia. An Anthology of Historical Sources. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2010.

Lunin, Boris V. Sredniaia Aziia v nauchom nasledii otechestvennogo vostokovedeniia. Tashkent, 1979.

Man'kovskaia, Liia Iu. Issledovanie arkhitekturnogo komplieksa – mavzoleia Akhmeda Iasevi v gorode Turkestane i voprosy ego restavratsii. PhD diss. Tashkent Architectural Institute, 1963.

Man'kovskaia, Liia Iu. "Towards the Study of Forms in Central Asian Architectureat the end of the Fourteenth Century: The Mausoleum of Khvāja Ahmad Yasavī," trans. Lisa Golombek, Iran 23, pp. 109-27, 1985.

Man'kovskaia, Liia Iu. Formoobrazovanie i tipologia zodchestva Srednei Azii IX-nachalo XX veka. Tashkent: Baktria Press, 2014.

Manz, B. F. The rise and rule of Tamerlane, Cambridge, 1989.

Manz, B.F. "Temür and the problem of a conqueror's legacy", Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland, 3/8: pp. 21-41, 1998.

Manz, B. F. "Tamerlane's Career and Its Uses", Journal of World History, 13/1: pp. 1–25, 2002.
Manz, B. F. Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
Marefat, Roya. Beyond the Architecture of Death: The Shrine of the Shah-i Zinda in Samarqand. PhD diss. Harvard University, 1991.
Masson, M. E. Registan i ego medrese. Tashkent, 1926a.
Masson, M. E. Sobornaia mechet' Timura, izvestnaia pod imenem Bibi-Khanym. Tashkent, 1926b (also 2nd edition in 1929).
Masson, M. E. "Rezultaty arkheologicheskogo nadzora za remontno-issledovatel'skimi rabotami Samkomstarisa na mavzoleiakh 'Gur-Emir' i 'Ak-sarai' v Samarkand v 1924 godu", Izvestiia Sredazkomstarisa, pp. 82–114. Tashkent, 1926c.
Masson, M.E. Mavzolei Gur-Emir (Usuipalnitsa Timuridov). Tashkent, 1926d (also 2nd edition in 1929).
Masson, M.E. "Tretii kusok nefritogo namogil'nika Timura," Epigrafika Vostoka, 2, pp. 63–75, 1948.
McChesney, Robert D. 'Timur's Tomb: Politics and Commemoration', The Central Eurasian Studies Lectures. Bloomington, Indiana: Department of Central Eurasian Studies, 2003.
McChesney, Robert D. Four Central Asian Shrines. A Socio-Political History of Architecture. Leiden, Boston: Brill, 2021.
Muminov, Ashirbek. Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi. Almaty: Effekt, 2010.
Nemtseva, Nina B. and Iu. Z. Shvab, Ansambl' Shah-i Zinda. Tashkent: Izd-vo Gafur Guliam, 1979.
Nemtseva, Nina B. "Zametki o restavratsii pamiatnikov i okhrane istoricheskoi sredy v Uzbekistane vo vtoroi polovine 20-ogo veka," in Traces of Empires. Culture of Central Asia from Alexander the Great to the Timurids. In memory of Galina A. Pugachenkova, ed. Ruslan G. Muradov, pp. 133-60. Kabul/ Bishkek: French Archaeological Delegation in Afghanistan, French Institute for Central Asian Studies, 2018.
Nemtseva, Nina B. Shahi Zinda. IICAS, Samarqand, 2019.
Nil'sen, V. A. U istokov sovremennogo gradostroitel'stva Uzbekistana. Tashkent: Gafur Guliam, 1988.
Nosov, E.N. Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia (1859-1917). K 150-letiui so dnia
osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany. St. Petersburg: Iskusstvo Rossii, 2009.
O'Kane, Bernard. Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, 1987.
Paskaleva, Elena. "Samarkand Refashioned, A Traveller's Impressions, August 2013 (with a preface by Daniel C. Waugh)", Silk Road Journal 11, pp. 139–53. 2013.
Paskaleva, Elena. "The Timurid Mausoleum of Gūr-i Amīr as an Ideological Icon," in The Reshaping of Persian Art: Art Histories of Islamic Iran and Central Asia, ed. Iván Szántó and Yuka Kadoi, pp. 175-213. Piliscsaba: The Avicenna Institute of Middle Eastern Studies, 2019.
Pletnev, Igor' E. "Ensambl' Muhammed-Sultana v Samarkande," Sbornik nauchnykh trudov 6, 1964.
Pletnev, Igor' E. Gur-Emir. Tashkent: Uzbekiston, 1965, 1970.
Pletnev, Igor' E. Problemy issledovaniia i opyt restavratsii arkhitekturnogo kompleksa 'Gur-Emir'. PhD diss. Leningrad Architectural Institute, 1969.
Pletnev, Igor' E. Gur-Emir. Samarkand, 1975.
Pletnev, Igor' E. and Iu. Z. Schwab. "Formirovanie slozhnykh arkhitekturnykh kompleksov u mavzoleev Kusam-ibn-Abbasa i Gur-Emir", in Materialy i issledovaniia po istorii i restavratsii arkhitekturnykh pamiatnikov Uzbekistana, pp. 43–62. Tashkent, 1967.
Pletnev, Igor' E. and Iu. Z. Schwab. "K voprosu o pogrebeniakh v sklepe pod mavzoleem Gur-Emir", in B.A. Litvinskii (ed), Sredniaia Aziia i ee sosedi v drevnosti i srednevekov'e (istoria i kul'tura), pp. 64–67. Moskva, 1981.
Pugachenkova, Galina A. "Ishrat-Khāneh and Ak-Saray, Two Timurid Mausoleums in Samarkand", Ars Orientalis, 5, pp. 177–189, 1963.
Pugachenkova, Galina A. Zodchestvo tsentral'noi Azii XV vek, Tashkent, 1976.
Pugachenkova, Galina A. Chefs-d'œuvre d'architecture de l'Asie Centrale, XIVe–XVe siècle. Paris: UNESCO, 1981.
Roxburgh, David J. "Ruy González de Clavijo's Narrative of Courtly Life and Ceremony in Timur's Samarqand, 1404", in The 'Book' of Travels: Genre, Ethnology, and Pilgrimage, 1250–1700, ed. Palmira Brummet, pp. 113–58. Leiden: Brill, 2009.
Pugachenkova, Galina A. "Timurid Architectural Revetment in Central Asia, 1370-1430: The Mimeticism of Mosaic Faience," in Histories of Ornament: From Global to Local, ed. Gülru Necipoğlu and Alina Payne, pp. 116-31. Princeton: Princeton University Press, 2016.
Schuyler, Eugene. Turkistan, notes on a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja, 2 vols. New York: Scribner, Armstrong & Co, 1876.
Semenov, A.A. "Nadpis' na nadgrobii psevdo-seiid Omara v Gur-i Emire v Samarkande", Epigrafika Vostoka, 1: pp. 23–26, 1947.
Semenov, A.A. "Nadpisi na nadgrobiyakh Tīmūra i ego potomkov v Gur-i Emire", Epigrafika Vostoka, 2, pp. 49–62, 1948.
Semenov, A.A. "Nadpisi na nadgrobiyakh Tīmūra i ego potomkov v Gur-i Emire", Epigrafika Vostoka, 3: 45-54, 1949.
Soustiel, Jean and Yves Porter. Tombs of Paradise. Saint-Rémy-en-l'Eau: Éditions Monelle Hayot, 2003.
Subtelny, Maria E. Timurids in Transition. Leiden: Brill, 2007.
Thackston, Wheeler M. A Century of Princes: Sources on Timurid History and Art. Cambridge, MA: The Aga Khan Program for Islamic Architecture, 1989.
Umniakov, Ivan I. "Okhrana pamiatnikov stariny i iskusstva v sovetskom zakonodatel'stve Srednei Azii" in Izvestiia Sredazkomstarisa, part 1, pp. 43-54. Tashkent: Izdanie Sredazkomstarisa, 1926.
Umniakov, Ivan I. Arkhitekturnoe pamiatniki Srednei Azii: Issledovanie. Remont. Restavratsia, 1920-1928. Tashkent, 1929.
Veselovskii, N. Mecheti Samarkanda, Gur- Emir. St. Petersburg, 1905.
Viatkin, V. L. Kandiia Malaia. Samarkand, 1905.
Yazdī, Sharaf al-Dīn 'Alī. Ẓafarnāma, 2 vols, ed. by Muḥammad 'Abbāsī. Tehran: Chap-i Rangin, 1957.
Zasypkin, Boris N. "Arkhitekturnye pamiatniki Srednei Azii. Problemy issledovaniia i restavratsii," Voprosy Restavratsii 2, pp. 207–84. Tashkent, 1928.

ЗУХРА РАХИМОВА
Национальный институт художеств и дизайна им. К. Бехзода
Ташкент, Узбекистан

БУХАРСКАЯ МИНИАТЮРА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ДВОРЦОВЫХ ИНТЕРЬЕРОВ И ИХ ДЕКОРА XVI–XVII ВЕКОВ

Ключевые слова: бухарская миниатюра, памятники архитектуры, декор интерьеров, суфизм.
Аннотация: Датированные или стилистически точно соотнесенные с Центральной Азией (Мавераннахром) бухарские миниатюры XVI–XVII вв. являются важным исторически достоверным материалом для изучения декора интерьеров дворцовых зданий, т. к. художник, при всей условности искусства миниатюры, образы архитектуры брал в реальном окружении. В статье анализируются виды декора интерьеров XVI–XVII столетий. В появлении в XVII веке изображений пейзажа и людей, сцен терзания автор видит растущее влияние суфизма на искусство, а также миниатюрной живописи сефевидского Ирана.

Kalit so'zlar: Buxoro miniatyurasi, me'moriy yodgorliklar, interyer bezaklari, sufizm.
Annotatsiya: Markaziy Osiyo (Movarounnahr)ga xos bo'lgan XVI–XVII asrlarga oid Buxoro miniatyuralari saroy binolari interyer bezaklarini o'rganish uchun muhim tarixiy materialdir, chunki miniatyura san'ati shartli ekaniga qaramay, rassom me'moriy obrazlarni real muhitdan olgan. Maqolada XVI–XVII asrlardagi interyer bezaklarining tahlili keltirilgan. XVII asrda peyzaj va odamlar tasvirlari, qiynoqlar sahnalarining paydo bo'lishida muallif sufizmning san'atga, jumladan, Eronning safaviy miniatyura san'atiga ta'sirining o'sishini ko'radi.

Keywords: Bukhara miniature, architectural monuments, interior decor, Sufism.
Abstract: The Bukhara miniatures of the 16th–17th centuries, either dated or stylistically linked to Central Asia (Maverannahr), serve as important historically reliable sources for studying the decoration of palace interiors. Despite the conventional nature of miniature art, artists drew architectural imagery from their real-life surroundings. This article analyzes the types of interior décor from the 16th–17th centuries. The author identifies the growing influence of Sufism on art and the impact of Safavid Persian miniature painting in the 17th century, particularly in the appearance of landscape and human figures, as well as scenes of anguish.

Многократно доказано, что миниатюрная живопись средневекового Востока является достоверным источником по многим видам материальной и художественной культуры. Особенно этот источник интересен в плане изучения и реставрации объектов центрально-азиатского зодчества XVI–XVII вв. Внешний облик их лучше сохранен и исследован, чем фрагментарно сохранившиеся или изменённые перестройками интерьеры зданий. В данном случае миниатюра представляет ценный визуальный материал для воссоздания их первоначального вида.

Датированные или стилистически точно соотнесенные с Центральной Азией (Мавераннахром) изучаемого времени бухарские миниатюры, хранящиеся ныне в различных мировых коллекциях, можно в достаточной степени уверенно использовать в качестве важного исторически достоверного материала, т. к. художник при всей условности искусства миниатюры образы для своих работ все же брал в реальном окружении. Он создавал образ здания или его тип, по которому, как отмечали исследователи, можно «проследить ведущие черты, типологические и декоративные особенности архитектуры, что помимо теоретической реконструкции, может помочь и в практической реставрации сооружений этого типа» (Аббасова-Юсупова, 2016).

Изображая здание, художник традиционно сочетал одновременно несколько точек зрения (видов): фронтальную (фасад здания или интерьера); вид сбоку (боковые наружные или внутренние стены); вид сверху (крыша); а также дворовую часть и ограждение — это способствовало демонстрации планировочных особенностей и передаче наиболее полной характеристики образа здания. Несмотря на то, что миниатюрист не ставил своей целью объемное изображение архитектурного пространства и его элементов, уплощая трехмерные объемы, распластывая их в плоскости и разворачивая по вертикали, он все же создавал реалистически верное представление о

Илл. 1. Михр и Муштари. Ассар. 1523. Галерея Фрира, Вашингтон

здании, его планировке или архитектурном ансамбле, что подтверждается сохранившимися объектами зодчества.

Архитектура Центральной Азии XV–XVII вв. и ее отображение в миниатюрной живописи Востока неоднократно рассматривались в публикациях Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1951, 1960), в кандидатской диссертации и изданной на ее основе монографии С. Рахматуллаевой (Рахматуллаева, 1991, 1997), С. Мукимовой (Мукимова, 2017), в монографиях Аббасовой-Юсуповой (Аббасова-Юсупова, 2022, 2016); Т. Лентца (Angelis, Lentz, 1983; Lentz, 1993); Х. Йазар (Hatice Yazar, 1991) и др. Появление новых памятников мавераннахрской, в частности бухарской миниатюры XVI–XVII вв., вносит дополнительные уточнения к этим исследованиям.

Поскольку миниатюра носила в целом придворный характер, то наиболее часто изображаемыми на ней зданиями были дворцовые постройки — жилые дворцы и дворцовые павильоны, входившие в комплекс дворцовых садов-парков. В XVI в. Шейбаниды в декоративном оформлении дворцовых помещений использовали достижения темуридского зодчества, считая себя наследниками Темуридов и подражая им в политике, искусстве и быте. Дворцы были двух типов: дворовой и компактной композиции (Аббасова-Юсупова, 2022: 80–85). Шейбанидские дворцы были схожи по конструктивным и пространственным особенностям планировки с темуридскими дворцами Хорасана: мощеный двор, открытый во двор глубокий мощеный айван с порталом и следующие за ним помещения. На миниатюрах вертикально вытянутый прямоугольник портала (пештак) имел стрельчатую арку в прямоугольном обрамлении, сквозь которую просматривается противоположная пештаку стена помещения, имевшего купольное или балочное перекрытие.

Особенностью центральноазиатских построек было, по наблюдению Ш. Шукурова, «расцвеченное пространство» (Шукуров, 1/2013). Любовь к полихромии была одним из декоративных приемов не только в работе художника-миниатюриста, но и в реальной архитектуре. Это «расцвеченное пространство» создавали, прежде всего, полихромный декоративный убор самого здания, его конструкции и их художественное оформление (декоративное убранство экстерьера и интерьера), и человек, находившийся внутри «изукрашенного мира», воспринимал это пространство как отражение божественного мира, «формулу рая». Поэтому изображению декора интерьера художник-миниатюрист, как и архитектор, придавал особое значение.

Декор интерьеров и лег в основу данного, не претендующего на полноту исследования, т. к. благодаря появлению все новых публикаций мавераннахрской миниатюры эта тема может продолжаться и углубляться.

Дворцовые интерьеры и их декор в XVI в. Период Шейбанидов.

На бухарских миниатюрах XVI в. в сценах пиров, аудиенций и других событий дворцового быта представлены в основном

интерьеры айванов, выходящих порталами во двор; дворцовых покоев; декор стены купольного помещения в сочетании с боковыми фасадами и частью двора. По ним можно даже отметить эволюционное развитие некоторых видов декора, в частности настенной росписи.

Декором украшались пештак, его арка и противоположная пештаку стена купольного помещения (гостиной, приемного зала), внутренние боковые стены. Учеными в сопоставлении с данными сохранившихся фрагментов реальных зданий выявлено, что начиная с эпохи Темуридов использовались четыре вида декора: настенная роспись, мозаичные или майоликовые панно, резная поливная терракота (Аббасова-Юсупова, 2022: 274). При Шейбанидах в XVI в. «этот декор становится более уравновешенным в использовании облицовок, которые теперь как драгоценные вставки вправлены в поверхность стен из шлифованного кирпича и сосредоточены главным образом на фасаде, дворовых порталах и на тимпанах здания, над входами в худжры». В последней трети XVI в. из-за больших объемов строительства используется одновременно и имитация сложных техник наборной мозаики и майолики, которая появляется при Абдуллахане II (с 1570 г.) (Аббасова-Юсупова, 2022: 275). Эти наблюдения находят подтверждение и в миниатюре, в которой подобные плиты изображены более обобщенно.

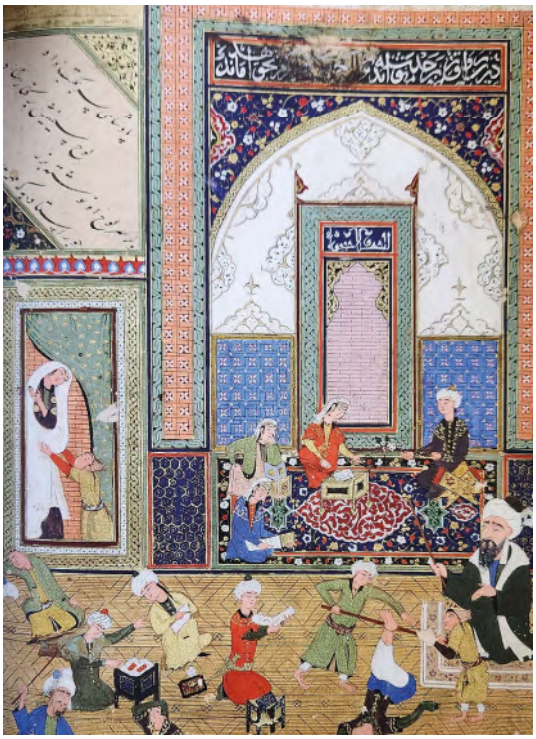
Расположение декора. Декор на миниатюрах располагается по вертикали в два яруса: нижний ярус — настенные панели, выложенные мозаичными или майоликовыми плитами (от пола, не достигая половины высоты стены или несколько меньше); верхний ярус, украшенный настенной декоративной росписью, покрывает всю стену до перекрытия. По центру в стене имеется большая высокая резная деревянная дверь, ведущая во внутренние покои. Иногда над ней может находиться прямоугольное окно второго этажа, откуда выглядывают женщины, или открытое в сад. В случаях, когда изображены и соседние комнаты некоторых богатых помещений, то их стены прорезаны высокими стрельчатыми декоративными нишами или деревянными дверями и также имеют мозаичные панели или роспись (Илл. 1).

Опоры пештака, его арка и тимпан также богато украшены: 1) узорной кирпичной кладкой геометрического орнамента *гирих*, играющего одновременно конструктивную и декоративную роль; 2) обычной кирпичной кладкой в сочетании с кирпичной выкладкой в виде геометрического узора (Илл. 2; 3) полихромной росписью на столбах портала и тимпане в виде орнаментального побега *ислими (арабеска)*; или 4) причудливыми побегами ислими на черном фоне с вплетенными цветами, бутонами и листьями, заключенными в прямоугольные картуши, которые охватывают фасадную часть портала и тимпан. Иногда на миниатюрах встречаются изображения летящей птицы по сторонам тимпана (возможно, заимствование в сефевидской миниатюре XVI в.

Снаружи и в интерьере, если присутствуют боковые стены, то они имеют входную дверь, оформленную по сторонам и сверху декоративной росписью, которая может располагаться сплошь или в вытянутых прямоугольных картушах. Со второй половины XVI в. арка пештака становится более изрезанной формы, а с последней четверти XVI в. —многолопастной.

Декоративное оформление *настенных панелей* представляет мозаику или майолику ярких расцветок, преимущественно в сине-зелено-белой гамме. Их геометрический узор в виде многогранника звездчатой формы, растительный и др. удерживается прямоугольным орнаментальным бордюром, подчеркивающим архитектонику здания. Примеры их мы можем видеть на реальной архитектуре этого времени (Аббасова-Юсупова, 2022: 256 – цв. илл.).

В XVI в., судя по бухарским миниатюрам, в *настенной живописи интерьера* преобладала орнаментальная роспись голубым по белому фону — этот прием принято называть «шинуазери», который известен с периода монголов и был популярен у Темуридов (Lentz, 1993). На миниатюрах встречается также цветной фон (розовый, золотой или полихромный,



Илл. 2. Гулистан. Саади. 1567. РНБ, Санкт-Петербург

— может быть, так художник изображает технику *кундаль*).

Мотивы настенной росписи: 1) *ислими* (с 1520 г.); 2) *ислими* в сочетании с крупными медальонами (середина XVI в.); 3) крупные орнаментальные медальоны (на протяжении XVI столетия), расположенные в различной конфигурации; 4) а) вазон с букетом цветов, выполненный голубой краской на белом фоне, причем ваза с пышными рифлеными боками изображена без ручек, или б) вазон с высоким узким туловом, расширяющейся горловиной и ручками, напоминающими змей (?), встречается в росписи опор пештака на полихромном орнаментальном фоне (середина XVI в.); 5) орнаментальная роспись на сплошном золотом фоне, возможно, представляла технику кундаль.

Стены навесных балкончиков тоже украшались росписью голубым по белому (Джами. *Тухфат ал-ахрар*, Галерея Саклера, Вашингтон. — далее ГС).

На бухарских миниатюрах XVI в., как было отмечено М. Аббасовой-Юсуповой, также встречаются композиции зданий с прямоугольным выступом арки — *кайваном*, поддерживаемым легкими деревянными колоннами со сталактитовой капителью. Расположение декора в таких дворцах остается аналогичным.

Начиная с середины XVI в., с расцветом Шейбанидского государства при Абдуллахане II декор становится еще более нарядным, что может быть связано с усилением декоративности в стиле самой миниатюры или с воображением художника (Навои. *Саба Сайера,* Национальная библиотека Франции — далее НБФ). В последней четверти XVI в. нарядность интерьеру придает изменение абриса арок пештака: возможно, под влиянием расширяющихся связей с Индией, арки пештака становятся изысканной многолопастной формы (Шейхам. Британская библиотека — далее ББ), но принцип расположения декора и его мотивы остаются неизменными. На тимпанах арок некоторых миниатюр появляются изображения пернатых — возможно, это влияние хорасанской миниатюры, которое усиливается в конце века в связи с завоеваниями Абдуллахана, повлекшими приток сефевидских рукописей или художников. Большие изменения происходят в декоративном убранстве интерьеров в XVII столетии.

Дворцовые интерьеры и их декор в XVII в. Период Аштарханидов/Джанидов.

В первом десятилетии XVII в. мы наблюдаем продолжение темуридско-шейбанидских традиций в расположении декора, использовании майолики и мозаики в стенных панелях; в интерьерах применяется орнаментальная стенопись и живопись кундаль. Но, вместе с тем, в настенной живописи происходит усложнение и разнообразие тематики росписи: наряду с мотивами ислими, живописи кундаль, сочетания ислими с крупными медальонами появляется новый мотив — ветви растения, похожего на иву (*маджнун тал*), изображавшиеся иногда с сидящими на них птицами. Особенно интересными представляются *пейзажные сцены* с изображениями животных и птиц, включающие силуэтные изображения человеческих фигур или всадников, которые

стали встречаться в миниатюрах Бухары в первом десятилетии XVII в. и обрели особую популярность с периода правления Абдалазизхана (1645–1680; см. Низами. *Хамсе*. 1548. Российская национальная библиотека — далее РНБ).

В начале XVII в. на некоторых миниатюрах появляются изображения ранее не встречавшихся легких садовых дворцов с прямоугольным навесом, поддерживаемым изящной колонной со сталактитовой капителью (Саади. *Бустан*. 1616. Библиотека Честера Битти — далее ЧБ); их декор также схож с предыдущими дворцовыми интерьерами: мозаичная панель и настенная орнаментальная роспись.

В целом интерьеры становятся наряднее за счет цветового решения миниатюры и более мелкого узора выстилки пола и стенных панелей, многолепесткового абриса арок, цветового контраста между декором пештака и стен.

Пейзажные сцены можно условно разделить на несколько видов и сюжетных тем:

а) чистый *пейзаж* с архитектурными постройками, скалами, деревьями и птицами; б) пейзаж в бело-голубой гамме (шинуазери) с включением фигур людей, всадников и легких архитектурных строений; в) изображения в стиле шинуазери: сцен охоты лиса на зайца или поющих птиц на ветвях цветущего дерева.

Пейзаж в настенной живописи XVII в., как и в темуридский период, представляет «исламизированный китайский пейзаж» (термин Т. Лентц). Рисунок пейзажей имитирует линейный монохромный стиль китайской живописи тушью, в которой присутствуют изображения фантастических существ китайского фольклора, адаптированные среднеазиатским художником. Большей частью пейзажи выполнены в стиле шинуазери — на белом фоне синей краской, но также, вероятно, в зависимости от иллюстрируемого сюжета поэмы Низами «Хафт пайкар» (Семь красавиц». 1648. РНБ), фон может быть цветным: лиловым, зеленым, золотым, белым или красным, а рисунок выполнен соответствующей краской (Низами. 1648. РНБ) (Илл. 4).

Пейзажи на белом фоне в стиле шинуазери расположены не только в интерьере (РНБ, лл. 222, 281 б), но и на фасаде небольшого

Илл. 3. Принцесса. Мухаммад Мурад Самарканди. Мухаммад Шариф. 1610-е гг. Галерея Саклера

двухэтажного павильона, изображенного в глубине двора (л. 262б), причем их стиль в целом схож с другими пейзажами и архитектурой в этой рукописи (Илл. 5). «Китайский» характер им придает бело-голубая цветовая гамма (рисунок деревьев, скал и легких зданий). Аналогичный декор встречается и на исфаханской миниатюре «Мантик аль-таир» («Язык птиц», или «Беседа птиц») Фарида ад-Дина Аттара (около 1142–1220 гг.), Иран, Исфахан. 1600. Метрополитен музей. — Далее ММ). Так что не исключено влияние исфаханской миниатюры. В тоже же время подобные пейзажи находятся и в медресе Абдулазизхана в Бухаре. М. Аббасова-Юсупова упоминает легкие беседки, украшенные фарфором или кашином, наподобие *Чинихона* Улугбека в Самарканде. Такие чинихона существовали и при Шейбанидах (Аббасова-Юсупова, 2022: 85). Мог ли это быть пример архитектуры несохранившегося чинихона? В то же время на миниатюре Мухаммада Мурада Самарканди «Могольский

Илл. 4. Низами. Хамса. 1648, миниатюры 1650–1660-х гг. РНБ, Санкт-Петербург

посланник у Джанихана в его чинихана» 1620 г. мы видим интерьер помещения, стены которого украшены стрельчатыми арками с тимпанами, расписанными изображениями симургов или орнаментами; в них размещены резные ниши – *токча*, уставленные разнообразной посудой (Robert Skelton,1995: 276, 290), в том числе и фарфоровой. Такие комнаты с резными токча сохранились и в интерьерах жилых домов XIX в. (Аббасова-Юсупова, 2022: 119). Возможно, мы видим здесь пример гостиной — мехмонхона.

В начале XVII в. на некоторых миниатюрах появляются изображения ранее не встречаемых легких садовых дворцов с прямоугольным навесом, поддерживаемым изящной колонной со сталактитовой капителью. Их декор также схож с предыдущими дворцовыми интерьерами — мозаичная панель и настенная орнаментальная роспись (Саади. *Бустан*. 1616. Библиотека Честера Битти — далее ЧБ). Следует отметить появление фигурных деревянных колонн с базой и капителью с изображениями живых существ: на капители лев, кусающий барса, а тот человека; на базе человек опирается на льва, а тот — на двух распластанных собак (РНБ, ПНС) (Илл. 6).

На бухарских миниатюрах начала XVII в. впервые за позднесредневековый период в развитии искусства Центральной Азии встречаются изображения в тимпане арок: борьба драконов и сцены терзания оленя тигром, дракона с огненным хвостом — львом или хищником голубого окраса, джейрана — львом (на тимпане портала: *Принцесса*. Галерея Саклера. Вашингтон. — Далее ГС) и *Принц* (Лувр. 1610 г.). Также на тимпанах появляется изображение летящих Симургов (РНБ, ПНС) или это мифическое существо поет, сидя на ветви, или встречается в сочетании с изображением

Илл. 5. Низами. Хамса. 1648, миниатюры 1650–1660-х гг. РНБ, Санкт-Петербург

сражающихся драконов (ГС) (Илл. 3). Симург изображается и на фасадах реальных зданий в Бухаре (Аббасова-Юсупова, 2022: 279–288).

М. Аббасова-Юсупова в своей монографии также отмечает, что более всего в архитектурном декоре бухарского зодчества XVII в. встречаются изображения пернатых, змеевидных существ и сцен терзания. По ее мнению, терзание — символ обновления природы, адаптированный к Центральной Азии, где вместо ближневосточного льва изображается тигр, а вместо быка — верблюд, лань или джейран (Аббасова-Юсупова, 2022: 281, 284).

Причина появления и символическое значение встречающихся в декоре на тимпанах ряда аштарханидских медресе и в миниатюрах изображений фантастических животных и птиц, сцен терзания нам не до конца известны, но может быть высказано следующее предположение.

Правление Аштарханидов, как и Шейбанидов, отмечено большим влиянием джуйбарских шейхов. Начиная со второй половины XVI в. они оказывают все большее влияние на развитие бухарской миниатюры, становясь крупными заказчиками иллюстрированных рукописей и стремясь в искусстве пропагандировать свои политические идеи (Иванов, 1954: 150; Исмоилов, 2019; Саидов, 2007). В бухарской миниатюре в этот период появляется много сюжетов, иносказательно трактующих суфийские понятия любви, человеческого эго — *нафса* (Рахимова, 2023), необходимости прислушиваться в вопросах управления государством к мнению суфиев, которые изображаются в виде пар влюбленных, композитных фигур, в сценах бесед дервишей с правителями, борьбы зверей или сценах терзания.

На наш взгляд, появление изображений людей и мифических животных в интерьерах на миниатюрах и на фасадах архитектурных зданий Аштарханидов (где их может увидеть каждый, а не только придворный круг) имеет отношение к усилению суфийского влияния в это время. В отличие от ортодоксального ислама суфизм относился лояльно к изображениям, воспринимая искусство как отражение красоты Аллаха и созданного им

Илл. 6. Низами. Хамса. 1648, миниатюры 1650–1660-х гг. РНБ, Санкт-Петербург

мира (Стародуб, 2003), чем может объясняться такое разнообразие фигуративных изображений в экстерьерах и интерьерах зданий. Все эти животные и пернатые могли иметь суфийскую символику, несколько отличную от первоначальных значений. Рассмотрим некоторые из них.

Дракон. В Средней Азии с древности драконы олицетворяют идею плодородия, а в средневековый период — тёмные, злые силы (Беленицкий, Мешкерис, 1986). Образ дракона, заимствованный в китайской культуре (Christopfer Junior), являющийся стихиями огня и воды, а затем символом власти, в иранской культуре сначала адаптировался как китайский художественный образ и трансформировался в злую силу, олицетворяющую хаос, угрожающий человечеству и равновесию существования, которую должен победить бог или герой (Anushka Hosain) (Илл. 3).

Согласно древнему индоарийскому мифу, свирепый дракон, который угрожал задержать дождь, был убит богом по имени Врита-хан. Врита-хан стал иранским богом Вахрамом, а затем Бахрамом – сасанидским царем и героем *Шах-наме* Фирдоуси. В *Шахнаме* дракона убивают главные герои эпоса Бахрам, Рустам и Гуштасп (Anushka Hosain). Изображения битв драконов часто встречаются в рисунках и миниатюрах темуридского и сефевидского периодов (Мир Сайид Мухаммад ан-Наккаш, *Битва драконов*. Тебриз, около 1550 г.; *Битва дракона и льва*. Топкапы. H2147, л. 3 2; *Битва дракона с Симургом*. Аттар, НБФ, № 6074 и др.). В суфизме дракон воплощает животно-эгоистическое начало в человеке – проявление нафса.

Образ *Симурга* (Феникса) — древний и имеет в мировой культуре различную трактовку. Чаще он воспринимается как вещая птица справедливости и счастья, но в некоторых мифах Симург является сторожем, восседающим на горе, отделяющей потусторонний мир. В персидской классической поэзии эта птица, сгорающая в огне и возрождающаяся из пепла, является также и обладательницей голоса волшебной красоты. В религиозных традициях зороастризма и ислама пение птиц воспринимается и интерпретируется или как чтение самого священного текста, или как молитва-хвала Всевышнему (Reysner, Kuznetsov). Знаменитый суфийский поэт Ф. Аттар, автор «Языка птиц» — «Мантик ат-тайр», образ Симурга превращает в аллегорию истинного подвижника, который сжигает свою плоть и остается жив духовно, именно поэтому он противостоит смерти и обретает возможность породить живое. Таким образом «Аттар помещает образ Феникса в мистико-аллегорический контекст и открывает в нем новые смыслы, добавляемые его собственными философско-религиозными рассуждениями, связанными с идеей бессмертия души. Сгорая, Феникс, подобно мистику, растворяется в сиянии пламени, исчезая для мира дольнего и обретая бытие в мире горнем» (Reysner, Kuznetsov). Художник, поместив в миниатюре «Принцесса» в тимпане арки сочетание образов Симурга и дракона, что «является классической китайской эмблемой, символизирующей инь и янь, или баланс сил во вселенной» (Anushka Hosain), возможно, изображает духовное возрождение мистика (Илл. 3).

Что касается других животных, изображения которых встречаются в декоративной живописи интерьеров этого времени, то знак Льва (Тигра) вначале имел сугубо астрологическое значение. Позже в исламском мире знак льва стал символом силы, монархии и воинской доблести, а с VII–IX вв. преобразуется в стража веры (алия) (Ремпель: 21). Бык (бегущий бык) входил в культ производительных сил в природе (Ремпель: 24). В исламе — Ангел, которого Аллах назначил ответственным за землю (Рисале-и нур). Олень у древних земледельцев был связан с умирающим и воскресающим солнечным божеством (Ремпель: 28), в суфизме олень — олицетворение ненасытной похоти (Убайдуллаев). В исламе зайцы ассоциируются с жизнью после смерти, так как, по преданию исламских мистиков, зайцы бегут в рай, когда умирают (Убайдуллаев). Но суфийская интерпретация этих образов требует в дальнейшем более глубокого исследования.

Заключение. Изучение дворцовых интерьеров в бухарской миниатюре подтверждает, что Шейбаниды использовали те же декоративные приемы, что были выработаны в предшествующую (темуридскую) эпоху: майоликовые и мозаичные панели, орнаментальную роспись в стиле шинуазери, декоративную выкладку кирпичом.

При Аштарханидах декор интерьеров первоначально сохраняет традиции Шейбанидов, но уже в первом десятилетии XVII в. на тимпанах арок и в стенописи на миниатюрах появляется более разнообразный декор — пейзажная живопись в стиле шинуазери, изображения живых существ — людей, животных, фантастических существ и птиц. Аналогичные тенденции наблюдаются и в реальной архитектуре этого времени. В этом автор видит растущее влияние суфизма на искусство, а также влияние миниатюрной живописи сефевидского Ирана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Аббасова-Юсупова М. Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (Особенности и динамика развития). Самарканд, 2022.

Аббасова-Юсупова М. А. Книжная миниатюра Хорасана и Мавераннахра XV–XVII вв. как источник данных по гражданской архитектуре средневекового Узбекистана // Роль Камалиддина Бехзада в мировой культуре: история и современность. Ташкент, 2016. С. 48–58.

Васильева О. В, Ястребова О. М. Искусство книги Мавераннахра XV–XVII вв. (из собрания Российской национальной библиотеки). Ташкент, 2019.

Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV–XVI вв. АНУ. Ташкент, 1960. С. 111–161.

Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып. XXII. Ташкент, 1951.

Рахимова З. И. Отражение идей суфизма в исламской живописи: композитная миниатюра // Санъат. № 3. 2023. С. 9–13.

Рахматуллаева С. Д. Образ средневекового зодчества в миниатюре Мавераннахра XV–XVII вв. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1991.

Рахматуллаева С. Средневековое зодчество в миниатюрах Мавераннахра XV–XVII вв. Душанбе: Дониш, 1997. 158 с. с илл.

Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.

Стародуб Т. Х. Изображение неизобразимого. О специфике арабо-мусульманского визуального искусства» // Одиссей. М.: Наука, 2003 С. 368–377.

Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Средней Азии // Узбекистон санатшуносликлари муаммолари: Сборник статей НИИ искусствознания. Ташкент, 1997.

Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Бухары // Узбекистон архитектураси ва курилиши. Тошкент, 1997. № 1–2.

De Angelis, M. A. and Lentz, T. W. Architecture in Islamic Painting. Permanent and Impermanent Worlds. Fogg Art Museum, Cambridge, Mass., 1983.

Hatice Yazar. Architecture in Miniature: Representation of Space and Form in Illustrations and Buildings in Timurid Central Asia. M.I.T. Cambridge, 1991.

Lentz, T. W. 1993. Dinastic Imagery in Early Timurid Wall Painting. Muqarnas 10: Essays in Honor of Oleg Grabar, 1993. Pp. 253–65.

Lentz, Thomas W. and Glenn D. Lowry. Timur and the Princely Vision: Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. – Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1989.

Robert Skelton, 'Relations between Mughal and Central Asian painting in the seventeenth century', in J. Guy (ed.), I*ndian Art & Connoisseurship, Essays in Honour of Douglas Barrett*, Middletown NJ, 1995

Беленицкий А. М., Мешкерис В. А. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // Советская Археология. 1986. № 3. – С. 16–27. http://kronk.spb.ru/library/belenizky-meshkeris-1986.htm

Саидов А. Политическая история Бухарского ханства в XVII — первой половине XVIII в. –Душанбе: Ирфон, 2007. institute-history.tj // https://institute-history.tj > default > files > Knigi

Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв. АН СССР. М. - Л. 1954. Http://Lib.Uz/M/Articles/View/П-П-Иванов-хозяйство-Джуйбарских-Шейхов

Исмоилов Л. Э. О степени вовлеченности суфийских лидеров в политическую и культурную жизнь Мавераннахра XVI в. https://echovek.ru/tt/node/954 дата обр 26.09.2019;

Мукимова С. Архитектура дворцов Центральной Азии. 2022. https://www.google.co.uz/books/edition/

Убайдуллаев Х. Словарь суфийских образов. Режим доступа: http://www.stihi.ru/avtor/ubaydullaev

Шукуров Ш. Два экскурса в область восприятия искусства и архитектуры Ирана // Культура Ирана в историческом пространстве времени // Историческая психология и социология истории. 1/2013. – С. 192–204. https://cyberleninka.ru/article/n/dva-ekskursa-v-oblast-vospriyatiya-iskusstva-i-arhitektury-irana/viewer

Christopfer Junior. Dragons: chines roots of early islam during the lifetime of muhammad. Режим доступа: https://www.linkedin.com/pulse/dragons-chines-roots-early-islam-during-lifetime-muhammad-junior

Reysner Marina L., Kuznetsov A. A. The Genesis of the Phoenix Image in Persian Poetry and its Interpretation in a Poem of the Same Name by Nima Yushij (1897–1960). Ориенталистика 2022 год, Vol 5, № 2. Режим доступа: https://www.orientalistica.su/en/articles/2858/215562).

The Dragon in Islamic Art by Anushka Hosain. Режим доступа: https://www.mfah.org/collection/the-dragon-in-islamic-art

ЕВГЕНИЙ ЯЙЛЕНКО
Академия изобразительного искусства,
Монгольский Национальный университет искусств и культуры
Улан-Батор, Монголия

МУЗЕЙ ЧИНГИСХАНА В УЛАН-БАТОРЕ. ИДЕИ МОНГОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МУЗЕЕ

Ключевые слова: Монголия, история, Чингисхан, монгольское национальное возрождение, музей Чингисхана, неотрадиционализм.
Аннотация: В статье рассматривается процесс обретения национальной идентичности в современной Монголии, обозначаемый как «монгольское национальное возрождение». Предметом изучения служит здание музея Чингисхана в Улан-Баторе, в архитектурных формах и декорациях которого эти идеи получили наглядное выражение. Показано, что при создании архитектурного образа музея Чингисхана была выбрана концепция объединения различных исторических и культурных традиций. Это характерно и для идеологии монгольского возрождения, основывающегося на принципе сближения образов прошлого и настоящего.

Kalit so'zlar: Mongoliya, tarix, Chingizxon, mo'g'ul milliy tiklanishi, Chingizxon muzeyi, neotraditsionalizm.
Annotatsiya: Maqolada zamonaviy Mo'g'ulistonda "mo'g'ul milliy tiklanishi" deb ataluvchi milliy identifikatsiyani topish jarayoni yoritilgan. Tadqiqot ob'ekti sifatida Ulan-Batordagi Chingizxon muzeyi binosi tanlangan bo'lib, uning me'moriy shakllari va dekoratsiyalarida ushbu g'oyalar aniq ifodalangan. Chingizxon muzeyi me'moriy qiyofasini yaratishda turli tarixiy va madaniy an'analarni birlashtirish konsepsiyasi tanlanganligi ko'rsatilgan. Bu mo'g'ul tiklanishi ideologiyasiga ham xos bo'lib, u o'tmish va hozirgi davr obrazlarini yaqinlashtirish tamoyiliga asoslanadi.

Keywords: Mongolia, history, Genghis Khan, Mongolian national revival, Genghis Khan Museum, neotraditionalism.
Abstract: The article explores the process of reclaiming national identity in modern Mongolia, referred to as the «Mongolian national revival.» The focus is the Genghis Khan Museum building in Ulaanbaatar, which vividly expresses these ideas through its architectural forms and decorations. The concept chosen for the museum's architectural image combines various historical and cultural traditions, reflecting the ideology of Mongolian revival, which seeks to bridge images of the past and the present.

Манипулирование событиями национальной истории и ее переписывание в угоду сиюминутной политико-идеологической конъюнктуре составляет важную особенность любого тоталитарного режима, какими бы лозунгами он ни прикрывался[1]. Это воздействие испытали на себе многие страны Центральной Азии, некогда бывшие советскими республиками или находившиеся в орбите влияния Советского Союза, как Монголия. Имперская по своей сути идеология коммунистического режима активнее всего истребляла память о тех, кого рассматривала в качестве опасных конкурентов, преимущественно деятелей национального прошлого, ассоциировавшихся с идеей имперской власти и величия. Показательна в этом отношении оценка личности и деятельности Тамерлана в советской историографии, в которой даже бесспорные достижения основателя империи Тимуридов порой освещались с известной сдержанностью и оговорками (как пример см.: Кылычев, 2016: 286–289).

Еще более рельефно неприятие культовых фигур национальной истории отразилось в той настороженности и даже откровенной враждебности, с какой партийное руководство СССР, а вслед за ним — и Монгольской Народной Республики относилось к величайшему из монголов, основателю Монгольской империи Чингисхану. Рассматривая его (и надо сказать — совершенно справедливо) как само воплощение национальной идеи монголов и их многовековой государственности, коммунистические идеологи приложили титанические усилия, чтобы убрать Великого хана из общественного сознания.

[1] Выражаю искреннюю благодарность фотохудожнику Андрею Клюеву за фотоснимок здания музея Чингисхана.

Перемены коснулись даже сферы религиозных воззрений. Традиционное для монголов почитание Великого хана как носителя идеи небесного покровительства в духовной жизни МНР было заменено искусственным культом Ленина, великого учителя и благосклонного к людям повелителя Вселенной, в новой идеологической парадигме представавшего каким-то странным подобием традиционных буддийских божеств (Шмыт, 2014: 307–310).

Наиболее показательным примером перекройки карты исторической памяти монголов могла бы послужить известная история несостоявшегося празднования юбилея Великого хана в 1962 году. Запланированное по случаю 800-летней годовщины со дня его рождения, оно было очень быстро свернуто под жестким давлением со стороны московского руководства и лично Первого секретаря Коммунистической партии Н. С. Хрущева, в глазах которого, помимо прочего, величественный образ Чингисхана слишком явно ассоциировался с фигурой ненавистного ему И. В. Сталина.

Вот почему после начала демократических перемен в стране, обозначивших окончательное прекращение зависимости от советских идеологических парадигм, именно образ Чингисхана оказался в самом центре процесса обретения монголами своей национальной идентичности. Этот процесс сопровождался радикальным пересмотром собственного исторического прошлого. В современной историографии для его обозначения принят термин «неотрадиционализм» (Романова и др., 2015: 95–102). Он подразумевает соединение «рыночной экономики и современной системы государственного управления с ценностной опорой на величие средневековой империи Чингисхана» (Ермакова, 2020: 125). Мы предпочитаем использовать в данной связи понятие «монгольское национальное возрождение», поскольку им, как нам представляется, более точно выражается ретроспективный характер духовных поисков монголов, занятых обретением собственной национальной идеи. Ее слияние до неразличимости с образом Великого хана отчетливо заметно на разных уровнях общественного и частного сознания монгольской нации в целом и каждого отдельного монгола в частности. Оно выражает себя как в общегосударственном почитании Чингисхана и атрибутов его власти (знамя Великого хана, географические локусы, связанные с его именем) (Ермакова, 2020:125–126), так и в активном проникновении его образа в домашний быт монголов в виде портретов и других изображений, которые иногда можно видеть даже на ветровом стекле автомобилей.

Искусству принадлежит особая весьма существенная роль в утверждении образа Великого хана как символического выражения идеи национальной идентичности монголов. Разрыв с эпохой социализма ощущается тут с особенной остротой. В пору господства коммунистической идеологии на практически любое изображение Чингисхана было наложено табу: чего стоит в этом смысле отсутствие даже одного упоминания его имени в монографии известных монгольских историков искусства профессоров Л. Сономцэерэна и Л. Батчулууна о монгольском изобразительном искусстве XX века (Сономцэрэн, Батчулуун, 1989: 1–158). Памятник в его честь в Улан-Баторе, задуманный к юбилею 1962 года, так и не был сооружен (все ограничилось стелой в сомоне Дадал Хэнтийского аймака на месте предполагаемого рождения Великого хана), и даже юбилейные почтовые марки были безжалостно изъяты из обращения (Шмыт, 2014: 308).

Все резко поменялось после 1990 года, когда вместе со снятием идеологических запретов перед монгольскими художниками открылись новые возможности выбора изобразительной тематики. Что характерно, ранее всех на изменившуюся обстановку откликнулась скульптура, которая благодаря общественной ангажированности этого вида искусства традиционно наиболее зависима от перепадов социально-политической конъюнктуры. Первым сигналом о ее смене оказалась статуя Чингисхана, выполненная молодым талантливым выпускником ленинградской Академии художеств, ваятелем Н. Аргайсухом, в 1991 году (ныне — в Национальной художественной галерее Монголии в Улан-Баторе) (Уранчимэг, Яйленко, Сарантуяа, 2023: 121). В дальнейшем именно монументальной скульптуре стало принадлежать первенство в деле утверждения культа Чингисхана в общественном пространстве Улан-Батора, который за последние два десятка лет украсился целым рядом интереснейших памятников, воздвигнутых в честь Великого хана и тех, кому выпала честь сопутствовать ему. Сюда относятся изваяние в центре колоннады на фасаде Дворца правительства (У. Болд, 2006), две идентичные конные статуи возле старого аэропорта и вблизи гостиницы Баянгол и многие другие произведения, самым заметным из которых — в прямом смысле этого слова — является колоссальный памятник Чингисхану в Цонжин-Болдоге, район Налайх (Д. Эрдэнэбилэг, 2008) (Яйленко, Уранчимэг, 2024: 367).

В одном ряду с ними, существуя в качестве парадигмы обожествления Великого хана как воплощения национальной идеи современной Монголии, располагается музей Чингисхана в Улан-Баторе. Открытие музея в октябре 2022 года стало значительным событием для всей страны. В торжественной церемонии приняло участие высшее

политическое руководство страны во главе с президентом У. Хурэлсухом, по инициативе которого в июле 2019 года правительством было принято решение о строительстве «музея Чингисхана и знати». Со временем тематический охват музея значительно расширился, что, по сути, превратило его в музей национальной истории, от истоков до событий начала XX в., предшествовавших обретению Монголией независимости. В настоящее время там экспонируются около 6 300 экспонатов, охватывающих огромный период времени вплоть до правления последнего Богдо-гэгэна VIII (1911–1921). Большинство из них — подлинники (всего 80 процентов, по уверению руководства музея), остальные являются искусно сделанными копиями. Все они экспонируются на разных этажах обширного и очень красивого здания в центре монгольской столицы, напротив Дома правительства. Помимо демонстрации предметов постоянной экспозиции, музей Чингисхана также периодически размещает интересные выставки, а в специальных помещениях проходят международные конференции. Именно здесь в августе 2023 года прошел XII Международный конгресс монголоведов, посвященный теме «Монгольский мир и исторический опыт».

В интервью, данном незадолго до открытия музея Чингисхана, его директор, известный археолог С. Чулуун, упомянул ряд других музейных собраний, которые, по-видимому, послужили образцами при проектировании будущего музейного комплекса в Улан-Баторе: Национальный музей Республики Казахстан, Национальный музей Кореи, музей Хух-Хото (Мунхбаатар, 2023). Этот список явно неполон. По нашему мнению, в качестве наиболее вероятного прототипа мог послужить Государственный музей истории Тимуридов, также известный как музей Амира Темура в Ташкенте, основанный за четверть века до него и обладающий рядом общих черт с музеем Чингисхана в том, что касается их общественной задачи и идейного содержания. Оба они — музейные собрания, посвященные одному человеку, воспринимаемому не только в качестве национального лидера, но и символа всей нации. Оба были сооружены за короткий срок благодаря целенаправленным усилиям, вдохновлявшимся идеей недавно обретенной независимости и государственного суверенитета, а не сформировались постепенно, прирастая экспонатами, как большинство музейных собраний мира. Оба обладают отчетливо выраженной общественной функцией, по сути, служа в качестве пантеонов национальной истории.

Однако имеются и важные отличия. По нашему мнению, их рассмотрение позволит уловить некоторые любопытные аспекты того процесса, который выше был обозначен как «монгольское национальное возрождение». Что самое интересное, ряд положений этой идеологии оказался изложенным на языке архитектурных форм, что делает их особенно выразительными и интересными. Следует специально оговориться, что мы не рассматриваем саму экспозицию музея (она заслуживает отдельного разговора): речь пойдет исключительно об архитектуре здания и его живописном оформлении.

Если здание музея Тимуридов выдержано в традиционном стиле восточной архитектуры, то музей Чингисхана, напротив, поражает взгляд ультрасовременным обликом. В стилистическом отношении это здание — блестящий образец постмодернистской архитектуры, примеров которой не так много в современном Улан-Баторе. Ровный ряд облицованных мрамором пилонов на фасаде разбивается косой плоскостью трапециевидной стены, как бы рассекающей его на углу здания, который обращен к шумному перекрестку. Однако минималистская эстетика архитектурных форм смягчена изысканными орнаментами на аттике фасада и на поверхности металлических

дверей. Столь же отчетливо современность заявляет о себе в интерьере здания с его эскалаторами, лифтами, системами кондиционирования воздуха и декоративным оформлением помещений. По нашему мнению, такое удивительное сочетание новизны и традиционности (в назначении постройки как музея отечественной истории) идеально отвечает соединению старого и нового в идеологии неотрадиционализма, характеризующего духовную ситуацию в современной демократической стране, избравшей для себя в качестве национального героя авторитарного властителя средневековой империи.

Развитие идеи синтеза разных исторических традиций и современности обнаруживается также в декоративном оформлении фасада. Высокий аттик украшен металлическими медальонами, декорированными мотивами традиционного орнамента в виде изображений фениксов и драконов, символика которых совершенно очевидна. Такие же мотивы прослеживаются в кованой металлической декорации дверей главного портала. Им сродни изображения тамги, то есть клейм (печатей), ассоциировавшихся с идеей ханской власти, хотя главной сферой их распространения оставался (и остается по сей день) домашний быт монголов. Сюда же можно отнести надпись старомонгольским шрифтом на правой части фасада. Однако она соседствует с другой надписью на монгольском языке, «Чингисхаан музей», выполненной кириллическим шрифтом, который до сих пор в ходу в современной Монголии, а неподалеку, на архитраве над главным входом, то же название помещено на английском языке. Такое сочетание разных языков и шрифтов на одном памятнике иногда встречается в Улан-Баторе (к примеру, на памятнике герою национальной истории Чингунжаву), сигнализируя о стремлении к объединению разных культурных традиций, что исключительно характерно для идеологии монгольского национального возрождения.

Имеется еще одно важное отличие. В концепции музея Тимуридов ясно ощущается направляющая воля современного узбекского государства, о чем отчетливее всего говорит присутствие в интерьере здания цитат из высказываний первого президента Узбекистана Ислама Каримова о значении недавно обретенной независимости для сохранения исторического наследия страны. Напротив, в музее Чингисхана абсолютно ничего не напоминает о государственной инициативе и усилиях монгольского правительства по возведению этого обширного комплекса. Как нам представляется, данная «фигура умолчания» как нельзя лучше выражает поистине всенародный характер культа Чингисхана, о развитии которого в частном быту монголов достаточно говорилось выше, и который в равной мере питается как государственной, так и частной инициативой. Что касается музея Чингисхана, то тут государство как бы сходит со сцены, чтобы подчеркнуть общенациональный характер почитания Великого Хана.

Это почитание, подчас окрашенное в тона поистине религиозной экзальтированности, тем не менее осуществляется в светском по своему характеру государстве. Здесь прослеживается еще одно важное отличие. Центральное место в экспозиции музея Тимуридов занимает копия Самаркандского куфического Корана (Корана Усмана), размещенная в подкупольном пространстве в качестве идейного центра всего музейного комплекса. Присутствие этой реликвии говорит о громадной роли ислама в империи Тимуридов и во всей Центральной Азии. Напротив, в оформлении музея Чингисхана ничто не свидетельствует о религиозности Великого хана (который, как известно, исповедовал тенгрианство), и нигде не встречаются его религиозные символы (например, шанырак, или тоноо, если говорить о монголах). По нашему мнению, это сделано осознанно, дабы еще одной «фигурой умолчания» подчеркнуть многовекторный характер монгольского национального возрождения, его открытость в равной степени всем религиозным течениям в качестве важнейшего объединяющего фактора. Духовная жизнь современной Монголии характеризуется активным возрождением религиозных практик и ритуалов, относящихся к разным вероучениям, главным образом — тибетскому буддизму (его нередко именуют ламаизмом), шаманизму, тому же тенгрианству (Mátyás, 2010: 229–238). Имеется также место для христианства и ислама (последний распространен, преимущественно, в среде казахов, населяющих западную часть страны). Поэтому концентрация на какой-то одной религии сразу же обеднила бы замысел музея, призванного в архитектурной форме реализовать концепцию национального объединения вокруг культовой фигуры исторического прошлого.

Тем не менее, в конструктивно-планировочном решении здания музея Чингисхана все же имеется, как минимум, одна отсылка, пусть и неочевидная, к преобладающей на местной почве религии, которой является, разумеется, буддизм. Здание музея Тимуридов в Ташкенте по своему архитектурному образу вызывает ассоциации с мавзолеем. Его внутреннее пространство легко открывается взгляду, оно оказывается доступным восприятию сразу же, когда заходишь внутрь здания. Иначе обстоит дело в музее Чингисхана, где входящего встречает высокая лестница, уводящая из холла на второй этаж, откуда начинается осмотр экспозиции. На наш взгляд здесь присутствует очевидная отсылка к

объемно-пространственному решению буддийских храмов, отличающихся вертикальной ориентированностью и тем самым воспроизводящих вертикальную модель мира. Не мавзолей, но храм — такое назначение читается в архитектурно-планировочном решении здания в Улан-Баторе.

Важным элементом декоративного убранства интерьера музея Амира Тимура являются внушительных размеров живописные панно, общей сложностью — три, на которых показаны важнейшие события из жизни основателя империи Тимуридов. Стилистически они выдержаны в манере, напоминающей средневековую центральноазиатскую миниатюру, возрождение техники и выразительных приемов которой, к слову сказать, составляет одну из заметных и очень интересных тенденций в современном узбекском искусстве. Собственно говоря, они и воспринимаются в качестве своего рода увеличенных до колоссальных размеров миниатюр, выполняющих роль произведений монументальной стенописи. В музее Чингисхана все обстоит по-другому. Его залы украшены большим количеством картин современных монгольских художников, представляющих события и образы национальной истории. Однако принципиальное отличие состоит в том, что практически все они выдержаны в технике и стилистике, типичной для станковой живописи. Хорошим примером служит картина под названием «Церемония интронизации Чингисхана» (780 × 280 см), выполненная молодым монгольским художников Б. Оттонтувдэном. Событие, образующее сюжетную основу для картины, произошло весной 1206 года у истоков реки Онон, где по инициативе Темучина, одолевшего к тому времени могущественных соперников, был созван курултай. На нем он был провозглашен Великим ханом, получившим власть над миллионным населением монгольской степи, и принял новое имя Чингисхан. Реалистическая манера выполнения сообщает этому произведению вид своеобразного документального свидетельства, удостоверяющего историческую подлинность показа совершившегося события. Однако дело не только в этом. Соединение исторического сюжета с реалистической живописной манерой, типичной для монгольской живописи XX в., исповедовавшей принципы соцреализма, в стенах современного музея также служит в качестве наглядного выражения того объединяющего начала, которое составляет основу монгольского национального возрождения.

Подводя итог, еще раз отметим, что в здании музея Чингисхана в Улан-Баторе она получила свое на редкость наглядное воплощение, выраженная преимущественно в формах современной архитектуры и декоративной отделки здания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ермакова Т. В. Опоры этнокультурной идентичности монголов и их символическая презентация в XXI веке // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков. Материалы Девятнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Российский этнографический музей», 2020. С. 125–129.

Кылычев А. М. Изучение истории внешней политики Тимуридов в Центральной Азии // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9 (часть 2). С. 286–289.

Мунхбаатар С. С. Чулуун: Музей «Чингис хаана» — это центр истории Монгольской империи // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://montsame.mn/ru/read/280920, дата создания запроса: 1.09. 2024 г.

Романова И. В., Зимин О. И., Жуков А. В., Жукова А. А. Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 4/119. С. 95–102.

Сономцэрэн Л., Батчулуун Л. Монголын дүрслэх урлагийн товч түүх (1940–1989). Улаанбаатар: Улсын хэвлэх газар, 1989. 158 с.

Уранчимэг Д., Яйленко Е. В., Сарантуяа Б. Илья Репины академийн дэг сургалт монголын дүрслэх ургалт. Улаанбаатар: Unipress, 2023. 332 с.

Шмыт А. С. Культ Чингисхана в период Монгольской Народной Республики и в современной Монголии как элемент национальной идентичности монголов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4/47. С. 307–310.

Яйленко Е. В., Уранчимэг Д. Парадоксы исторического сознания в монументальной скульптуре Улан-Батора. Об идеологической роли памятников в контексте «монгольского национального возрождения» XXI века // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2024. Том 14. Вып. 2. С. 363–381 (особенно с. 367).

Mátyás B. Contemporary shamanisms in Mongolia // Asian Ethnicity. 2010. № 11(2). С. 229–238.

IPAK YO'LI MAMLAKATLARI TURIZM INDUSTRIYASIDA INNOVATSION TEXNOLOGIYALARNI RIVOJLANTIRISH MASALALARI

ISSUES OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE TOURISM INDUSTRY OF THE SILK ROAD COUNTRIES

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ СТРАН ШЕЛКОВОГО ПУТИ

ЕЛЕНА ДАНИЛОВА
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация

ДИАЛЕКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЕ И КИТАЙСКИХ ПОДХОДОВ К ФЕНОМЕНУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: Шелковый путь, Китай, феномен международных отношений, российско-китайское сотрудничество.
Аннотация: Для понимания современных подходов Китая к выстраиванию международных отношений, формированию стратегии внешней политики и использованию потенциала геополитики необходимо синхронизировать представления об идеологии феномена международных отношений, восприятии Китаем роли и места собственного государства в мире, раскрыть историю Шелкового пути и обогатить представление о нем шире транспортно-логистических коридоров. В статье приводятся основные исторические вехи и особенности развития международных отношений Китая с XVII века, основные подходы китайской политической элиты к управлению, ключевые события, формирующие политические отношения Россия — Китай — Запад, особенности советско-китайского раскола, место России в современной внешней политике Китая и ключевые аспекты, влияющие на сохранение или изменение этого места.

Kalit so'zlar: Ipak yo'li, Xitoy, xalqaro munosabatlar fenomeni, Rossiya-Xitoy hamkorligi.
Annotatsiya: Xitoyning xalqaro munosabatlarni qurish, tashqi siyosat strategiyasini shakllantirish va geosiyosat potensialidan foydalanish bo'yicha zamonaviy yondashuvlarini tushunish uchun xalqaro munosabatlar fenomeni ideologiyasi, Xitoyning dunyodagi o'z roli va o'rni haqidagi qarashlarini tenglashtirish, Ipak yo'li tarixini ochib berish va uni transport-logistika yo'llarini kengroq tasavvur qilish zarur. Maqolada XVII asrdan boshlab Xitoyning xalqaro munosabatlar rivojlanishining asosiy tarixiy bosqichlari, Xitoy siyosiy elitasining boshqaruvga yondashuvlari, Rossiya–Xitoy–G'arb munosabatlarini shakllantiruvchi asosiy voqealar, Sovet-Xitoy bo'linishi xususiyatlari va Xitoyning zamonaviy tashqi siyosatida Rossiyaning o'rni kabi asosiy jihatlar tahlil qilinadi.

Keywords: Silk Road, China, phenomenon of international relations, Russia-China cooperation.
Abstract: To understand China's contemporary approach to international relations, the formulation of its foreign policy strategy, and the use of its geopolitical potential, it is essential to synchronize the understanding of the ideology behind international relations, China's perception of its role and place in the world, and to explore the history of the Silk Road, broadening the perspective beyond just transportation and logistics corridors. This article outlines the key historical milestones and characteristics of China's international relations since the 17th century, examines the primary approaches of the Chinese political elite to governance, and highlights the key events shaping the political dynamics between Russia, China, and the West. It also explores the Soviet-Chinese split, Russia's role in China's contemporary foreign policy, and the critical factors that influence the preservation or alteration of this role.

Современные представления о возрожденном Шелковом пути у представителей европейской культуры, к которым автор относит и большинство своих соотечественников, часто сводятся к транспортным коридорам, обеспечивающим торговлю. Однако истинное значение исторического Шелкового пути для всего мира охватывает намного больше сфер. Путь торговли одновременно оказался маршрутом взаимопроникновения культур, интеллектуального обогащения, средством влияния и источником развития искусства, источником мировой мысли, способом технологического обмена, а также местом, ставшим предтечей множества исторических событий.

Термин «Шелковый путь» (Seidenstraße) впервые употребил немецкий геолог и географ Фердинанд фон Рихтгофен в 1877 г. Великий шелковый путь — это торгово-обменный путь, который брал начало в древнем китайском городе Чанъань, проходил через Ганьсуйский коридор и нынешний Синьцзян и связывал Азию, Европу и Африку. Шелковый путь является центральной нервной системой мира, на протяжении долгого

времени задачей пути было налаживание культурных контактов между Китаем и другими странами трех континентов. Правильное рассмотрение связей вдоль Шелкового пути позволяет понять основные механизмы работы целого мира (Цинь и др., 2017; Франкопан, 2019).

Великий шелковый путь официально начинается с путешествия на Запад Чжан Цяня с дипломатической миссией во II веке до н. э., и этому же событию обязан своим названием. Благодаря дипломатической миссии китайский шелк попал в Римскую империю: шелк был преподнесен в Сирию, крайнюю западную точку Великого шелкового пути, после чего Сирия вошла в состав Римской империи. Здесь важно обратить внимание на еще одно явление — именуемый Китаем того времени Запад является Средней Азией с нашей точки зрения. Один из четырех традиционных китайских романов «Путешествие на Запад», жемчужина китайской классической прозы, повествует о путешествии буддистского монаха в Индию за священными сутрами. Таким образом, мы подходим к еще одному историческому концепту восприятия миропорядка Китая — исторически Китай самоидентифицирует себя не как часть Востока или Азии, а как центр мира и ощущает себя соответствующе, тогда как другие составляют окраину (периферию, внешнюю сторону外, wài). Иероглифическое написание и наименование Китая 中国 читается *zhōngguó*, где *zhōng* — середина, центр, сердце; рисунок символизирует стрелу, попавшую в центр; guó — государство, нация, страна.

Фэй Саотун, предложив концепцию иерархического устройства, показал, что китайцы считают себя центром, подобно ряби, образующейся на поверхности воды от брошенного камня. В самом центре — понятие себя, а затем расходятся круги, и чем дальше, тем менее заметны (Чжу, 2015). Следовательно, для Китая западные земли как историко-географическое название — это все районы, расположенные западнее Китая.

Характерным фактом, демонстрирующим, как выстраивались внешние китайские отношения с учетом восприятия себя центром мира, являются сведения о морском походе адмирала Чжэн Хэ, совершенном в период между 1405 и 1433 годами (первые годы правления династии Мин) и описанном Киссинджером (Киссинджер, 2017).

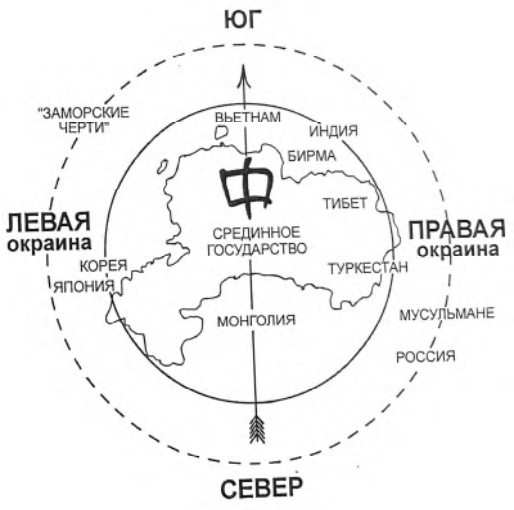


Рис. 1. Географическая картина мира глазами китайцев (Девятов, Мартиросян, 2002)

Чжэн Хэ на каждой остановке во время своего путешествия официально превозносил величие нового китайского императора, делал щедрые подарки правителям, с которыми встречался, и приглашал их лично посетить Китай или направить туда своего посланника. В Китае им следовало признать свое зависимое положение в мире, где Китай являлся центром земли, согласившись выполнить ритуал «коутоу» в знак признания превосходства императора. Тем не менее Чжэн Хэ не проявлял никаких территориальных притязаний, а лишь объявлял о величии Китая и раздавал приглашения, совершая при этом поразительные церемонии. Он привез на родину только подарки, или «дань»; он не объявлял о приобретенных колониях или ресурсах для Китая, которые расширяли бы пределы Поднебесной хотя бы чисто умозрительно.

Некоторые источники, в частности труд Киссинджера «О Китае», предоставляют нам ценнейшие наблюдения о китайских мировоззрениях сквозь призму западных мировоззрений, которым присуща определенная дуальность. Ключевым вопросом теории международных отношений является вопрос «войны и мира», в связи с чем особо отмечаются вопросы отказа от притязаний на колониализм Китаем и подобные явления. Дихотомия «Восток и Запад» является западным подходом к миропорядку, и из работы Эдварда Саида мы видим, что восприятие Востока

в этой дихотомии имеет негативную коннотацию. В академическом сообществе те, кто занимаются Востоком, предпочитают позиционировать себя как востоковед или страновед, так как термин «ориентализм» часто связан с европейским колониализмом XIX и начала XX века (Said, 1978).

При всем достоинстве труда Киссинджера в нем усматривается политическая ангажированность. Киссинджер сделал серьезную попытку объяснить, как и что думают китайцы о проблемах мира и войны, международного порядка, логику формирования и реализации внешней политики Китая. Целый раздел главы 1 книги «О Китае» посвящен китайской «реальной политике» и раскрытию связи между долгосрочным стратегическим мышлением, свойственным китайской цивилизации, и игре го (китайское название «вейчи»/«вэйци», 围棋).

Во-первых, интересы Китая и США изначально противоположны. Во-вторых, связывание Киссинджером игры го и реальной политики в контексте «войны и мира» больше сосредоточено на вопросах войны, что свойственно политической логике США, рассматривающих Китай как главный внешнеполитический вызов. Вместе с тем игра го носит в себе ключи к овладению неявным знанием о Китае, так как игровое поле является пространственно-временной (геополитической) матрицей. Через освоение игры познаются закономерности международных отношений с позиций Китая. Она позволяет осознать глубокие паттерны внешнеполитической логики лидеров КНР и учитывать их в формировании собственных политических стратегий в отношении с Китаем. Го называют «игрой императора», потому что на протяжении долгих столетий только высшее политическое руководство страны имело право обучаться игре, смертная казнь грозила за доступ к игре тем, кому не положено по статусу ей обучаться.

Задача, которую решала игра го, — научить стратегии императора. Император принимает наибольшее количество тяжелых решений ежедневно. История учит, что трудных решений не избежать. Философия го является азиатским аналогом теории международных отношений, изучает миропорядок, предлагает освоение восточной концепции политического взаимодействия, логики развития международных политических процессов, вычленения значимых элементов процессов и ситуаций, различение закономерных и случайных элементов окружающей действительности, оборонительный реализм, институциональные изменения, концептуальный анализ «дилеммы безопасности», роль репутации в международном конфликте.

Особенность внешней политики Китая состоит в том, что она больше связана с китайской логикой, философией и мировоззрением, чем с определенной идеологией (марксизм, либерализм). Современный китайский философ (Грачиков, 2015) так интерпретирует подобный феномен. «И цзин» («Книга перемен») и даосизм объясняют общую китайскую методологию рационального мышления и поступков, включая гибкий путь изменений вместе с изменениями, осторожный подход к вызовам и рискам, активные стратегии для различных ситуаций и обстоятельств, а также естественный подход к пониманию и принятию будущих непредсказуемых возможностей.

Следует отметить, что в XIX веке в училищах Китая не было учебных книг, приведенных в систему; в основу обучения приняты «Четверокнижие» («Сы-шу») и так называемые пять классических книг: «Книга перемен» («И цзин»), «Древняя история» («Шу-цзин»), «Древние стихотворения» («Ши-цзин»), «Весна и осень» («Чунь-цю») и «Записки об обрядах» («Ли-цзи») (Бичурин, 2017).

К таким же выводам приходят и исследователи РСМД в проекте «Незападные ТМО» (2024), отмечающие особенный статус китайской школы ТМО. В формировании этой школы большую роль сыграли западные теории, но в настоящий момент китайские теоретические концепции опираются прежде всего на традиции китайской культуры и истории. Маслов наглядно описал подход Китая к перенятию зарубежного опыта на примере масонства (Маслов, 2024): Китай, переняв ряд удачных организационных принципов и структур, а также деловые связи, сперва полностью китаизировал масонство, а затем аккуратно изгнал его за свои пределы. Основная содержательная критика ученых и политологов, воспитанных на западных подходах ТМО, связана с размытостью теоретических рамок в ТМО КНР. В данном случае именно игра го позволяет

увидеть системную организацию китайской школы и снять эту критику.

Исторически китайцы всегда являлись проводниками «реал-политик» и адептами стратегических доктрин. Бурная история учила китайское руководство тому, что не каждая проблема имеет свое решение и что чересчур большой упор на полное господство над каким-то отдельным событием может разрушить гармонию Вселенной. Когда же конфликты интересов случались, китайские государственные деятели очень редко шли на риск и действовали по принципу «все или ничего». Их стилю ближе всего подходила разработка долговременных ходов. Там, где в западных традициях предпочли бы решительное столкновение сил и сделали бы упор на героические подвиги, для китайцев идеальной тактикой являлись подчеркивание дипломатических тонкостей, использование окольных путей и терпеливое накопление относительных преимуществ (Киссинджер, 2017).

На современном этапе такой подход прослеживается в инициативе «Один пояс, один путь». Взгляд на эту концепцию через призму влияния, а не владения, позволяет увидеть, что китайское стремление к лидерству не носит характер захвата. Искусство «мягкой силы» — не просто эффективный элемент интеграции идей, а зеркало системы мышления.

Это же раскрывается в «Искусстве войны», тесно связанном с философией го. Если западные стратеги рассуждают о способах концентрации подавляющей силы в решающем месте, Сунь-цзы обращается к средствам создания доминирующей политической и психологической позиции, такой, при которой результатом конфликта становится отказ от конфликта. Сунь-цзы отличается от западных авторов по вопросам стратегии своим упором на психологические и политические элементы в противовес чисто военным. Сунь-цзы объединяет две сферы.

Дао — это когда добиваются такого положения, при котором народ полностью разделяет намерения правителя и готов умереть с ним заодно и жить с ним заодно; когда люди живут без обмана (Сунь-Цзы, 2023). Китайцам характерна социальная направленность, подчеркнутое отношение к интеграции и гармонии, ориентация на семью, отношения, авторитет.

По мнению Ян Чжунфана, «китайцы придают значение не только движущей силе личного поведения, но и инструменту достижения идеального общества» (Чжу Жуйшуан, 2015). Ян Чжунфан считает, что понятие «сам» китайской системы ценностей отличается от такого же понятия в западной культуре. Понятие «сам» Запада подразумевает под собой отдельную личность, тогда как «сам» китайцев подразумевает «совокупность своего и общественного преодоления пути». Таким образом, понятие «сам» у китайцев может быть расширено до уровня семьи, родственников, друзей и даже рода. С этой точки зрения, китайцы обладают социально направленной ориентацией отношений или ситуационной ориентацией.

Как отмечают авторы проекта «Незападные ТМО», именно в Китае формируется одна из самых сильных незападных школ. Ее дальнейшее укрепление имеет важное значение для дальнейшего развития китайского глобального лидерства, а также выработки новых инструментов анализа международных отношений в условиях текущих изменений мирового порядка.

Отдельно рассмотрим, как исторически складывались отношения Россия — Китай — Запад, так как во многом корни являются определяющими современное положение вещей, а также дают аналитическую базу для прогнозирования событий.

Начиная с XVII века китайские власти отмечали растущее число европейских торговцев на юго-восточном побережье Китая. Пункты въезда в Китай и маршруты в столицу для иностранных представителей жестко регламентировались. Доступ на китайский рынок ограничивался строго контролируемой сезонной торговлей в Гуанчжоу (в те времена известном как Кантон). Каждую зиму иностранным купцам следовало отплывать на родину. Им не разрешалось вести бизнес в других местах Китая. Принятие китайского миропорядка было особенно неприемлемо для Британии. Такие понятия, как свободная торговля, постоянные посольства и суверенное равенство — сложившийся к тому времени минимум прав для европейцев почти во всех других уголках земли, — были новостью в Китае. Впервые за всю свою историю Китай столкнулся с «варварами», предлагавшими заменить китаецентристскую систему мировоззрений совершенно новым

взглядом на мировой порядок: ведение свободной торговли, а не уплата дани, размещение посольств в китайской столице и обмен дипломатическими миссиями. Будучи лидирующей торговой и морской державой Запада, Великобритания выражала возмущение по поводу предназначенного ей места в мироустройстве Срединного государства, чья армия, как отмечали англичане, все еще преимущественно использовала лук и стрелы, и чей флот практически прекратил свое существование. Английские торговцы отвергали все увеличивающееся количество случаев «шантажа», применяемого уполномоченными китайскими купцами, через которых в соответствии с китайскими правилами должна была вестись вся западная торговля. Они старались получить доступ в другие части Китая за пределами юго-восточного побережья.

Первой серьезной попыткой Англии исправить ситуацию стала миссия в Китай лорда Джорджа Маккартни в 1793–1794 годах. Британский посланник планировал, что китайцы признают свою безнадежную отсталость от прогресса технологической цивилизации и постараются установить особые отношения с Англией, рассчитывая свою отсталость преодолеть — воспитанная на конфуцианстве бюрократия ничего не знала об основных элементах индустриализации: паровом двигателе, кредитах и капиталах, частной собственности, общем образовании. Европейские технические чудеса не произвели впечатления на тех, кому он их передал. Император отправил королю Георгу письмо, отмечая следующее: «Диковинные и дорогие предметы меня не интересуют. Если Я и отдал распоряжение принять дань, отправленную тобой, то только из уважения к твоему желанию, которое побудило тебя послать их из такой дали… Как твой посол мог убедиться, у нас есть все». У Англии не было ничего, что Китаю было бы нужно, а Китай уже дал Англии все, что позволяли его божественные правила. Двор Небесного императора уже оказал англичанам большую честь, разрешив им «свободно торговать с Китаем в течение большей части года»; все свыше этого «полностью нерационально». Влиятельные западные промышленные державы не собирались долго мириться с таким дипломатическим механизмом, на основании которого их называли платящими «дань» «варварами» или жестко регламентировали сезонную торговлю в одном-единственном порту Китая (Киссинджер, 2017).

Единственным неафишируемым исключением являлась Россия. Быстрое продвижение последней на восток (владения царя соприкасались с территориями цинов в Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии) выдвинуло ее на уникальные позиции, дающие возможность угрожать Китаю. Цинская династия разрешила Москве в 1715 году открыть миссию Русской православной церкви в Пекине; в конечном счете она де-факто стала играть роль посольства, будучи единственным иностранным представительством в Китае на протяжении почти столетия (Киссинджер, 2017).

Российские источники (Неизвестный Китай..., 2017; История Посольства..., 2024) также подтверждают, что из-за отсутствия дипломатических отношений между обоими государствами служители миссии в течение длительного времени являлись неофициальными представителями российского правительства в Китае. Кроме того, Русская духовная миссия внесла огромный вклад в научное изучение Китая и воспитала целую плеяду известных русских синологов.

Первые контакты России и Китая начались в XVII веке и были связаны с освоением Россией Восточной Сибири. В этот период произошло несколько приграничных вооруженных конфликтов, самым значительным из которых было взятие китайской армией русской крепости Албазин на реке Амур в 1685 г. Захваченные при этом в плен 45 казаков были переселены в Пекин и положили начало многолетнему присутствию русских в Китае. Хотя китайцы и называли всех этих людей русскими, среди них, вероятно, оказались также крещеные буряты, калмыки и потомки от смешанных браков.

Албазинцев компактно поселили во Внутреннем городе у ворот Дунчжимэнь. Они были причислены китайским императором Канси к почетному военному сословию, которое занимало высокое положение в сословной иерархии Древнего Китая, и зачислены с хорошим жалованием в «русскую роту» желтого с каймой знамени императорской гвардии. Пленные албазинцы наравне с другими солдатами получили казенные квартиры, деньги на обзаведение хозяйством,

наделы пахотной земли, а холостые получили в жены китаянок. Для богослужения русским была передана во владение буддийская кумирня Гуаньдимяо (Бога войны), которую священник Максим Леонтьев — первый православный священник на китайской земле — обратил в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Там вплоть до 1695 года он совершал богослужения, обслуживая духовные нужды своей паствы.

Указ Петра I от 18 июня 1700 года поставил вопрос о создании духовной миссии в Пекине. Это было первое распоряжение правительства, в котором говорилось об организации миссии и где подчеркивалась необходимость изучения российскими подданными местных языков, обычаев и культуры, что отвечало политическим и торговым интересам России в Китае. Изначально Русская духовная миссия в Пекине должна была стать центром не только православия, но также исследований Китая русскими учеными. Руководителями духовных миссий старались назначать образованных людей из числа духовенства, способных отправлять не только церковные службы, но и заниматься научной работой. Выдающимся русским синологом, первым, чьи труды в области китаеведения получили международное признание, стал Никита Бичурин, в монашестве отец Иакинф. Его труды переводились на европейские языки, и в 1828 году он был избран членом-корреспондентом РАН. Его труды были также признаны Парижским азиатским обществом. Описание Пекина, составленное начальником девятой миссии архимандритом Иакинфом (Бичуриным), по существу легло в основу всех последующих европейских путеводителей по столице Китая.

Ситуация с представительствами в Китае изменилась под силовым натиском. Англия выдвинула настойчивое требование неограниченного ввоза опиума в Китай. Началась опиумная война. Китай расценил перспективы британской агрессии как пустые угрозы, однако впоследствии признал, что не может соревноваться с англичанами по огневой мощи на море и пришел к пониманию своей уязвимости. Результатом стало подписание двух договоров: Нанкинского договора и дополнительного Боугского договора. Предусматривалась выплата Китаем контрибуции в размере 6 млн долларов США, уступка Гонконга и открытие пяти прибрежных «договорных портов», где Западу разрешалось устраивать поселения и вести торговлю. Договором успешно демонтировалась «Кантонская система», при помощи которой китайский двор регулировал торговлю с Западом и ограничивал ее ведение только группой торговцев, наделенных специальной лицензией. Нинбо, Шанхай, Сямэнь и Фучжоу дополнительно включили в список договорных портов. Англичане обеспечили себе право устанавливать постоянные представительства в портовых городах и вести прямые переговоры с местными властями, минуя двор в Пекине.

Англичане также приобрели право осуществлять юрисдикцию над своими соотечественниками, проживающими в китайских договорных портах. На практике это означало, что иностранные торговцы опиумом подпадали под действие законов и правил своих собственных стран, а не китайских. Этот принцип «экстерриториальности», в то время входящий в число ряда других, менее противоречивых положений договора, в будущем стали рассматривать как главное нарушение китайского суверенитета.

За каждой китайской уступкой выдвигалось дополнительное западное требование. Договоры, изначально задумывавшиеся для получения временных концессий, превратились в итоге в процесс, в результате которого цинский двор терял контроль над большей частью торговой и внешней политики Китая. Вслед за британским договором президент США Джон Тайлер направил миссию в Китай, планируя получить такие же точно уступки и для американцев, положив тем самым начало политики, ставшей впоследствии известной как «политика открытых дверей». Французы провели переговоры и заключили свой договор на аналогичных условиях. Каждая из этих стран, в свою очередь, включала пункт о «наиболее благоприятствуемой нации», из чего следовало, что любая уступка, оказанная Китаем другой стране, должна также предоставляться и подписавшей данный договор стороне.

Европейские агрессоры, оценивая себя как более продвинутые общества, ставили своей целью эксплуатацию Китая для получения экономических выгод. Небесный двор пришел к пониманию военной слабости Китая, однако не видел подходящих способов решения вопроса. Китай, оказавшись между двумя эрами и двумя

различными концепциями международных отношений, стремился обрести свою новую сущность и более всего хотел примирить обозначавшие его величие ценности с техникой и торговлей, на основе которых ему отныне придется строить свою безопасность.

После подписания в 1858 году серии Тяньцзиньских договоров Китая с западными странами положение российской миссии изменилось. В Пекине открылись дипломатические представительства западных государств, в том числе и России. С учреждением в столице Китая в 1861 году Российской дипломатической миссии от духовной миссии отошла ее важнейшая функция — дипломатическая, она превратилась в учреждение с исключительно религиозными (миссионерскими) функциями и перешла из ведения МИД в духовное ведомство.

Договоры справедливо непопулярны в китайской истории как первые в серии «неравноправных договоров», заключенных под давлением иностранной военной мощи. На стыке XIX–XX веков началось ихэтуаньское восстание против вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику, экономику, религиозную жизнь страны, которое было ликвидировано российской армией. Положение Китая в мире ухудшилось.

В советский период отношения России и Китая начали принимать форму поддержки Китая Россией как старшей сестрой. В 1919 году Советская Россия по доброй воле отказалась от получения остатка контрибуции. В этот же период выдающиеся китайские лидеры обучались в Москве большевизму: в 1921 году открылся специальный коминтерновский вуз — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), в котором в 1926 году обучался знаменитый реформатор Китая Дэн Сяопин. В комвузе насчитывалось тогда 1664 студента почти всех национальностей Востока, среди них более ста человек — китайцев (Панцов, 2013). В начале 1950-х годов «учиться у Советского Союза» было основным направлением корректировки ведомств (北京, 2022). При Сталине реализовывалась программа экономического строительства Китая: строительство 151 промышленного предприятия, направление 800 советских специалистов на промышленные предприятия в Китай, направление китайской молодежи в СССР на обучение, оказание научно-технической помощи и разработка технической документации. В 1950 году подписан договор о дружбе и взаимопомощи, созданы смешанные акционерные общества в области цветной металлургии, нефтепроизводства, гражданской авиации, судостроения, которые далее переходят в собственность Китая (Кулик, 2000). В 1971 году именно благодаря инициативе Советского Союза современная Китайская Народная Республика представлена в составе СБ ООН, заменив там позицию лидера Китайской Республики (Тайвань) Чана Кайши (Резолюция..., 1971).

Вместе с тем, современники интерпретируют исторический опыт неоднозначно. В частности, профессор, директор Центра изучения китайской дипломатии Жэнь Сяо, исследовав историю китайских международных отношений, отмечает (北京, 2022) влияние СССР на Китай как сдерживающее развитие; президент Нанкинского университета Чжан Болин указывает на то, что строительство Ближневосточной железной дороги рассматривалось русскими изначально не как торговый маршрут, а как магистраль для восточной агрессии и инструмент военных перевозок. В 1960-х годах начался путь к китайско-советскому расколу (Кулик, 2000). Жэнь Сяо отмечает, что в результате слепого изучения Советского Союза все общественные науки того времени проявили тенденцию к догматизму; политика Мао Цзэдуна в 1970-х годах была направлена на противодействие советскому гегемонизму; современный этап российско-китайских отношений не рассмотрен профессором, хотя современный курс характеризуется тесными российско-китайскими отношениями. Автор увязывает это с тем, что несмотря на единую внешнюю политическую линию, Китаю также присущи внутренние противоречия. Согласно исследованию Н. Н. Вавилова (Вавилов, 2022), в современном Китае имеются группы и кланы, чьи политические действия разнонаправлены («Блок Си Цзиньпина», «Сталинская группа», «Шаньдунская группа», Клан маршала Е, группа правых глобалистов и др.). Автор монографии Жэнь Сяо проходил обучение и получил опыт работы в Великобритании, Финляндии, Японии,

что могло повлиять на формирование у него проамериканских, противороссийских взглядов.

В завершение целесообразно дать комментарий относительно эпизодически приведенных исторических примеров с большими временными разрывами вплоть до последних полутора веков. Как писал в XIX веке Бичурин, Китай существует более 4000 лет в качестве империи; и между тем, как памятники существования многих сильных в древности царств давно изгладились с лица земли, сие государство с незапамятных времен доныне постоянно удерживает первоначальный свой язык и письмена, древнюю религию и обычаи, свои уложения, изменяемые по времени в маловажном, но неизменные в основании. Аббат Режис-Эварист Хюэ (Киссинджер, 2017), приводя в 1855 году отрывок из книги Франца Шурмана и Орвилла Шелла «Имперский Китай: упадок последней династии и истоки современного Китая», отмечает, что китайская цивилизация имеет такое древнее происхождение, что мы тщетно пытаемся обнаружить ее начало. Не найдено никаких следов начальной стадии становления этого народа. Эта странность характерна только для Китая. Нам привычно находить в истории стран некоторые четко обозначенные отправные точки, исторические документы, традиции, памятники прошлого, дающие нам возможность отслеживать почти шаг за шагом прогресс цивилизации, присутствовать при ее зарождении, наблюдать за ее развитием и продвижением вперед и — во многих случаях — последующим разложением и падением. Но такой подход нельзя применить к китайской цивилизации. Она, как представляется, существовала всегда в одной и той же стадии развития, что и в наши дни, и факты из древности как раз подтверждают это мнение. Таким образом, современный Китай действительно продолжает нести ту же идеологию и смыслы мирового уклада, что и на протяжении всей истории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бичурин Н. Неизвестный Китай: записки первого русского китаеведа / Предисл. Б. Виногродского. Москва, 2017. 351 с.

Вавилов Н. Н. Китайская власть. 2-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2022. 662 с.

Грачиков Е. Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Обозреватель. Март, 2015. Москва, 2015. № 3 (302). С. 34–46.

Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. М.: Вече, 2002. 400 с.

Киссинджер Г. О Китае / Пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ Publishers, 2017.

Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: Причины и последствия / Науч. ред. М. Л. Титаренко. М.: РАН, Ин-т Дальнего Востока, 2000. 640 с.

Маслов А. А. История масонов в Китае. Великий Архитектор для Поднебесной. Москва: Рипол Классик, 2024. 432 с.

Панцов А. Дэн Сяопин // Серия Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2013. 558[2] с.: ил.

Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с кит. В. В. Малявина. Москва: Издательство АСТ, 2023. 384 с.

У Чэн-энь. Путешествие на Запад: в 4 т. / Пер. с кит. и примеч. А. П. Рогачева и В. С. Колокольникова. М.: Гослитиздат, 1959.

Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / Пер. с англ. В. Ю. Шаршуковой. Москва: Эксмо, 2019. 864 с.

Цинь Ю., Чжоу Г., Ло В. Один пояс и один путь: комментарии / Пер. с кит. Л. К. Станченко. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. 279 с.

Чжу Жуйшуан. Особенности китайской картины мира // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯЗ РАН, 2015. № 1. С. 233-237.

Said Edward W. Orientalism. New York, 1978. 369 p.

中国国际关系学史 / 任晓著. – 北京： 商务印书馆, 2022. ISBN:978-7-100-20938-0

История Посольства России в Китае // Официальный сайт Посольства России в Китае / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://beijing.mid.ru/ru/embassy/istoriya_posolstva/, дата создания запроса: 10.02.2024 г.

Незападные ТМО. Единство противоположностей или новое прочтение классики? Развитие теории международных отношений в КНР // Российский совет по международным делам / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/nonwestern-china, дата создания запроса: 15.08.2024 г.

Официальный телеграм канал Михаила Емельянова по Го и стратегии / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/gostrateg8, дата создания запроса: 16.09.2023 г.

Резолюция № 2758 (XXVI) 1976-го пленарного заседания Двадцать шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 25 октября 1971 года / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf, дата создания запроса: 09.09.2024 г.

MUHAMMAD AHMED ABDEL SAMEA ALI ZEINEDDIN
TIIAME National Research University,
Tashkent, Egypt, Uzbekistan

THE CONCEPT OF RELIGIOUS COMPLEX AS A TOURIST ATTRACTION: SAMARKAND AS A CASE STUDY

Keywords: religious tourism, Samarkand, cultural heritage, pilgrimage, multi-faith tourism, sustainable tourism.
Abstract: This study examines the role of religious complexes as tourist attractions, using Samarkand, Uzbekistan, as a case study. It explores the dual nature of religious tourism: the benefits and challenges of commercialization, and the cultural and socio-economic impacts. The paper proposes strategies for sustainable tourism development, emphasizing interfaith dialogue, community engagement, and cultural heritage preservation in Samarkand's religious sites.

Kalit so'zlar: diniy turizm, Samarqand, madaniy meros, ziyorat, ko'p konfessiyali turizm, barqaror turizm.
Annotatsiya: Ushbu tadqiqotda diniy majmualarning turistik diqqatga sazovor joylar sifatidagi o'rni Samarqand (O'zbekiston) misolida o'rganilgan. Unda diniy turizmning ikki tomonlama tabiati: tijoratlashuvning foydalari va qiyinchiliklari, shuningdek, madaniy va ijtimoiy-iqtisodiy ta'sirlari tahlil qilinadi. Maqolada barqaror turizmni rivojlantirish strategiyalari taklif qilinib, Samarqandning diniy yodgorliklarida dinlararo muloqot, jamoatchilik ishtiroki va madaniy merosni saqlashga e'tibor qaratilgan.

Ключевые слова: религиозный туризм, Самарканд, культурное наследие, паломничество, многоконфессиональный туризм, устойчивый туризм.
Аннотация: В данном исследовании рассматривается роль религиозных комплексов как туристических достопримечательностей на примере Самарканда, Узбекистан. Исследуется двойственная природа религиозного туризма: преимущества и вызовы коммерциализации, а также культурное и социально-экономическое влияние. В статье предлагаются стратегии для развития устойчивого туризма, делается акцент на межконфессиональном диалоге, вовлечении местного сообщества и сохранении культурного наследия религиозных объектов Самарканда.

Introduction. The concept of a religious complex as a tourist attraction involves transforming religious sites, such as temples, churches, mosques, monasteries, or pilgrimage centers into destinations that appeal to both devotees and tourists. This phenomenon is rooted in the interplay between spiritual significance and cultural heritage, where the religious complex offers an experience that transcends mere sightseeing by combining elements of history, architecture, art, and ritual (Collins-Kreiner, 2018). Due to their historical roots and cultural depth, religious complexes are frequently positioned as key markers of identity and heritage, allowing visitors to engage with local culture and spirituality (Timothy & Olsen, 2006). These sites often embody a blend of tangible and intangible heritage, including sacred architecture, art, relics, rituals, and festivals, enriching the visitor's experience beyond the religious context (UNESCO, 2019).

Religious complexes cater to both spiritual seekers and secular tourists drawn to their aesthetic and cultural aspects (Shackley, 2001). The commercialization of these complexes can stimulate local economies by promoting the development of related infrastructure, such as accommodations, guided tours, and souvenir markets (Richards & Palmer, 2010). However, commercialization poses challenges, including potential conflicts between religious practices and tourism activities, commodification of sacred experiences, and strain on cultural and natural resources (Collins-Kreiner, 2010). To balance these aspects, many religious complexes adopt sustainable tourism practices that aim to protect the integrity of the site while allowing visitors to experience its spiritual and cultural significance (Gössling, 2017). Thus, the appeal of religious complexes as tourist attractions lies in their ability to offer a unique convergence of spirituality, history, culture, and community, fostering a deeper

understanding and appreciation of diverse beliefs and traditions (Olsen & Timothy, 2013).

Types of Religious Tourism.

Religious tourism can be broadly classified into two main types: *pilgrimage tourism* and *religious tourism with an excursion-cognitive focus.* Pilgrimage tourism involves visitors who actively participate in religious rituals, worship, and prayer, while the excursion-cognitive type involves visitors who explore holy sites without engaging in religious activities (Fakhrutdinova et al., 2017). This distinction is vital in understanding the dual nature of religious complexes like those in Samarkand, which serve both spiritual and cultural tourists, thus expanding their appeal and potential market reach.

Benefits and Challenges of Religious Tourism.

Religious complexes can attract both spiritual seekers and secular tourists interested in their aesthetic and cultural value (Shackley, 2001). The commercialization of these sites can stimulate local economies by developing related infrastructure, such as accommodations, guided tours, and souvenir markets (Richards & Palmer, 2010). In Poland, religious tourism has been successfully promoted by integrating pilgrimage activities with cultural, experiential, socio-economic, and natural elements, demonstrating a dynamic and growing sector (Rejman, 2016).

However, commercialization also poses significant challenges. These include potential conflicts between religious practices and tourism activities, commodification of sacred experiences, and strain on cultural and natural resources (Collins-Kreiner, 2010). To balance these aspects, many religious complexes adopt sustainable tourism practices to protect the site's integrity while allowing visitors to experience its spiritual and cultural significance (Gössling, 2017). For example, the Pangeran Jayakarta sanctuary in Indonesia has used religious tourism to enhance cultural resilience by promoting local culture, traditions, and values, which could be a strategy for Samarkand (Mawarni & Puspitasari, 2020).

Samarkand as a Case Study.

Samarkand, a historic city in Uzbekistan, exemplifies the concept of a religious complex as a tourist attraction. Known for its rich cultural and spiritual heritage, Samarkand houses several significant religious sites that draw in both pilgrims and tourists. Among these are the **Imam** *Bukhari Complex* and *Shahi Zinda* for Muslims; *St. Alexius Church, St. John Church*, and the *Armenian Church* for Christians; and the *Gumbuz Synagogue* for Jews. These sites highlight Samarkand's unique position as a multi-faith destination, showcasing its diverse religious history and cultural heritage.

Key Religious Sites in Samarkand.

1. *Islamic Religious Sites*

- Imam Bukhari Complex: A key pilgrimage site for Muslims, this complex honors Imam Bukhari, a renowned Islamic scholar. It serves as both a religious center and a cultural landmark, attracting visitors interested in Islamic teachings and the history of the Silk Road.
- *Shahi Zinda:* An ancient necropolis that is significant for its spiritual importance and stunning architecture, attracting both pilgrims and those interested in Islamic art and history.

2. Christian Religious Sites

- *St. Alexius Church and St. John Church:* These churches serve the Christian community in Samarkand and provide insight into the city's historical Christian presence. They also attract tourists interested in architectural heritage and religious diversity.
- *The Armenian Church:* A site of cultural and religious significance that reflects the Armenian community's historical presence in Samarkand, drawing visitors who seek to understand the city's multicultural past.

3. Jewish Religious Sites

- *Gumbuz Synagogue:* Represents the Jewish heritage in Samarkand, offering a glimpse into the city's diverse religious landscape. The synagogue serves both as a place of worship and a cultural attraction for those interested in Jewish history and culture.

Cultural Impacts of Religious Tourism in Samarkand. Transforming religious complexes into tourist attractions in Samarkand has several cultural impacts, both positive and negative. On the positive side, these sites serve as important vehicles for cultural exchange, allowing visitors to engage with local traditions, rituals, and beliefs (McKercher & du Cros, 2002). This exposure fosters cross-cultural dialogue, appreciation, and tolerance, enhancing

global awareness and respect for diverse cultural practices (Richards, 2007). Moreover, tourism can help preserve and revitalize cultural heritage by generating revenue that supports maintenance, conservation, and restoration efforts (UNESCO, 2019). Festivals, rituals, and local crafts associated with these religious complexes may also gain wider recognition, helping to sustain traditional practices that might otherwise be at risk of disappearing (Smith, 2003).

However, there are negative cultural impacts as well. The commercialization of religious sites can lead to the commodification of sacred experiences, where spiritual practices are adapted to meet tourist expectations, potentially diluting their original meanings (Shackley, 2001). This shift can result in a loss of authenticity, with religious rituals and ceremonies altered for entertainment, reducing their spiritual and cultural value (Cohen, 1988). The influx of tourists can lead to cultural clashes, particularly if visitors do not respect local customs, dress codes, or behavioral norms, causing tension between locals and tourists (Olsen, 2013). Furthermore, transforming religious sites into tourist attractions can prompt a homogenization of local culture, where unique traditions are simplified to cater to global audiences, potentially eroding the distinct cultural identity of the community (Timothy & Nyaupane, 2009).

Examples of Religious Complexes as Tourist Attractions.

1. Religious Tourism as a Societal Transformer

Religious tourism can serve as a tool for social transformation by promoting spirituality and encouraging personal reflection among visitors. According to Renata (2017), this type of tourism provides experiences that help tourists contemplate their lives and worldviews, leading to potential personal and communal transformation.

2. Development of Religious Tourism in Poland

Poland has effectively developed its religious tourism sector by promoting pilgrimage activities and transforming religious sites into tourism products. Rejman (2016) notes that Poland incorporates cultural, experiential, socio-economic, and natural elements, positioning religious tourism as a dynamic and growing sector, particularly at sites associated with figures like Pope John Paul II.

3. Impact of Religious Tourism on Local Communities

the development of religious tourism, such as at the Sunan Maulana Malik Ibrahim site in Gresik, Indonesia, has positively influenced local communities. Anwar (2017) demonstrates that these influences include social transformations, economic improvements like job creation and entrepreneurship, and infrastructure development, highlighting the multifaceted benefits of religious tourism.

4. Diversity of Religious Tourism in Jerusalem

Jerusalem exemplifies a significant religious tourism hub, attracting visitors from multiple faiths, including Christianity, Judaism, and Islam. Religious sites such as the Church of the Holy Sepulchre, the Western Wall, and the Dome of the Rock draw pilgrims seeking spiritual fulfillment, historical insights, and cultural understanding (Fakhrutdinova et al., 2017).

5. Spiritual and Cultural Experiences in Russia

Religious tourism in Russia, particularly to sites like the Diveevo Monastery and the Holy Trinity-St. Sergius Lavra, offers profound spiritual experiences and connects tourists with the cultural and historical roots of Russian Orthodoxy. This tourism type fosters national pride, spiritual education, and cultural identity, appealing to both domestic and international visitors (Fakhrutdinova et al., 2017).

6. Cairo as a Case Study: Religious Complexes as Tourist Attractions

Cairo, Egypt, serves as a prominent case study for exploring the concept of religious complexes as tourist attractions. The city features various religious complexes representing its diverse religious heritage, including Islamic, Christian, and Jewish monuments.

- *Islamic Cairo:* The historic district of Islamic Cairo is a UNESCO World Heritage Site known for its concentration of mosques, madrasas, and other religious structures dating back to the early Islamic period. Key sites include the Al-Azhar Mosque, one of the oldest universities in the world, and the Sultan Hassan Mosque, an architectural masterpiece of Mamluk architecture (Raymond, 2001).
- *Coptic Cairo:* Coptic Cairo is significant for Christianity, particularly for the Coptic

Orthodox Church, including landmarks such as the Hanging Church and the Coptic Museum (Budge, 2004).

- *Jewish Cairo:* Cairo's Jewish heritage is represented by sites like the Ben Ezra Synagogue, which serves as a museum documenting the history of the Jewish community in Cairo (Laskier, 1989).
- *Interfaith Sites:* Cairo also features interfaith sites, such as the Citadel of Saladin, illustrating the coexistence of various religious traditions (Williams, 2008).

Strategy to Promote Samarkand's Religious Complex.

1. Create a Multi-Faith Pilgrimage and Cultural Tourism Route:

- Developing a multi-faith tourism route that includes key religious sites such as the Imam Bukhari Complex, Shahi Zinda (for Muslims), St. Alexius Church, St. John Church, the Armenian Church (for Christians), and the Gumbuz Synagogue (for Jews) is crucial for fostering interfaith tourism. According to Collins-Kreiner (2018), multi-faith tourism can promote mutual understanding and respect among different religions while supporting local economies through increased visitation (Collins-Kreiner, 2018).

2. Promote Cultural Heritage Preservation through Sustainable Tourism:

- Implementing sustainable tourism practices is essential to protect the integrity of religious sites. UNESCO (2019) emphasizes that sustainable tourism management should include controlled visitor numbers, entry fees allocated for conservation, and collaborations with international bodies to ensure the long-term preservation of cultural heritage sites (UNESCO, 2019).

3. Engage the Local Community:

- Involving local communities in tourism development is key to achieving sustainable growth. Tosun (2006) argues that community involvement ensures that tourism development meets local needs and supports local economies, fostering a sense of ownership and pride in cultural heritage (Tosun, 2006).

4. Leverage Digital Platforms for Promotion:

- Utilizing digital platforms to promote cultural and religious tourism can significantly increase global awareness. Sigala (2012) highlights the role of digital marketing, virtual tours, and social media campaigns in reaching a broader audience and enhancing tourists' engagement with cultural heritage sites (Sigala, 2012).

5. Foster Interfaith and Cultural Events:

- Organizing interfaith events, workshops, and seminars can promote religious tolerance and intercultural understanding. McIntosh and Zahra (2007) suggest that such events can attract diverse visitors, encouraging dialogue and enhancing the cultural value of religious tourism destinations (McIntosh & Zahra, 2007).

6. Develop Sustainable Infrastructure:

- Developing sustainable infrastructure is critical for balancing tourism growth with environmental preservation. According to Gössling (2017), sustainable infrastructure development includes eco-friendly accommodations, renewable energy use, and efficient waste management systems, which helps to minimize tourism's ecological footprint while supporting local communities (Gössling, 2017).

7. Monitor and Adapt Tourism Practices:

- Establishing a monitoring system to assess tourism's impact on religious sites and collecting feedback is vital for adaptive management. Garrod and Fyall (2000) stress the importance of continuous monitoring and adaptation in heritage site management to ensure sustainability and enhance visitor experiences (Garrod & Fyall, 2000).

According to a study made by a researcher covering 100 participants between June 25th 2024 –July 22nd 2024 and about 22 different questions including demographic, and essential inquiries regarding creating a new route for tourism in Samarkand, Uzbekistan

As mentioned in (figure no.1),t the most popular among all sites to be visited in Samarkand, as well as the most visited according to the survey, is Registan Square by 93%, second after it is the Imam Bukhari complex by 77%, while the less known As Hazrat

Khizr is by 1%, or even none at all, also by 1% . That gives real input that the city has many less known sites not even mentioned in the survey which need to have some light sheered on it.

In Line with (Figure No.2) that Ecotourism and Adventure Trails (67%), the Historical Silk Road Path (65%), and Cultural Heritage Tours (58%) are the most suggested new tourist routes to be developed in Samarkand. Spiritual and Religious Tours also have significant interest (34%). This highlights the priority areas for tourism development based on public preference.

As found in (Figure No.3), 58% of respondents perceive the impact of tourism on their community as very positive, while 37% see it as positive. Only a small percentage have neutral, negative, or very negative views. This indicates a generally favorable attitude towards tourism within the community, suggesting strong local support for tourism development initiatives.

As outlined by (Figure No.4) that 93% of respondents believe tourism has improved local infrastructure, while only 7% do not share this view. This indicates a strong perception that tourism has positively impacted the development and enhancement of infrastructure in the community.

Conclusion: By promoting the different religious complexes in Samarkand as tourist attractions, the city has a good opportunity to enhance cultural tourism, encouraging the improvement of the infrastructure of the city in order to attract more visitors. At the same time, it'd give a good chance to shed some light on the history and culture of the city, as well as promote the preservation of the city's cultural heritage . Looking into other examples ofr other experiences somehow similar to Samarkand gives Samarkand has a good chance to make its own marketing strategies and integrate the local community.

REFERENCES:

Anwar, M. F. (2017). Analysis of the impact of the development of the Sunan Maulana Malik Ibrahim religious tourism on the social and economic life of surrounding communities. Jurnal Administrasi Bisnis (JAB), 44(1).

Budge, E. A. W. (2004). The churches and monasteries of Egypt and some neighboring countries. Gorgias Press.

Cohen, E. (1988). Authenticity and commoditization in tourism. Annals of Tourism Research, 15(3), 371-386.

Collins-Kreiner, N. (2010). The geography of pilgrimage and tourism: Transformations and implications for applied geography. Applied Geography, 30(1), 153-164.

Collins-Kreiner, N. (2018). Pilgrimage-Tourism: Common themes in different religions. International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage, 6(1), 3-12.

Fakhrutdinova, L. R., Eidelman, B. M., Bunakov, O. A., Gabdrakhmanov, N. K., & Grigorieva, E. V. (2017). Religious tourism in the tourism system. Revista San Gregorio, 20(96-103).

Gössling, S. (2017). Transforming tourism in a changing climate. Journal of Sustainable Tourism, 25(1), 1-17.

Laskier, M. M. (1989). The Jews of Egypt, 1920-1970: In the midst of Zionism, anti-Semitism, and the Middle East conflict. NYU Press.

McKercher, B., & du Cros, H. (2002). Cultural tourism: The partnership between tourism and cultural heritage management. Haworth Press.

Olsen, D. H., & Timothy, D. J. (2013). Tourism, religion, and spiritual journeys. Routledge.

Raymond, A. (2001). Cairo: City of history. American University in Cairo Press.

Rejman, J. (2016). Religious tourism as a tourism product. International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage, 4(2).

Renata, L. (2017). Religious tourism-from a tourism product to an agent of societal transformation. Tourism Management Perspectives, 23(1), 161-172.

Richards, G. (2007). Cultural tourism: Global and local perspectives. Haworth Press.

Richards, G., & Palmer, R. (2010). Eventful cities: Cultural management and urban revitalisation. Butterworth-Heinemann.

Shackley, M. (2001). Managing sacred sites: Service provision and visitor experience. Continuum.

Smith, V. L. (2003). Hosts and guests revisited: Tourism issues of the 21st century. Cognizant Communication Corporation.

Timothy, D. J., & Nyaupane, G. P. (2009). Cultural heritage and tourism in the developing world: A regional perspective. Routledge.

Timothy, D. J., & Olsen, D. H. (2006). Tourism, religion and spiritual journeys. Routledge.

Tosun, C. (2006). Expected nature of community participation in tourism development. Tourism Management, 27(3), 493-504.

UNESCO. (2019). World Heritage and Sustainable Tourism Programme. Retrieved from https://whc.unesco.org/en/tourism/.

Williams, C. (2008). Islamic monuments in Cairo: The practical guide. American University in Cairo Press.

ДЖУМАМЕДИЛЬ ИМАНКУЛОВ,
АЙГУЛЬ НАСИРДИНОВА
Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова
Бишкек, Кыргызстан

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: глобальные и локальные концепции, Шелковый путь, принципы адаптации, жизненный цикл
Аннотация: Транснациональный коридор — Шелковый путь — путь древней глобализации, трансформации идей и технологий, народов и религий, идей архитектуры, определивший агломерации раннесредневековых городов — точек экономического роста, связанных в единую цепь. Текущие глобальные цели — возврат к бережному локальному опыту строительства, переход к регенеративному методу проектирования, выявление экологичности традиционного образа жизни, учет жизненного цикла объекта, новые принципы адаптации территорий ценностей — новый Шелковый путь, к глобализации через выявление и сохранение локального опыта.

Kalit so'zlar: global va mahalliy konsepsiyalar, Ipak yo'li, moslashuv tamoyillari, hayotiy sikl
Annotatsiya: Transmilliy yo'lak — Ipak yo'li — qadimiy globallashuv, g'oyalar va texnologiyalar, xalqlar va dinlar, me'moriy g'oyalarning transformatsiya yo'li bo'lib, u o'zaro bog'liq iqtisodiy o'sish nuqtalaridan iborat bo'lgan ilk o'rta asr shaharlari aglomeratsiyalarini belgilagan. Hozirgi global maqsadlar — mahalliy qurilish tajribasiga e'tiborni qaytarish, regenerativ loyihalash uslubiga o'tish, an'anaviy hayot tarzi ekologikligining ochib berilishi, ob'ektning hayotiy siklini hisobga olish va hududiy qadriyatlarning moslashuv tamoyillarini aniqlashni o'z ichiga oladi. Bu yangi Ipak yo'li globallashuvga mahalliy tajribani aniqlash va saqlash orqali erishishni nazarda tutadi.

Keywords: global and local concepts, Silk Road, adaptation principles, life cycle
Abstract: The transnational corridor — the Silk Road — was a path of ancient globalization, facilitating the exchange of ideas, technologies, peoples, religions, and architectural concepts. It defined the agglomerations of early medieval cities — economic growth points linked into a single chain. Current global objectives include returning to careful local construction practices, transitioning to regenerative design methods, emphasizing the ecological nature of traditional lifestyles, considering the life cycle of objects, and identifying principles for adapting valuable territories. The new Silk Road envisions globalization through identifying and preserving local experiences.

Введение. Как и по всей Центральной Азии, древние и средневековые города на современной территории Кыргызской Республики получили интенсивное развитие благодаря открытию *транснационального коридора* Великого шелкового пути, по трассе которого произошло расселение народов, сохранившееся до сих пор в структуре большинства современных городов, их поглотивших. Значение Шелкового пути в глобальной интеграции культур, религий, различных технологий и распространении идей, несомненно, было огромным. На современном этапе история архитектуры изучается с точки зрения возрождения ее положительного опыта для современной среды с целью использования ее устойчивых решений. Выявление их историко-культурного кода соответствует принципам контекстуальности, ресурсности, этических норм и определенных локальных концепций.

Изменения в цифровую эпоху настолько интенсивны, что нет времени на понимание и освоение знаний в архитектуре. Впервые за сотни лет наша профессия переживает стремительные изменения и огромную социальную ответственность перед будущими поколениями. Парниковые газы, вызывающие изменения климата и энергетические показатели планеты, сопровождающиеся социальными, экономическими и экологическими последствиями, начавшие необратимо менять флору и фауну и вызванные, в первую очередь, антропогенной деятельностью, закономерно и стремительно меняют концепции и стратегии архитектуры XXI века. Это актуализирует пересмотр профессиональных

стандартов, формирует новые смыслы и требует обновления подходов к деятельности, знаниям, практике и методикам сохранения памятников с учетом общемировых глобальных концепций, выдвигая на первый план локальные системы взглядов на архитектуру, обусловленные тысячелетним опытом. Проблематичность вышеизложенного не требует необходимости доказывать актуальность темы, обсуждаемой в данной статье.

Проблематика и решения. *Изменение климата* в Кыргызстане, в частности необратимое таяние ледников, согласно самым негативным сценариям экологов и геологов (Третье национальное сообщение КР к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, 2016: 274) приведет к их полному исчезновению к 2100 году. Изменение природно-климатических условий менее чем за 80 лет приведет к изменению флоры и фауны, росту техногенных рисков в населенных пунктах. Таяние ледников будет сопровождаться сначала наводнениями, а затем повышением температуры, что приведет к превращению территорий в пустыни (Насирдинова, 2021: 31–39). Сохранение памятников на фоне таких изменений требует иных, неотложных подходов к расстановке приоритетов, в том числе, что и как спасать.

В настоящее время изучение памятников истории, археологии, культуры, архитектуры, градостроительства, историко-антропогенных ландшафтов и других требует нового подхода с учетом глобальных тенденций. Кроме того, многие из них разрушаются в ходе строительства, добычи руды, сельскохозяйственной и другой антропогенной деятельности. Всего в государственном Списке памятников национального значения КР от 2002 года числятся 583 памятника местного значения, но зарегистрировано около 5000. При этом ежегодно регистрируются новые историко-археологические памятники. Из них к объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО в Tentative List (Предварительный список) и список объектов культурного и природного наследия причислено 7 объектов. Это гора Сулайман-Тоо в Оше с комплексом разнотипных памятников от эпохи бронзы до современности. Три средневековых городища (руины городов) Ак-Бешим (Суяб), Бурана (Баласагун), Красная Речка (Невакет) как часть серийной транснациональной номинации по Шелковому пути, а также заповедники Беш-Арал, Сары-Челек и Падыша-Ата в формате серийной трансграничной номинации по Западному Тянь-Шаню.

Большинство памятников, которые чаще имеют руинизированный, холмообразный внешний вид, нуждаются в изучении и определении их роли для современной архитектурной среды. Без определения их исторической ценности и востребованности использования в современной среде памятники будут постепенно разрушаться. В таких случаях необходимо находить архитектурно-градостроительный потенциал территорий ценностей и адаптировать их к современной среде в привлекательных, самодостаточных качествах, с определенным уровнем капитализации. Мы предлагаем и экспериментируем с такими векторами развития в контексте глобальных приоритетов и локальных особенностей сохранения и использования (Насирдинова, Иманкулов, Алшоразов, 2024: 56-60). Например, соединение древних городов на Великом шелковом пути в сеть с развитыми зелеными зонами. Восстановление древних типов садов (по сути, посадка деревьев), сохранение микрофауны, флоры, уважение к другим формам жизни является международной стратегией преодоления природных и климатических изменений, сохранения планеты. В этом качестве сады на Великом шелковом пути, их исторический контекст можно воссоздать для современности как туристические объекты и тропы, а также предложить как проект, имеющий экологический потенциал.

Исторические антропогенные сады в азиатской части стран бывшего СССР малоизучены и практически не представлены в истории архитектуры. Однако в исторических текстах говорится о городах-садах, оазисах, парках, различных сельскохозяйственных типах антропогенных ландшафтов, которые также мало изучены. Сегодня современные направления в архитектуре, такие как биомиметика, биоурбанизм, биотех и т. д. изучают окружающую среду, флору и фауну, городских насекомых, исчезновение которых равнозначно исчезновению различных форм жизни — цепи, входящей в большой цикл жизни. Разумеется, архитектор не может участвовать в их разрушении, в этом смысле необходимы методы восстановительного (регенеративного) проектирования, сохраняющие, а не наносящие вреда природе и будущим поколениям.

Одним из таких методов проектирования являются подбор строительных материалов из возобновляемых источников, применение ресурсосберегающих зеленых технологий. Именно с этой целью более глубоко изучается история народной архитектуры, локальные концепции освоения жизненного пространства, культурно-кодовая идентификация памятников, которые с наступлением XX века оказались в законсервированном состоянии, не развиваясь на фоне общемировых тенденций промышленного роста, производства «городов

— каменных джунглей» и интенсивного развития общества потребления. Но локальные концепции стали играть существенную роль как история тысячелетнего опыта адаптированного строительства, по сути, народный способ климатически нейтрального проектирования.

Указанные традиции сложились с древнейших времен, и мы считаем, что двойной и тройной ряд крепостных стен вокруг цитадели, шахристана, кварталов и рабатов обеспечивал своеобразный климат-контроль в городе, особенно в сложных природных условиях. Стеновые конструкции, такие как комбинированная пахса с кирпичным заполнением, известны примерно 3000 лет со времени датировки Дальверзин-тепе. Пахса до сих пор используется в основном в сельских местностях и городах, и этот способ строительства не наносит вреда окружающей среде. Подобные примеры можно привести в большом количестве.

В этом отношении интересен опыт Китая по созданию организации обслуживания и формирования объектов инфраструктуры для посетителей достопримечательностей, а также по достижениям в популяризации культурного наследия. Например, на огромной территории городища Гаочан, наряду с экспозицией памятников археологии, постоянно продолжаются работы по консервации и благоустройству. Большое количество туристов не влияет отрицательно на сохранность памятников в результате высокой организации обслуживания и наличия всех необходимых объектов инфраструктуры. Все без исключения объекты всемирного наследия ЮНЕСКО в Китае популярны среди населения и туристов посредством издаваемой на высоком полиграфическом уровне книжно-журнальной продукции и освещения их в средствах массовой информации.

На памятниках Кыргызстана также начинает внедряться принцип привлечения местного населения к благоустройству, обслуживанию и популяризации наследия, что имеет большое значение в охранной деятельности в этой сфере. Основная задача видится в активном участии общества в сохранении культурного наследия и его интеграции в социальную и экономическую жизнь территории, т. н. «витализация» (Иманкулов, 2018: 31–39).

Проблемы изменения климата по прогнозам могут привести к большой миграции населения в результате опустынивания, нехватки продовольствия, воды и т. д. и будут иметь не только социальные, политические и экономические, но и культурные и религиозные оппозиции. В мире такие ситуации происходят интенсивнее, чем мы могли бы ожидать. Конфликты стали заметной частью повседневной жизни и требуют внимания. Непонимание при строительстве Вавилонской башни из-за разницы языков и культур можно было бы превентивно разрешить через изучение древних памятников и туризм. История показывает, что толерантность и преемственность новой и старой архитектуры всех конфессий — самое ценное в истории средневековых городов, отмеченное практически всеми исследователями, историками и археологами.

Удивительно, но факт, что в большинстве случаев храмы разных религий не разрушались и не уничтожались, а толерантно сохранялись в городах. Сам город уже представлял собой место синтеза разных культур, народов и религий, развивавшихся через глобальную торговую сеть — Великий шелковый путь. Толерантность была нужна торговцам, миссионерам, мигрирующим народам, иногда спасающим религии, которые подвергались гонениям. Например, в Невакете (Красная речка, Кыргызстан) археологи находят храмы зороастрийцев, христиан, тюрков, сиро-несторианской митрополии, буддийские комплексы, жилые постройки мусульманского периода, и город по каким-то причинам был терпим ко всем конфессиям и соседству.

П. Франкопан отмечает, что в те века «… интеллектуальные центры мира, «Оксфорды» и «Кембриджи», «Гарварды» и «Йели» прошлого… находились не в Европе и на Западе, а в Багдаде и Балхе, Бухаре и Самарканде» (Франкопан, 2015: 4). Кроме того, исследователи давно именуют Среднюю Азию «страна 1000 городов» (Лавров, 1950). Подобные примеры можно легко найти на страницах истории. Это свидетельствует о том, что у нас есть огромный потенциал для реновраций, реставраций и методологических подходов, связывающих глобальные идеи с лучшими локальными концепциями урбанизации и архитектуры. Памятники, прошедшие сквозь время, являются территориями ценностей также для формирования новых ценностей, которые могут быть объединены посредством сети памятников стран как садов, с одной стороны, и как вклада в восстановление зеленой планеты — с другой.

Второй архиважной проблемой мы считаем реконструкцию ремесленных производств, привлекательных для современной среды. Этот подход, как и первый, важен в разных аспектах, так как имеет многочисленные пересечения с архитектурой и культурой сохранения, и как международное направление экологического подхода, выпуска экопродукции, восстановления уникальных ремесел и, не в последнюю очередь, поддерживает цели продовольственной безопасности, разумного использования территорий и многие другие инновационные

приоритеты. Историки и археологи все чаще обращают внимание и находят различные древние технологии, которые сегодня можно назвать зелеными технологиями. Они могут стать привлекательными продуктами через сеть древних и средневековых городов стран Центральной Азии, связанных общей целью интеграции и сохранения идентичности для показа и совместного образования всех желающих. Так, в большинстве наших стран сохранились древние технологии обработки материалов, такие как производство войлока, шелка, музыкальных инструментов, украшений, керамики, выращивание риса, винограда или изготовление строительных и отделочных материалов и т. д.

Для реализации эти идеи можно объединить с крупными проектами, поддерживаемыми международными организациями по традиционным темам научных исследований. Например, для открытия нового зеленого Шелкового пути, через выявление и сохранение местного опыта, в концепции городского планирования, как воссоздание логистических центров между транснациональными коридорами, — реконструкция караван-сараев, которые сохранились на этих путях в разрушенном состоянии. Памятники должны быть адаптированы к духу исторического места, что повышает их ценность. Посетить их придут многочисленные туристы, школьники и исследователи из разных стран. Чтобы сложить новый или обновленный Шелковый путь, нужны идеи, слагающие новые легенды на основе исторической реконструкции, которые сохраняют памятники лучше, чем простое ограждение заборами. Это общеизвестный факт, реализация которого, вероятно, требует региональных усилий стран, некогда территориально объединенных на Шелковом пути, например, государства Караханидов (Иманкулов, 2014: 347), государств и городов Давани (Ферганы), Кушан, кочевых государств и многих других.

Глобальные достижения в области науки и техники, глобализация через цифровизацию, сеть, технологии, ИИ (Насирдинова, 2022: 100–103), думается, значительно продвинут открытия в области археологии и истории, которые архитекторам открывают широкие возможности воссоздать образы городов, реконструировать и показать их различными техническими способами. Открытия Каракорума учеными из Кембриджского университета с использованием новых технологий предоставляют информативную карту следов планирования города (Ян Бемманн, Sven Linzen, Сюзанна Райхерти Lkh. Мункбаяр, 2021). Сочетание магнитных и топографических съемок позволило повысить детализацию генерального плана города, что открывает новые возможности для изучения объекта. Топографическая карта столицы Монгольской империи Каракорума показывает городские стены, ворота, улицы, густо застроенный центр, характер городской застройки, планировочную структуру города, а это, по мнению авторов, 40 % города.

История городского развития с новыми открытиями может существенно скорректировать как хронологию, так и сведения о социально-экономической инфраструктуре городов, которые ранее были малоизучены. С каждым новым открытием городов или мест с использованием цифровых изображений или инструментов для раскопок знания расширяются, что очень важно и для новых архитектурных реконструкций. К их числу относятся новые сенсационные открытия археологов эпохи позднего неолита, 4000-летней давности, в китайском городище Пинлянтай, которые меняют отношение к древним сообществам (Chunxia Li, Yanpeng Cao, Chi Zhang, Ling Qin и др. 2023). В Пинлянтай были найдены *древнейшие одно-* и *двухярусные керамические дренажные системы*, которые в условиях муссонного климата регулировали ливневые и селевые потоки в селении. Это открытие отменяет сложившиеся концепции, по которым только в элитарном, а не в эгалитарном обществе создаются сложнейшие инженерные сооружения.

Планировочная структура городища Пинлянтай имела квадратную форму и была окружена глинобитными стенами с дорогой к центральному входу по линии север-юг, а сам жилой массив имел линейную структуру с длинными жилыми домами, разделенными на однотипные ячейки. Пространственно-планировочная структура поселения Пинлянтай свидетельствует о том, что такая планировка, появившаяся позднее во многих древних городах, не является самой ранней, поскольку возникла еще в раннем неолите, и Пинлянтай тому доказательство. Данный факт меняет взгляд на историю техники, а также дополняет страницы истории градостроительства.

Будущее поколение архитекторов обязательно будет использовать цифровую архитектуру, реконструкцию исторических объектов посредством 3D-визуализации, создавать голографические шоу посредством дронов. Все это может быть применено на туристических маршрутах по Шелковому пути в ближайшем будущем. Цифровая, виртуальная и визуальная архитектура дает новые возможности реставрации как искусство, которое помогает информировать, повышать оценку исторической картины ценностей, прикоснуться к истории прошлого, а также в определенной степени способствует формированию новых ценностей.

Третья проблема касается концепции жизненного цикла. В настоящее время в мире нет более глобальной концепции, чем «устойчивое развитие», которая затронула все сферы деятельности и требует корректировки в инновационных целях. В этом контексте отметим вторую глобальную концепцию цикличности — жизненный цикл. Начиная с проектирования и планирования, во время эксплуатации, реставрации, реконструкции и окончания жизненного цикла объекта необходимо показывать расчет нулевых выбросов или стремиться к ним. Недостаточно построить объект или город, необходимо также, чтобы в конце жизненного цикла не было мусора, загрязняющего планету. На эту цель направлено 3D-печатное строительство поселений, которые производят нулевые отходы. Поэтому ведущие архитекторы мира призывают к переосмыслению традиционных методов разработки в пользу регенеративных методов проектирования, строительства и эксплуатации, что требуется в целях безотходного строительства.

Вывод. На планете Земля не может быть столько отходов, чтобы их невозможно было переработать, что влияет на экологию и климатические изменения. Научные исследования в этой области приобретают междисциплинарный вектор развития, связывая различные направления в целях устойчивого развития. На этом фоне все большую актуальность приобретают именно народные методы, локальные концепции — тысячелетний способ строительства, который не загрязнял окружающую среду и не угрожал жизни планеты.

Таким образом сохранение и изучение памятников также может рассматриваться в целях сохранения жизни на планете.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Earliest ceramic drainage system and the formation of hydro-sociality in monsoonal East Asia (Древнейшая керамическая дренажная система и формирование гидросоциальности в муссонной Восточной Азии) // Nature Water, DOI:10.1038/s44221-023-00114-4, Лицензия: CC HA 4.0, Коллектив авторов: Chunxia Li, Yanpeng Cao, Chi Zhang, Ling Qin, Zhenhua Deng, Yan Chen, Shuzheng Zhu, Wei Li, Junping Yuan, Hai Zhang & Yijie Zhuang. Электронный ресурс URL: https://www.researchgate.net/publication/373121639_Earliest_ceramic_drainage_system_and_the_formation_of_hydro-sociality_in_monsoonal_East_Asia (дата обращения: 30.09.2023). ПДФ формат скачивания: file:///D:/Profiles/Downloads/s44221-023-00114-4.pdf. (дата обращения: 30.09.2023).

Иманкулов Д. Д. Транснациональная серийная номинация «Шелковый путь: сеть маршрутов Чаньань-Тяньшанского коридора» как пример интеграции специалистов Китая, Казахстана и Кыргызстана» // Наследие и современность. 2018. № 1 (21). С. 31–39.

Иманкулов Д. Д. Архитектура Туркестана в эпоху Караханидов // Д. Д. Иманкулов, К. Конокбаев. Анкара, 2014. 347 с.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. Гос. издательство архитектуры и градостроительства / В. А. Лавров. М., 1950.

Nasirdinova A. To the question of the necessity of creating a national project to prepare, cities for adaptation in the conditions of climate change Central Asias Affairs. 2021. Т. 82. № 2. С. 31–39.

Насирдинова А. Реконструкция исчезнувших городов / Reconstruction of vanished cities / А. Насирдинова, Дж. Иманкулов, Д. Алшоразов // Проект Байкал. 2024. Т. 21. № 79 С. 56–60.

Насирдинова А. Глокализации цифровых кочевников / А. Насирдинова // Проект Байкал. 2022. Т. 19. № 71. С. 100–103. DOI 10.51461/projectbaikal.71.1947. – EDN ABOSFS.

Третье национальное сообщение Кыргызской Республики к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Бишкек: ОсОО «Эль Элион», 2016. 274 с. Электронный ресурс: [http://unfccc.int/national_reports/ nonannex_i_natcom/submitted_natcom/items/653.php], ссылка на 2-й электронный ресурс: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/NC3_Kyrgyzstan_English_24Jan2017.pdf.

Франкопан П. Шёлковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / П. Франкопан; пер. В. Шаршукова. М.: Эксмо, 2015. 410 р. – ISBN 978-5-699-95706-4. Электронные ресурсы URL: https://www.litres.ru/book/piter-frankopan/shelkovyy-put-doroga-tkaney-rabov-idey-i-religiy-27626833/. (дата обращения: 30.08.2023). Перевод на русский язык, URL: https://knizhnik.org/piter-frankopan/shelkovyj-put-doroga-tkanej-rabov-idej-i-religij, (дата обращения: 30.08.2023). Онлайн чтение URL: https://librebook.me/the_silk_roads__a_new_history_of_the_world, (дата обращения: 30.08.2023).

Ян Бемманн, Sven Linzen, Сюзанна Райхерти Lkh. Мункбаяр. Картографирование Каракорума, столицы Монгольской империи. Опубликовано онлайн-издательством Cambridge University Press: 04 ноября 2021 года. электронный ресурс: https://www.cambridge.org/core/journals/antiquity/article/mapping-karakorum-the-capital-of-the-mongol-empire/6E86EC9807E3354074D101D1AA15056F. (дата обращения: 23.11.2023).

САЙЁРА ИСМАИЛОВА
Научно-исследовательский институт изучения проблем объектов культурного наследия и развития туризма
Ташкент, Узбекистан

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ УЗБЕКИСТАНА И ДРУГИХ СТРАН ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ

Ключевые слова: маркетинговые стратегии, цифровой маркетинг, программный маркетинг, электронная торговля, реклама, Интернет-связи.
Аннотация: В данной статье рассматривается актуальность развития рынка туристической индустрии Узбекистана и других стран-участниц Шелкового пути на основе цифровых маркетинговых стратегий. Изучаются подходы туристических компаний на рынке онлайн-путешествий. Глобальное проникновение интернет-ресурсов повлекло изменения в регулировании бизнес-процессов, что верно и для всех стран-участниц Шелкового пути. Это подчеркивает актуальность и необходимость интеграции с цифровыми маркетинговыми сетями для развития бизнеса, получения большего дохода, повышения благосостояния предпринимателей и экономики страны в целом. Рынок туристических услуг переживает век цифровизации, маркетинговые стратегии адаптируются под цифровые площадки.

Kalit so'zlar: marketing strategiyalari, raqamli marketing, dasturiy marketing, elektron tijorat, reklama, Internet-aloqalari.
Annotatsiya: Ushbu maqolada Ipak yo'li ishtirokchi davlatlari, jumladan O'zbekiston turizm industriyasi bozorini raqamli marketing strategiyalari asosida rivojlantirishning dolzarbligi ko'rib chiqiladi. Onlayn sayohat bozori ishtirokchilarining yondashuvlari o'rganiladi. Internet resurslarining global kirib borishi biznes jarayonlarini boshqarishga ta'sir ko'rsatdi, bu Ipak yo'li ishtirokchi davlatlariga ham tegishli. Raqamli marketing tarmoqlariga integratsiyaning ahamiyati biznesni rivojlantirish, daromadni oshirish, tadbirkorlar va mamlakat iqtisodiy farovonligini yaxshilash uchun qaratilgan. Turistik xizmatlar bozori - raqamlashtirish davrini boshdan kechirmoqda, marketing strategiyalari raqamli maydonlarga moslashmoqda.

Keywords: marketing strategies, digital marketing, programmatic marketing, e-commerce, advertising, internet communications.
Abstract: This article explores the relevance of developing the tourism industry market in Uzbekistan and other Silk Road countries through digital marketing strategies. It examines the approaches of travel companies in the online travel market. The global penetration of internet resources has affected business process management, which applies to all Silk Road countries. This emphasizes the importance and necessity of integrating into digital marketing networks to develop businesses, increase revenues, and enhance the well-being of entrepreneurs and the country's economy. The tourism services market is undergoing digitalization, with marketing strategies adapting to digital platforms.

Введение. Сегодня рынок туристической индустрии переживает бум благодаря развитию информационных технологий, диджитализации всей системы оказания услуг, а главное — реализации цифровых маркетинговых стратегий. Реклама по ТВ и в печатных изданиях уходит в прошлое, в развитых странах её постепенно вытесняют интернет и социальные сети, где люди получают информацию о местах и событиях, делятся впечатлениями и опытом. Развитие и внедрение цифровых маркетинговых стратегий привлекли новый поток туризма в страны Шелкового пути как из-за рубежа, так и внутри стран.

Обзор литературы. В последние годы появляется немало исследований, посвященных изучению цифрового маркетинга в сфере туризма, специалисты все чаще углубляются в эту тему по мере развития информационных технологий и изменения рынка туристических услуг. Ученые в странах Шелкового пути заинтересованы в выведении туристического потока на принципиально новый уровень, в чем им поможет цифровой

маркетинг. Такие ученые, как А. М. Тамаева и М. М. Хираджигаджиева в своих работах рассматривают маркетинг как важнейший инструмент продвижения товаров и услуг, который перешел в наиболее совершенную форму: цифровой маркетинг. Развитие цифрового маркетинга влияет на все сферы экономики страны (Тамаева, Хираджигаджиева, 2022).

Рассматривая перспективы функционирования организаций сферы туристических услуг, можно отметить, что компании, желающие удержаться на данном рынке и преуспеть, будут вынуждены перестраивать свои технологии работы с клиентами и переходить с традиционных форм маркетинга на цифровой. С начала пандемии закрытие популярных направлений и целых стран для выездного туризма вызвало сдвиг интереса путешественников в сторону внутреннего туризма, что открывает новые возможности для его развития. Создание соответствующих условий с использованием цифрового маркетинга позволит увеличить количество путешественников внутри страны.

Целесообразность использования цифрового маркетинга, или, как его еще принято называть, диджитал-маркетинга, совершенно очевидна. В условиях тотальной конкуренции на мировом потребительском рынке и необходимости внедрения наиболее совершенных методов и систем предложения продуктов воспроизводства в нашу жизнедеятельность, эти методы должны быть свежими и эффективными, должны давать возможность потребителю оценить качество востребованных товаров и услуг еще в момент первичного знакомства с ними. Перспективы и возможности инструментов, создаваемых цифровой экономикой, велики во всех сферах производства, но особенно это касается сферы туризма.

В настоящее время ряд авторов придерживается мнения, что в современных условиях высокой конкуренции на международном рынке туристских услуг определяющим фактором обеспечения эффективного развития туризма в Узбекистане выступают нововведения. Однако большинство исследователей рассматривают их применение исключительно в области использования информационных технологий для туристской отрасли.

Анализ и результаты. Актуальность статьи обусловлена тем, что глобальное проникновение интернет-ресурсов повлекло за собой изменения в регулировании бизнес-процессов, что верно и для всех стран-участниц Шелкового пути. Развитие бизнес-процессов без интеграции с цифровыми маркетинговыми сетями сегодня почти невозможно представить, ведь для масштабирования бизнеса необходимо быть на одной волне с потребителями товаров и услуг, которые привыкли быстро находить и приобретать эти товары и услуги через интернет. Соответственно предприниматели, освоившие продвижение через глобальную сеть, зарабатывают больше, повышая благосостояние свое и населения, вкладывая средства в еще большее развитие таких сетей. Диджитал-маркетологи, смм-специалисты, рекламодатели в сфере интернет-коммуникаций — новый слой предпринимателей, делающих большую выручку и официально отчисляющих все налоговые обязательства государству. Кроме того, они вкладываются в обучение новых специалистов.

На этой основе растет и рынок туристических услуг, переживающий пик цифровизации. Сегодня авиа- и железнодорожные билеты приобретаются онлайн, турпакеты — через социальные сети. Люди узнают и делятся друг с другом отзывами о новых маршрутах и турах, пройденных ими, в глобальной сети, повышая интерес других пользователей к потреблению туристических услуг.

Цифровизация помогает приблизить бренд к потребителю, выявляя потребительские отношения и привлекая внимание. Это существенно повлияло на продажи и количество клиентов. Если большинство клиентов взаимодействуют в социальных сетях, туристические фирмы также должны взаимодействовать в социальных сетях.

В цифровую эпоху, когда каждый человек имеет доступ к интернету, логично переключиться на цифровой маркетинг. Акцент делается на следующих факторах:

– управление репутацией: принятие решений на основе отзывов клиентов, которые оцениваются компанией и затем усваиваются;

– полная презентация услуг: потребитель изначально заинтересован типом привлечения, следующим шагом будет предоставление ему полного набора конкретной исходной поисковой информации;

– коммуникация: ключевой элемент, поскольку монолог инициированных компанией рекламных кампаний удаляется, и диалог устанавливается с помощью социальных платформ;

– узнаваемость бренда: может быть повышена через маркетинговые каналы.

Однако и растущая цифровизация приводит к серьёзным проблемам для руководителей маркетинговых служб предпринимательских структур. Они сталкиваются с растущими и быстро меняющимися рынками, которые находятся вне их контроля. Как следствие туристические фирмы осознали эти изменения и поняли, как с ними справляться.

Ученые-маркетологи последовательно утверждают, что для процветания в конкурентной бизнес-среде предприятиям крайне важно использовать продуманные маркетинговые стратегии, т. е. ориентироваться на рынок. Ориентированные на рынок компании чувствительны к потребностям своих клиентов и предпринимают активные усилия для их удовлетворения. Ориентированные на рынок компании систематически собирают информацию о своих клиентах и быстро реагируют на вызовы, выявляя любые признаки неудовлетворенности клиентов и внося соответствующие коррективы в свои стратегии. Таким образом, ориентация на рынок приводит к большей удовлетворенности клиентов, приверженности организации и обеспечивает рост эффективности бизнеса в Узбекистане так же, как и в других странах с рыночной экономикой.

Реализуя цифровой маркетинг, организации должны помнить о том, что «Главной ценностью предприятия в цифровой экономике является клиент, который становится ключевой фигурой в процессе экономической деятельности». Это правило «традиционного» маркетинга приобретает особую значимость для организаций сферы сервиса и туризма, которые могут получать стабильный доход и прибыль только в случае максимального удовлетворения запросов клиентов, так как именно здесь чем-то недовольный немедленно уходит к конкурентам.

Эта особенность данной отрасли экономики предопределяет высокую ответственность организаций сферы сервиса и туризма при реализации цифровых маркетинговых программ. Осуществляя их на основе информационных технологий, позволяющих проводить любые действия, в том числе внедряться в частную жизнь граждан, необходимо помнить о том, что ни в коем случае нельзя переходить границы дозволенного. Клиенту и фирме может быть направлена только нужная информация в нужное обеим сторонам время и место. Никаких других операций. Иначе пострадают нормы морали, могут рухнуть основы общественного устройства. Это будет уже совсем другой мир — мир машин и роботов без человека. А подобного ни в коем случае допустить нельзя. Поэтому базовые ценности человеческого общества — честность, порядочность, доброта, любовь и т. д. — должны оставаться базовыми и в обществе цифровых технологий.

Сегодня около 80% туристов по всему миру планируют свои путешествия онлайн. Турция, например, сообщила, что готова вложить существенные средства в цифровой маркетинг для своей туристической отрасли. Шри-Ланка объявила о запуске масштабного цифрового промо страны как привлекательного маршрута для туристов. Индонезия в качестве ответа на международную экспансию Airbnb при поддержке правительства запустила собственную сеть бронирования жилья, сдаваемого в аренду.

Сегодня во всем мире в сфере туризма действуют десятки технологических стартапов, которые стремятся привнести в туристическую отрасль интересные идеи.

Камбоджийская платформа CamboTicket, например, недавно получила очередной

грант. Сервис дает возможность резервировать места по электронной почте в автобусах, на паромах и даже в частных службах такси в Камбодже, Таиланде, Вьетнаме и Лаосе.

У тайского стартапа Local Alike новая концепция для локального туризма: в рамках онлайн-платформы сотрудники компании надеются объединять и консультировать местных жителей по всему миру, которым есть что предложить туристам. На развитие своей концепции Local Alike получил денежный приз от Booking.com.

Некоторые туристические стартапы стремятся найти свою нишу, сосредоточившись на каком-нибудь определенном типе туризма. Французская платформа Tripnparty дает возможность туристам находить в любой стране аутентичные бары и пабы, которые известны только местным жителям. На данной платформе представлены сведения по многим европейским городам.

Летом 2017 года на Бали прошел Startup Weekend Bali, на котором были выбраны самые интересные идеи в туристической отрасли. Судя по списку победителей, сегодня есть тенденция к удовлетворению нишевых запросов. Жюри отметило стартапы Botol Wisata и приложение Travelis, которые дают возможность туристам связаться с местными водителями и гидами на Бали.

Ну а самый амбициозный стартап изобрели в Финляндии. Сервис Space Nation задался целью ни много ни мало популяризировать космический туризм, и, в первую очередь, полеты на МКС. Кстати, один из маркетологов проекта — гениальный Питер Вестербек, который помог Rovio сделать игру AngryBirds тем, чем она является сейчас. «Как можно предоставлять доступ на МКС только определенному кругу лиц?»,— задается вопросом Вестербек.

Научная методология. В литературе по маркетингу выделяется два основных подхода к обеспечению реализации маркетинговых стратегий, ориентированных на потребителя.

Первый подход — программный маркетинг (programmatic marketing). Он

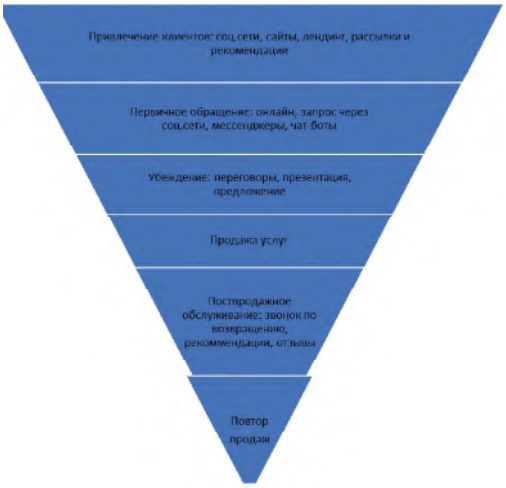


Рис. 1. Цифровая воронка продаж турагентства[1]

представляет собой метод покупки и продажи цифрового рекламного пространства в режиме реального времени с использованием автоматизированного программного обеспечения (Грудистова, 2020).

В рамках этого подхода используются образовательные программы и организационные изменения для обеспечения развития в фирмах необходимой ориентированной на рынок культуры. Второй подход — эмпирический (experiential marketing approach). В рамках этого подхода потребители имеют возможность посредством наблюдения, прослушивания и применения и т. п. познакомиться и попробовать продукцию, товары и услуги фирмы в количестве, достаточном для того, чтобы на основе эмпирических данных проанализировать полученную информацию и принять обоснованное рациональное решение о покупке либо применении продукции, товара или услуги. (Азизова, 2020: 45–54). В результате предприятия постоянно извлекают уроки из своих повседневных усилий по созданию и поддержанию высокой ценности для своих клиентов и, следовательно, постоянно развивают и адаптируют навыки, ресурсы и процедуры для удовлетворения потребностей своих клиентов. Если поведение сотрудников фирмы не соответствует качеству товаров и услуг, которое ожидают

[1] Источник: разработано автором в ходе исследования.

клиенты, то компания может их потерять (Мавланова, 2023).

Под электронным туризмом понимается не только электронная дистрибуция туристических услуг, но и электронные экскурсии, которые также называют виртуальными.

Туристические компании из разных секторов туризма объединяются с компаниями информационных технологий для своего представительства в сети Интернет. В онлайн переносятся следующие функции турфирм: выбор турпродукта или отдельных услуг, бронирование, предоплата, оплата, аннулирование, перебронирование и другие.

Для продвижения реальных туров и экскурсий, курортов и отелей, тематических парков и музеев турфирмы используют виртуальные путешествия, в которые посетитель интернет-сайта туристической компании, отеля, ресторана может отправиться с помощью компьютера или мобильного телефона, находясь в любом месте (Эргашходжаева, 2022).

Выводы и предложения. В настоящее время для получения хороших результатов продаж в сети Интернет недостаточно проведения технических работ на сайте. Сайты выбирают реальные люди, и работать приходится с ними, а не с «трафиком». Идет борьба за внимание клиентов, однако дело не только в людях, изменились и технологии. Поисковые системы стали «умнее», начинают внедряться технологии нейросетей, сегодня поисковики анализируют поведение пользователей и подстраиваются под их предпочтения. Поэтому, чтобы получить больше клиентов, нужно не выполнять требования систем или обмануть их, а заинтересовать людей, и нынешний интернет-маркетинг должен это учитывать. Персонализация и качественный контент являются одним из главных трендов развития интернет-маркетинга. Сегодня маркетинг идет по пути более узконаправленного развития. Конкурирующие компании стараются показывать свои преимущества в так называемых микромоментах. К ним относится моментальное принятие решения о покупке, стремление избежать появления проблем или быстрое их решение, желание работать без задержек, готовность к инновациям и желание пробовать что-то новое. Добавление контента и поиск целевой аудитории — это лишь малая часть того, над чем должны работать онлайн-продавцы. Помимо этого, необходимо прорабатывать и оптимизировать каждую деталь, в том числе транзакционные письма на электронную почту (например, отчет о доставке, отслеживание статуса заказа и т. п.). Основанные на поведении покупателей, такие сообщения помогут генерировать повторные продажи и улучшить взаимодействие с клиентами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Тамаева Аминат Мурадовна, Хирачигаджиева Мадина Магомедовна. Цифровой маркетинг в сфере туризма // Вопросы науки и образования. 2022. №4 (160). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-marketing-v-sfere-turizma (дата обращения: 14.09.2024).

Грудистова Елена Геннадьевна Цифровой маркетинг в сфере сервиса и туризма как инструмент развития цифровой экономики // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-marketing-v-sfere-servisa-i-turizma-kak-instrument-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 14.09.2024).

Азизова Н. https://ictnews.uz/24/05/2018/digital-turizm/ // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 6. № 1. 2020. – С. 45-54. DOI: 10.18413/2408- 9346-2020-6-1-0-5

Эргашходжаева, Ш. Цифровой маркетинг как инструмент развития сферы туризма. Архив научных исследований, 2(1). – 2022. https://journal.tsue.uz/index.php/archive/article/view/1366

Мавланова Б. Цифровые маркетинговые услуги в туризме // Mamun Science. Том 1. № 1,2023

ЗАМИРА ИШАНХОДЖАЕВА
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: научное наследие; мыслители; цифровые технологии; искусственный интеллект; наука; образование; цифровизация; естественные науки; прикладные науки; манускрипты
Аннотация: В статье раскрываются возможности цифровых технологий и искусственного интеллекта в исследовании, сохранении и пропаганде историко-культурного и нематериального наследия Великого шелкового пути. В изучении наследия энциклопедистов периода Восточного ренессанса цифровые технологии и искусственный интеллект имеют широкие перспективы — они могут быть использованы для создания интерактивных занятий, электронной учебной и учебно-методической литературы, изучения, пропаганды и сохранения историко-культурного наследия посредством 3D, виртуальной и дополненной реальности, которые помогут преподавателям и студентам лучше понять учебный материал.

Kalit so'zlar: ilmiy meros, mutafakkirlar, raqamli texnologiyalar, sun'iy intellekt, fan, ta'lim, raqamlashtirish, tabiiy fanlar, amaliy fanlar, qo'lyozmalar
Annotatsiya: Maqolada Ipak yo'lining tarixiy-madaniy va nomoddiy merosini tadqiq qilish, saqlash va targ'ib qilishda raqamli texnologiyalar va sun'iy intellekt imkoniyatlari yoritilgan. Sharqiy Uyg'onish davri entsiklopedistlarining merosini o'rganishda raqamli texnologiyalar va sun'iy intellektning keng istiqbollari mavjud — ular interaktiv mashg'ulotlar, elektron darsliklar va o'quv-uslubiy adabiyotlarni yaratish, 3D, virtual va qo'shilgan reallik yordamida tarixiy-madaniy merosni o'rganish, targ'ib qilish va saqlash uchun foydalanilishi mumkin. Bu o'qituvchilar va talabalar uchun o'quv materialini yaxshiroq tushunishga yordam beradi.

Keywords: scientific heritage, thinkers, digital technologies, artificial intelligence, science, education, digitalization, natural sciences, applied sciences, manuscripts
Abstract: The article highlights the potential of digital technologies and artificial intelligence in studying, preserving, and promoting the historical and cultural heritage of the Silk Road. Digital technologies and AI offer vast opportunities for exploring the heritage of encyclopedists from the Eastern Renaissance period. They can be used to create interactive lessons, electronic textbooks, and teaching materials, as well as for the study, promotion, and preservation of historical and cultural heritage through 3D, virtual, and augmented reality, helping educators and students better understand the material.

Цифровизация и применение искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах в разумных пределах являются одними из приоритетных направлений в сферах науки и образования во всем мире, в том числе в Узбекистане. На сегодня это актуальная задача развития общества XXI века, способная решить многие вопросы и глобальные проблемы, являясь необходимым условием перехода к информационной цивилизации Этой проблемой занимаются видные ученые ближнего (Ватунский, 2020) и дальнего зарубежья (Tiziana Mancinelli, 2013), (Lindsay MacDonald, 2006), (Martin F. Bachmann, 2013), (Peter Frankopan, 2015), которые в монографических работах, а также в научных статьях и других изданиях анализируют применение искусственного интеллекта в сохранении историко-культурного наследия. Использование математических методов в исторических исследованиях показано и в трудах известных зарубежных учёных, таких как Л. И. Бородкин, И. Гарскова и др. (Бородкин, 2016: 5) и (Бородкин, Гарскова, 2011: 5).

Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030», принятая 5 октября 2020 года и утвержденная в рамках Стратегии «Дорожная карта», предусматривала развитие четырех ключевых сфер: «Развитие электронного правительства», «Развитие цифровой индустрии», «Развитие цифрового

образования», «Развитие цифровой инфраструктуры» (УП-6079, от 05.10.2020).

В последние годы в стране сделаны значительные шаги в этом направлении, запущены национальные проекты по цифровизации различных видов контента с участием государственных органов, образовательных учреждений и частных компаний. В числе реализованных успешных проектов — электронные образовательные ресурсы-платформы (См.: https://raqamlitarix.uz/), цифровой контент Бабурнаме (https://t.me/boburnama), интерактивные мультимедийные выставки (https://www.afisha.uz/ru/exhibitions/2024/07/18/djadidi) и другие активно функционирующие, постоянно дополняющиеся контенты.

Тема искусственного интеллекта и цифровых технологий в сохранении историко-культурного наследия Великого шелкового пути весьма актуальна и многогранна. В данной статье мы хотели бы предложить краткий обзор основных направлений, в которых эти технологии применяются, а также указать на примеры международных успешных проектов.

1. Цифровизация культурных объектов.

Цифровые технологии позволяют создавать детализированные 3D-модели памятников, артефактов и исторических зданий, находящихся на Великом шелковом пути. Сканирование и моделирование позволяют сохранить точные копии объектов, которые могут быть использованы для реставрации и виртуальных экскурсий.

Примеры:

– CyArk: [CyArk] (https://www.cyark.org/) — международная организация, которая занимается цифровым сохранением культурных памятников по всему миру. Ее проекты включают сканирование и создание 3D-моделей важных объектов наследия, используют 3D-лазерное сканирование для создания цифровых архивов и памятников мирового наследия — Smithsonian X 3D: проект по оцифровке исторических объектов и артефактов.

– Google Arts & Culture — [Google Arts & Culture] (https://artsandculture.google.com/) — платформа, предоставляющая доступ к оцифрованным коллекциям музеев и памятников по всему миру, включая виртуальные туры по Великому шелковому пути.

– UNESCO World Heritage Centre [UNESCO] (https://whc.unesco.org/) — ЮНЕСКО активно работает над сохранением мирового культурного наследия, на сайте организации можно найти множество отчетов и материалов по цифровизации и применению ИИ в этой области.

2. Использование ИИ для восстановления артефактов и анализа данных.

– Искусственный интеллект помогает в реставрации поврежденных артефактов и анализе больших массивов данных о культурном наследии. С помощью машинного обучения можно воссоздавать утраченные фрагменты и выявлять скрытые паттерны в исторических данных.

– Deep Art: технология, использующая нейронные сети для восстановления и стилизации изображений, что может быть применено к историческим артефактам. К слову, Deep Art Effects позволяет легко и инновационно редактировать изображения с помощью искусственного интеллекта, что позволяет корректировать и дополнять фотографии исчезающих артефактов и исторических объектов, а также производить интеллектуальное масштабирование изображений с помощью «эффектов глубокого искусства»; технология обладает четырехкратным увеличением с помощью искусственного интеллекта и т. д.

3. Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR).

VR- и AR-технологии позволяют создавать интерактивные реконструкции древних городов и маршрутов Великого шелкового пути. Это не только способствует сохранению наследия, но и делает его доступным для более широкой аудитории.

– Google Arts & Culture: Google Arts & Culture; [Google Arts & Culture] (https://artsandculture.google.com/) — платформа, предоставляющая доступ к оцифрованным коллекциям музеев и памятников по всему миру, включая виртуальные туры по Великому шелковому пути; проект, позволяющий

пользователям погружаться в исторические локации через виртуальные туры.

– Оживление исторических маршрутов: проекты по созданию AR-приложений для исследования местности в реальном времени.

4. Блокчейн и обеспечение аутентичности данных.

Блокчейн может использоваться для создания защищенных баз данных, которые фиксируют изменения и перемещения культурных артефактов, обеспечивая их подлинность и защищенность от подделок. Блокчейн – это разновидность распределённой сети, база данных которой представляет собой цепочку последовательно связанных блоков, записанных на компьютерах, называемых «нодами». Каждый блок состоит из множества записей о транзакциях, которые можно объединить в одну тематическую цепочку, и содержит уникальный код, называемый хешем.

5. Международные проекты и сотрудничество.

Многие международные организации и исследовательские центры сотрудничают для разработки и внедрения технологий, которые помогут сохранить культурное наследие Великого шелкового пути.

– ЮНЕСКО: организация активно продвигает использование цифровых технологий для сохранения мирового наследия, включая Великий шелковый путь.

Следует отметить, что ИИ и цифровые технологии активно внедряются в образовательный процесс и позволяют более детально и глубоко изучать наследие Великого шелкового пути. Создание информационной образовательной среды обеспечивает доступность и качество системы образования. Как один из примеров можно рассмотреть электронную образовательную платформу Национального университета Узбекистана — информационную систему https://hhemis.nuu.uz/dashboard/login/, которая предназначена для размещения учебных материалов для студентов всех направлений бакалавриата очной, заочной и вечерней формы обучения и магистратуры.

Коллективом университета разработаны и внедрены в электронный учебный процесс все необходимые учебные материалы — лекции, презентации, задания в виде тестов и индивидуальных тем самостоятельных работ, тематики курсовых работ и рефератов, итоговых выпускных работ для каждого студента, вопросы семинарских занятий, видеоролики, списки литературы и др. К примеру, по предмету «Научное наследие мыслителей Востока» на платформе размещены тексты лекций, презентации, тестовые задания по темам курса, планы семинаров, тематика самостоятельных работ, видеозаписи и список литературы.

Для изучения одной из тем курса: «Мухаммад Аль-Хорезми (783–850 гг.) и его вклад в развитие мировой науки» размещены материалы о жизненном пути среднеазиатского математика, астронома, историка, географа Аль Хорезми — одного из крупнейших ученых средневековья, другая необходимая информация об эпохе культурного и научного подъёма IX–XII вв. и обеспечивших его условий. В презентациях содержатся оцифрованные карты из произведений Аль-Хорезми по географии, фрагменты сохранившихся оцифрованных работ ученого по математике, алгебре, астрономии и др. Студенты знакомятся с краткими аннотациями работ ученого: «Краткая книга об исчислении алгебры и аль-мукабалы» («Китаб мухтасаб аль-джабр и ва-ль-мукабала»), «Астрономические таблицы» («Зидж»), «Книга об индийском счёте» и др. При помощи оцифрованных документов, миниатюр и фрагментов работ ученого разъясняется роль трудов Аль-Хорезми в становлении науки эпохи Возрождения и их плодотворное влияние на развитие средневековой научной мысли в странах Востока и Запада. Таким образом, мы используем цифровые ресурсы — электронные тексты, презентации с оцифрованными историческими картами, миниатюрами, текстами произведений средневековых ученых, фото- и видеоматериалами.

Общеизвестно, что средневековый Восток на Великом шелковом пути характеризовался комплексом политических, экономических и культурных трансформаций, которые обеспечили его особое место в развитии

мировой цивилизации. Разработанные мыслителями основные принципы воспитания и обучения являются мощным стимулом в формировании национальной культуры, совершенствовании образования и воспитания, развития науки.

Формирование сознания молодого поколения без учета национального и культурного наследия народа может оказать обратное влияние на этот процесс. В этом отношении особый интерес вызывает наследие таких восточных мыслителей, как Ибн Сина, Абу Наср Фараби, Бируни, Хусайн Воизи Кошифи, Алишер Навои и др. Ученые Востока в своих произведениях раскрывают внутренний мир человека и дают важные рекомендации по образованию и воспитанию. Характерной чертой системы педагогических взглядов этих мыслителей было особое внимание к гармоническому развитию личности. Изучению широкого спектра вопросов, связанных с гармонией души и тела в процессе развития личности, посвятили свои работы мыслители, обладавшие подлинно энциклопедическими знаниями. Они рассматривали педагогические проблемы не как абстрактную теорию, а как часть живого процесса развития человечества. Такой подход во многом объясняет и значительное влияние мыслителей Востока на европейских просветителей последующих эпох. Одновременно с развитием естественных и прикладных наук широкое развитие получили и гуманитарные науки, которые, впитав в себя рациональную основу воззрений античных греческих ученых, были подняты учеными-энциклопедистами Востока на новые высоты. Наиболее яркими представителями этой школы были Абу Наср Фараби, Абу Али Ибн Сина, Фахраддин Рази и др. В частности, Ибн Сина развивает в дальнейшем онтологическое учение, основы которого заложил Абу Наср Фараби. Однако их работы хранятся в редких и древних манускриптах, которые не всегда доступны для исследований.

В контексте изучения научного наследия Великого шелкового пути, ученых-энциклопедистов периода Восточного ренессанса, цифровые технологии и искусственный интеллект имеют широкие перспективы — они могут быть использованы для создания интерактивных занятий, электронной учебной и учебно-методической литературы, в изучении, пропаганде и сохранении историко-культурного наследия посредством 3D, виртуальной и дополненной реальности, которые могут помочь преподавателям и студентам лучше понять учебный материал.

Цифровые технологии дают возможность создавать электронные копии и документировать эти манускрипты, делая их доступными для исследователей всего мира. Это позволяет сохранить и увековечить научное наследие среднеазиатских мыслителей, а также упростить исследования и обмен знаниями.

Кроме того, цифровые технологии позволяют использовать различные инструменты анализа данных для изучения научного наследия среднеазиатских мыслителей, творивших в странах Великого шелкового пути. Например, с помощью компьютерного моделирования и симуляций можно проанализировать и декодировать сложные научные концепции, выдвинутые этими мыслителями.

Также цифровые технологии позволяют создавать интерактивные образовательные материалы, которые помогают студентам и исследователям более эффективно изучать научное наследие среднеазиатских мыслителей. Это может быть реализовано в виде электронных курсов, интерактивных учебников или виртуальных экскурсий с использованием виртуальной и дополненной реальности.

В целом цифровые технологии играют важную роль в сохранении, изучении и распространении научного наследия среднеазиатских мыслителей на Шелковом пути, делая его доступным и понятным для широкой аудитории. Это способствует увеличению интереса к научным достижениям этого региона и знаний о них, а также их интеграции в мировую научную и академическую среду. Современные информационные технологии расширяют возможности и методы передачи и распространения знаний, формирования на их основе необходимых компетенций, управления образовательным процессом и

обеспечения доступа к профессиональному историческому образованию и исследованию наследия Великого шелкового пути.

В целях более подробного изучения наследия Великого шелкового пути мы рекомендуем студентам обратиться к следующим базам данных и электронным библиотекам:

1. JSTOR [JSTOR] (https://www.jstor.org/) — архив академических статей и книг, где можно найти множество публикаций по теме сохранения культурного наследия с использованием цифровых технологий.

2. Google Scholar [Google Scholar] (https://scholar.google.com/) — поисковая система, которая поможет найти научные статьи, диссертации и книги по интересующей вас теме.

Эти источники могут служить более полному погружению в тему и изучению современных подходов к сохранению культурного наследия Великого шелкового пути с использованием ИИ и цифровых технологий.

Искусственный интеллект и цифровые технологии играют ключевую роль в сохранении и популяризации историко-культурного наследия Великого шелкового пути. Эти технологии позволяют не только сохранить, но и сделать доступным для изучения культурное наследие, которое по различным причинам может быть утрачено в будущем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Martin F. Bachmann. Cultural Heritage and New Technologies: A Future for the Past / под редакцией. Издательство: EAA (European Association of Archaeologists), 2013.

Lindsay MacDonald. Digital Heritage: Applying Digital Imaging to Cultural Heritage. Изд.: Elsevier, 2006.

Tiziana Mancinelli. Heritage in the Digital Era: Martin Doerr. Изд.: Springer, 2013.

Peter Frankopan. The Silk Roads: A New History of the World. Изд.: Bloomsbury Publishing, 2015.

Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. С. 5. Электронный ресурс: http://hist.msu.ru/about/gen_news/23015/ Дата обращения 02.09.2024.

Бородкин Л. И., Гарскова И. М. Историческая информатика: перезагрузка? // Вестник Пермского университета. История. 2011. Вып. 2. С. 5. Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-informatika-perezagruzka/viewer. Дата обращения 02.09.2024.

Ватунский А. А. Современные инновационные технологии в профессиональном образовании // Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/. Дата обращения 10.09.2020.

Информационная система HEMIS предоставляет услуги электронного обучения персоналу администрации, преподавателям и студентам за счет автоматизации основных видов деятельности высших учебных заведений // Электронный ресурс: https:// hhemis.nuu.uz/

Указ Президента Республики Узбекистан от 05.10.2020 г. № УП-6079. Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lex.uz/docs/5031048. Дата обращения 03.09.2024.

ЎКТАМ МАВЛАНОВ
Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети
Тошкент, Ўзбекистон

БУЮК ИПАК ЙЎЛИДАГИ ЙЎЛБЎЙИ ИНШООТЛАРИ (ЎЗБЕКИСТОН ВА ҚЎШНИ ҲУДУДЛАР МИСОЛИДА)

Kalit so'zlar: Buyuk ipak yo'li, rabot, karvonsaroy, sardoba, ko'prik, Xitoy, Buxoro, Samarqand, Toshkent, Xitoy
Annotatsiya: Maqolada Buyuk ipak yo'li bo'ylab olib borilgan iqtisodiy madaniy aloqalarda muhim o'rin tutgan yo'lbo'yi inshootlari, ularning qurilish davri, geografik o'rni, karvon yo'llarida xizmat ko'rsatish tizimi ahamiyati, O'zbekiston va qo'shni hududlarda barpo etilgan rabotlar, karvonsaroylar, sardobalar, ko'priklar misolida ko'rsatib berilgan. Maqolani yozish chog'ida xitoy, arab, fors va turkiy tillardagi yozma manbalar, arxeologik tadqiqotlar natijalari va ilmiy adabiyotlar ma'lumotlaridan keng foydalanildi.

Keywords: Silk Road, rabat, caravanserai, sardoba, bridge, China, Bukhara, Samarkand, Tashkent, China
Abstract: The article discusses roadside structures that played a significant role in the economic and cultural connections along the Silk Road. Information is provided about their construction period, geographical location, and the importance of the service system for caravan routes. The importance of these structures is illustrated through examples of rabats, caravanserais, sardobas, and bridges built in Uzbekistan and neighboring regions. The article draws extensively on written sources in Chinese, Arabic, Persian, and Turkic languages, as well as the results of archaeological studies and scientific literature.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, рабат, караван-сарай, сардоба, мост, Китай, Бухара, Самарканд, Ташкент, Китай
Аннотация: В статье рассматриваются придорожные сооружения, игравшие важную роль в экономических и культурных связях вдоль Великого шелкового пути. Приведена информация о периоде их строительства, географическом расположении и значении системы обслуживания караванных путей. На примере рабатов, караван-сараев, сардоб и мостов, построенных в Узбекистане и соседних регионах, показана их важность. При написании статьи широко использовались письменные источники на китайском, арабском, персидском и тюркских языках, результаты археологических исследований и данные научной литературы.

Кириш. Йўлбўйи иншоотлари минтақадаги алоқа-коммуникация тизимининг муҳим таркибий қисми бўлиб, улар қадимги карвон йўллари фаолиятига мос равишда пайдо бўлган ва ривожланган. Улов (от, туя, эшак ва бошқалар) ва транспорт воситалари (аравалар ва бошқалар) дан фойдаланиш бошланган, минтақавий ва минтақалараро алоқалар вужудга келган бронза ва илк темир даврларидан бошлаб йўлбўйи иншоотлари алоқа йўллари тизимининг муҳим таркибий қисмини ташкил эта бошлайди. Жамият тараққиёти, қурилиш-меъморчилик соҳасида қўлга киритилган ютуқлар ҳамда ички ва халқаро савдо-сотиқ ривожи карвон йўллари бўйида махсус иншоотлар барпо этилишига ундаган муҳим омиллардан эди.

Асосий қисм. Ички ва ташқи алоқалар ривожи карвон йўлларида ҳавфсизликни таъминлаш ва хизмат кўрсатиш тизимини такомиллаштириб боришни талаб этарди. Марказлашган йирик давлатларнинг ташкил топиши билан йўлбўйи иншоотлари барпо этиш давлат иқтисодий сиёсатининг таркибий қисмига айлана бошлади. Аҳамонийлар даврида улкан империянинг турли ҳудудларини ўзаро боғловчи алоқа йўллари бўйида, хусусан машҳур "Шоҳ йўли" бўйлаб бир кунлик масофада работлар ва карвонсаройлар мавжуд бекатлар қурилгани маълум (Геродот, 2004: 286). Мутахассислар фикрича, Ўрта Осиё ҳудудида ҳам эрамиздан аввалги VI-V асрларда, яъни аҳамонийлар даврида муҳим транзит йўллар бўйича кичик қалъа типидаги мустаҳкамланган иншоотлар барпо этила бошланди. Бундай иншоотлар одатда савдо йўлларининг ҳавфсизлигини таъминлаш вазифаси юклатилган кичик ҳарбий гуруҳлар учун мўлжалланган, шунингдек уларда савдо карвонлари тўхтаб дам олган, яъни карвонсарой вазифасини ҳам бажарган (Маньковская, 1980: 54). Шу тариқа работлар,

яъни мустаҳкамланган карвонсаройлар вужудга келди (Муҳаммаджонов, 2006: 40).

Хитойдан то Ўрта ер денгизи қирғоқларигача чўзилган Буюк ипак йўли орқали олиб борилган халқаро сиёсий, иқтисодий-маданий алоқалар ривожида карвон йўлларида хизмат кўрсатиш тизимини йўлга қўйиш муҳим ўрин тутган. Марказлашган давлатлар барпо этилиб, минтақавий ва трансминтақавий иқтисодий алоқалар ривожланган ўрта асрларда Мовароуннаҳр ва унга қўшни ҳудудларда йўлбўйи иншоотлари барпо этиш кенг ривожланди. Бу даврда Буюк ипак йўлининг асосий йўналишларида бир кунлик йўл масофасида давлат маъмурларига, савдо карвонларига, элчилик миссиялари аъзоларига, алоқа-почта хизмати ходимларига, йўловчиларга хизмат кўрсатадиган йўлбўйи иншоотлари – работлар ва карвонсаройлар, қудуқлар ва сардобалар, кўприклар барпо этилиши давлат аҳамиятига эга вазифага айланди. Ривожланган ўрта асрлар, хусусан, IX– X асрлардаги работлар, уларнинг меъморий тузилишидан келиб чиқилса, улар мустаҳкамланган ва қўриқланадиган карвонсаройлар вазифасини бажаришга хизмат қилганлигини кўришимиз мумкин. XII асрга келиб улар ўзларининг ҳарбий истеҳком сифатидаги аҳамиятини йўқотади (Маньковская, 1980: 54). Лекин уларнинг қурилиши бутун ўрта асрлар давомида тўхтаб қолмади. Илк ислом даврида Мовароуннаҳрнинг ҳар бир қишлоғи аҳолиси йирик шаҳарларда работлар қурган. Бу иншоотлар дастлаб ғозийлар (ислом дини учун курашувчилар) учун барпо этилиб, айниқса ислом дини ёйилган чегара ҳудудларида катта ўрин тутган. Истахрийнинг маълумотига кўра, сомонийлар даврида Мовароуннаҳрда 10 минглаб работ, карвонсарой ва қўналғалар фаолият кўрсатган. (Истахрий, 2019: 129–130, 154). Наршахий Бухоро атрофида минглаб работлар борлиги, Бухоронинг ҳар бир қишлоғи аҳолиси Пойкент яқинида работлар қургани ҳақида ёзиб қолдирган (Наршахий, 1991: 24-25). Қорахонийлар даврида Бинкат, Жиззах ва бошқа шаҳарларда барпо этилган кўплаб работлар (Грицина, 2000: 168–169, 1972–1973), Чиғатой улусида йўл бўйларида барпо этилган махсус бекат – ёмлар фаолияти (Марко Поло, 1990: 170–174), Амир Темур ва темурийлар, шайбонийлар ва бошқа сулолалар даврида ҳам кўплаб работлар, карвонсаройлар, сардобалар, кўприклар барпо этилгани (Мавланов, 2023: 215) бу соҳага бўлган эътибордан далолат беради.

Карвонсаройлар ва работлар савдо йўлларини назорат қилишда катта ўрин тутган ҳарбий истеҳком сифатида ҳам аҳамиятлидир. Ўрта асрларда йўлбўйи иншоотлари барпо этишда савдо-сотиқ ривожидан манфаатдор бўлган ҳукмдорлар катта ўрин тутган. Умуман олганда, ислом даврида турли ижтимоий бинолар – масжидлар, мадрасалар, хонақоҳлар, кўприклар, работлар, карвонсаройлар, сардобалар ва бошқалар барпо этиш адолатли ҳукмдорнинг муҳим хислатларидан бўлган. Ўрта Осиёда ҳукмронлик қилган сулолалар вакиллари бу масалага катта эътибор қаратганлигини кўриш мумкин. Замондошларини ҳайратга солган йирик йўлбўйи иншоотлари ичида Бухоро – Самарқанд йўлида, Кармана яқинида қурилган Работи Малик карвонсаройини, Султон Санжарнинг Марвдаги ноиби Абу Тоҳир ибн Саъд томонидан Нишопур – Марв йўлида барпо этилиб, энг маҳобатли ҳисобланган Работи Шариф карвонсаройини, Абдуллахон II томонидан Қоровулбозорда қурилган йирик карвонсаройни ва бошқаларни эсга олиш мумкин.

Давлат хазинасидан ташқари йўлбўйи иншоотлари қурилишида маҳаллий бойлар, савдогарлар ва амалдорларнинг ҳиссаси ҳам катта бўлгани манбалардан маълум. Шу ўринда Жиззахдан 2 фарсах узоқликда ал-Афшин (Ҳайдар ибн Ковус) томонидан IX асрда барпо этилган Худосор карвонсаройини ва бу шаҳар яқинида X асрда қурилган Ҳасан работини, Жиззах – Шош йўлидаги Тўрткўлтепа ёдгорлиги ўрнидаги карвонсаройни (Буряков, Грицина, 2006: 147–149), Алишер Навоийнинг Ҳиротда ва Хуросоннинг асосий карвон йўллари бўйида 150га яқин карвонсарой ва работлар барпо этганини (Пугаченова, 1979: 49), темурийлар даврида Олой тоғларида, денгиз сатҳидан 3050 м. баландликда, Отбошдан 85 км жануби-шарқда, Қорақуюн дарёси яқинида қурилган Тошработ карвонсаройи (Кубатбеков, 1979: 592) бу даврда карвонсаройлар қурилган ҳудудлар географияси кенг бўлганидан далолат беради. Юқорида келтирилган маълумотлар карвонсаройлар ва работлар барпо этишда давлат хазинасидан ташқари йирик савдогарлар ва амалдорлар, маҳаллий бойлар, яъни савдо-сотиқдан катта амалий фойда кўрган ижтимоий қатлам катта ўрин тутиб, ўрта асрларда карвонсаройлар

ва работлар барпо этиш кўлами анча юқори бўлганлигини кўрсатади.

Карвон йўлларининг ва умуман савдо-сотиқнинг энг муҳим элементларидан бўлган карвонсаройларнинг тузилишини ўрганиш, халқимизнинг бой меъморчилик тарихини ўрганишга ҳам катта ҳисса қўшади. Карвонсаройлар одатда савдо марказлари бўлган шаҳарларда, муҳим карвон йўллари бўйида барпо этилган бўлиб, улар тузилишига, ҳажмига ва айрим ҳолларда бажарадиган функциясига кўра ҳам бир-биридан фарқланади. Археологик тадқиқотлар ва ёзма манбалар маълумотларини таҳлил қилиб, айрим карвонсаройлар тузилиши ҳақида маълум хулосаларга келиш мумкин. Масалан, Зоминдан Фарғонага ва Тошкентга кетувчи йўлда топилган X–XII асрларга оид Тўрткўлтепа карвонсаройи тўғри тўртбурчак (томонларининг узунлиги 106 х 106 м) шаклида бўлиб, шимол томондан баландлиги 5 метрни ташкил қиладиган асосий аркасимон дарвозага эга бўлган (Грицина, 2000: 175–176, 184–1845).

Хоразм воҳасидан Каспий бўйидаги Дохистонга кетувчи карвон йўлида Хоразмшоҳлар даврига оид бўлган доирасимон шаклда қурилган, ҳовлисида сардоба(ёки қудуқ) га эга бўлган карвонсаройлар (Тансиқлитепа ва бошқалар) топилган (Вайнберг, Юсупов, 1970: 427). Бу маълумот минтақада карвонсаройлар тузилишига кўра мураккаб ва кўп қиррали бўлганидан далолат беради.

Умуман олганда, ўрта асрларда карвон йўлларида ва савдо марказлари бўлган шаҳарларда бунёд этилган карвонсаройлар тузилиши ўхшаш бўлиб, улар тўртбурчак шаклдаги ички ҳовлига (баъзи карвонсаройлар иккита ҳовлига эга бўлган) ва унинг атрофида жойлашган яшаш хоналарига эга бўлган. Карвонсаройлардаги ички ҳовли бўйлаб айвонлар ҳам қурилгани, йирик карвонсаройларда савдогарларнинг маҳсулотлари сақланадиган махсус хоналар ва ҳатто масжид ҳам бўлгани маълум (Немцова, 2006: 139). Шу билан бирга карвонсаройлар тузилишига айрим ҳолларда бир-биридан бироз фарқланишини, шаҳарлардаги карвонсаройлар ҳажми, меъморий безаклари ва бошқа хусусиятлари билан карвон йўллари бўйида қурилган карвонсаройлар ва работлардан фарқ қилганини ҳам айтиб ўтиш керак. Агар савдо йўллари бўйида қурилган карвонсаройлар ва работлар ичида уловлар учун мўлжалланган махсус отхоналар ҳам бўлган бўлса, йирик шаҳарларда асосий улов воситалари карвонсаройдан ташқарида, айрим ҳолларда ҳатто озодаликни сақлаш мақсадида, шаҳар ташқарисида жойлаштирилган.

Минтақа шаҳарларидаги карвонсаройлар одатда уларни барпо эттирган шахс номи билан аталгани ёки улардан доимий фойдаланувчи савдогарларнинг қайси этник гуруҳга, шаҳарга ёки мамлакат вакили эканлигига қараб номлангани ҳам эътиборга лойиқ хусусиятлардан бири эди. Баъзи ҳолларда уларда майда ҳунармандчилик устахоналари ҳам бўлган. Карвонсаройлар бу кенг кўламли фаолияти сабабли катта даромад манбаи бўлган. Масалан, Ибн Ҳавқал Термиздаги карвонсаройлар серҳашамлигини ва катта даромад манбаи эканлигини қайд этади (Ibn Hawqal, 2001: 458; Пидаев, 2001: 3–13).

Шу тариқа, карвонсаройлар нафақат савдо йўллари бўйида, савдо марказлари ҳисобланган шаҳарларда, йирик қишлоқлар ва қўрғонларда ҳам кўплаб барпо этилган. Ўзбекистон ва қўшни республикалар ҳудудида жойлашган ва бизнинг давримизгача сақланиб қолган йўлбўйи карвонсаройлари ва работлари асосан ўрта асрлар даврига оид бўлиб, улар одатда савдо карвонлари бир кунда босиб ўтадиган масофада, бир-биридан 5-6 фарсах узоқликда қурилган.

Марказий Осиёнинг қадимги йўлларида, хусусан, Буюк ипак йўлининг асосий йўналишларида ҳаракатланадиган савдо карвонлари ва йўловчиларни, улов воситаларини сув билан таъминлашга хизмат қилувчи гидротехник иншоотлар (қудуқлар, ҳовузлар ва сардобалар) қадимги коммуникация йўллари тизимининг муҳим элементини ташкил этган. Минтақанинг дашт ва чўлларига хос бўлган иссиқ ва қуруқ иқлим шароити бу ҳудудлар орқали ўтувчи йўллар бўйида бронза давридан бошлаб қудуқлар барпо этилишига олиб келди. Қозоғистонда Чаглинка, Тасти-Бутак ва бошқа бир қатор жойлардан бронза даврига оид қудуқлар топиб ўрганилган (Оразбаев, 1972: 154–162). Қизилқум (Учқудуқ, Қулқудуқ, Жузқудуқ, Томди ва бошқалар) ва Қорақум сахросида, минтақанинг бошқа чўл ва дашт ҳудудларида ҳам маҳаллий чўпонлар томонидан асрлар давомида фойдаланиб келинган қадимги қудуқлар кўп учрайди.

Ер ости чучук сувларидан истеъмол учун фойдаланишга имкон берувчи қудуқлар нафақат

чўл ҳудудларда, шу билан бирга ўтроқ деҳқончилик воҳаларида ҳам барпо этилган. Мисол тариқасида, хитойликларнинг Даванга юриши пайтида пойтахт Эрши шаҳрини сув билан таъминловчи ўзан тўсиб қўйилгани боис бу шаҳарга қўшни Дацин давлатидан қудуқ қазувчи усталар ёрдамга юборилгани (Бичурин, 1998: 170) шаҳарлар ва қалъаларни сув билан таъминлашда қудуқларнинг аҳамияти катта бўлганини кўрсатади. Бундай қудуқлар минтақанинг барча шаҳарларида ва карвон йўлидаги мустаҳкам қалъаларда бўлганини кўплаб манбалардаги маълумотлар тасдиқлайди. Хусусан, ривожланган ўрта асрларда Марв шаҳрида (Султон қалъада) қудуқлар, махсус дарвозали, зинапояли, очиқ ва ёпиқ ҳовузлар бўлгани, минтақанинг бошқа шаҳарларида ҳам қудуқлар ва ҳовузлардан фойдаланилгани, шаҳарларда ҳовузлар, ёпиқ ҳовузлар(сардоба)ни бошқарувчи махсус идора (девон) ҳам бўлгани манбаларда акс этган (Анарбаев 1981: 74–95).

Амударё бўйидаги кечувларни назорат қилиб турувчи қалъаларда (XII–XIII аср бошларига оид Қизқалъа ва бошқалар) ҳам қудуқлар ва ёпиқ ҳовузлар ўрни топилгани (Гулямов, 1957: 162), X–XIII аср бошларида Хоразмни Жанубий Туркманистон, Эрон ва бошқа мамлакатлар билан боғловчи карвон йўллари бўйидаги мустаҳкамланган карвонсаройлардан Оқяйла ва Талайхонота карвонсаройлари ички ҳовлисида сардоба ва уларни сув билан таъминловчи қувур қолдиқлари топилгани аҳамиятга моликдир (Анарбаев, 1981: 91).

Минтақамизнинг баъзи ҳудудларида, айниқса, чўл ва даштларида ер ости сувларининг шўрлиги, истеъмолга яроқсизлиги ва чучук сув захираларини сақлашга бўлган эҳтиёж сабабли ёмғир сувларини махсус ҳовузларда ёки идишларда (чарм бурклларда) сақлаш чучук сув муаммо бўлган денгиз бўйидаги қалъаларда, шаҳарларда ва ороллларда азалдан бўлгани айрим манбалардан маълум. Бу жараён дастлаб чорвадор хўжаликларнинг ёмғир сувлари тўпланадиган табиий чуқурларда сувни сақлашга интилиш кўринишида бўлган бўлса, даврлар ўтиши билан ёпиқ ҳовузлар ва сардобалар пайдо бўлишига олиб келди. Бақтриядаги Дилбаржин ёдгорлиги яқинидаги сардоба Марказий Осиёда антик даврдаёқ сардобалар барпо этиш анъанаси мавжуд бўлганини тасдиқлайди (Уралов, 1998: 30). Бундай иншоотлар чўл ва дашт ҳудудлари орқали ўтган алоқа-савдо йўллари бўйида ва ўтроқ маконларда ҳам барпо этилган бўлиб, уларнинг қурилиши айниқса ўрта асрларда кенг ривожланди. Мураккаб гидротехник иншоотлар барпо этиш соҳасида тўпланган тажрибалардан келиб чиқиб, сардобалар қуришда махсус технология қўлланилган (Равшанов, 2006: 506–509). Бу технология сардоба сувини ер ости сувлари таъсиридан сақлашга, иншоотнинг чидамлилиги ва мустаҳкамлигини оширишга хизмат қилган. Сардобалар қуришда ён тарафларида махсус деразалар, устки қисмида туйнук бўлишига ҳам катта эътибор қаратилган. Булар сардоба сувининг узоқ муддат бузилмасдан сақланиб туришига хизмат қилган. Дашт ва чўл ҳудудларидаги сардобалар одатда ёмғир ва қор сувлари билан қиш ва баҳор ойларида тўлдирилган бўлса (Мавлонов, 1993: 20-21), шаҳарлардаги сардобалар суви ариқлардан махсус сопол қувурлар орқали келтирилган. Буни ҳозирги кунда минтақамиздаги шаҳарларда сақланиб қолган сардоба, яъни Қарши сардобаси мисолида ҳам кўриш мумкин.

Бизгача етиб келмаган бошқа йўлбўйи иншоотлари – карвонсаройлар ва работлардан фарқли равишда минтақамизда, хусусан, Ўзбекистоннинг чўл ҳудудларида ўрта асрлар даврига оид кўплаб сардобалар сақланиб қолган. Буни ушбу иншоотларнинг амалий аҳамияти то яқин даврларгача сақланиб келганлиги билан изоҳлаш мумкин. Бизгача етиб келган сардобалар ичида энг қадимгиси Кармана яқинидаги Работи Маликдаги Қорахоний ҳукмдор Арслонхон томонидан барпо этилган карвонсарой ва унинг яқинидаги сардоба ҳисобланади. Бухоро ва Самарқандни боғловчи йўл бўйида X асрда барпо этилган мазкур иншоот бу ердаги карвонсарой (Бартольд, 1963: 246–247; Немцова, 2006: 140–141) билан биргаликда ривожланган ўрта асрлардаги муҳим иншоотларидан бўлиб, кейинги даврлардаги баъзи таъмирлаш ишлари орқали бизгача етиб келган. Фикримизча, ривожланган ўрта асрларда сардобалар қуриш анча кенг миқёсда амалга оширилган. Хусусан, М.Е. Массоннинг маълумотига кўра, Қарши чўлида, Бухоро – Безда савдо йўли бўйида X асрда ҳам сардоба мавжуд бўлганлиги (Массон, 1935: 24, 36), Муқаддасий Марв шаҳрида зинапояли ёпиқ ҳовузлар бўлгани ҳақида маълумот беради (al-Moqaddasi, 1967: 64). Археологик тадқиқотлар

Нуротадан минтақа шимолидаги даштларга ўтувчи карвон йўлининг муҳим йўналишларида жойлашган Калтепа ёдгорлиги ўрнидаги XI–XII асрларга мансуб карвонсарой харобалари яқинида иккита сардоба мавжуд бўлганлигини кўрсатади (Немцова, 1989: 44).

Жанубий Қозоғистон ҳудудида ҳам (Сайрам яқинида) XVI асрнинг биринчи ярмида Мир Араб томонидан сардоба барпо этилгани минтақанинг шимолий дашт зоналарини ҳам сардобалар мавжуд ҳудудлар қаторига киритишга имкон берди. Тошкентдан Хўжандга ва Чотқол тоғ довони орқали Фарғонага кетувчи йўлда ҳам бу даврга мансуб сардобалар (ёки усти гумбаз билан ёпилган булоқлар) бўлган. Улар ичида Ангрен дарёси ўнг қирғоғида, Қорахитой қишлоғи шимолида қурилган Қайнаргумбазни ва Тошкент – Хўжанд йўлидаги бошқа бир қанча гумбазли сардобасимон иншоотлар (Чуқурбекат, Жонбулоқ, Мирзоработ)ни айтиб ўтиш мумкин (Массон, 1953: 14–16).

Ривожланган ўрта асрларда Хоразм пойтахти Урганчдан Устюрт орқали Қуйи Волгабўйига кетувчи карвон йўлида ҳам бир кунлик йўл масофасида карвонсаройлар ва сардобалар бўлган. Бу сардобалар минтақамизнинг барча дашт ва чўл ҳудудларида барпо этилганини яна бир бор тасдиқлайди.

Сардобалар қурилиши Амир Темур ва темурийлар, шайбонийлар даврида анча кенг миқиёсда олиб борилган. Жиззахдан Сирдарё кечувларига, Бухородан Қарши орқали Амударёнинг ўрта оқимидаги Керки ва Келиф кечувларига олиб борувчи йўлларда қурилган сардобалар бундан далолат беради. Айниқса XVI асрнинг иккинчи ярмида Абдуллахон II томонидан кўплаб сардобалар қурилган эди. Улар ичида Қоровулбозордаги сардоба, Бўзачи сардобаси, Бегичак сардоба, Якка сардоба, Каспидаги сардобалар, Қаршидан Амударёдаги кечувларга олиб борувчи йўллардаги сардобалар, хусусан Туркманистон ҳудудидаги Сангир сувлоқ сардобаси, Шеробод яқинидаги сардоба, Жиззах – Чиноз оралиғидаги чўл ҳудудидаги Яккасардоба, Мирзаработ, Ёғочли сардобаси ва бошқа сардобалар бунга мисолдир (Массон, 1935: 19–20). Манбалар таҳлили (Мирзо Салимбек, 2009: 75) Мирзачўлдаги сардобаларларнинг барпо этилиши Амир Темур ва Абдуллахон II нинг қурувчилик фаолияти билан боғлиқлигини кўрсатади. Бу манзилдаги сардоба ва работлар ҳақида маълумот берган рус ҳарбийси А. П. Хорошхин Абдуллахон томонидан мингта сардоба ва минг битта работ қурилганлиги ҳақидаги маҳаллий аҳоли орасида маълум ва машҳур бўлган фикрни келтириб ўтади (Хорошхин, 1876: 65–69, 257–259).

Ўрта Осиёнинг жазирама иқлим шароити ва йирик шаҳарларни сув билан таъминлаш эҳтиёжи шаҳарларда ҳам сардобалар барпо этилишига туртки берарди. Абдуллахон II томонидан Қаршида, Субхонқулихон томонидан Бухорода барпо этилган сардоба (Муҳаммад Юсуф Мунши, 1957: 304) ва бошқа маълумотлар бундан далолат беради.

Ўрта асрларда Мовароуннаҳрда 44 та сардоба бўлиб, улардан 29 таси Қарши чўлида бўлган (Равшанов, 2006: 647). Лекин бу сардобаларнинг ҳаммаси ҳам илмий жиҳатдан ўрганиб чиқилмаган, ўрни аниқлаштирилмаган. Бу йўналишда олиб борилган тадқиқотларимиз даврида ёзма манбаларда маълумот берилмаган бир нечта сардоба ўрнини топишга мувафақ бўлдик. Уларнинг бирининг қолдиқлари Каспи – Қарши йўлида, Каспидан 10 км. ча шарқда сақланиб қолган. Маҳаллий аҳолининг гувоҳлик беришича, бу сардоба гумбази ўтган асрнинг ўрталаридан бошлаб бутунлай бузилиб кетади ва ҳозирги пайтда унинг қудуғи ўрнини аниқлаш мумкин.

Бизгача етиб келмаган сардобалар ичида Самарқанд – Қарши йўлида жойлашган Шўрбозор қишлоғи яқинидаги сардобани ҳам айтиб ўтиш мумкин. Бу сардоба ҳовузи ўтган асрнинг 60-йилларида кўмилиб кетган, гумбази бўлгани тўғрисидаги маълумотлар унча ишончли эмаслигидан уни очиқ ҳовуз кўринишидаги сардоба деб ҳам қайд қилиш мумкин. Ишлатилган пишиқ ғишти ҳажми ва шаклига кўра бу сардоба ҳам Абдуллахон даврида қурилган сардобаларга яқин туради.

Минтақамизда нисбатан кейинги даврларда ҳам сардобалар қурилиши тўхтаб қолмаган. Буни XX аср бошларида Каспи туманидаги Қамаши қишлоғида Хўжа Набибий маблағига барпо этилган сардоба мисолида ҳам кўрамиз.

Алоқа-савдо тизимининг ривожи мураккаб гидротехник иншоотлар барпо этилишига ҳам туртки берди. Улар ичида қадимги йўллар фаолияти билан боғлиқ бўлган кўприклар қурилиши масаласи алоҳида ўрин тутади. Ўрта Осиё

гидрорельфига хос мураккаб хусусиятлар, йирик дарёлар ва уларнинг ирмоқлари, сойлар, кенг тармоқли ирригация иншоотлари мавжудлиги минтақа ҳудудлари ўртасида иқтисодий-савдо алоқалари ривожланган даврдан бошлаб кўприклар барпо этишни тақозо қиларди. Дастлабки кўприклар асосан ёғочдан бўлиб, унча катта бўлмаган сойлар устига қурилган. Илк темир давридан бошлаб меъморчилик соҳасидаги ютуқлар ривожига мос равишда тош ва ғишт кўприклар ҳам пайдо бўла борган.

Ўрта асрлар даври маҳаллий ҳукмдорлар томонидан кўприклар қурилишига катта эътибор берилган. Марв яқинида, Мурғоб дарёси устидаги ҳамда Балхдан икки фарсах узоқликда Балх дарёси устида қурилган кўприклар Табарий, 1987: 232–234), X асрда Насаф шаҳри ўртасидан оқиб ўтувчи дарё устидаги ғишт кўприк бўлгани, XII асрда қорахоний ҳукмдор Арслонхон (1102-1130 йй) Қаршидаги Сежен ариғи устида ҳамда Бухородан 4 фарсах узоқликдаги Товавис йўлида пишиқ ғиштдан кўприклар қурдиргани (Массон, 1978: 19, 46), XI–XII аср манбаларидаги Самарқанд яқинида ҳам кўприклар бўлгани ҳақидаги маълумотлар (Камоллиддинов, 1993: 81) бу даврда кўприклар қурилишига берилган эътибордан далолатдир.

Чиғатой улуси даврида ҳам кўприклар ҳарбий-сиёсий ва иқтисодий манфаатларни кўзлаб барпо этилган. Хусусан, 1221 йилда Ўрта Осиёга келган Хитойлик Чан Чун ўз хотираларида Чу дарёсидан ёғочдан, Талас дарёсидан ғиштдан қурилган кўприклардан ўтганини ёзиб қолдирган (Бартольд, 1965в: 238). Чиғатойхон ҳам Терак довонида мўғул қўшинлари ўтиши учун қурилган ҳарбий йўл бўйлаб 48 та ёғоч кўприк барпо эттиргани маълум (Джон Мэн, 2006: 227). Хулагухон XIII асрнинг ўрталарида ўз қўшини билан Эронга юриш қилганда йўллардаги барча чуқур сойлар ва дарёларда мустаҳкам кўприклар қурдиргани (Рашид-ад-Дин, 1946: 23, 25), Кебекхон (1318–1326 йй) томонидан Самарқанддаги Дарғом канали устида қурилган кўприк ва бошқа маълумотлар (Массон, 1978: 46) мўғуллар ҳукмронлиги даврида ҳам кўприклар барпо этиш, гарчи улар асосан ҳарбий мақсадларни кўзлаб қурилган бўлса-да, давом этганлигини кўрсатади.

Амир Темур ва темурийлар ҳамда шайбонийлар даврида ҳам минтақада кўприклар қурилиши анча кенг миқиёсда олиб борилган. Амир Темур Зарафшоннинг Оқдарё ва Қорадарё ўзанларига ажраладиган жойида икки аркали кўприк – сув айиргич (Пули-равоқ) қурдиргани маълум. Маҳаллий аҳоли "қуён кўприк" деб ҳам атайдиган бу иншоот кейинчалик Шайбонийхон томонидан қайта тикланган (Массон, 1978: 31–32). Ҳозирда унинг фақат бир қисми сақланиб қолган. Амир Темур ва темурийлар даврида минтақанинг бошқа шаҳарларида, муҳим алоқа йўллари бўйида ҳам кўплаб кўприклар қурилади. Мисол тариқасида, XIV асрда Мурғоб дарёси юқори оқимида Амир Темурнинг лашкарбошиси Табан ёки унинг ўғли томонидан барпо этилган деб ҳисобланувчи "Пул-и хишт" ёки ғишт кўприкни (Бартольд, 1965а: 64), XV асрнинг иккинчи ярмида Ҳожа Аҳрор Валий томонидан Тошкентнинг Кўкча даҳасидаги Кўнчилик маҳалласида қурилган ғишт кўприкни (Массон, 1978: 47) айтиб ўтиш мумкин. Бу мисоллар йирик амалдорлар ва эътиборли уломалар ҳам Амир Темур ва темурийлар даврига хос анъана – мамлакатни ободонлаштиришдан четда турмаганини кўрсатади.

Ўрта Осиёда Абдуллахон II томонидан барпо этилган кўприклар ҳам кўп учрайди. Улар ичида Қаршидаги Қашқадарё устига қурилган кўприкни, Сурхондарё вилоятидаги Жарқўрғон тумани ҳудудида сақланиб қолган кўприкни, Кармана яқинидаги сув оқимини йўналтириб турган 21 равоқли кўприкни, Самарқанд – Қарши йўлидаги Дарғом кўпригини, Бухоро шаҳридаги Руд-и шаҳр канали устидаги "Пул-и ошиқон" (Ошиқлар кўприги)ни, Бухородан Ромитан орқали Хивага кетувчи йўлдаги 8 та ёғоч кўприкни, Бухоронинг жануби-ғарбидаги Пул-и Жондор (5 аркали) кўпригини ва бошқаларни айтиб ўтиш мумкин (Массон, 1978: 31–38). Манбаларнинг далолат беришича Ғиждувон яқинидаги Пули Мухтор Қосим кўприги Абдуллахон II нинг яқин сафдошларидан бири Қосим исмли шахс томонидан барпо этилган (Абд ал-Кадир ибн Мухаммад Амин, 2005: 279). Бу кўприклар сифатли пишиқ ғиштлардан барпо этилган бўлиб, бутун сўнгги ўрта асрлар даврида савдо карвонлари, йўловчилар, ҳарбийлар ва маҳаллий аҳоли томонидан кенг фойдаланилган.

Буюк ипак йўлида жойлашган йирик шаҳарларда ва бошқа жойлардаги кўприклардан ўтиш учун махсус солиқ – "Кўприк пули" олингани

маълум. Унинг миқдори турли даврларда ва ҳудудларда турлича бўлган ва асосан маҳаллий ҳокимлар томонидан жорий қилинган.

Минтақамизда қадимги давр ва ўрта асрларда барпо этилган кўприкларнинг кўпчилиги бизгача етиб келмаган бўлса-да, ёзма манбалар маълумотлари ва тарихий тадқиқотлар натижаларини умумлаштириб, кўприклар одатда дарёлардан, сойлардан, каналлардан ўтишда асосий восита сифатида узоқ муддат ва вақтинчалик фойдаланиш учун хизмат қилганини, доимий кўприклар дарёларнинг муҳим алоқа йўллари кесишган қисмида қурилган бўлса, боғлама (понтон) кўприклар одатда кескин ҳарбий-сиёсий вазиятларга боғлиқ ҳолда барпо этилганлигини қайд этиш мумкин.

Хулоса. Юқоридагиларга хулоса сифатида шуни қайд этиш керакки, Ўрта Осиё минтақаси Буюк ипак йўли орқали олиб борилган сиёсий иқтисодий ва маданий алоқаларда муҳим ўрин тутган. Минтақанинг "юраги" ҳисобланган Ўзбекистон ҳудудида сақланиб қолган йўлбўйи иншоотлари - карвон йўллари тизимининг асосий бўғинларидан бўлган карвонсаройлар, работлар, сардобалар қадимги давр ва ўрта асрлар даврида нафақат савдо карвонлари, шу билан бирга йўловчилар, сайёҳлар, ҳарбий қўшинлар, элчилик миссиялари аъзолари ва бошқалар учун узоқ ва машаққатли сафарда ҳордиқ олинадиган, керакли озиқ-овқат, улов воситалари учун емиш мавжуд бўлган маконлар сифатида ҳам фаолият юритганлар.

Йўлбўйи иншоотлари карвон йўлларида хавфсизликни таъминлашда ҳам ўзига хос ўрин тутган. Бу ўз навбатида, қадимги алоқа йўллари ривожига катта таъсир кўрсатди. Буни яхши англаган маҳаллий ҳукмдорлар, савдо-сотиқ билан шуғулланувчи йирик сармоядорлар ва амалдорлар ҳам ўз маблағларини работлар ва карвонсаройлар, сардобалар ва кўприклар барпо этишга, уларни таъмирлашга сарфлаб турган. Бу иншоотлардан йўловчилар ва савдо карвонлари фойдаланиши, одатда маълум ҳақ эвазига амалга оширилган. Бу ушбу иншоотлар, эгалари учун даромад манбаи ҳам бўлганини кўрсатади.

Ўрта Осиёда ўрта асрларда йўлбўйи иншоотларини барпо этиш Буюк ипак йўли орқали олиб борилган ички ва халқаро ифтисодий алоқалар ривожига мос равишда пайдо бўлган ва ривожланиб борган. Уларнинг сони ва уларда хизмат кўрсатиш сифати карвон йўллари динамикасига хос хусусиятларни аниқлашда ҳам катта ўрин тутади. Бу йўлбўйи иншоотларини минтақа коммуникация тизимининг муҳим таркибий қисми сифатида қарашга имкон беради.

Ўзбекистон ҳудудида сақланиб қолган сардобалар ва карвонсаройлар тарихий-маданий меросимизнинг муҳим таркибий қисми бўлиб, уларни сақлаш, ўрганиш ҳамда ички ва ташқи туризмни ривожлантиришда тутган ўрнини очиб беришга йўналтирилган тадқиқотларни давом эттириш бугунги давр учун муҳим вазифалардан биридир.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

Абд ал-Кадир ибн Мухаммад Амин. Маджма' ал-ансаб ва-л-ашджар / Введение, перевод с арабского, персидского и тюркского языков, комментарии, подготовка факсимиле к изданию Ш. Х. Вохидова, А. К. Муминова, Б. Б. Аминова. История Казахстана в персидских источниках. Т. II. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Агзамова Г.А. Ўзбекистон шаҳарлари интеграцион жараёнлар ва бағрикенглик кўрсаткичи // Ўзбекистоннинг ислом цивилизацияси ривожига қўшган ҳиссаси: Таълим, фан ва маданият бўйича ислом ташкилоти – ISESCO томонидан Тошкент шаҳрининг 2007 йилдаги ислом маданияти пойтахти деб эълон қилинишига бағишланган халқаро конференцияга йўлланган маърузалар ва табриклар тезислари тўплами. Тошкент – Самарқанд: Имом Бухорий Республика илмий-маърифий маркази нашриёти, 2007. Б. 65–67.

Алишер Навоий. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. Тошкент: "Ўзбекистон миллий энциклопедияси" Давлат илмий нашриёти, 2000. 1-жилд. Б. 217-224.

Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент: Фан, 1981.

Бартольд В.А. История культурной жизни Туркестана / Соч. в 9 томах. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. II. Ч.1. С. 167–433.

Бартольд. В.В. К истории орошения Туркестана / Соч. в 9 томах. М.: Наука, 1965а. Т. III. С. 95–231.

Бартольд В.В. Туркестанский край в XIII веке (По рассказу китайского путешественника) // Соч. в 9 томах. М.: Наука, 1965 г. Т. III. С. 237–243.

Бичурин Н.Я (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х частях. – Алматы: ТОО "Жалын Баспасы", 1998. Ч. II.

Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Мавараннахр на Великом шелковом пути. Бишкек-Самарканд, 2006.

Вайнберг Б.И., Юсупов Х. Археологические исследования в западной части Туркмении // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 426-427.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / Перевод с немецкого с примечаниями В.А. Ромодина. СПб., 2005.

Геродот. История. В девяти книгах / Пер. с греческого и коммент. Г.А. Стратановского. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.

Грицина А.А. Уструшанские были. Ташкент: Изд-во Народного наследия, 2000.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

Джон Мэн. Чингизхан. Жизнь, смерть и воскрешение / Перевод с английского В. Артемова. М.: Эксма, 2006.

Извлечение из географического сочинения Хафиз-и Абру / Пер. С. Волина // МИТТ. Арабские и персидские источники. VII-XV вв. Труды института востоковедения. М.-Л. Изд-во АН СССР, 1939. Т. I. С. 524–529.

Истахрий. Китабал-масалик вал-мамалик. Хуросон ва Мовароуннахр / Араб тилидан таржима, тадқиқот, изоҳ ва кўрсаткичлар муаллифи Р.Т. Худайберганов. Тошкент: Фан, 2019.

Камолиддинов Ш. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993.

Кубатбеков М. Караван-сарай Таш-Рабат // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 592

Қудратов С. Сардобалар ўлкаси. Тошкент: Фан, 2001.

Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. СПб., 1913.

Мавлонов Ў. Аждодларимиз заковати // Фан ва турмуш. Тошкент, 1993. № 7-8. Б. 20–21.

Мавланов Ў. Буюк ипак йўли: йўналишлари, инфратузилмалари ва хизмат кўрсатиш тизими. Тошкент: Oltin meros press, 2023.

Мамбетуллаев М. Хорезм и Великий шелковый путь // Великий шелковый путь. Культура и традиции. Прошлое и настоящее: Материалы международной научно-теоритический конференции. Ташкент, 2006. С. 20–24.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX- нач. XX вв.). Ташкент: Фан, 1980.

[Марко Поло]. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р. Х. Алма-Ата: Наука, 1990.

Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1953. 144 с. с илл

Массон М.Е. Проблема изучения цистерн - сардоба. Ташкент, 1935.

Массон М.Е. Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения. Ташкент: Узбекистан, 1978.

Мирза Салимбек. Тарих-и Салими (источник по истории Бухарского эмирата) / Перевод с персидского, вводная статья и примечания Н.К. Норкулова, Редактор перевода А.К. Арандс, предисловие, редактор введения и примечаний А.С. Сагдуллаев. – Ташкент: Академия, 2009.

Муҳаммад Юсуф Мунши. Тарих-и Муким-хони (Мукимханская история) / Перевод с таджикского, предисловие, примечание и указатели проф. А.А. Семенова. Ташкент, 1957.

Муҳаммаджонов А. Турон // Мозийдан садо. Тошкент, 2006. № 3. (31). Б. 38–40.

Наршахий, Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи / Форс тилидан А. Расулов таржимаси // Мерос. Тошкент: Камалак, 1991. Б. 88–174.

Немцева Н. Б. Караванными дорогами Голодной степи // Вехи времен. Расказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах 89. Ташкент: Адабиёт ва Санъат, 1989. С. 40–46.

Немцева Н. Б. По караванным дорогам Бухарской степи // Великий шелковый путь. Культура и традиции. Прошлое и настоящее: Материалы международной научно-теоретический конференции. Ташкент: 2006. С. 137–145.

Оразбаев А. М. Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалалы) / Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата. Наука, 1972. С. 154–162.

Петров. Путевыя замътки классного топографа тит. сов. Петрова 1884 г. // СМА. СПб.: Военная типография, 1886. Вып. XXL. С. 53-102.

Пидаев Ш. Қадимги Термиз 2500 ёшда // Ўзбекистон тарихи. Тошкент, 2001. № 4. Б. 3–13.

Пугаченкова Г.А. Зодчества Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1979.

Равшанов П. Қарши тарихи. Тошкент: Янги аср авлоди, 2006.

Рашид ад-Дин. Джами' ат-таварих. Сборник летописей / Пер. с персидского А.К. Арендса. М.–Л.: Изд.-во АН СССР, 1946. Т. 3.

Табари, Абу Джа'фар Мухаммад бин Джарир бин Йазид бин Касир бин Галиб. Тарихи Табари ("История" ат-Табари). Избранные отрывки / Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987.

Уралов А. Гражданское зодчество средневековой Центральной Азии // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1998.

[*Хорошихин А.П.*]. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края А.П Хорошхина. СПб., 1876.

Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967.

Ibn Hawqal. La configuration de la Terre (kitab surat al-Ard) / Introduction et traduction par J. H. Kramers et *G. Wiet.* Paris: Maisonneuve et Larose, 2001.

Shamsaddin Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. Descriprio imperii Moslemici / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967. Bibliotheca geographorum arabicorum. III.

АКМАЛ РАЙИМКУЛОВ
"Ипак йўли" халқаро тадқиқот институти
Тошкент, Ўзбекистон

САМАРҚАНДДАГИ ХЎЖА АБДИ БЕРУН МАЖМУАСИ МЕЪМОРЧИЛИГИ ВА УНИНГ ЗИЁРАТ ТУРИЗМИНИ РИВОЖЛАНТИРИШДАГИ ЎРНИ

Kalit so'zlar: memorial majmua, архитектура, dahma, xonaqoh, masjid, hujra, ayvon, ziyoratgoh, ziyorat turizmi
Annotatsiya: Maqolada Xalifa Usmon avlodidan hisoblanmish, asli arab aymoqlaridan bo'lgan "abdi" qabilasiga mansub, Xo'ja Abdi nomli diniy ulamoga atab Nodir Muhammad Devon-begi tomonidan XVII asrda maqbara va bir necha hujra bunyod etilishi, va keyinchalik, uning atrofida memorial-diniy majmua shakllanganligi ochib berilgan. Shu qatorda, ilmiy ishlar, arhiv va dala tadqiqoti asoslanib, majmuaning me'moriy yodgorliklarini asl holatida saqlash, tiklash yoki konservatsiya kilis, hamda ziyorat turizmini rivojlantirish yo'llari yechimi ishlab chiqilgan.

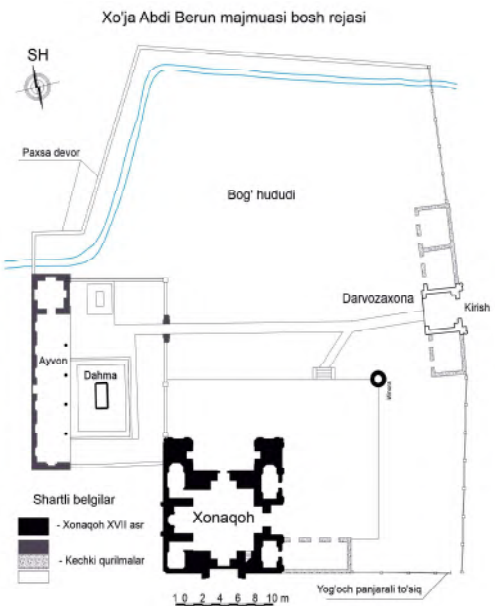
Keywords: memorial complex, architecture, dahma, khanqah, mosque, hujra, iwan, shrine, pilgrimage tourism
Abstract: The article examines the memorial-religious complex dedicated to Khoja Abdi, a religious scholar from the «abdi» tribe, who descended from the lineage of Caliph Uthman. In the 17th century, Nadir Muhammad Devonbegi constructed a mausoleum and several hujras for him. Subsequently, a memorial-cult complex formed around the mausoleum. Additionally, based on scientific research, archival data, and field studies, solutions have been developed for preserving the authenticity of the architectural monuments of the complex, proposals for their restoration or conservation, as well as for the development of pilgrimage tourism.

Ключевые слова: мемориальный комплекс, архитектура, дахма, ханака, мечеть, худжра, айван, святыня, паломнический туризм
Аннотация: В статье рассматривается мемориально-религиозный комплекс, посвящённый Ходже Абди, религиозному учёному из племени «абди», происходившему из рода халифа Усмана. В XVII веке Нодир Мухаммад Девонбеги построил для него мавзолей и несколько худжр. Впоследствии вокруг мавзолея сформировался мемориально-культовый комплекс. Также, на основе научных работ, архивных данных и полевых исследований, разработаны решения по сохранению аутентичности архитектурных памятников комплекса, предложения по их реставрации или консервации, а также по развитию паломнического туризма.

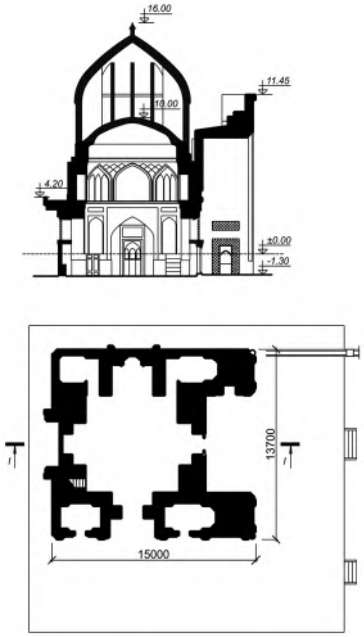
Ҳозирги кунга келиб туризм жаҳон мамлакатлари хизмат кўрсатиш соҳасининг энг катта қисмларидан бирига айланмоқда. Ҳозирги даврда дунёда ибодат ва зиёратгоҳларни ўрганишга қизиқиш кучайган, бунинг сабаби муқаддас масканлар инсонлар турмуш тарзининг ажралмас қисми бўлиб колмоқда. Шундай масканлардан бири Самарқанд шаҳри чегарасида жойлашган мемориал-диний мажмуа ҳақида сўз боради.

Хўжа Абди Берун мажмуаси Самарқанд шаҳрининг ташқарисида, "Саримозор" мавзесида Регистон майдонидан жануб томон 7 км, Хўжа Ахрори Валий мажмуасидан 2,5 км узоқликда жойлашган. Айни пайтда ёдгорлик комплекс қурилмаларини ўз ичига олиб, уларнинг бир қисми кейинги даврларга ҳам мансубдир. Бу қурилмалар замонавий тўғри тўртбурчак шаклдаги ғиштлардан қурилганига қарамасдан миллий меъморчиликдаги жабҳаларни талқин этилганлигидан дарак бериб турибди. Мажмуа ҳудуди иккита катта ҳовлидан ташкил топган ва улар девор ва иншоотлар билан ўраб олинган (Филимонов, 1958: 1). Мажмуа кириш қисми (дарвозахона), XVII аср хонақоҳи, даҳма, айвон, минора, ҳовуз ва кейинги даврлар қурилмаларидан ташкил топган (1а-расм).

Шунингдек, Абу Тоҳирхўжанинг "Самария" китобида Абдулмўмин Сатторий таржимаси бўйича Хўжа Абди Берун халифа Усмон авлодидандир (Абу Тоҳирхўжа, 1969: 50), араб авлодларидан бўлган "абди" қабиласига мансубдир. Г. А. Панкратьев эса буни қуйидагича



1а-расм. Хўжа Абди Берун мажмуаси бош режаси



1б-расм. Хонақоҳ режаси ва қирқими кўриниши

изоҳлайди: Намозгоҳ масжидидан Қавола йўли билан боришда шаҳардан 5 фарсанг узоқликда Хўжа Абди Берун масжид ва қабри мавжуд, Асл исми Муҳаммад Ёқуб бўлиб, машҳур Халифа Усмоннинг набирасидир. Берун дейилишининг сабаби унинг қабри Искандар арки девори ташқарисида жойлашгани учун шу атамани олган. Бу девор кейинчалик "Девори қиёмат" деб номланган (Панкратьев, 1910). П. Ш. Зоҳидовнинг фикрича диний масканни яратилиши IX–X асрларга бориб тақалади, аммо ҳозирги мажмуа XVII–XX асрлар давомида шаклланган. 1633 йили Хўжа Абдининг қабри устида даҳмаси ва унинг ёнида хонақоҳ қурилади. У пешток-гумбазли иншоот бўлиб, кошинли-сирли қопламасига эга эди. Бино режасининг марказида квадрат шаклдаги зал, 4 томонида меҳроблари ва бурчак қисмларида хужраларига эга эди. Хонақоҳ кейинги даврлар қурилишга мансублиги билан ва (атрофидаги) яшил боғлари билан яққол ажралиб туради (Зоҳидов, 1985: 38). Абди Берун номи билан аталган мажмуадаги меъморий ёдгорликларнинг архитектурасига тўхталиб ўтамиз.

Хонақоҳ мажмуанинг жанубий қисмида жойлашган. У диққатга сазовор хонақоҳлардан бири ҳисобланади (Шваб, 1986: 3). Режасида йирик ҳажмга эга залнинг бурчакларида кичик ҳужралари мавжуд. Улардан иккитаси ғарбий тарз бўйлаб жойлашган бўлиб, уларга марказий залдан ўтилади. Қолган иккита ҳужрага шарқий тарзнинг ташқи томондан кирилади (1б-расм).

Иншоот 0,8-0,9 метрга тенг баланд супа устида (ўлчамлари 26 х 30 метрга тенг) жойлашган. Супанинг усти ва ташқи ён деворлари кейинги даврлар замонавий ғиштлар билан терилган бўлиб ундаги шимол томондаги туйнукдан суфа ичи қандайдир бўшлиққа эга эканлигини кўриш мумкин. Хонақоҳнинг бу қисми ҳозиргача илмий ўрганилмаган.

Хонақоҳнинг ташқи периметр ўлчамлари 11,5 х 10,5 метрни, кириш пештоқи 6,8 х 3,4 метрни, квадрат шаклдаги зали эса 6,9 х 7 метрни ташкил этади. Зал девор ўқлари бўйлаб чуқурлиги 1,1 метрли ўйиқ ва ғарбий ўқ буйлаб жойлашган меҳроб 2,2 метрдан иборат. Гумбаз ости баландлиги 11 метрни ташкил этади, гумбаз учигача 17 метр баландликка эга.

Иншоот 25,5–26 х 25,5–26 х 5,5–6 см, га тенг пишиқ ғиштлардан қурилган. Ғиштлар терилганда ганч лойдан кенг фойдаланилган. Тарзлар томонидан ғиштларининг юзаси яхши тарошланган.

Қўшгумбазли хонақоҳ ички гумбази у қадар баланд эмас, у бурчаклардан чиқувчи ўзаро бир бири билан бирлашувчи равоқлар кесишмаси

2 а-расм. Хўжа Абди Берун хонақоҳи 1633 йил қурилган. Г.А. Панкратьев фотоси, XX аср боши

2 б-расм. Хонақоҳ ғарбий тарзининг ҳозирги кўриниши А.А. Райимкулов фотоси, 2022 й.

ва саккиз қиррали поғоналарга таяниб турибди. Гумбаз цилиндрик барабан ҳажми ичида, ташқи гумбаз остида жойлашган. Ташқи гумбаз сфероконик шаклида бўлиб, юқори қисми 2 ғишт қалинлигида терилган.

Хонақоҳ ички кўриниши оддий, бутун девор юзаси силлиқ ганч сувоқли қопламасига эга. Керамик безаклар асосан ташқи томондан айнан саккиз қиррали ҳажмларда ва гумбаз қисмларига урғу бериб жиловланган. Гумбаз ости барабан қисмида "сулс" хусни хатида ёзилган кошинли қолдиқлар мавжуд бўлиб, ҳозирда улар қайта тикланган. Гумбаз остидаги кошинли муқарнас ва ундаги мовий ранглар махсус сирланган ғиштлардан терилган. Кошинкор қанослар (ғарбий пештоқдан ташқари) ташқи пештоқларни безаб туради, интерьерда ҳужраларга кириш қисмида декоратив равоқлари ҳошияларга эга. Пештоқ устунлари ва ҳошияларида ҳам кошинлар қўлланилган. Меҳроб муқарнасли кошинлар ҳамда ислимий безаклар билан бойитилган.

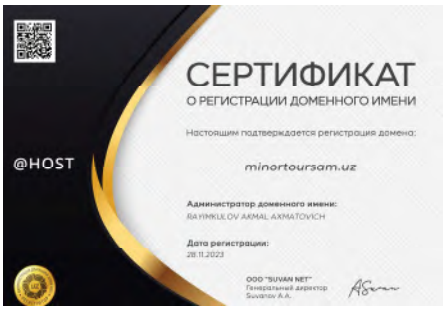
Хўжа Абди Берун коплексидан ансамблнинг Хўжа Абди номини олиши бошқа бир мозор билан боғлиқ, яъни Самарқандлик қози исломнинг олим Хўжа Абди ўғли демакдир. Абди деб қадимий арабча туғилишдан амир Усмон авлодидандир.

Мажмуадаги дастлаб маълум бўлган қурилиш бу – 1633 йилда Нодир Девонбегининг буйруғи билан бунёд этилган хонақоҳ ва даҳма ҳисобланади. Меъморлар исми сақланмаган. Хонақоҳ шу кунга қадар деярли ўзининг қадимий меъморий шаклларини сақлаб қолган, аммо пештоқнинг устки 1,5 метр баландликдаги қисми ғишти қайта терилган (2-расм). Ҳозирги кунда мажмуа тўлиқ фаолият кўрсатиб келмоқда.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 9 февралда қабул қилинган "Ўзбекистон Республикасида ички зиёрат ва туризмини янада ривожлантириш чора-тадбирлари тўғрисида"ги фармонида белгиланган вазифаларни амалга ошириш мақсадида Самарқанд шаҳри ва унинг атрофида жойлашган кам ўрганилган зиёратгоҳларнинг меъморчилиги, шаклланиш тарихи ва ҳозирги аҳволини кўриш имкониятини берувчи "minortoursam.uz" сайти ва унинг иловаси ушбу мақола муаллифи томонидан ишлаб чиқилди. Натижада ички туризм ва мамлакатимизга ташриф буюраётган сайёҳлар оқимини кўпайтириш, маданий мерос объектларимиз, тарихимиз, қадриятларимиз ва миллий анъаналаримизни намойиш этиш, шунингдек буюк алломаларимизнинг бунёд этиб қолдирган маданий мерос обидаларнинг асл ҳолатларини тарғиб этиш имконияти яратилди. Ишланманинг афзаллиги ички ва ташқи сайёҳларнинг зиёраттоҳларга мустақил равишда ташриф буюриши ва сайр қилиш имкониятини яратди.

Муаллиф томонидан шакллантирилган сайт ва иловасида Самарқанд вилоятида жойлашган зиёраттоҳларга олиб борувчи йўллар схемаси маршрути, мемориал-диний мажмуаларнинг бош режаси шаклланиши, шунингдек ҳар бир обиданинг ҳозирги меъморчилиги тасвирлари

3-расм. Хўжа Абди Берун даҳмаси ва хонақоҳининг ҳозирги кўриниши



4-расм. Домен тасдиқланганлиги ҳақидаги сертификат

ишлаб чиқилган. Натижада Самарқандга келиши кўзланган сайёҳ ёки зиёратчилар бу иловадан фойдаланиб, олдиндан вилоятнинг қайси қисмига бориши, шу масканнинг меморчилик тарихини билиб олиши, танланган зиёратгоҳларнинг маршрут йўналиши, шунингдек йўналишдаги меҳмонхона, ошхона ва барча хизмат кўрсатиш объектларини мустақил танлаб олиши шу билан бирга Самарқанд вилояти бўйлаб зиёрат қилиши имконини берувчи туристик маршрутлар таклиф лойиҳалари ишлаб чиқилган. Юқорида келтирилган таклифлар келгусида ҳудуднинг туристик салоҳиятини оширишда, янги сайёҳлик маршрутларини шакллантиришда илмий асос бўлиб хизмат қилади.

Хулоса ўрнида шуни айтиш жоизки, мажмуанинг муҳофаза ҳудудини сақлаш, бунда мажмуа атрофидаги янги ва замонавий услубдаги баланд тураржой ва жамоат биноларидан халос бўлиш, илмий тадқиқотларга асосланиб, мажмуа ҳудудидаги меъморий ёдгорликларни асл ҳолатида сақлаш, тиклаш ёки консервация ҳолатида келажак авлодга етказиш муҳим вазифаларимиздан бири ҳисобланади. Шунингдек, хонақоҳ қисмининг айрим жабҳалари бугунги кунга қадар илмий ўрганилмаганлигини инобатга олиб, обидада қўшимча илмий тадқиқотларни олиб бориш лозим.

Асосий масалалардан яна бири, мажмуа ҳовузининг атрофидаги қадимги чинорлар ва тут дарахтларини қуриб қолишини олдини олиш учун ирригация тизимларини ривожлантириш, ободонлаштириш ишларини тартибга солиш, комплекснинг асл ҳолатини борлигича сақлаб қолиш масалаларини амалга ошириш мақсадга мувофиқ. Зеро бу мемориал мажмуага келувчи маҳаллий ва хорижий сайёҳларнинг оқимини янада кўпайишига олиб келади.

5-расм. Самарқанддаги Хўжа Абди Берун ва Хўжа Ахрори Вали мажмуаларининг жойлашуви ва зиёрат маршрутлари

ФОЙДАЛАНГАН АДАБИЁТЛАР:

Абу Тохирхўжа, "Самария" / Абдулмўмин Сатторий таржимаси, ЎзФАШИ қўлёзмаси, инв № 600, Тошкент, 1969. 50 б.

Панкратьев Г.А. Исторические памятники Самарканда. Самарканд, 1910.

Вяткин В. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1933.

Зохидов П. Архитектурные памятники Зарафшанской долины. Ташкент, 1985. С. 38

Филимонов В.М. Пояснительная записка к обмерам "Ходжа Абди Берун". Ташкент, 1958. № С959/Ф-53. С.1.

Шваб Ю.З. Паспорт. Ханака в ансамбле Ходжа Абди Берун. Материалы «Свод памятников материальной культуры Узбекистана» в 1986-1992 гг. Архив отдела «Архитектуры» Института Искусствознания АН РУз. 3.4.10/а.-4.5.11. Ташкент, 1986. С.3.

БАХРАМ САДУЛЛАЕВ
Хоразм Маъмун академияси ижтимоий-гуманитар бўлими
Хива, Ўзбекистон

МЕШЕКЛИ-ҚАЛЪА КАРВОНСАРОЙИ: ЁДГОРЛИКНИ САҚЛАШ МАСАЛАЛАРИ ВА ТУРИСТИК ОБЪЕКТ СИФАТИДА ФОЙДАЛАНИШНИНГ ИСТИҚБОЛЛАРИ

Kalit so'zlar: Meshekli-qal'a karvonsaroyi, mudofaa devori, restavratsiya, konservatsiya, arxeologik turizm, landshaft, ekoturizm.
Annotatsiya: Mazkur maqola XII – XIV asrlarga tegishli Meshekli-qal'a karvonsaroyining tarixiy ahamiyati, uni tarixiy-arxeologik meros obyekti sifatida saqlash masalalariga bag'ishlangan bo'lib, Xorazm viloyatida arxeologik turizmni rivojlantirishdagi o'rni va istiqbollari bayon qilinadi. Qadimiy karvonsaroy sifatida geografik joylashuv o'rniga ko'ra Qizilqum cho'li bilan Amudaryo sohili oralig'ida joylashgan bu yodgorlikning atrofidagi tabiiy landshaftiga alohida e'tibor beriladi. Sayyohlarni flora va faunaga boy yaqin atrofdagi tabiiy landshaftni kuzatib bahra olish bilan birga arxeologik tadqiqotlarda bevosita ishtirok etishga tavsiya beriladi.

Keywords: Meshekli-Qala caravanserai, defensive wall, restoration, conservation, archaeological tourism, landscape, ecotourism.
Abstract: This article is dedicated to the historical significance of the Meshekli-Qala caravansarai, dating back to the 12th–14th centuries, and issues surrounding its preservation as a historical and archaeological heritage site. The article discusses the role of this monument in the development of archaeological tourism in the Khorezm region, along with its future prospects. Situated between the Kyzylkum Desert and the Amu Darya River, the monument holds significant geographical importance. The article highlights the surrounding natural landscape, which is rich in diverse flora and fauna. Visitors are encouraged not only to appreciate the unique natural environment but also to engage directly in archaeological research activities.

Ключевые слова: караван-сарай Мешекли-кала, оборонительная стена, реставрация, консервация, археологический туризм, ландшафт, экотуризм.
Аннотация: Данная статья посвящена историческому значению караван-сарая Мешекли-кала, относящегося к XII–XIV векам, и вопросам его сохранения как объекта историко-археологического наследия. Освещается роль этого памятника в развитии археологического туризма в Хорезмской области и перспективы его использования. Географически памятник расположен между пустыней Кызылкум и берегом Амударьи, что придаёт ему особое значение. В статье акцентируется внимание на природном ландшафте вокруг караван-сарая, богатом флорой и фауной. Туристам предлагается возможность не только наблюдать за природным окружением, но и принимать непосредственное участие в археологических исследованиях.

Кириш. Хоразм воҳаси инсониятнинг илк цивилизация марказларидан бири бўлиб, ўзига хос тарихи ва бой маданиятига эга. Қадимқадимдан Хоразм тарихини ёритишга интилган буюк олимлар, тарихчилар, саёҳатчилар, ёзувчи ва шоирлар унинг бетакрор маданияти, бой маънавий олами, жаҳон илм-фани ва маданиятига салмоқли ҳисса қўшган буюк алломалари, озодлик ва истиқлол учун курашда жонини фидо қилган дунёга машҳур қаҳрамонлари ҳақида ҳикоя қилади. Улар бундан ташқари бу заминнинг ижти-моий-иқтисодий ҳаёти, шаҳар ва қишлоқлари, қўшни вилоятлар аҳолиси билан савдо алоқалари ҳақида ҳам бой маълумотларни беришга ҳаракат қилганлар. Хоразмнинг иқтисодий тарихи, илк шаҳарлари тарихи, савдо марказларининг яратилиш тарихига оид мавжуд ёзма манбалар археологик тадқиқотлар натижасида топилган моддий ёдгорликлар ва маънавий маданият намуналари билан тасдиқланган. Хусусан, Хоразм воҳаси ва унинг атрофидаги ҳудудларда олиб борилган археологик тадқиқотлар бу ерларнинг ўтмишда иқтисодий жиҳатдан ривожланганлигини, шаҳарлар, қаср ва саройлар, карвонсаройлар, деҳқончи-

лик ва ирригация иншоотлари мавжудлигини яққол кўрсатиб турибди.

Минтақа иқтисодиётининг ривожланишида қўшни ва узоқ мамлакатлар билан савдо-сотиқ муҳим ўрин тутган. Шу нуқтаи назардан, неча асрлар давомида Хитойдан Ўрта ер денгизигача чўзилган мамлакатлар ўртасида асосий савдо йўли бўлган "Буюк Ипак йўли"нинг муҳим ролини таъкидлаш зарур. Ўрта асрларда Хоразм халқаро карвон йўллари кесишган тизимда жойлашганлиги сабабли Ғарб давлатлари, айниқса Шарқий Европа билан савдо-сотиқда муҳим давлатлардан бири бўлган. Хоразм карвонсаройлари воҳадан ташқарида жануби-шарқда Амударёнинг ўнг ва чап қирғоқлари бўйлаб Қи-зилқум ва Қорақум чўллари оралиғида, шимоли-ғарбда Устюрт даштларида ва қисман жануби-ғарбда Каспий денгизи томон қадимги Ўзбой дарёси ўзанида жойлашган бўлиб, Жануби-шарқдаги карвон йўллари Хоразмни Мовароуннахр ва Хуросон билан, шимоли-ғарбда қадимги Рус билан, жануби-ғарбда шимоли-ғарбий Эрон мамлакатлари билан боғлаган.

Савдо йўлларининг жуда катта масофалари махсус юк тушириш ва юклаш пунктлари – карвонсаройларни ташкил қилишни талаб қилган. Улар ҳам меҳмонхона, ҳам омборлар сифатида катта аҳамиятга эга бўлган.

Ўрганилиш тарихи ва археологик тавсифи. Биз ушбу тадқиқотимизда Хоразм вилоятининг Тупроқ-қалъа тумани ҳудудида, Амударёнинг юқори ўнг қирғоғида, ҳозирги Мешекли кўрфазига яқин жойда жойлашган ўрта асрларга оид Мешекли-қалъа карвонсаройига эътибор қаратамиз (1-расм). Мешекли-қалъа карвонсаройи Мовароуннахрдан Хоразмга борадиган йўлда жойлашган. Ўрта асрлар манбаларида Хоразмнинг жанубидаги карвонсаройлар ҳақида бир қатор маълумотлар келтирилган. Жумладан, араб географи ал-Мақдисийнинг "Аҳсан ат-Тақосим фи маърифат ал-Акалим" (Иқлимларни англаш учун энг яхши тақсимотлар) асарида Амударёнинг ўнг қирғоғидаги карвонсаройлар ва улар орасидаги масофалар ҳақида маълумотларни учратамиз. Айниқса, тадқиқот объекти Мешекли-қалъа карвонсаройи жойлашган ҳудудда Дулдулотлаган дараси билан Туямўйин дараси оралиғида қайд этилган Работи Мош ва Работи Санда алоҳида қизиқиш уйғотади (МИТТ, 1939: 206). Я. Ғуломов Мешекли-қалъани Мош работидан бир кунлик юриш масофасида жойлашган Сандал работи билан қиёслаган бўлса (Гулямов, 1957: 146), олиб борилган сўнгги тадқиқотлар натижасига кўра, ёдгорлик Туямўйин дарасидан бир кунлик йўлда жойлашган Мош работи билан локализация қилинади (Баратов и др., 2017: 55–56).

Мешекли-қалъа харобалари ҳақидаги баъзи маълумотлар Хива юриши қатнашчиларининг маълумотларида, шунингдек, кейинчалик Россия империяси томонидан босиб олингандан кейинги тадқиқотларда қайд этилган (Юсупов, 1986: 3). XIX аср охирларида карвонсарой жуда яхши сақланиб қолганлигидан, А. В. Каульбарс ўзининг эсталикларида

1-расм. Мешекли-қалъа карвонсаройининг коинотдан кўриниши

2-расм. Жануби-ғарбий мудофаа деворлари

3-расм. Археологик қазишмалар олиб борилган ҳудуд

ёдгорлик ҳудди яқин кунларда ташлаб кетилганга ўхшайди, деб таъриф беради (Каульбарс, 1873: 15).

Ёдгорлик 1939-йилда С. П. Толстов томонидан қайд қилиниб, Хоразм археологик ёдгорликлари харитасига мўғуллардан олдинги давр карвонсаройи сифатида жойлаштирилган (Древности..., 1991: 25–26). XX асрнинг 70-йилларда бу ерда М. Мамбетуллаев илк бор стратиграфик тадқиқотларни олиб борган ва натижада мўғуллар даврига ча бўлган 50 см қалинликдаги маданий қатлам аниқланган (Мамбетуллаев, 1990: 102-106). 2005-2007 йилларда Мешекли-қалъа ЎзР ФА Хоразм Маъмун академиясининг Жанубий Хоразм отряди томонидан ўрганилган. С. Р. Баратов бошчилигида Мешекли-қалъанинг жанубий бурчагида ўлчамлари 30 х 15 м бўлган ҳудудда кенг қамровли археологик қазишмалар олиб борилган (3-расм). (Баратов, 2006: 53–55; Баратов и др., 2009: 40-43; Баратов и др., 2017: 48–56).

Мешекли-қалъа карвонсаройи ўлчамлари 60х60 м бўлган деярли квадрат шаклида, бурчаклари дунё томонларига қаратилган (1-расм). Бурчакларида гулдаста-миноралар жойлашган. Бугунги кунда ёдгорлик деворларининг катта қисми сақланмаган. Фақат жануби-ғарбий ва жануби-шарқдаги мудофаа деворлари қисман 4-8 м баландликда сақланиб қолган (2-расм). Жануби-шарқий деворнинг юқори қисми ярим доира шаклидаги гофрировкалар билан безатилган. Жануби-ғарбий деворда бугунги кунда пештоқнинг текис юзасининг бир қисми сақланиб қолган, бу ерда, эҳтимол, дарвоза бўлганлигини тахмин қилиш мумкин. (Баратов и др., 2017: 48–56).

Қазишма майдонида ўрганилган меъморий иншоотлар қолдиқлари ёдгорликда икки ҳаёт босқичини аниқлаш имконини берди. Ёдгорликнинг сўнгги босқичига тегишли турар-жой иншоотлари деворлари тош ва пишган ғиштдан (ўлчами: 35 х 35 х 4 ва 37 х 37 х 4 (см)) бўлган пойдевор устига 18-20х33-34 х 16–17 (см) ўлчамдаги хом ғиштлардан қурилган. 14 та хонанинг қолдиқлари аниқланган бўлиб, уларни турар-жойнинг хоналари деб талқин қилиш мумкин. Турар-жойлар хоналари қалъанинг жанубий бурчагида жойлашган. Ҳовли-жойга кириш унинг шимоли-ғарбий қисмидан амалга оширилган бўлиб, у ерда ўчоқбоши, ошхона ва бир қанча ўчоқлар ҳам аниқланган (Баратов и др., 2017: 48–56). Охирги қурилиш даврининг маданий қатламлари қалинлиги унинг энг чуқур қисмида 150 см бўлиб (6-хона), қазиш ишлари материкгача олиб борилган.

Қазишмалар натижасида асосан сирланган ва сирланмаган сопол идишлар парчаларидан иборат турли хил ифодали топилмалар қўлга киритилди. Сирланган сопол идишлар мажмуаси XII-XIV асрларда Хоразмда кенг тарқалган чироқдонлар ва дастурхон сопол буюмлари (коса ва пиёлалар) билан ифодаланади (Қдырниязов, 2015: 175,179).

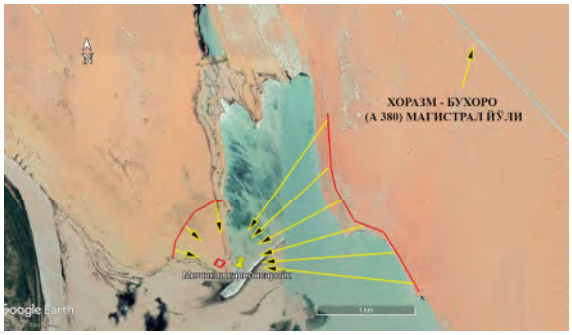
Сирланмаган кулолчилик мажмуаси хум ва хумча парчалари, сопол қозон, кўза, коса, тоғора, қадаҳ, қопқоқ, "дастурхон" ва "симобкўзача", шунингдек, биноларнинг фасадларини безаш учун мўлжалланган ўйма нақшли сирланмаган сопол кошиндан иборат. Бундай ўхшаш идишлар Хоразмнинг XII-XIV асрларга оид барча илгари ўрганилган ёдгорликларида ҳам маълум (Вактурская, 1959: 302–325; Вишневская, 2001: 73–76; Кдырниязов, 2015: 185–1195; 185–1195). Бундан ташқари, Хоразмнинг XIII–XIV асрларга хос бўлган талкдан ишланган қозонларнинг парчалари ҳам топилган (Толстов, 1963: 183; Ягодин, 1963: 75; Кдырниязов, 1981: 130; Кдырниязов, 2015: 215, 224).

Шундай қилиб, Мешекли-қалъа карвонсаройини археологик жиҳатдан ўрганиш унинг тарихий ривожланишининг икки даврини кўрсатиб берди. Мешекли-қалъа карвонсаройи XII асрда барпо этилган ва XIII аср бошларигача, яъни мўғуллар истилосигача карвонсарой сифатида фойдаланилган. Бу даврга (XII–XIII аср бошлари) тегишли меъморий иншоотлар қолдиқлари карвонсаройлар режалаштирилишига хосдир (Манылов, 1982: 91-122; Лохович, 1979: 112–118). Мудофаа деворларининг ички қисми периметри бўйлаб уларга тақаб қурилган бир хонали хужралар қатори мавжуд бўлиб, ягона кириш эшиги ҳовлининг ўртасига қараган. Полдаги ҳар бир хонанинг марказида сандал типидаги ўчоқ бор. Хоналарнинг полларида XIII асрнинг биринчи чорагига оид ошхона идишлари ва мўғулча типдаги ўқ-ёй учлари топилган бўлиб, мўғуллар истилосидан кейин қисқа вақт бўшаб қолган (Баратов и др., 2017: 48-56). XIII асрнинг иккинчи ярмида карвонсарой бинолари қайта тикланди, аммо улар олдингидай карвонсарой сифатида фойдаланилмайди. Хужраларга хўжалик ва қўшимча хоналар бириктириб қурилган. Ёдгорлик ичида турар-жой мажмуалари пайдо бўлади. Бу даврнинг поллари ва маданий қатламларида сопол ва, эҳтимол, темир ишлаб чиқаришининг излари кузатилади: шлаклар, эриган сопол ва ғиштлар шулар жумласидандир. Шунингдек, қалъадан ташқарида, унинг жанубида ҳам турар-жойлар мажмуаси шаклланади ва бу ерда ҳаёт XIV аср охиригача давом этади (Баратов и др., 2017: 48–56).

Демак, мана шундай ўзига хос, бой маданиятга эга ёдгорликни асраб авайлаш, таъмирлаш, қайта қуриш, музейлаштириш ва дунёга машҳур туризм маршрутларидан бирига айлантириш ҳозирги куннинг долзарб масаласи саналади ва шу нуқтаи назардан келиб чиққан ҳолда бир қатор *таклиф ва тавсияларни* тақдим қилиш мумкин.

Мешекли-қалъа археологик ёдгорлиги карвонсарой сифатида ўзининг географик жойлашиш ўрни билан фарқ қилади, яъни воҳадан йироқда, бир томони Қизилқум билан ўралган Амударё соҳилида жойлашган бу ёдгорлик атрофидаги табиий ландшафти

4-расм. Сартарош – Эшон Работ – Дош-қалъа - Дулдулотлаган – Мешекли-қалъа маршрут



5-расм. Мешекли-қалъа умумий кўринишини узоқдан томоша қилишнинг таклиф қилинаётган таҳминий чегараси

билан ажралиб туради. Бу ерда Амударёнинг ичкарига кирган катта қўлтиқнинг мавжудлиги, шунингдек, унинг шарқий қирғоқлари тик ёнбағирлардан ташкил топганлиги яқин атрофдаги табиий ландшафтни кузатиб баҳра олишга ва тарихий-археологик туризм билан биргаликда экотуризмни ривожлантиришда ҳам катта рол ўйнайди.

Мешекли-қалъа карвонсаройи деворларининг қисман сақланганлигига кўра, уни реконструкция қилиш ва очиқ осмон остидаги музейга айлантириш орқали туризмнинг истиқболли режаларини амалга ошириш имконияти мавжуд.

Ёдгорликда сайёҳлик мавсумида мунтазам равишда амалга ошириладиган археологик тадқиқотларни (замонавий технологиялардан фойдаланган ҳолда (GIS, GPS, квадрокоптер ва б.)) йўлга қўйиш лозим ва ҳар мавсумдаги тадқиқотлар тугаши билан босқичма-босқич консервация ишларини олиб бориш мақсадга мувофиқ бўлади. Бунда мавжуд қонунчилик

доирасида тадқиқотларга сайёҳларни ҳам жалб қилиб, уларнинг иштирокини таъминлаш орқали ёдгорликка келадиган меҳмонлар қизиқишини ортириш мумкин. Ёдгорликни консервациялаш ва реставрация қилишда жаҳон тажрибасида эришилган ютуқлардан фойдаланган ҳолда қурилиш соҳасидаги маҳаллий хусусиятларни ҳам эътиборга олиш лозим. Консервация қилинган ёдгорлик яқинида музей ташкил қилинса, археологик тадқиқотлар натижасида тўпланган топилмалар ушбу музей экспозициясининг ноёб фондига айланиши мумкин. Музей экспозиция мажмуаси қошида тегишли хоналар ва инфраструктурага эга бўлган илмий-ўқув марказини ташкил қилиш орқали ёзги даврда бу ерда Ўзбекистон ва Хоразм вилояти ОТМнинг тарих ва археология йўналишидаги талабалар, бакалавр ва магистрлари учун илмий-амалий семинарлар ва археологик дала амалиётини ўтказиш мумкин. Мешеклиқалъа талаба, бакалавр ва магистрларнинг археология амалиёти объектига айланади.

Ёдгорлик консервация ва реконструкция қилинган тақдирда "Буюк ипак йўли" карвонларининг ҳаракатини саҳналаштириш учун қулай жой ҳисобланади. Бунда ҳар бир сайёҳ ўтмишдаги савдо карвонининг ҳаракатини ўзида хис қилган ҳолда бевосита иштирок этиши мумкин. Ўз навбатида ёдгорликнинг бир неча тилда йўл кўрсаткичлари яратилади, рақамли харитаси, савдо карвонини инсценировкасини акс эттирувчи туристик маршрути ишлаб чиқилади. Виртуал музей ва 3Д форматлари билан биргаликда электрон порталга жойланади.

Туристик маршрут йўналишидаги муҳим жиҳатлардан бири ёдгорликнинг Хоразм – Бухоро магистрал автомобил йўлига яқин жойлашганлигидир. Мазкур йўналишнинг айнан қадимги ипак йўли тармоқларига мос келиши унинг аҳамиятини янада оширади. Бу йўналишда Сартарош – Эшон Работ – Дош-қалъа – Дулдулотлаган – Мешеклиқалъа маршрутини шакллантириш мумкин (4-расм).

Ёдгорликни реконструкция қилиш ва очиқ осмон остидаги музейга айлантириш истиқболларининг юқорилиги ёдгорликнинг ҳимоя зонасини анча кенг майдонни қамраб олишига зарурат туғдиради. Чунки ёдгорликка ташриф буюрган сайёҳ учун уни яқиндан кўриш билан бирга анча узоқдан туриб ташқи томондан томоша қилиш ва фотосуратга олиш каби эҳтиросларга эга бўлиши табиий ҳолдир. Рассом ижодкорлар учун ҳам айнан шундай ҳолат маъқул ҳисобланади. Ҳозирги кунда ёдгорликни жанубдан ташқари деярли ҳамма томонидан томоша қилиш майдони мавжуд (5-расм). Ёдгорликнинг туристик имкониятларини айнан юқоридаги жиҳатлар сақлаб қолади ва унинг доимий зиёрат қилувчилар нуфузининг ортишига хизмат қилади. Шунинг билан бирга Мешекли-қалъа атрофида кенг ҳудудда кузатув ва томоша майдонининг сақланиб қолиши ёдгорликка инсон факторининг таъсирини камайтиради ва унинг умрбоқийлигини янада оширади.

Амалга ошириладиган ишларга албатта маҳаллий ва чет эл инвестицияларини жалб қилиш орқали мазкур жойнинг инфраструктурасини ривожлантириш, маҳаллий аҳоли вакиллари учун янги иш ўринларини очиш имкониятлари ҳам юзага келади ва Хоразм вилоятида туризмнинг тараққий қилишида муҳим омил бўлади.

Ушбу чора-тадбирларни амалга ошириш Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг "2020–2022 йилларда Хоразм вилоятининг Тупроққалъа туманини комплекс ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш чора-тадбирлари тўғрисида"ги 2020 йил 2 июндаги 346-сонли қарори, 2021 йил 24 февралдаги № 100-сон "Ички ва зиёрат туризмини ривожлантириш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида"ги ва "Моддий маданий мерос объектлари ва Юнесконинг умумжаҳон мероси рўйхатига киритилган ҳудудлар муҳофазасини кучайтириш чора-тадбирлари тўғрисида"ги 2021 йил 3 мартдаги № 119-сонли қарорлари, шунингдек, 2017 йил 4 майдаги № 2953-сон Ўзбекистон Республикаси Президентининг "Хоразм вилояти ва Хива шаҳрининг туризм салоҳиятини комплекс ривожлантириш дастури тўғрисида"ги Қарори каби норматив ҳужжатларнинг ижросини таъминлашда муҳим рол ўйнайди.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

Баратов С.Р. Археологические исследования на Юге Хорезма в 2004 – 2005 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004 – 2005 годы. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 47–55.

Баратов С.Р., Рахманов У., Лушпенко О.Н., Юсупов Н., Муродова Д.Х., Садуллаев Б.П., Матрасулов Ш., Машарипов Э. Археологические исследования на территории Южного Хорезма в 2006 – 2007 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2006-2007 годы. Вып. 6. Ташкент, 2009. С. 38-56.

Баратов С.Р, Садуллаев Б.П., Рахимов Ш.Б. Караван-сарай Мешекли-кала // Вестник Хорезмской академии Маъмуна. Хива, 2017, №2. С. 48–56.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ, т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 261-342.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – начало XIII в. н.э.). М.: "Восточная литература" РАН, 2001. 175 с., с илл.

Гулямов Я. История орошения Хорезма. Т.: Изд. АН РУзССР, 1957. 313 с.

Древности Южного Хорезма // ТХАЭЭ, Т. XVI. (Отв.ред.: М.А.Итина). М.: Наука, 1991. 288 с.

Каульбарс А.В. Низовья Амударьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 году. ЗРГО, т. 9. СПб., 1881. 630 с.

Кдырниязов М-Ш. Культура Хорезма в XIII-XIV вв. Самарканд: Зарафшон, 2015. 443 с.

Кдырниязов М.-Ш. Ремесло Хорезма в XIII – XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. Т.: ФАН, 1981. С. 123-139.

Лоховиц В.А. Караван-сараи Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М.: Изд-во Наука, 1979. С. 112-118.

Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта. // Археология Приаралья. Вып.I. Т.: ФАН, 1982. С.93-122.

Манылов Ю.П., Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Городище Мешекли — памятник средневекового Хорезма // Вестник ККО АН РУз. №1, Нукус, 1990. С. 102-106.

Материалы истории туркмен и Туркмении (МИТТ), Ч. 1. М.-Л., 1939. 606 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Восточная литература, 1962. 324 с.

Юсупов Н. К истории археологического изучения южной Каракалпакии. // Археология Приаралья, вып.III. Т.: ФАН, 1986. С.3-11.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-дарьи // МХЭ, вып.7. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 73-97.

Ягодин В.Н. Типолого-хронологическая систематизация средневековой керамики Арало - Каспия // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд, МИЦАИ, 2013. С. 135–195.

ЖИБЕК СЫЗДЫКОВА
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
ОЛЬГА КОБЗЕВА,
НОДИРАБЕГИМ ВАИСОВА
Национальный Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: Великий шелковый путь, объекты историко-культурного наследия, информационные технологии, виртуальные карты, онлайн-платформы, дополненная реальность, цифровое культурное наследие, популяризация.
Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием информационных технологий в изучении, сохранении и популяризации историко-культурных объектов Узбекистана в контексте истории Великого шелкового пути. В частности, предлагаются проекты по развитию онлайн-платформ, созданию виртуальных карт, использования 3D-, 4D- и 5D-моделирования, картографирования и дополненной реальности как средств значительного повышения интереса туристов и молодежи к истории Узбекистана и стран Центральной Азии, к истории, культуре и духовному наследию государств Шелкового пути, а также к их сохранению для будущих поколений.

Kalit so'zlar: Buyuk ipak yo'li, tarixiy-madaniy meros obyektlari, axborot texnologiyalari, virtual xaritalar, onlayn platformalar, virtual reallik, raqamli madaniy meros, ommalashtirish.
Annotatsiya: Maqolada Buyuk Ipak yo'li tarixi kontekstida O'zbekistonning tarixiy-madaniy meros obyektlarini o'rganish, saqlash va ommalashtirish uchun axborot texnologiyalaridan foydalanish bilan bog'liq masalalar yoritilgan. Xususan, onlayn platformalarni rivojlantirish, virtual xaritalar yaratish, 3D, 4D va 5D modellashtirish, xaritalash va virtual reallikdan foydalanish bo'yicha loyihalar taklif etiladi. Ushbu vositalar yoshlar va sayyohlarda O'zbekiston va Markaziy Osiyo mamlakatlari tarixi, Buyuk ipak yo'li davlatlarining tarixi, madaniyati va ma'naviy merosiga qiziqishni oshirishga, shuningdek, ushbu merosni kelgusi avlodlar uchun saqlashga xizmat qiladi.

Keywords: Silk Road, historical and cultural heritage sites, information technologies, virtual maps, online platforms, augmented reality, digital cultural heritage, popularization.
Abstract: The article examines issues related to the use of information technologies in the study, preservation, and promotion of historical and cultural sites in Uzbekistan within the context of the history of the Silk Road. Specifically, it proposes projects for the development of online platforms, the creation of virtual maps, and the use of 3D, 4D, and 5D modeling, mapping, and augmented reality. These technologies are presented as tools for significantly increasing tourist and youth interest in the history of Uzbekistan and Central Asian countries, as well as the history, culture, and spiritual heritage of the Silk Road states, while also ensuring their preservation for future generations.

Перед мировым сообществом в эпоху цифровизации и бурного развития технологий стоит проблема сохранения и использования историко-культурного наследия (ИКН) в целях развития общества и духовности человечества. Республика Узбекистан также нацелена на сохранение и передачу будущим поколениям исторических ценностей национальной культуры, наследия многотысячелетней цивилизации Трансоксианы и Великого шелкового пути.

В настоящее время многие проблемы в области сохранения объектов историко-культурного наследия определяются, по мнению экспертов, противоречиями между необходимостью развития городской инфраструктуры и обязанностью сохранения объектов культурного наследия, которые постоянно нуждаются в восстановлении и/или реставрации; возможностью полной адаптации к происходящим изменениям климата, городской инфраструктуры, социальной структуры общества; объемами финансирования; эффективностью управления процессами сохранения культурного наследия; степенью вовлеченности общественных

организаций и гражданского общества в целом в процесс сохранения ИКН. Все эти факторы влияют на сохранность ИКН, уровень культурного развития населения и формирование ответственного отношения к историко-культурному достоянию народов (Завьялова и др., 2024: 637–656) [Электронный ресурс]).

Великий шелковый путь, который является феноменом сразу нескольких цивилизаций: китайской, среднеазиатской, ближневосточной, степной, в частности, и евразийской цивилизации в целом, формировался под влиянием этих цивилизаций и служил ретранслятором культурных и экономических достижений между ними. Шелковый путь был экономической основой многих цивилизаций и уже в древние времена воплощал собой девиз «единство в многообразии», т. к. даже в сложные периоды политической истории отдельных государств он способствовал связям народов, их толерантности, поискам взаимовыгоды и сотрудничества; сочетая в себе традиции и новации, Шелковый путь приводил к появлению уникального историко-культурного наследия отдельных народов и государств.

Начиная с 1987 г. проект ЮНЕСКО «Комплексное исследование Шелкового пути — пути диалога» объединил ученых со всего мира, которые представили значительное количество исследований и публикаций о разных аспектах истории Великого шелкового пути, в том числе о проблемах сохранения его историко-культурного наследия и развития туризма на его трассах. Эта инициатива была продолжена различными академическими, культурными и художественными учреждениями по всему миру путем создания различных онлайн-платформ.

С 22 по 25 мая 2015 г. в Сиане (Китай) прошло первое заседание, организованное ЮНЕСКО в рамках Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.), по созданию Международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шелковый путь» при участии координаторов и экспертов из 16 государств-членов (Китай, Египет, Франция, Индия, Исламская Республика Иран, Япония, Республика Корея, Оман, Российская Федерация, Сенегал, Испания, Таджикистан, Турция, Узбекистан и Великобритания) (Первое заседание… [Электронный ресурс]).

Основной целью создателей и координаторов виртуального проекта является сбор, анализ и передача информации о наследии Шелкового пути в различных странах, которые затем публикуются на онлайн-платформе ЮНЕСКО «Шелковый путь».

В Базе данных онлайн-платформы «Шелковый путь» содержатся результаты исследований, которые доступны читателям и исследователям. Ссылки на статьи, научные труды, доклады доступны с помощью кнопки выбора маршрута (сухопутный/морской) или основных тем, представленных в меню. Поиск также возможен по ключевым словам конкретной темы, по имени автора или названию. Кроме того, последние исследования, проведенные ЮНЕСКО и ее партнерами в этой области, можно найти в меню «Последние исследования» (Международная сеть… [Электронный ресурс]).

На названной платформе можно найти информацию о материальном и нематериальном наследии исторических маршрутов, а также большое количество фотографий, видеоматериалов, публикаций и исследований ученых из разных стран мира.

Сегодня онлайн-платформа объединяет исследователей из 55 стран мира под единым девизом «Шелковый путь — путь диалога, многообразия и развития». В частности, ученые Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Института востоковедения имени Абу Рейхана Беруни, Института истории АН РУз и Национального археологического центра размещают на ней свои материалы (Кобзева и др., 2022: 57–60. [Электронный ресурс]).

В рамках разработки историко-культурно-познавательного туристического проекта «Великий шелковый путь: дороги Центральной Азии» на основе современных технологий в настоящее время создается интерактивная карта, отражающая маршрут

Шелкового пути и содержащая три информационных слоя. Первый — хронологический: миграции народов, формирование древних торговых путей, развитие государств в исторической динамике, экспедиции знаменитых исследователей, купцов и путешественников; второй — государства Центральной Азии в ретроспективной истории Великого шелкового пути с визуализацией уникальных природных и культурных достопримечательностей, находящихся на разных маршрутах, но связанных между собой единым брендом и общей историей; третий уровень карты будет содержать виртуальную презентацию туристского маршрута «Великий шелковый путь с городами Центральной Азии, их современными туристическими маршрутами и объектами туристической инфраструктуры» (Шелегина, 2020: 45–51).

Подобные интерактивные карты являются несомненным подспорьем для тех, кто изучает историю Великого шелкового пути. Его функционирование требовало создания развитой системы международного разделения труда в производстве товаров на экспорт и в обеспечении инфраструктуры транспортных коммуникаций. Великий шелковый путь стимулировал развитие специализации торговых городов на средневековом Востоке. Возникает их дифференциация, появление селений, специализировавшихся на производстве экспортных товаров. Если в Западной Европе города обслуживали в основном местные рынки, то в Азии — международную торговлю, играя роль транзитных пунктов на караванных путях. Эти города (Тебриз, Ормуз, Бухара, Самарканд, Хорезм, Отрар, Кашгар, Турфан, Хотан, Дуньхуан и др.) обязательно имели караван-сараи, сочетавшие функции гостиниц и складских помещений. Для купцов-иноземцев организовывались специальные рынки наиболее ходовых товаров. На обслуживании торговых караванов работали люди многих профессий — переводчики, менялы, погонщики верблюдов, охранники караванов, сборщики налогов и т. д. (Аскаров и др., 1990: 5–8). «Привязанность» торговых городов континентальной Азии к обслуживанию караванной торговли на дальние расстояния привела к разрушению Шелкового пути и к упадку этих городов. Некоторые из них совершенно исчезли (напр., многие города Восточного Туркестана). Используя онлайн-платформу, можно получить доступ к воссозданной истории крупных городов вдоль Шелкового пути, а также понять их значение в развитии этого маршрута, проследить процессы урбанизации, провести исторические аналогии и т. д.

Караванные дороги способствовали установлению трансконтинентальных связей и, как следствие, интенсифицировали многие виды интеллектуальной деятельности, расширяли кругозор, способствовали распространению научных и философских знаний и идей — в этом состоит их особый вклад в историю мировой цивилизации. Тесные межкультурные контакты на караванных трассах способствовали созданию оригинальных произведений искусства, в которых проявился синкретизм иранской, китайской, согдийской и тюркской культурных традиций. В этом контексте онлайн-платформа должна предоставлять доступ к виртуальным экскурсиям по музеям Шелкового пути, знакомство с публикациями известных искусствоведов (Онлайн-платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь». [Электронный ресурс]).

В типологическом ракурсе трассы Шелкового пути могут быть представлены следующим образом: межконтинентального значения (Великий шелковый путь, связывающий два континента — Азию и Европу); континентального значения (коммуникации, связывающие различные регионы одного континента — Бактрию и Индию, Бактрию и Китай; регионального значения (коммуникации внутри какой-либо части континента — дорога между Бактрией и Согдом, Бактрией и Хорезмом и т. д.) (Мукминова, 1990: 110–113).

В системе функционирования этой древней магистрали выделяются регионы: 1) непосредственно находящиеся в зоне прохождения пути; 2) регионы, расположенные на пересечении Шелкового пути с другими евразийскими торговыми магистралями;

3) регионы, вовлеченные в систему экономических связей с территориями, по которым проходили караванные пути. В их числе: юг Западной Сибири и Южный Урал (Ртвеладзе, 1999: 31).

Необходимо отметить многофункциональность трасс Великого шелкового пути. Это были дороги транзитного и почтового сообщения, торговли, миграций, дипломатических контактов, культурных и духовных взаимоотношений. Онлайн-платформа «Шелковый путь» представляет движимое наследие, которое в настоящее время находится в музеях по всему миру, как в странах на территории Шелкового пути, так и за их пределами. Результатами работ археологических экспедиций на Шелковом пути стали манускрипты, книги, рукописи, керамика, скульптура, предметы ювелирного искусства, ковры, текстиль, погребальные камеры, культовые сооружения. Материалы этнологических изысканий позволяют ознакомиться с жизнью, бытом и традициями народов на Шелковом пути, с их религиозными обрядами, а также с их досуговыми видами деятельности. Исследователям, работающим с материалами платформы, представляется уникальная возможность для систематизации и сравнительного анализа, знакомства с ранее неизвестными фактами, иллюстрациями, видео и фотоматериалами.

С 2021 года Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана совместно с международной негосударственной организацией «Global Digital Heritage» запустило инновационный проект — создание 3D-реконструкций памятников Узбекистана с эффектом дополненной реальности и размещением на онлайн-платформе (Передовые технологии. [Электронный ресурс]).

Специалисты проекта сканируют сооружения, памятники, гробницы, артефакты и создают панорамы 360° и изображения для виртуальных туров с применением 3D-виртуализации, эффекта визуализации, виртуальной реальности. В частности, в Самарканде эксперты отсняли усыпальницу Амира Темура — мавзолей Гур-Эмир, выполнили лазерное сканирование мечети XV в. Биби Ханум и площади Регистан. В Шахрисабзе успешно провели съемки дворца Ак-Сарай, памятника и мемориального комплекса Амира Темура.

Другим инновационно-технологическим решением Всемирного общества стали т. н. VR-экскурсии (в виртуальных очках, с помощью которых можно совершить экскурсию по Регистану и т. д.) и QR-код, которые расположены на страницах книг-альбомов серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Загрузив специальное приложение и наведя камеру смартфона на QR-код, можно познакомиться с краткими видеороликами о том или ином артефакте или событии. Ролики представлены на трех языках: узбекском, русском и английском. Каждый ролик — это основательная работа видео-блока Всемирного общества. Современная технология превращает книгу в увлекательный гид по культуре Узбекистана. В зависимости от содержания в каждой книге представлено от 10 до 20 кодов-ссылок (3D-реконструкция… [Электронный ресурс]).

3–4 марта 2022 г. в Государственном музее истории Узбекистана состоялось IV заседание рабочей группы по разработке совместной выставки «Общее наследие Великого шелкового пути» и запуску ее виртуального аналога. Совместная выставка является частью проекта ЕС-ЮНЕСКО «Наследие Шелкового пути в Афганистане, Центральной Азии и Иране — международные аспекты Европейского года культурного наследия» (Мехришвили, 2016: 163). Опыт практической работы показывает, что для наиболее оптимального поиска и работы с данными онлайн-платформы целесообразно создать на ее основе специальные разделы по изучению вклада отдельных народов Евразии в историю и культуру Великого шелкового пути. В частности: «Согдийцы на ВШП», «Тюрки на ВШП», «Арабы на ВШП», «Греки и римляне на ВШП», «Византийцы на ВШП», «Монголы на ВШП», «Японцы на ВШП», «Корейцы на ВШП», «Китайцы на ВШП», «Индийцы на ВШП».

Создание и применение подобных виртуальных платформ позволяет значительно повысить интерес молодежи к самостоятельной исследовательской работе, качественно улучшить информационную насыщенность преподавания социогуманитарных дисциплин, повысить их новизну, способствовать популяризации ИКН.

Другая цифровая платформа — ARCHES, идейным вдохновителем которой является археолог, профессор Института Лондона (Великобритания) Тимоти Уильямс, освещает проект «Центральноазиатские археологические пейзажи» (Тимоти Уильямс… [Электронный ресурс]). В этом проекте участвуют шесть стран Центральной Азии: Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Синьцзян-Уйгурский автономный регион Китая. Члены команды проводят цифровую инвентаризацию археологического культурного наследия своих стран. В этот процесс вовлечены данные из хрупких бумажных архивов, фотографий, планов, чертежей разных эпох, космических снимков и многого другого. Данные размещаются в открытом доступе на интернет-платформе ARCHES (https://www.archesproject.org/wp-content/uploads/... [Электронный ресурс]).

В Китае (Пекин) создана цифровая платформа мониторинга состояния объектов Всемирного культурного наследия. Собранная информация используется для планирования работ по восстановлению, сохранению и продвижению объектов культурного наследия города. Китайские разработчики внедрили в цифровое пространство «Облачный тур по Великой Китайской стене», в рамках которого пользователи могут совершить виртуальный тур с помощью своих мобильных телефонов и увидеть работы по восстановлению и реставрации объекта онлайн. Впервые в мире была проведена высокоточная, иммерсивная и интерактивная цифровая реставрация Великой Китайской стены с помощью технологии облачных игр, что стало примером инновационного применения цифровых технологий в области охраны историко-культурного наследия (Walk the Great Wall. [Электронный ресурс]). Тяньцзиньский университет по заказу Пекинского управления культурного наследия разработал две 3D-базы данных всей линии Великой Китайской стены и базы данных ГИС системы обороны Великой Китайской стены династии Мин. Совместно с Пекинским архитектурным университетом создается библиотека технологий мониторинга экологических катастроф Великой стены, основанная на технологии мониторинга вибрации и использовании больших данных, что позволит перейти от «пассивного спасения» к «активной превентивной защите» уникального объекта.

Также в Китае для сохранения исторических ценностей — пещерных храмов Могао (Китай), подверженных активному природному воздействию и рискам, связанным с массовым туризмом, в 2014 году был открыт цифровой выставочный центр, позволяющий познакомиться с фресками пещер, а в 2022 году началось создание системы мониторинга отслеживания состояния 115 пещер (Walk the Great Wall. [Электронный ресурс]).

Одним из самых масштабных цифровых проектов Российской Федерации стала онлайн-платформа «Цифровой двойник Москвы», функционирующая с 2019 г. Цифровой двойник города — это точная 3D-копия (фотограмметрическая модель) территории Москвы, реализованная средствами автоматизированной информационной системы «Цифровой двойник» (АИС ЦД). Данная система обеспечивает сбор, обработку, актуализацию, хранение, распространение, обмен и использование пространственных данных и метаданных об объектах, расположенных на территории Москвы, и применяется для управления развитием городского пространства, включая управление ИКН. Цифровые двойники используются при реставрации исторических зданий и объектов архитектуры. По результатам сканирования формируются архитектурные чертежи. Облачная 3D-модель позволяет воссоздать любой элемент в STL-формате для 3D-печати, а также провести тестирование

различных сценариев реставрации, сводя к минимуму необходимость физического вмешательства и снижая потенциальные риски дальнейшего разрушения здания или изменения его внешнего вида (Цифровой двойник… [Электронный ресурс]). Данный опыт российских коллег, несомненно, может быть использован в комплексных работах по сохранению и реконструкции архитектурного ИКН Узбекистана.

Делая выводы, можно отметить, что цифровизация и информационные технологии открывают практически неограниченные возможности по сохранению и популяризации историко-культурного наследия. Однако существует и ряд проблем, которые необходимо решать как на международном, так и на правительственном, и на общественном уровнях. Это, в частности, отсутствие специалистов в области цифровизации ИКН, потребность в более совершенных технологиях и технических средствах, развитие национальных программ обучения и получения навыков работы с постоянно усложняющимися технологиями, необходимость дорогостоящего и постоянного финансирования процессов цифровизации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф., Гуляев В. И., Сайко Э. В. Город в структурной организации Шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: Тез. докл. межд. семинара ЮНЕСКО. Самарканд, 1–6 окт. 1990. Ташкент: Фан, 1990. С. 5–8.

Мехришвили И. С. Практика реализации идеи возрождения Великого шелкового пути: региональный аспект // Наука сегодня: задачи и пути их решения: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 25 мая 2016 г.). Вологда: ООО «Маркер», 2016. С. 163.

Мукминова Р. Г. Самарканд и Бухара на трассах Великого шелкового пути в XV–XVI вв. // Формирование и развитие. Ташкент, 1990. С. 110–113.

Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник. Ташкент, 1999. С. 31.

Шелегина О. Н. Международные и региональные социокультурные практики в проекте «Великий шелковый путь» // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 3 (25). С. 45–51.

Завьялова Н. Б., Завьялов Д. В., Сагинова О. В. Современные технологии в процессах сохранения объектов культурного наследия // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Том 14. № 3. С. 637–656. — doi: 10.18334/epp.14.3.120595, см. https://elibrary.ru/item.asp?id=63861738

Кобзева О. П., Ваисова Н. А. Вопросы цифровизации истории Великого шелкового пути на примере создания одноименной онлайн-платформы. Значение цифровых технологий в изучении истории Узбекистана. Ташкент, 2022. С. 57–60. — https://inlibrary.uz/index.php/scientific-practical/index

Международная сеть онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шелковый путь» |http://ru.unescosilkroad8.dev2.agiledrop.com/mezhdunarodnaya-set-onlayn-platformy-yunesko-shyolkovyy-put

Онлайн-платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь» // URL: https://ru.unesco.org/silkroad/onlaynplatforma-yunesko-shelkovyy-put (дата обращения: 20.08.2024)

Первое заседание участников Международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шёлковый путь»: новый этап инициативы ЮНЕСКО «Шелковый путь». https://www.unesco.org/ru/articles/pervoe-zasedanie-uchastnikov-mezhdunarodnoy-seti-onlayn-platformy-yunesko-shyolkovyy-put-novyy-etap

Передовые технологии. https://society.uz/ru/spec-projects/technologies

Тимоти Уильямс, Профессор Университета Лондона прочёл онлайн-лекцию о Древнем Мерве для туркменских студентов / TMCARS. https://tmcars.info/post/2042329141/professor-universiteta-londona-procel-onlain-lektsiyu-o-drevnem-merve-dlya-turkmenskih-studentov

3D-реконструкция памятников Узбекистана / Проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» https://legacy.uz/global-digital-heritage/

«Цифровой двойник Москвы». Технологии. Сайт mos.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/news/item/126225073/?ysclid=ls0ds3fhx4807001950 (дата обращения: 20.08.2024)

https://www.archesproject.org/wp-content/uploads/2017/08/Arches_factsheet_Russian_2017_08.pdf

Walk the Great Wall. A sneak peak of the 20,000 km wonder at your fingertips. Google Arts&Culture. [Электронный ресурс]. URL: https://artsandculture.google.com/story/igVxCi6iJJ6CrA (дата обращения: 20.08.2024).

MUHSIN HIDIROV
Department of History and Cultural Heritage
"Silk Road" University of Tourism and Cultural Heritage
Samarqand, Uzbekistan

USE OF HYDRO TECHNICAL STRUCTURES IN UZBEKISTAN AS CULTURAL HERITAGE OBJECTS FOR TOURISM PURPOSES

Key words: hydro technical structures, dams, irrigation canals, reservoirs, water distribution structures, building culture, objects of tourism
Abstract: The article examines the hydro technical structures built in the Middle Ages for water supply in Uzbekistan. The construction of these hydro technical structures is closely related to the economic and social situation in the country. Despite the fact that simple materials were used in the construction of hydro technical structures, local masters managed to build large hydro technical constructions. Local craftsmen built large dams, irrigation canals and unique reservoirs and water distribution facilities, making efficient use of water. Currently, the use of irrigation systems as objects of cultural heritage for tourism purposes is an urgent issue.

Kalit so'zlar: gidrotexnik inshootlar, to'g'onlar, sug'orish kanallari, suv omborlari, suv taqsimlash inshootlari, qurilish madaniyati, turizm ob'ektlari.
Annotatsiya: Maqolada O'zbekistonda o'rta asrlarda qurilgan suv ta'minoti uchun mo'ljallangan gidrotexnik inshootlar ko'rib chiqilgan. Ushbu gidrotexnik inshootlarning qurilishi mamlakatning iqtisodiy va ijtimoiy holati bilan chambarchas bog'liq edi. Qurilishda oddiy materiallardan foydalanilgan bo'lsa-da, mahalliy ustalar yirik gidrotexnik qurilmalarni barpo eta olishgan. Mahalliy hunarmandlar katta to'g'onlar, sug'orish kanallari, noyob suv omborlari va suv taqsimlash inshootlarini qurib, suvni samarali ishlatishni ta'minlashgan. Hozirgi vaqtda sug'orish tizimlarini madaniy meros ob'ektlari sifatida turizm maqsadida ishlatish dolzarb masala hisoblanadi.

Ключевые слова: гидротехнические сооружения, дамбы, ирригационные каналы, резервуары, водораспределительные сооружения, строительная культура, объекты туризма.
Аннотация: В статье рассматриваются гидротехнические сооружения, построенные в Средние века для водоснабжения в Узбекистане. Строительство этих гидротехнических сооружений было тесно связано с экономической и социальной ситуацией в стране. Несмотря на использование простых материалов, местным мастерам удалось возводить крупные гидротехнические конструкции. Местные ремесленники строили большие дамбы, ирригационные каналы, уникальные резервуары и водораспределительные сооружения, эффективно используя воду. В настоящее время использование ирригационных систем как объектов культурного наследия в туристических целях является актуальной задачей.

A large part of the arid land, including the territory of Uzbekistan, has a shortage of water. Since ancient times, people have spent a lot of effort and labor to correct the imbalance of natural factors and increase the water supply of the land.

Since ancient times, water supply is a complex of activities related to the provision of water to urban residents and agricultural activities. Water supply has been known for thousands of years. In ancient Egypt, underground water was dug through very deep wells and extracted using simple machinery. They used ceramic, wooden, metal (copper and lead) pipes. Ancient Rome had a large centralized water supply system. In ancient Rome, tens of kilometers of aqueducts were used for water supply.

Water supply in Uzbekistan is known from the 6th-5th centuries BC. For example, in the water supply of the ancient city of Samarkand, a large dam was built at the entrance to the city, and a large canal was passed over it to the city. According to archaeologists, traces of the ditch are still preserved (Muhammadjonov, 1972: 5).

Due to the geographical location and extreme continental climate of Uzbekistan, the

summer months are hot and rainless, and the winter months are cold and rainy. In agriculture, artificial irrigation is necessary in accordance with natural and climatic conditions. The history of irrigation systems in Uzbekistan goes back to the distant past. Irrigation systems can be seen in the example of canals, dams and other hydro technical structures built in the valleys of Amudarya, Syrdarya and Zarafshan, which are the major rivers of our country.

Of course, the largest hydro technical structures are water dams on rivers. According to historian V. V. Barthold, there are 8 canals around Samarkand that receive water from the Zarafshan River, and 680 large and small dams have been built in them (Barthold, 1953: 255). Archaeologists discovered the remains of the Sari Band Dam in Surkhandarya region. According to historical data, water was collected during winter and spring floods with the help of this dam, and was later used for agriculture during the summer (Rtveladze, Isxakov, 1977: 18–20).

Abdullakhan Dam was built in the 16th century and is considered very perfect in terms of its structure and construction. Its height is 15 meters, the length of the upper part is 73 meters, the width is 4.5 meters, the length of the bottom part is 73 meters and the width is 15 meters. When the water depth in front of the dam was 15 meters, the volume of water was collected in the reservoir up to a distance of 1250 meters. This volume made it possible to irrigate 2.5–3.0 thousand hectares of land. Abdullokhan Dam is a complex that includes several other structures. In addition to the dam, there is a discharger (dump) of excess water and pipes that supply water for irrigation needs.

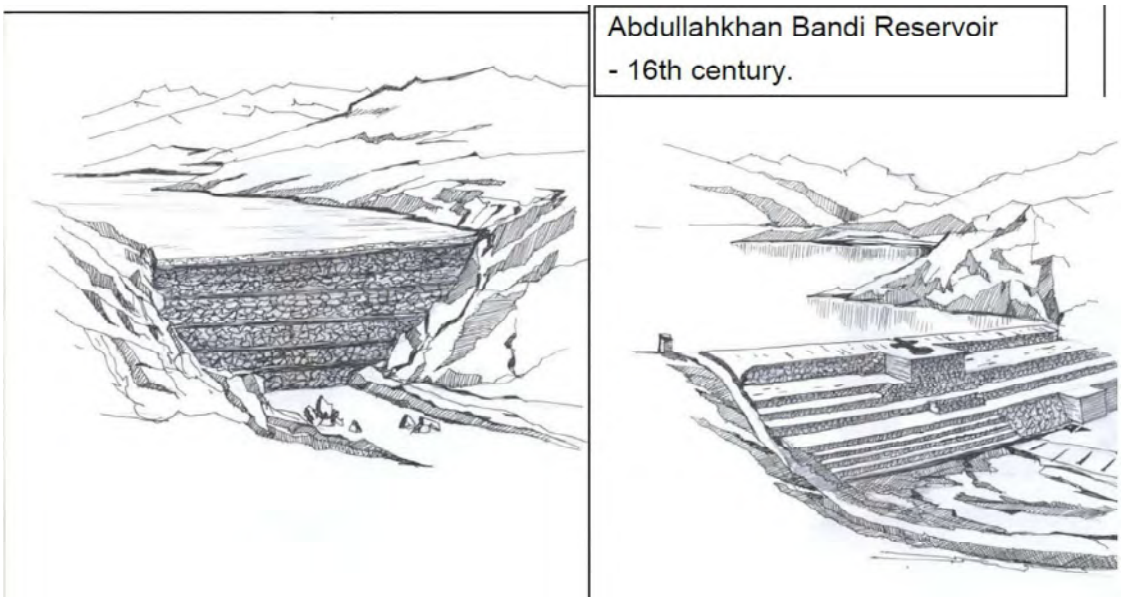
In ancient times, one of the most difficult issues was the transfer of water from the river to the canals through water-receiving structures. A series of ancient water works in the construction of dams connecting rapid rivers, streams and large irrigation network structures have been used. They are «Sepoya»(three-legged), «Chorpoya»(four-legged), «Chilpoya»(forty-legged). To install the dam, the sepoyas were lowered into the water one by one with a rope tied to the end. Increase stability against flow for the sepoyas one to the foot of the other, the other to the foot of the third is arranged in an entangled order. Dropped into the water, each sepoya or chorpoya was printed with branches, grass and stones in turn. As a result, the burdened sepoya or chorpoya firmly settled on the bottom of the water and almost blocked its flow. Sepoyas and chorpoyas are responsible for blocking and strengthening the shores.

Centuries of practical work has shown that dam structures known as piles of branches or «sepoyas» were used to get water into the canals. Dams were built in the longitudinal direction from the riverbed, serving as side walls of the channel. The length of the dam is extended or shortened to control the volume of water flowing into the channel (Ghulamov, 1974: 59).

In the states that existed in the valleys of ancient Khorezm, Sogdiana, and Fergana, irrigation systems were developed, various structures and devices were widely used for water supply. For example, the Darghom canal supplied water to the city of Samarkand, while the Shahrud canal supplied water to the city of Bukhara.

To supply Samarkand and its surroundings with water, they used the ancient Darghom canal, which receives water from the Zarafshan River. The canal starts from the dam near the village of Ravothoja and continues to the Karnab desert. Historical sources state that it was dug in the 5th-6th centuries BC. On the map made by Claudius Ptolemy (II century), the Darghom channel is called «Darghomany». In the past, the main dam of the canal was destroyed several times, first destroyed by Genghis Khan in 1220, and then washed away by floods several times in the 18th century. As a result, villages around Samarkand were flooded, which is why the local people called Darghom «Dardu-gham», meaning «sadness». The name is derived from Persian (Barthold, 1953: 259).Water from the Darghom canal is delivered to the city of Samarkand through distribution channels «Shavdar» and «Boghishamol».

A different method of irrigation was used in the lower reaches of Khorezm and Amudarya. In these areas, only the changes in the water



level in the river were skillfully used. When the water level rises, the irrigation canals overflow, and when the water level falls, the water flow to the canals decreases or stops completely. In this case, an additional water intake device is built at a distance of one hundred to two hundred meters or less from the water intake. As seen by archaeological research, the development of irrigation systems in the lower part of the Amudarya corresponds to the 6th-4th centuries BC. We can see this in the example of the Gavhar canal built from the Amudarya to irrigate the Sultaniztog hills located on the right bank of the oasis (Ghulamov, 1974: 115).

The structure of the Sokh canal in the Fergana valley has its own characteristics. In the past, water was drawn from the Sokh River into fan-shaped channels with the help of «sepoyas» made of branches and stones, and water was released into more than a hundred irrigation ditches. The length of the Sokh river is more than 10 kilometers, and it spreads to the valley with a width of 1.5 kilometers. Previously, more than a thousand «sepoya» poplars with a height of 6-8 meters were planted at a distance of 10 kilometers. Using this method, watering was carried out twice; in early spring and late spring. Many people were involved in these works and a lot of money was spent (Muhammadjonov, 1977: 59).

Tube wells and horizontal water collectors are used to extract underground water. Collecting and storing spring water mainly in special structures (brick tanks, chambers, etc.) is one of the most common methods. Underground water channels – called «kariz» - were used to collect groundwater and bring it to the surface for agricultural use (Eshonqulov, 1989:15).

Groundwater is one of the main sources of water in the foothills and desert bordering areas far from river waters. This is why the people living in such regions have tried to use the rich water resources in the underground layers for their own needs since ancient times. They met their needs by digging wells on flatlands and drawing water with kovga (a bag or mesh made of animal skins). In the foothills of low and high hills, hundreds of wells were connected to each other underground via koriz.

Nurota and Kitab are one of the districts in Uzbekistan where such ancient irrigation facilities are widely used. Koriz built here since ancient times are still being used today. In the Kitab district of Kashkadarya, 13 korizs have been preserved until now. The people of Nurota connect the history of digging underground water to the surface of the earth with Alexander the Macedonian, who invaded Central Asia in 329–327 BC. As told in the popular story,

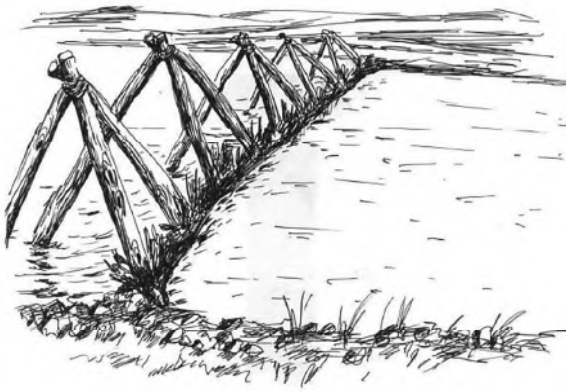
when Alexander the Great came to the valley of Zarafshan, the southern wing of the Nurota ridge reached the highest peak of Aktog. Looking south from the mountain, he saw the Zarafshan River and the prosperous valley, and on the north side, a vast grassy pasture without trees. At that time, Alexander looked at the wide green steppe and said that the river of this region flows underground. Then he brought his army to Nurota and ordered the commanders of 366 military units to dig one pit each with their squads. As a result, 366 corns were chased away; water was released to the foothills of Aktog, and the surroundings of

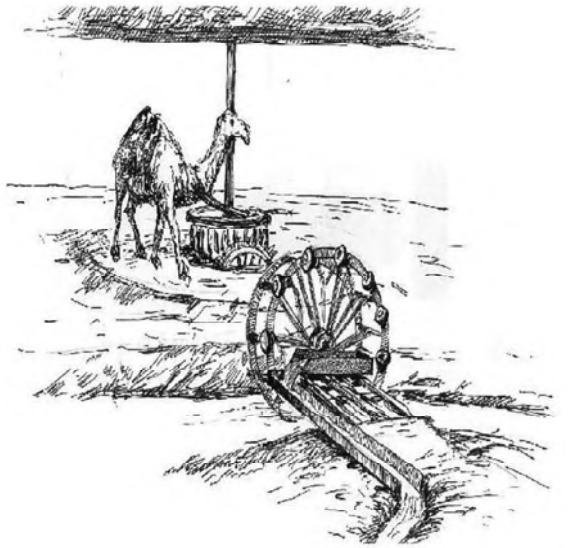
Nurota became prosperous. Excavation of a trench (a hole that connects dug wells) is the most laborious and responsible work in digging a mine, and the flow of underground water to the surface depends on the correct digging of the trench.

In the mountainous regions of Uzbekistan, the organization of loans was also widespread. One of the oldest deposits was found in the upper reaches of the Zarafshan River. According to archaeologists, the tomb in the village of Sangi Surkh dates back to the II century BC (Eshonqulov, 1989:11). In order to organize loans, wells with a diameter of 1.0 - 1.5 meters and a depth of 8–20 meters are dug at a certain distance (usually 25–50 meters), they are delivered to water consumers using underground channels with a diameter of 1.5–2.0 meters. In Kitab district of the Kashkadarya region, 13 kariz have been preserved until now, and local residents are still using them. According to historical data, 366 bore wells were dug in the Nurota district of the Navoi region, connected through an underground channel known as «lag'm» (Nazilov, 1999: 153).

Excavation of «Lag'm» is the most responsible work, and experience and knowledge are required to bring underground water to the surface. People's craftsmen usually tried to prevent the «lag'm» channel from going out of the way by working from two opposite sides when connecting the wells. «Lagms» to release underground water to the surface should usually have a slope of 0.002–0.005. The team of karizchilars, made up of folk masters,

Waterworks like Sepoya, Chorpoya and Chilpoya

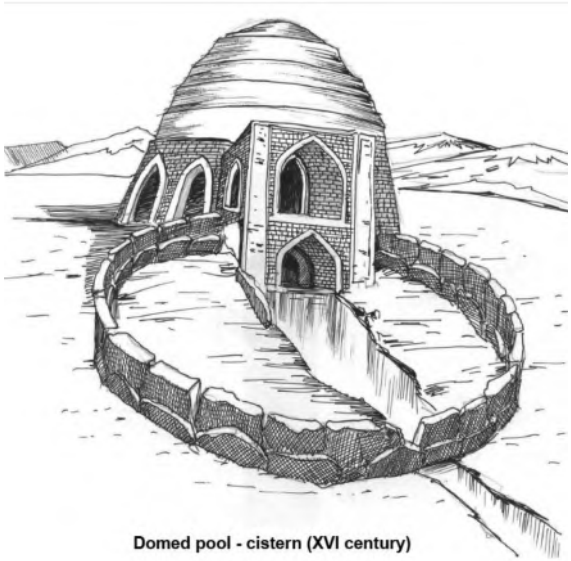




worked for a long time and dug dozens of wells and «lag'm» stretching for several kilometers. In addition, they had to be cleaned and repaired every year for water to flow from the drains all the time (Nazilov, 1999: 159).

In the mountainous regions of Uzbekistan, special aqueducts are widely used to transport water from deep gorges. These aqueducts were usually used to provide water to a certain village population and to irrigate crops through spikes mounted on stone and wooden pillars (Nazilov, 1999:159).

People's craftsmen have had rich experience in building various hydro technical structures in the past. Water-distributing channels are used in self-watering surface channels and deep channels. They served to bring water to the surface. This


Domed pool - cistern (XVI century)

irrigation method was widely used in agriculture in Khorezm. According to historians, thousands of water collection structures were used in the lower reaches of Amudarya, and as a result, thousands of hectares of land were irrigated (Ghulamov, 1974:15).

A device known as «nova» was widely used for irrigation. One end of the «nova» was closed and the other open. A post is placed between two excavated pits and a «nova» is placed on top of it. The waterman lowers the closed end of the «nova» into the water pit, and when the «nova» is filled with water, he turns it to the other side and pours the water into the second pit. Through this, water was brought from a lower place to a higher place for irrigation. This method was used in the irrigation of small lands (Ghulamov, 1974: 117).

It should be noted that the water supply system formed in the cities of Uzbekistan since ancient times is a component of local urban development traditions and has performed important tasks. Streams and ponds are an integral part of community complexes and are traditional methods of creating a comfortable microclimate along with water supply.

Historical sources also contain information about the complex system of irrigation and water supply. For example,according to 10th- century Arab historian Maqdisi, «... this book would be too long and boring if complete information about existing ditches and ponds were given.» As per the writings of Maqdisi, the city of Nisa is the best water-supplied city of the Parthian state, and trees have formed a green belt along its streets (Al Maqdisi, 1974:115).

Many unique structures – «Sardoba» (cisterns) – were built in the desert and steppe areas of Uzbekistan, especially on the historical highways where trade caravans of the Great Silk Road moved. Depending on their structure, cisterns can be called covered ponds. This is because they are deep and dome-shaped pools made of baked brick, standing out in the desert landscape like the grass of the nomadic herdsmen population.»Sardoba» is a Persian word, meaning a structure that stores water or ice. It is known that the highways of the Great Silk Road crossed vast waterless regions of Uzbekistan. For efficient use of water, our ancestors built cisterns on caravan routes. Many medieval cisterns have been preserved in the desert regions of Uzbekistan. An example of this is the Raboti Malik complex, which consists of a caravan palace and a cistern near Karmana (Masson, 1935:19).

In order not to cover the cistern pond with mud and destroy the structure, a

large water cooler - an open pond - was dug in front of the cistern. The snow and rainwater flowing from the surroundings first collected in the water softener, and after it sank to the bottom of the muddy pond, clean water was poured into the cistern. The water softener is surrounded by a straw wall to prevent livestock from entering and contaminating the water.

According to some data, there are 44 cisterns – sardoba in Uzbekistan. Twenty-nine of them are in the Karshi desert, three in Mirzochul, three more are between Tashkent – Fergana on the trade route and one near Karmana.

In 2003, the World Tourism Organization recognized that water is also an important element in tourism. The organization emphasizes that nature-based tourism and ecotourism rely on healthy environments with intact nature and landscapes, as well as artificially constructed water facilities (World Tourism Organization, 2013: 19).

There are areas rich in cultural heritage that are closely linked to the tourism industry through the attractions of water structures at the level of tourism facilities. These are areas that use water as their main attraction, including the sea, rivers, artificial reservoirs and facility-based tourism. It will be possible to manage and develop tourism destinations and enterprises in the natural environment through the use of water facilities as objects of cultural heritage in tourism, and the development of their types and evaluation methods.

Currently, Uzbekistan is paying great attention to the development of various directions of tourism. In particular, the establishment of tourist neighborhoods in rural areas is spreading widely. For the development of this direction, the use of devices and structures related to water supply as objects of cultural heritage is an urgent issue.

REFERENCES

Al Maqdisi (Anthony Collins - translator): Ahsan al-Takasim Fi Marifat al-Akalim. Garnet Publishing, Reading, UK, 1994.

Barthold V.V. Turkestan during the Mongol period. Geography of Movorounnahr // Barthold V.V. Collected Works. Volume 1. Moscow.: Nauka, 1963.

Ghulamov Ya. G. The history of irrigation of Khorezm - Moscow: Nauka, 1974.

Eshankulov U. The history of irrigation of Upper Zaravshan: the abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Samarkand, 1989.

Muhammadjanov A.R. Irrigation history of the Lower Zarafshan Valley. (From ancient times to the 20th century). «Fan», Tashkent, 1972.

Muhammadjanov A.R. Ancient hydro technical structures of Uzbekistan. «Uzbekistan» Tashkent, 1977.

Masson M.E. Problems of studying cisterns - sardoba. Materials of Uzkomstaris. Issue 8. Tashkent. 1935.

Nazilov D.A. Architecture of mountainous regions of Central Asia. Tashkent: TSTU publishing house named after Aburaykhan Beruni, 1999.

Rtveladze E.V., Iskhakov M.Kh. Sari - Band dam// Architecture and construction of Uzbekistan. 1977. Tashkent, #1. p. 18–20.

World Tourism Organization. Climate change and tourism. Djerba, Tunisia. 2013.

ТОХИРЖОН ШОКИРОВ
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

ОПЫТ СТРАН МАГРИБА В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В РАЗВИТИИ БРЕНДА «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» В УЗБЕКИСТАНЕ

Ключевые слова: Узбекистан, Магриб, Египет, Шелковый путь, туризм, внутренний туризм, интеграция.
Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности развития туристической отрасли в странах Магриба, предпринятые меры по привлечению большего числа туристов и увеличению доходов от туризма, а также возможность применения их опыта в улучшении туристического потенциала Узбекистана в рамках бренда «Шелковый путь». На основе научной литературы анализируется результативность маркетинговых стратегий, применяемых странами Магриба в период пандемии. В заключении предлагается рассмотреть их практику для усовершенствования туризма в Узбекистане.

Kalit so'zlar: O'zbekiston, Mag'rib, Misr, Ipak yo'li, turizm, ichki turizm, integratsiya
Annotatsiya: Ushbu maqolada Mag'rib mamlakatlarida turizm sohasini rivojlantirish xususiyatlari, ko'proq turistlarni jalb qilish va turizm daromadlarini oshirish bo'yicha amalga oshirilgan choralar hamda ularning tajribasini «Ipak yo'li» brendi doirasida O'zbekistonning turizm salohiyatini yaxshilashda qo'llash imkoniyatlari yoritilgan. Ilmiy adabiyotlar asosida Mag'rib mamlakatlari tomonidan pandemiya davrida qo'llangan marketing strategiyalarining samaradorligi tahlil qilinadi. Xulosa qismida ushbu tajribani O'zbekiston turizmini takomillashtirishda qo'llash taklif etiladi.

Keywords: Uzbekistan, Maghreb, Egypt, Silk Road, tourism, domestic tourism, integration
Abstract: This article explores the development of tourism in the Maghreb countries, focusing on the strategies implemented to attract more tourists and increase tourism revenues. It also examines the potential application of their experiences to enhance Uzbekistan's tourism potential within the framework of the «Silk Road» brand. Drawing on scientific literature, the article analyzes the effectiveness of the marketing strategies employed by the Maghreb countries during the pandemic. In conclusion, it recommends considering these practices as a model for boosting tourism in Uzbekistan.

Современные экономические вызовы, тенденции и потенциальные перспективы развития на фоне попыток культурной глобализации и унификации в финансовой структуре мира инициируют смещение границ интересов развитых и развивающихся стран в сторону Африканского континента, преобладающего как ресурсной базой, так и новыми возможностями в перспективе установления взаимовыгодных дипломатических и торговых отношений. В свою очередь, большую роль в этом вопросе играет инвестиционная инициатива Китая по программе «Один пояс — один путь», нацеленная на возрождение Великого шелкового пути в рамках исторического опыта, на современной платформе экономической деятельности таких регионов, как Средняя Азия, Передняя Азия и Африка. Стоит отметить, что регионы начали дипломатические и экономические отношения еще до этого, а исторические корни культурных и международных отношений уходят глубоко в историю. Промышленная кооперация и сотрудничество в сферах экономики, культуры и образования занимают особое место в развитии двусторонних отношений между африканскими странами и Центральной Азией, в частности Узбекистаном и странами САМ[1].

В число стран Магриба входят североафриканские страны Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко и Тунис, которые параллельно являются участниками Лиги арабских государств и Африканского союза. Договор о создании САМ предусматривал интеграцию экономики, формирование зоны свободной торговли с таможенными льготами. В качестве заинтересованной стороны в работе САМ активно

[1] САМ — Союз Арабского Магриба, организация, созданная в 1989 г. с целью достижения экономического и политического единства в Северной Африке.

участвует Египет. Организация и ее деятельность в координации стран-участниц играют большую роль как в политической, так и в экономической сферах деятельности стран региона, поднимая общий уровень дохода. В свою очередь, важно подчеркнуть тенденцию роста туристического потенциала стран Магриба, способствующего также и росту международного имиджа региона. Туристическая индустрия в странах Северной Африки развивается быстрыми темпами, что способствует притоку финансовых средств, обеспечивает пошлинные поступления в государственную казну, увеличивает спрос на продовольственные товары, развивает сферу услуг, стимулируя рост качества обслуживания таких отраслей, как коммуникационный транспорт, гостиничное дело, торговля и местное национальное производство сувенирных изделий.

Несомненно, важную роль в развитии туристического потенциала играет географическое положение стран Северной Африки. Проведенный анализ природно-рекреационного потенциала стран Магриба позволяет понять, что наиболее привлекательны для туристов побережья Средиземного и Красного морей, долина Нила и северо-западный район региона с горами Атлас (Красовская, Зайцев, 2017: 183–185). Особое место среди развитых видов туризма стран Магриба занимает культурно-исторический туризм, благодаря которому такие страны, как Египет, Марокко и Тунис (Туризм…, 2020: 9), получают наибольшую прибыль за счет историко-культурного наследия и архитектурного потенциала. Так, туристический потенциал обеспечивает 11,3 % ВВП Египта и более 14 % валютных поступлений в государственный бюджет. В Марокко на отрасль туризма приходится примерно 12 % ВВП и примерно 505 000 рабочих мест, что соответствует 5 % занятости на трудовом рынке. В Тунисе показатели чуть ниже — 7 % ВВП. Однако некоторые страны Магриба имеют менее устойчивый характер в экономическом и политическом плане, что отрицательно сказывается на развитии туризма и использовании туристического потенциала стран в целом. Это можно увидеть на примере Алжира и Ливии, где из-за политической нестабильности доля туризма в ВВП составляет примерно 4,5 % и 0,8 % (Красовская, Зайцев, 2017: 183–185). В этих странах многие отрасли туристической индустрии испытывают значительные трудности из-за недостаточной капитализации, низкого уровня маркетинга и игнорирования современных стандартов требований туризма, что приводит к спаду цен и низким оценкам по сравнению с тем же Египтом или Марокко (Модернизация…, 2022: 53).

Говоря о развитии туристической индустрии стран Магриба, нельзя оставлять без внимания и другой, главный международный фактор последних лет — пандемию. По данным Всемирной туристской организации ООН (ЮНВТО), только в 2020 г. международный туризм и аффилированные с ним отрасли понесли убытки в размере 2,4 трлн долларов, а число иностранных туристов в мире сократилось примерно на один млрд человек (73 %). Так, развивающиеся страны понесли из-за пандемии высокие убытки, наиболее пострадавшими регионами оказались Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Океания, Северная Африка и Южная Азия — то есть страны, где доход от туристического потенциала составляет большую часть ВВП страны после промышленности и торговли[2].

Если в 2019 году количество посещений иностранными туристами Туниса составляло 9,5 млн, то к 2020 году цифры снизились до 2 млн. В том же 2019 году Марокко принял почти 13 млн туристов со всего мира, но в период пандемии туристическая активность снизилась до 3 млн человек[3]. Лидер региона по развитию туризма Египет смог привлечь в 2019 году 13,1 млн человек, а чистая прибыль составила 13,03 млрд долларов, но в 2020 году количество туристов составило 3,5 млн, и в общей совокупности доходы Египта от туризма в 2020 году снизились на 70 % в годовом исчислении и составили рекордные 4 млрд долларов в период пандемии[4]. Эффект «домино», вызванный падением

[2] Пандемия и туризм: глобальная экономика может лишиться более 4 трлн долларов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2021/06/1405562, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

[3] Morocco Tourist Arrivals / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tradingeconomics.com/morocco/tourist-arrivals, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

[4] Nehal Samir. Egypt's tourism revenues decline to $4bn in 2020

доходов от туризма в местных сопутствующих отраслях, на короткий срок вывел из строя экономику стран Магриба, но своевременное реагирование местных властей и принятие реальных, действенных мер по предотвращению полного кризиса дали свои результаты уже к концу 2020 года. В первую очередь были предприняты медицинские меры по соблюдению гигиены и вакцинации от коронавируса. Особое место в решении проблемы дефицита турпотока занимает инвестирование в сферу рекламы и маркетинга, с помощью которого удалось запустить туристические программы по внутреннему туризму, что до этого момента не было сильно развито. В свою очередь, для развития внутреннего туризма и «арабского» туризма были сделаны шаги по снижению цен и объявлению о скидках, которые дали положительный результат (Модернизация…, 2022: 77).

Стоит также отметить, что страны Магриба отличаются от других частей Африки (исключая ЮАР) тем, что лучше оснащены в техническом и коммуникационном плане. В сравнении с соседними регионами континента страны Магриба, кроме известных в Африке объектов культурного и исторического наследия, природных или этнографических туристических точек, могут предлагать иностранцам такие виды услуг, как бизнес-туры, международные научные и практические конференции и симпозиумы, образовательные услуги. В целях развития указанных услуг страны Магриба делают упор на относительно развитую базу технической инфраструктуры и коммуникационных линий, что создает удобства для иностранцев. Распространение платежей с помощью кредитных карт, использование электронных средств на товарных и валютных биржах, современных систем бронирования, заказа услуг и обмена валют создают условия для использования в местном туризме информационных технологий и форм электронной коммерции (Вердиев, 2003: 157). Все это приводит к положительным результатам в формировании позитивного имиджа страны на мировой арене и развитии туризма (Cleveland, 2021: 216). Важен также опыт стран Магриба в формировании туристического бренда с использованием культурно-исторического наследия и географического потенциала своих территорий. В особенности постоянные маркетинговые ходы и рекламные ролики при содействии туристических агентств и предоставление скидок повышают эффективность привлечения иностранных инвестиций. Опыт Египта и стран Магриба в развитии туристического потенциала представляет актуальность и для стран региона Центральной Азии. Несмотря на то, что природно-климатические условия отличаются, прогрессивные решения в области внутреннего и внешнего туризма можно перенести и адаптировать под условия развивающегося быстрыми темпами Узбекистана.

Начиная с 2016 года в Узбекистане ведутся работы по повышению туристического потенциала страны, которые подразумевают институциональные реформы в сфере туризма и развития данной индустрии. В период с 2016 по 2020 год Узбекистан провел множество реформ, направленных на развитие турпотока, начиная от строительства коммуникаций и заканчивая установлением безвизового режима с 90 странами мира[5]. Эти меры по повышению уровня туристического потенциала страны входят в государственную стратегию «Узбекистан — 2030». Создание комфортной среды и удобств для туристов поднимает уровень страны в международных рейтингах. В индексе Global Muslim Travel Index (GMTI-2023) Узбекистан занял 13-е место среди 140 стран по рейтингу международного паломнического туризма. Включение Узбекистана в список лучших стран для путешествий в 2024 году, согласно объявлению World of Statistics, способствует увеличению числа иностранных туристов и объема экспорта туристических услуг. Если в 2017 году Узбекистан посетили 2,7 млн человек, то в 2023 цифры составили 6,6 млн. Эти данные показывают важный результат работ по структурному повышению туристического направления

from $13.03bn in 2019 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dailynewsegypt.com/2021/01/04/egypts-tourism-revenues-decline-to-4bn-in-2020-from-13-03bn-in-2019/, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

[5] Развитие туризма в Узбекистане: обзор туротрасли за 2016-2020 гг. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://review.uz/post/razvitie-turizma-v-uzbekistane-obzor-turotrasli-za-2016-2020-gg, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

государственной политики. Кроме того, показатель внутреннего туризма составляет 21 млн посещений различных достопримечательностей страны за последний год местными туристами[6]. Благодаря Концепции развития сферы туризма, обозначенной в Указе Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по ускоренному развитию туризма в Республике Узбекистан» от 05.01.2019 года[7], это направление получило в стране статус государственного приоритета.

Все это показывает позитивные результаты развития туриндустрии в Узбекистане на фоне меняющихся мировых тенденций, с которыми нельзя не считаться. Рост рыночных отношений, диверсификация экономики и конкуренция порождают новые вызовы и способность к адаптации к современным реалиям. На фоне развития мирового спроса на новые виды туристических направлений Узбекистану надлежит сформировать свой базис перечня туристических потоков. В частности, исходя из результатов статистического агентства, где показано, что число туристов из Японии в прошлом году увеличилось в пять раз, из Индии и Италии — в три с половиной раза, можно сделать вывод, что развитие туризма страны выходит на новый уровень. Но для большей эффективности важно учесть и будущие перспективы. Программа «Один пояс — один путь», нацеленная на возрождение Великого шелкового пути, несомненно, откроет новые перспективные возможности как для Узбекистана, так и для других стран в развитии экономики. Торговые коммуникации откроют множество возможностей, в числе которых и развитие туризма. Из Азии 38 стран, а из Африки 40 стран подписали соглашения по программе «Один пояс — один путь», в будущем они будут объединены единой сетью экономической связи[8]. При таком раскладе повышается и уровень конкуренции стран за туристический поток. В данных обстоятельствах предлагается использовать опыт стран Магриба в сфере туризма и его применения при развитии бренда «Шелковый путь» в Узбекистане.

Находясь на перекрестке торговых коммуникаций, владея уникальными природно-климатическими зонами и большим количеством историко-культурных памятников и этнографических объектов, Узбекистан не уступает туристическим потенциалом странам Магриба, а создание такой платформы, как «Шелковый путь», позволит стране катализировать свои усилия и более эффективно продвигать политику развития туризма. В первую очередь речь идет о рекламе и маркетинговой деятельности для привлечения иностранных инвестиций, что позволит унифицировать усилия частного сектора с государственной политикой. Необходимо также создание сети четко составленных локаций с развитой инфраструктурой и всеми нужными удобствами для иностранцев. Оптимизация предоставляемых услуг с помощью информационных технологий и интернета, продвижение своего национального туристического бренда в социальных сетях и на других платформах, где посетители имеют возможность заранее ознакомиться с программой. Запуск платформы сотрудничества с соседними странами по различным направлениям для привлечения большего количества туристов. Формирование структуры внутреннего туризма в рамках как страны, так и Центральной Азии с более доступными ценами для местного населения. Наконец, создание широкого круга программ последовательных посещений памятников в рамках стран Великого шелкового пути.

Фундамент развития туристического потенциала в Узбекистане уже заложен. Необходимо продолжать целенаправленно продвигать местный туризм в рамках платформ «Путешествуй по Узбекистану» и потенциальных «Узбекистан — Центральная Азия»,

[6] Развитие туристической отрасли Узбекистана способствует росту благосостояния народа / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uzbekistan.org/ru/развитие-туристической-отрасли-узбе/4602/, дата создания запроса: 15.09.2024 г.

[7] Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.01.2019 г. № УП-5611 «О дополнительных мерах по ускоренному развитию туризма в Республике Узбекистан» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lex.uz/ru/docs/4143186, дата создания запроса: 15.09.2024 г.

[8] 镜观·回响丨中非农业合作，结出“看得见摸得着”的硕果 [Зеркальный взгляд. Ответ: Китайско-африканское сельскохозяйственное сотрудничество принесло «видимые и осязаемые» плоды] / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0C0D8F37.html, дата создания запроса: 15.09.2024 г.

«Узбекистан — Великий шелковый путь» и «Узбекистан — Мир». В особенности стоит воспользоваться возможностями, которые открывает программа «Один пояс — один путь», опираясь на существующий опыт и опыт локального и мирового туризма стран Магриба. Это является перспективной задачей, учитывая, что Узбекистан, в отличие от стран Магриба, является стабильной страной во всех отношениях. Отсутствие пляжных зон и морей компенсируется другими видами зон отдыха и развлечений. Также, опираясь на опыт стран Магриба и Египта, предлагается оптимизировать дисконтную систему при предзаказах, горящих турах и семейных поездках (при бронировании семейных номеров). В свою очередь, следует улучшить условия проживания в отелях до уровня 5 звезд по мировым требованиям. Главное — унифицировать гастрономический туризм с культурным, создать специальные предложения «all inclusive» (все включено) и предложения по образовательному туризму для групп иностранных студентов, включающие льготы и эконом-варианты на отборной основе по их рекламе и отзывам в социальных сетях и блогах. Так же, как в Египте, нужно поднять на новый уровень значение этнографических поселков и деревень, где туристы могут несколько дней пожить в условиях той или иной культуры определенного исторического периода. Создавать специальные научные содружества, которые на льготной основе будут привлекать ученых-историков, этнографов и культурологов. Проводить культивирование истории, легенд и мифов, связанных с местностью, для увеличения интереса людей. Организовывать международные конкурсы или национальные празднества и игры в международной перспективе с вовлечением иностранных участников и активистов медийной сферы для повышения уровня знаний и заинтересованности туристов нашей страной. Все эти шаги, несомненно, могут дать положительные результаты.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Вердиев Р. В. Особенности и направления развития туристских услуг в странах Африки / Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Москва, 2003. С. 157.

Красовская Ю. А., Зайцев В. М. Современные тенденции развития туризма в странах Северной Африки. Минск, 2017. С. 183–185.

Модернизация в странах Северной Африки: возможности и препятствия: колл. монография. Москва: Институт Африки РАН, 2022. С. 53, 77.

Туризм в Африке: проблемы и перспективы: колл. монография. Москва: Институт Африки РАН, 2020. С. 9.

Cleveland T. A History of Tourism in Africa: Exoticization, Exploitation, and Enrichment (Africa in World History). Ohio, 2021.

Пандемия и туризм: глобальная экономика может лишиться более 4 трлн долларов / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2021/06/1405562, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

Развитие туризма в Узбекистане: обзор туротрасли за 2016–2020 гг. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://review.uz/post/razvitie-turizma-v-uzbekistane-obzor-turotrasli-za-2016-2020-gg, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

Развитие туристической отрасли Узбекистана способствует росту благосостояния народа / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uzbekistan.org/ru/развитие-туристической-отрасли-узбе/4602/, дата создания запроса: 15.09.2024 г.

Указ Президента Республики Узбекистан от 05.01.2019 г. № УП-5611 «О дополнительных мерах по ускоренному развитию туризма в Республике Узбекистан» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lex.uz/ru/docs/4143186, дата создания запроса: 15.09.2024 г.

Morocco Tourist Arrivals / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tradingeconomics.com/morocco/tourist-arrivals, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

Nehal Samir. Egypt's tourism revenues decline to $4bn in 2020 from $13.03bn in 2019 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dailynewsegypt.com/2021/01/04/egypts-tourism-revenues-decline-to-4bn-in-2020-from-13-03bn-in-2019/, дата создания запроса: 01.09.2024 г.

.回响丨中非农业合作，结出“看得见摸得着”的硕果 [Зеркальный взгляд. Ответ: Китайско-африканское сельскохозяйственное сотрудничество принесло «видимые и осязаемые» плоды] / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0C0D8F37.html, дата создания запроса: 15.09.2024 г.

DAVRON SHUKUROV
National Institute of Fine Arts and Design named after Kamoliddin Behzod
Tashkent, Uzbekistan

THE ROLE OF BIENNALES AND FESTIVALS IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM

Keywords: globalization, festival, music culture, Bakhshi Art, "Sharq taronalari", Eastern Asia.
Abstract: The globalization of music has significantly influenced the musical cultures of Eastern nations, fostering the exchange and integration of diverse musical traditions. This article explores the effects of globalization on Eastern music culture, with a focus on the perspectives of young people and the role of music festivals, particularly the "Sharq Taronalari" festival in Uzbekistan. Through the examination of these elements, the article reveals the dynamic interaction between local traditions and global influences, as well as the evolving identity of Eastern music in the contemporary world.

Kalit so'zlar: globallashuv, festival, musiqa madaniyati, baxshi san'ati, "Sharq taronalari", Sharqiy Osiyo.
Annotatsiya: Musiqaning globallashuvi sharq xalqlarining musiqa madaniyatiga sezilarli ta'sir ko'rsatib, turli musiqiy an'analar almashinuvi va integratsiyasini kuchaytirdi. Ushbu maqolada globallashuvning sharqiy musiqa madaniyatiga ta'siri, yoshlar qarashlari va musiqiy festivallarning, xususan, O'zbekistondagi "Sharq taronalari" festivalining o'rniga e'tibor qaratadi. Ushbu elementlarni tahlil qilish orqali maqolada mahalliy an'analar va global ta'sirlar o'rtasidagi dinamik o'zaro aloqalar hamda zamonaviy dunyoda sharqiy musiqaning o'ziga xosligini ochib beriladi.

Ключевые слова: глобализация, фестиваль, музыкальная культура, искусство бахши, «Шарк тароналари», Восточная Азия.
Аннотация: Глобализация музыки существенно повлияла на музыкальные культуры восточных народов, способствуя обмену и интеграции различных музыкальных традиций. В статье рассматриваются последствия глобализации для восточной музыкальной культуры, уделяя особое внимание взглядам молодёжи и роли музыкальных фестивалей, особенно фестиваля «Шарк тароналари» в Узбекистане. Через анализ этих элементов статья раскрывает динамичное взаимодействие между местными традициями и глобальными влияниями, а также эволюцию идентичности восточной музыки в современном мире.

Introduction. Following the independence of our country, numerous festivals were established to promote a greater appreciation for the arts among our citizens and to strengthen international relations. These festivals, held across different regions, serve as platforms for cultural exchange and artistic expression, fostering both local talent and international collaboration.

Currently, the most prominent types of art festivals include theater, music, film, photography, and visual arts festivals (Pam Korza, Dian Magie, 1989: 98). In particular, these festivals play a crucial role in cultural diplomacy by showcasing national identity through art, while simultaneously embracing global influences.

For instance, music festivals such as «Sharq Taronalari» not only celebrate traditional Eastern music but also encourage dialogue between Eastern and Western musical traditions, facilitating intercultural understanding (David, 2016: 54). Film festivals, on the other hand, have become significant platforms for promoting the country's cinematic achievements on a global stage, thus contributing to the nation's soft power (Lemmons, 2012: 102).

Moreover, these artistic events often serve as important contributors to the tourism industry, drawing international visitors and promoting the cultural heritage of the nation (Richards & Palmer, 2010: 143). By doing so, art festivals not only enrich the cultural life of the country but also act as vital instruments in fostering global connections and enhancing the nation's reputation abroad.

Music festivals and tourism industry. Music festivals provide a platform for the presentation of music as an art form across various styles and genres. These festivals are highly prestigious and are held regularly in almost every country around the world. Renowned music festivals take place in

Figure 1: Sharq taronalari[1]

countries such as Norway, Finland, Hungary, the United Kingdom, Italy, Spain, the Czech Republic, the United States, Canada, Sweden, France, Estonia, Russia, and many others.

One of the most famous music festivals globally is «Glastonbury» in England, first held in 1970. Today, it is considered one of Europe's longest-running mega-festivals, drawing an audience of 175,000 annually for its three-day event. The Sziget Festival, held every August since 1993 on Hungary's Óbuda Island, extends beyond music to embrace all forms of art, attracting visitors from Hungary, the Netherlands, Germany, the United Kingdom, and Russia. Each year, it welcomes more than half a million attendees.

The «Summerfest» festival in the United States, which has been held annually since 1968, was included in the Guinness Book of World Records in 1999 for its remarkable attendance of 800,000 visitors over its 11-day duration. Numerous other festivals around the world boast similarly unique characteristics, each with its own rich history of development.

Many of these festivals are dedicated to discovering and supporting emerging talent. In Uzbekistan, several music festivals have been established and successfully organized in the years following independence. A key milestone occurred on March 11, 1997, when the government of the Republic of Uzbekistan decided to launch the International Music Festival «Sharq Taronalari.» This initiative aimed to promote and develop the rich and unique traditions of musical art on a global scale.

Performers, art critics, and public figures from more than 40 countries participated in the first International Festival «Sharq Taronalari,» held in Samarkand from August 25 to September 2, 1997. Since then, the festival's melodies have spread across the globe. It has become a tradition to hold the «Sharq Taronalari» International Festival in Samarkand every two years, under the auspices of UNESCO.

The establishment of the Bakhshi School in Surkhandarya, initiated by the head of our state, created favorable conditions for preserving this tradition and passing it on to younger generations. On November 1, 2018, a historic decision was made with the President's decree «On Holding the International Bakhshi Art Festival.» The International Bakhshi Art Festival is held biennially, with the first festival attracting over 160 representatives from 74 countries. In today's era of globalization, this historical art form had been neglected. The great Bakhshis were aging, and in many places, this legacy was being forgotten due to a lack of attention, interest, and incentives. The organization of the International Bakhshi Art Festival marked a significant milestone in reviving this tradition.

The President's decrees of November 17, 2017, «On Measures to Further Develop Uzbek National Status Art,» and April 6, 2018, «On Holding the International Status Art Conference,» marked the beginning of a new era in the history of Uzbek classical music. These documents outlined essential tasks for the further development and global recognition of the art of maqom. The International Status Art Conference, held biennially in Shahrisabz, Kashkadarya region, is organized by the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan. The plans include hosting a scientific and practical conference on the topic of «Maqom Music Art and Its Role in World Civilization,» as well as auditions for maqom ensembles, singers, and musicians, with incentives for those who excel.

The division of art festivals by type of art seems logical, and human effort often elevates one art form above the rest. Such events are organized with some conditional clarity, as it is rare for festivals to focus solely on a single art form without incorporating other artistic directions. However, this is not a strict

[1] https://president.uz/uz/lists/view/7499

rule; the festival's name often reflects the dominant art form in a specific manner.

Art festivals, which emerged in the second half of the 19th century, have evolved into large-scale events encompassing nearly all cultural domains. These include festivals dedicated to fine arts, music, theater, film, and photography.

A festival (from French festival and Latin festivus, meaning «festive») is a public event that showcases the achievements of both professional and amateur artistic creativity. According to the Russian language dictionary by S.I. Ojegov, «a festival is a large public, festive gathering held to demonstrate achievements in some form of art» (Ожегов С, Шведова Н, 1995: 567). This definition highlights that a festival is not only an artistic movement but also a socio-political event, reflecting its role in cultural politics.

Let's examine the features of a festival as a form of organizing artistic life. Every festival, regardless of its duration, is scheduled for specific calendar dates. The venues for festival events, such as public squares, concert halls, and theaters, are booked in advance. As a cultural event, a festival also requires an audience that is attuned to its artistic concept (Оганов А, 2003: 76).

As an event in the artistic sphere, the festival is distinguished by its unique festive atmosphere, its focus on presenting the best artistic groups and performers, and its distinctive repertoire, which sets it apart from the offerings of regular performance groups. The primary goal of the festival is to introduce a new trend into the cultural life of the country, region, or city, and to create the broadest appeal for specialists in theater and music, as well as for the general audience (Тульчинский Т, 2000: 265).

In fact, festivals have been around for a long time. The first music festival was held in Great Britain in the 18th century. Later, music festivals appeared in Germany in the 19th century. The first such festival was held in 1827, featuring the Württemberg Choir Festival and foreign singing ensembles. Additionally, the Bayreuth Festival (Bayreuther Festspiele), held annually in the summer months, is dedicated to the performance of Richard Wagner's musical dramas. It was first held on August 13, 1876, and showcased the premiere of the complete cycle of the composer's Ring of the Nibelungen (Акопян Л, 2010: 109).

In the 1940s, festivals began to be held in France. The first event, with the participation of Napoleon III, took place in 1857 in Paris at the Palace of Craftsmen. Three thousand singers from 172 singing societies participated (Жигульский К, 1985: 186).

The idea of holding an art festival dates back to the second half of the 19th century, when nationalistic sentiments led the governments of several European countries to engage not only in economic competition but also in cultural rivalry.

On March 11, 1997, the government of the Republic of Uzbekistan decided to hold the International Music Festival «Sharq Taronalari» as part of a program to promote and develop unique examples of musical art. Performers, art critics, and public figures from more than 40 countries participated in the first International Festival «Sharq Taronalari,» which was held in Samarkand from August 25 to September 2, 1997. The festival has since become a tradition, taking place every two years in Samarkand under the auspices of UNESCO.

In Uzbekistan, among the biennial festivals, the «Sharq Taronalari» International Festival is the leading one. It is well known that all countries and peoples of the world have their own art and culture, including music, which represents the spiritual wealth of societies. Globalization—referring to the increasing interconnectedness of the world through economic, cultural, and technological exchanges—has profoundly impacted various aspects of society, including music. This process presents unique opportunities for the peoples of the East, whose musical traditions are deeply rooted in their rich cultural heritage. The musical cultures of Eastern regions, such as the Middle East, Central Asia, South Asia, and the Far East, are renowned for their diversity, complexity, and historical depth.

Various art and music conventions are held across many continents and regions of the world. The «Sharq Taronalari» International Music Festival stands out for its unique status, fame, and significance. Today, alongside the striking buildings and legendary atmosphere of Samarkand, which reflect a rich history, the enchanting songs emanating from this sacred land attract people from around the globe. Over the past quarter-century, beneath the blue domes and starry skies of Samarkand, countless magical songs and life-giving melodies have echoed.

The «Sharq Taronalari» festival has discovered numerous famous singers and musicians, as well as

Figure 2: Sharq taronalari[2]

unique young talents, giving them wings, strength, and inspiration for their careers. Most importantly, this event has become a unique space for cultural cooperation and dialogue between different civilizations, peoples, and nations.

As many of you have observed, debates about generative music and artificial intelligence are intensifying. Predictions suggest that the music of the future may be created solely by technology. However, we all know that no matter how advanced technology becomes, it can never replace the breath of a living person, the moans of the heart, or the charm of a genuine voice—these are the hallmarks of true art.

In these challenging times, marked by various disagreements, contradictions, wars, and conflicts on our planet, where people are increasingly wrapped up in their own worlds, music serves as a reminder of our shared humanity, instilling hope and confidence in the future. The art of music, as a cultural phenomenon, possesses unlimited potential to educate and mature the new generation. Young people engaged with art tend to have a more positive outlook on life and a greater respect for national traditions and universal values. In this sense, if we say that music has an incomparable, divine influence that cannot be measured or compared to anything else, we are expressing a profound truth.

After Uzbekistan gained independence, international art festivals entered a new phase. All large-scale events that have been held, and are currently being held, are consistently covered by the mass media and press. In recent years, new international festivals in various fields of art and culture have been organized and conducted at a very high level. The most important aspect is that the process of organizing and conducting biennales and festivals is continuously improving and modernizing. As a result, each international festival held in our country is reaching a level where it can compete with festivals held worldwide.

International festivals serve to connect different countries not only politically but also spiritually, further strengthening relations and ensuring the continuity of mutual love and friendship between peoples. Additionally, these festivals increase the interest of various countries in the newly developing and growing Uzbekistan. This is evident from the increasing number of foreign countries expressing their desire to participate in international biennales and festivals held in our country each year.

Conclusion. In conclusion, the global impact of music and art festivals has been profound, fostering

[2] https://president.uz/uz/lists/view/7499

Figure 3: Sharq taronalari[3]

not only cultural exchange but also political and spiritual connections between nations. Uzbekistan, through its rich tradition of organizing international festivals such as the "Sharq Taronalari" and the International Bakhshi Art Festival, has played a significant role in this global cultural landscape. These events not only promote Uzbekistan's unique cultural heritage but also serve as a platform for dialogue between civilizations. Music, in particular, with its universal appeal, has the power to unite people, instilling a sense of hope and shared humanity.

The historical development of festivals worldwide, from the 19th century to the present, underscores their importance as cultural phenomena. These festivals, whether in Europe, the Americas, or Central Asia, contribute significantly to the preservation of traditional art forms while embracing modern influences. They also create opportunities for emerging talents to gain recognition on an international stage, which has been the case for many Uzbek artists and performers.

Moreover, the growing attention to the organization of festivals in Uzbekistan reflects the country's commitment to elevating its cultural status on the global stage. As these events continue to evolve, they will not only strengthen international relations but also serve as key drivers in promoting the spiritual and artistic richness of Uzbekistan, ensuring that its cultural legacy is passed on to future generations.

[3] https://president.uz/uz/lists/view/7499

REFERENCES:

Акопян, Л. О. Музыка XX века: энциклопедический словарь [20th-century music: Encyclopedic dictionary] (Е. М. Двоскина, Ed.). Москва: Практика. 2010

Жигульский, К. Праздник и культура [Celebration and culture]. Москва: Прогресс. 1985

Korza, P., & Magie, D. The arts festival work kit. Arts Extension Service. 1989

Оганов, А. А., & Хангельдиева, И. Г. Теория культуры: учебное пособие для вузов (2-е изд., испр. и доп.) [Theory of culture: Textbook for universities (2nd ed., revised and supplemented)]. Москва: ФАИР-ПРЕСС. 2003

Ожегов, С., & Шведова, Н. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Москва: Азбуковник. 1995

Wikipedia contributors. (n.d.). Фестиваль [Festival]. In Wikipedia, the free encyclopedia. Retrieved from https://ru.wikipedia.org/фестиваль

MUNDARIJA

IPAK YO'LI MADANIY MEROS OBYEKTLARI: TADQIQ ETISH, SAQLASH, OMMALASHTIRISH

Universitet rektorining so'zi.....4
Institut direktorining so'zi 5
Gulnara Abdrasilova, Mexribanu Glaudinova. Buyuk ipak yo'li bo'ylab joylashgan turkiylarning arxitektura merosini o'rganish masalasi.....10
Yevgeniy Abdullayev. XIX asr oxiri-XX asr boshlari O'rta Osiyo nasroniylar arxitektura yodgorliklari: tarixi, uslubiy xususiyatlari, saqlanishi.....20
Raximjon Avazov. Amir Temur maqbarasini tiklashning dolzarbligi 27
Nafisa Gilmanova. Kitob qal'asi 33
Michael P. Downs. Fan, san'at va e'tiqod: islom me'morchiligining ko'p konfessiyali merosini o'rganish (Loyiha Templeton diniy tresti tomonidan moliyalashtiriladi).....40
Oleg Dvurechenskiy, Nigora Dvurechenskaya. Uzundara qal'asi bilan Xan qurol-aslahalari 46
Jens Jordan. XXI asr Samarqandning boshlarida 52
Dorjsurengiyn Uranchimeg. Amarbayasgalant maqbarasi (Mongoliya). XVIII asr arxitektura ansambli Buyuk Ipak yo'li amal qilish davridagi o'zaro madaniy aloqasi davomi sifatida.....60
Abdumannop Ziyayev. Toshkent vohasi shaharsozlik jarayonlarining vujudga kelishi 65
Aysulu Iskanderova. Oltin O'rda davri Xorazm kulolchiligi 71
Nargiza Qalandarova. Memoriy yodgorliklarni ta'mirlash usullari Buxoro shahri ustazodalar tajribalari misolida.....77
Saliya Mamadjanova, Rustam Mukimov. Sarazm-Markaziy Osiyo qadimgi shahar madaniyatini o'rganish masalalari 90
Sirojiddin Mirzaaxmedov, Djamal Mirzaaxmedov. Paykent qadimgi rabot-karvonsaroyning qurilish xususiyatlari va davrlashtirish bo'yicha yangi ma'lumotlar 90
Shoira Nurmuxamedova. O'zbekistonda harbiy me'morchilikning rivojlanish yo'llari – antik davrdan to o'rta asrlargacha 99
Soxiba Suleymanova. Ilk o'rta asrlarda So'g'd vohasida ijtimoiy-iqtisodiy hayot 107
Dilrabo Tosheva. Ilk o'rta asrlar Markaziy Osiyo muqaddas makonlarida sinkretik me'moriy shakllar va diniy ikonografiya: Xuttalon nazrini o'rganish.....113
Axtam Uralov, Akbarali Uralov. Buyuk Ipak yo'li me'moriy yodgorliklarida kursi, ostona, bino tarzi va badiiy tugallik shakllarining arxitekturasi 120
Fatima Xudaykulova. Samarqandda XIX asr oxirida qurilgan savdogar Mirvafo boyning uyining arxitektura xususiyatalari 125
Mahmoud Ahmed Emam. Arxitektura dialogi: Mahmud Gavon madrasasida temuriylar ta'siri va hind an'analarining kesishishi. Bidar, Hindiston 136
Rand Eppich. Kogon, Buyuk Ipak yo'lidagi Buxoro shahrining zamonaviy darvozasi 148
Fozilbek Yarashev. Kattaqo'rg'on shahri arxitekturasida XVII–XX asrlarga oid badiiy bezaklar (shift devorlar va ustunlardagi bezaklar).....153

II. IPAK YO'LI MAMLAKATLARI ARXEOLOGIK VA ME'MORIY MEROS OBYEKTLARINI TA'MIRLASH VA MUZEYLASHTIRISHNING DOLZARB MASALALARI

Mavlyuda Abbosova-Yusupova. Tosh masjidi va minorasi — Vang'ozidagi XVI-asr me'moriy durdonasi....162
Baxtiyor Babadjanov. O'zbekiston islom madaniyati yodgorliklaridagi yozuvlarni tiklash tajribasi....169
Lazzat Beysembayeva. Ipak yo'li Sirdaryo qismi inshootlari, xom g'ishtdan qurilgan yodgorliklarni saqlash va konserevatsiyalash usullari....175
Malika Beknazarova. Toshkent viloyatidagi turar-joy binolarining me'morchiligi: ta'mirlash va saqlash masalalari (Qoraxitoydagi Qozixona uyi misolida)....180
Svetlana Vivdenko, Aklia Shadmuratova, Lamprini Malletzidou. Janubiy O'zbekiston va Shimoliy Gretsiyaning qadimiy yodgorliklarida rang bezaklarini arxeometrik tekshirish....187
Bakhodir Matchonov, Rumeysa Ragsana Hasanzade. Konservatsiya va restavratsiyadan oldingi tarixiy yodgorliklarning shikastlanishi va vayron qilinganligini aniqlash va hujjatlashtirish: Tosh-xovli saroyi misolida....197
Malika Maxmudova. O'zbekiston arxitektura yodgorliklarini ta'mirlash tarixidan....206
Rustam Mukimov, Saliya Mamadjanova. Tojikistonning qadimiy shaharlarida shaharsozlik san'atini saqlash va foydalanish amaliyotini (Xo'jand misolida)....212
Sayyora Mukimova. 1930–1960-yillarda SSSR da restavratsiya ishlarini vujudga kelishi va rivojlanishi tarixi....219
Timur Nurulin. Chilonzor Oqtepasining dastlabki o'rta asrlar yodgorliklarini 3D – rekonstruksiyasi va saqlash masalalari....223
Aziza Raupova. Shaxrisabzdagi Dor-us-Saodat me'moriy majmuasi qurilishi va restavratsiyasi haqida ilmiy ma'lumotlar....231
Sitora-bonu Sadikova. Amir Temurning yo'qotilgan bog'larini arxitekturaviy qayta qurishda GIS asboblaridan foydalanish samarasi....238
Janat Seidaliyeva. Qozog'iston Respublikasida tarixiy-madaniy merosni saqlash sohasidagi davlat tomonidan tartibga solish va dolzarb masalalar....245
Akmal Ulmasov. O'zbekistonda arxeologiya va muzey ashyolarining restavrasiyasida muammo va yechimlar....249
Emine Sibel Hattap. Ipak yo'lidagi madaniy merosni muhofaza qilish misoli: Goynuk-Turkiya....256
Raxima Chekayeva. Karmanadagi Charm Gar Chor Bog' saroy majmuasini saqlash, qayta qurish va restavratsiya muammolari....261
Gil Stein. XV–XVI asr Temuriylar davridagi so'fiylar davri Langar ota masjidini saqlash, O'zbekiston: ish yuzasidan hisobot....267

III. IPAK YO'LINING TASVIRIY VA AMALIY BEZAK SAN'ATI

Nigora Axmedova. Avongard fenomeni va tarixiy-madaniy talqin masalalari....274
Nurgozel Byashimova. Buyuk Ipak yo'lida tuyalarning o'rni va turkmanlarning asriy an'analari..278
Andrey Varenov. Ipak yo'lidagi Sansinduyning marosim bronzalari: tadqiqot va yangi ma'lumotlar....284
Elmira Gyul. So'g'd shoyisi fenomeni: kolleksiyalash tarixi, atribut muammolari....290

Fasixitdin Dadamuxamedov, Bobir Dadamuxamedov. O'zbekiston zargarlik san'ati merosini o'rganish va saqlashda zargarlik maktablari ahamiyati 296
Zuxra Dosmetova. XVI asr Buxoro me'morchiligida kundal bezagi 300
Anastasiya Koroleva. XIX–XXI asrlar rus akademizm san'atida mo'g'ul-tatar zulmiga qarshi ozodlik kurashi.....306
Mariya Kudinova, Sergey Komissarov, Aleksandr Solovyev. Tyanshuydan So'g'd materiallari.....311
Dilafro'z Qurbonova. Berlin etnografiya muzeyida saqlanayotgan O'zbekistonning ayrim nodir buyumlari va ularning o'ziga xos xususiyatlari haqida 314
Shahboz Mustafoyev. Muqarnasning islom olamida tarixiy rivojlanishi va tarkibiy elementlari.....319
Yelena Paskalyova. XIX–XX asrlarda Temuriylar yodgorliklarining ixtirosi, uslubiy eslatmalari 327
Zuxra Raximova. Buxoro miniaturasi XVI–XVII asr saroy binolarining ichki qismida saqlanib qolmagan manbalari sifatida.....339
Yevgeniy Yaylenko. Ulan-Batordagi Chingizxon muzeyi. Hozirgi zamon muzeyida mo'g'ul milliy uyg'onish g'oyasi 348

IV. IPAK YO'LI MAMLAKATLARI TURIZM INDUSTRIYASIDA INNOVATSION TEXNOLOGIYALARNI RIVOJLANTIRISH MASALALARI

Yelena Danilova. Xalqaro munosababtlar dialektikasi va xalqaro munosabatlar fenomeniga xitoycha yondashuvlar.....354
Muhammad Ahmed Abdel Samea Ali Zeineddin. Diniy majmua tushunchasi turistik diqqatga sazovor joy sifatida: Samarqand misol sifatida 362
Djumamedel Imankulov, Aygul Nasridinova. Ipak yo'li nuqtayi nazaridan arxitektura va shaharsozlik konsepsiyasining globallashuvi va mahalliylashuvi.....367
Sayyora Ismailova. Raqamli marketing strategiyasi asosida O'zbekiston va boshqa Ipak yo'li mamlakatlari sayyohlik sanoati bozori rivoji 372
Zamira Ishanxodjayeva. Buyuk Ipak yo'li tarixiy-madaniy merosini saqlashda sun'iy intellekt va raqamli texnologiyalar 377
O'ktam Mavlanov. Buyuk Ipak yo'lidagi yo'lbo'yi inshootlari (O'zbekiston va qo'shni hududlar misolida) 382
Akmal Raimkulov. Samarqanddagi Xo'ja Abdi Berun majmuasi me'morchiligi va uning ziyorat turizmini rivojlantirishdagi o'rni 390
Baxram Sadullayev. Meshekli-Qal'a karvonsaroyi: yodgorlikni saqlash masalalari va turistik obyekt sifatida foydalanishning istiqbollari.....394
Jibek Sızdıkova, Olga Kobzeva, Nodirabegim Vaisova. O'zbekiston tarixiy-madaniy merosini asrash va ommalashtirishda axborot texnologiyalari 400
Muxsin Xidirov. O'zbekistondagi gidrotexnika inshootlaridan turistik maqsadlarda madaniy meros obyektlari sifatida foydalanish 406
Toxirjon Shokirov. Sayyohlik sohasida Mag'rib mamlakatlari tajribasi va uni O'zbekistonda "Ipak yo'li" brendi rivojida qo'llash.....412
Davron Shukurov. Turizmni rivojlantirishda biyennale va festivallarning ahamiyati.....417

CONTENTS

I. OBJECTS OF TANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF THE SILK ROAD: RESEARCH, PRESERVATION, POPULARISATION

Rector's Address 6
Director's Address....6
Gulnara Abdrasilova, Mehribanu Glaudinova. On the Issue of Studying the Architectural Heritage of the Turks on the Great Silk Road 10
Evgeny Abdullaev. Monuments of Christian Architecture of Central Asia of the Late 19th – Early 20th Centuries: History, Stylistic Features, Preservation....20
Rakhimzhon Avazov. The Relevance of the Revival of the Citadel of Amir Temur 27
Nafisa Gilmanova. The Medieval Fortress (Kala) of Kitab 33
Michael P. Downs. Science, Art, & Faith: Exploring the Multifaith Heritage of Islamic Architecture (a Project Funded by the Templeton Religion Trust)....40
Oleg Dvurechensky, Nigora Dvurechenskaya. Han Weapons from the Uzundara Fortress....46
Jens Jordan. Samarkand at the Beginning of the 21st Century....52
Dorjsurengiin Uranchimeg. Amarbayasgalant Monastery (Mongolia) the 18th Century Architectural Ensemble as a Continuation of the Intercultural Interaction Practice of the Silk Road Era 60
Abdumannop Ziyaev. The Formation of Urban Processes in the Tashkent Oasis....65
Aysulu Iskanderova. Ceramics of Khorezm of the Golden Horde Period 71
Nargiza Kalandarova. Methods of Repairing Architectural Monuments on the Example of Masters of Bukhara City 77
Saliya Mamadjanova, Rustam Mukimov. Sarazm: Uncovering a Proto-Urban Civilization of Central Asia....83
Sirojiddin Mirzaakhmedov, Djamal Mirzaakhmedov. New Materials for the Characterisation of Design Features and Periodisation of the Early Rabat-Caravanserai of Paykend....90
Shoira Nurmukhamedova. Development Paths of Military Architecture in Uzbekistan – from Antiquity to the Middle Ages 99
Sohiba Suleimanova. Socio-Economic Life of the Sogdian Oasis in the Early Middle Ages....107
Dilrabo Tosheva. Syncretic Architectural Forms and Religious Iconography in Early Medieval Central Asian Sacred Spaces: a Study of the Khuttalon Votive....113
Akhtam Uralov, Akbarali Uralov. Architecture of Tiered Facades, Thresholds of Buildings and the Concept of Artistic Crowning in Architectural Monuments of the Great Silk Road....120
Fatima Khudaykulova. Features of the Architecture of the Residential House of the Merchant Mir Vafobay of the Late 19th Century in Samarkand....125
Mahmoud Ahmed Emam. Architectural Dialogue: the Intersection of Timurid Influence and Indian Tradition in Mahmud Gawan's Madrasa. Bidar, India....136
Rand Eppich. Kogon, Modern Gateway to the Silk Road City of Bukhara....148
Fozilbek Yarashev. Artistic Decorations of the 17th–20th Centuries in the Architecture of the City of Kattakurgan (Decor of the Ceiling, Walls and Columns)....153

II. TOPICAL ISSUES OF RESTORATION AND MUSEUMIFICATION OF ARCHAEOLOGICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE OBJECTS OF THE SILK ROAD COUNTRIES

Mavlyuda Abbasova-Yusupova. Tash-Mosque and Minaret — 16th Century Architectural Masterpieces in Vangazi Village....162
Bakhtiyor Babadzhanov. Experience of Restoration of Inscriptions on Memorial Monuments of Islamic Culture of Uzbekistan 169
Lazzat Beisembayeva. Objects of the Syrdarya Corridor of the Silk Road, Methods of Preservation and Conservation of Adobe Monuments....175
Malika Beknazarova. Architecture of Folk Residential Buildings in the Tashkent Region: Issues of Restoration and Preservation (on the Example of the Kazia House in Karakhitoya)....180
Svetlana Vivdenko, Aklia Shadmuratova, Malletzidou Lamprini. Archaeometric Investigation of the Colour Decoration in Ancient Monuments of Southern Uzbekistan and Northern Greece....187
Bakhodir Matchonov, Rumeysa Ragsana Hasanzade. Identifying and Documenting Damage and Destruction of Historical Monuments Before Conservation and Restoration: the Example of the Tash-Khovli Palace....197
Malika Makhmudova. From the History of Restoration of Architectural Monuments of Uzbekistan 206
Rustam Mukimov, Saliya Mamadjanova. Practice of Preservation and Use of Urban Planning Art in Ancient Cities of Tajikistan (on the Example of Khujand)....212
Sayora Mukimova. History of the Formation and Development of Restoration Work in the USSR in the 1930-1960s 219
Timur Nurulin. 3D Reconstruction and Issues of Preservation of the Early Medieval Monument Aktepa Chilanzar....223
Aziza Raupova. Scientific Information on the Construction and Restoration of the Dor Us-Saodat Memorial Complex in Shakhrisabz....231
Sitora-bonu Sadikova. Efficiency of Using GIS Tools in the Architectural Revival of the Lost Samarkand Gardens of Amir Temur....269
Zhanat Seidalieva. State Regulation and Current Issues in the Field of Preservation of Historical and Cultural Heritage in the Republic of Kazakhstan....238
Akmal Ulmasov. Problems and Solutions in Restoration of Archaeological and Museum Artifacts in Uzbekistan....249
Emine Sibel Hattap. Cultural Heritage Protection Example on the Silk Road: Göynük –Turkey....256
Rakhima Chekaeva. Problems of Preservation, Reconstruction and Restoration of the Palace Complex Charm Gar Chor Bog in Karmana 261
Gil Stein. Preserving the 15th–16th Century Timurid Period Sufi Mosque of Langar Ota, Uzbekistan: a Progress Report....267

III. DECORATIVE, APPLIED AND FINE ARTS OF THE SILK ROAD

Nigora Akhmedova. The Phenomenon of the Uzbek Avant-Garde and the Issues of Interpretation of the Historical and Cultural Context....274
Nurgozel Byashimova. The Role of the Camel on the Great Silk Road and the Age-Old Traditions of the Turkmens....278
Andrey Varenov. Ritual Bronzes of Sanxingdui on the Silk Road: Research and New Data....284

Elmira Gul. The Phenomenon of Sogdian Silk: History of Collecting, Attribution Issues.....290
Fasihitdin Dadamuhamedov, Bobir Dadamukhamedov. The Importance of Jewellery Schools in the Study and Preservation of the Heritage of Jewellery Art of Uzbekistan.....296
Zukhra Dosmetova. Kundal Decor in the Architecture of Bukhara in the 16th Century.....300
Anastasia Koroleva. The Liberation Struggle Against the Mongol-Tatar Yoke in the Mirror of Russian Academic Art of the 19th–21st Centuries.....306
Maria Kudinova, Sergey Komissarov, Alexander Soloviev. Sogdian Materials from Tianshui.....311
Dilafruz Kurbonova. On Some Objects Related to Uzbekistan and Their Main Features Stored in the Berlin Ethnographic Museum 314
Shahboz Mustafoev. Historical Development and Constituent Elements of Muqarnas in the Islamic World.....319
Elena Paskaleva. Inventing the Timurid Monuments in the 19th and 20th Centuries Methodological Notes 327
Zukhra Rakhimova. Bukhara Miniature as a Visual Source of the Unpreserved Interior Decor of Palace Buildings of the 16th–17th Centuries.....339
Evgeniy Yailenko. Genghis Khan Museum in Ulaanbaatar. Ideas of Mongolian National Revival in a Modern Museum 348

IV. ISSUES OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE TOURISM INDUSTRY OF THE SILK ROAD COUNTRIES

Elena Danilova. Dialectics of International Relations in China and Chinese Approaches to the Phenomenon of International Relations.....354
Muhammad Ahmed Abdel Samea Ali Zeineddin. The Concept of Religious Complex as a Tourist Attraction: Samarkand as a Case Study.....362
Jumamedel Imankulov, Aigul Nasridinova. The Silk Road in the Context of Globalization and Local Concepts of Architecture and Urban Development.....367
Sayora Ismailova. Development of the Tourism Industry Market in Uzbekistan and Other Silk Road Countries Based on Digital Marketing Strategies.....372
Zamira Ishankhodjaeva. Artificial Intelligence and Digital Technologies in Preserving the Historical and Cultural Heritage of the Great Silk Road: Experience and Prospects.....377
Uktam Mavlanov. Roadside Objects on the Great Silk Road (on the Example of Uzbekistan and Neighbouring Countries).....382
Akmal Raimkulov. Architecture of the Khoja Abdi Berun Complex in Samarkand and Its Role in the Development of Pilgrimage Tourism.....390
Bakhram Sadullaev. Meshekli-Kala Caravanserai: Issues of Preservation of the Monument and Prospects of Its Use as a Tourist Attraction.....394
Zhibek Syzdykova, Olga Kobzeva, Nodirabegim Vaisova. Information Technologies in the Preservation and Popularisation of the Historical and Cultural Heritage of Uzbekistan.....400
Mukhsin Khidirov. Use of Hydrotechnical Structures in Uzbekistan as Cultural Heritage Objects for Tourism Purposes.....406
Tokhirjon Shokirov. Experience of the Maghreb Countries in the Sphere of Tourism and Its Application in the Development of the "Silk Road" Brand in Uzbekistan.....412
Davron Shukurov. The Role of Biennales and Festivals in the Development of Tourism.....417

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЪЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ИССЛЕДОВАНИЯ, СОХРАНЕНИЕ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

Приветствие ректора университета.....7
Приветствие директора института.....7
Гульнара Абдрасилова, Мехрибану Глаудинова. К вопросу изучения архитектурного наследия тюрков на Великом шелковом пути.....10
Евгений Абдуллаев. Памятники христианской архитектуры Средней Азии конца XIX — начала XX века: история, стилевые особенности, сохранение.....20
Рахимжон Авазов. Актуальность возрождения цитадели Амира Темура.....27
Нафиса Гильманова. Калъа Китаба.....33
Майкл П. Даун. Наука, искусство и вера: изучение многоконфессионального наследия исламской архитектуры (проект, финансируемый религиозным фондом Templeton).....40
Олег Двуреченский, Нигора Двуреченская. Предметы вооружения Хань с крепости Узундара.....46
Йенс Джордан. Самарканд в начале 21 века.....52
Уранчимэг Доржсурэнгийн. Монастырь Амарбаясгалант (Монголия). Архитектурный ансамбль XVIII века как продолжение практики межкультурного взаимодействия эпохи существования великого Шелкового пути.....60
Абдуманнон Зияев. Становление урбанистических процессов Ташкентского оазиса.....65
Айсулу Искандерова. Керамика Хорезма золотоордынского периода.....71
Наргиза Каландарова. Методы ремонта памятников архитектуры на примере мастеров города Бухары.....77
Салия Мамаджанова, Рустам Мукимов. Вопросы изучения Саразма — протогородской цивилизации Центральной Азии.....83
Сирожиддин Мирзаахмедов, Джама Мирзаахмедов. Новые материалы к характеристике конструктивных особенностей и периодизации раннего рабата — каравансарая Пайкенда.....90
Шоира Нурмухамедова. Пути развития военной архитектуры Узбекистана — от античности до средневековья.....99
Сохиба Сулейманова. Социально-экономическая жизнь Согдийского оазиса в раннем средневековье.....107
Дильрабо Тошева. Синкретические архитектурные формы и религиозная иконография в сакральных пространствах Центральной Азии раннего средневековья: исследование вотивного обряда Хутталон 113
Ахтам Уралов, Акбарали Уралов. Архитектура фасадов ярусов, порогов зданий и понятие художественного венчания в архитектурных памятниках Великого шелкового пути.....120
Фатима Худайкулова. Особенности архитектуры жилого дома купца Мирвафобая конца XIX века в Самарканде.....125
Махмуд Ахмед Эмам. Архитектурный диалог: пересечение Тимуридского влияния и индийской традиции в медресе Махмуда Гавана. Бидар, Индия.....136
Рэнд Эппик. Когон — современные ворота в Бухару, город Великого шелкового пути.....145
Фозилбек Ярашев. Художественные украшения XVII–XX веков в архитектуре города Каттакургана (декор потолка, стен и колонн).....153

II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕСТАВРАЦИИ И МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ И АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТРАН ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Мавлюда Аббасова-Юсупова. Таш-мечеть и минарет — архитектурные шедевры XVI века села Вангази....162
Бахтиер Бабаджанов. Опыт реставрации надписей на мемориальных памятниках исламской культуры Узбекистана....169
Лаззат Бейсембаева. Объекты Сырдарьинского коридора Шелкового пути, методы сохранения и консервации сырцовых памятников....175
Малика Бекназарова. Архитектура народных жилых домов Ташкентской области: вопросы реставрации и сохранения (на примере дома Казия в кишлаке Карахитойе)....180
Светлана Вивденко, Аклия Шадмуратова, Маллетзиду Ламприни. Археометрическое исследование цветового декора древних памятников Южного Узбекистана и Северной Греции....187
Баходир Матчонов, Румейса Рагсана Гасанзаде. Выявление и документирование повреждений и разрушений исторических памятников перед консервацией и реставрацией: на примере дворца Таш-Хаули....197
Малика Махмудова. Из истории реставрации памятников архитектуры Узбекистана....206
Рустам Мукимов, Салия Мамаджанова. Практика сохранения и использования объектов градостроительства в древних городах Таджикистана (на примере Худжанда)....212
Сайёра Мукимова. История становления и развития реставрационного дела в СССР в 1930–1960-х годах....219
Тимур Нурулин. 3D-реконструкция и вопросы сохранения раннесредневекового памятника Актепа Чиланзар....223
Азиза Раупова. Научные сведения о строительстве и реставрации мемориального комплекса Дор ус-Саодат в г. Шахрисабзе....231
Ситора-бону Садикова. Эффективность использования инструментов ГИС в архитектурном возрождении утраченных садов Амира Темура....238
Жанат Сеидалиева. Государственное регулирование и актуальные вопросы сферы сохранения историко-культурного наследия в Республике Казахстан....245
Акмал Улмасов. Проблемы и решения в реставрации археологических и музейных предметов в Узбекистане....249
Эмине Сибель Хаттап. Пример охраны культурного наследия на Шелковом пути: Гёйнюк – Турция....256
Рахима Чекаева. Проблемы сохранения, реконструкции и реставрации дворцового комплекса Чарм Гар Чор Бог в Кармана....261
Гил Штейн. Сохранение суфийской мечети периода Тимуридов XV–XVI вв. в Лангар-Ота, Узбекистан: отчет о ходе работ....267

III. ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Нигора Ахмедова. Феномен узбекистанского авангарда и вопросы интерпретации историко-культурного контекста....274

Нургозель Бяшимова. Роль верблюда на Великом шелковом пути и вековые традиции туркмен....278
Андрей Варенов. Ритуальные бронзы Саньсиндуя на Шелковом пути: исследования и новые данные....284
Эльмира Гюль. Феномен согдийского шелка: история коллекционирования, проблемы атрибуции....290
Фасихитдин Дадамухамедов, Бобир Дадамухамедов. Значение ювелирных школ в изучении и сохранении наследия ювелирного искусства Узбекистана....296
Зухра Досметова. Декор «кундаль» в архитектуре Бухары XVI века....300
Анастасия Королева. Освободительная борьба против монголо-татарского ига в зеркале искусства русского академизма XIX–XXI веков....306
Мария Кудинова, Сергей Комиссаров, Александр Соловьев. Согдийские материалы из Тяньшуй....311
Дилафруз Курбонова. О некоторых предметах, связанных с Узбекистаном и хранящихся в Этнографическом музее Берлина, и их основных характеристиках....314
Шахбоз Мустафоев. Историческое развитие и составные элементы Мукарнаса в исламском мире....319
Елена Паскалёва. Методологические подходы в изучении памятников Тимуридов XIX–XX вв....327
Зухра Рахимова. Бухарская миниатюра как визуальный источник дворцовых интерьеров и их декора XVI–XVII веков....339
Евгений Яйленко. Музей Чингисхана в Улан-Баторе. Идеи монгольского национального возрождения в современном музее....348

IV. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ СТРАН ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Елена Данилова. Диалектика международных отношений в Китае и китайских подходов к феномену международных отношений....354
Мухаммад Ахмед Абдель Самеа Али Зейнеддин. Концепция религиозного комплекса как туристической достопримечательности на примере Самарканда....362
Джумамедель Иманкулов, Айгул Насридинова. Шелковый путь в контексте глобализации и локальных концепций архитектуры и градостроительства....367
Сайёра Исмаилова. Развитие рынка туристической индустрии Узбекистана и других стран Шелкового пути на основе цифровых маркетинговых стратегий....372
Замира Ишанходжаева. Искусственный интеллект и цифровые технологии в сохранении историко-культурного наследия Великого шелкового пути: опыт и перспективы....377

Уктам Мавланов. Придорожные объекты на Великом шелковом пути (на примере Узбекистана и соседних регионов).....382
Акмал Раимкулов. Архитектура комплекса Ходжа Абди Беруна в Самарканде и его роль в развитии паломнического туризма.....390
Бахрам Садуллаев. Караван-сарай Мешекли-Кала: вопросы сохранения памятника и перспективы его использования в качестве туристического объекта.....394
Жибек Сыздыкова, Ольга Кобзева, Нодирабегим Ваисова. Информационные технологии в сохранении и популяризации историко-культурного наследия Узбекистана.....400
Мухсин Хидиров. Использование гидротехнических сооружений Узбекистана как объектов культурного наследия в туристический целях 474
Тохиржон Шокиров. Опыт стран Магриба в сфере туризма и его применение в развитии бренда «Шелковый путь» в Узбекистане 412
Даврон Шукуров. Роль биеннале и фестивалей в развитии туризма.....417

“Ipak yo‘lining moddiy madaniy merosini o‘rganish va saqlashning dolzarb masalalari” I Xalqaro ilmiy-amaliy simpozium materiallari. Samarqand, 2025. – 432 b.

Proceedings of the I International Scientific and Practical Symposium “Current Issues of Study and Preservation of the Tangible Cultural Heritage of the Silk Road”. Samarkand, 2025. – 432 p.

Материалы I Международного научно-практического симпозиума «Актуальные вопросы изучения и сохранения материального культурного наследия Шелкового пути». Самарканд, 2025. – 432 с.

Texnik muharrirlar:
Ilona Ilyasova
Lyudmila Abdullayeva
Mahmoud Emam
Dilrabo Tosheva
Hamdamjon Ismoilov

Technical editors:
Ilona Ilyasova
Lyudmila Abdullaeva
Mahmoud Emam
Dilrabo Tosheva
Khamdamzhon Ismoilov

Технические редакторы:
Илона Ильясова
Людмила Абдуллаева
Махмуд Эмам
Дильрабо Тошева
Хамдамжон Исмоилов

Dizayner:
Olmosjon Narkulov

Layout designer:
Olmosjon Narkulov

Дизайнер верстки:
Олмосжон Наркулов

Nashriyot litsenziyasi № 1006-926a51a-410a-4237-1355-6372. 2021-05-19
Bosishga ruxsat etildi: 6.02.2025 y.
Qog‘oz bichimi 60x84 1/8.
Arno Pro ganiturasida bosildi.
Ofset uslubida oq qog‘ozda chop etildi. Adadi 180 nushada.
Bosma tabog'i 27. Buyrtma №12

Murojaat uchun telefon:
(+99897) 746-71-73
“Evrika” nashriyot-matbaa uyi.
Manzil: Toshkent sh. Mirobod tumani, 3-uy.